

В память о Валентине Григорьевиче Распутине мы публикуем фрагменты из его интервью разных лет и поминальные слова ведущих современных русских писателей.

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

Это начало начал – власть национального доверия. Россия, свалившись в заготовленную для неё яму, ушиблась жестоко, переломала кости, в её теле – травма на травме, но не убилась, поднять её можно. Антинародная политика властей привела к тому, что не только стали растаскивать государственные богатства, но и принялись уходить из государства люди, притом в массовом порядке. Я имею в виду не эмиграцию в Америку или Израиль, а устранение от своих обязанностей по отношению к государству, то есть эмиграцию внутреннюю. В избирательных списках эти люди присутствуют, но из агонизирующего государственного организма они вышли и живут только своими интересами, занятые собственным спасением. Это граждане автономного существования, сбитые в небольшие группы, сами себя защищающие, сами себя поддерживающие материально и духовно. Это как старообрядцы в прежние времена, не желающие мириться с чужебесием нового образа жизни. Если бы удалось вернуть их на государственную службу, а для этого надо, чтобы власть признала и сказала им, что России без них нет, когда они убедятся, что положение меняется и государством управляют патриоты, то не смогут не влиться в самую деятельную и здоровую силу. Народ силён подъёмным, восходительным настроением, появившейся перед ним благородной целью. В России больше 80 процентов русских, надо, не боясь национализма, обратиться к их национальному чувству. От национализма культурного, озабоченного воспитанием народа в лучших (в лучших!) национальных традициях, никому опасности быть не может. Напротив, это – сдерживающее начало от агрессивности, которая сейчас, к несчастью, поразила весь мир. Что плохого, если мы учим: нельзя мне поступать дурно, ибо я русский.

1993

* * *

Зачем патриотизм? А зачем любовь к матери, святое на всю жизнь к ней чувство? Она тебя родила, поставила на ноги, пустила в жизнь – ну, и достаточно с неё, дальше каждый сам по себе. На благословенном Западе почти так и делается, оставляя во взрослости вместо чувства кой-какие обязанности.

Любовь к Родине – то же, что чувство к матери, вечная благодарность ей и вечная тяга к самому близкому существу на свете. Родина дала нам всё, что

мы имеем, каждую клеточку нашего тела, каждую родинку и каждый изгиб мысли. Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме, поэтому повторяться не стану. Напомню лишь, что патриотизм – это не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землёй, но, прежде всего, долг перед нею, рвание за её духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с её страданиями и радостями. Человек в Родине – словно в огромной семейной раме, где предки взыскуют за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своём Родину, не запутается, не опустится, не озверееет, ибо она найдёт способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

1993

* * *

Родина – это, прежде всего, духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом “территория”. Слишком многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина – он любит и защищает всё доброе и слабое на свете, нет – всё ненавидит и всё готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рожденья и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее – живём же мы в своих детях и внуках бесконечно. Бесконечно, пока есть Родина. Вне её эта связь прерывается, память слабеет, родство теряется.

Для меня Родина – это, прежде всего, Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию. Нельзя представить Родину без Троице-Сергиевой лавры, Оптиной пустыни, Валаама, без поля Куликова и Бородинского поля, без многочисленных полей Великой Отечественной... .

Родина больше нас. Сильней нас. Добрей нас. Сегодня её судьба вручена нам – будем же её достойны.

1996

* * *

Я понимаю себя и всегда понимал всё-таки как писателя русского. Советское имеет две характеристики – идеологическую и историческую. Была петровская эпоха, была николаевская, и люди, жившие в них, естественно, были представителями этих эпох. Никому из них и в голову не могло прийти отказываться от своей эпохи. Точно так же и мы, жившие и творившие в советское время, считались писателями советского периода. Но идеологически русский писатель, как правило, стоял на позиции возвращения национальной и исторической России, если уж он совсем не был зашорен партийно.

Литература в советское время, думаю, без всякого преувеличения могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось предъявлять всю художественную мощь вместе с духоподъёмной силой возрождающегося национального бытия. Литературе, как и всякой жизненной силе, чтобы быть яркой, мускулистой, требуется сопротивление материала. Это не обязательно цензура (хотя я всегда был за нравственную цензуру или за нравственную полицию – как угодно её называйте!); это могут быть и скрыто противостоящие механизмы, вроде общественного мнения.

1997

* * *

Вот это сейчас опаснее всего — клеймить народ, унижать его сыновним проклятием, требовать от него нереального образа, который мы себе нарисовали. Его и без того непрерывно шельмуют и оскорбляют в течение десяти лет из всех демократических рупоров. Думаете, с него всё как с гуся вода? Нет, никакое поношение даром не проходит. Откуда же взяться в нём воодушевлению, воле, сплочённости, если только и знают, что обируют его и физически, и морально?..

Народ надо понять. Его все предали. В коммунизме он усомнился, потому что тот, владея огромной мощью, им же, народом, созданной, сдал себя без всякого сопротивления; brave генералы, патриотические басы которых действовали взбадривающе, принимались торговать народом, как дворовыми людишками при крепостничестве, прежде чем взлетали во власть; знаменитые выходцы из народа, прославленные на весь мир, вроде Михаила Ульянова и Виктора Астафьева, взяли сторону власти, которая откровенно отдала народ на закание.

Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают все население или всего лишь простонародье. Он — коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, вручённые нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определённого часа, в который и способна взбугриться, словно под давлением формировавших веков.

Достоевским замечено: “Не люби ты меня, а полюби ты моё”, — вот что вам скажет народ, если захочет удостовериться в искренности вашей любви к нему”. Вот эта жизнь в “своём”, эта невидимая крепость, эта духовная и нравственная “утварь” национального бытия и есть мерило народа.

Так что осторожнее с обвинениями народу — они могут звучать не по адресу.

Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих. Всё, что могло купиться на доллары и обещания, — купилось; всё, что могло предавать, — предало; всё, что могло согласиться на красиво-унизительную и удало-развратительную жизнь, — согласилось; всё, что могло пресмыкаться, — пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст. Её, эту коренную породу, я называю “второй” Россией в отличие от “первой”, принявшей чужую и срамную жизнь. Мы несравненно богаче: с нами — поле Куликово, Бородинское поле и Прохоровское, а с ними — одно “Поле чудес”.

1998

* * *

Я склонен считать, что ни одного патриота, то есть человека, гражданина, способного выработать в себе любовь к исторической России, но не выработавшего её по недостатку нашей агитации, мы не потеряли. Патриотизм не внушается, а подтверждается — многого ли стоили бы мы, если бы нас нужно было учить думать и говорить по-русски! Я не знал слова “патриот”, но сызмальства нёс в себе благодарность родной земле за своё рождение и за свою принадлежность к русскому народу. Убить эту благодарность можно было только вместе со мной.

1998

* * *

Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это — правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит на-

род, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую силу, одинаковое государственное тягло для всех субъектов Федерации. Это – покончить с обезьяньим подражательством чужому образу жизни, остановить нашествие иноземной уродливой “культуры”, создать порядок, который бы шёл по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его. Прав был Михаил Меньшиков, предреволюционный публицист, предупреждавший, что никогда у нас не будет свободы, пока нет национальной силы. К этому можно добавить, что никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки!

От этих истин стараются уйти – вот в чём суть “идейных” поисков. Политические шулеры всё делают для того, чтобы коренную национальную идею, охранительную для народа, подменить чужой национальной или выхолостить нашу до безнациональной буквы.

1998

* * *

У меня впечатление, что молодёжь – то как раз не “вышла” из России. Вопреки всему, что на неё обрушилось. Окажись она полностью отравленной и отчуждённой от отеческого духа, в этом не было бы ничего удивительного, потому что от начала “перестройки” она выростала в атмосфере поношения всего родного и оставлена была как государственным попечением, так и попечением старших поколений, которые разбирались между собой и своими партийными интересами.

Из чего я делаю эти выводы? Из встреч с молодёжью в студенческих и школьных аудиториях, из разговоров с ними, из наблюдений, из того, что молодые пошли в храмы, что в вузах опять конкурсы – и не только от лукавого желания избежать армии, что всё заметней они в библиотеках. Знаете, кто больше всего потребляет “грязную” литературу и прилипает к “грязным” экранам? Люди, близкие к среднему возрасту, которым от тридцати до сорока. Они почему-то не умеют отстоять свою личность. А более молодые принимают национальный позор России ближе к сердцу, в них пока нетвёрдо, интуитивно, но всё-таки выговаривается чувство любви к своему многострадальному Отечеству.

Молодёжь теперь совсем иная, чем были мы, более шумная, открытая, энергичная, с жадной шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чуждость. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас – за глаза, что, возможно, воспитывает её лучше патриотических лекций. Она не может не видеть, до каких мерзостей доходят “воспитатели” из телевидения, и они помогают ей осознать своё место в жизни. Молодые не взяли на себя общественной роли, как во многих странах мира в период общественных потрясений, но это и хорошо, что студенчество не поддалось на провокацию, когда вокруг него вилась армия агитаторов за “свободу”.

Ещё раз повторю: сбитых с толку и отравленных, отъятых от родного духа немало. Даже много. Но немало и спасшихся, и спасающихся, причём самостоятельно, почти без всякой нашей поддержки. Должно быть, при поддержке прежних поколений, прославивших Россию.

1998

* * *

Никакого врожденного антисемитизма у русских быть не может, если не принимать за антисемитизм их национальность. Когда евреи находятся на одном уровне жизни и отношений с русскими и другими, к ним не может быть и настороженности: вместе работаем, вместе мыкаем горе. В этих условиях, в условиях круговой разрухи, помощь друг другу естественна, она не имеет ничего общего с круговой порукой, как на более высоких уровнях власти и влияния. Вот там, на более высоких уровнях, реваншизм, притом грубый, откровенный, налицо – словно один народ и создан для власти, а второй –

для подчинения, один – судия, второй – подсудимый, один изначально несёт в себе победу, второй – поражение.

Помните, в 1989–1990-х годах не однажды назначались даты еврейских погромов? Их не было и быть не могло, зато по окраинам бывшего Советского Союза прокатились русские погромы. Кого боялись евреи, напуская оглушительный шум по поводу якобы готовящегося избиения? Боялись васильевской “Памяти”? Да чепуха, они прекрасно знали, что Д. Васильев не опасен, что скоро запутается он в трёх соснах и сойдёт на нет. А шум нужен был, чтобы, что называется, голыми руками в накалённой обстановке таскать из огня каштаны. Когда шум, наконец, умолк и дым рассеялся, прежнего государства уже не существовало, зато явлены были миру образы Березовского, Гусинского, Смоленского, Чубайса, Немцова и других, захвативших власть. Тут можно было бы привести множество циничных откровений по поводу этой победы, а также спеси и презрения к нашему народу. Кто же кого должен бояться? И разве неверно, что там, где кричат об антисемитизме, нужно искать русофобию, стремление к окончательной победе, чтобы и писка нашего не возникало.

1999

* * *

Ощущение резервации, куда загнана русская культура, остаётся. Скромно и незаметно отпраздновали столетие Леонида Леонова и столетие Андрея Платонова. Последнего демократия 80-х годов эксплуатировала нещадно, но замазать его национальное нутро не смогла и теперь в почестях отказала. А Леонов для духовной родни Грацианского всегда был чужим, его даже на время нельзя было присвоить. Отсюда и вполне объяснимое отношение.

Но знаете, я не вижу в этом трагедии. Несправедливость – да, бессовестная подмена значимости литературных имён – да, жесточайшая цензура в отношении к “своим” и “чужим” – да; но Леонова, эту глыбу, эту высоту русской словесности, Приставкиным или Аксёновым всё равно не закрыть. Можно пулять ими по Мастеру, но ему от этого ничего не сделается, а легковесные снаряды пострадают. И пусть Окуджаве открывают хоть десять музеев, но если нет музея Леонову или Платонову, все окуджавские музеи недействительны и нравственно несостоятельны. Литература (а тут речь надо вести и обо всём искусстве!) – не тайга, где звери, захватывая чужую территорию, метят её, ну, скажем мягко, своим духом. В литературе величие назначается по таланту и по сделанному не для так называемой элиты, а для народа.

2000

* * *

Они и не могут поступать иначе. Захватили в свои руки богатейшую страну, захватили мощнейшее оружие воздействия на массы – ясно, что они будут пользоваться этим оружием до последнего часа, чтобы удержать власть. И русская культура для них, пусть даже и в дозированном виде, – это ослабление их идеологии.

На чём держится их идеология? Да ни на чём, кроме эгоизма, чистогана и ненависти к исторической России. Может ли на этом долго продержаться государство с огромными запасами культурного и духовного богатства, то есть может ли оно держаться на самоотрицании? Нет, не может. Большевики в 1917-м поняли это быстрее, чем либералы в 1991-м. Наши либералы, быстро переродившиеся в радикалов, попали сейчас в ловушку: и без исторической России им не продержаться, и национальную Россию позволять опасно. Они бы хотели разделить её, историческую и национальную, но это тем более невозможно.

2000

* * *

Это — знакомая порода людей, известный психологический тип. России стало трудно, потребовались воля, терпение, подвижничество, даже мученичество, чтобы жить в ней, на подвижничество и мученичество они не способны — отсюда и прибавление к этому типу. Сначала они отказываются от немогущей матери (не публично, но в душе: “Она уже ни на что не годится, без неё мне было бы удобней”), потом — отказ от ослабевшей в несчастьях Родины, а затем, перевези их завтра в Америку и не придётся она им по душе, ибо, конечно же, Америка не произведёт их в герои и нянчиться с ними не станет, — затем проклятия в адрес всего мира и — “пусть на месте всей земной суши образуется бездонный океан”!

Конечно, объяснить этот сорт людей можно, но понять и принять их присутствие среди нас очень трудно. Иное дело — духовные чужаки, захватившие в России власть и занятые перестройкой её по своим потребностям. Они всё делают для того, чтобы оболгать Россию, опорочить её прошлое, оклеветать народ, вызвать в нас, простодушных, неприязнь к своему родительскому миру. Тут война, самая настоящая война, пока идеологическая, духовная, в которой поношение России стало оружием растления. Всё ясно. На войне — как на войне. Но надо иметь какой-то уж очень тяжёлый душевный изъян, какое-то уж очень слабое притяжение к родному, чтобы, будучи русским по рождению (да и татарин, башкиром, якутом тоже), с таким бешенством восстать даже против самого факта существования России. Бог с ними, у них будет свой крест. Россия от подобного новодиссидентства пострадать не может. У неё, надо думать, на этот случай сделаны запасы. Массового исхода из неё, пока она остаётся собою, не предвидится, а не любящим её, сморщившим своё сердце от идеала чужого рая, — туда и дорога.

2000

* * *

Идеализировать советский период не надо, тягот, происходящих из твердолобой идеологии, не желавшей поступиться ни одной буквой, хватало. За это и поплатился коммунизм, получив Горбачёва. Но социальные завоевания будут долго ещё нам сниться, как чудный сон. Да и, кроме того, как можно отвергать целую историческую эпоху, в которой страна добилась невиданного могущества и стала играть первую роль в мире?! Это так же недостойно, как полностью отвергать предыдущий, монархический, период, который длился сотни лет, выстроил империю в самых обширных границах, а народ наш выстроил в такой духовной “архитектуре”, что в красоте и тайне своей она не постигнута до сих пор! И это она дала Достоевскому право заявить о всемирности русского человека и вывести её, всемирность, из национальных качеств. Но и в том, и другом случаях, как в случае с империей, так и с коммунизмом, обе системы рухнули, прежде всего, от внутреннего разложения. Самые талантливые и верные защитники монархии на исходе её — М. Меньшиков, Л. Тихомиров, В. Розанов — в голос вынуждены были признать: “прогнившее насквозь царство”, “отшедший порядок вещей”, “монархия разрыхлилась”. Последние дни коммунизма проходили на наших глазах; мы свидетели того, что он не мог себя отстоять ни единым решительным действием. Как в том, так и в другом случаях обновление было необходимо. Но было необходимо обновление, а не полное разрушение и полное противопоставление. Не общественное бешенство, не расправа с тысячелетней традицией, равно как и с лучшим из последнего перед “рынком” строя. Силы, ввергнувшие Россию в катастрофу, известны, они сейчас жируют и насмеются над нашей неспособностью извлекать уроки. Известен и тот “вол”, которому вновь предстоит из последних сил вытягивать страну из пропасти, — народ наш, ему никак не дают выбраться из непосильной истязки. Мы твердим: национальное, национальное... Не было в XX веке национальной политики в отношении к русскому человеку, и всё “передовое человечество” призвали сейчас, чтобы не было её и в XXI веке.

2001

* * *

Индивидуализм – психология западного человека, она выстраивалась долгое время и создала вокруг себя особый мир, служащий ей особой верой и особой правдой. Не будем сейчас его обсуждать, пусть считается, что он хорош там, на его родине, но нам эта психология не может быть полезной, ибо мы устроены по-иному. У нас своя вера и своя правда. Без литургии, как мирской, так и церковной в значении общей, хоровой службы, мы бы уж сотню раз пропали.

Постараемся же выжить и на этот раз, держась друг друга, друг другу помогая, спасаясь соборными нравственными законами.

2001

* * *

Русский язык может быть спасён лишь в том случае, если видеть в нём не только средство элементарного общения, но и путь познания себя и своего народа, его психологии, этики, морали, веры, исторической поступи и, в конце концов, его души. Как народ выговаривает себя в устной и письменной речи, того он и стоит. Обезличенный народ скажет о себе немного. Если бы мы задалась целью самоспасения, нам бы и в голову не пришло изгонять из школы родной язык и литературу! Нам бы, напротив, потребовалось расширить их познание, потому что все остальные науки могут ложиться только на этот фундамент.

2002

* * *

Смею предположить, что процентов на восемьдесят теперешняя деятельность тянет ко дну, развращает и начальников, и подчинённых, обедняет страну и народ, создаёт атмосферу всеобщего надувательства и беззакония. Не будем уж задевать “грехи” толстовских времён, с которыми совесть не должна соглашаться, вроде производства табака и водки... Теперь много чего появилось новенького и необычайно приткого. Так много, что не знаешь, с чего и начать. Ну, вот, к примеру, всякие посреднические фирмы, опутывающие липкой сетью в несколько рядов весь путь от производителя к потребителю и паразитирующие на этих махинациях... А сколько их у нас поразвелось – всяких липовых контор, подставных фирм, банков-миражей, якобы гуманитарных фондов, обществ!.. Одно перечисление способно вогнать в грех, а ведь все они действуют, дурят нас, ошипывают страну, как жертвенную курицу! Миллионы самых крепких молодых людей с утверждением криминального порядка ушли в охранную службу, чтобы защищать этот порядок. А десятки миллионов, вынужденных заниматься “купи-продай” – делом, которое в нашем народе никогда не пользовалось уважением! А “демократические” выборы на всех уровнях, вбирающие в свою орбиту опять же миллионы готовых перегрызть друг другу горло!.. И так далее, и так далее, и ещё много раз “и так далее”... Огромное это “чёртово колесо”, обдирая своими гигантскими лопастями Россию от начала и до конца, крутится безостановочно со все нарастающим аппетитом.

Теперь наш мужик вынужден кормить не трёх генералов, а три сотни, как не больше, дармоедов. Когда бы погнать хоть половину дармоедов, а мужику вместо водки дать работу, это и была бы, я думаю, самая надёжная “концепция” спасения России. Если же всё оставить, как есть, замирая в испуге и благоговении перед могущественным словом “рынок”, всякая другая “концепция” неминуемо превратится в форму ещё одного дармоедства и паразитирования.

2003

* * *

Мне приходит на память случай, рассказанный на Афоне. Кто не знает: Афон — это тысячелетняя монашеская республика двадцати православных монастырей, в том числе нашего, Свято-Пантелеймонова, в Греции. Случай этот настолько поразительный и поучительный, что его и поныне помнят хорошо, хотя и произошёл он в конце XIX столетия, и он попал в одну из книг вместе с фотографией, удостоверяющей его, так сказать, наглядно.

Суть в следующем. Игумен монастыря, отлучаясь с Афона надолго, благословил эконома на строительство больничного корпуса внутри монастыря. Экономом с благословением не посчитался и выстроил больницу вместе с мастерскими вне монастырских стен, на берегу моря. Ослушничество его можно объяснить тем, что в миру он был человеком богатым и принёс в монастырь немалые средства, а потому считал себя на особом положении.

Вернулся игумен и потребовал отчёта: благословение в монастыре — закон незыблемый. Экономом, считая себя правым, накричал на игумена. Разругались вдрызг. Вскоре пришло время игумену покидать этот свет, и он стал призывать эконома для примирения. Раз позвал, другой — экономом не идёт. Игумен скончался, а вскоре скончался и экономом. Похоронили его подле стены храма. А на Афоне такой обычай: через три года после похорон могилу вскрывают и кости почившего, если они очистились, изымают из земли, обмывают и устраивают на полках в особом помещении, которое называется костницей. Вскрыли через три года могилу, а там неразложившийся черный труп, чернота от которого, точно в размер тела, пошла, как от пала, по каменной стене до самого верха. Зарыли быстро и принялись молиться об отпущении грехов. Ещё через три года вскрывают могилу — та же самая картина. Не принял Господь грех этого ослушника, пришлось монахам вывозить останки эконома в море и вываливать в волны.

А ведь всего только послушание, всего только отказ от примирения! И такая кара! Какая же в таком случае должна быть кара для тех, кто самочинно и преступно, преступив все человеческие и Божьи законы, принялся на свой манер “выстраивать” огромное государство, кто обрушил его, испоганил и обрёл на издевательства и страдания миллионы и миллионы! До каких высот должен подняться чёрный столб, смердящий этими “экономами” и впечатывающий в вечность их чёрное дело! Если даже быть отпетым атеистом и не верить в Божье наказание, то и тогда проклятия им, ельциным, гайдарам, чубайсам и абрамовичам, столь многочисленные и солидарные проклятия — разве не трансформируются они в энергетическую силу, способную навести справедливость! Не может этого быть, чтобы сошло как ни в чём не бывало! Не надейтесь, господа нехорошие!

2005

* * *

С мясом, с кровью содрали Россию с её днища, бросили клич: обогащайся кто и как может! — и разбоем прошлись по городам и весям, всё уворовали, разбомбили, даже и то, что считалось Божьим, припасённым для будущих поколений. Всё растащили, по новым законам присвоили — и негде стало приложить человеку руки. Совсем негде, хоть обрубай их. Вся карусель жизни построилась на торгашестве чужого товара, попала в зависимость от бандитов и бандитских законов.

Несоответствие внутреннего своего и внешнего чужого, прямая противоположность, с одной стороны, нравственных, а с другой — практических мерок, разрыв личностного с общественным — это самое горькое, что постигло наш народ и Россию за всю её историю. Такого не бывало и при Орде. Там, откуда исходит подобная политика, прекрасно понимают, что этого соответствия своего чужому никогда и не добиться, а потому безжалостно разрушают.

2005

* * *

У меня такое ощущение, будто народ всё больше и больше отслаивается от государства, подобно коре на дереве, которое не заглублено в почву. Много безработных, но есть и работающие, однако и они не чувствуют себя уверенно, потому что ствол государственности расшатан и хоть и пытается клониться в родную сторону, да ветры всё решительней отшатывают его в чужую. Всё носит “погодный”, временный, ненадёжный, вопросительный характер: что спасём и что развеём по ветру? Что обратим в пользу и что во вред? Народ, а вернее — сохранившиеся остатки народа, который ещё недавно был единой твердыней государства, не доверяет власти, власть смотрит на него, как на социальную головную боль, для которой все средства хороши, лишь бы её снять. А потому то выдумает ипотеку, которая и звучит как обманка, подобно приватизации, то ещё что-нибудь, и разучилась говорить с народом на одном языке. Между народом и властью нет уже ни кровного, ни духовного родства. Это не только разные общественные классы, но и разнонаправленные, разноязыкие, друг друга понимающие плохо, с противоестественными и корыстными, как у Абрамовича с Чукоткой, попытками братания. И сближения, и понимания между ними не может быть до тех пор, пока одни не перестанут смотреть на Россию как на постылую жену и бегать за утехами к любовницам, а другие в Отечестве своём не сбросят с себя клеймо изгоев.

2006

* * *

Ещё лет двести назад слова “пошлый”, “пошлость” относились к прошлому, к тому, что пришло из старины и само по себе имеет вполне симпатичный смысл, с оттенком, правда, наскучившего, надоевшего. Но уже В. И. Даль аттестует пошлость как неприличие, грубость, низость, подлость. Однако по-прежнему в положении пережитка прошлого, обречённого на исчезновение. И вот теперь, воспользовавшись образовавшейся в культуре и нравах пустотой, пошлость из заднего положения переметнулась в переднее и во всё своём распухшем безобразии явилась с той стороны, где будущее. И претендует не на скромную роль в жизни, а на полное господство. И не без успеха: ей поклоняются и короли, и президенты, и банкиры, и секретарши, и господа, и слуги.

2007

* * *

Возраст такой, когда лучше находиться наедине с самим собой. Но я слежу за тем, что происходит в мире. Время, в которое мы заступили, можно назвать и подлым, и низким, и отступническим от вечных человеческих ценностей. И таким, и сяким из того же рода гибельных понятий.

Но если свести вместе все открывшиеся перед нами бесстрастные истины, откровения сильных сего мира и наши собственные предчувствия — едва ли можно сомневаться, что мир сдаётся на милость всевластного и всепоглощающего порядка, который уже не находит нужным скрывать своё оправдание зла, и всё, вынужденное прежде скрывать себя, выставляется с триумфом на царство.

Отсюда и борьба за Россию, которую только слепые принимают за наше внутреннее дело, и не видят, что крушение России подготавливалось давно и проводилось планомерно. Что теперешние демократические радения во имя якобы цивилизованной жизни — это дурно исполняемое действо перед жертвоприношением. Отсюда и ложащиеся на плечи русского человека бремена, каких ещё не бывало, отсюда его предстояние перед окончательной судьбой. Не завтра, а сегодня наступила решительная проверка, чего мы стоим. Остались ли ещё в нас столь прославленные прежде мужество, стойкость, умение

усилиться в каждом за десятерых и встать неодолимой дружиной, а главное – это испытание крепости нашего национального чувства, о которое в последние годы мы поистерли языки, но не имели возможности удостовериться, во что оно от подобных трудов возросло.

Тут нет необходимости разяснять, что такое национальное чувство. И на каких условиях оно, целительное для нас, не может быть подозрительным никакому другому народу. Но есть смысл повторить, что без него народа не бывает, без него народ выпрягается из общего человеческого тягла и превращается в насильническую массу, где каждый озабочен лишь собственным животом и каждый строит в своём доме крепость против всего остального мира.

Потому и подошло человечество к сегодняшним трагическим нравственным рубежам, что национально оно всё больше ослабевает и духовно остывает. Очередь – за нами. Нас ослабляют друг против друга – не озлобимся, а сойдёмся вместе, нас пугают – не испугаемся... Нас бьют по рукам, чтобы мы опустили руки. Не опустим...

2014

“ПРОСТИ, ЧТО СЛОВ ЗАВЕТНЫХ НЕ ХВАТАЕТ...”

На смерть В. Г. Распутина

ОТОГРЕВАЯ ДУШУ

Ушёл из жизни... Но эта фраза к Валентину Григорьевичу отношения не имеет: он в жизни сегодняшней остаётся книгами, словом, образом своим, той незаметной, не пиарной одухотворённой своей сутью, которая пронизывала душу многих тысяч его соотечественников.

Ещё один итог, после того как завершилось прощание с ним России в храме Христа Спасителя, Знаменском соборе Иркутска. Распутин оставил нам Программу жизни. Нет, не программу политической партии или движения с пунктами и параграфами для выполнения, а то сокровенное слово и непреклонную мысль о совести, истине, справедливости, человеческой взаимопомощи и дружбе, бережении памяти о прошлом, о традициях семьи и страны, о земле родной, дальней и близкой, о спасении природы.

Понятно, Валентин Григорьевич не только писатель, он и безусловный любомудр, мыслитель, энциклопедист, заинтересованный исследователь земли, истории, открытий, утверждающий истину и собирающий ядро фактов для размышлений. Он великий Гражданин России.

Десять лет назад мы с ним, академиком А. Деревянко и другими энтузиастами обратились к властям с предложением о выпуске стотомной антологии художественной, исторической и фольклорной жизни Сибири под названием “Сибириада”, где разработали довольно убедительный проект этих сокровищ из всех сибирских земель, областей, республик. Проект рассматривался долго, некоторые из губернаторов его даже признали, но всегда есть причины, чтобы не осуществлять большое и важное дело. Отодвинули на три года, на пять лет, а там уже идея иссякла, только мерцала. Валентин Григорьевич, считай, в оди-

ночку принялся его осуществлять. Его “Сибирь, Сибирь”, очерки, мысли, труды о Байкале стали подлинно энциклопедическими, академическими и художественными исследованиями Сибири. Тюмень, Алтай, Красноярск, Якутск, Омск, Ханты-Мансийск раскрывали его взору то, о чём Ломоносов говорил ещё раньше, как о прирастающем богатстве России. Люди, лес, нефть, наука Сибири, история края неусыпно и неустанно исследовались. Он прошёл Сибирь своим художественным взором от её больших и малых гор до дна Байкальского озера. Помню, как на дне моего рождения легендарный полярник Артур Чилингаров, только что побывавший на дне океана на макушке земли – у Северного полюса, – полушутя, полусерьёзно сказал: “Предлагаю опуститься в батискафе на дно его любимого Байкала Валентину Распутину!” Было немного страшновато, но Валентин сразу согласился. Он любил постигать все глубины.

Да не только Сибирь – вся Россия была под его присмотром. В 1987 году в художественной мастерской Юрия Селивёрстова мы с В. Распутиным, Г. Свиридовым, В. Севастьяновым и др. сочинили и подписали немного декларативное, но необходимое письмо, как толчок в Совмин о передаче Оптиной пустыни (монастыря и его земель) Русской Православной Церкви, в том числе и как святое место нашей литературы и культуры. Через некоторое время последовал звонок из ЦК партии: “Вопрос решён, передайте Распутину и другим”. Под его присмотром было Куликово и Прохоровское поле, Сталинград, где он бывал, о чём он пёкся и писал, обращаясь к гражданам, властям, молодёжи: беречь эти места славы Родины. А история, памятники, славные места, казалось, все были связаны с ним. Древний и славный Елец – тут он крестился, Краснодар – поддерживал казачество, Валаам и Псков – где молился об укреплении страны, всех людей, Тирасполь – где встречался с соотечественниками. Он написал мне предисловие к историческому повествованию “Росс непобедимый” о выходе России в Европу через полуденное южное окно, создание Черноморского флота, об освоении Причерноморья как подвиге, равном освоению Сибири. Осмысливая место святого адмирала Фёдора Ушакова, Валентин проявил недюжинные знания в истории России XVIII века, в создании Россией Новороссии, история которой сейчас снова стоит на повестке дня. Он как бы прозревал это время. Его взгляд был, как пронзительный мыслительный щуп, касающийся прошлого, настоящего и будущего.

Назову одно его размышление о будущем славянстве. Направляясь в 2001 году вдоль России на свой знаменитый пленум Москва – Владивосток, мы (Союз писателей, РЖД, газета “Гудок”) выпустили блестящий двухтомник сочинений В. Распутина, которым в полном смысле “засеяли” города, городки, станции Сибири. В этом двухтомнике было его размышление о славянах. Обратите внимание, как актуальна и горестна его статья, напечатанная там, – “Что дальше, братья славяне?”, – написанная в 1992 году. Валентин Григорьевич как бы отталкивается от известной мысли Ф. Достоевского: “По внутреннему убеждению моему, не будет у России и никогда не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как эти славянские племена. Чуть только Россия их освобождает, а Европа согласится признать их освобождёнными... Особенно приятно будет для освобождённых славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская... северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации”.

Валентин Григорьевич тщательно рассмотрел все последствия этих слов и наблюдений великого писателя и подтверждает их в наше время. Он говорил ещё в 1992 году о надвигающейся мировой опасности, когда народы, по причине мелкости своих вождей, начинают искать врагов особенно в тех, кто рядом, в своих соседях. Он с горечью отмечает, что в Европе “вытаптываются” следы всего русского. Он видит успешные усилия у нас в создании “океана” человеческого планктона. И умелые наши противники до того нагрели атмосферу, что “во всех бедах оказался виновен проклятый москаль”.

Распутин негодует и на славянское самоедство. Он говорит осторожно и предостерегает от раскола и противостояния великороссов, малороссов, белорусов. К сожалению, его пророчества и опасения явлены нам сейчас. Эх, если бы читали эти строки и делали вывод власть и интеллигенция, да и весь народ, может быть, не было бы такой катастрофы с Украиной, как сегодня...

Можно сказать, что его творения обращены к душе.

Порушив великую державу, князь тьмы не успокоился. Один из чудовищных его вещателей провозгласил, что вот ныне главная опасность для жёлтого дьявола — Русская Православная Церковь, и на неё следует обрушить всю мефистофельщину сегодняшнего дня. Также с полным основанием он мог бы присоединить к своим врагам и русскую душу, которая ниспослана нашему народу свыше. И этой душе посвятил себя Распутин. Она в жертвенном стоянии старух-тружениц Матёры, в их желании уберечь гнездовище, в покинувшей жизнь Настёне, и в не заработавшей мучениями счастье, в иррациональном созидательном порыве строящей свою Избу Агафье. У всех его незаметных героинь душа беспокойна и совестлива, их тревожит, что “совесть истончается”.

Валентин Григорьевич и есть “сбережитель”, хранитель этой души, ибо её, уставшую и замёрзшую, он брал в свои руки, дышал на неё, отогревал и радовался её оживлению, и выпускал к нам в мир, на волю, как благовещенскую птаху. И вдруг оказалось: безропотные и чистые старухи — все эти Анны, Дарьи, Настёны, Алёны — стали на пути Зла и Бессовестности. С ними и другими героями повестей и рассказов Валентина Распутина мы и вошли в XXI век. У нас есть Вера, Душа, Совесть, и значит, вечна Россия, вечен её народ, значит, не покинута она Богом.

Валерий ГАНИЧЕВ

* * *

Распутин поставил проблему русского народа, измученного государством, истерзанного. Государство строило себя для русского народа, защищая его от возможных напастей, войн, истребления. Но в то же время строило и за счёт русского народа. А русский народ во время этого государственного строительства, которое происходило в стройках и чудовищных сражениях, израсходовал себя. Надорвался. И в этом огромная мировоззренческая драма Валентина Распутина. С одной стороны, он понимал, что без Советского государства русский народ бы погиб, с другой — видел, как под бременем этого мощного колосса русские чахли и расходовались. И этот русский фактор, как он был сформулирован Распутиным в недрах советского строя, остаётся актуальным и сейчас. И по-прежнему является нерешённым. Решать его придётся государственным мужам нового поколения и художникам следующей литературной генерации.

Александр ПРОХАНОВ

* * *

Он всегда говорил только правду — нелицеприятную для власть предержащих правду. В самый разгар постперестроечной трагедии он сравнил Россию с Золушкой, которую ведут на бал Сатаны.

Распутин никогда не воевал с системой. Из самых благих побуждений он даже стал членом горбачёвского Президентского совета, и это было одним из самых сильных его человеческих разочарований.

Он первым с высокой трибуны обозначил угрозу со стороны новоявленной пятой колонны. Как говорил П. Столыпин, “Вам нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия”. И только большой писатель смог так непротиворечиво сблизить исторические смыслы именно в момент распада великого Советского Союза, защищая идею целостности той страны, которую горячо любил.

Он был убеждённым традиционалистом. Защитить, оградить и сохранить — это были главные принципы его гражданской позиции.

Советская власть заслуженно отмечала его высокими государственными наградами. Писательское сообщество искренне возвышало его имя литературными премиями. Новая власть, не скрывая сдержанности, отдавала должное его уникальному таланту и гражданской неподкупности. Сам же Распутин никогда не падал в звёздность. Его волновали иные, высшие смыслы и заботы.

Молчаливый, сдержанный, застенчиво-скромный, он был способен яростно защищать свой Байкал — главный источник его вдохновения.

Байкал был его особой любовью, его возвышенной поэмой. Его поручением. Его послушанием. Он любил его и нёс, как несут крест, — с монашеским смирением. Но это было смирение воинственных Пересвета и Ослиби: до первой опасности, а дальше — оружие в руки и в бой. Именно за это внутренние враги России нанесли ему невозполнимые физические увечья. Он выстоял!

Вот почему мы не прощаемся с Валентином Распутиным. Отныне и всегда главные ориентиры и ответы на самые трудные вопросы мы будем искать в его тревожной, поучительно неразвлекательной прозе, в его отчаянно честной и горестной публицистике. В главном поступке всей его жизни — любить Россию наперекор всему и превыше всего.

Геннадий ЗЮГАНОВ

* * *

В октябре 1993 года плыли писатели на пароходу по Средиземному морю, тесно общались. Не помню существа разговора за обедом, но не забуду реплику Владимира Алексеевича Солоухина: “Ну-у, Распутин ведь великий русский писатель”. Мы легко порой сеем дары словесные. Но почоть строгого Солоухина Распутину понятна и закономерна. Это так. Всё нравственное, гражданское поведение Валентина Григорьевича и его традиционно великое художество в повестях “Последний срок” и “Прощание с Матёрой” — в высоком ряду лучших людей России прошлого, в ряду классиков русской литературы. После смерти Л. М. Леонова кто у нас остался как народная веха, как страж русского “Ковчега Завета”? Солоухин — мудрец, он в понимании сущности искусства и русского художественного подвига — зубр. И я часто вспоминаю тот вечер на морском просторе, где-то возле греческого острова Крит, и эти слова, поразившие меня “верной точкой отсчёта”.

Россия никогда не перестанет нуждаться в таких писателях, как Распутин. И появился он не случайно, и не случайна его народность. В разгромные для нашей страны годы все почему-то считали позицию писателя В. Распутина политической. А это просто состояние его совести. Русская совесть не делится надвое (*нашу и не нашу*), ей не обрезают крылья ни бурное время, ни обязательная для бессовестности “революционная целесообразность”. Одни и те же люди хмыкали в 70-е годы и хмыкают сейчас: они, рыночные американцы, так и не доросли на своей же земле (в России) до нераспятого русского чувства, до любви и благодарности к деревенским ребятишкам (у нас в Сибири говорили — “огольцам”, это лучше лагерных “пацанов”), так вот к ребятишкам-огольцам, ставшим в зрелом возрасте скорбными певцами народной жизни. В эпоху, когда многие наши соотечественники отпали от России, В. Распутин жил душой в её тысячелетнем лоне. Если попозже, среди наследников, такие серьёзные корневые писатели не взойдут, то это значит, что Россия потеряла свою русскую античность и оборотилась в незаметную, пристыженную прошлым величием Грецию.

Последний раз я видел его в октябре 2013 года на съезде писателей России в Калуге. Затем — с В. Крупиным и В. Потаниным — навестил я его дома. Было такое ощущение, что мы из одной семьи. Пообедали, сфотографировались и в сопровождении жён Крупина и Потанина пошли в Союз писателей на Комсомольский проспект, 13. Там буднично потолкались, и я не помню, как попрощались и разошлись. Всегда ведь думаешь, что впереди ещё будет время встретиться.

**Виктор ЛИХОНОСОВ,
г. Краснодар**

* * *

Часто душа моя повторяет сокровенные распутинские слова: “Мы все на этой земле, при любых должностях и званиях, временны. Вечна Родина...” И вот пришли дни, когда Родина прощается со своим сыном, великим Писателем, хранителем нашего русского Слова. Но я уверен, убеждён даже,

что прощание это будет долгим, почти бесконечным, а может быть, и не закончится никогда, потому что всегда будет жива читающая Россия – Родина наша...

И вдруг я вспомнил один свой давний разговор с другим великим русским человеком – литературным критиком Юрием Селезнёвым. Помнится, мы говорили тогда о Достоевском, о его сибирской ссылке, и неожиданно Юрий Селезнёв задумчиво произнёс:

– Какие все-таки необъятные слова – Россия, Сибирь. Здесь и Ермак, и знаменитый сибирский характер...

– Почему знаменитый? – вырвалось у меня.

– А потому, что особый, закалённый, выносливый. – Он на секунду задумался, стал разминать сигарету. Глаза стали печально-серьёзные:

– А давай вспомним сорок первый, бои за Москву. Какие были страшные дни и недели! Но вот пришли из резерва сибирские полки и спасли положение. А потом гнали врага до Берлина... – Он повернулся ко мне и грустно улыбнулся. – Да и в литературе случались тяжёлые и роковые дни. Но вот пришёл из Сибири молчаливый, застенчивый человек Валентин Распутин и сразу приподнял все литературные потолки на десять этажей вверх, на двадцать. Согласен?

– Ну, конечно, конечно, – сказал я и замолчал.

А он продолжал говорить о Распутине, о его книгах, о любви к нему – любви миллионов. И он был прав и прав бесконечно, потому что Распутин был и останется навсегда народным писателем, таким, как Шолохов или Леонов. И в этом нет никакого преувеличения. Я бы даже сравнил судьбу подобных писателей с гигантским генератором, постоянно вырабатывающим Любовь и Надежду, и ещё Верность, глубинную Верность нашему русскому слову. Ведь именно в слове русская душа нашла совершенное воплощение. И примеров таких за тысячу лет – уже море. Но в этом море есть острова, к которым всегда хочется причалить нашему сердцу. И эти острова – книги Михаила Шолохова и Валентина Распутина. И когда я снова и снова открываю и перечитываю его “Последний срок” или “Прощание с Матёрой”, “Пожар” или “Деньги для Марии”, я чувствую их так, словно бы эти страницы были написаны обо мне самом, о моей семье, о моём детстве и моей юности, о моей родной деревне Утятке, о моей незабвенной бабушке Катерине Егоровне. Да, это правда. И всё это вместе зовётся нашей печальной русской провинцией. Но в этой печали много и радости. И она, эта радость, держит нас крепко в своих объятиях, а мы и не вырываемся, потому что держит детство, родительские могилки, держит родной язык, который заходит с улицы прямо в створочку. И это тот самый язык, который и родил на белый свет творчество нашего Валентина Распутина и ту литературу, цель которой – “помочь человеку, дохнуть на него при чтении книги теплом и добром...” Но эти последние слова – слова самого Валентина Распутина, моего дорогого и любимого писателя, моего родного человека. И это родство уже никому и никогда не отнять.

Виктор ПОТАНИН
г. Курган

МУЖЕСТВО ПОБЕЖДЁННЫХ

У Александра Твардовского в его поэме шестидесятых годов “За далью – даль” есть глава, содержащая единственное в своём роде художественное описание. Единственное не потому, что никто ни до него, ни при нём, ни после за такие сюжеты не брался. А потому, что большой поэт и тут, изображая совершенно новую для него картину “покорения природы”, оказался на высоте возможностей своего таланта. С воодушевлением современника и очевидца он повествует о штурме, казалось бы, неукротимой Ангары. Описан день перекрытия русла реки, возведения перемычки, которая послужит фундаментом для будущей плотины – одной из крупнейших в мире. Конечно, в этом отрывке теперь можно различить избыток патетики и риторики. Но разве поэта не оправдывают сами по себе время и место действия? Не он же придумал эту патетику! Ею, как воздухом, дышали тысячи людей – непосредственных участников деяния, может быть, единственного и главного в их жизни. Шофера самосвалов, инженеры, строители дорог, бетонщики,

крановщики – каждый из них в эти часы чувствовал себя героем, существом поистине историческим, живой частицей народа, прокладывающего “путь в светлое завтра”.

Но как же совместить сегодня эти страницы из поэмы Твардовского со свидетельством ещё одного современника – автора повести “Прощание с Матёрой”? Вроде бы, и у того, и у другого – всё та же Ангара. И всё тот же, казалось бы, народ. И время событий почти совпадает. В повести Валентина Распутина – по календарю – всё чуть даже раньше началось и происходит. И поэма, и повесть пишутся в пределах одной литературной эпохи. Даже в границах краткого временного отрезка. А какая ошеломительная несовместимость авторских свидетельств! Что приключилось? Чья правда подкачала?

Проще всего было бы устроить заочный суд над поэмой. Списать, по очевидной её принадлежности к “соцреализму”, в глухой архивный подвал. Как будто и не бывало – ни события, ни его пафосного отражения. Но тогда и повесть распутинская половину, если не всю свою силу, разом потеряет. Если покорения Ангары как бы и не было, то из-за чего, право, сыр-бор? Не помешалось ли прозаику это всемирно-потопное исчезновение Матёры? Не увлёкся ли он чрезмерной символизацией крошечного – в масштабах страны и мира – события?

Не в тех точно словах, но, по сути, с таким именно содержанием заготовленной выволочки встретила публикацию повести критика, идеологически направленная государством. Ведь получалось так, что этот не в меру чувствительный сибиряк своим плачем по какому-то малонаселённому островку покушается подтопить... всю новейшую советскую историю. Он что же – против научно-технической революции, против прогресса? Поперёк поступательного хода социально-исторического развития? Да не пошатнулся ли он умом?

Можно только удивиться, каким чудом Распутин тогда уцелел. Что гадать: отмолил его кто или замолвил за него словечко в тех самых коридорах, откуда началась было проработка? Какими добрыми ни изображай 70-е годы, а и тогда немало народу отбывало сроки за идеологию. Не делалось скидок и для литературно одарённых.

Да при желании двумя-тремя передовицами в центральных газетах и в журнале “Коммунист” можно было накатить такую волну гневных осуждений на рабочих собраниях, в коллективах институтов, среди тружеников села, в кругу отзывчивой творческой интеллигенции...

Но что-то удерживало. Ведь уже вслух говорили и в нашей стране, да и по всему миру об экологии. Уже сотни тысяч обитателей больших городов вкусили “обратной стороны прогресса”, когда реки из-за этих самых плотин и в крепкие морозы отказывались замерзать. Уже в прессу косяком пошли жалобы: берега в водохранилищах подмываются вместе с лесами, резко сократились площади заливных лугов... И так далее, так далее.

У настоящей литературы смыслоёмкость особого рода. Мала повесть о Матёре, но в ней же тогда, по первому знакомству, прочитывался не только великий – от имени всей потрясённой природы – укор самоуверенным её покорителям и победителям. Не меньшей силы укоризна исходила тут и от лица всей крестьянской Руси. Не столько уходящей, сколько грубо сживаемой со свету. Почти вслух презираемой теми, кто величал себя носителями цивилизации, образцовой городской культуры, передовой во всём – от асфальта и метрополитена до шампуров, шампуней и комфортных нужников.

Из столетия в столетие крестьянское большинство России отвечало за её сохранность, благоденствие, по сути, содержало страну, соблюдало её цену трудов своих до кровавого пота. И вот благодарность за всё! Уходите без шума, вы тут больше не понадобится! Не нужны ни те столетия, ни родовая память, что ненавязчиво пригласила к кладбищенским оградкам и крестам.

Это сегодня молодые политические дельцы громко вещают о своём “просвещённом” консерватизме, о верности национальным традициям. А тогдашние идеологи на слово “традиция” глядели как на классового врага, и даже в увлечении фольклором искали опасную скверну (“Гитлер тоже начинал с фольклора!”).

Много-много народной боли сжалось в тесных пределах распутинской притчи. Со страниц “Прощания с Матёрой” та боль свободно перетекает и в другие его повести и рассказы, написанные раньше или позже, в большую

книгу очерков-поэм “Сибирь, Сибирь...” Но такой уж сложилась его литературная судьба, что о ком бы и о чём бы ни писал Распутин, всё устремлено жилами-смыслами к Матёре, и, уместаясь в её словесной плоти, как от сердца расходится вовне, — насыщая жажду правды уже не в одном поколении благодарных читателей.

Да, их теперь у нас, пожалуй, вовсе не большинство, — тех, кто продолжает читать настоящее, а не поддельное. В большинстве оказались те, кто вообще не читает, а тарашится: от темна до темна с полуоткрытыми ртами и выпученными глазами пребывают эти добровольные рабы СМИ (средств массовой идиотизации).

Это они у нас победители. Что им “Прощание с Матёрой”? Или что им та же “За далью — даль”? Для них нет и уже не будет ни Андрея Платонова, ни Ивана Шмелёва, ни Михаила Пришвина. А зачем? У них зато Петросян и Жванецкий, Хазанов и Аллегрова, Галкин и Миткова... Победители тянутся к победителям. Успешные — к успешным.

Трагедия насильственного выдворения крестьян с Матёры им так же безразлична, как ликование строителей ГЭС на Ангаре. И вчерашние колхозники, и вчерашние пролетарии, по понятиям победителей, оказались безнадобности. Работяги своё отработали. Короче... Время лохов закончилось. Короче... Так жить больше нельзя. Короче... Надо оттягиваться по полной. Короче... Ведь мы этого достойны...

Да, надо иметь мужество, чтобы признать: они действительно победили. Иное дело, как долго продлится их самоупоённый бесстыжий кутёж. По всем природным и надприродным законам, мрачное дно распада, как ни прикрывай его мишурой и блёстками, всё равно проступит, рано или поздно. Лишь бы не оказалось поздно для всей страны. И для остального мира тоже.

Как мало кто ещё из его современников, Валентин Григорьевич Распутин сумел проникновенно сказать об одном из самых драгоценных свойств русского человека: о навыке мужественно переносить своё поражение и при этом не отчаиваться, но претерпевать всё до конца — в надежде на спасение.

Юрий ЛОЩИЦ

РУССКОЕ

Я на полтора года был старше Валентина Григорьевича Распутина. Но разве в молодости думаешь о годах? Но и тогда, в молодые годы, мне всегда казалось, что он был старше. Надо было как-то объяснять себе его рано вызревшую мудрость и поразительное мастерство. Уже много позже мы перешли на “ты”. Но мне всегда хотелось и это “ты” произносить с большой буквы; и я всегда вставал, когда он входил.

Конечно, каждый писатель догадывается или знает, что, как и каким образом построено у коллеги, но что делал он уже в своих первых рассказах, анализу почти не подвергалось, потому что анализ был бессилён. О знаменитых повестях не говорю. В его ранних рассказах был какой-то таинственный остаток, некая добавка, магическая субстанция, которая и отличает гениев. Сейчас уже окончательно ясно, и это не правительственно задекларировано, а уяснено и утверждено всем обществом, народом, что это был и последний классик русской литературы XX века, и писатель, внесший неповторимые ощущения от его литературы в сознание почти каждого человека, говорящего на русском языке.

В течение довольно длинной жизни, когда многое случается, но многое и забывается, у каждого литератора есть определённый инстинкт на сокровенное в его профессии. Я помню почти всё, что связывало меня с Распутиным.

Он, как известно, никогда не был в партии, но я хорошо помню его произведшую оглушительное впечатление речь на Съезде Советов, где он говорил о быстрой либеральной конъюнктуре в рядах партийной и непартийной интеллигенции. Вряд ли он защищал партию, но наверняка он защищал уклад, разрушение которого принесло столько горечи и страдания народу. “В ту же землю”... Перечтите этот рассказ, в давние уже годы напечатанный в “Нашем современнике”, и вы поймёте, о чём я говорю. Или его последний роман “Дочь Ивана, мать Ивана”, признанный в Китае лучшей иностранной книгой года. Он всегда защищал справедливость, это удивительное русское всеобъемлющее чувство, и всегда был готов встать за слабого. Как Василия

Белова, начавшего первым, как Фёдора Абрамова, как Крупина, Распутина называли “деревенщиком”. Что лукавая, как правило, городская критика вкладывала в это понятие, я не знаю. Наверное, ещё и качество письма. Деревня в советское время уже дотягивала православный свой срок, но “деревенщики” знамениты даже не характерами и этнографией, в конце концов, многое здесь знакомо, потому что почти вся страна вышла из деревни. “Деревенщики”, в первую очередь, говорили о подзабытом чувстве совести, о забытой морали, главным учителем которой становился православный священник.

Если уж вспомнился рассказ “В ту же землю”, то у меня есть особые воспоминания, с ним связанные. Я тогда прочёл этот и ещё несколько рассказов из подборки, появившейся в журнале, а уж кто выдвигал их на первый тогда международный конкурс “Пенне” не помню. Пенне – это название города в Италии, где шьют самые дорогие костюмы для интернациональной элиты. Боюсь, что точные манекены и наших управителей до сих пор стоят на знаменитой фабрике.

Народ в жюри был строгий: Е. Сидоров, А. Турков, итальянцы. Но особенность конкурса заключалась в том, что когда жюри определило трёх финалистов, а ими на тот раз оказались Людмила Петрушевская, Фазиль Искандер и наш Распутин, то дальше всё решало тайное голосование большого зала в Доме литераторов, куда в субботний день собрали гуманитарную студенческую молодёжь. Тридцать минут по телефону я уговаривал Распутина на этом этапе не снимать свою кандидатуру перед последним голосованием. Я был уверен в его победе, он – нет. Это опять свойство русской природы – пропустить кого-то вперёд. . .

В конце двухтысячных или десятых годов я был в Иркутске, куда Валентин Григорьевич пригласил меня на ежегодный фестиваль или встречу писателей, молодёжи, интеллигенции. Последнее слово я не люблю, хотя и понимаю, что оно означает в своём лучшем и истинном значении. Об этих днях можно было бы тоже написать довольно много. Но выделю только два момента: Валентин Григорьевич сходил со мною к губернатору – а кто-нибудь понимает, что такое получить аудиенцию у губернатора? – и там мы договорились, что в Литинституте будет учиться группа иркутян-заочников, губернатор в те нелёгкие времена согласился оплачивать своим заочникам билеты в Москву и обратно, а область на время поездки – давать ребятам небольшую стипендию. И в эти годы мой семинар прозы, состоявший из мальчиков и девочек, – я тогда работал в Литинституте ректором, – был разбавлен людьми, хорошо знавшими жизнь. В. Г. курировал отбор будущих студентов. Я до сих пор страдаю о том, что эта форма работы исчезла. Что ещё запомнилось в той поездке? Каждого вновь прибывающего из Москвы или другого города приглашённого гостя Распутин днём ли, ночью ли ездил встречать на аэродром сам. Думайте сами, что это было. Всосанная с молоком матери деревенская вежливость? Интеллигентность истинного интеллигента? Русская, не щадящая себя широта характера?

Чем же закончить эти грустные воспоминания? Их можно тянуть и множить, потому что они дороги, видимо, не только мне. В “Литературной газете” в эти траурные дни я уже написал: “Валентин Распутин – это как фундамент в нашей литературе. Он ушёл, и сразу обнаружилось, что кружевная дребедень фальшивых литературных проектов и мнимых имён разлетелась в пух и прах. Он был живым фундаментом того, что называлось русской классикой”. Но у последнего классика русской литературы было и ещё одно качество – удивительная стойкость. Давайте не забудем, что во время “тотального покорения природы”, когда уже созрело решение о повороте сибирских рек в Среднюю Азию, три писателя-богатыря – С. П. Залыгин, В. И. Белов и В. Г. Распутин – повернули вспять решение ЦК КПСС. Хороши бы мы были сейчас, если бы наши русские реки текли в другую сторону!

Сергей ЕСИН

СОВЕСТЬ РОССИИ

Мы не были с Валентином Распутиным близкими друзьями, хотя взаимно уважали друг друга. Но вдруг внезапная боль пронзила меня: я почувствовал, что потерял очень близкого человека. И близость эта заключалась в том, что

он всем сердцем своим любил Россию, болел за её духовное и нравственное возрождение, особенно болел за погибающую русскую деревню, за крестьянство — хребет нации.

Он был поистине олицетворённой совестью России. Я приведу только два примера его честности, благородства и бескомпромиссности.

На заре горбачёвской гласности у нас ретиво травили патриотическое общество “Память”: видные деятели культуры, признаваясь в почвенности, делали оговорку для всемогущих либералов: “Но я осуждаю “Память”.

И только Распутин, один из немногих видных лиц, публично выступил в защиту “Памяти” и русского национального самосознания.

А несколько лет назад вместе с Хатюшиным (и со мной грешным) потребовал суда над плясуньями, осквернявшими русский православный храм. Другие ёжились: “девицы, конечно, не правы, но я — гуманист, их трогать не следует”. Пусть, дескать, пляшут и дальше и плюют в нашу душу.

Уход Валентина Григорьевича — это большая потеря для нашей многострадальной Родины. Горько и одиноко без него.

Владимир ОСИПОВ

* * *

Печальное известие — в Москве скончался Валентин Григорьевич Распутин, перед которым я до сих пор чувствую свою невольную вину.

В конце 1983 или весной 1984 года он позвонил мне и, зная от Крупина о моих творческих связях с Татьяной Владышевской, попросил прослушать в консерватории его дочь Машу, серьёзно занимавшуюся пением. Я договорился об их встрече в Знаменском соборе, где назавтра должен был быть концерт руководимого Татьяной хора церковного пения, но Валентин Григорьевич трогательно признался, что совсем не знает Москву и просит проводить его до места.

Мы встретились у метро “Площадь Революции”. На моё сочувствие по случаю его избрания в Верховный Совет СССР он со смехом ответил, что я единственный сочувствующий, все остальные поздравляют. В соборе были приготовлены места в первом ряду, и когда он вошёл, весь зал встал и разразился аплодисментами. Я на этот концерт не мог остаться — надо было дежурить с грудной дочкой Лизой.

Маша показала выдающиеся музыкальные способности, была принята в Консерваторию, закончила там по двум факультетам и переселилась в Москву. Когда дошла весть о её гибели в авиационной катастрофе в аэропорту родного города, куда она летела из Москвы, я вместе с острой болью почему-то почувствовал свою вину как соучастник в её судьбе и трагической гибели, хотя умом понимаю, что ни в чём не виноват. Упокой, Господи, душу новопреставленного раба Божия Валентина!

Валерий СЕРГЕЕВ

РАСПУТИН ЗАВЕЩАЛ НАМ...

Пришло воистину народное горе. Умер великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин. Хранитель русского языка, хранитель русской литературы, хранитель русской совести. Таким он и запомнится нам навсегда: не просто русским писателем, не просто деятелем культуры, а одним из символов русского народа. Написал он не так уж много, но, как говорится, “мал золотник, да дорог”. Все его повести и рассказы уже давно стали неотъемлемой частью великой русской литературы.

Я познакомился с Валентином Григорьевичем ещё в восьмидесятые годы, бывал у него дома и в Иркутске, и в Москве, бывал на его байкальской даче. Бывал и он у меня в Петрозаводске, ездили вместе по Карелии, а позже и по Китаю. Довелось не раз брать у него интервью для нашей газеты.

Рад, что Валентин Григорьевич доверил мне право сделать инсценировку его знаменитой повести “Прощание с Матёрой” для доронинского МХАТа имени Горького. Спектакль шёл более десяти лет с неизменным успехом. Бывал на этом спектакле и сам Распутин.

Всегда поражали его скромность и такое чисто христианское смирение, при том что от позиций своих он никогда не отказывался, не боясь навлечь на себя гнев правителей. Он равно говорил и с земными «царями», и с коллегам-писателями, и со своими земляками, потому и его повести были истинно народной прозой. Не было в нём никогда и гордыни: мол, знаменитый писатель, гений земли русской... Он был просто одним из крестьян, одним из сибиряков, одним из писателей. А если уж сумел показать трагедию русской деревни, исчезновение старого народного уклада, характер русского человека, значит, и дано было ему от Бога многое. Потому и становятся его слова завещанием всей будущей России: «Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад Россию не получит, — писал Распутин. — Всех патриотов в гроб не загнать, их становится всё больше. А если бы и загнали — гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Такого ещё не бывало, но может быть. Я верю: мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тыща лет. Однако лёгкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства — слишком лакомый кусок».

Он и сам жил, писал, и мыслил, как вся Россия — независимо, согласно нравственным законам своего народа, но лёгкой жизни не знал никогда. Сначала в авиакатастрофе 9 июля 2006 года погибла его дочь Маруся, а потом, в 2012 году, умерла супруга Светлана Ивановна. Эти смерти подломили и самого писателя. О себе он уже и не думал, все мысли — о России.

Это и было литературным и гражданским завещанием великого писателя: беречь и хранить Россию, как бы трудно нам ни было. Так и будет!

Владимир БОНДАРЕНКО

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Мы знали о его смертельной болезни, но до последнего мгновения верили в чудо, как сейчас не верим в его смерть...

Не верим, и тяжким, как горловой спазм, усилием всё ещё удерживаем понимание: самое горькое уже случилось... И мы не стесняемся своих слёз...

Это скорбное известие в ночь на 15 марта обожгло сердце, опустошило сознание — скорбь, одна только всепоглощающая скорбь заполняет всё твоё существо, каждый миг твоего бытия, и неполными, приблизительными, бескровными выглядят любые слова прощального, траурного обихода: утрата, невосполнимая потеря...

Пройдут близкие, а за ними и неблизкие сроки, и у всех нас останется чувство, которое выше любой печали, любого соблезнования. Это чувство благодарности жизни за то, что в ней у нас был Валентин Распутин. И что были у нас «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Последний срок», «Деньги для Марии», «В ту же землю»... Благодарность не за то лишь, что это было, но за то, что это остаётся, пребудет.

А разве когда-нибудь забудется, что именно Валентин Григорьевич Распутин дал название нашему альманаху «Тобольск и вся Сибирь»? И в этом было возрождение и возвращение. Ко всему тому, что, по большому счёту, никогда не менялось, о чём и сказал наш великий современник: «Удивительно и невыразимо чувство родины... Не стоять человеку твёрдо, не жить ему уверенно без этого чувства. Без близости к деяниям и судьбам предков, без внутреннего постижения своей ответственности за дарованное ему место в огромном общем ряду быть тем, что он есть».

Именно Слово Валентина Распутина делало незыблемой веру в то, что на скудной почве нынешнего существования явит себя миру не чертополох укора, но «трава молодая» некрикливой, светлой и жертвенной любви к родной земле, к горькому своему Отечеству!

И мы равнялись на это Слово, поверяли им все свои дела и помыслы, и тем радостней для нас была любая весточка от Валентина Григорьевича, любая его оценка нашей деятельности, а его эссе «Возвращение Тобольска» утвердило её содержание на долгие годы вперёд.

Мы счастливы были жить рядом с ним, дышать одним воздухом, хотя и разделяли нас тысячи километров. Да его и не было никогда, не могло быть

этого разделения с тем, кого мы считали, — а Распутин и был им! — духовным губернатором Сибири. Да разве одной только Сибири. . .

Он был и останется им, поскольку бессмертно всё то, что он сделал в своей земной жизни, и каждое его произведение — тот духовный и нравственный багаж, ноша которого не только не тянет, но и придаёт сил. И мы дышим каждым словом Распутина:

“Есть у человека Родина — он любит и защищает всё доброе и слабое на свете, нет — всё ненавидит и всё готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рожденья и до смерти согревающее нас тепло. Я верю: и там, за порогом жизни, согревающее — живём же мы в своих детях и внуках бесконечно”.

И таким теплом согреваемся мы и сегодня, в день великой утраты, принося глубочайшие соболезнования свои всем близким и родным Валентина Григорьевича Распутина.

Молимся и будем всегда молиться и за них, и за него.

**Аркадий ЕЛФИМОВ,
Юрий ПЕРМИНОВ**

ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА

Выйдешь ли в поле куда, глянешь ли на воду синюю — мягкую русскую линию в милом отыщешь всегда. Скрипнет ли ночью крыльцо, сердцу не вдруг захолонется — всё-то любимое вспомнится: **Где ты, родное лицо?**

Что-то мне часто невмочь. Спрячу пешню под заплатами; тихо, не скрипнув воротами, выйду на Ою в полночь. На небо перекрещусь; вырублю прорубь метровую; гляну на воду свинцовую — вздрогну; и в избу вернусь. . .

*Реки ли вспять повернут.
Сгинет тайга, не воротится.
Выйдут пахать иль охотиться —
Ил в Иртыше разгребут.
Им ли доспех Ермака?
Нас, незадачливых, хватятся...*

*Пусть же и им она катится
К северу, наша река!
Если же где недород —
Мы ль не поделимся? С радостью!*

*Только б вот — собственной слабостью,
Или столичною пакостью
Не огорчить этих вод.*

*Север ты наш и Восток!
Реки вы наши неузкие!
Только бы силушки русские
Не уходили в песок.*

Это я писал о Распутине — начал писать — тридцать лет назад, когда Роберт Рождественский ещё владел умами.

Сергей НЕБОЛЬСИН

ЖИВЁМ И ПОМНИМ

. . . “Никакая земля не бывает безродной.

Иван Петрович всё шёл и шёл, уходя из посёлка и, как казалось ему, из себя, всё дальше и дальше вдавливаясь-вступая в обретенное одиночество. . .

Издали-далёко видел он себя: идёт по весенней земле маленький заблудившийся человек, отчаявшийся найти свой дом, и вот зайдёт он сейчас за перелесок и скроется навсегда.

Молчит, не то встречая, не то провожая его, земля. Молчит земля.

Что ты есть, молчаливая наша земля, доколе молчишь ты? И разве молчишь ты?"

Так заканчивается повесть Валентина Распутина "Пожар". И вот так и ушёл он от нас – будто зашёл за перелесок и скрылся. И земля приняла его. "В ту же землю" называется один из его рассказов. В ту же землю ушёл и он, в которую и всем нам однажды...

Но это тело – в землю. А душа бессмертна!

А его повести – весть совести! – навеки с нами! Будем жить и помнить страшное и доброе, падение и подвиг, любовь и смерть, как завещал он в великой повести "Живи и помни".

Его "Уроки французского" учат нас русскому отношению к миру и жизни.

Его "Прощание с Матёрой" – наше общее долгое прощание с родиной предков, с той вечной родиной, которая, даже скрытая водами водохранилищ, в разрухе "неперспективных" деревенок, в заброшенности пашен и сенокосов болит в наших сердцах и будит совесть.

Его "Пожар" (написан в 1984–1985 годах) – страшное сбывшееся, предсказание. Не склад сельпо – вся страна заполыхала. И в том пожаре, как предсказал Распутин, были воры-предатели и герои, пытавшиеся спасти единую Родину.

Последняя его повесть – "Дочь Ивана, мать Ивана". Горькая повесть о том, как вступилась за поруганную честь дочери мать, русская женщина, взяв на себя страшную миссию: наказать зло. Потому что ни муж, ни сын не смогли в тот час сделать это. И теперь уж нам помнить урок Распутина и жить так, чтобы нашим матерям и жёнам не пришлось вершить правосудие... Но это и урок нашим врагам.

Прощай, дорогой Валентин Григорьевич. Живём и помним.

Дмитрий ЕРМАКОВ
г. Вологда

* * *

С глубоким прискорбием выражаем искреннее сочувствие в связи с невосполнимой утратой, которую понесла русская и мировая литература: не стало Валентина Распутина.

Из земного бытия ушёл человек, который был моральным авторитетом для нескольких поколений читателей не только России, но и многих стран мира. Его творчество, утверждающее идеалы бескомпромиссной совестливости и безграничной преданности своей земле, непревзойдённо. Искренняя доброта и личная скромность – первое, что приходит на память, когда вспоминаем Валентина Григорьевича.

Разделяем горе родных и близких Валентина Григорьевича Распутина и склоняем головы в глубокой скорби.

Борис ОЛЕЙНИК
г. Киев, Украина

* * *

Уважаемые Станислав Юрьевич, Александр Иванович!

Хочу выразить вам, редакции, глубокое соболезнование по случаю кончины великого русского писателя Валентина Григорьевича Распутина. Свой божественный дар, проникновенное русское слово он посвятил одной цели: сбережению русского народа и сохранению русской природы.

Могильщикам СССР–России он бросил в лицо бессмертные слова Столыпина: "Вам нужны великие потрясения, а нам – Великая Россия".

Валентин Распутин прославил русскую женщину, её высокий моральный и нравственный облик, мужество и терпение в преодолении трудностей. Это она, русская женщина, вынесла на своих плечах, и коллективизацию, и индустриализацию, и все тяготы войны. Она не падала духом там, где не выдерживали даже мужчины.

А счастье у неё было подчас коротким, как лето в Сибири.
У Валентина Распутина было много наград, но самая большая – это безграничная любовь народа, которому он служил верой и правдой.

Владимир РОДИН, дипломат

ПАМЯТИ В. РАСПУТИНА

Сегодня я с прискорбием узнала, что классик русской литературы XX века, светлый глубокий человек В. Г. Распутин скончался, и в первое мгновение как будто окаменела, просто не могла поверить услышанному трагическому сообщению. Ещё два дня назад я рассказывала своим аспирантам о нём как о живой личности, о человеке, с которым мне посчастливилось общаться. И вдруг как будто всё перевернулось...

Валентин Григорьевич Распутин – один из первых русских писателей, благодаря которым я вошла в храм русской литературы. Если до личной встречи с ним сильное впечатление на меня произвели его произведения и неповторимые образы персонажей, то после знакомства к этому добавились тихий, сдержанный голос, грустные глаза, в которых запечатлелась человеческая и художническая мудрость, и спокойные шаги писателя. Не знаю, почему мне думается, что именно такая внешность отражает неизъяснимую внутреннюю силу этого человека, его надёжность и благородство духа.

В. Г. Распутин приезжал в Китай трижды по приглашению нашего Союза писателей. Я же лично познакомилась с ним в России, в Москве, в 2004 году. Проходила тогда стажировку в МГУ и собирала материалы для монографии. Мне дали телефон, и я ему позвонила. На моё предложение о встрече он сказал, что надо подумать, а на второй день позвонил сам и пригласил приехать в гости, если есть необходимость в личной встрече. Конечно же, такая необходимость была! Валентин Григорьевич ждал меня в метро. Мы встретились, как будто давно были знакомы. У меня почему-то не было никакой неловкости при общении с великим русским писателем, а что он великий писатель, я понимала давно. Мы сидели у него дома, говорили о культуре, о литературе, русской и китайской. Тогда я как раз читала его последнюю повесть “Дочь Ивана, мать Ивана”, произведение с драматическим сюжетом, с надрывной интонацией. В повести попутно упоминалось и о китайцах. Я тогда хотела поговорить с писателем именно на тему взаимопонимания или его отсутствия между представителями разных народов, носителями разных культур и менталитетов. Тогда повесть получила китайскую премию “Лучшая зарубежная книга XXI века” (2005), и уже было принято решение перевести её на китайский язык. Но, как будто угадав мою мысль, Валентин Григорьевич опередил меня и рассказал, что у нас в Китае всё, что связано с культурными традициями, устроено очень хорошо, что китайский язык не засоряли иностранными словами, как это сделали с русским языком. Писателя тогда очень беспокоило внедрение иностранных слов в родной язык, и он считал необходимой целеустремлённую борьбу за чистоту русского языка.

Второй раз мы виделись с Распутиным в марте 2005 года. Он называл себя “перелётной птицей”, поскольку жил тогда на два дома: зимой – в Москве, летом – в Иркутске. Писатель мне позвонил и сообщил, что уезжает в Иркутск, и при встрече подарил мне картину в каменной рамке. Это была его родина – Сибирь, Ангара и берёзы. И вот в 2009 году вышла в свет наша монография, я передала ему книгу в Иркутск. И в том же году хотели пригласить его к нам, в Далянь, тем более что Распутин тогда изучал ДВЖД, конечная станция которой находится как раз у нас в Порт-Артуре, пригороде Даляня. Но прилететь он не смог, потому что сам был не совсем здоров и очень тяжело болела его жена Светлана Ивановна. Хотела увидеть его и в прошлом, 2014 году, но он уже редко принимал у себя гостей, глубоко переживал гибель дочери и смерть жены. Думала, зачем беспокоить его, если никакой радости его душе не могу принести... Случай вновь был упущен. И больше о меня не будет случая увидеть его на этом свете...

Узнав о его уходе, я поняла, что потеряла очень близкого русского друга и наставника. Ведь именно из творчества Валентина Григорьевича я узнала

столько глубокого и интересного о России, о русской культуре, именно благодаря ему я так близко знакомилась с русской деревенской жизнью, с русской религиозностью, с нравственными истоками русской культуры. Писатель ушёл, но персонажи, вышедшие из-под его пера, его замечательные книги навсегда останутся с нами.

Верно писал С. А. Есенин: “Лицом к лицу лица не увидать. // Большое видится на расстоянии...” Может быть, о вкладе В. Г. Распутина в русскую и мировую культуру и жизнь можно будет точнее судить попозже. Но, по-моему, в современном культурном контексте нравственный идеализм, культурный консерватизм и традиционный реализм В. Г. Распутина оказываются востребованными и даже необходимыми. С ними наша жизнь становится надёжнее, правильнее, духовнее. Светлая память о замечательном писателе и человеке навечно останется в наших сердцах!

Ван ЛИДАНЬ
г. Далянь, Китай

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН РАСПУТИНУ

До сих пор не могу прийти в себя. Не стало Валентина Григорьевича Распутина. Почему-то всё время в эти первые сутки после его ухода вспоминается горький плач новгородцев у гроба святого князя Александра Невского: “Закатилось солнце земли Русской”...

Закатилось солнце нашей литературы. Ушёл последний великий русский прозаик, значение которого для нашей культуры мы и наши потомки ещё не раз будем переосмысливать.

Помню, как в далёком уже девяносто первом я, молодой выпускник филологического факультета, приехал работать в Бодайбо. Для ректора моего вуза и многих преподавателей этот мой поступок был явной глупостью. Ведь у меня был “красный диплом”, а значит, и право выбора места работы. И вдруг Бодайбо – таёжная глушь, “только самолётом можно долететь...” и всё такое. А меня неизясымно тянуло туда, в эту забытую властями, обделённую благами цивилизаций Матёру – мою Родину. И не последнюю роль в том моём выборе сыграла проза Валентина Распутина. Это правда, хотя выглядит это сегодня, пожалуй, как ребячество.

И вот на одном из заседаний методобъединения учителей русского языка и литературы мне надлежало выступить с докладом. Тема произвольная. И я, воспитанный на унавоженной человеческими страстями, залитой вековыми слезами и кровью моего народа, обдуваемой западно-враждебными и либерально-доморощенными ветрами почвы Достоевского, Шмелёва и Распутина, естественно, выбрал доклад о русском национальном характере. Написал, подготовил выступление. Всё чин чинком. В назначенный день читаю свой доклад уважаемым коллегам. И вот некая авторитетная дама из числа самых уважаемых на тот момент бодайбинских учителей-филологов, перебивая меня, с нескрываемым ехидством задаёт вопрос:

– Вы что же, считаете Распутина великим писателем?

– А как же иначе? Разве могут быть сомнения?

Помню, я даже опешил на несколько мгновений. А как, собственно, доказать аксиому, не требующую доказательств? И кому доказывать – землякам-иркутянам? Но и промолчать нельзя – методобъединение всё-таки. Истина и правда не требуют оправдания, но в молчании, как известно, уютное гнездо вьёт предательство.

– Видите ли... Величие Распутина, на мой взгляд, не в его реквиеме по Матёре, по русским старухам, по Дарьям и Настёнам. Тут другое. Он умеет заставить своего читателя быть сопричастным его личному горю, в котором вдруг обнаруживаешь своё собственное горе. Его реквием не по отдельному селу, не по десятку затопленных во благо прогресса деревень. Реквием Распутина громогласно звучит на тихих листах его прозы по нашей памяти, по нашей совести, по нашей вере, наконец.

Не о призрачной Матёре скорбят струны распутинской души, а о каждом из нас. О нашем Бодайбо, в конце концов. Не надо быть футурологом или социологом, не надо быть ясновидцем или там экстрасенсом, чтобы понять: судьба Матёры – это наше ближайшее будущее. Скоро, самое большое через

двадцать лет, наш город уйдёт под воду. Не могучего Витима, нет, под горькие и мутные струи реки Забвения.

– Что вы такое говорите? Как вам не стыдно? Где, простите, подобное вы у Распутина вычитали?

– Как где? В его “Последнем поклоне”, в “Прощании с Матёрой”, в “Пожаре”, наконец. Читайте внимательно, там всё написано. Всё. О нас, о нашей короткой памяти, о нашей зыбкой вере, о нашей совести, залатанной лоскутами равнодушия.

И вот прошло двадцать лет. Город Бодайбо по-прежнему затерян в таёжной непроходимости нашей короткой памяти. Нет, он, к счастью, не скрылся в водах Витима, но и о материальном благополучии золотой столицы Сибири говорить не приходится. Давно сгорел и пока не подлежит восстановлению красавец городской Дворец культуры. Приказал долго жить бодайбинский авиаотряд – это к тому, что “только самолётом можно...” Немым, разрушающимся от времени укором торчат из витимских струй опоры-клыки недостроенного моста. А на приисках? Режиссёрам, любящим снимать эсхатологические пейзажи, настоятельно рекомендую побывать на могиле мараканской драги – некогда самой большой в мире плавучей фабрике по добыче золота. У посёлка Апрельского есть памятник жертвам знаменитого Ленского расстрела. Добыча золота в советское время здесь, у памятника, не велась. Место святое. А теперь отвалы производства грозят засыпать и памятник, и память нашу заодно.

И таких примеров только по одному Бодайбинскому району предостаточно. Что это? Полная неожиданность? Нелепая случайность? Досадные издержки цивилизации?

Да нет, господа-товарищи. Сорок лет назад обо всём этом, обо всём, что произошло и ещё произойдёт с нами, кричал, трубил, выписывал кровью и потом на сострадавшей ему бумаге наш великий соотечественник Валентин Григорьевич Распутин. Последний великий мастер и хранитель народного языка, стыда и памяти.

Низкий поклон Вам, учитель! Низкий поклон. Последний поклон. Простите нас.

Олег СЕЛЕДЦОВ
Бодайбо – Майкоп

* * *

Уважаемые коллеги! Выражаем соболезнование родным и близким, друзьям, всем честным писателям и читателям в связи с уходом из жизни замечательного русского художника слова В. Г. Распутина. Скорбим и помним. Невосполнимая утрата. Но она ещё больше сплотит ряды тех, кто беззаветно служит отечественной литературе с её великими традициями!

Члены Ярославского областного отделения Союза писателей России
Е. Гусев, Е. Чеканов, Ю. Бородин, А. Грешневилов, С. Хомутов и др.
г. Ярославль

* * *

Уход из жизни Валентина Григорьевича Распутина – большое горе, личное для каждого и общее для всех. Редчайший был человек, начиная с внешнего облика, манеры держаться и говорить, глубоко народной и глубоко интеллигентной одновременно. Если кто-нибудь его книг не читал, а видел и слышал Распутина впервые, то вполне мог подумать: вот этот скажет только правду. Он её и говорил.

А в прозе его беспримерное соединение коренного, земного с высшим, небесным. Как пальцы рук переплетённые – не разделить...

Когда живёт в одно с тобой время великий писатель, то чувствуешь, пусть и полусознанно, некую крышу над собой и над всеми. Уж он-то увидит в трудную минуту самое главное, самое нужное и подскажет, как быть. А если он уходит, то все сиротеют вдруг, независимо от возраста. Шолохов. Твар-

довский, Белов... Сострадальцы, печальники, защитники народные. А теперь вот и Распутин нас оставил, и надо жить одним, без него. Но ведь и остался он с нами – в книгах, где и боль его за народ, и дела, и мысли. И даже мы там вписаны и существуем с ним, автором, вместе.

На церемонии прощания было видно, что люди чувствуют сердцем огромность потери, что многие годы Валентин Григорьевич был не только великим русским писателем, но и душой и совестью России.

Юрий УБОГИЙ
Калуга

ЖИВИ И ПОМНИ...

Он никогда не бегал ни от времени, ни за временем. Жил, как Бог поставил (“В старые времена я наверняка был бы на стороне старообрядцев. По консервативному своему складу характера и ума, по согласию с аввакумовским принципом: “До нас положено, лежи оно так во веки веков”. Я даже в юности узких брюк не носил, и не потому, что комсомол не велел, а потому, что мне это казалось нарочитым, вздорным. Понимая прекрасно, что это невозможно и вредно – находиться “за железным занавесом” от Запада, – я втайне тоскую по нему: сколько доброго было бы не изгажено!” – писал он мне 22.12.96).

Он и читал с детства так ненасытно не для цитирования и блеска знания, а чтобы пускать “в дело”. Вводить знание в порядок дня, переводя его в молчание, в небо и землю, словно хотел, чтобы оно наполнило не только человека, но воды и облака, птиц и зверей. Он был и есть в своём деле Леонтьев и Ильин, Данилевский и Аксаков, Шмелёв и Бунин. Тогда как мы часто только в платье “от Ильина”, “от Леонтьева”, как “от Диора”.

Как он верно говорил на предпоследнем Русском Соборе: “Как не преклониться перед мудростью народной, которая века и века указывала направление грозящей России опасности! До чего просто и верно: сверху небо, снизу земля, а с боков ничего нет – оно и продувает. Боковины свои мы и не сумели охранить. Это ещё пушкинская мысль, применительно к традиции: что пребывает в России, то ко благу её, что не вмещается – то соблазн и опасность. От славянофилов и до Столыпина звучало предостережение: “Нельзя к русским корням и русскому столбу прививать чужестранный цветок”, – и не предостерегло”.

Теперь уже навсегда ясно, что это он с горькой твёрдостью и правом поставил памятник русской деревне, утонувшей на наших глазах невозвратно, как Атлантида или Китеж. “Эх, Валентин, нет уже с нами той жизни, тех чувств, той памяти, на которые мы продолжали уповать. Отбыли – и чего уж тут обманывать себя – навсегда”, – это опять из письма 26.06.03. И мы-то ещё, может, и не поняли, что невозвратно, и ещё обманывали себя заплатками, а он уже знал и строил ковчег, чтобы если не “всякой твари по паре” (не оставалось уже никаких пар), то хоть последние народные духовные ценности уберечь. И не в отвлечённом слове, не в элегических воспоминаниях, которые часто отдают самолюбованием и пустым умилением, а в прямом характере. Поставить нас перед лицом, перед Ликом хранительниц избы, деревни, рода и дома, чтобы мы, когда “прижмёт”, знали, где искать наш Светлояр. Куда можно собраться для воспоминания о том, каковы мы были, о том, что такое Россия в Господнем замысле. И последний раз напомнить, как мы были близки к тому, чтобы мир услышал тайну и силу русской правды, о которой он догадывался по книгам Толстого и Достоевского, Шмелёва и Бунина, Распутина и Астафьева, диалога с которой искал, но которую руками своих политиков с нашими подпевалями сам и топил, не понимая, что топил и свой дух, и своё спасение.

Мы уже никогда не будем более так доверчиво чисты, так поднебесно высоки, так просты и мудры сердцем, потому что мир прячется от испытующих глаз в нарочитую сложность. Но изгнанные из рая народной цельности, мы знаем, что это то лучшее, что бережёт и держит нас в жизни, спасает от духовного затопления и поддерживает надежду если не на возвращение (теперь уже навсегда ясно, что в эту святую воду дважды не войдёшь!), то на высветление сердца.

Он, младший из деревенских детей русской литературы, досмотрел этот путь за своих товарищей, с кем выходил вместе, и за тех, кто шёл им и писал земной русский народ раньше.

Оглядываясь сейчас, напоследок, в его творчестве, в его святых героинях я вижу, что, стоя в сердце жизни, он простился не с веком даже, а с тысячелетием, до ниточки высмотрев то святое, высшее, крепительное, чем жила родная Россия, которая никогда не была для него отвлечённостью, а была в разное время Анной, Дарьей, Настёной, Тамарой Ивановной – всегда имением, жизнью, долей и правдой. Всегда любовью и верой.

И как он ценил у Карамзина и не уставал напоминать дорогую мысль: “Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжко его унижение, но пробыёт урочный час, он соберёт свои растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу”.

**Валентин КУРБАТОВ,
Псков**

РАСПУТИНСКОЕ СЛОВО

А вдруг всё это приснилось, всё, что началось в день его рождения, с пятнадцатого марта. И этот предполночный звонок, и ночное радио, и утреннее телевидение, и храм Христа Спасителя, и люди, люди, и гроб, утонувший в цветах, и Патриарх, и облегчающее душу отпевание и долгий перелет навстречу рассвету. Ангара, Знаменский монастырь, и снова люди, люди, люди, и митрополит, и холм жёлтого песка, и резной Крест, и гора цветов над могилой, и шеренги венков у стен церкви – вдруг всё это приснилось? И это холодное мартовское солнце. И этот мужчина у могилы, земляк писателя, который горестно восклицал, обращаясь к фотографии: “Валентин, а чего же Григорий-то и Нина не приехали? А ты ведь столько им помогал”.

И этот осиротевший Иркутск. Было ли?

Да, всё было. И тяжелейший обратный путь из Сибири к закату.

Давным-давно, не помню от кого, услышал я выражение: “В мире одно счастье – Бог, остальное страдания”. Вначале всё во мне сопротивлялось: а как же радости жизни, и улыбки и книги, реки и моря? Но ведь это всё вечно только для Бога, для нас мгновение, вскрик в ночи. Как ни живи, а впереди смерть. Если ребёнок родился, он умрёт. Чему радоваться?

И второе, уже евангельское: “Мир во зле лежит. Злу не положено предела”. Да, так. Конечно, мы верим, что Господь поразит зло, но Он поразит его в полном объёме, а для этого оно и должно открыться в своей полноте. А наше дело спасти себя. Мы на земле в командировке, посланы в неё, чтобы заработать вечную жизнь. Она же есть! Не умер же преподобный Сергей Радонежский и все святые, они с нами.

Валентин Распутин очень любил святого Сергия. Исследователи творчества писателя проходят мимо главного в распутинских трудах, в их духовной наполненности. Она и всегда была. Маленький ранний рассказ “Мама куда-то ушла” говорит о страданиях мальчика, который проснулся и увидел, что он всеми оставлен. Ему кажется, что он одинок, но кто-то же его видит, жалеет его? Конечно, Господь. Тогдашний автор взял на себя всеведение Бога: он был с мальчиком, но тот его не видел. Жалость автора передалась читателям, и они своим состраданием помогают ребёнку пережить одиночество.

Валентин Григорьевич предчувствовал свою земную кончину. “Он лежал и вяло и безпричинно, будто с чужой мысли, мусолил в себе непонятно чем соединившиеся слова “март” и “смерть”. Было в них что-то общее и кроме звучания. Нет, надо одолеть март, из последних сил перемочь эту последнюю неделю”. (Повесть “Пожар”.) Много мартов пережил, нынешний не смог.

Главный секрет его таланта в том, что он глубоко православный, воцерковлённый человек, раб Божий. Его вера была сокровенна. За год до 600-летия Куликовской битвы он был на Поле Куликовом и написал о нём. Затем была работа “Ближний свет издалека” о преподобном Сергии. И это были те вершины, по которым равнялись и остальные труды. Он крестился в Ельце

в 1980 году. Его духовным отцом был великий старец схиеромонах Нектарий, благословивший Валентина крестом последних Оптинских старцев. Многие ли знают, что и Оптиная пустынь была возвращена Православной церкви трудами Распутина. Это к слову сказать тем, которые всячески кусали писателя за “хождение во власть”.

Когда мы читаем о мучениях христиан первых веков, то вот перед нами Распутин – их повторение в наших временах. Его дважды убивали, в Красноярске и в Иркутске, у него умер сын, погибла дочь, тяжело и долго умирала жена, и сам он шёл по лечебницам и больницам как измученный человек, как израненный воин. И при всём том, слышал ли кто от него хоть малую жалобу на болезни? Какой там! Его продолжали мучить, от него требовали постоянного присутствия на каких-то совершенно ненужных мероприятиях, у него рвали предисловия, а вырвав, умильно говорили: “Валентин Григорьевич, берегите себя”. Как беречь, если тут же нападает другой-третий, поглощает его время, изнуряет нервы. Уносит здоровье. Воистину, жил среди писателей-вампиров.

Он был чужд обид на кого бы то ни было. Знал, что во всех своих несчастьях человек виноват прежде всего сам. Знал, что жизнь даётся для подготовки к вечности. Что ничто нечистое в Царство Небесное не войдёт. Что все испытания, беды, посылаются нам для очищения души. Главное – сохранить верность Богу. И что Крест не по силам Господь никому не даёт.

В 2008 году он был в Иерусалиме на схождении Благодатного огня. Как он выстоял в храме Воскресения многочасовое стояние-ожидание в жаре, тесноте, криках, это могло быть только с Божией помощью. Ведь уже и тогда он плохо себя чувствовал. Но всегда потом с радостью вспоминал тот день.

Он человек, которого полюбили и Восток и Запад, как русского человека, спасителя мира. В прямом смысле. Больше миру неоткуда ждать спасение. Только из России и от России.

В силе своей прозы он неподражаем. Как назвать стиль его письма, манеру? Непонятно. Всякие критики тут безсильны. – “Как я пишу? Никогда ничего не выдумываю. Просто вспоминаю”.

Его проза на вершине русской классики. Она – итог не только трехсотлетней истории русской литературы, больше, она захватывает ещё и устный период словесности. Но что главное – его проза – это ещё и прорыв к новым пространствам русского слова.

Это пространство в заботе о спасении человека. От первородного греха. “Адам, где ты?” – воззвал Бог. И возвращение человека к Богу – это и есть его главная его цель.

А для русского слова – возвращение к его главному назначению – служить достижению этой цели.

Когда будет новый Распутин? Никогда не будет. Он уже был. И остался. Лучше спросить: когда будет писатель такого же уровня? Это зависит от его ожидания. Русский язык способен помогать тому, кто верит в Бога и в Россию. Кто, как Распутин, будет понимать, что дело спасения человека не в политической системе, не в деньгах, не в оружии, не в экономике, а в очищении в себе образа Божия.

И последнее. Значит, Господь любит Россию, если подарил ей Распутина.

Владимир КРУПИН

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕОНИД САФРОНОВ

БОЖЬЯ РОСА

МОИ РОДНЫЕ СЕЛЬСКИЕ МЕСТА

А я люблю места свои родные,
Где Божий храм сияет на холме.
Есть на земле ещё места иные —
Места родные всё же ближе мне.

Здесь я купался с детства в каждой луже
И по утрам ходил с корзинкой в лес.
Есть на земле места совсем не хуже,
Но всё же лучше нет родимых мест.

Пусть кто-то где-то вечно счастье ищет,
По всей земле бродя туда-сюда,
А я хотел бы на родном кладбище
Лежать в земле до Страшного Суда,

Чтоб над моею тихою могилой
Сиял обычный деревянный крест
И освящал свою крестной силой
Все тёмные места родимых мест.

Иерей Леонид САФРОНОВ родился в 1955 году в посёлке Рудничный Кировской области. После окончания школы был студентом медицинского училища, а затем — и культпросветучилища. Служил в армии, работал в Норильске. Публиковался в местных изданиях. В 1989 году был принят в члены Союза писателей России. Автор двух стихотворных книг. В настоящее время о. Леонид Сафронов — настоятель храма во имя Святителя Николая Чудотворца в посёлке Рудничный, окормляет семь приходов близлежащих сёл, два тюремных храма, три молебные комнаты в колониях и строит ещё несколько храмов для тюрем...

И в небесах, как вестница из Рая,
Стояла полуночная звезда,
Своим высоким светом озаряя
Мои родные сельские места.

А если всё же Суд настанет Страшный
Спасётся тот лишь, чья душа чиста,
Кто принял бой смертельный рукопашный
И отстоял родимые места.

ОБЛОМОВ

Среди житейских бурь и громов,
На корабле идя ко дну,
Лежит Илья Ильич Обломов
И думу думает одну.

Уж стало море над бортами.
Забыв о Боге, о рубле,
Стоят с разинутыми ртами
Плывущие на корабле.

Иные от морского шуму
Безумно лезут из кают, —
Илье его святую думу
Во сне додумать не дают.

Уж окна сломаны у трюма,
Течёт холодная волна.
О чём его большая дума?
О малой родине она.

Где он, любовью окружённый,
И сам печётся о родне.
Корабль, водою нагружённый,
Уже давно лежит на дне.

Очнётся он на миг, зевая,
И снова беспросветно спит.
Над ним уж буря грозовая
Солёной пеною кипит.

Он думает: “Дойду до дна я,
До самых гибельных высот,
Но всё ж Обломовка родная
Меня от гибели спасёт”.

Лежит он, ничего не зная,
Что там, в далёкой стороне,
Его Обломовка родная
Уже давно лежит на дне.

БОЖЬЯ РОСА

Висит на былиночке божья роса.
Она отражает поля и леса,
И небо, и землю, и море, и сушу —
И этим похожа на светлую душу.
И всё, что на свете её окружает,
Она всей душою своей отражает.

СВЯТОЙ СЕРАФИМ, МОЛИ БОГА О НАС!

Встаёт Серафим преподобный на камень
И молится тысячу дней и ночей.
Уже от молитв превратился он в пламень,
Уж пламень идёт у него из очей.

И, может быть, кто-то недремлющим оком
Глядит, как над Русью сияет, горит...
А это с самим Вседержителем Богом
В молитвах святой Серафим говорит.

Взмахнёт он руками,
Как Ангел крылами,
Роняя на камень
Небесное пламя.

И слышит сквозь сон
Изумлённый Саров,
Как молится он:
“Свят Господь Саваоф!”

И мы голосим
Друг за другом за раз:
“Святой Серафим,
Моли Бога о нас!”

ВАРВАРИН ДЕНЬ

После службы в день Варварин
В доме, будто невзначай,
Нашей матушкой заварен
С голубою мятой чай.

“Тянет” выпечкой из печки,
И глазеет малышня,
Как в сосульки и колечки
Завивается квашня.

Вот сидим у самовара —
Лица розами цветут.
И виновница Варвара
Тоже с нами рядом тут.

Видим мы её сердечком,
Чистой детскою душой
Нашим близким человечком,
А не тётенькой чужой.

Между нас сидит святая,
Будто близкая родня,
С нами сласти уплетая
В честь Варвариного дня,

И глоточек за глоточком
Громко чай из блюдца пьёт,
И батистовым платочком
Утирает сладкий пот.

Попила, попиловала
И, неслышно, словно тень,

В небеса ушла Варвара, —
И прошёл Варварин день.

Каждый праздником доволен,
Как святой, сияет весь.
Послезавтра день Николин:
Снова будем сладко есть.

Рождество потом Христово,
А за ним — Святые дни.
Сколь у людюшка простого
Всякой на небе родни!

Отцвели ребячьи лица.
Надоело пировать.
Все гурьбой идём молиться
И валиться на кровать.

С неба снег сползает ватой,
За окошком всё в снегу
Дома пахнет сладкой мятой,
Словно лето на лугу.

ЗИМОЙ ВИФЛЕЕМСКИЕ НОЧИ ТИХИ

Зимой Вифлеемские ночи тихи,
В них звёзды пылают, как свечки.
Сидят у костра до утра пастухи,
И бродят в загоне овечки.

Сидят пастухи за питьём и едой,
О Боге ведут разговоры.
Сегодня какую-то новой звездой
Полны их бессонные взоры.

Звезда надо всею землёю горит,
Все мира концы освещает,
Как будто о чём-то большом говорит,
Великое что-то вещает.

Обычно в такие глухие часы
Не сыщешь на ёлке иголки.
В щенков обратились громадные псы,
Умолкли голодные волки.

Всё тихо на свете. Костёр уж потух.
В кустах кто-то шарится слепо.
Вдруг видит из них самый старый пастух
Сиянье, идущее с неба.

Сиянье безмолвно сошло на луга
И приняло облик телесный.
И видит пастух: это Божий слуга —
Неведомый Ангел небесный.

Тут все пастухи пробудились от сна,
Не в силах унять удивленье:
Земная природа груба и тесна
Подчас для такого явления.

И Ангел речет им великую весть:
“Сегодня родился Спаситель,
Бегите скорей в Вифлеемскую весть,
А после овечек пасите!”

“А где мы найдём, и каков он на вид?” —
Промолвил пастух помоложе.
“В такой-то пещере, в пелёнки повит
И в скотские ясли положен”.

Стоят, потрясённые этой молвой, —
Нашло на людей осененье.
Тут небо раскрылось над их головой —
И с неба послышалось пенье.

Спешат в Вифлеемскую весть пастухи,
Смольём освещая дорогу,
С собою кусок от овечьей дохи
Несут человеку и Богу.

Спешат пастухи в Вифлеем во всю прыть,
От счастья сияют их лица,
Спешат, чтоб Младенца от стужи укрыть
И в ножки ему поклониться.

ЕЛЕНА ПИОТРОВСКАЯ

“ОКРАИНЫ РОССИИ ОЗАРЯЯ”

(о поэзии сельского батюшки)

Два основных направления в нашей отечественной культуре можно обозначить коротко: почва и космос <...>. Одни идут от взрастившей их земли <...>, добираясь до всечеловеческой высоты нравственной философии. Другие — от абстрактных моделей всемирности мышления, от не ведающего границ пространства мировой культуры, пространства “любви к дальнему” <...> спускаются до конкретного человека, уже не признавая его приоритетных национальных, религиозных, социальных ценностей.

Бондаренко В. Г.

Протоиерей Леонид Сафронов — настоятель Свято-Никольской церкви посёлка Рудничный Верхнекамского района Кировской области. В этом посёлке он родился и вырос. Как священник, окормляет 11 сельских приходов, пять из

них – в колониях строгого режима, где его трудами выстроены церкви. Батюшка многим известен по самоотверженному двадцатилетнему служению в сельских поселениях и колониях, по Великоорецкому крестному ходу (он прошёл его уже 22 раза), но есть и другое его служение. Батюшка Леонид Сафронов – настоящий большой русский поэт.

Батюшка считает священство главным своим служением, а дар творчества видится ему в том, чтобы через литературу приводить людей к пониманию Бога. Для него “стихи в идеале – молитва, картина в идеале – икона”. Как священник и гражданин, Леонид Сафронов видит свою жизненную задачу так: “Спасти Россию – есть тот высший смысл, ради которого мы все явились на эту землю, единственное оправдание нашего прихода в эту жизнь”.

В творчестве Леонида Сафронова мы сталкиваемся со своеобразной поэтической летописью человечества – осмыслением проблем мироздания и всей человеческой истории в библейском контексте, от изгнания из рая первых людей:

*В страхе землю озирая
У истоков древних рек,
Бродит изгнанный из рая,
Самый первый человек...
 (“Человек”, 2002) —*

до эсхатологических предощущений современности: *Архангелов грозные трубы // Уже над землёю трубят.*

Пасхальная радость как основа русской культуры отчётливо выражена в поэзии Сафронова: *“И Христос над Россией воскреснет // С просветлённым от счастья лицом”*. Созидательное, жизнестроительное – это то, что предлагает Сафронов современному читателю.

Его поэзии присущи проникновенный лиризм, эпическая широта охвата истории Отечества, глубина и масштабность освоения национальных тем.

О. Леонида глубоко волнует всё, что связано с историей русского Средневековья как колыбели и поныне живущей Святой Руси. Его поэзия отражает постижение им самим и открывание современному читателю православной культуры во всем её объёме. Это выражается в соотносённости жанровой системы его творчества с древнерусскими образцами.

Так, героический цикл Сафронова (“Илья Муромец”, “Про Илью и змея”, “Симеон” и др.) соотносится с былинами, исторический цикл, включающий стихи о киевских князьях (“Святослав”, “Крещение Руси”, “Лето близко к увяданью” (об Игоре и Ольге), о владимирском князе Андрее Боголюбском (поэма “Знаменская”), о митрополите Алексие (“Тайдулла”), а также цикл стихов о Богородичных иконах (“Владимирская”, “Державная”, “Знаменская” и др.) соответствует жанрам летописей и сказаний. Его “Поле Куликово” напоминает старорусские воинские повести (и, в первую очередь, “Слово о полку Игореве”, “Задонщину”). Житийный цикл отражает в современной поэзии старорусские жития; Афонский цикл соответствует жанру хождений, а семейно-бытовой “поповский” цикл близок лирическому, а порой и юмористическим народным песням. Сафроновские сказки, былины, исторические песни, духовные стихи во многом близки своим древнерусским образцам сюжетно-тематически, композиционно, образной системой, изобразительно-выразительными средствами.

*Лишь однажды кликом лебединым
Встрепенётся Русь оглашена —
И опять дыханием единым
Над полями дышит тишина...*

.....
*С неба месяц сбился, как подкова.
Что нас ждёт, не видно впереди...
Жизнь прожить, что поле Куликово
За Россию в битве перейти...
 (“Поле Куликово”, 1997)*

Духовный стих Сафронова ближе к традиционному духовному стиху XI–XVI веков, нежели к религиозным произведениям классической поэзии. Житийные его стихи написаны в основном в сказовой манере и напоминают, с одной стороны, жанр стихотворной новеллы или исторической баллады, а с другой – лирическую и историческую поэму.

Тема русского богатырства особенно близка автору:

*Могучей рукой, прикипевшей к мечу
И взмахом решавшей битвы,
Из воска пудовую ладит свечу
И в келью спешит на молитвы...
(“Илья Муромец”, 2007)*

В стихотворении Л. Сафронова “Симеон” (2001) не воин, а аскет предстаёт исполином духа, героем-богатырём, потому что автор видит в нём воина Христа, который побеждает, преодолевает своё немощное естество, самого себя.

*Симеон стоит среди толпа.
Неземного семени он.
А вокруг толпа голосит толпа:
“Помолись за нас, Симеон!”...*

*...На главе его свил гнездо орёл,
На груди — лежат облака.
Всякий место в нём и на нём обрёл,
Кто на вечность, кто — на века.*

*Посреди небес он стоит, как дуб,
Все святые вокруг — толпой.
И трещит земли ослабевший пуп
Под могучей его стопой.
(“Симеон”, 2001)*

В его поэзии представлена живая – зримая и звучащая – галерея выдающихся державных строителей – весь тысячелетний облик Святой Руси (“Лето близко к увяданью” – о князе Игоре и княгине Ольге; “Святослав”; “Крещение Руси” – о князе Владимире, поэма “Знаменская” – о князе А. Боголюбском, “Владимирская” – о главной русской святыне и князе Василии; “Тайдулла” – о митрополите московском Алексии; русских покровителях семьи и брака – князьях муромских Петре и Февронии; о национальном герое XVI века Ермаке Тимофеевиче, судьба которого так тесно связана с Вяткой; О Патриархе Тихоне и Царской Семье и мн. др.). Душа поэта болит о будущем страны, и в этих личностях он находит утверждение национальной гордости, высокие воодушевляющие примеры для современников.

*Шипя, гражданская война
Из душ безродных выползала,
На храмы скалила она
Своё раздвоенное жало.*

*И била в бешенстве хвостом,
Когда, из дыма, из огня ли,
Одной молитвой и постом
Её монахи изгоняли.*

*И Патриарх всяя Руси
Святейший и Светлейший Тихон
Стенанья к Богу возносил
В каком-то изумленье тихом.*

*Я слышал: русская земля
Уж заводила песню вдовью,
Где царь и царская семья
Христовой истекали кровью...
(Видение, 2007)*

Литература XIX века, Золотой век её, оказала огромное влияние на творчество Сафронова. Не случайны в его творчестве поэтические переключки с И. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Ф. И. Тютчевым, А. К. Толстым, Н. В. Гоголем, Н. С. Лесковым, И. С. Тургеневым.

Отзвук тютчевской поэзии ощутим, например, в сафроновском стихотворении “Заря”:

*Как будто откровение из рая,
Внимающих за всё благодаря,
Окраины России озаряя,
Пылает полуночная заря.*

*Уж полоса зари всё уже, уже,
И вот она уже едва видна...
Померкло всё. Лишь в придорожной луже
Ещё всплывает светлое со дна.*

*Исчезло всё. Как будто не бывало...
Чем так недолго восторгалась мы?...
Как будто мрак набросил покрывало
На наши просветлённые умы...*

Вспоминаются тютчевские “Утихла биза...”: “Сияла белая гора, // Как откровеннее неземное”; “Святая ночь на небосклон взошла” (но без тютчевского ощущения богооставленности), “Весна”: “И жизни божески-всемирной // Хотя на миг причастен будь!” – и, конечно, “Невыразимое” И. А. Жуковского: “Невыразимое подвластно ль выраженью?..” – тоже в несколько полемическом аспекте. Интересно, что один из заключенных колоний, которые опекает отец Леонид, именно на эти стихи написал песню. Вторая его песня тоже содержит аспект преображения, который, видимо, был пережит этим страдающим и обновлённым человеком и выражен словами его духовного отца и поэта: “И прежняя жизнь, словно юности пух, // От нас навсегда отлетела”. Кстати сказать, в стихотворении “Симеон Верхотурский” есть авторская сентенция по этому поводу, выраженная почти по-некрасовски:

*К пути святому узкому
Нередко путь прямой
У нас народу русскому
Сумою да тюрьмой.*

Не могу не привести и такой показательный факт: в колониях перед воцерковлением до знакомства с Евангелием Л. Сафронов рекомендует своим подопечным прочесть некоторые произведения русской классики, а именно: “Капитанскую дочку” и “Евгения Онегина” А. С. Пушкина, ранние романтические повести Н. В. Гоголя, “Записки охотника” И. С. Тургенева, “Соборяне” Н. С. Лескова, “Войну и мир” Л. Н. Толстого. Как видно из перечисленных произведений, основной тематикой в них является народная религиозность и народное восприятие жизни и истории. Он полагает, что эти книги могут подготовить душу человека к восприятию слова Божьего, послужить “ступенькой к храму” (Гоголь). В одном из интервью поэт говорит: “Если бы России не стало, из одного Пушкина, как из зерна, можно было бы возродить Россию”. Из поэтов XX века ближе всего Сафронову С. А. Есенин и Н. М. Рубцов.

... “Россия” у Сафронова чаще всего – российское государство, современное или историческое, страна, территория, “тело”. “Русь” – нечто изначальное, историческое и живое, русская земля вообще, духовная сущность, сама душа России – Святая и заблудшая, былая и нынешняя, любая и любая (любимая). Все творчество Сафронова пронизывает эстетика преображения,

отражающая возможность примирения человеческой души с Богом путём очистительного покаяния. В связи с этим одним из лейтмотивов поэзии Сафронова является Фаворский свет – свет Преображения, которым Господь просиял на горе Фавор.

*Спешу до родимого храма,
А с неба на Русь, как ответ,
Низводит Григорий Палама
Фаворский немеркнущий свет...
(“Фаворский свет”, 2007)*

Незримый свет Преображения нисходит на Русь по молитвам святых. Одним из достижений поэзии Сафронова является изображение современных русских праведников, продолжающих традицию живой святости (поэма “Николай Чудотворец”, баллада “Лесниковая дочь” и др.).

*Всю б Россию пропил — только молится дочь:
“Дай нам, Боже, насущного хлеба!”
И в единую ночь в небывалую мочь
Снова бор вырастает до неба...*

Это хранители векового опыта народной жизни, верные исполнители его нравственных заветов.

По Сафронову, воскресение – возрождение России следует начинать с возрождения собственной души и с возрождения нашей кормилицы – русской деревни: *Затаилась Русь святая // На заброшенном селе.*

В его стихах явственно звучит семейное начало, столь редкое сейчас. Мы видим в его творчестве, можно сказать, апологию семьи: семья как малая Церковь (“Петр и Феврония” и др.); как совместное служение Церкви и Родине (“Ночное светило”); как общие труды и скорби (“Попадья”), как основа всего мироздания (“Лосята”); как земная полнокровная радость.

Если проследить становление стиля Сафронова от первых опытов к последним книгам, можно отметить смену жанровых предпочтений (от элегии к балладе, исторической песне, житийному стиху, поэме), расширение тематики и более глубокий подход к осмыслению основных явлений как личной, так и русской, и общемировой действительности. Всё больший интерес автора вызывает воссоздание образа национального прошлого в его соотносённости с настоящим, житийные стихи, а также стихи для детей. Это определяет образную парадигму сафроновской поэзии, особенно сближая образ святости и образ детства:

*С природой сливаться в одно,
Что только святым и поэтам,
Да маленьким детям дано...*

Сафроновский поэтический мир, как и мир русского фольклора, необыкновенно музыкален и певуч. Многозначность слов, их неожиданные сочетания, умелая звукопись формируют живые, свежие, звучащие образы: *В роще связкою ключей // допоздна звенит ручей.* На его стихи написано уже несколько десятков песен.

Мне показалось, что именно его творчество наиболее полно отражает те невидимые важнейшие духовные процессы на “окраинах России”, которые способны в духовно-нравственном отношении изменить к лучшему русскую действительность и которые пока недооценены. Об этом писал еще в 1927 году В. И. Вернадский: “Совершался и совершается огромный духовный рост, духовное творчество, не видные и не сознаваемые ни современниками, ни долгими поколениями спустя. С удивлением, как бы неожиданно для самого народа, они открываются ходом позднейшего исторического изучения”.

В одном из его стихотворений из “поповского” цикла, который я условно называю “Мелочи иерейской жизни”, лишённом литературных изысков, но пронизанном тонким юмором и самоиронией, говорится о “мечтах” сельского иерея:

*А за то, что жил убого,
Не менял служебных мест,
Я б на старости у Бога
Заслужил могильный крест.*

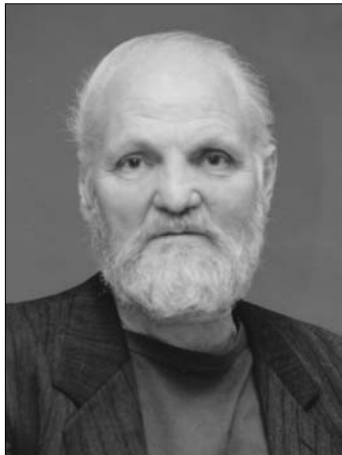
*Я б лежал в земле, как в ватке,
И сказал бы архиерей:
“Это был у нас на Вятке
Самый сельский иерей.*

*Самый сельский, самый бедный,
В жизни крест носил он медный,
За могильною плитой
Крест он носит золотой”.*

*Средь отцов и матерей
Спи, отец протоирей.
Спи до Страшного Суда —
Все к тебе придём сюда.
(2002)*

Пусть же настоящему русскому поэту “награды”, может быть, в виде признания, придут в его земной жизни!

ВЛАДИМИР КРУПИН

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

КАРФАГЕН

И было-то это совсем недавно. Тунис. Ездили в Бизерту, видели умирающие русские корабли. И, конечно, в Карфаген. Услышать голос римского сенатора Катона: “Карфаген должен быть разрушен”...

Остатки амфитеатра. Осень. Мальчишки вдалеке играют в футбол. Раздеваюсь и долго забредаю в Средиземное море. Даже и заплываю. Возвращаюсь — надо же! — полон берег весёлых мальчишек. Аплодируют смелому дедушке. Под ногами множество плоских камешков — “блинчиков”. Вода спокойная, очень пригодная для их “выпекания”. Бросаю — семь касаний. Кружочки аккуратно расходятся по воде. Ещё! Десять. У мальчишек полный восторг. Неужели так не играют? Во мне просыпается педагогическое образование. Учю подбирать камешки. Выстраиваю мальчишек. Их человек двадцать. Бросаем. Вначале для практики, потом соревнование. Вскоре выявляются лидеры. Вот их уже пятеро, трое. И, наконец, два последних. У одного получается пять “блинчиков”. Объявляю его победителем и — что-то же надо подарить! — дарю кепочку с эмблемой фонда Святого Апостола Андрея Первозванного. Благодарные мальчишки дарят мне... футбольный мяч. Передариваю его самому маленькому, у которого пока не получилось бросать камешек по глади воды. Ну, не всё сразу, научится.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в Советской Армии, окончил Московский областной пединститут. Автор повестей “Живая вода”, “Сороковой день”, “Прощай, Россия, встретимся в раю”, “Люби меня, как я тебя”, “От рубля и выше”, “Как только, так сразу”, “Слава Богу за всё”, романа “Спасение погибших”, многих рассказов, путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор “Православной азбуки”, “Детского церковного календаря”, книги “Русские святые”. В “Нашем современнике” печатается с 1972 года (отрывки из первой книги “Зёрна”). Живет в Москве.

РАССКАЗ МАМЫ

Запишу рассказ мамы о предпоследнем земном дне отца.

— Он уже долго лежал, весь выболелся. Я же вижу: прижимает его, но он всю жизнь никогда не жаловался. Спрашиваю: “Коля, как ты?” Он: “Мамочка, всё нормально”. — А отойду на кухню, слышу — тихонько стонет. Весь высох. Подхожу накануне, вдруг вижу, он как-то не так глядит. “Что, Коля, что?” А он спрашивает: “А почему ты платье передела? Такое платье красивое”. — “Какое платье, я с утра в халате”. — “Нет, мать, ты была в белом, подошла от окна, говоришь: “Ну, что, полегче тебе?” — “Да ничего говорю, терпимо”. Говоришь: “Ещё немного потерпи, скоро будет хорошо”. И как-то быстро ушла. Говорю: “Отец, может, тебе показалось?” — “Да как же показалось, я же с утра не спал”.

Назавтра, под утро, он скончался. Был в комнате один. Так же, как потом и мама, спустя восемнадцать лет, тоже на рассвете ушла от нас.

Великие люди — мои родители.

ХУДОЖНИК БОРЦОВ

Анриан Алексеевич Борцов, земляк, роста был небольшого, но крепок необычайно. С женщиной на руках плясал впредьку. Писал природу, гибнущие деревни. У него очень получалась керамика. И тут его много эксплуатировали кремлёвские заказчики. Он делал подарки приезжавшим в СССР всяким главам государств. Сервизы, большие декоративные блюда. Где вот теперь всё это? Уже и не собрать никогда его наследие. И платили-то ему копейки. Когда и не платили, просто забирали. И заикнуться не смей об оплате: советский человек, должен понимать, что дарим коммунистам Азии, Африки и Европы.

Старые уже его знакомые художники вспоминают его с благодарностью: он был председателем ревизионной комиссии Союза художников. “Всегда знали, что защитит”.

Он всю жизнь носил бороду. “В шестидесятые встретит какая старуха-комсомолка, старается даже схватить за бороду. А я им: на парикмахерскую денег нет. Не драться же с ними. А уже с семидесятых, особенно с восьмидесятых бороды пошли. Вначале редко, потом побольше, повсеместно”.

В моей родне ношение бород прервалось именно в годы богоборчества. Отец бороды не носил и вначале даже и мою бороду не одобрял. А вот дедушки не поддались. Так что я подхватил их эстафету.

Да, Анриан. Были у меня его подаренные картины, все сгорели. Но помню. “Калина красная”, например, памяти Шукшина. “Три богатыря” — три старухи, стоящие на фоне погибающей деревни, последние её хранители.

КАМЧАТКА

Декабрь, снега. Прилетел сюда, обогнав солнце. Взлетал при его полном сиянии, прилетел, а тут уже рассвет. Красные стёкла иллюминаторов. Живу несколько дней, погода всякая, но так хорошо! Вдруг объявляют с вечера штормовое предупреждение на завтра. А как улетать? Тут и на месяц, бывает, застревают. Были в эти дни и метели, и солнце, и холодно, и тепло, и пасмурно, и даже дождливо. Снега казались мне уже глухими. “Разве это снега? Снега у нас в марте. Снега и в мае лежат”. Из окна номера в гостинице — три сопки, “Три брата”. Разные всё время, не насмотришься. Да, Камчатку можно полюбить. Тем более, я житель школьной “камчатки” — последней парты. Да, посадили на неё за шалости, но как же на ней хорошо!

Жить на Камчатке трудно. Один факт — рыба дороже, чем в Москве.

Японцы всё время завидуют: “На Камчатке сто пятьдесят тысяч населения, в Японии сто пятьдесят миллионов”. Мол, делайте выводы.

Богатства Камчатки неисчислимы. Рыба, ископаемые, термальные воды, дичь. Показали газету 30-х годов. Рыбколхозу дают задание: заготовить на

зиму сто медведей, рыбколхоз рапортует: заготовили триста. Ужас. Ещё ужаснее: убили медведицу, медвежат раздают в бедные семьи, кормить на мясо к зиме. Ну, а что делать, это жизнь.

На Камчатку приехали молодые супруги. Заработать на квартиру. Дочка родилась и выросла до пяти лет. Это у неё уже родина. А деньги накоплены, и они свозили дочку к родителям. И уже вроде там обо всём договорились. Возвращаются за расчётом. Дочка в самолёте увидела сопки и на весь самолёт стала восторженно кричать: “Камчаточка моя родненькая, Камчаточка моя любименькая, Камчаточка моя хорошенькая, Камчаточка моя миленькая!” И что? И никуда ни она, ни родители не уехали. Именно благодаря ей. Сейчас она взрослая, три ребёнка. Преподаёт в воскресной школе при епархии.

Очень я полюбил Камчатку.

НИЦШЕ

И как только Ницше сумел так оболванить многих? Специально и внимательно читал, ещё в конце шестидесятых, получая из спецхрана, например, “Посрамление кумиров”. А уж себя-то Фридрих как любит: “Я говорю предложением то, что не сказать книгой... я дал глубочайшую книгу, моего Заратустру... я учитель вечного возвращения...”. Может, вот это Гитлеру нравилось: “Чтоб совершить преступление красиво, надо суметь полюбить красоту”. А это глупость: “Современный человек слишком ленив для некоторых пороков, так что они, пожалуй, в конце концов, переведутся”. Пороки? Переведутся? Да они могут только усиливаться. Если их не гнать молитвой.

И постоянный эпатаж: “Как ранит та рука, которая щадит”, — тут на Шекспира замашка. “Сердце не любит свободы, рабство от самой природы сердцу в награду дано”. “Данте — человек, раскапывающий могилы. Гюго — маяк на море безмыслия. Жорж Санд — дойная корова с “красивым стилем”. “Жизнь — это мирно и тихо гниющий от света могильный череп”. А вот это, может быть, верно: “Всё то, что мы лично переживаем, не может быть высказано. Речь... опошляет говорящего”. А вот это его или не его: “Искусство для искусства — собака, бегущая за свой хвостом?” А вот это — чистый фашизм: “Тот, на чьей стороне сила, не заботится о духе”. “Если все враги убиты, надо их воскресить, чтобы снова убить”.

За что ж его немцы любили, если он о них мнения невысокого: “Поверхностные немцы”, “Гёте — последний немец, к которому я питаю уважение”.

А это без комментариев: “В великих людях и в великих временах лежит чрезвычайная опасность: всяческое истощение, оскудение, бесплодие следует за ними по пятам”.

А это полнейший сатанизм: “Из любви к жизни следовало бы желать смерти, свободной, сознательной, без случайностей, без неожиданностей. Наше появление на свет не от нас зависит, но мы можем эту ошибку, — а это иногда бывает ошибкой! — вовремя исправить. Упраздняя (читай: убивая. — **В. К.**) себя, человек совершает достойнейший поступок, этим он заслуживает почти... жизнь”.

ВСЕМ ТРУБА

Совсем-совсем невесело жить: скандалы в семье, раздражение жены, усталость на работе, одиночество. Год не писал. На бумаге. А “умственно” пишу постоянно. Особенно когда занят не умственной работой. Косте помогаю строить баню. Роемся во дворе, в завалах дерева, железа, бочек, разных швеллеров, обрезков жести, кирпича. Ищем трубу на крышу. Трубы есть, но или коротки, или тонки. Такой, какая нужна, нет. Придётся идти на “французскую” свалку. Там были французские могилы. Тут и конница Мюрата была. И партизанка Василиса. Сейчас свалка.

Думаю: этот серый день, влажная ржавая трава, собаки и кошки под ногами, раствор глины в двух корытах, сделанных из разрезанной вдоль бочки, дым из трубы старой бани, подкладывание в печку мусора — всё это интересно мне и всё это и есть жизнь, а не та, в которой ко мне пристают с рукописями, которые почему-то не первый экземпляр, которые, не читая, вижу насквозь, но о которых надо говорить.

С Костей интересней. Радио выведено на улицу, но его болтовня — как серая грязная вата для ушей. “И поэтому наши инвестиции...” У Кости не так:

— Блохи и вши бывают белые и чёрные. Белых бить легче. Лучше всего гимнастёрку положить в муравейник, потом месяца три не селятся. А чёрные прыгают, не поймать. Но ветра боятся. Подуешь, она прижмётся, тут её и лови. Отстань! — отпихивает он Муську. — Сегодня по радио: “Выставка кошек”. С ума сошли — пятьсот рублей котёнок. Тьфу! — Он запузыривает матом и от возмущения ценой на котят прерывает работу. Начёрпывает внутри кисета табак в трубку, прессует пальцем. — Были выставки лошадей, коров, овец, свиней, сейчас кошек. Чего от этого ждать? Ничего, жрать кошек начнут — опомнятся.

Идём за трубой. На свалке, прямо сказать, музей эпохи. Выброшенные чемоданы, патефоны, примусы, телевизоры, плиты, холодильники, крысы живые и мёртвые, дрова, доски, шифер, россыпь патефонных пластинок. Нашли две трубы. Не очень, но приспособим. Ещё Костя зачем-то тащит тяжёлый обрезок стальной рельсы.

Обратно идём через аккуратного Федю. У него даже на задворках подметено.

— Трубу искали? — спрашивает Федя. — Сейчас всем труба. Пока вроде не сядят. До войны один жестянщик кричит на базаре: “Кому труба? Всем труба! Колхознику труба, рабочему труба! К нему тут же Очумелов, участковый: “А, всем труба? Пройдёмте!” Тот говорит: “Конечно, всем. И самовар без трубы не живёт, чай не поставишь. И на буржуйку труба”. Отступился. Только велел конкретно кричать: “Труба для буржуйки, труба для самовара!” Чего, долго вам ещё стройку века созидать? До морозов надо шабашить.

— Эх, — крикает он внезапно. Уходит в сарайку, возвращается с трубой. Да с какой! Из нержавеющей. — Аргоном варил, колено вот приварено, дымник. Дарю!

Костя потрясён, но сдерживается. “Будет за мной!” Торопится уходить. И те две трубы и рельс мы тоже не бросаем. Еле дотащили.

Кошки и собаки обнюхивают новые вещи. Несъедобны. По радио “Ночь в Мадриде” и “Арагонская хота”. В конце ведущая ляпнула: “Вот подошёл к концу наш музыкальный круиз...” Не сердись, Михаил Иванович, что с них взять, с “перестроенных”? Ты испанцев знаешь лучше их самих, понял? А мы и сами себя скоро забудем.

Всем скоро труба. Но ещё подышим.

ТОПЛЮ БАНЮ

Стыдно сказать, топлю шестой час подряд: дрова сырущие, баня худющая. Мусор жгу, фанеру. Сегодня даже солнце. Так неожиданно выходит из-за туч, что вздрагиваешь, как собака, которую неожиданно погладил хозяин. Или как наказанный и прощённый ребёнок.

Всё больше тянет к уединению. И даже не только для работы. Молод был, мог и на вокзале писать. И в ванной. Уединение сохраняет душу. Один находишься и не грешешь, хотя бы языком. И легче гасить помыслы, они быстрее замечаются. Легче глазам — не на кого смотреть, легче ушам — некого слушать. То есть как раз ушам полная благодать — слушать крик петуха, шум ветра, птиц, хруст снега... Стараюсь запомнить, как озаряется церковь, как обозначается на тёмном небе. Уходил из Лавры, всё оглядывался. У преподобного снопы, костры свечей, отражённые в золотых окладах. “Радуйся” акафиста. Прошу всё это жить в моём серд-

це, занять его. Чтобы, когда пытаться будут войти в него помыслы, им сказать: а место занято!

Колокол ударил. Негромко. Подождал, как бы сам прислушиваясь, так ли начал звон, ещё ударил, ещё. К вечерне.

Как же легче жить со Христом, слава Богу. Знали бы деточки. Нет, им их дела дороже. Что горевать, всё описано святыми отцами. И нечего думать, что кто-то страдает меньше другого.

В Лавре, в Троишском соборе у меня есть место, стоя на котором особенно ощущаю Божие присутствие в себе и в мире. Около хорутви. Даже иногда пол храма покачивается подо мной, как палуба корабля перед причаливанием к Святой Земле. Это ощущение хочется передать сыну, дай-то, Господи.

ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Создавались фонды, ассоциации, объединения, попечительские советы... Это 80-е. Стало модным приглашать батюшек для освящения офисов (так стали называться конторы), банков. А один предприниматель открывал бензоколонку и его подчинённый сказал, что надо отслужить молебен. “А это надо?” — недовольно спросил начальник. “Да сейчас вроде как модно”. — “Ну, давайте, только короче. В темпе!”. Отслужили в темпе. И бензоколонка вскоре сгорела. Тоже в темпе.

ДИМИТРИЕВСКАЯ СУББОТА

Идёт тихий мокрый снег. С яблонь течёт, стволы почернели. Костя затопил баню. Дрова — просмоленные шпалы — дают такой дым, что Костя называет баню “Линкор “Марат”.

Надо привыкать к себе и не ругать себя, а понимать, и не переделывать, а потихоньку доделывать. Радуюсь одиночеству. Тут я никого не обижаю, ни на кого не обижаюсь. Такое ощущение, что кто-то за меня пишет, ездит за границу, выступает, говорит по телефону, а я, настоящий, пишу записки — памятки в церкви. На себя, выступающего, пишущего, говорящего гляжу со стороны. Уже и не угрызаюсь, не оцениваю, не казнюсь убогостью мыслей, произношением, своим видом в двухмерном пространстве. Конечно, стал хуже. А как иначе — издёргался и раздёргался. И вижу прибой ненависти к себе и нелюбви. И уже и не переживаю. В юности был выскочкой, даже тщеславен был. Себя вроде в том уверял, что рвусь на трибуну бороться за счастье народное, а это было самолюбие.

Хорошо одному. Стыдно, что заехал в такое количество жизней и судеб. На моём месте другой и писал бы, и молился бы лучше, и был мужем, отцом, сыном лучшим, нежели я, примерным.

Надел телогрейку, резиновые сапоги, носки шерстяные. Красота! Грязища, холод, а мне тепло и сухо. Так бы и жить. Снег тяжёлый, прямой. Но что-то уже в воздухе дрогнуло, пошло к замерзанию.

— Чего с этой стороны заходишь? — спрашивает Костя.

— В храме был, записки подавал. Суббота же Дмитриевская.

— Я не верю, — говорит Костя. — Что свинья живёт, что лошадь, что человек. Кто помрёт, кто подохнет, кого убьют — всё одно. Не приучали нас. Учили, что попы врут. А выросли, сами поняли, что и коммунисты врут. Пели: “По стенам ползали, всех богов замазали. Убирали лесенки, напевали песенки”. Не верю никому!

— Но Богу-то надо верить!

— Да я чувствую, что что-то есть. Да что ж люди-то все как собаки? Злоба в них, как муть в стакане. Пока муть на дне — вода вроде чистая, а чуть качни — всё посерело.

— Прямо все как собаки? И ты?

— Да! Я же вчера с соседкой полаялся. И она оттягивалась.

ПРИМЕРЫ ОХМУРЕНИЯ УМОВ

Пятый век до нашей эры называют веком Перикла. До него возрастал авторитет разума, при нём появляются софисты. Выразитель их идей Протагор провозглашает человека мерой всех вещей. Но это путь к нигилизму и разобщённости. Люди неодинаково воспринимают окружающий мир. Истина у каждого своя. Начинает цениться тот, кто заставит других считать его точку зрения единственно правильной. Вот пример доказательства: ученик договаривается с учителем о плате за то, что учитель выучит его побеждать в споре. Выучился. Не платит. Почему? — “Ты должен был выучить меня убеждать, вот я и убеждаю тебя, что я тебе ничего не должен”. Но учитель отвечает: “Если ты меня убеждаешь, значит, ты выучился и должен платить, а если не убеждаешь, всё равно должен, так как ты не убедил меня не брать с тебя деньги”. Каково?

Или хрестоматийный пример: Философ заявляет: “Все критяне лжецы”. — “Но ведь и ты критянин, значит, и ты лжец. А раз ты лжец, значит, ты сказал неправду, то есть критяне не лжецы, а раз ты говоришь правду, но ты критянин, значит, ты лжец...”

Такие сказки про белого бычка владели умами.

Спасительным для античной мысли было явление Сократа. Аскет, смиренно терпящий визгливую жену Ксантиспу, он исследовал явления и теории, а не доказывал.

Софистов античности сменили схоласты Средневековья. Вновь (Джон Локк) зазвучала тема чувств. И в самом деле, нет того в мире, чего бы мы не познавали с помощью чувств. Но опять же — одному в комнате жарко, другому — холодно, одному кажется, что до города далеко, другому — близко. Что же может повлиять на чувства, управлять ими? Конечно, разум (Кант). Но и тут не стыковывается, разум у всех неодинаковый. Что же и кто же управляет разумом? Воля. Вот слово Ницше, Шопенгауэра. Тут подоспел племянник английской королевы, произошедший от обезьяны, Чарльз Дарвин с теорией эволюции. Благодаря ему в мир пришёл фашизм. Как? Но посудите сами: если человек произошёл от одноклеточных, выполз на сушу, оброс шерстью, взял в руки палку, съел банан, начал ходить, дошёл до печатного станка, он же не остановится, он же пойдёт дальше. Куда? От обезьяны к человеку, а от человека к сверхчеловеку. Не всем такое дано: арийцам дано, а славяне — это унтерменши, низшая раса. Ломброзо стал измерять черепа... Чего только не вываливалось из обезбоженных умов на одуроченные массы двуногих.

Какая там эволюция, чего болтать? Как был Адам, как была Ева, так и остаётся. Естественный отбор? А это не оправдание фашизма? Слабый? Уступи место сильному.

Сильный человек — герой западной литературы, нашей — герой сострадательный.

АЛЕКСЕЙ ВАНИН

Актёр Алексей Ванин, по сути, никогда не был актёром, занимался вольной борьбой. По всем статьям подходил. Большущий, сплошные мускулы и одновременно весёлый, общительный, начитанный. Завоевал звание чемпиона мира по вольной борьбе. И о нём написали сценарий “Чемпион мира”. И его снимали в роли чемпиона мира. И он, получается, играл самого себя. То есть не играл, повторял прожитое. Он говорил: “Я когда увидел себя на экране, я так хохотал! Мне казалось, что это не я”.

Фильм Шукшина (оба алтайцы) “Калина красная” держится в нравственном смысле образом Петра, брата Любы Байкаловой. Роль играет Алексей Ванин. Не бывший ээк Егор Прокудин, никак не решающийся встретиться с матерью, а именно герой Ванина, сильный, спокойный в своей народной правоте, держит уровень русской жизни. Именно он сметает с причала на своём грузовике эту нечисть, эту шпану, убивающую человека, решившего

жить нормальной жизнью. Выныривает, садится на кабину затонувшей среди реки машины, и видно, что уверен: он свершил нужное дело, а уж как к этому отнесутся всякие власти, это дело десятое. Кинооператор картины Анатолий Заболоцкий рассказывал, что актёр занырявал в кабину утонувшей машины и по команде (дёргали за леску) выныривал оттуда несколько раз.

Мы были дружны с Лёшей с 1979 года, года пятидесятилетия (всего-навсего!) Шукшина. Выступали на Пикете, в колонии, где снимались кадры “Калины красной”, купались и в Бие, и в Катуня. В одном месте подъехали к берегу, а в воде торчат бетонные сваи. А ехать в другое место неохота, да и жарища. Лёша разделся, говорит: “Я тогда почувствую, что постарел, когда испугаюсь прыгнуть с обрыва в незнакомом месте”.

И прыгнул!

И никогда он не постарел. Ему было уже девяносто лет, а он занимался с мальчишками вольной борьбой, проводил чемпионаты России. Находились добрые люди, помогавшие ему. Особенно предприниматель Левашов Юрий Александрович. Помню один такой чемпионат в Подольске. Я ничего не понимаю ни в вольной, ни в невольной борьбе, но мне было так интересно и полезно смотреть эти поединки, в которых побеждали сила и ловкость, но никогда не хитрость. За этим, за честностью борьбы Ванин очень следил.

Наградили победителей, пошли на банкет. Тут надо сказать, что на Лёшу всю жизнь вешались женщины. Что называется, было на кого. Он — человек открытый, доверчивый, шёл навстречу чувствам. В застолье жена (забыл имя) приревновала к девушке, которая явно набивалась во временные подруги. Лёша иронично воспринимал знаки внимания, шутил. А жена взвилась: “Немедленно едем!” — “Зачем? Надо же посидеть с людьми, оказать уважение: чемпионат какой провели”. — “Ну, и сиди, а я уезжаю. Навсегда! Никогда не вернусь!” И так далее, обычные слова обычной ревнивой жены”. — “Уезжай”, — хладнокровно ответил Лёша.

Он посидел ещё часик для приличия и засобирался. Пристающей красавице сказал: “Девочка, у тебя и без меня всё впереди”, — и поехал домой. Дома принял душ, лёг в кровать.

Назавтра рассказывал: “Я же алтаец, таёжник, охотник: и слух обострён, и чувства. Чую — кто-то есть. Затаился. Жду. Точно! — выползает. Хватаю — она! Вот дура из дур: заревновала до того, что приехала домой и залезла под кровать, чтоб меня подстеречь”.

Да, вспоминаю Алексея Ванина — богатырь во всех смыслах! Девяносто лет, а красавец! Статный, крепкий, в полном сознании. Это Алтай, это Россия.

КОРФУ

Холод в номере уличный. Я вернулся с долгой прогулки по городу. Темнеет рано, но город празднично освещён: скоро европейское Рождество. Дома, деревья, изгороди, парапеты мостовой — всё в весёлых мигающих лентах огоньков. Ветер и зелень. Длинная безконечная улица. С одной стороны — море, с другой — залив. Не сезон, пусто. Брошенные тенты, ветер хлопает дверцами кабинок. Берег покрыт толстым слоем морской травы. Волны прессируют его. Вроде бы и тоскливо. Но запахи моря, но простор воды, но осознание, что иду по освобождённой русскими земле, освежали и взбадривали. От восторга, да и от всегдашнего своего мальчишества, залез в море. Ещё и поскользнулся на гладких камнях. Идти не смог, выползал на четвереньках. Ни полотенца, ни головного убора. А ветрище! О чём думаю седой головой? Поднимался по мокрым ступеням. Справа и слева висающие и мигающие гирлянды огней. Декабрь, а всюду зелень. Даже и фонарики бутенвиллий.

Груша моя у отеля. Надо было просквозить в номер, но неловко, и так от них убегал. Стоял, мёрз, слушал. Гид: “Турки отрезали головы у французов и продавали русским. Русские передавали их родственникам для захоронения... Семьдесят процентов русских имён взято у греков. Но моё имя Панаютис в Россию пока не пришло”.

Новость: нас не кормят. Надо самим соображать. “Ахи да охи, дела наши плохи, — шутит Саша Богатырёв. — Пойдём за едой. Кто в Монрепо, а мы в сельпо. — Рассказывает, что пытались ему навязать якобы подлинную икону. — Говорят: полный адекванс. Гляжу — фальшак”.

Я на скрипящей раскладушке. Боюсь пошевелиться, чтоб не разбудить соседей. Они всю ночь храпели, я сильно кашлял, надеясь, что их храп заглушает для них мой кашель. Встали затемно. Читали утреннее Правило. Ехали по ночному городу. Справа — тёмное, белеющее вершинками волн море, слева, вверху — худющая луна и ковш Белой Медведицы. Полярная звезда успокаивает.

Службу вели приехавшие с нами митрополит и архиепископы, а ещё много священников. Поминали и греческих иерархов, и своих. Храм высокий, росписи, иконы. Скамьи. Мощи святителя Спиридона справа от алтаря и от входа. Молитву ко причащению при выносе Святых Даров читали вслед за архиепископом Евлонием всей церковью.

Слава Богу, причастился.

Потом молебен с акафистом. Пошли к мощам. Для нас их открыли. Приложились. Ощущение — отец родной прилёг отдохнуть. И слушает просьбы.

На улице ветер. Опять оторвался от группы. Время есть, сам дойду, без автобуса. Пошагал. Куда ни заверни — ветер. В лицо, в спину. Особенно сильно у моря. Но если удаётся поймать затишное место — сразу тепло и хорошо.

Конечно, заблудился. Никто не знает, где отель “Елинос”. Это и неудивительно, это не отель, а, в лучшем случае, фабричное общежитие. А говорили: три звёздочки. Да Бог с ними, не в этом дело. Мы у святого Спиридона, остальное неважно. А ему каково бывало! За ночь я окончательно простыл. И ещё и сегодня ночь до перелета в Бари.

Наконец, мужчина в годах стал объяснять мне дорогу на всех языках, кроме русского. Я понял, что очень далеко, и понял, что давно иду не к отелю, а от него. Он показал мне на пальцах: пять километров. Направление на солнце. Отличный получился марш-бросок. Заскакивал сходу в магазины и лавочки, чуть не сшибая с ног выскакивающих встречать продавцов. Вскоре заскакивать перестал, так как убедился, что европейские цены сильно обогнали мои карманы, и просто быстро шагал. Купил, правда за евро булочку, да и ту скормил голубям.

В номере прежняя холодища. Кормить нас никто не собирается. Положенный завтрак мы сами пропустили, гостиничную обслугу не волнует, что русские до причастия ничего не кушают. Им это нравится, на нас экономят.

В номере прежняя холодища. Но у Саши кипятыльник и кружка. Согрелся кипяточком, в котором растворил дольку шоколада.

Читал благодарственные молитвы.

Какая пропасть между паломниками и туристами! Перед ними все шестерят, а нам сообщают: “У вас же пост”, — то есть можно нас не кормить. Но мы счастливы! Мы причастились у святителя Спиридона. И уже много его кожаных сапожков пришло в русские церкви.

Перелёт в Бари с приключениями, то есть с искушениями. Не выпускали. Стали молиться — выпустили. Уже подлетали к Италии, завернули: что-то с документами. Посадили. Отец Александр Шаргунов начал читать акафист святителю Николаю. Мы дружно присоединились. Очень согласно и духоподъёмно пели. В последнее мгновение бежит служитель, машет листочком — разрешение на взлёт. В самолёте читал Правило ко Причащению. Опаздываем. В Бари сразу бегом на автобус и с молитвой, с полицейской сиреной — в храм.

Такая давка, такой напор (Никола Зимний!), что уже не надеялся не только причаститься, но и в храм хотя бы попасть. Два самолёта из Киева, три из Москвы. Стою, молось, вспоминаю Великорецкий Никольский — Никольский же! — крестный ход. Подходят две женщины: “Мужчина, вы не поможете?” Они привезли в Бари большую икону Святителя Николая, епар-

хиальный архиерей благословил освятить её на мощах. Одного мужчину, мы знакомимся, они уже нашли. Я возликовал! Святителю, отче Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим!

Конечно, с такой драгоценной ношей прошли мы сквозь толпу очень легко. Полиция помогала. Внесли в храм, спустились по ступеням к часовне с мощами. В ней теснота от множества архиереев. И наш митрополит тут. И отец Александр. Смирненно поставили мы икону у стены, перекрестились и попятились. И вдруг меня митрополит остановил и показал место рядом с собой. Слава Тебе, Господи! Ещё и у мощей причастился. Вот как бывает по милости Божией.

МАЛЬЧИК СЕРЁЖА

Он болел ножками, ходил с костыльниками. Ребята над ним иногда подшучивали. Он, конечно, страдал, но отмалчивался. Однажды класс повели в музей. А экскурсовод Людмила Вячеславовна была верующей. Она узнала его имя и, когда они подошли к иконе Божией Матери, всех остановила и сказала:

— Вы верите, что Господь может сотворить чудо? Вы умеете креститься? Показываю: три пальца, щепотку, ко лбу, на грудь и на плечи. Вы хотите, чтобы Серёжа выздоровел? Ведь каждый из вас мог бы оказаться в его положении. Сейчас мы перекрестимся. Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Я прочитаю молитву Божией Матери, а потом мы все, кто как может, будем молиться Ей. Кто не хочет, может не молиться.

Все посерьёзтели. Людмила Вячеславовна обратилась к иконе, прочла “Богородица Дево, радуйся”. Стояло молчание. У Серёжи потекли слёзы, он стискивал перекладники костыльков. Прошло минуты четыре.

— Идёмте дальше, — сказала Людмила Вячеславовна.

А ещё через три месяца Серёжа пришёл в музей сам. Принёс два букета. Один подарил Людмиле Вячеславовне, а другой положил у иконы.

ПИСАТЕЛЬСКАЯ БОЛЕЗНЬ

— Старичок, прочёл твою повестушку, прочёл. Сказать честно? Не обидишься? Хорошо, но боли нет. Нет боли! Надо заболеть: без боли нет литературы. У меня это главный показатель — боль! Читаю: нет боли, отбрасываю. Не обижайся, ты не один такой. Вот и Чехова взять — сын умер, ведь это какая тема! Это ж полжизни уходит, конец света! А он с юмором, ну, что это? Идёт к лошади, рассказывает. Смешно? Стыдно! Ты согласен? — Так вешал прозаик Семён другу прозаику Евгению. — Согласен?

— Не знаю. То Чехов. Ему можно, — отвечал Евгений.

— Тогда этих возьми, ильфо-петровых: жена ушла, он мясо ночью жрёт, смешно? Какая тут боль? — вопрошал Семён.

— Но его же секут, ему же больно.

— Старичок, боль-то в том, что жена ушла к Птибурдукову! А нам смешно. Это же какая тема! Невспаханное поле — уход жены, это тебе не “шитьё с невынутой иглкой”.

— Но как — ушла жена, в квартире пусто, одиноко. Плачет даже втихомолку, — оправдывал предшественников Евгений.

— То есть тебя эта тема цепляет? Вот и возмись, вот и опиши!

— Не смогу. От меня жена не уходила.

— Ты сказал, что уехала.

— В командировку.

— Командировка! Представь, что ушла совсем. Проникнись! Это же читателей за уши не оттащить — уход жены от мужа, нетленкой пахнет, а я буду с другого конца разрабатывать — уход мужа от жены. То есть я ушёл от неё. У тебя буду жить. Вместе будем осваивать пласты проблемы. Надо же крепить институт семьи! Ячейки общества гибнут, а мы — писатели — молчим. Вся надежда на тебя и меня. У тебя боль — жена ушла, а у моей

жены боль — муж ушёл. Боль на боль — это какие же искры можно из этого высечь! Одна боль — правда жизни, две боли — бестселлер. Но чтоб никакого юмора, никаких нестираных рубашек, недожаренных котлет. Да и зачем их жарить, я сосисок принёс. Боль до глобальности! Через наши страдания — к всеобщему счастью. Пер аспера ад астра. Латынь! Начинаем страдать. У меня с собой. — Семён встряхнул портфель, в котором призывно зазвякало. — Слышишь?

Утром они встали поздно. Пили воду, ею же мочили головы.

— Чувствуешь, какая боль? — кричал Семён.

— Ещё бы! — отвечал Евгений.

— Усилим! На звонки не отвечай! Их и не будет, я провод оборвал. Все они, “бабы — трясогузки и каналы”. Это Маяковский. Будем без них. Одиночество индивидуумов ведёт к отторжению от коллектива, но для его же спасения. Запиши. Потом поймут, потом оценят. У нас не осталось там здорье поправить?

— Найдём!

— О, слышу речь не мальчика, но мужа! Да чего ты стаканы моешь, чего их мыть? Надо облик терять, это же боль! И не умывайся. Страдай! Душа уже страдает, пусть и тело прочувствует. Надо вообще одичать. На пол кирпичей натаскаем, спать на них. И чтоб окурки бросать, пожара не бояться. Под голову полена. Нет полена?

— Нет, — отвечал Евгений.

— Старичок, да как же ты без полена живёшь?

Ещё через сутки Семён, сидя на полу, командовал:

— Пора описывать страдания! Не надо бумаги, пиши на обоях!

— Рука трясётся.

— Молодец, Жека, прекрасная деталь! Диктую: “Измученные, страдающие, они не могли даже удержать в руках карандаш. Вот что наделала прекрасная половина человек”. Запомни на потом. Сейчас попробую встать и пойдём похмеляться. — Взялся за голову: — “Какая боль, какая боль! Аргентина—Ямайка, пять ноль”.

Выползли на площадку. Навстречу им кинулись рыдающие жёны. А за ними стоял милиционер. Они вызвали его, потому что боялись входить в квартиру. Когда они объяснили, что это была не выпивка, а погружение в тему, милиционер им позавидовал.

— То есть это значит, что так просто стать писателем? Наливай да пей? Так, что ли? Так я так тоже смогу.

Милиционер ушёл. За Семёна и Евгения взялись жёны. Вот тут-то и началась боль.

ГОЛОС

У этой девочки был необыкновенный голос. Талант такой, что слушать, как она поёт: “Матушка, матушка, что во поле пыльно?” — нельзя было без слёз. Или “В низенькой светёлке”, или “Мне не жаль, что я тобой покинута, жаль, что люди много говорят”. А уж как запоёт, как ангел: “В горнице моей светло, это от ночной звезды”, — это не высказать. Эх, какие мы, ничего даже не записали.

После одиннадцатого поехала в музыкальное училище. Никто ни на грамм не сомневался, что поступит. А на экзаменах провалилась. Почему? Ей даже и спеть не дали. А дело в том, что она в детстве зимой тонула в проруби, испуг получила на всю жизнь. И, когда её перебивали, начинала заикаться.

Её спрашивают на экзамене: “Что споёте”? — “Среди долины ровныя”. — “Давайте”. — Она уже и начала. — “Нет, нет, давайте что-нибудь повеселее”. Всё! Сбили. Стала заикаться, покраснела, расплакалась, выскочила в коридор.

Загубили великую певицу. Как потом ни уговаривали, никуда больше поступать не поехала. И больше в клубе не выступала. Только дома деточкам, их у неё трое, поёт.

КЕША НЕ КУРИТ!

Так громко и разборчиво говорил попугайчик, который влетел к нам в форточку. Уж как он выбрал именно её в двухсотквартирном доме, — непонятно. Такая была к нам милость. Я сидел за столом, вдруг в комнате затрещал будто пропеллер, и на плечо сел пёстрый попугай. Я замер. Он стал небожно теревить за ухо. Мы были очень рады, назвали его Гавриком, приучали к имени, но он твёрдо заявил: “Смотрите на Кешу, Кеша хороший мальчик”!

Стали узнавать, может, кто его ищет. Но, честно говоря, он был такой забавный, что отдавать не хотелось. Стали узнавать, чем их кормят, а пока узнавали, поняли, что Кеша всеяден. Он клевал со сквородок на кухне, ощипывал цветы на окнах, всюду оставлял следы пребывания. Вроде бы такой был грязнуля, но нет, когда мы завели клетку, стали менять в ней подстилки, Кеша оказался очень аккуратным. Но как же он был влюблён в себя. “Посмотрите на Кешу!” — и надо было посмотреть. В клетке у него был даже колокольчик и зеркальце. Он дёргал за шнурочек, колокольчик звенел, мы думали вначале, что нас веселит, нет, это приходила пора подсыпать ему в кормушку специальные зерносмеси для попугаев. Жизнь у нас получила дополнительные заботы. Кеша не выносил, если в доме слушали кого-то, кроме него. Телевизор он возмущённо перекрикивал и добивался его выключения. Так же и радио.

А у нас был серебристый пуделёчек Мартик, который тоже имел право голоса. Любил бегать за мячиком, прыгал, лаял. Но Кеша и этого не потерпел. В два счёта научился подражать лаю Мартика. Да. И начинал очень похоже тявкать. Наш Мартик сходил с ума. Легко ли, когда над тобой так издеваются. Кеша и над нами стал шутить: он наловчился передразнивать дверной звонок и звонок телефона. Вот представьте: ночь, в дверь звонят. Что это? Ну, конечно, кто-то из родни умер, принесли срочную телеграмму. Или телефон трещит ещё до рассвета. Вскაკиваешь, сердце бьётся, только потом понимаешь, что это шуточки Кеши.

Талант он был несомненный. Видимо, он во многих домах побывал, ибо лексикон его был разноплановый. “Курица не птица, баба не человек”. Какое это было слушать моей заботливой жене? “Как тебе, Кеша, не стыдно?”. Но Кеша быстро зарабатывал прощение. Он садился ей на плечо и шептал на ухо: “Кеша красавец, Кеша хороший, спой Кеше песенку”.

Пределом мечтаний Мартика было забраться на диван и просто полежать. Кеша и тут вредничал. Вот Мартик тихонько влез, вот убедился, что его не видели. Он вздыхает, сладко закрывает глаза, тут Кеша пикирует на спинку дивана и верещит: “Не хочу в школу, не хочу в школу, не хочу в школу!”

Вот какая нам загадка: глупый попугай умел говорить, хотя ничего не понимал, а умнейший пёсик, всё понимающий, говорить не мог.

Улетел Кеша по причине того, что приехал наш товарищ. Он был курящий, курил у форточки. А до этого его очень насмешил Кеша, который сообщил, что: “Кеша не курит, курить плохо”.

Да, шмыгнул “хороший мальчик” Кеша в форточку. И навсегда. Мы его долго искали, но зря. Очень мы его любили. Мы-то его ничему не научили. Хотя учили: “Не обижай Мартика, Мартик хороший”.

“МАЛЕНЬКИЙ МУК”

Так я прозвал электрический чайник даже не литровый, меньше. Прозвал, потому что маленький и очень быстро кипятился. В большом семействе батюшки отдыхать ему было некогда. И своя семья большая, и очень много гостей. Я предложил батюшке: давайте я вам куплю большой, а этот возьму себе. Получился такой обмен.

Чайник очень мне нравился: горбатенький такой, быстрый. Его ещё можно было назвать и коньком-горбунком, но раз назвал Маленький Мук, так и продолжал называть.

Да. А когда был пожар, и мой дом сгорел, то и чайник сильно пострадал. Весь стал чёрный, как парижский трубочист. Я его для опыта налил водой, включил, но ничего не получилось: течёт, не греется. А выбрасывать было жалко. Отчистил. В белый цвет он не вернулся, но от чёрного отошёл, стал промежуточным, как жёлтая роса.

Привёз в Москву. И ещё попытался включить. Нет, бесполезно. Ладно. Поставил в шкаф. А когда на старом месте сгоревшего построил новый дом, решил вернуть чайник на родину. Как память. Привёз. И вот — есть свидетели — налил воды, включил в розетку, и Маленький Мук моментально закипел, заговорил, как бы докладывая, что прибежал и своё дело исполняет. Так торопился, так радовался, что я радуюсь.

И работает до сих пор.

Всё-таки есть что-то такое в предметах, нас окружающих. Пусть не душа, но что-то. В тех, которые к нам привязываются. Тяжело же было Маленькому Муку в день согреваться раз по двадцать-тридцать. Я пожалел его, мне хватало раза три. Он и отблагодарил. Ещё и то ему понравилось, что не на чужбине пришлось жить. И тут не родина, из Германии приехал, но обрусел.

Вспомнил, как отец привёз из леса ёжика. Мы дверь закрыли, выпустили его на пол. Он убежал под печку и молчал всю ночь, а утром “обрусел”. Так сказал отец. То есть ёжик осмелел, подошёл к блюдечку с молоком и очень шумно стал лакать. Потом мы его даже тихонько гладили по колочкам. Потом выпустили. В лес отнесли. А жалко было выпускать. Даже и через почти семьдесят лет думаю, как он там тогда выжил. Ни молока, ни блюдечка.

ЭНЕРГИЯ — ДАР БОЖИЙ

Народный академик Фатей Яковлевич Шипунов много и, к величайшему сожалению, бесполезно доказывал в Академии наук и, как говорилось, в вышестоящих инстанциях необходимость замены источников энергии на природные. Затопление земель при строительстве гидроэлектростанций никогда не окупится энергией. Это поля и леса, пастбища, рыбная ловля. Что говорить о тепловых станциях — сжигание нефти, угля, дров. И уж тем более расщепление ядра — атомные станции.

— А чем же это всё можно заменить?

— Ветер, — отвечал он. — Наша страна обладает самыми большими запасами ветра. “Ветер, ветер, ты могуч”, ты не только можешь гонять стаи туч, но и приводить в действие ветродвигатели.

Фатей неоспоримо доказывать великую, спасающую, ценность ветроэнергетики.

— Как бы мы ни ругали большевиков, но в смысле хозяйствования они были поумнее коммунистов. Восемнадцатый съезд ВКП(б) принял решение о массовом производстве ветроэлектростанций.

Так прямо и говорил коммунистам. Рассказывал, что в 30-е годы был создан и работал институт ветроэнергетики. И выпускались ветроагрегаты, “ветряки”, начиная со стокиловаттных.

Кстати, тут и моё свидетельство. Наша ремонтно-техническая станция монтировала для села такие ветряки. Бригада три человека. Собирали ветряк дня за три-четыре. Тянул ветряк и фермы для коров и свиней, и давал свет в деревню. Работали ветряки прекрасно. Да и просто красивы были: ажурные фермы, серебряные лопасти. Ухода требовали мало. Они же не просили ни нефти, ни газа, ни угля, ни дров, сами — из ничего! — давали энергию.

Думаю, что горло ветроэнергии пережала опять же жадность и злоба. Жадность нефтяных и угольных королей (как же так, обойдутся без них!), и злоба к России (как же так — прекратится уничтожение сёл и деревень, да и городов, как же так — не удастся прерывать течение рек плотинами, создавать хранилища с мёртвой водой, как же это позволить России самой заботиться о себе?)

Вывод один: всё время второй половины XX века никто и никогда не думал о народе.

И, тем более, сейчас. Народ просто мешает правительству. Ему нужна только серая скотинка для обслуживания шахт, нефтяных вышек. У этой скотинки желудок, переваривающий любую химию, и ЕГЭ-голова. И два глаза для смотрения на диктующий условия жизни телеэкран, и два уха для выслушивания брехни политиков и для лапши.

Ветер бывает не просто могуч, он бывает сокрушителен. Ураганы и смерчи — это же не природные явления, это гнев Божий.

Что ж, давайте дожидаться его справедливого прихода.

Пушкин пишет в “Капитанской дочке”: “Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым”. А так оно и есть — ветер одушевлённый. “Не хотели по-хорошему использовать мои силы, так получите по-плохому за грехи ваши. Сила у меня скопилась, девать некуда”.

ДВУХСКАТНАЯ КРЫША

На севере вятского края, там, где водораздел северных и южных рек, то есть рек, которые несут свои воды или к Ледовитому океану или к южным морям, стоял дом с двухскатной крышей. В доме жил мальчик, семиклассник Миша. Был хорошим помощником маме и папе, надёжным товарищем. Учился хорошо, особенно интересовался географией. Это заметил учитель Павел Иванович. Давал Мише интересные книги о других странах, о природных явлениях.

— Ты уже знаешь, Миша, что наше село стоит как раз на водоразделе рек. А знаешь ли ты, что именно твой дом, он же на пригорке, именно он может быть указателем раздела. Я вообще думаю сделать табличку, чтобы люди знали это природное явление.

— И на нашем доме прибить?

— Именно так.

— Здорово!

В этот день Миша, вернувшись из школы, остановился перед своим домом и как будто впервые его увидел. Дом стоит окнами к востоку, к восходу, и у него двухскатная крыша. Одна сторона крыши обращена на юг, другая на север. Заходят они в дом с запада. У них в доме солнце весь день. С утра приходит в восточное окно, будит, потом идёт по часовой стрелке и вначале, до середины дня, нагревает южную сторону. Вот на ней уже и снега почти нет. После обеда солнце переходит на западную сторону, а северную и вовсе не греет. Вон какие сугробы с этой стороны на крыше.

Было не холодно в этот день. Солнышко светило. Шёл мелкий-мелкий снежок, снежинки вспыхивали на солнце, будто крохотные лёгкие зеркала.

Миша всегда любовался на увеличенные фотографии снежинок. Такие чудесные! Ни за что никому не сделать такие узоры. Только кружевницы как-то успевали запомнить их красоту и создать такие узоры. В районном музее они видели кружева северных мастериц. Особенно восхищённо любовались ими девочки. Может, и они смогут потом вязать кружева.

Миша глядел на крышу своего дома и видел, как снежинки садились на неё. Вот это да, думал он. Две снежинки летели вместе, а упали на разные стороны крыши, и дальше судьба их разделится навсегда. Одна растает, побежит вместе с ручейком к реке Лузе, а там к Северной Двине и в Белое море, Ледовитый океан. А другая к реке Вятке, Вятка к Каме, Кама к Волге, а Волга впадает в тёплое Каспийское море.

Конечно, рассуждал Миша, есть круговорот воды в природе. Вода испаряется, поднимается, замерзает, кристаллизуется, её носит ветром и она опять падает на землю.

К ним в школу приходил батюшка и говорил о воде как о Божием чуде.

— Трудно понять, что такое Святая Троица. Но когда это объяснить на примере из природы, то легко. Вот солнце — Бог Отец, круг. От него идут лучи, как посланники на землю, это Бог Сын. А от них тепло и светло, это

Бог Дух Святой. Также и вода нам поможет. Вода — кровь земли. Колодец, родник, река, озеро — всё вода. И вот зима, вода замерзает, но что такое лёд? Это всё та же вода в другом виде. А если воду закипятить, от неё поднимается пар. И это тоже вода, водяной пар. Он легко превращается в воду, вода легко замерзает и так далее.

А раз в году вода, на Богоявление, освящается везде, даже в водопроводе. И стоит в сосудах, не портясь долгое время. Но только, если налита с молитвой и чистой совестью. Да, вспомнил Миша, бабушка так же говорила. У неё такая банка есть со святой водой, и она из неё Мише наливали в кружечку.

Назавтра Миша с отцом сбрасывали снег с крыши, с северной стороны. За ночь он отвердел, его легко было резать на большие куски. Они с шуршанием ехали вниз и падали, разбиваясь на землю. Некоторые куски Миша специально перебрасывал на южную сторону. Чтобы таяли скорее и текли на юг. Интересно было: снег, составленный из снежинок, умрёт, превратится в воду и никогда не вернётся?

— Вернётся, — весело говорил отец. — Ему наша крыша понравилась. Побудет водой, испарится, поднимется в холод, превратится в снег и аёда, по розе ветров, на север. Как нам без снега? Не в Африке же ему быть. Почему у нас, Миша, реки чистые? Они по полгода подо льдом очищаются. А представь реки Африки, Индии, да иди, попей из них. Не вернёшься.

Они разговаривали о водоразделе.

— Вот повезло нам, пап, да? И табличку Павел Иванович сделает. Что тут раздел вод.

— И что тут живёт Миша, который не выучил алгебру. А давай-ка мы новый скворечник соорудим. И старый подремонтируем.

С крыши было далеко видно. Да ещё и дом стоял на высоком месте. Далеко, на севере, синел лес, на юге тоже. А вверху шли облака. Шли, куда повелевал ветер. А ветру кто повелевал? Роза ветров? А розу кто вырастил?

КОРАБЛЬ

Вот уже и паспорта отштамповали, и вещи просветили, а на корабль не пускают. Держат в нагретом за день помещении морвокзала. Нам объяснили, что корабль досматривает бригада таможенников. Раньше таких строгостей не было. Ждать тяжело: сидеть почти не на чем, вдобавок жаровища. Да ещё и курят многие вовсю. С нами группа журналистов, а с них что взять? Хозяева жизни. В группе преимущественно женщины в брюках, и среди этих женщин некурящих нет.

Прямо виски ломит от этого дыма. Подошёл к охраннику и попросил его, прямо взмолился, выпустить хотя бы у выхода постоять, а не в помещении.

— А потерпеть не можете? — спросил он. — Скоро уже отшмонают. Уже ваши угощение таможенникам понесли.

— Не могу, голова болит.

Он посторонился и я вышел в южную майскую ночь. Стоял у решётки ограждения перед водой, видел в ней отражения зелёных, жёлтых и красных огней, слышал её хлопанье о причал и очень хотел поскорее оказаться в своей каюте, бросить сумку и отдраить иллюминатор, в который обязательно польётся свежий морской воздух. И услышать команды отчаливания, начало дальней дороги.

Потом, когда отшумит провожающий буксир, когда утомлённые расставанием с землёй паломники и пассажиры тоже затихнут, выйти на палубу, быть на ней одному, ощущать подошвами большое, умное тело корабля и знать, что и луна и морские глубины соединились для того, чтобы сказать тебе: смотри, смотри, эта красота и мощь земного мира пройдут, старайся запомнить их.

И стоять на носу, слышать, как ударяются о форштевень и раздваиваются волны, как распускаются белые крылья пены, вздымающие корабль. Дышать, дышать простором, глядеть на небо, находить по звёздам север,

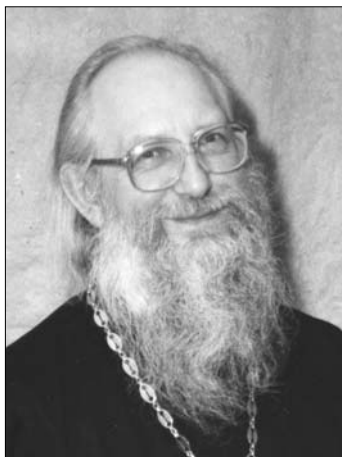
крестить родных и близких, и Россию. И обращаться к югу, креститься на него, вспоминая Святую Землю, и замирать, и надеяться на новую с ней встречу. И радоваться, что она начинает приближаться.

Но как ещё далеко и долго. Но не пешком же. Даже не под парусами. И хорошо, что далеко, хорошо, что долго. Будут идти дни и ночи, солнце станет жарче, а луна крупнее. В Чёрном море будут прыгать дельфины, а в Средиземном заштормит. Далёкие острова будут проплывать у горизонта, как во сне. Звёзды каждый вечер будут менять расположение, Большая Медведица снизится, Полярная звезда отдалится, и однажды утром покажется, что ты всегда жил на этом корабле.

Через две недели. Уже за кормой Святая Земля. Корабль уходит в закат. Слева возникает широкая лунная дорога. Сидел на носу, глядел на мощные покатые волны. В памяти слышалось: “Бездна бездну призывает во гласе хлябий Твоих”. И: “Вся высоты Твоя и волны Твоя на мне проидоша”.

На воде голубые стрелы света. Зелёное и золотое холмистых берегов. Не хочется уходить в каюту. Приходит, появляется звёздное небо, будто меняется покров над миром. Шум моторов, шум разрезаемой воды, как колыбельная. Но почему-то вдруг глубоко и сокрушённо вздыхаешь.

ПРОТОИЕРЕЙ АНДРЕЙ ЛОГВИНОВ

И СНОВА ПОЛЕ КУЛИКОВО

РУССКАЯ ВЕСНА

Пахнуло воздухом родным!
Когда без лишних разговоров
Стал снова русским Русский Крым —
То треуголку снял Суворов.

Вставай, огромная страна —
Самара, Омск, Дубна, Калуга!..
Настала Русская весна!
Мы вправе уважать друг друга!

Нас унижали столько лет,
Что нам победы только снились.
Но вот пришла весна побед —
Аж в марте почки распустились!

ЛОГВИНОВ Андрей Николаевич родился в 1951 году в Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута. Учителем в школах Новосибирской области, был директором сельской школы. С 1983 года, после переезда в Вятку, работал церковным чтецом, псаломщиком. Окончил Московскую духовную семинарию. С 1991 года живёт в Костроме, где служит протоиереем в храме Св. праведного Иоанна Кронштадтского. Автор десяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Лауреат литературных премий: им. Н. Заболоцкого, "Имперская культура" и др.

НА СТАРОМ КЛАДБИЩЕ

Множество на кладбище надгробий.
Много было знатных и вельмож.
Много было всяческих подобий,
Мало, кто на Господа похож.

Много кто толкался возле трона.
Мало, кто толпился у креста.
Кто остался? Ксения, Матрона —
Бабыя нищета и немота.

Пусть и нас коснётся воскресенье,
Пусть и нам прольётся в душу Свет.
Пусть и нам Матронушка и Ксения
Пособят пред Богом дать ответ!

ДИАЛОГИ О СПАСЕНИИ

— Вот бы где бы на Афоне
жить бы, как анахорет!..
Вот тогда бы на иконе
поместили б мой портрет!..

Вот бы подвизаться смело
лишь молитвой и постом!..
— Что же ты спасенья дело
отлагаешь на потом?

Кто мешает здесь поклоны
за людей смиренно класть?
Кто мешает у иконы
мирно намолиться всласть?

Ведь сказал Господь: Любовью
станешь ты, Мой ученик.
Так люби всех на здоровье!
Что же ты судить привык?

Всё — сквозь укори́зны призму:
тот не тот и те не те...
Так вот служим... эгоизму,
лености и суете.

С ненасытностью утробы,
с языком опять беда...
— Вот бы враз спастись бы, чтобы
на Афоне... это да!

* * *

Нам осталось жить совсем немного.
Проведём остаток, не греша.
Лишь постом Великим возле Бога
И отогревается душа.

Миг пасхальных слёз до боли краток,
Но отрадней не было и нет.
Проживём закатный свой остаток,
Чтоб пасхальный обрести рассвет.

ФЕОДОРОВСКАЯ

Нос удлинённый и прямой
И очи — в пол-лица...
Так увидалась Костромой
Мать Богородица.

От князя Александра к нам
Пришла из Городца,
Как по небесным по волнам
Мать Богородица.

Ты славу русского клинка
И Царского венца
Познала не издалека,
Мать Богородица!

Повыплакала над страной
Все очи в пол-лица...
Зато нам сделалась родной
Мать Богородица.

Чтоб лик Твой засветился вновь —
Свои зажжём сердца:
Прими ответную любовь,
Мать Богородица!

РУСТОВО

Высоко, высоко на горе
в черногорском монастыре,
где виднеются моря края —
там живёт ненагляда моя.

Как откроет калитку она,
хоть и в чёрное облачена,
а такой открывается свет,
что для сердца отраднее нет.

Озарённые духом глаза!
А сама она — словно лоза,
голос кроткий и чистый у ней
чуть журчит ручейком меж камней.

Освежит родниковой водой,
чтобы стал ты душой молодой,
и проводит заботливо в храм.
Русский царь почитается там,
в честь царевен-сестёр имена.
Неземная — не только она...

Так летел и летел бы туда,
где отрады живая вода,
где немислимая красота,
как за пазухою у Христа!..

* * *

В России надобно родиться,
Всю ширь бескрайнюю впитать:
Душа России — лебедица,
У ней возвышенная статья,

Она в чарующем полёте!
Отбросьте зависть и враньё!
Иначе просто не поймёте
Суть белоснежную её.

* * *

Не знаю, что со мной:
хожу, траву сминая,
всё больше ей родной.
Всё больше мне родная
и тихая река,
и серая избёнка,
и в небе облака,
и звонкий смех ребёнка,
и звонкий летний зной,
и жития в Минее...
Всё, что живёт со мной, —
чем дальше, тем роднее.

ЗА ВОДОЙ

За водой с коромыслом ходила девица.
Целый век не могу на неё надивиться:
Эко статно ступает, воды не плеская,
Глаз лаская, — архангельская ли, тверская.

А вода из колодца — как тайна живая,
Достаётся — глубинная, зоревая.
И летит, точно радуга вечного смысла,
На плечах расписное её коромысло.

Шла девица ли, старица ли, молодлица...
Наглядеться никак не могу, надивиться:
В рукавицах, как птица, в сугробах мелькая,
Вся такая сибирская ли, костромская...

* * *

И снова Поле Куликово.
И — неизвестность, как тогда.
На нас вся рать Тельца Златого,
Как Золотая встарь Орда.

Умён, коварен недруг злобный,
Мощнее в мире силы нет.
А где наш Сергей Преподобный
И где наш славный Пересвет?

В деталях лишь разнообразя,
Нас ждёт всё то же: “Гни башка”.
Как мы надеемся на князя,
Они — на своего божка.

Но есть у нас ещё подмога,
В которой точно будет толк:
В нас упование на Бога,
Как на святой Засадный полк.

Терпения испита чаша.
И Бог, и Царь сегодня близь.
Погибнет Русь Святая наша?!
Настал твой час, душа. Молись!

СЛАВА ВДВ

*Генералу Владимиру Шаманову,
полковнику Ивану Девятовскому,
майору Ивану Логвинову и другим*

Когда мы слышим: “Слава ВДВ!”,
Нам видятся крылатые машины
И голубой берет на голове,
Что носят настоящие мужчины,

Готовые за правду сразу в бой
И драться хоть руками, хоть ногами,
Хоть жертвуя собой — за нас с тобой,
С любыми нашей Родины врагами.

А вдуматься и заглубить вопрос:
За Правду-матку, не заради хлеба,
Кто первый был десантник?

Да Христос
Для нашего спасенья спрыгнул с Неба!

Его война глобальная была,
Он дрался, словно целая бригада,
Со всею сворой мирового зла,
Избавить чтобы нас с тобой от ада.

Он душу положил, Небесный Брат.
Узнав, что там, в аду, остались наши,
Он спрыгнул в ад и вывел всех ребят,
Как узников от лагерной парашаи.

Всё это мы удержим в голове.
И вновь перекрестясь на путь-дорогу,
Когда услышим: “Слава ВДВ!”,
Добавим тихо сердцем: Слава Богу!

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

ТАМАРА

ПОВЕСТЬ

*Виновата ли я? Виновата ли я?
Виновата ли я, что люблю?..*

(Из песни)

1

Тамара была счастлива. Её свежие полные губы утончались в таинственной полуулыбке, а серые, с крапчатой прозеленью глаза мягко блестели в загадочном прищуре при воспоминании о своём счастье. Уже целую осень и часть зимы она состояла в упоительном замужестве и часто, вроде бы ненароком, но на самом деле отнюдь не случайно, с погаённой неослабной гордостью бархотила любовным взглядом золотой обручальный хомутик на безымянном пальце правой руки. А иной раз, когда за стеклянной отгородкой прилавка пустовал без покупателя зальчик аптеки с пальмой в углу, Тамара опять становилась невестой, вспоминала шёлковый шорох подвенечного платья и мускулистую силу жениха, который нёс её на руках по широким, в несколько пролётов ступеням Дворца бракосочетания — на виду у всех!

И даже тогда, когда шамкающий голос взявшейся как из-под земли закутанной в шаль старухи-покупательницы вытаскивал Тамару из кареты памяти, летевшей по коротким вёрстам медовых дней, и возвращал за прила-

ШИШКИН Евгений Васильевич родился в 1956 г. в городе Кирове (Вятка). Работал на заводе, служил в армии, окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Высшие литературные курсы в Москве. Автор книг “До самого горизонта”, “Только о любви”, “Монстры и пигмеи”, “Южный крест”, “Концерт”, “Бесова душа”, “Закон сохранения любви”, “Правда и блаженство”. Автор пьес и сценариев к документальным фильмам. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

вок, Тамара поворачивала голову на голос появившейся посетительницы снисходительно и осторожно, как будто всё ещё держала на голове белоснежную вуаль фаты с венчиком из бумажных цветов, а не медицинскую форменную шапочку.

— Давайте-ка ваш рецепт, бабушка... Таблетки принимайте, как обычно: за полчаса до еды... Спасибо, и вам не болеть... А вы, молодой человек, не ошиблись заведением? Это аптека, а не винный магазин...

Тамаре даже подчас делалось как-то неловко от собственного состояния довольности: вокруг так много вздорных, неотёсанных, разлагаемых леностью и водкой мужчин-мужей, а вот у неё — у неё Спирин...

Он был хорошо образован — доцент, преподавал историю в юридическом университете. Он был старше Тамары на одиннадцать лет. “Почти на полжизни”, — шутила Тамара сама с собой: в невестах ей исполнилось двадцать три.

Поскольку Спирин долго жил холостяком — не хотел, чтобы семья отвлекала от диссертации, — из плотоядных ртов сплетниц лились повести о нём: будто бы он имеет множество любовниц и будто бы самые привлекательные студентки-заочники сдают ему экзамен “через постель”. Истины в таких речах было на ломаный грош; не Спирин волочился за женщинами, а на него расставляли крючки мечтавшие о замужестве девушки да не прочь были прильнуть к нему и поразвлечься некоторые бабёнки-стервочки, ибо был он вправду красив: высок, виден, голубоглаз даже до какой-то неприличности.

Тамара никаких наживок на Спирина не припасала — не имелось у неё ловкости и дерзости для того. Спирин выплыл к ней сам, словно в награду за её долготерпение и кротость. Не рвалась Тамара из девичества, не пугалась своих набегающих неоплодотворённых годков, а будто предупреждённая свыше: час, мол, твой впереди! — ждала не ропща.

Бывало, заявятся к ней в общежитие ярко вымаранные косметикой, с налаченными причёсками подружки, с которыми вместе окончила она фармацевтический техникум, позовут на дискотеку или даже в ночной клуб. Тамара сперва согласится, а потом гребень вяло прорежет её волосы да и замрёт в руке, на лицо серо ляжет скучина, в прозелени глаз — разуверение.

— Чего ты скисла?

— Собирайся поживей, а то всех женихов разберут!

— Смотри, досидишься. Годы не воротишь, — начнут наседать на неё подруги.

— Без меня идите, девчонки. Не сердитесь. Не к душе мне сейчас, — отзовётся Тамара на конечный уговор подруг, а после в одиночестве сядет на кровать, вроде бы беспричинно всплакнёт... Или вспомнит родное село, тепло натопленной печки, материны пироги... и тем утешится.

Случалось, конечно, вспоминала и свои увлечения. Не без того. Она ведь живая. Живая, мечтательная и страстная! Только вот попусту или на дураков страсть эту и заветные мечты расходовать не хотелось.

Несмотря на такое затворничество, были у Тамары увлечения. Последнее — Олег. Увлечение бестелесное, безобидное, почти переродившееся в дружбу; лишь поначалу Тамару и Олега повязала влюблённость: ходили в кино, однажды — в филармонию, ели мороженое в детском кафе, целовались в воровских потёмках подъезда, но потом Олег на целый год уехал в экспедицию на Тянь-Шань. Тамара не ждала его и не скучала по нему. Словом, робким всходам любви не суждено было развиться.

А теперь всё это уже не имело значения, хотя Олег из прошлого Тамары переступил в настоящее. Вот и сейчас он пришёл в аптеку, стоит у прилавка — спортивно-подтянутый, выбритый до лоска и загорелый даже зимой — не зря географ, путешественник, горнолыжник.

— Опять за провизией пожаловал? — доброжелательно подтрунивает Тамара, принимая от него большую пустую банку.

Олег исповедует принципы Брэгга и один день в неделю сидит на воде, на дистиллированной, аптечной.

— Вода — это лишний повод тебя увидеть, — улыбается Олег и, кажется, хочет понравиться Тамаре.

Он рассказывает о каких-то чудо-открытиях восточных диетологов, но Тамара слушает вполуха. Что ей до Олега, до его слов, до его запоздалых улыбок, если Спирин — всюду и только — Спи-и-рин!

И всё же в своих радостях Тамара начала суеверно замечать сбой: казалось, какие-то тёмные силы, чья-то зависть и злопыхательство сглазили её, овеяли дурным наговором: вот уже пятый месяц она в совместной жизни, а всё ещё пустоцветом. И нынче после работы, зимним вечером Тамара направится к бабке Люше, знахарке и колдунье, с жалобой на своё затянувшееся беззачатие. Чародейству старух, их настояям на корнях и травах Тамара доверяла даже больше, чем белому врачебному халату и той “химии”, которой сама торговала.

* * *

Жила бабка Люша на окраине города, куда не добрались ещё башенные краны, не привели за собой армаду многоэтажных домов. Здесь сохранялись в неприкосновенности деревянные постройки — некая городская деревня. Да и трудно было представить, чтобы колдунья жила в густонаселённом людском муравейнике: ей нужен свой дом, пусть худенький, зато свой...

Дом бабки Люши стал чахнуть вместе с ней, не осталось в нём следов прежнего наряда и ладности. Стоял он чуть накренившись, нахмутив над глазами-окнами треснутые карнизы. Сейчас крыша его была толсто окутана снегом, и дом выглядел молодёлым — скрывал под холодной белизной свою дряхлость.

Тамара постучала в дверь дома (звонка не было). Никто не отозвался. Дёрнула за ручку — дверь оказалась не заперта. Тамара прошла через тёмные сени, на ощупь нашла дверь в горницу. Постучала. Опять никто не отозвался. Но и эта дверь оказалась не заперта. Тамара вошла в горницу и сразу увидела бабку Люшу. Она сидела на кровати, на пёстром, из лоскутков сшитом одеяле; рядом с кроватью, на табуретке, стояли пузырьки и лежали таблетки, и вся горница была пропитана знакомым Тамаре запахом лекарств.

— Что же у тебя, баб Люш, все двери открыты? И на стук ты не отзываешься?

— Слышу я, девонька, плохо, — отозвалась бабка Люша. — Вот и двери не запираю. Вдруг соседка придёт поясницу мне натереть — не достучится. Печь вот еле сама-то истопила...

Постарела бабка Люша быстро. Тамара не видела её давненько — всё недосуг проводить старуху, бывшую соседку. Жили они когда-то в одном селе по соседству, пока разными предложениями не переманил их город. Темно и старо у бабки Люши лицо, безбровое и незначительное в тугом обхвате серого головного плата, губы — узкая провалившаяся лиловатость, и лишь глаза в окружье складок глядят свежо, черно, пронзительно — колдовские глаза.

— Ты уж прости меня, баб Люш, что я под вечер и без приглашения. Не напугала тебя?

— Мне пугаться некого. А покрасть у меня нечего — старость да болезни. Я бы их и сама кому хошь передала.

В горнице было сумрачно, но уютно от натопленной печи, от тёплой расцветки пёстрого одеяла, от мятного запаха трав, которые пучками висели на верёвке под потолком. На комоду у бабки Люши лежали старые бусы. Тамара хорошо их помнила, бабка Люша то ли гадала на этих бусах, то ли любила ими забавляться как украшением, то ли использовала как чётки.

— Давненько ты, девонька, ко мне не захаживала. Видать, дела всё молодые... Ну, раздевайся и рассказывай. Весёлая да нарядная!.. И рассказать, поди, есть чего... Я вот чайник подогреть поставлю. — Старуха, покряхтивая и горбясь, стала привечать гостью.

Сперва неспешно попили чаю: Тамара принесла конфет в угощенье; вспоминали, кто и как из бывших земляков жизнь устроил: кто женился, кто развёлся, кто уехал далече, кто в нездоровье мается, а кого уж и земля упокоила.

— Мне скоро туды же... Зажились, — невесело усмехнулась старуха, помянув о своих немалых годах.

— Что ты! Смерть разве торопят? Тебе рано, баб Люш, — не одобрила Тамара и с лёгкой корыстью и опаской думала: “Кто же мне поможет, если ты умрёшь? Нет, живи подольше...”

Старуха взглянула на неё умными глазами и мысли Тамары будто услышала.

— С заботой, видать, пришла. Рассказывай. Покуда не померла, чем могу — подсоблю... Говори только погромче... От болезней уши-то — как заложённые.

Тамара о своих подозрениях поведала полно: и о возможном сглазе, и — страшно подумать! — о возможном бесплодии, хотя с чего бы это? На все скользкие старухины вопросы отвечала не таясь.

— А не в мужике ли твоём червоточина? — раздумчиво вопрошала бабка Люша. — Ты, глядишь, тут и ни при чём.

— Да что ты, баб Люш! Выдумки!

— Какие ж тут выдумки?

— А вот такие, — заговорила Тамара. — Мне рассказывали... У меня подруга есть, которая меня с ним и познакомила... Софья... Она по секрету мне сказала, что одна женщина несколько лет назад от него аборт делала... Значит, забеременела...

Бабка Люша на этот довод только усмехнулась, всерьёз не приняла, ответила странно:

— Забеременеть-то и от солдата можно. В жизни-то по-всякому бывает. Никто не знает, где какой омут припасён. И ты, девонька, помни, что в жизни-то не все гладью идёт... Ну ладно, ладно... Раздевайся-ка. Вся.

Старуха, шаркая шубными тапками, направилась за перегородку в кухню. Тамара, недоверчиво осмотревшись, стала расстёгивать кофточку.

Скоро Тамара стояла нагая, слегка поёживаясь и стесняясь белизны своих грудей, которые казались ей маловатыми и не подходящими испушённому в любви Спирину... А взглянув на своё отражение, пугливо и водянисто проступающее в полировке старого шифоньера, и вовсе пожалела себя. Неужели она бесплодна? Ведь нет на ней грехов, ничем не болела, по малолетству и по юности никаких глупостей не делала, не беременела, беременность не прерывала.

Скверные мысли прервала старуха — она явилась со стаканом воды и короткой чёрной верёвочкой.

— Ложись-ка, девонька, сюды, — указала она на высокую кровать под цветастым одеялом, с огромными мешанскими подушками в изголовье. — На живот. Правильно.

Что-то тихо пошептав, бабка Люша спрыснула Тамару водой, а потом стала прикладывать к её телу верёвочку, промеряя наискось от плеча до пяты. Тамара лежала, не шелохнувшись, ровно и незаметно дышала, чтобы не попутать важный диагностический замер. Врачевание бабки Люши многим из односельчан помогало одолеть хворь, заразу всякую, и сейчас авторитет её для Тамары был первейшим, почище любого профессорского. Водилось, правда, судя по слухам, за бабкой Люшей и неприглядное...

— Сглазу или порчи наговоренной я в тебе не нахожу, — промолвила старуха, спихивая с Тамары груз женского ущерба. — Погоди, поживи. Сколь, говоришь, у вас с ним сроку-то?.. Четыре месяца и десять дней? Эх ведь, как точно помнишь, — улыбнулась старуха, ласково глядя на раскрасневшуюся, разволнованную от радости Тамару. — Ничего, понесёшь, успеется... А мужик-то, сказывали, знатен тебе достался?

— Знатен, баб Люш... — заторопилась в счастливом поддакивании Тамара. — Умный, красивый, не пьёт, студентов учит... Я посмотрю на мужей своих знакомых, так меня тоска берёт: один — скуп, другой — неряха, третий — пьёт безбожно...

— Эх ведь! Твой-то чего, ангел?

— Для меня — ангел.

— Гляди, ангелы-то с крыльями бывают. Ангела-то, как попугая, в клетку не посадишь. Попугай-то своими перьями поглянулся — ну, посади его в клетку да любуйся на него. А вот ангела-то так не удержишь. Куда хошь улетит...

— Не улетит! — рассмеялась Тамара. Про себя подумала, утвердилась в мысли: “Вот рожу — никуда не улетит!” — Побегу, я баб Люш. Спасибо тебе большущее!

— Ну, беги, беги... Экая счастливица ты нынче. Дождалась, говоришь, своего? Да-а... — кивнула старуха, забавляя свои руки костяшками бус, словно чётками. — Уж больно любви-то в тебе много. А любовь да счастье тоже надо выдюжить.

Тамара уж было хотела переступить порог из горницы в сени, но бабка Люша вдруг тихо охнула. Нитка бус, истлевшая за долгие годы, лопнула, и белые камешки дождём сыпанули на половицы. Тамаре пришлось задержаться, собрать рассыпавшееся украшение. Старуха тоже, болезненно сгибая поясницу, принялась выискивать по избе бусины, а при этом бормотала:

— Бусы порвались. Перед самым уходом из дому. Надо ж как! Не хороша примета... — Но чтобы не пугать Тамару, прибавляла: — В старину говорили: не хороша. Теперь люди по-другому веруют.

2

Из дома бабки Люши Тамара выбежала, будто школьница, на каникулы отпущенная... Выскочила из тёмных сеней на приступок, за спиной громыхнула дверь на пружине, с козырька над крыльцом от какого-то духовения или сотрясения полетела снежная осыпка; снежинки угодили в глаза Тамаре, она прищурилась — жёлтыми кляксами с острыми заливами расплескались перед ней фонарные огни вечерней улицы.

С трамвайной остановки Тамара повернула не в сторону своего дома, а направилась в распахнутые, вмерзшие в сугроб чугунные ворота парка, который противоположным боком подступал к университету. У Спирина сегодня вечерняя лекция, вот она и дожждётся его, чтобы идти домой вместе, под руку. Обычно она не заходила за мужем на службу, а тут пошла: до женских откровений она пусть и не охотница и не выдаст интимных целей посещения бабки Люши, но, не отягивая, приласкаться к Спирину, безмолвно поделиться с ним радостью раззадорилась.

Шла бойко, размышляла с охотой, на волне приподнятого настроения. Как же молодой семье жить без первенца! Да и пора, самое время ей рожать! Правда, Спирина на это счёт покуда помалкивает, ни на чём не настаивает, не торопит. В общем, это и понятно: в первую очередь задуматься о потомстве — дело женское... Тамара представила день, когда шепнет Спирину на ухо: “У нас будет ребёнок...” Ей стало и весело, и чуточку тревожно, и ещё сильнее захотелось прильнуть к Спирину, не откладывая.

Аллея была неширока и глуховата, крупные могучие деревья росли тесно и плели над головой сито. Но несмотря на это, молодцом смотрелся между ветвей тонкий яркий месяц — кавалер с усами, а вокруг него колыхались, прыгали с ветки на ветку разгоревшиеся к ночи звёзды. Тамару радовал вид этого безболезненно иссечённого деревьями неба, толстый снег вокруг, искрящийся, чистый, этот морозно поскрипывающий под подошвами путь через парк.

Той же аллеей она шла со Спириным в день знакомства. Это случилось ранней весной. Под ватным небом дул резкий, шальной ветер, глушил голос, — чтобы слышать друг друга, надо было сближать лица, — и Тамаре было безумно страшно и сладко окунаться в голубизну спириных глаз и временами тонуть в них, беспомощно барахтаясь...

“Вы не замерзли?” — спрашивал он и, видимо, рассчитывал обнять её.

“Нет, нет!” — мотала головой до костей продрогшая Тамара и отгораживалась воротником от своего спутника.

А потом она всю ночь ёрзала и ворочалась на бессонной общежитской койке, казнилась, что вела себя дикаркой и букой. “Глупая... Глупая!” —

корила она себя, размазывая по ладоням и по подушке слёзы обиды: ведь Спириин, проводив её, не назначил ей свидания, только пообещал позвонить. А что такое позвонить? Совсем необязательно!

Однако перестал уже бесноваться весенний ветер, аллея бела декабрьским снегом, в небе — серебряный удалец-месяц среди многочисленного гарема звёзд... И думалось ей о чём-то нежном, невыразимом, уютном.

...Спириин ей тогда позвонил на другой же день, назначил свидание — пригласил на концерт какого-то столичного гастролирующего саксофониста в филармонию, а потом, хотя Тамара и отказывалась, говорила, что уже поздно, что завтра ей рано на работу, однако он “увёл” её в маленький ресторан “Грот”, где угощал испанским вином и кофе по-турецки.

Вино было терпким, приторным и вязущим, а кофе был горьким и крепким. Тамара к таким напиткам не привыкла, да и виртуозные импровизации саксофона не понимала, но очень скоро поняла, что и в музыке, и в бокале вина, и в чашке кофе сама растворяется без остатка... А ещё через день, когда Спириин впервые поднял её на руки в своей квартире и понёс в спальню, она поняла, как много он стал значить в её жизни. Вернее, жизнь её так счастливо стала зависеть от его желаний...

* * *

В коридорах университета было пусто, но это была не мертвенность безлюдья, а временное, зыбкое неприсутствие: чувствовалось, что здание живёт своими задверными внутренностями. Откуда-то из недр доносились шорохи, отзвуки диктующего голоса, шум покашливаний; там, за дверями происходило *познание*, и одним из главных действующих лиц этого действия являлся Спириин. Гордость за мужа охватила Тамару в коридорах университета и давнее благоговение к высшему образованию, на которое она теперь тоже имела виды, желая не слишком отставать от мужа.

Ещё за несколько шагов до аудитории, в которой Спириин читал лекцию заочникам (началась зимняя сессия, перед экзаменами новый материал заочникам “начитывался” вечерами), и у Тамары сладко ворохнулось сердце: долетели ноты родного голоса. Она подошла к двери, чуть потянула её, заглянула в получившуюся щель. Аудитория ровными ступенчатыми рядами столов и скамей и неровными разномастными рядами студенческих затылков и спин шла под уклон к кафедре, которую занимал Спириин. Он стоял почти прямо против двери и даже в щёлку был отлично виден.

Он был сегодня как-то особенно хорош, артистичен и элегантен, в тёмно-синем костюме с чёрной полоской, в густо-бордовом галстуке и в голубой рубашке под цвет глаз. И вдохновенен. Голос его в резонирующем просторе зала рокотал выстрелами пушек и ружей во времена покорения Наполеоном Европы, опрометчивым галопом забегая на холодные пространства России в год двенадцатый, когда русские люди “гению и извергу” преподнесли урок, и вновь звучно перечислял вероломные успешные кампании коротконового французского императора. Хотя Тамара не видела лиц студентов, она чувствовала, что Спириину усердно внемлют; она бы и сама, пристроившись на краешек студенческой скамьи, послушала его с интересом.

Тамара бесшумно отошла от двери; заключительный десяток минут мужниной лекции она решила убить разглядыванием коридорных стендов. Лекционная “пара”, однако, кончилась даже чуть раньше: она была последней, и, вероятно, вахтер по наущению уборщиц урезал науку на несколько минут.

Из дверей к лестничному пролёту потекли студенты-заочники, большинство уже приличного, не ребячьего возраста, некоторые из них в милицеевской или военной форме — неспроста, будущие юристы. Тамара не спешила пробиться сквозь них и показаться Спириину; напротив, задумала разыграть его, подкрасться сзади и ослепить ладонями: додумается ли он, умник, кто его дурачит, ведь он её здесь совсем не ждёт?

Вот, казалось, и последний нерасторопный и дотошный очкарик с портфелем под мышкой и раскрытой тетрадь в руках выбрался из аудитории,

но сам Спирин не появлялся. Тамара ещё некоторое время хоронилась в тёмном конце коридора, потом не утерпела, подошла к двери аудитории, но дверь, оказалось, была уже заперта...

“Как? Почему?” — изумилась Тамара, потянула ручку сильнее, хотела уже постучаться, но вдруг услышала оттуда, из-за неплотно подогнанных дверей, женский смех и экзальтированную фразу: “Ты представляешь?!” Дальше женский голос зажурчал каким-то быстрым увлечённым рассказом, иногда перебивая себя смехом.

В аудиторию вела и другая дверь, и Тамара торопливо перешла к ней, с недоумением и тревогой, словно там, внутри, над Спириным нависла угроза. Вторая дверь тоже оказалась заперта, по-видимому, ею и не пользовались: к ней приткнулась кожаная банкетка. Зато эта, вторая дверь, в отличие от первой, имела в створках рифлённые прямоугольники стекла. Видеть сквозь них было невозможно, но стеклянная плоскость в одной из створок была составной — из неплотно состыкованных стекол. Оттуда сквозил свет из аудитории. Тамара встала коленями на банкетку, прислонилась к стеклу, испуганный её взгляд сбежал по ступеням пустых рядов и вдруг... Она обмерла.

На преподавательском столе сидела желтоволосая, в красном платье и чёрных чулках, со смазливym красногубым лицом девица, которая, жестикулируя свободной левой рукой (правой она обнимала за шею Спирина), что-то говорила и изъезженными громкими словами: “Ты представляешь?!” — предлагала ему удивляться.

Спирин стоял, притиснувшись к её коленям, слегка кивал головой, улыбался и держал свои руки у неё на талии. Все между ними: поза, мимика, любовные притискивания друг к другу — выглядело безбоязненно-естественным, очень своимским, будто они были двое свободных влюблённых на скамейке у городского пруда...

Тамара часто дышала, и собственное горячее дыхание, отразившись от стекла, обжигало её лицо стыдом и обидой, а глаза всё не могли поверить и мучительно насытиться отравой открывшейся правды. После очередного всплеска смеха девица обеими руками обняла шею Спирина и близко-близко поднесла свой красный рот к его лицу; Спирин откликнулся на это ласковым вниманием: средним пальцем правой руки провёл её по брови и оттолкнул жёлтую боковую прядь волос, так что открылось её ухо с золотой длинной висюлькой. Такое прикосновение руки Спирина часто испытывала на себе и Тамара...

Она оторвалась от стекла, пощадила свои глаза и своё надрывающееся сердце и побежала по коридору; полы её расстёгнутого пальто нервно прыгали, под каблуками рвался порох коридорного паркета.

Она опустилась вниз, зачем-то подбежала к дежурному на вахте, быстро спросила:

— Это последняя лекция?

— Последняя. Расписание вона висит, — недовольно отозвался заспанного вида дебелий вахтер.

Тамара ринулась к расписанию занятий, что-то высмотрела в нём, потом направилась к выходу, но на полдороги, словно обезумевши, резко повернула обратно. Подтягивая себя рукой за перила, она частила по ступеням вверх, но услышав на лестнице чьи-то спускающиеся шаги и голоса, затормозила, и теперь уже иная волна понесла её на выход, подальше от того места, где предательство, обман и бесчестье.

Она выбежала на улицу, растерянно остановилась. Перед ней — широкая, ревливая мостовая в белых и рубиновых огнях машин, под ногами гудит земля от тяжёлых колесных скатов. Холодный ветер, гонимый близко проезжавшими автобусами, ударял в Тамару, проникал под незастёгнутое пальто, но не ослаблял жгучести и духоты горя, вынесенного из здания за спиной.

В надлом души вдруг отчаянной молнией прорвалась мысль: разом всё кончить! Переступить холмик грязного обочного снега, шагнуть на мостовую, в сутолоку машин, в рёв, в сутолоку красно-белых светляков огней... И прекратить муку.

Неловкий телесистый парень нечаянно задел Тамару большой сумкой, наскоро извинился, чем отвлек её от соблазнительного безрассудства. Она быстро запахнула пальто и следом за неуклюжим парнем пошла в узкое русло подземного туннеля, спасаясь в нём от убийственной мостовой...

“Вот тебе, вот! Так и надо, дуре! Получай!” — беспощадно шептали её губы.

“За что? Ну, за что? Почему?” — умоляюще спрашивало обманутое сердце.

3

О, Господи, как хорошо было влюбиться в первый раз! Это было в четырнадцать лет... И мальчик Костя был таким светлым, романтичным, непорочным, умеющим так красиво и нежно петь!

Минуло много лет (почти десять!) с той ночи, когда Тамару поцеловали в первый раз. И хотя потом (за десять-то лет!) её целовали разные юноши и мужчины, которые нравились ей одни — больше, другие — меньше, а третьи и вовсе никак не пьянили душу, и их растеряла память, но *своего первого* Костю она помнила свежо и отчётливо, будто всего минуту назад Тамара сняла с его плеч свои руки и, сбивая с травы росу, в предутренних сумерках пошла от него к своему спальному корпусу, где жили хоровики, а он — к своему, привилегированному, где жили вокалисты.

Почему она не забыла Костю, с которым они сдружились на молодёжной туристической базе, куда собрали из разных районов самодеятельные песенные коллективы? Неужели впечатления первого поцелуя и той первой робкой любви оказались настолько сильными, что время не обесцветило в её сознании образ мальчика с высоким голосом, конкурсанта или даже лауреата какого-то фестиваля? Да и была ли это любовь, ведь в четырнадцать лет так легко приобрести крылья сиюминутной влюблённости и полететь неведомо куда, совершенно не думая, чем кончится этот бесшабашный полёт!

Но возможно, именно эта влюблённость осталась самой ценной для Тамары из юности, ведь она ничем не была омрачена и была истинно первой и светлой.

...Снова видится Тамаре молодёжная туристическая база на высоком бело-глинистом крутояре, густая ярко-зелёная хвоя сосен близлежащего леса, видится белая песчаная тропинка, наискось стекающая с обрыва, ведущая через низинку к излучине реки, а потом плутающая в прибрежном ивняке и, наконец, обрывающаяся у старого деревянного причала, где и проводила Тамара счастливые часы с Костей.

Он умел играть на гитаре и после дневных репетиций развлекал на поляне бардовскими песнями парней и девушек; его слушали, ему подпевали, тайно и явно завидовали умению перебирать струны, хотя и знал-то он не более десятка самых расхожих аккордов.

Тамара слушала всегда его песни с нарочитым равнодушием, сидела на поляне дальше всех остальных, читала книгу и редко поднимала на Костю глаза. Она с нетерпением ждала, когда он передаст кому-нибудь гитару, и они уйдут ото всех, уйдут на своё любимое место, и только она будет слышать, как поёт Костя, красиво, высоко и нежно.

Так и случалось. После аплодисментов Костя передавал гитару другому самодеятельному певцу, подходил к Тамаре и молча кивал ей. Им даже не нужно было слов. Они отправлялись к реке, на берег, туда, где ветхий заброшенный причал. Здесь они садились на край причала, глядели на реку, глядели в небо, следили, как ползут в высоту огромные белые облака, очерченные на голубизне неба красивыми загибулинами.

— Когда я смотрю на белые облака, — тихо признавался Костя, — мне почему-то становится тоскливо. И хочется петь самые грустные песни. Наверно, так же тосковал какой-нибудь ямщик. Сидел себе на облучке, ехал где-нибудь по степи и пел заунывные песни. Я и сам иногда себя ямщиком чувствую. Еду будто по небу среди белых облаков...

— Спой мне песню, — неожиданно просила Тамара. — Ты же любишь ямщицкие песни.

Тут Костя немного набивал себе цену, слегка капризничал:

— Но тебе ведь не нравится, как я пою. Ты дальше всех садишься, когда я беру в руки гитару. Или уходишь книжку читать.

— Там ты для всех поешь. А ты для меня, только для меня спой какую-нибудь свою любимую песню.

И Тамара, чтобы не смущать Костю, переводила взгляд на померкшую воду реки, на которой золотыми мазками рассыпалось заходящее солнце, или на другой берег, где были видны курганы свежего сена, над ними чиркали в светливом полёте острокрылые ласточки.

А Костя, давая себе паузу для настроения, начинал запев. Он начинал петь негромко, тонко, бережно и чисто:

*Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня...
Ждёт меня жена
Ой, ревнивая!*

С каждым словом, с каждой строчкой песня отвоёвывала себе всё больше и больше пространства, лилась раздольно, проникновенно и широко, наполняя Тамару какой-то отрадой и упоительной грустью. Ей казалось, что без аккомпанемента у Кости выходило не хуже, а лучше — вольнее, откровеннее, шире. Он пел высоко — так отважно высоко, что Тамара побаивалась, что он сорвётся, захрипит, захлебнувшись воздухом. Тамаре чудилось, что его голос поднимается в поднебесье, рассыпается там на тысячи звонких капель и этим поющим дождём возвращается на землю.

Но песня обрывалась.

С реки, издали, доносилось глуховатое тырканье мотора, вскоре на излучине мимо бакена с тлеющими на макушке огоньком появлялась низкая длинная баржа, неуклюже выползала из-за поворота; её толкал буксир с белющим фасадом штурманской кабины. Буксир портил песню и раздирал окружающий покой басовитым чужеродным звуком, разгонял воду со стремнины на края. На осклизлые бревна старого причала набегали волны, шлёпались, пенились, просились на берег. Затем опять становилось тихо. А недопетая песня где-то дотлевала.

— Мне иногда кажется, что мы здесь одни на всём свете... — говорила Тамара.

Костя ложился на причал навзничь, раскидывал руки; он любил так лежать и объяснял это необычно:

— Если запрокинуть голову и лежать некоторое время зажмурившись, а потом резко открыть глаза, то появится ощущение, будто паришь в облаках. Попробуй!

Тамара осторожно опускалась на причал, раскидывала руки, зажмурилась, потом резко открывала глаза. Нет, у неё не получалось лететь по небу, но она говорила, что тоже видит перед собой “перевёрнутую землю”.

А однажды, так же закрыв глаза в поисках “перевёрнутой земли”, Тамара почувствовала на своих губах губы Кости. Целовались они неумело, стыдливо, и потом некоторое время ещё стеснялись, но всё больше тянулись друг к другу.

Перед расставанием, перед отъездом с туристической базы, они поклялись, что никогда не забудут свой причал, что никогда не будут писать друг другу писем, никогда больше не будут искать встречи.

— Мы будем помнить друг друга — и всё. Ведь этого хватит? — спрашивал Костя, и Тамара, держа свои руки на его плечах, с какой-то лёгкостью, вовсе не задумываясь, почему он требует от неё утвердительного ответа, соглашалась:

— Этого хватит. На всю жизнь хватит.

О, Господи, как хорошо было влюбиться в первый раз!

А что теперь? Зачем она утешает или, наоборот, распяляет себя мыслями о прошлом? Зачем ей такие сладенькие картинки вроде того милого мальчика с вокальными данными, ведь это то же самое, что утопающему — соломинка, или человеку, которому ударом копья пробили сердце, дать для поддержания организма какой-нибудь кисло-сладкой аскорбинки...

Тамара ходила по городу, не замечая пути, не замечая времени, она просто не могла понять: можно ли ей вообще возвращаться домой? Может быть, разрубить всё разом? Ведь как верно они сделали с тем Костей: не стали встречаться. Они поступили мудро, хоть и были тогда сопляками, почувствовали, где грань, за которую не надо переходить. Может быть, и сейчас ей сбежать, уйти от Спирина?

На улице становилось холоднее, Тамара несколько раз заходила в магазины, чтобы погреться, но ничего там не покупала. За время своего замужества она впервые не хотела, не спешила идти домой. Может быть, это какое-то заблуждение, мираж, обман зрения? И она тут же порывалась домой. Да какой обман? Чувшь! Он просто любит другую... И она опять петляла по улицам, прижигала своё сердце недавно увиденной сценой, а потом какими-то воспоминаниями, которые казались счастливыми, бесполезно пыталась залечить его.

4

Тамара пришла домой поздно, уставшая и продрогшая, с первыми морщинками на лице. Трусливо прятала глаза от Спирина, словно она, а не он был одним из тех шкодливых влюблённых, которые не нашли лучшего места для утех, чем кафедра в университетской аудитории.

— Ты где пропадаешь, лапа? Я уже собирался в вытрезвитель звонить, — шуткой встретил её благодушный, невозмутимый Спирин, помог снять пальто.

— У бабки Люши задержалась. Она просила меня лекарства ей принести... — заготовленной отговоркой объяснилась Тамара, неприятно испытывая скованность и некоторую панику от прикосновений мужа, будто в университете он заразился какой-то скверной.

— Тебя чайком напоить? Я как раз заварил свеженького, — предложил Спирин, вероятно, догадываясь по холодному облаку, которое принесла с улицы Тамара, что ей не помешает выпить горяченького. — А может, рюмку водки для сугреву? Ты как, лапа?

Спирин был сейчас весел и добр, и абсолютно неизменен — как до *рокового сегодня*. Он называл Тамару по обыкновению “лапой” — сокращенно-шутейное от “лапочки”, а в окрасе его голоса и в выражении лица не слышалось и не читалось даже полутонов и штрихов натянутости и двуличия.

— Нет, не надо водки. А чай — я потом, — отказалась Тамара и, не заходя в комнату, чтобы сумрак прихожей, в которой горел лишь настенный светильник, помогал утаить настроение, пошла в ванную. — Я в ванне погреюсь. Ты ложись спать, не жди меня.

Стыдно! Жутко стыдно! Нет, ей стыдно не за себя, а за него. Она думала, что Спирин на неё глаза не посмеет поднять после того, что случилось. А всё не так. Это у неё внутри всё дрожит, а у него никакой натянутости, никакого смущения. Ни одной беспокойной ноты, ни одного извинительного тона. Тамара отсиживалась в ванной, впуская воду — для шума.

В остатный час вечера ей удалось избежать разговоров со Спириным, его возможных ласк и позже него лечь в постель. И опять это было впервые — чтобы она не хотела общения и объятий мужа.

Она долго лежала в неподвижности притворного сна, дожидаясь, когда Спирин уже не сможет разлепить веки, если даже она потревожит тишину комнаты вздохами или плачем. Потом поднялась с постели, перебралась на стул к окну, под размытый синий свет месяца.

Мысли Тамары слегка поостыли, не кидались с одного на другое в поисках боли и утешения, и сейчас ей хотелось всё осознать, добраться до какой-

то страшной, но простой истины, отвечающей на мучительные вопросы “За что? Почему?”

Она переводила задумчивый взгляд с унылой сини ночного окна, в котором висел месяц, на постель, где безмятежно посапывал Спирин. Она понимала, что любая истина, открытая ей, окажется неполной, ибо главное скрыто в нём, в её муже, в его безоблачном настроении, в его шутках, в совершенной непогрешимости его вида, в этой обычности его мирного беззаботного посапывания. Она не испытывала к Спирину неприязни или брезгливости, хотя, ложась рядом с ним в постель, страшилась и назло себе хотела поймать запах чужой косметики, чужого женского тела, исходящий от него. Она лишь смутно и больно догадывалась, что уже не сможет быть с ним той, какой была прежде, — безоглядной, беспамятной...

Но чем дольше Тамара горбилась на стуле, поджимая босые зябнувшие ноги, тем всё шире разрасталось в ней желание хотя бы отчасти оправдать мужа. Не он, а *та... та*, которая нахально забралась к нему на стол, больше всех виновата! Детально припомнилась её одежда: броское огневое платье, чёрные чулки, вульгарная желтизна крашенных волос, алчные пунцовые губы и цепкие, звериные ногти (хотя, по правде говоря, её ногтей Тамара не различила). А это дурацкое “Ты представляешь?!” — Тамара передразнила соперницу, — а развязный смехок?..

“Проститутка... — прошептала Тамара. — Она просто хочет легко экзамены сдать... Хитрая шлюха!” Но вместе с тускло забрезжившей в душе успокоенностью, что Спирин не так уж порочен, а скорее, доверчив, липкий и противный, как болотный ил, стал обволакивать страх, что “проститутка” походя, даже ради забавы может разрушить её семью. И плевать ей, бессовестной, что любовь Тамары к мужу чиста и преданна. Плевать гадине!

Тамаре хотелось кинуться на постель к Спирину, разбудить его, растряссти, выпытать всё от начала до конца и спасти и его, и себя от позора или, в другом случае, решить вопрос с разводом, чтобы не позволять втаптывать себя в грязь... Но она усидела на стуле, не сорвалась. Она очень любила и немного побаивалась Спирина. Она помнила его урок, который он дал ей сразу же, на второй день после свадьбы.

...Тамара прекрасно помнила то утро — ещё бы забыть, после первой-то брачной ночи! — когда дом был полон цветов, подарков, когда во всей атмосфере было разлито что-то пьянящее, даже наркотическое, словно бы всё было и не наяву, а продолжением какого-то безумно восторженного сна. Спирин в нарядном светлом халате с атласными лацканами пришёл в спальню с подносом, на котором были кофейник, чашки и им приготовленные гренки.

— Это тебе, лапа. Наш первый семейный завтрак. — Он поставил поднос на столик рядом с кроватью, запах кофе ещё ярче украсил дом новобрачных. Спирин поцеловал Тамару в нос и, проведя средним пальцем правой руки ей по брови, оттолкнул боковую прядь её распущенных волос. — Хочу тебя спросить: ты не против, что я называю тебя “лапой”?

— Нет! Совсем нет! — отозвалась Тамара, прижимаясь к мужу.

— А хочешь, я дам тебе рецепт семейного счастья? — спросил он с некоторой иронией, однако под этой иронией чувствовались вполне серьёзные намерения.

— Хочу! Конечно, хочу!

— Ты доверяешь мне, лапа? — нежно спросил он.

— Я не только тебе доверяю, я преклоняюсь перед тобой. Ты старший. Ты опытный. Ты такой умный. А ещё преподаватель. Я слова “доцент” даже побаиваюсь, — ответила Тамара. — Я верю каждому твоему слову, каждому взгляду.

— Тем лучше, — признал похвалы Спирин. — Итак, некоторые правила поведения для женщин, которые хотят счастливой супружеской жизни.

— Итак!

— Если женщина хочет быть счастлива и спокойна в совместной жизни с любимым мужчиной, она должна крепко усвоить первое святое правило:

никогда не задавать мужу вопросов. Слышишь, лапа, святое! — с юмором, но опять же не в шутку подсказывал ей Спирин. — Никогда не задавать мужу вопросов! Поняла?

— Что? Совсем никогда? — удивилась Тамара.

— Совсем! Совсем и никогда! — подтвердил Спирин. — Ничто не раздражает мужчину больше, чем вопросы женщины. Причем эти вопросы часто бывают, мягко говоря, не очень рациональными и продуманными. Если муж сочтёт нужным что-то рассказать жене, чем-то с ней поделиться, он делает это без всякого нажима, без всяких понуканий... Согласна, лапа?

— Согласна! — твёрдо признала Тамара.

— Второе правило счастливой супружеской жизни, — поучал Спирин. — Никогда не посягать на суверенитет личности. Ничто не губит супружескую жизнь больше, чем отсутствие некоторой свободы. Свободы в пристрастиях, в увлечениях, в покупках, в некоторых маленьких секретах.

— Это как же? В каких-таких увлечениях и секретах? — недоумевала Тамара.

— У нас на кафедре работает профессор Никулин, — примером решил прокомментировать Спирин второй пункт из своего рецепта счастья. — Обаятельный, учтивый человек, мухи не обидит. Он даже “неудов” студентам-бездельникам не ставит. Но водится за ним одна страстишка — скачки. Два раза в месяц он непременно пропадает на ипподроме и играет на тотализаторе. Вернее, сказать, проигрывает. Всегда проигрывает, почти без исключений... А однажды он проиграл очень много. Так вот его жена, от которой он усердно скрывал свои проигрыши, приперла его к стенке и заставила сознаться, куда у них подевались деньги. Он, наверное, мог выкрутиться, перезанять нужную сумму. Но она разбила его суверенитет, забралась в святая святых, взяла его за горло...

— И чем кончилось? — не терпелось узнать развязку Тамаре.

— Через месяц они разошлись. Она, оказывается, всю жизнь мечтала о даче и, узнав о том, что муж транжирит деньги на ипподроме и дачи ей никогда не видать, не смогла перенести удар.

Тамара рассмеялась:

— Какая ерунда!

— Э-э, нет, это совсем не ерунда... Ерундой это кажется только из постели новобрачных... — Спирин стал щекотать Тамару, она взвизгивала и металась по постели.

— А ещё есть какие-нибудь законы или правила для счастья? — спросила Тамара после игры.

— Разумеется, есть, — ответил Спирин. — Женщина не должна навязывать мужу свое мнение, свою заботу, свою любовь, свои желания... Она должна быть все время с мужем, но и как бы несколько в стороне. Потому что счастье навязчивым не бывает.

Тамара призадумалась, чувствовалось, что ей нужны пояснения. Спирин не заставил её ждать:

— Вот идёт человек по лесу, прекрасная погода, светит солнце, поют птицы. Человек наслаждается природой. Выходит он на полянку. Крутом цветы, зелень. Сердце радуется. Глядит человек на куст шиповника, на котором распустились цветы, и видит, как пчела сидит на одном из цветков и собирает нектар... Замечательная картина... Но что такое? Вдруг красивая полосатая пчела бросила трудиться и стала кружить над человеком. И ему уже не нужна ни красота этой пчелы, ни красота леса и поляны, ему хочется поскорее убежать, скрыться от всего этого... Так вот, — поучительно поднял палец вверх Спирин, — счастье никогда не может быть навязчивым. Ты слышишь, меня, лапа?

— Слышу. Я всё слышу, милый.

Тамара безусловно верила его опытности и уму, и училась сдерживать себя, иногда помалкивать.

...Промолчит Тамара и теперь, в этот страшный, переломный, предательский вечер. Не растрясёт Спирина, не нарушит заповедей жениного счастья, о которых услышала в первый день замужества.

Спирин преспокойно спал, а Тамара сидела на стуле у окна и тихо плакала. Её слёзы наливались синим светом: на них бесстрастно глядел молодой месяц, красавец и развратник, в окружении несчастных беззащитных звёзд.

5

Через несколько дней Тамара знала, что фамилия той, которую она назвала проституткой, Курдюмова, что она иногородняя, остановилась на время сессии в гостинице (специально в гостинице, а не в общежитии, как большинство заочниц, чтобы облегчить возможность любовных свиданий, как догадалась Тамара), а Спирин иногда провожает её до гостиницы и задерживается на час-другой у неё в номере.

Да, Тамара выследила его! Она обмирала от стыда и страха, мерзла на холоде и вязла в сугробе, прячась на газоне за углом дома и выверяя маршрут мужа и его распутной ученицы. Вот как внезапно и жестоко вывернулось неприглядной сутью её счастливое брачное начало! Хотя Тамаре было унижительно и противно шпионство, но какая-то слепая, страстная сила требовала и дальше изыскивать сведения о той, кого невзначай увидела она в просвет меж рифлёных стекол, которая подстроила ей такой выверт судьбы...

“Эх, судьба, судьба!” — думала Тамара и вспоминала фразу, услышанную от Олега. Эту фразу он произнёс однажды по какому-то безобидному поводу, когда они торопились в кино, однако опоздали на сеанс. Пришлось возвращаться домой, начался дождь, а у них не было зонта, и Тамара обмолвилась:

“Не везёт...”

“Ну, что ты! — утешил тогда её Олег, укрывая её плечи своим пиджаком. — Никогда не жалуйся на судьбу сегодня, ибо завтра она тебе устроит такое, что сегодняшнее невезение тебе покажется праздником”.

“Какой уж тут праздник!” — вздыхала теперь, больше года спустя Тамара, теперь уже совсем не по поводу опоздания в кино...

Всплыл в памяти образ многоопытной бабки Люши. А ведь она словно бы угадывала такой оборот, намёками предупреждала. Почему же Тамара её не услышала, не вняла ей? А что было бы, если бы и услышала? Легче бы было переносить предательство мужа? Тамара с ужасом вспоминала о Спирине и о той краснотой заочнице, которую Спирин... с которой Спирин... за которой Спирин... Да что же она за птица, в конце концов, эта студентка?!

...Рассказать кое-что о Курдюмовой могла обыкновенная учётная карточка студента. К ней дорога для Тамары была известна: в деканате заочного отделения работала её приятельница Софья, милая чернявая женщина с тёмным пушком над верхней губой и с золотым увесистым перстнем на указательном пальце. Софья в жизни Тамары была фигурой не последней: это она и познакомила Тамару со Спириным, когда они как-то раз вместе оказались возле её стола. Для Софьи же в Тамаре имелся свой прок: через Тамару лежал путь к разным таблеткам, проверенным модой и дефицитом.

— Тamarочка, мне срочно нужен браслет от давления. Когда меняется погода, я просто умираю — голова кружится. Мне посоветовали... У вас, наверно, в аптеке бывают? — спрашивала Софья, поправляя перстень на пухловатом пальце.

— Наверно, бывают,— отвечала Тамара, ничуть не задумываясь о браслете.

— А ещё мне посоветовали обратиться к экстрасенсу. Но я, знаешь, ужасно боюсь этих экстрасенсов. Женщинам, разным гадалкам и магам я не верю, а мужчины-экстрасенсы, мне кажется, думают только об одном: как бы заманить пациенток... И пожалуйста, принеси мне, Тamarочка, того снотворного, которое приносила раньше. Не могу по ночам уснуть. Я уже боюсь, Тamarочка, что стала прокажённой наркоманкой или, как там по-научному, — токсикоманкой? Да?.. Ты чего там увидела?

Всё это время Тамара слушала Софью рассеянно, её интересовали объёмные картонные папки, выстроившиеся на полке рядком, с цифрами и символами на корешках.

— Мне бы... — чуть покраснела Тамара, виноватясь и замешкавшись. — У нас там, в техникуме, вечер встречи намечается... Мне бы... Вроде бы на заочном у вас в сорок четвёртой группе Наташа Куликова учится. Она с нами была. Адрес бы её узнать, она переехала. Меня просили. — Прозвучало это сбивчиво и не очень убедительно, но Софье и в голову не могло прийти, что заглянуть в папку с кодом “ЮЗ—44” для Тамары трепетно и важно.

— Нет ничего проще, — сказала Софья, и скоро нужная папка лежала на столе.

Тамара ниже склонила голову к поданной папке, чтобы Софья не разглядела на её лице краску волнения — щеки загорелись — и напряжёнными пальцами распустила тесёмки. К счастью, Софью отвлек телефонный звонок и несправный разговор с каким-то начальством. А бывшей сокурсницы Наташи Куликовой в природе не существовало, но вымышленная фамилия недаром начиналась с буквы “к” — рядышком с Курдюмовой, — на всякий случай. Это был Тамарин маневр...

...Казаков, Калинина, Кузьмин... Вот и она, Курдюмова Светлана... Год рождения... Домашний адрес... Семейное положение... Сведения о детях... Место работы... Тамара быстро читала, перечитывала, а с небольшой фотографии в верхнем углу на неё прямо и неотступно глядели тёмные глаза Курдюмовой. На фото она была явно моложе и немного другая: с наивной чёлкой на лбу, волосы русы, ещё не крашены в жёлтое, и губы, похоже, без жирного помадного слоя, но взгляд всё равно самоуверенный, вызывающий...

— Здесь нет, — сказала Тамара и закрыла папку.

— Может быть, в сорок третьей? Не ошиблась? — спросила Софья, прикрывая ладонью микрофон трубки.

— Не беспокойся. Я вспомнила, что у нашего старосты записан телефон её родителей. Найдём.

Папка с документами группы ЮЗ—44 заняла прогал на полке. Для Софьи факт выемки и возвращения этих документов на своё место был ничтожное, сразу позабыт, зато Тамара ещё долго мысленно перебирала анкетные данные одной из карточек в этой папке.

“Она меня старше. Замужем. Есть сын... А живёт в Ясногорске. Это километров двести отсюда, даже больше. Улица Дружбы, дом 9, квартира 10. Адрес легко запоминается. Хотя зачем мне адрес?... И всё-таки она замужем. Значит, кому-то жена... Но и Спирин не холостяк...”

Сколько раз Тамара слышала от женщин разных поколений, от женщин сельских и городских, в шутку и абсолютно всерьёз, что все мужчины — кобели... Но прежде её это не касалось, она и сути этих слов понять не могла да и не хотела. А теперь на себе (на собственной шкуре! — издевалась над собой Тамара) пришлось познать смысл растиражированной фразы, то ли афоризма, то ли непреложной истины.

...В аптеке, где Тамара работала провизором, прибиралась уборщица, низенькая, неброской внешности, но при этом преинтереснейшая женщина — тетя Шура, с провинциальной родословной и деревенским диалектом, прямолинейно-открытая в суждениях о своём супруге и обо всех мужчинах в целом.

Если разговор заходил о семейной жизни либо касался каким-то образом мужчин, она тут же встревала и резала правду-матку, делилась собственным опытом.

“Весь мужиковский род — кобели! — говаривала она, гоняя по полу швабру. Речь у неё была особенная, со словами подчас незнакомыми, но понятными по смыслу: — Среди мужиков токо пьяницы бывают верными. Остальные все гуляки. Вот мой Федяня пить пьёт, рюмку мимо себя не пропускает, но чтоб гульнуть — ни в жись. Он тверёзый-то баб побаивается, а пьяный совсем по этой части немоглый. Я за него спокойнёненька...”

В коллективе аптеки её рассуждения нравились, было в них что-то природное, живое, чем обмануться невозможно. А уж её иронический рецепт для “вылечки мужиков от кобеллизма, а баб от гулянки с ними” нравился всем особенно.

“Лучшее лекарство от мужиковского блуда — коромысло, — говорила теть Шура, говорила с видом научного сотрудника, который выверил своё лекарство долгими опытами над пациентами. — Токо бить его надо не попере́к хребта. Иначе можно организм нарушить. А вдоль — самое то!.. Лучшее всего лечит!.. Поймала своего мужикашку с бабой — и давай его коромыслом. И для пущей вылечки — лучше при народе. Знай лупи его и добавляй уму-разуму...”

“А любовницу его как отвадить?” — для продолжения весёлого разговора подкидывал кто-нибудь вопрос теть Шуре.

“Ну-у, тут ещё проще... Трехлитровая банка зелёнки...”

“Куда столько много?”

“На башку свонной любовнице... Сзаду подходишь к ней незаметно — и на башку... Больше она с ним никогда не снюхается...”

Конечно, не по категоричным предписаниям теть Шуры, но каким-то образом семейный узел надо было разрубать и Тамаре. И не однажды с того дня, когда ненамеренно *застукала* она Спирина с гулящей заочницей, она готовила себя к разговору-развязке с ним: раскрыть с презрением карты, набраться самолюбия и уйти, хлопнув дверью (квартира к тому же его, делить нечего, койка в общежитии опять найдётся — на улице не оставят).

Но стоило Тамаре соприкоснуться с мужем, как непостижимым образом презрение её утрачивало всякую отвагу, а самолюбие покорно ложилось и умирало под невинным постоянством и обезоруживающей обходительностью Спирина. Желание объясниться пропадало, утолялось до будущих часов невесёлого, раздумного одиночества. Что за игру ведёт Спирин? Как можно делить себя на двоих? Сколько это будет продолжаться? Неужели у мужчин так принято?

...”Неужели бы и он поступал так же, если бы мы с ним сошлись?” — подумалось Тамаре, когда в пустой аптечный зальчик с пальмой в углу вошёл Олег, всегда подгадывающий время без посетителей.

— Ты что такая нахмуренная? Хмуриться очень вредно, — предостерегал Олег, замечая насупленную задумчивость Тамары. — Лицо должно быть открыто и расслабленно. Восточная медицина утверждает, что у тех, кто хмурится и держит мышцы лица в напряжении, часто болит голова.

— Голова у меня действительно болит... Только к восточной медицине это никак не относится, — уныло призналась Тамара и тут же спросила: — А как предлагает твоя восточная медицина лечиться? Что нужно сделать, чтобы голова не болела никогда?

— Самосовершенствоваться! Человек должен познать себя и построить себя сам! — убеждённо ответил Олег. — Кстати, я приглашаю тебя на наши занятия. В начале февраля мы открываем секцию в спорткомплексе. Ты познаешь другой мир, мир гармонии...

— Йога какая-нибудь?

— Не совсем. Приходи — увидишь.

От этого малозначительного, обыденного разговора в душе Тамары проклюнулось что-то новое, захватывающее, озорное; ей как будто кто-то посоветовал с умыслом: приглядишься-ка к Олегу позорче, он по-своему интересен, лицо мужественное, сложен прилично. Ведь когда-то он тебе нравился...

Да, было время, когда он не просто нравился Тамаре, — она была влюблена в него. Да, в нём не было искромётности, жаркого темперамента, но ведь и он мог, не замечая часов, говорить с Тамарой обо всём на свете. Да, они не ходили на концерты модных саксофонистов и не пили кофе по-турецки в модном ресторанчике “Грот”, но Олег был всегда к ней внимателен и честен... Главное — честен! И он, Олег, не сделал ей ничего плохого, не навредил. Просто в нём ей чего-то не доставало. Может быть, фейерверков, розовых фантиков? Конечно, она мечтала о рыцаре, а Олег тог-

да рыцарем ей не казался... Ну, теперь-то у неё есть рыцарь, от которого голова болит...

— Да, я, пожалуй, приду, — сказала Тамара и решительно подумала: «Если Спирин будет путаться с *той*, я стану подругой Олега. Олег этого хочет, я вижу... Да...»

— А муж тебя на занятия отпустит? Он у тебя не Отелло? — прощупывал Олег.

— Не Отелло. И вообще я не обязана во всё ему отчитываться!

Судя по тому, какая улыбка проступила на скуластом лице Олега, ответ ему пришёлся по сердцу.

Тамара смотрела Олегу влед, подойдя к окну, где на стекле над рисованной чашей выгнулась символическая рисованная змея, похожая на Курдюмову, — смотрела прицельно и нехорошо, как на самца, с помощью которого сможет отомстить... Кому, кому отомстить-то? Спирина? Себе?.. Стало гадко на душе. Гадко от всей этой пошленькой истории с прелюбодеянием мужа, с блудом семейной студентки, с собственным выслеживанием этой парочки и появившимся эскизом мести с подходящим и милым приятелем Олегом.

В конце рабочего дня Тамара устало сдёрнула с головы шапочку, села на стул, пригорюнилась. Сидела долго.

— Чё домой не идёшь? — спрашивала её теть Шура, которая мыла пол.

— Не хочу, — коротко отвечала Тамара, через силу улыбаясь. Она вертела в руках обручальное кольцо, снятое с безымянного пальца. То ли руки пополнели, то ли отекли к вечеру, но след от кольца казался глубоким, надавленным.

6

Первая любовь — не та, платоническая, эфемерная, к приятному певчому мальчику Косте, а настоящая, с близостью, Тамару накрыла рано — относительно рано, в десятом выпускном классе.

В школьные годы Тамара ходила в несколько кружков сельского Дома культуры: то её захватывала живопись, и Тамара усердно рисовала голову Аполлона в кружке рисования, то она пела в многоголосом хоре, а дома пела перед зеркалом и дирижировала себе палочкой, то вертела на шесте кукол из папье-маше над ширмой в самодеятельном театре кукол.

Но однажды Тамара увидела в небольшом зеркальном фойе Дома культуры, как занимается вновь созданная студия балетников. Впервые увидела только что приехавшего из столицы руководителя Максима Анатольевича. Тамаре тут же захотелось постичь пластику танца, в порывистых па лететь по паркету в вихре латиноамериканской музыки...

Он, Максим Анатольевич, и стал для неё первой взрослой любовью, первым мужчиной. Только ради него — конечно, ради него! — она и записалась в студию балетных танцев. Ведь она тогда ходила в кукольный театр и играла там главные роли, а тут от всего отказалась, заявив, что в куклы досыта наигралась...

Позднее Тамара, сельская школьница, сгорала от стыда на медосмотрах, когда приходилось признаваться врачу, что уже не девственница, но втайне перед сверстницами была горда своей взрослостью и ранней любовью, которую на селе не одобряли, поскольку нравы и по сию пору «блюли»...

Тамара красиво, как настоящие танцовщицы, которых показывали по телевизору на балетных конкурсах, таяла в объятиях искушённого красотой движений Максима Анатольевича, — там, у него в комнате общежития, в углу на втором этаже рубленого дома, когда они танцевали вдвоём, танцевали медленные, упоительные танцы под музыку Франсиса Лея.

Максим Анатольевич числился молодым специалистом, окончил в подмосковных Химках институт культуры, безумно кичился этим и презирал сельскую жизнь, сельский Дом культуры и село, «эту дыру», куда угодил по «глупому контракту», который подсунул ему «тупица декан» и заставил подписать, иначе не даст диплом...

Оказавшись на первом занятии бальной студии, Тамара во все глаза смотрела на Максима Анатольевича, за каждым движением следила въедливо и восхищённо, и не только как за учителем — как за ослепительным мужчиной, высоким, стройным, со светлыми вьющимися длинными волосами, которые он стягивал резинкой в забавную косичку.

И вот счастье! На занятиях Тамаре не хватило мальчика, партнёра, и сам учитель стал ей временным партнёром. Она чувствовала его отточенные властные движения, его крепкие и вместе с тем нежные руки. Даже впоследствии, когда у Тамары появился закреплённый партнёр — очкастый мальчик с прыщиками на подбородке и бесцветной юношеской порослью под носом, — Максим Анатольевич, чтобы что-то продемонстрировать группе, выбирал Тамару. Она чувствовала, что нравится ему, и сама сторила от влечения к нему.

Как же она оказалась у него в комнате, в общежитии, в этом окраинном доме, построенном именно для приезжих специалистов? Он заманил её? Пожалуй, нет. Максим Анатольевич сказал ей, что может дать для ознакомления книгу по истории танцев. “Она у меня в общежитии, можем зайти после занятий”. Ура! Тамара вспыхнула от радостного волнения: нынче вечером она хоть ненадолго заглянет в загадочный мир настоящего артиста.

Правда, ничего особенного в этом мире Тамара не встретила. Там было всего лишь две достопримечательности: янтарного цвета лампочка в ночнике и сферические колонки импортного магнитофона. Под лиричную музыку оркестра Поля Мориа, стереозвуком заполнявшего комнату, в свете ночника с необычным оранжевым излучением он, Максим Анатольевич, просивший: “Тамара, зови меня просто Максом. Мы ж не на занятиях”, — он, Макс, учил её танцевать, куда класть и как держать голову, а после целовал её и расстёгивал трясущимися спешными пальцами пуговицы на её школьном платье (в студию Тамара приходила сразу после уроков).

Боль, неловкое положение на узкой кровати, шумное Максово дыхание и его слова: “Не бойся... никто не узнает... не бойся... ты красивая умная девочка... надо просто расслабиться...”; затем — разочарование от близости и странный, новый прилив нежности к учителю танцев, которого она могла наедине называть Максом.

У них было несколько трогательных встреч в этой комнате общежития, из которого Тамара уходила непременно в сумерках и так, чтобы никто не заметил... Но вскоре всё оборвалось. Максим Анатольевич сам нарывался на скандал с директором Дома культуры, чтобы смотаться из села. Нарвался, схлопотал выговор, был уволен и укатил из “дыры”, даже не простившись с Тамарой.

Узнав о его отъезде, она всю ночь проплакала; плакала в подушку, втихомолку, чтобы не услышали родные, чтобы не стали выпытывать всей правды. И следующую ночь она проплакала, но уже не столь душевно была следующая ночь... Студия бальных танцев распалась. Все другие кружки и секции Тамара тоже забросила.

А через год уехала из села, поступила в городе в фармацевтический техникум. Школьная жизнь кончилась, вместе с ней уплыли и томные чувства первой любви, поостыли воспоминания о Максе...

В дальнейшем Тамара вела себя более осмотрительно, вернее, не спешила бросаться в чьи-то объятия, ждала рыцаря всерьёз — единственного, избранного, как думалось, навсегда. Она даже некоторое время избегала всяческих увлечений, оттягивала их, запирала своё сердце, чтобы не растратиться, чтобы ещё раз не оказаться в роли брошенной влюблённой глупыхи.

“Да кто в этой роли не бывал!” — иногда говорила Тамара сама себе, зная интимные биографии своих сельских подруг и одноклассниц...

Впрочем, она ни капельки не жалела, что прошла любовное испытание с Максимом Анатольевичем. Неизбежное и трепетное испытание. Но только всепоглощающая любовь к Спирину с пробудившейся чувственностью могла оттенить прежнее и давала понять, насколько легкомысленны и ненадёжны были её симпатии к первому мужчине.

С работы Тамара пошла не домой. Туда, куда она собралась, идти было не близко, но она не воспользовалась трамваем, а направилась пешком — ей хотелось дать себе время на обдумывание. Хотя всё, казалось, и так было думано-передумано тысячи раз.

Вчера была оттепель — всё вокруг поразмякло, повлажнело, словно по городу прошёлся преждевременный ошибочный дождь. Вчера же в ночь, как бы одумавшись, приударил морозец, застудил ростепельную жижу, оставил гололёд. А на сегодня изменчивая, как девичье настроение, погода припасла снегопад: сухая свежая крупа покрывала город, маскировала ледяные коросты на тротуарах, и гололёд под белой наволочью становился ещё коварнее.

Тамара шла по припорошённому льду нетвёрдо, неровно, и думала странновато, не жалея себя: “Упаду — встану, не хрустальная. Если даже ногу подвину — выздоровею... А вот как любовь? Поднимется? Выздоровеет ли? Ведь это только кажется, что у большой любви сил много, всё одолеет. Наоборот, хрупкая она очень. Большая-то любовь даже маленькой трещинки боится. Даже от равнодушного взгляда страдает... А тут такое: он к другой ходит... Господи, дай мне силы!”

Снег падал ей на лицо, таял и вместе со слезами, которые тихо катились из её глаз, обжигал щеки посолоневшей влагою.

С этой влагою в мелких складках под глазами Тамара и переступила порог бабкилюшиного дома. Горе своё она принесла колдунье неспроста.

— Помоги мне, баб Люш. Люблю я его. Сильно люблю... Влезла эта бессовестная в нашу жизнь, испортит она нам её. У неё свой муж есть. Она так, для потехи. А мне всю жизнь поковеркает. Помоги, — просила Тамара, доверяясь бабке Люше, первой и единственной.

Старуха разглаживала свалывшуюся оборку своего изношенного фартука, занимая этим пустяшным делом руки, соболезненно слушала горемычный голос землячки.

— А чего ж ты ему, негоднику, баню не устроишь?

— Не могу я так, баб Люш. Не умею. Он тогда узнает, что я следила за ним. Пуще обозлится. Хуже бы не было, — всхлипывала Тамара.

— Погоди хныкать-то. Может, это его бывшая зазноба какая. Отойдёт, поди... Чё с мужика-то возьмёшь? Ему перебеситься время требуется. Из холостячкой вольницы да под каблук жены...

— Да какой уж у меня каблук-то, баб Люш! Я попереёк ему слово боюсь вымолвить.

— А это ты зря. К вольностям супружника не приучай! Испортишь, — наставляла старуха. — А может, напридумывала ты чего? Сама говоришь, муженёк-то твой от тебя не воротится. Значит, мила ты ему. А другая-то, выходит, пустяк.

— Что же я, как второсортная? Или умения у меня нет любить его? — негромко, только для себя, чтоб этих слов старуха и не слышала вовсе, возражала Тамара, и на все увещания бабки Люши не подкупалась, умоляюще глядела в несостарившиеся остро-чёрные глаза на старом смуглом лице.

— Помоги, баб Люш. Истрадалась я. А ты можешь. Я ведь знаю, что можешь.

— Больно много ты знаешь! — вспыхнула бабка Люша, злым взглядом полоснула Тамару и отвернулась от неё.

Тамара враз притихла, всхлипы свои в груди задушила, сидела, как мышка напуганная, жалела о своём намёке на тёмную молву о бабке Люше.

В доме стало как-то особенно тихо, натянуто. Только негромко, но чётко и мерно стучал большой будильник на комод, да где-то, наверное, в печной трубе, на вышке, начинался едва заметный вой, — должно быть, ветер, заплутав, проваливался в дымоход. Но не столько была напряжённа тишина внешняя, сколько внутренняя. Тамара чувствовала, что где-то — вот он, близок! — излом: либо бабка Люша прогонит её, либо оделит чародейным средством.

А молва о бабке Люше шла разная. Было время, и всё село, и всю округу мутным облаком накрыли кривотолки, которые будто вечной чёрной ме-

той остались на репутации знахарки. Сильна дурная слава — как устойчивая, невыводимая ржа! У доброго дела иль подвига жизнь намного короче...

Худые слухи о бабке Люше простиралась издавека, когда бабка Люша и бабкой ещё не была... В годы, когда пришла ей пора расцвести вторым бабым цветом — в сорокалетие то есть — бабка Люша была однажды приглашена в соседнее село на людные именины. Там-то, на гулянке, за хмельным столом признакомилась она с молодым казистым кузнецом Григорием — человеком, впрочем, уже при семье, имеющим двух детей-малолеток.

Влюбился тот Григорий в Люшу сразу, шально, нетерпеливо, и во время той же гулянки под шумок сбежал с ней, с черноокой вдовой (муж Люши ещё задолго до этого угодил в тюрьму за приписки в лесхозе да с зоны не вернулся: не ли кокнули его там, то ли иссох в болезни). Словом, охмурила и увела Люша из-под самого носа у родной жены молодца Григория, которому ещё и тридцати не сравнялось.

Уже с этого момента и выросли ноги у разных толков: дескать, там ещё, на гулянке, подсыпала Люша Григорию в чарку колдовского зелья, а дальше молодец уж стал сам себе не принадлежащий...

Жена Григория, Анна, — молодуха, сердцем тоже горячая, в крик: “Ах, она стерва! Не отдам Гришу! Меня вон двое пацанов за юбку тянут...” — да мужа назад было, со скандалом, с треском, в законную семью. Тут Люша воспользовалась своими колдовскими талантами во второй раз. Заговором окрутила брошенную женушку Анну, зазвала её к себе в дом, напоила чаем, а может, и не чаем вовсе, а опять же зельем, а после посыпала ей дорогу — опять же по слухам — каким-то ведьминным средством. С молодухи Анны — вот чудо-то! — как рукой сняло всю любовь и все домогания к своему бывшему.

На бракоразводном суде Анна даже единой слезинки не пролила по нему, окаянному, хотя оставалась одна с двумя мальцами и вынуждена была съехать из дому, так как жила в свекровнином доме. А позже дело даже дальше зашло: дети перестали в Григории отца узнавать...

Однако свой злой дар пришлось Люше употребить и против самого Григория. Ярко вспыхнул он негаданной любовью, да вскорости и прогорел: через пару лет житья на чужой стороне стал он тяготиться “пожилой” сожительницей своей и однажды сказал в запале:

“Шабаш, пожил!”

По этому поводу слухи шли таковы, что действие зелья Люши хватило только на два года, а почему она Григория снова полнободно не приворожила — загадка: истинно уж, чужая душа — потёмки.

“Шабаш так шабаш”, — не супротивилась Люша, но глазами резанула своего неверного, а напоследок-то вместо любовного напитка напоила каким-то злодейским настоем и напрочь обессилила Григория по мужской части...

И год прошёл после этого, и два прошло, и три, а никто Люшинуо snadобью противоядие не подобрал. Григорий к тому же на Север на заработки подался, там стал сильно пить, обрюзг, опустился — так и прожил свой недолгий век в одиночестве, время от времени находя утеху в кузнечном ремесле и неизменно — в стакане водки.

...Долго бабка Люша сидела насупившись, молча, боком к просительнице: видать, шибко ранили её намёки на прежний чёрный грех.

— Тебя ещё тогда и на земле-то не было, а ты, вишь, тоже знаешь! — наконец, сказала старуха в раздражении. — У людей язык без костей, мелют чего попало... А вот знаешь ли ты, была ли счастливой-то я? Погналась за счастьем-то сломя голову. Голову и сломала. Глядишь, не гонялась бы — счастлива бы и была.

Старуха поднялась с табуретки, оправила головной платок, искоса посмотрела на Тамару всё ещё колючим непрощающим взглядом. А у Тамары в глазах по-прежнему — заискивание и мольба. Тут, вероятно, бабка Люша рассудила так: тогда она семью разбила, а теперь ей предлагают семью спасти — дело не худое, зачтётся, коли Бог есть (икону в красном углу бабка Люша держала).

— Ладно, — шепнула она.

У Тамары — гора с плеч.

Вскоре бабка Люша принесла из кухоньки, что была отгорожена от горницы печкой и занавеской, сложенный конусом газетный свёрток, в нем — серая крупная соль.

— Вот, — сказала она. — Ручку дверей, где его полюбовница живёт, натрёшь этой солью. Потом три щепотки перед порогом сыпнёшь. Чтобы она эту соль на подошвах в дом занесла... А остатки соли в землю зарой, подальше... Да так, чтоб не знал никто! — Позже прибавила, глядя в испуганно-счастливые глаза Тамары: — Поможет, если всё верно выполнишь. Языком, главное, не болтай.

— Да разве я? Да неужели я... после такого? Я в долгу не останусь, — заикаясь, стала благодарить Тамара.

— Хватит! — слов благодарности бабка Люша слушать не хотела. Скороенько выпроводила Тамару, попрощалась сухо. — Чтоб знать никто не знал! — наказала ещё раз. — Да сама-то поумней будь. Поглядывай за мужиком своим. Изба веником метётся, мужик бабою ведётся...

Уже на улице, пройдя чуть ли не квартал, Тамара спохватилась: она забыла узнать у колдуньи, куда сыпать соль и какую дверную ручку натирать, ведь Курдюмова из Ясногорска? Ехать туда, что ли? Но возвращаться к бабке Люше она не посмела, даже суеверно убоялась повернуть голову назад, оглянуться.

Бережно, словно какой-то драгоценный золотой песок, а не серую соль, несла Тамара кулёчек в своей сумочке, боялась сумочку потрясти, в трамвае избегала толкучки. Однако чем ближе была к своему дому, тем меньше уповала на волшебный кулёчек с солью: “Насильно мил не будешь. Отважу эту студентку, отгону, а любовь-то Спирина где? На привязи его держать? Где уж тут счастье-то?”

Нет, кулёчек не избавил её от сомнений — опять на душе делалось темно и тоскливо, как в кладовке без окон, когда там гасят свет уходя...

* * *

Спирин был дома. Сидел на диване, смотрел по телевизору хоккей (это было одно из его мужских увлечений) и пил из большой деревянной кружки пиво, закусывая сушёными окунями. После нескольких неминуемых дежурных фраз Тамара устало навалилась на косяк в дверном проёме, сбоку наблюдая за мужем, — и с чувством любви, и с чувством какой-то практической невозможности этой любви, словно впереди надвигалась разлука.

— Ты чего, лапа? — повернулся к ней Спирин: он, видимо, почувствовал на себе её долгий взгляд.

— Я так, ничего, задумалась что-то, — смутилась Тамара.

— Иди ко мне, лапа. Посидим. “Спартак” всё равно проиграл, я уже не смотрю.

Тамара сначала не поняла его слов, как будто не могла уже рассчитывать на законную нежность живущего с ней мужчины. Замешкалась. Как она бывала счастлива ещё недавно, когда Спирин звал её к себе! Она переставала ощущать себя в его взгляде, в его тепле, в его шёпоте!

— Ты почему такая грустная? — спросил он, усаживая её к себе на колени, и, не дожидаясь ответа, заговорил обобщённо: — Человек — удивительно неустойчивая система. Поднимется не с той ноги, и любая ерунда может стать причиной для огорчения... Ты сегодня тоже не с той ноги встала? — Он опять спросил, но ответ, казалось, ему опять не был нужен. — Интересно получается: лапа встала не с той лапы, — рассмеялся Спирин. — Пивка, лап, хочешь? С рыбкой? Отлично...

Он подносил к её рту маленькие ломтики солёной рыбы, она брала их губами и запивала прохладным пивом, которое всегда недолго любила из-за горькости, но сегодняшнее, одобренное ласковостью Спирина, почти не горчило. Он улыбался ей, омывая её тёплой голубизной своих глаз, и Тамара отмякала, сиюминутная радость разряжала нервную издёрганность последних дней.

— Скажи мне, Спириин, — ластясь к нему, заговорила Тамара. — Мужчины часто обманывают женщин?

— Что за намёки! — усмехнулся он. — Умный мужчина никогда не будет обманывать женщину.

— Стало быть, ты мне всегда говоришь только правду?

— Какие сомнения! — решительно парировал Спириин. — Конечно! Я всем говорю только правду. Другое дело, что у всякой правды есть свои ограничители... Всей правды даже прокурор не должен знать... Если бы преступник, — Спириин любил приводить примеры, ассоциации с правовым уклоном, недаром преподавал на юридическом факультете: — Так вот, если бы преступники не ограничивали правду о своих преступлениях и своих намерениях на допросах у прокурора или следователя, они бы значительно дольше сидели в тюрьме... Правда, истина — категория особенная, — начинал философствовать Спириин. — Пушкин, к примеру, говорил в таком роде: когда я представляю себя перед Богом, то чувствую подлость в каждой своей поджилке... И это гениальный Пушкин! А уж куда нам, обычным людишкам?

— Ты просто мастер выкручиваться! — рассмеялась Тамара.

— Да нет же! — сопротивлялся Спириин. — У меня просто есть свой кодекс.

— Скажи хотя бы одну статью из этого кодекса.

— Пожалуйста! Это русская народная поговорка: свою жену весь век люби, весь век с ней живи, но всей правды никогда не сказывай...

— Хитрец! — сказала Тамара и больше не пробовала проникать к нему в душу. Да и не нужно! Ведь Спириин этим вечером был с ней таким добрым, таким домашним, таким *Тамариным* и, казалось, таким беззащитным перед распущенностью Курдюмовой.

“Не отдам! — мысленно твердила Тамара своей сопернице в этот вечер. — Ни за что его не отдам. Нет!”

Поздно вечером Тамаре позвонила Софья. У неё продолжалась и без того бесконечная бессонница, и она просила посоветовать для покупки какое-нибудь снотворное, а лучше всего — прийти к Софье в гости со снотворным.

Разговор и вовсе был бы обыкновенным, если бы Тамара вдруг не спросила Софью (Спириин, понятное дело, этого разговора не слышал):

— Если ты боишься экстрасенсов и магов, тогда сходи к бабке. Бабкам, лекарякам, ты доверяешь?

— Бабкам-то я доверяю. Да только тех, кто умел по-настоящему лечить, уже на свете нет.

— Есть, — сказала Тамара. — Только я сперва на себе хочу проверить её силу. А потом и тебя к ней сводить.

Софья обрадовалась, но вскоре разговор принял иной оборот:

— По правде сказать, — мягкий голос Софьи, умевшей говорить по телефону по часу, лился в наушник, — главное, не лекарство, а психология. Ты, помнишь, Тамарочка, как я курила. Целую пачку в день. Я же вся пропахла никотином. Фу-у!.. И чего только я не перепробовала! Таблетки, антиникотиновые жвачки. Даже кодирование, стыдно признаться. А что, думаешь, помогло?

— Что? — слегка позевывая, поторапливала Тамара.

— Книжка. Художественная литература. Я и автора-то не помню. Но воздействие оказалось целительным... Там, знаешь, что главное? Главное — собраться с духом и переменить ход. Это как в шахматах — один ход, и вся позиция на доске совсем другая... Там, в той книжке, она импортная какая-то, я даже имён героев не запомнила. Грета, кажется... И эта Грета, девушка-бесприданница, встречалась со своим возлюбленным и надеялась выйти за него замуж. А он всё медлил и медлил... Она бегала к нему на свидания, мучилась, ждала его, была покорной. Но как-то раз сказала себе: “Стоп, деточка!” И не пошла на свидание. А потом врезала ему, своему жениху пощечину, когда он стал накачивать на неё...

— Чем же всё кончилось?

— Она вышла замуж за какого-то офицера, была счастлива и нарожала ему уйму детей... Но дело не в этом. Когда она отвергла своего ухажёра, у неё словно пелена с глаз упала. Всего один ход — и картина совсем другая. Главное — ход должен идти вразрез... Ну, так что, ты завтра придёшь ко мне в гости? С таблетками, разумеется.

— Нет, — усмехнулась Тамара. — Нет, не приду. Я сделаю ход вразрез... Я завтра уезжаю в командировку на целый день и вернусь поздно...

Прежде чем лечь спать, Тамара позвонила в справочную службу города и узнала, когда отправляется первый автобус до Ясногорска.

8

За окном междугородного автобуса — поле. Пустынно и снежно это поле, и скользит по нему взгляд почти без запинки, только на бугорке, точно на волне, колыхнётся. Даль за полем сумеречна, синевата, должно быть, там леса, дремучесть, но разглядеть её покуда трудно: солнце взялось лишь жёлтой краюшкой обочь поля — не разгорелось, не разалелось среди надгоризонтной мутной хмари. Рано.

“Куда это ты ни свет ни заря?” — удивился Спирина, когда Тамара поднялась в сонные утренние потёмки.

“Мне сегодня нужно на базу за товаром. Пораньше просили, — ответила она. — И вечером я приду поздно”.

“А вечером куда?”

“Мне надо к девчонке одной, мы учились вместе”.

“Хорошо, что не к мальчишке”, — зевая, пошутил Спирина, хотя *так-то* шутить в его положении, казалось бы, не следовало.

...“Да чёрт знает, что у него за положение”, — думает Тамара, обмеряя взглядом огромный белый клин, бегущий ближним краем под колёса автобуса. На пассажиров она старается не смотреть: вдруг кто-то опознает — и раскроется её тайная вылазка в Ясногорск.

В сумочке у Тамары — заговорённая соль, соль — надежда и причина поездки. “Почему я должна страдать? — мысленно оправдывает Тамара своё запланированное шаманство. — У неё свой муж есть. Пусть его любит...”

Плывёт в утренней дымке, подкрашенной желтизной раннего солнца, мимо окон поле. Украдкой вздыхает Тамара: “Муж... Любовь...” — и вспоминается ей жизнь дозамужняя, когда ни Спирина, ни любви не было — обузы этой... когда вольно ей было, как ветру над белой огромностью поля. Первый раз искренне пожалела она, что замуж вышла... Ехала и вспоминала родной дом, мать, село, что раскинулось над рекой Волгой близ Костромы.

Как тогда счастливо жилось!

Может быть, светлая мечта для человека и ожидание счастья и есть самое важное в жизни. А мечтаний и ожиданий счастья в ту пору было так много! И главное — эти мечты ещё никто не мог опровергнуть!

...А ведь жилось тогда на самом деле нелегко, бедно. Мать рано овдовела, а Тамара и Юрка, младший брат, после преждевременной кончины отца стали полусиротами. И если Тамара отца ещё помнила, то Юрка его почти не запомнил и никогда не вспоминал. Мать работала, не покладая рук, и Тамара, видя её усталую, разбитую, очень жалела, взваливала на себя хозяйскую женскую мороку. Но, пожалуй, больше всего она жалела — до боли в сердце жалела — младшего брата.

Считая себя взрослой, она вела за братцем пригляд и всё сокрушалась: ведь Юрка — мальчишка, худо ему без отца; да и рассеянный он какой-то, хоть и добрый, но разболтанный: печь, бывало, затопит, а вьюшку открыть забудет; дым в доме — закашляется, глаза от слёз блестят, трёт их кулачками, печку ругает...

Или, бывало, Тамара на сэкономленные деньги — по копейке собирала — купит ему в подарок альбом для рисования и акварельные краски, а Юрка в тот же день за один вечер изрисует весь альбом от корки до корки, всё какие-то пушки, pistolеты, танки — посмотреть не на что. Тамаре жалко денег, отданных за альбом, а альбом-то уж и кончился, но Юрку она

никогда не упрекала за такое искусство, да и запах акварельных красок ей самой очень нравился, сама любила рисовать, в район на выставки художественные ездила...

А однажды под ответственность и под полное опеку Тамары удалось взять Юрку в школьную туристическую группу в поездку на теплоходе по Волге — от Костромы до Волгограда. Какая красота была! Даже ночью спать совсем не хотелось. Тамара любовалась рекой, не смыкала глаз и не отрывалась от иллюминатора (ехали в третьем классе, в трюме, там не окна — иллюминаторы). А главное Юрка — как он ликовал, говорил, что обязательно станет моряком.

На судне Юрка познакомился и подружился с каким-то черноголовым курчавым мальчишкой, — оказалось, цыганёнок, едет с табором куда-то под Астрахань. Тамара глаз с брата не спускала, боялась: вдруг цыгане заманят, околдуют доверчивого паренька, украдкой увезут с собой “в рабство”... Но ещё тогда, давно, на том незабвенном судне, когда зорко следила за братом, Тамара думала о будущем: вот бы родить сына, ухаживать за ним, приглядывать... Сына бы она воспитала не так, как Юрку. Юрка, хоть и незлобивый, честный, но уж больно не собранный и учится с “тройки” на “двойку”, а у неё бы сынок учился только на “отлично”.

Юрка теперь служит в армии, он уж совсем мужчина. Когда он уходил в армию, Тамара расплакалась, будто и не младшего брата отправляет в рекруты на далёкую чужую сторону, а единственного сына...

На проводинах интересный случай был: Юрка сказал своей девчонке, с которой дружил последние годы: “Ты меня не жди. Нечего мучиться, гуляй, сколько хочешь. Я всё равно жениться не собираюсь. Я вообще жениться не хочу!” Рисовался, конечно, храбрился по молодости: жениться он не хочет! Женится — никуда не денется...

Так раздумывала Тамара, чередуя далёкие картины жизни с ближними. А что? Ведь заявка Юрки не так уж глупа. Вот и Софья живёт одна, замуж даже ни разу не выходила. А когда её подруги и родственники начинают ныть: “Соня, чего ты замуж не выходишь? Тяжело одной жить. Как нам тебя жалко!”, — Софья взрывается и в штыки: “Глупые! Вы себя пожалейте! Себя! Одиночество — это просвет для женщины...” И те, разумеется, не правы, кто хочет Софью насильно сосватать, и в рассуждениях Софьи есть какой-то изъян, есть...

И тут Тамара спросила саму себя: а что, если бы повторилась её ситуация? Пошла бы она замуж за Спирина? Наверное, ещё бы подумала. Не кинулась бы так — словно в омут. Может быть, и не пошла бы... Но от его любви не отказалась бы. Нагулялась бы с ним вволюшку, как его студенточка... Ах, как нелепо, вздорно всё это!

Много разных дум передумала Тамара в дороге, много перевернула воспоминаний. Но надо всем висела одна забота.

* * *

Найти улицу Дружбы в Ясногорске трудов не составило: улица — в самом центре. Но в дом номер девять Тамара сразу не пошла: духу с первого подхода не хватило, решила присмотреться, взглядом отыскать окна курдюмовской квартиры.

Дом старинный, дохрущевской эпохи, с высокими большими окнами, по фасаду — венки и girлянды лепнины. “Вот эти”, — вычислила Тамара несколько окон в третьем этаже и, мысленно раздёрнув гардины в окнах, осмотрела меблировку курдюмовского жилья. Вернее, здесь, на тротуаре под окнами, которые магнитили её скрытый взгляд, она поверила своей версии о достатке Курдюмовых. Подумала: “С жиру она бесится...” Словно если бы Курдюмовы жили в бараке или в деревянной избе, то у Курдюмовой было бы больше притязаний на разгульную жизнь, на чужого Спирина... “Чего ей не хватает, гадине?” Мысли эти придали ей решимости.

Вскоре Тамара оказалась в сумраке нужного подъезда. Ступала на ступени лестницы носочками, чтобы не разбудить гулкой пустоты, робела, даже вслушивалась в шорохи своей одежды. Она поднялась на третий этаж, тихо-нежно расстегнула сумочку, нащупала рукой соль в старой и оттого бесшумной газете, взяла горсть. И уже лишние крупинки нечаянно полились дробью на кафельные квадраты пола, как вдруг дверь, что напротив курдюмовской, отворилась.

На площадку вышел высокий пожилой человек в бушлате воинского покроя и офицерской шапке со следом от кокарды, — вероятно, из отставников, — с детскими санками в руках. У него было продолговатое лицо, седые мохнатые брови и седые мохнатые усы; во рту дымилась только что прикуренная папироса. Следом за ним — в чёрной шубке, в чёрной, в форме шлема, шапке и коротких новеньких валенках — вышел малыш, который, казалось, и не вышел, а выкатился колом, ибо зимняя толстая одежда придавала ему некую округлость, с которой вполне сочеталось его щекастое лицо.

И отставник, и малыш, появившиеся столь не ко времени, вопросительно воззрились на Тамару.

Тамара упрятала свой стиснутый кулачок с солью в карман, а другой рукой надавила на кнопку звонка курдюмовской квартиры.

— Вам кого трэба? — тут же спросил сосед, выдернув изо рта папиросу.

— Мне Курдюмовых, — волнуясь ответила Тамара. — Светлану Викторовну, — прибавила для убедительности, зная, что это безопасно.

— Нэма её сеходня. На экзаменах она в областном хороде, — по-южному размячая в словах “г”, объяснял отставник. — А вы хто будете?

— Я?.. Я из страховой компании, — соврала Тамара.

— Вам тогда с Хеннадием надо повстречаться, с мужем её. Он туточки в соседнем доме работает, там мастерская по ремонту аппаратуры... А это сын их, Кирилл. Со мной днюет, покеда мать в отъезде, — указал он на выступившего вперёд малыша.

Тамара посмотрела на малыша и на мгновение оцепенела: он остро, больно напомнил ей глазами свою мать: такие же тёмные, большие, как на студенческой карточке Курдюмовой. Особенно поразила её некоторая задиристость в мальшвом взгляде: что за гостья тут к нам?

— Когда она приедет? Не знаете? — обратилась Тамара к соседу, чтобы скрыть свою растерянность, не затянуть молчание, не сделать его подзрительным.

— Послезавтра прибудэт... Да вы с Хеннадием переховорите. Тут рядом. Он хлавный там, директором в мастерской.

— Хорошо, я зайду, — быстро ответила Тамара, скользнула осторожным взглядом по пытливому толстому лицу Курдюмова-младшего и пошла по лестнице вниз.

Сорвалось! Как всё по-дурачки сорвалось! Хотелось взвыть от отчаяния.

— Можэ, проводить вас? — окликнули её сверху.

— Нет-нет, спасибо. Я сама найду, — отозвалась Тамара и, чтобы не попасть под опеку услужливого отставника с воспитанником, ускорила шаги.

Во дворе дома лежала тень — холодная, гнетущая, чуждая тень... И всё вокруг было чужим: этот дом, эти строения незнакомого города с дымной трубой на горизонте, эти отгаливающие своей зимней омертвелостью деревья, эти заснеженные скамейки, на которых следы чьих-то ног, эти вороны на проводах, этот воздух, наконец, жизнь семьи Курдюмовых, в которую Тамару угораздило впутаться.

Тамара даже сама себе показалась чужой, она как бы увидела себя со стороны и ужаснулась: зачем она здесь? ради кого? ради чего? Ей было сейчас очень горько, хотелось вышвырнуть приподно эту беспомощную соль, которую подсунула ей бабка Люша, хотелось со всего размаху ударить Спирина сумочкой по лицу, а потом убежать от всего и от всех куда-нибудь подальше, лучше — в своё село, спрятаться там где-нибудь в запечке...

Солнце вырвалось из-за угла и отсекло тень, но не просветлило душу. И горечь обиды вдруг заговорила в Тамаре дерзким, норовистым бабьим голосом, наущая: “К нему иди! Ей смеяться, а тебе страдать?.. Понадежнее со-

ли будет. Пусть знает! Пусть следит!” Задумка эта вынашивалась у Тамары уже давненько, но действенный черёд её наступил только сейчас, подстёгнутый её обозлённостью.

Без особой решимости, но и без колебаний Тамара вошла в мастерскую, где царил канифольно-пластмассовый запах, а повсюду на столах и полках расположились мониторы, пыльные внутренности вскрытых телевизоров и синяя рябь экранов.

— Можно? — спросила Тамара, приотворив обитую кожей дверь с директорской табличкой. (Секретарша в небольшой приёмной, когда к ней обратилась Тамара с вопросом, может ли она увидеть директора, ничего не ответила, занятая работой на компьютере, а только кивнула на эту дверь.) — Можно? — ещё раз, победительнее повторила Тамара.

— Зайдите!

Человек, сидевший за столом, разговаривал по телефону и что-то чёркал на листе бумаги. Он вялым неприветливым кивком указал на стул, не промолвив по адресу посетительницы даже ответного “здрасьте”.

У Тамары выдалось время разглядеть хозяина кабинета, невольно слить его черты с недавно встреченным малышом. У него был мягкий круглый овал лица со штрихом двойного подбородка, красноватый крупный нос и небольшие, неулыбчивые губы; волосы — откровенно рыжие — мелкими волнами утекали назад от высокого открытого лба и наметившихся залысин; на толстых веснушчатых руках — золотистая поросль. То, что галстук на шее у него был бесцеремонно ослаблен, что, невзирая на посетительницу, он говорил по телефону с руганью: “Скотина он, а не депутат!..” — и то, что на столе у него стоял дорогой письменный прибор с Кремлём в миниатюре, давало какое-то основание считать его человеком с администраторской хваткой и властолюбивым нравом.

Когда телефонный разговор закончился, хозяин кабинета перестал пачкать лист, и глаза его без любопытства остановились на посетительнице.

— Что у вас? — скучно спросил он.

— Вы Курдюмов? — произнесла Тамара тихим голосом.

Выдержав паузу, хозяин кабинета ответил:

— Да. — Некоторая тревога проступила на его лице: он, вероятно, почувствовал, что посетительница не из привычных жалобщиков-клиентов, которые ходят с попреками, обижаясь на работу мастеров и качество ремонта.

В дверь кабинета тем временем без стука и приличествующих слов вошёл длинный патлатый парень в синем халате с надорванным карманом, из которого торчала отвёртка, заговорил на ходу, протягивая Курдюмову какую-то бумагу.

— Этих деталей, Геннадий Сергеевич, на складе нет. Пусть они сами достают, я им не обязан... Их надо в Германии заказывать...

— Уйди! — негромко, но грубо пресёк его Курдюмов. — Занят. Не видишь?

Парень на полшаге остановился, перепуганно покосился на Тамару, а через секунду его как ветром сдуло. Директор, видать, с подчинёнными не цацкался. “Что же вы так жену-то распустили? С ними вы вон какой”, — мысленно укорила Тамара Курдюмова, который смотрел на неё уже и раздражённо, и недоверчиво.

— Вы жена нашего уволенного шофёра? — быстро спросил Курдюмов и, казалось, очень хотел, чтобы ему ответили утвердительно.

— Нет, — покачала головой Тамара и замолчала. У неё было ощущение, что придётся сейчас сообщить ему о смерти близкого родственника... — Я приехала из-за вашей жены, — наконец сказала она.

— Что с ней? — встрепенулся Курдюмов.

— Нет, вы не беспокойтесь, с ней ничего не случилось, всё в порядке, — поспешно ответила Тамара, но споткнулась: — Вернее, я не так сказала... — Она опять помедлила. — Она у вас очень хорошая, наверно. Красивая, видная... Но, видите ли...

— Да чего вы быка за хвост тянете? — поторопил Курдюмов.

— Мне бы хотелось, чтобы она перестала учиться в университете.

— Что? С чего это вдруг?

— Я не против её учебы вообще. Мне бы не хотелось, чтобы она училась в том университете, где преподает мой муж.

После этих слов в кабинете как-то враз ощутилась духота, почувствовался кислородный запах канифоли и припоя. Курдюмов сидел неподвижно, взгляд его шатался по столу. Может быть, Курдюмов что-то искал, хотел на чём-то сосредоточиться.

— Как это понимать? — вдруг выкрикнул он. — Что за намёки?

Тамара вздохнула, виновато склонила голову:

— Я хочу повторить только одно... Вы поймите меня правильно... У вас семья, ребёнок... Я не хочу, чтобы мой муж мог помешать вам... И не хочу, чтобы ваша жена мешала мне... — прерывисто говорила Тамара.

Ей было жаль себя, очень жаль себя, униженную, обманутую мужем, с которым и пожилась-то ещё не более полугода, но уже через минуту разговора ей стало ещё больше жаль того, кому она *открывала глаза*...

Курдюмов уже не выглядел ни полнотельным, ни самовластным: он словно сдал, осунулся: вылиняла румяность его лица, толстая шея одрябла, стыдливо сузились и впали глаза... Его как будто проткнули, как шарик, и выпустили из него и здоровье, и гонор.

— У них что-то серьёзное? — тихо, стыдливо спросил Курдюмов.

У Тамары хватило разума и снисхождения к этому человеку, вернее, она вспомнила того малыша, толстощёкого Кирилла, сына Курдюмовых, и пожалела его:

— Думаю, что нет... Если бы у них что-то было серьёзное, я бы не приехала предупредить... — И вдруг добавила для утвердительности: — Я бы ушла от него...

— Понятно, — тяжело шепнул Курдюмов.

Тамара поднялась со стула, чувствуя, что лишних вопросов-расспросов от Курдюмова ей не нужно. Курдюмов тоже встал. Опершись кулаками на свой стол, выглядел суровым, набыченным.

— Извините меня, — сказала Тамара. — Извините, пожалуйста. — Она пошла к выходу, но прежде, чем уйти, обернулась: — Я очень прошу вас: никому не говорите, что я приезжала. Мне кажется, если никто не узнает о нашем разговоре, всем будет лучше... Обещайте мне.

Он молчал, как будто не слышал. Стоял всё в том же окаменении.

— Обещайте мне! — потребовала Тамара.

— Не беспокойтесь: я вам обещаю, — устало ответил Курдюмов, не поднимая на неё глаз.

— У вашей квартиры я встретила соседа, из квартиры напротив. Мне пришлось сказать, что я из страховой компании... Извините меня.

— Постойте... — остановил её Курдюмов. Тамара встретила с ним глазами и внутренне содрогнулась: в его глазах застыл стыд и вместе с тем готовность бороться против этого стыда, который навесила на него Тамара. — Ладно, я сам во всём разберусь... — отказался он от каких-то намерений.

В это время на столе зазвенел телефон. Курдюмов не потянулся к трубке. Так Тамара и оставила его одного — со звонками бессердечного телефона.

От мастерской, от дома номер девять она шагала быстро, торопилась на автостанцию. Ей хотелось поскорее уехать из Ясногорска, проклясть и навсегда забыть всю чертовщину этой поездки. Быстрей! Не опоздать бы на ближайший автобус!

О! нет, жизнь умнее и злее, чем люди думают о ней! Солью, видите ли, она хотела вытравить измену, а на тебе средство получше, поверней — муж Курдюмовой! Он свою жену в бараний рог свернёт, только намекни... О господи, не переборщила ли она, явившись в Курдюмову?!

Успокоение и оправдание, однако ж, было: всё-таки “не выдала” Светлану Курдюмову подчистую, ничего “лишнего” не сказала, только, мол, так у них, друг другу глазки строят; сработала бабья солидарность...

В автобусе Тамара старалась поспать. Но бесполезно: не приходили ти-

хие ровные мысли, хотя за окном было всё то же поле, даль снежная. Всё было гладко и мирно. Да только у людей в жизни так не бывает...

9

Наступил февраль, и в полдень уже теплело: ледяной частокол сосулек, угрожающе свисающий с карнизов, то ли горько, то ли счастливо плакал; черно и влажно отблёскивал после студёной седины асфальт; молодое солнышко, точно безустанная модница, гляделось в зеркало окон. Но ранние часы отличались крепкими утренниками: в накипь изморози белились деревья, с паром говорили и дышали люди, каткие застывшие лужи утишали резвость идущих на занятия школьников.

По вечерам тоже настаивался холод. И нынче вечером — не в исключение: с потёмками прихватило, морозными точками вызвездилось небо, зянуло узорчатым ледком отпотевшие, было, днём витрины, у людей — пар изо рта.

Волосы у Тамары обметало белизной инея — тонкими сахарными проводочками жались они в завитке, выбившемся из-под шапки; крохотные капли серебра от загустевшего в студёном воздухе дыхания держались и на бровях. Сама Тамара этого не видела, но эти тонкости мог подметить Олег, который шёл рядом. Он много говорил, словно в проталины молчания утекала приятность сегодняшнего вечера.

Сегодня вечером они слушали лекции “гуру” — тренера по имени Лу — морщинистого желтолицего человека, говорившего с восточным акцентом, а после лекции были на занятиях восточной гимнастики.

“Человек сам по себе — система очень совершенная. В нём заложены природой огромные силы. Но человек часто слеп и не знает пути к этим великим силам, — вещал тренер Лу, которого его приближённые называли почтительно и весомо Учитель. — Моя задача — помочь вам найти свой источник внутренней энергии. Родник силы и вдохновения... У русских есть поговорка: в здоровом теле — здоровый дух. Это правильная поговорка. Крепкие мышцы, очищенный от шлаков организм не позволят сломать нервную систему... Надо воспитать тело, чтобы тело воспитало душу. Из-за большого тела больна и душа...”

Лекцию Тамара слушала невнимательно, ей было не интересно слушать этого человека, ей казалось, что она все это уже слышала от кого-то. Всё это банальные, избитые истины. Кушайте морковь и свёклу, и у вас будет хорошо работать кишечник. А если будет хорошо работать желудочно-кишечный тракт, то и жизнь наладится... Нет, человек зависим не только сам от себя. Если бы всё было в его руках, жизнь стала бы другой. Человек передаёт часть себя кому-то другому, тому, кого любит.

Иногда Тамара разглядывала людей в зале, собравшихся на лекцию. В основном это были женщины, которые были старше Тамары. Они, видать, уже хлебнули лиха... Что их погнало искать покой и здоровье у восточных вещателей? Несчастливая любовь? Болезни?

Она понаблюдала за женщиной, которая усердно что-то записывала в блокнот, вероятно, изречения учителя Лу. Эту женщину, наверняка, пригнали сюда болезни. Блокнот с цитатами для лекарства от любви не подходит... А вот эта женщина явно страдает от каких-то душевных переживаний: сидит сгорбившись, лицо кулаками подпирает и тоже, как она, не слушает. А эта ищет здесь рецепт красоты. Каждая хочет быть красивей, чем есть... А в общем-то, очень-очень красивых женщин мало. Все остальные просто красивые... А вот та дамочка хочет общества, компании, а возможно, хочет приглядеть себе здесь пару. И уж совсем не уму-разуму научиться...

Когда одна из слушательниц задала вопрос “гуру” о любви: дескать, рационалом питания управлять можно, а вот в чувствах можно и запутаться, — учитель Лу быстро нашёлся с ответом:

“В первую очередь, у человека должна быть любовь к самому себе. То, что называется здоровым эгоизмом... Надо полюбить себя так, чтобы потом

не путаться “в любовях”, ни в чём не раскаиваться и не зависеть от любви и прихотей другого человека. Любовь к себе должна быть выше любви к другому человеку, тогда и собственная жизнь будет ценнее и независимее...”

Восточный мудрец витиевато, но вполне направленно объяснял собравшимся сущность любви.

“Возлюби сам себя настолько, чтобы проявления любви к другому было проявлением любви к самому себе. Чтобы было почётно любить другого, чтобы это возвышало вас в собственных глазах... Я вам отдаю свои знания и люблю себя за это. А воспользуетесь вы ими или нет — ваше право, оно меня не касается...”

Время от времени Тамара чувствовала на себе взгляд Олега, а иной раз он трогал её за локоть, невинно, как бы произвольно брал её за руку, что-то шептал ей в качестве комментария к словам восточного мудреца Лу.

Эх, Олег, Олег! Ещё несколько лет назад он говорил подобное. Всё хотел обратить Тамару в свою веру, звал в походы, советовал поступить учиться хотя бы на учителя географии, приносил какие-то мудрёные книжки про карму; он, казалось, совсем не чувствовал, что Тамаре нужно... Ей хотелось любви, счастья, а он мечтал о новом рюкзаке, звал куда-то на Алтайские горы, туда, где он вырос, где у него родина, дом... Стоп! А разве нет счастья в путешествии, в самосовершенствовании? Конечно, есть... Олег просто неискушённый человек и не знает, как *правильно* обходиться с женщинами.

Вот Спириин чётко знает, чего хочет женщина: неспроста выдал как-то ещё одну из своих мужских заповедей: “Если мужчине нравится женщина, и он её хочет, он должен делать всё, чтобы понравиться ей и чтобы она ему не отказала”.

Олег, конечно, жил и живёт по другим принципам. Он и за Тамарой ухаживал как-то неумело, не добивался её всеми возможными и невозможными способами. Он, казалось, хотел, чтобы она стала ему сперва другом, соратником, а потом? А потом можно и жениться честь по чести и вместе, именно вместе решать все трудности на жизненном пути...

В своих мыслях Тамара почувствовала некоторую иронию и тут же себя осадил: напрасно она так приземлённо думает об Олеге. Он влюблён в горы, в работу, в путешествия, стало быть, и в женщину способен возвышенно влюбиться...

После лекции, уже в спортивном зале, начались упражнения по восточной системе. Эти упражнения, позы лотоса Тамару тоже не развлекли и не вдохновили. Но она не подавала вида. И теперь тоже не высказывала своего мнения, когда возвращались с Олегом с экзотических занятий.

— Этой гимнастикой можно заниматься в любом возрасте. В том и преимуществе восточных систем, что для них безразличны годы... Конечно, одна, две, десять тренировок результатов не дадут, но сто тренировок... Ты почувствуешь себя другим человеком! — убеждал Олег.

— Посмотрим, — улыбалась Тамара, поправляя на плече сумку.

Но уже сейчас — довольно и первого занятия в секции! — Тамара поняла, что восточными гимнастикой себя не исправит. Впрочем, ей было всё равно: волейбол, плавание, да хоть женский бокс!.. Лишь бы транжирить время, лишь бы отвлечься, не думать, не вспоминать о том, что произошло. Произошло? Да, произойти произошло, но прошло ли? Ведь пока нет никаких сведений о Курдюмовой. Вдруг она в начале лета опять придет на сессию? Вдруг этот Геннадий Сергеевич просто-напросто выгнал её, и теперь она свободна, и путь к Спириину у неё ещё шире? А вдруг и поездка Тамары в Ясногорск для Курдюмовой уже не секрет?.. Какая-то тёмная тревога поселялась в её душе от этих прилипчивых мыслей с их пивачным холодком будущей неизбежной развязки.

А Олег всё не умолкал. Говорил о безупречных тренингах оздоровления, о каких-то столетних тибетцах, про какую-то философию и всё заглядывал Тамаре в лицо.

Под светом уличных фонарей Тамара действительно была сейчас хороша и, наверное, нравилась Олегу даже больше, чем в спортивном зале, где он поминутно оглаживал возжеланным взглядом её фигуру в облегающей

футболке и лосинах. Тамара всё время испытывала на себе его оглушительное внимание.

— Если ты не очень торопишься, зайдём ко мне. На чашку чая. Тут рядом, в двух шагах, ты же знаешь... Я снимаю всё ту же маленькую квартиру. Но удобную. Ты же помнишь... Недавно у меня отец гостил, приехал уговаривать, чтобы я вернулся на Алтай. У нас там огромный дом, красота неописуемая... А родители старятся... Пойдём ко мне в гости, Томочка, — сказал Олег и остановился.

Неожиданное приглашение Тамару сперва насторожило: “Идти к нему? Зачем?” Но потом она прикинула: Спирин в этот вечер будет “обмывать” защиту чьей-то диссертации, придёт поздно или даже очень поздно, к тому же навеселе; срочности в домашних делах — никакой, в перспективе — тупое сидение у телевизора; да и глаза Олега, посаженные природой с некоторым нерасчётом, близковато к переносице, и оттого сбивающие пригожесть его мужественного лица, смотрели так раболепно и так дружески-мило.

— А почему бы и не пойти? — вслух поразмыслила Тамара и приняла приглашение.

...На чайном столике в ажурном подсвечнике горела длинная декоративная свеча; неоновая лампа пронизывала своим светом аквариум, где среди невсамделишных водорослей в соседстве с пугливой стайкой мелюзги проворно плавала крупная красивая рыбка, переливаясь золотом чешуи и большими янтарными плавниками; за аквариумом, раздвигая стену комнаты, в окружении богатой южной растительности уходила в горную долину белая каменная дорога — такой ландшафт представляли фотообои; на другой стене над книжной полкой с глобусом — глиняные маски языческих богов, а напротив в слепые глаза богов с туристического плаката весело смотрел бородатый горнолыжник на фоне снежных круч.

Тамаре было уютно среди этой бутафорской экзотики, мягко на угловом просторном диване, тепло с кобальтовой чайной чашкой в руках. Чай был бесподобно вкусный и ароматный, с “миллионом витаминов”, приготовленный из целебных трав, которые Олег сам собрал в экспедиции в предгорьях Алтая. В чай Олег добавил и какого-то “бодрительного” бальзама.

— Ещё? — предвзвешивая он уже на полчашке.

Он сегодня очень хотел угодить Тамаре, это было даже слишком заметно. И всё говорил, говорил:

— Томочка, в этом бальзаме удивительные целебные качества, они помогают человеку расслабиться, отпустить себя... Пусть и твои мышцы почувствуют освобождение...

— А мысли?

— И мысли тоже... Давай я тебе ещё добавлю... Это настоящий эликсир свободы. Пусть он напитает каждую клетку приятной тяжестью отдохновения...

У Олега светились глаза, в его голосе слышались нотки учителя Лу. Тамара даже ощутила какую-то отеческую заботу со стороны Олега.

— Человек время от времени должен отпускать себя. Не бороться со своей инерцией, не преодолевать, а отпускать... Человек — создание природы, а в природе это делают все создания. Естественное движение и покорность обстоятельствам. Расслабление и полёт. Как одуванчик: ветер поднимет его, кружит, несёт, а он летит себе спокойно, зная, что всё равно вернётся на землю. Природа всё уравнивает...

— Смотрю на тебя, Олег, и всё думаю: почему ты не предложил мне выйти за тебя замуж? Ведь у нас с тобой что-то складывалось? — вдруг спросила Тамара, простодушно и невозмутимо, с непривычной для самой себя и для Олега смелостью.

С лица Олега сошла улыбка, что-то виноватое обозначилось в наклоне его головы и коротком пожатии плеч.

— Несмышлёный был, — ответил он. — Жил и надеялся, что у меня Тамар будет ещё много... К тому же работа, экспедиции. Когда гоняешься за какой-то идеей, личная жизнь уходит на второй план. Думал, с семьёй

всегда успеется. Но, оказывается, так бывает не всегда... Кажется, я только теперь понял, что мне другой такой Тамары никогда уже не встретить.

— Какой такой? Что во мне особенного?

— Всё, — тихо сказал Олег. — Ты светлая. Ты, как ребёнок, правоты в жизни ищешь. И работа у тебя светлая. В аптеке. Лекарства людям давать, облегчение приносить. И халат на тебе белый...

Она внимательно смотрела на него, слушала и думала с некоторой отстранённостью: “Разнежился он сейчас или всерьёз искренен?.. Скорее всего, и то, и другое. Пожалуй, он и сам не понимает, где говорит от души, а где просто преувеличивает и хочет обольстить и меня, и себя... Найдёт что-то такое на человека, и он, как маленький парашютик с одуванчика, полетит, полетит, не ведая, куда принесёт его ветер. А лететь по ветру приятно...”

— Время ушло, Олег, — заговорила Тамара. — Ты пытаешься ухаживать за мной, но я теперь мужняя жена... Зачем всё это? — И она кивнула на стол с длинной свечой в ажурном подсвечнике, которая свидетельствовала о наличии интимности в намерениях хозяина.

Олег потупился, слегка пожал плечами:

— Я не могу запретить себе ухаживать за тобой. Мне безразлично, что ты кому-то жена. Для меня ты всё равно самая лучшая Тамара на свете. Я человек природы и не люблю условностей. — Голос его стал тих, хрупок, вкрадчив. — Ты мне ещё никогда так не нравилась, как теперь. Ты меня просто с ума сводишь, Томочка...

Он приблизился к ней, и вскоре Тамара почувствовала — как-то отрешённо, без красочных эмоций и удовольствия, — что её целуют в шею, что её не по-спирински и как-то вроде бы не очень опытно обнимают. В этом было что-то безвкусное, неестественное, неуклюжее, хотя и знакомое, не-сколько подзабытое.

Она ничему не сопротивлялась, сидела послушно, немного побаивалась, что коленкой может нечаянно толкнуть низкий столик, на котором стояли чашки, сахарница и чайник, и длинная свеча в лёгком, валком подсвечнике. Из-за плеча Олега она наблюдала, как золотая рыбка отрывисто чертит в сине-зелёной воде бесследные прямые линии и, наверное, ищет в четырёх стеклянных стенах свободу...

Потом Олег задул свечу — церковно запахло дымом, который тонкой сизоватой гадючкой пополз вверх от фитиля; потом умерла где-то в сплетениях водорослей золотая рыбка: Олег выключил подсветку аквариума; потом бессветную комнату тихо заполнили нежные шорохи.

Чуть позже Тамара уснула. Это был нечаянный отдохновенный сон — такой сон может застать человека и в транспорте, и за письменным столом, и у телевизора. Тамару сон накрыл на диване Олега, под пледом, которым они недавно были укрыты вдвоём.

Этот скоротечный сон Тамары был зыбким и радостно беспокойным. Ей мнилось в смутных, полуприглушённых красках, которые наводняли и комнату Олега, многолюдье большого роскошного концертного зала, где она стоит на сцене. Вернее, её номер только что объявил конферансье, и она вышла на сцену.

Сольно Тамара никогда на сцене не пела, а тем более на такой огромной, в таком престижном зале с изысками лепнины и огромной люстрой в тысячу стеколяшек. Весь зал, полный публики, замолк и ждёт исполнения. И Тамара без всякого аккомпанемента вдруг запела песню, которую обычно со сцены не исполняют, а поют чаще всего в застольях, как правило, женщины, когда немного выпьют вина и поразмякнут...

*Виновата ли я,
Виновата ли я,
Виновата ли я,
Что люблю?..*

Песню она спела не до конца, слова последних куплетов забыла, да и толком не знала всего текста. Но доброжелательная публика ей друж-

но аплодирует, что-то выкрикивает. А Тамара улыбается, радостно раскланивается.

И тут ей, по-видимому, лучшей исполнительнице песни или лучшей эстрадной конкурсантке, выносят главный приз. Приз выносит тот же конферансье, который объявлял её номер. Тамара только сейчас разглядела, кто этот человек: он был одет он в военную форму и это был сосед Курдюмовых, говорящий с мягким южным “г”.

Он вручает Тамаре большую цветную хлопушку. При этом не просто вручает, а предлагает тут же “бабахнуть” эту хлопушку, дёрнуть за шнурочек на глазах у восторженной публики. Ясно, что ничего страшного не произошло бы: хлопок — и фонтан разноцветных конфетти, и весело, как в детстве у новогодней ёлки. Но сам момент перед “выстрелом” очень трепетен: хочется зажмурить глаза, съёжиться и ничего не слышать. И Тамара всё медлила и медлила дёрнуть за этот шнурочек.

А потом дёрнула — вот он веселящий хлопок и многоцветье бумажного дождя!

...Пробудил Тамару, сорвал красочно-сумбурный короткий сон звон посуды: Олег убирал со стола чашки. Увидев, что Тамара открыла глаза, он улыбнулся и заботливо спросил:

— Не замерзла?

— Что? — промолвила испуганно Тамара. Спросонья она сразу и не поняла, где находится. — Нет, не замерзла... — Только тут Тамара осознанно огляделась и переступила из сна в явь; концертный номер кончился, и тревожения по поводу призовой хлопушки прошли. — А сколько времени? Мне же домой надо.

— Можешь оставаться у меня, — простодушно сказал Олег. — Я даже теснить тебя не буду, на раскладушку лягу...

— Да ты что? Меня же искать будут... — спохватилась Тамара, но при этом не произнесла слово “муж” и не назвала имени Спирина. — Извини меня, Олег. Отвернись. Мне одеться надо...

Когда Олег оставил её одну, Тамара потянулась, вспомнила хлопушку из сна, усмехнулась: “А что, если и вправду не уходить?.. Вот и будет ещё один ход вразрез...”

Она стала собираться, а потом упростила Олега, чтобы не провожал её до дому.

* * *

Домой Тамара вернулась разбитая, потерянная, раздёрганная. Душу тяжелил ком впечатлений, которому предстояло ещё долго дробиться, чтобы лечь осадком воспоминаний. Она сейчас совсем не знала, не понимала, где и в чём истинный свет, где пристанище и покой для женщины и для *неверной* жены. А самое страшное, как ей казалось, то, что она ни о чём не жалела. Ну, и пусть — Олег! Пусть!.. Но дальше-то как жить? Так же? По-спирински, на два фронта?

Спустя немного времени — как и предупреждал, поздно — вернулся домой и Спириин. Пьяненький и ласковый. Пьяненький он всегда становился обильно нежен и сентиментален.

— Ты, лапа, не сердись на меня?.. Ну, и правильно... Знала бы ты, лапа, как наш “именинник” отвечал оппонентам и какой был фуршет!.. А я для тебя гостинец принёс. Твой любимый шоколад, с орехами. — Карман пиджака зашумел обёрточной фольгой шоколада... — А ты, лапа, была сегодня в своей секте-секции? Ты уже стала настоящей йогкой? Чем вы там занимались? Расскажи мне про какие-нибудь мантры...

Спириин подхватил Тамару на руки, поцеловал в лоб, в нос, в подбородок (хотел в губы — немного промахнулся), продолжал что-то рассказывать о диссерганте и тут же пускался расспрашивать Тамару о восточных занятиях...

Она слушала его сладкий лепет, поглядывала снизу вверх в его голубые глаза и думала с укоризной и смятением: “Ведь я, Спириин, тебе сегодня ото-

мстила. А ты и не догадываешься... Как всё это легко и обыденно... И как глупо! Ведь теперь выходит, что и моя любовь к тебе — не любовь... Да, выходит, что не любовь. Что же это за любовь, если нет в ней верности? Значит, не святая она, значит, не от Бога. А если не от Бога, тогда вон, поди, любись с каждым, лишь бы телу приятно было да на душе не совсем тошно... И зачем я предала Курдюмову? Зачем рассказала про неё мужу?.. Как всё глупо!.. Боже, как я любила тебя, Спирин! Из-за этой любви я сама себя потеряла. Я сама себе противна... А Олег тут ни при чём. Он тоже лекарь, тоже в белом халате ходит...”

И хотя дурманно-мил был шелест спиринского голоса, и влюблённо-тепло синели его глаза, всё же от нынешней *ласковой* участи Тамаре хотелось бы скрыться где-нибудь далеко-далеко; упрятаться бы в келье какого-нибудь монастыря, а ещё лучше — в своём былом девичестве, в неблизком областном районе, в родном тихом селе, — стать школьницей, — когда на душе нет ещё пятен вины, когда неведомо ещё чувство предательства и раскаяния...

10

О любви, которая даётся людям от Бога, Тамара думала неспроста. В тот же вечер, после памятного *вечера* у Олега, она решила сходить в церковь, покаяться. (Олег не оставил ей мук совести, но всё же — измена.) Каким образом это делают: на исповеди в храме или просто в просительном молении, она твёрдо не знала, но знала определённо, что грех может быть прощён Всевышним, если человек искренно в нём раскаялся. И хотя ей больше требовалось прощение не Всевышнего, а примирение “самой с собой”, пойти в церковь она всё же намерилась.

С младенчества Тамара была крещена в сельской церкви, на службы, правда, не ходила, истово в Божью веру не верила, а ступала в храм по необходимости — на отпевание усопших родственников да ради любопытства, перед крестным ходом на Пасху.

В тот день, когда Тамара собралась в церковь, над городом разыгралась снежная буря. Ветер гонял мелкую снежную крупу, ударял в лицо прохожим, порывами сдирая с голов прохожих шапки, а стайку голубей сбросил с тротуара парка низовым сквозняком на снежный газон. Тамара шла, зашленившись воротником пальто от ветра, глядела себе под ноги, стараясь не замечать встречных прохожих. Сам этот визит в церковь она хотела оставить в тайне: зачем лишние вопросы и домыслы, с чего это вдруг она надумала идти в храм Божий.

Дикие голуби, стайкой погнавшиеся на дорожке, отлетели прочь, вверх, на голые ветки тополя. Тамара подняла голову, невольно проследила, куда метнулись птицы, и взгляд её устремился по-над деревьями, и она увидела вдали церковный крест над самой высокой и большой зелёной купольной маковкой. Тамаре захотелось перекреститься, но она почему-то постеснялась прохожих.

И чем ближе она была к церкви, тем ступала осторожнее, робче. Этот городской храм, давно уже ей известный и единственный работающий в их районе, теперь воспринимался ею по-иному: никогда она не тянулась к нему, никогда не стремилась в церковь с надеждою на какое-то искупление и на поиск истины, да и никаких церковных правил и установок она не знала.

Обедня, как поняла Тамара из нечаянно услышанных слов прихожан, уже кончилась. Видать, только что, ибо осанистый батюшка со светлой редкой бородой стоял у аналоя среди моленников. Низкорослая группа немолодых женщин в платках и в стёганных жакетках и пальто, сутулый сухонький старичок в беспогонной шинели и альбинос-мужчина в круглых очёчках окружили священника, с почтительным интересом смотрели на него, внимая его обыденной, не литургической речи.

Четырёхъярусный иконостас полёскивал лаком отреставрированных икон и золотом разделительной колоннады. Под самым куполом, в центре потемневшей потолочной росписи, проступал образ Бога-Отца и полукольцом вытянулась надпись по-церковнославянски: “Приидите ко Мне, все тружда-

ющиеся и обремененные, и Я успокою вас”. В этой надписи скрывалось много подкупающего смысла и утешения.

Из простенков и с квадратных колонн тоже глядели иконописные лики апостолов, святых великомучеников, Богородицы, Иисуса Христа. Пред иконами, отблёскивая на стеклах и окладах, горели в шайбах-подсвечниках восковые, полупрозрачные у огоньков свечки. Эти огни вселяли в душу покой и тепло. Этот свет размягчал слишком трагическую торжественность церковной атмосферы.

Тамара подошла поближе к амвону, чтобы получше разглядеть священнослужителя. Его она увидела впервые. Прежнего настоятеля она иногда встречала на улице, он был преклонных лет, седобородый, сухонький — его в городе многие знали и уважали. Этот же был не так стар, напротив — даже как-то чрезмерно молод для своего сана.

Присмотревшись к нему, Тамара поразились его годам: да он, самое большее, ровесник Спирину, а то и вовсе моложе! Достаточно крупный по фигуре, он имел мелковатые черты лица: небольшие светлые глаза, полуприкрытые бледные, синеватые веки, худой прямой нос и неширокие худые скулы, с которых сбегала светлая поросль слегка курчавой бороды. Держал он себя с достоинством, что-то с расстановкой отвечал на вопрос старика в шинели и при этом придерживал рукой большой серебряный крест на груди.

“Смогла ли бы я ему исповедаться? Рассказать всю правду до доньшика? — спросила себя Тамара. — Ни за что! — ответила она скоропалительно на свой вопрос, с опасением, будто её принуждают к исповеди. — Язык бы не повернулся признаться во всём этому молодому парню, хоть он и в рясе. Как бы он на меня смотрел, узнав, что я и на Курдюмову донесла, и Олегу не отказала!” Она отвернулась от приходского настоятеля, пошла в приговор, где продавали свечи и пёструю церковную утварь.

Здесь, у прилавка, за которым стояла чистенькая старушка с круглым угодливым лицом, охваченным тёмным платом, Тамара увидела двоих парней и девушку. Эту молодую троицу она повстречала ещё у церковной калитки. Парни и девушка подкатили на широкой и длинной, наверняка импортной машине цвета “металлик”. Машина была раздрызганной: с помятым задним крылом, обляпанная снегом и грязью, правая фара наглухо заклеена скотчем, должно быть, разбита.

Один из парней, плечистый и плотный, явно гордившийся своим накачанным торсом, который прочитывался сквозь облегающую кожаную куртку, был наголо стрижен и похож на борца. Другой — тощий и угловатый, как подросток, с длинными, небрежно зачёсанными волосами, был в расстёгнутой дубленке, в расстёгнутой рубашке и демонстрировал на толстой золотой цепи внушительный золотой крест с распятием. Он был похож на дворового хулигана...

Девушка была в джинсах и ярко-красной куртке, смазливенькая и смешливая, в меховой кепочке, надетой козырьком на затылок, она выступала у них за поводыря. Сперва Тамара невзначай, а после уже с любопытством слушала, о чем они говорили.

— Ты чего свечки какие-то хилые купила? — упрекнул девушку “борец”.

— Ну, ты и дурень! — огрызнулась та с усмешкой. — Толстые в подсвечник замучаешься втыкать.

— Всё равно! Надо одну большую взять. Чтoб за всех пацанов, — сказал “хулиган”.

— Где тут мужик, которому за здоровье ставят? — спросил девушку “борец”.

— Николай Чудотворец?

— Да хрен его знает!

— Ты хренами-то здесь не разбрасывайся, — тихо и смешливо прошипела девушка. — Не в баре сидишь. Фильтруй базар!

— Мне бабка говорила, надо мужику с копьём поставить. Чтoб менты отвязались, — сказал “хулиган”, купив толстую длинную свечу.

— Это Георгий Победоносец, — догадалась девушка.

— Точно! — обрадовался “хулиган”. — Ему надо. Он ментов копьём мочит.

— Ну, с кого начнём? — спросил “борец”.

— Пойдём к иконе Всех Святых, не промахнёмся, — указала девушка на мрачноватую икону с маленькими невзрачными фигурками.

— Ну-у, эта какая-то тормозная. Давай покрасивше выберем. Кто этот мужик на камне?

— Я ж сказал: надо с копьём!

— Да не спорьте вы! Всем свечек хватит.

— И этому надо, Иисусу. Который на кресте повешен.

— В ящик, на восстановление церкви, брось столик.

— Давай у старух спросим. Они всё расскажут.

— Ладно, почапали. Счас сами разберёмся, — приказала девушка.

Краешком глаза Тамара подсмотрела, как тройца двинулась к иконам. По пути они тыкали друг друга локтями и кивали то в одну сторону, то в другую.

“Да ведь я такая же, как они, безграмотная! — спохватилась Тамара. — Толком не знаю, какому святому надо свечку поставить, как помолиться, чтобы на путь истинный наставили. Может, и вправду к иконе Всех Святых идти — не промахнусь!..”

Батюшка скрылся в боковой двери алтаря. Разошлись и прихожане, лишь несколько человек рассредоточились по просторному храму вблизи настенных образов. Тамара стояла возле колонны с иконой Всех Святых, держа в руке зажжённую свечку. “Дай, Господи, здоровья всем моим родным и близким. Чтоб Юрка в армии служил хорошо, чтоб мама не болела. Чтоб у Спирина всё на работе складывалось. Чтоб Олег не думал обо мне плохо...” — мысленно говорила она речитативом, как молитву. Но слова выходили какие-то порожные, бездушные. Настоящих религиозных прошений она не знала, а самой сочинить — не складывалось.

Она поставила свечку в надраенный медный подсвечник, перекрестилась, отошла от иконы. “Теперь надо за себя как-то помолиться, прощения у кого-то попросить. У кого?” — Тамара рассеянно оглядывалась по сторонам и тискала в руках ещё одну свечку, покуда без огонька.

В церковь сквозь решётчатые высокие окна прорывались косые лучи света, будто окрашенные в белый цвет снегом, который плескался на улице. На этом фоне хорошо виднелись потоки клубящегося сизого дыма от свеч и кадила; в этом дыме таилась какая-то загадочная тревожная красота. Тамара некоторое время наблюдала за сизыми клубами, потом снова обратилась к иконам.

Сусальное церковное золото чинно отблёскивало на окладах, с икон на людской мир глядели мудрые глаза праведников. Тамара заметила необычную женщину, сухую, отрешённую, в длинном сером пальто, в глухо повязанном платке. Став на колени перед одной из икон, она начала истово молиться: размашисто крестилась, отбивала земные поклоны.

Тамаре стало неудобно. Она отошла в сторону, за колонну, чтобы не видеть чужого моления. Так молиться, как эта женщина, она никогда бы не смогла. Да и вообще: где ей найти пристанище, к кому обратиться, о чем просить? На что она надеялась? Зачем сюда пришла, в это святое место? Не ходила, не ходила, а теперь прибежала... Попросить у Господа защиты и искупления? А раньше-то где была? О чём думала? Ведь ещё тогда, когда согласилась идти к Олегу на чай, именно тогда — пусть очень приблизительно, пусть несерьёзно и опасно, — но уже тогда она подумывала о том, что может произойти: и о ласковости Олега, и об отмщении Спирина.

Зачем теперь она сюда пришла? Что хотела объяснить? Что себе вымалывать? Сперва нагрешила, а потом в церковь побежала? Здорово придумано! В церковь, как в баню, стали ходить, грязь с себя смывать. Вот моду взяли! Воры, проститутки, партийцы коммунистические — все кресты нацепили и в церковь! Да ведь это все враньё. Обман! К Господу-то надо в чистоте прийти, в безгрешии, с полной искренностью. Тогда и будет истинная вера. А если иначе — всё выгода, корысть. Какая ж тут вера?

Тамара заметила, как двое парней — крепыш “борец” и волосатый “хулиган” — и находчивая девушка в меховой кепке, надетой задом наперёд, пошли к выходу. Толстая свеча, заметная из-за своего роста, горела перед большой иконой с изображением копыеносца на коне.

“И у меня всё шиворот-навыворот получится, — погрустнела Тамара. — Не надо мне здесь никаких покаяний. У меня своя правда!”

И всё же, чего-то внутренне убоявшись, она робко подошла к иконе Богородицы с Младенцем, зажгла свечку. Божественный вид Богоматери со Святым Чадом имел какое-то особое притяжение и особенное значение для Тамары...

Свечка разгоралась медленно: сперва маленький сизоватый шарик пламени теплился на фитильке, потом занялся сильнее, пламя выросло, потянулось вверх, под фитилем появился расплавленный блестящий воск. Прикрывая ладошкой осмелевшее пламя, Тамара поставила свечку меж двух других свечек в пустую капсулу под икону, перекрестилась и недолго постояла в грустной и в то же время какой-то непонятной, успокоительной раздумчивости.

К выходу шагала осторожно, стараясь приглушать гулкий стук каблуков о бетонный церковный пол. А на улице перемахнула себя крестообразно щепотью и глубоко вздохнула. Надо жить дальше! И даже порадовалась ветру, снегу, неистовавшей метели.

II

Миновало почти два месяца. Почти два месяца нет покоя Тамаре. Даже на работе всё время душа не на месте. Надо что-то предпринимать! Для начала хотя бы сходить в женскую консультацию. Но и этот неизбежный визит к врачу Тамара несколько раз откладывала.

С одной стороны, она с радостью понимала и без всяких врачей, и без всяких анализов, и без тестов своё новое женское *положение*, с другой — она приходила в отчаяние, догадываясь о том, что это новое положение создано ею незаконно, вернее, не так, как должно быть, не так, как мечталось.

Врач, однако, была весьма разговорчивой, вовсе не моралисткой, с полуслова понимающей, в чём сложность положения. О! если бы только сложность, Тамара по потолку бы от счастья пробежала!

— Ольга Андреевна, скорее всего, я беременна от другого человека, не от мужа, — сказала Тамара врачу, когда их неспешный разговор дошёл до той черты, которая уже предполагает и полную откровенность, и надежду на сохранение тайны.

Мало того, Ольга Андреевна была ей прежде знакома, ещё до замужества: как-никак, Тамара работала в той же сфере...

— Ваш случай не нов в нашей практике. Вам следует рассмотреть все моменты, связанные с таким случаем. Во-первых, известно ли вашему партнеру, что вы беременны, и насколько он будет, условно говоря, претендовать на вашего ребёнка, если ему об этом станет известно? Во-вторых, муж... Насколько он осведомлён о происходящем... В-третьих, родственники, особенно со стороны мужа... Знайте, что все свекрови очень бдительно относятся к невесткам... В-четвёртых, и это главное, ваши собственные ощущения... Насколько вам дорога ваша первая беременность и насколько вас страшит её прерывание со всеми вытекающими последствиями... А ещё есть аспекты чисто практические...

Ольга Андреевна говорила толково, обстоятельно, заботливо по отношению к Тамаре. Многие из того, о чём она предупреждала и в чём просвещала, Тамара уже десятки раз передумала и сама. Но одного “аспекта” Тамара не обдумывала совсем, боясь его, как огня.

— И ещё, Тамара, вам нужно быть психологически всегда готовой расстаться с мужем, — сказала врач, словно почувствовала жгучий “аспект” Тамариных переживаний. — Женщина должна уметь выбирать между своим ребёнком и мужчиной.

Этот “выбор” приводил Тамару в смятение.

Сегодня и на работе Тамару обескуражили безгласным вопросом. В отделе кадров аптечного управления решили обновить личные дела сотрудников и обяжали заполнить анкету. В графе “семейное положение” Тамара твёрдо выбрала “замужем”. Подчеркнула и задумалась. Что-то уципнуло внутри: “Неужели может кончиться моё замужество? Неужели может всё оборваться, рассыпаться?”

Человек, должно быть, живёт с вечной надеждой на самосохранение и неуязвимость. Где-то случилось землетрясение, и целый город в развалинах — далеко, не у нас; где-то самолёт сорвался в штопор — и это не с нами, далеко, несбыточно; в каком-то городе жилой дом террористы подорвали, невинных людей — ох, как жаль! — а всё равно не близко; где-то поезд с рельсов сошёл, паром с туристами затонул, автобус на дороге — в лепёшку, неизлечимая опухоль — всё это вроде где-то, или за километры, или хотя бы за стеной, но не у нас, не с нами. Ведь и она, Тамара, никогда не могла представить себя обманутой мужем, несчастной матерью-одиночкой, без любви и семейного очага. Ей всегда казалось: чаша сия минует её точно так же, как должны миновать катастрофы, войны, сокрушительные подземные толчки.

Но случился расчёт: все людские неприятности и беды предназначены именно для людей, и исключений не находится и не предвидится. Вот и ей, Тамаре, придётся что-то пережить такое, о чём она могла подумывать лишь отвлечённо, про других каких-нибудь девушек и женщин из драматических книжек.

— Спасибо, вам, Ольга Андреевна, — благодарила Тамара. И хотя никаких решений, никаких шагов не предвидела в близком и даже далёком будущем, — пусть катится всё, как катится! — всё же разговор с врачом подарил ей *проверенную* радость будущего материнства.

Дома Тамара сидела у окна в кухне и глядела на улицу. За окном шёл первый весенний дождь. Туманная рябь дождя объяла город. В дожде таилось одновременно и уныние, и успокоение. Дождь умирал своей серой задумчивой бесконечной монотонностью; отчаяние, острая боль, ярость — не серого, не монотонного цвета... Тамаре дождь был сейчас по душе. Хотелось тихо поплакать. Дождь распускал с небес влажные нити и ровным печальным шумом наполнял пространство за окном.

Когда-то Тамаре мечталось шепнуть на ухо Спирина: “Спирин, я беременна...” Вот, пожалуйста, время настало — шепни... Верно говорят: беда в одиночку не приходит. Да какая ж вторая-то беда?! Ребёнок — это радость! Только поделиться этой радостью не с кем...

Наконец, Тамара вздохнула и принялась готовить ужин: скоро должен был из университета вернуться Спирин. А она ему законная жена.

12

Нынешний вечер припас Тамаре возвращение в пустой дом: ещё вчера Спирин уехал на семинар в Санкт-Петербург, где пробудет несколько дней. Идти домой, чтобы вечер коротать в одиночестве, Тамара не спешила. Надумала позвонить Софье, с которой не виделась больше месяца.

— Непременно буду ждать! — говорила по телефону Софья. — Сейчас весна, мне катастрофически не хватает витаминов. Принеси мне тех, импортных, в красочной упаковке, помнишь? И что-нибудь от аллергии захвати, обязательно! Жду!

Весна в эту пору шла вразвалочку, без огонька: солнечных дней было мало, всё больше пасмурные, хоть и не холодные, но тепло без солнца топилло снег в неохотку — было слякотно. И всё же воздух был приятно-мягким, с таинством всеобщей побудки: крохотные серые мышки-серёжки облели матово-бурые ветки вербы.

Узкий ручеёк бежал вдоль бордюра, стекая вниз по наклонной мостовой. Тамара заметила, как рядом плывут два самодельных кораблика, маленькие, составленные из спичечных коробок, колеблются на мизерных волнах.

На перекрёстке ручеёк делал поворот, и один из корабликов вынесло на излучине на прибрежный асфальт, другой поплыл дальше... “Вот и разошлись, — усмехнулась Тамара, — как в море корабли...”

Прошло ещё несколько недель, а у Тамары по-прежнему не было разговора со Спириным. Он, вероятнее всего, и не подозревает, что она ждёт ребёнка. От кого? От Олега? Этого она на все сто процентов утверждать не могла, но... Процент вероятности отцовства Спирина просто ничтожен... А если она объявит Спирину о своей беременности — назад уже не вернёшься, придётся *играть*... Всю жизнь *играть*? Но и оттягивать дальше некуда: вот Спирин придет из командировки, и она ему всё расскажет... Нет, разумеется, не всё...

— Спасительница моя пожаловала! — радостно встретила Тамару Софья, обняла ее, прижалась к ней, по-французски вкусно надушенная. — Я весной буквально умираю от аллергии! А ещё я чувствую, просто каждой клеткой чувствую, что мне не хватает витаминов... Мне один знакомый посоветовал гормональные препараты принимать. Это не вредно, Тамарочка? Гормональные?

— Тебе всё пойдёт только на пользу, — откликнулась Тамара, а мимоходом подумала: “Счастливая ты, Соня. Мне бы твои проблемы. И то правда: иногда одиночество для женщины — настоящий просвет...”

Слушая знакомый щебет Софьи, Тамара ненароком увидела на её столе знакомую папку с номером ЮЗ—44, причём папка, наверное, находилась в работе: тесёмки были развязаны. Дурные воспоминания болезненно встрепенулись в душе Тамары: промелькнуло красное платье Курдюмовой, грубый овал лица её мужа, недоверчивый взгляд Курдюмова-младшего.

Софья с каким-то наркотическим вкусом вертела нарядную коробочку импортных витаминов, а потом тоже натолкнулась взглядом на папку посреди стола. Молча открыла её, взяла сверху учётную карточку и протянула Тамаре:

— Смотри... Целая история!

Тёмные глаза Курдюмовой на маленькой фотографии вобрали Тамару, как в прорубь: леденящее чувство близкого разоблачения охватило её. Она с трудом освободилась от цепкого курдюмовского взгляда, искоса посмотрела на Софью.

— И смех, и грех, Тамарочка! — Софья устроилась в кресле поудобнее, чтобы, вероятно, насладиться своим рассказом. — Месяца два назад приезжает к нам муж этой особы и говорит: отдайте документы моей жене! Важный такой, скандал устроил. Мы ж документы ему отдавать не имеем права... Он всё-таки добился своего, к проректору ходил... Проходит ещё месяц. И что ты думаешь? Эта особа, Светлана Курдюмова, присылает свои документы обратно и восстанавливается на учёбу. Вышло, дескать, недоразумение... Ну, мы принимаем, конечно... А вчера, — Софья пухловатым пальцем, на котором весомо сидел перстень, потыкала в лежащую перед ней карточку. — Вчера...

“Что? Что вчера? Не тяни ты!” — хотела закричать Тамара. Едва удержалась.

— ...снова приезжает её благоверный и снова требует её документы. Умора... — рассмеялась Софья.

— В чём же тут умора? — спросила Тамара.

— Эльвира мне всё объяснила, наша лаборантка, — весело отвечала Софья. — Она тоже из Ясногорска, каждые выходные к матери ездит... Курдюмова у неё в приятельницах ходит... Ты, наверно, помнишь Эльвиру? Причёска такая коротенькая. Фигурка ничего. У меня тогда сидела. В очках. Она и объяснила... Этот, муж-то её, Курдюмов, жену приревновал крепко. Дескать, на сессиях она тут с кем-то путалась. Видимо, поскандалил круто. Документы поэтому отсюда и забрал... Вот такой гусь. Но и она ещё та птица. Не будь душой — застыкала своего мужа в сауне с бабами. Снова скандал — и документы на место. Он, этот Курдюмов, из каких-то начальников, а они, сама знаешь, любят такие штуки...

— Нет, не знаю, — вставила Тамара. — И знать не хочу.

Вставная реплика Софью не смутила.

— Вот они теперь друг за дружкой бегают, следят. Эльвира говорит, ради ребёнка поладили. Он, говорит, теперь эту Светлану к себе на работу устроил, никуда не отпускает. Как привязанные ходят. — Софья ненадолго прервалась. — А вчера, когда он в очередной раз документы забирал, про Спирина почему-то спрашивал. Увидеть его зачем-то хотел...

Тут у Тамары что-то обвалилось внутри, всё на мгновение всколыхнулось перед глазами; стало душно и захотелось сразу выбраться на улицу, на воздух.

— Но твой Спиринов в командировке. Это и к лучшему... Она, эта Курдюмова, такая эффектная, на неё мужчины поглядывали... — Софья повертела в воздухе рукой, изображая этим эффектность Курдюмовой, и с лукавой улыбкой, безобидно и легковесно добавила: — Твоему Спиринову, говорят, она тоже когда-то нравилась... Но это я так, к слову. Не принимай всерьёз.

— Я пойду, — тихо сказала Тамара и, опираясь о спинку стула, медленно поднялась. Внешне получилось так, словно бы то, о чём рассказывала Софья, Тамару не заинтересовало и не особенно-то её касалось...

— Куда ты? Посидела бы ещё! Можно кофейку соорудить...

— В другой раз. На улицу хочу. На воздух, — сказала Тамара, взглянув на прощание на фотографию Курдюмовой.

— Поблудила ты, — забеспокоилась Софья. — Да ты не в положении ли? Я тут разболталась, а тебе, может...

Тамара не ответила, виновато улыбнулась:

— Нет-нет, всё нормально.

* * *

Смеркалось. Купол неба снижался, накрывая землю первыми негустыми потёмками. Улицы были ещё оживлены движением людей и машин и полны звуков. Но для Тамары всё будто отдалилось, будто онемело: бесшумно катили машины, безголосо разговаривали друг с другом прохожие, беззвучно текли ручьи.

Она слышала сейчас другое: свой разговор с Курдюмовым, возглас Светланы Курдюмовой из её накрашенных губ: “Ты представляешь?”, — ироничное замечание Софьи о том, что теперь они “друг за дружкой бегают, следят...”

Всей правды, всех деталей Тамара, понятно, не знала, но она вдруг отчётливо поняла, что сыграла, быть может, роковую роль в жизни семьи из города Ясногорска, живущей там на улице Дружбы в доме номер девять, в десятой квартире. Поняла она и другое: так, как они живут, она жить не хочет, а главное, уже не сможет... “Друг за дружкой бегают, следят...”

И что же теперь делать? В университете про Курдюмовых уже знают. Приедет Спиринов, и ему наверняка всё откроется. Этот Геннадий Сергеевич, оказывается, ещё и встречи с ним ищет... “Может, к бабке Люше сходить? — вдруг осенило Тамару. — Она вразумит, подскажет. Ведь и соль мне она дала. Если бы не соль, я и не подумала бы в Ясногорск ехать”.

Но надежда на бабушку Люшу скоро погасла. Не советчица она Тамаре. Она и раньше не советчица была... Разве могла бабушка Люша, у которой и своя-то судьба поповеркана, чужую жизнь исправить?! С большой душой чужие души лечить? Не получится... Доктор должен быть здоров, чтобы браться за своё дело, — так Тамару в техникуме учили. Нет, бабушка Люша Тамаре сейчас и вовсе не подмога.

Придя домой и не сняв пальто, Тамара вошла в комнату. На столе возле вазы лежали красные пальцы лепестки увядших тюльпанов, принесённых Спириным накануне, перед отъездом в командировку; рядом со столом на спинке стула висел серый рабочий пиджак Спирина с надломленным плечом; забытая помятая тёмно-фиолетовая сорочка валялась в кресле, один её рукав лежал на полу. Тамара забыла прибраться, и повсюду в доме царил за-

пустение и беспорядок. И кажется, было зябко, почти как на улице. Тамара, по-прежнему не раздеваясь, села на краешек дивана, будто решила чуть-чуть передохнуть и потом снова идти дальше. Словно здесь, дома, не собиралась и оставаться...

Что же всё-таки произошло? Зачем она поехала в Ясногорск, устроила всю эту заваруху? Тамара старалась разобраться в том, как развернулась её жизнь, как всё покатилося под уклон.

Хотела заговоренной солью отучить Курдюмову от Спирина — не вышло. Решила проучить её через мужа. Проучила! Но чего-то не просчитала... Чего? Себя! Себя она не просчитала... Как там говорила Софья: ход “вразрез” меняет всю картину. Но он и человека меняет в этой картине... Разве смогла бы она, *не изменённая*, не обманутая Спириным, сойтись с Олегом?

За окном темнело. Фасады домов, занавешенные прозрачным туманом потёмнок, тускло озарялись зажжёнными, разбросанными по этажам окнами. Свет в окнах в теперешней мгле почему-то казался желтее и робче, чем обыкновенно. Казалось, не лампочки, а свечи горят в квартирах.

Тамара вспомнила длинную свечу на чайном столике у Олега, а потом — свечи в подсвечнике в церкви, перед иконой Богородицы; неведанное ранее чувство тепла пришло откуда-то изнутри, из-под сердца...

Скоро Тамара поднималась по лестнице в маленькую удобную квартирку Олега. Волновалась, подбирала слова, которыми объяснит ему свой неожиданный приход. В какие-то мгновения у неё появлялось необоримое желание тут же, с порога, крикнуть ему: “Спаси меня, Олег! Избавь меня от обмана, от моего страха... От Спирина, от Курдюмовых, от меня самой... Я была так доверчива и неопытна, что натворила много ошибок... Я больше не буду... Ведь и ты, и учитель твой Лу доказываете, что если любовь приносит кому-то зло, это уже не любовь. Любовь должна приносить людям радость. Вот и научи меня так любить...”

О будущем ребёнке Тамара решила ничего не говорить пока. Если Олег от неё без ребёнка не откажется, то с дитём станет любить ещё сильнее, и с разными Курдюмовыми впоследствии путаться не будет, а если и будет, то Тамара уже учёная, не заметит, да и измена от Олега — не то, что от Спирина, не тот случай...

Но никаких объяснений Олегу не потребовалось. Он открыл дверь, увидел растроганную Тамару, её искупительные слезы в глазах, вероятно, всё объяснили ему; он обнял её и смело сказал:

— Теперь я тебя никуда не отпущу...

13

Прошло несколько решающих дней этой затянувшейся слякотной весны...

Как-то поздним сырым вечером, от которого хочется поскорее сбежать под кров, на железнодорожном вокзале в ресторане, недорого и давненько не отремонтированном, так что истрескались квадратные колонны в кремовом колере, сидел за пустым столиком офицер в чине капитана с эмблемами танкиста в петлицах. От безделья, в ожидании официантки, он вертел в руках фужер. Сбоку к столику подошёл человек в сырых разбухших ботинках, в сером пиджаке и тёмно-фиолетовой рубашке тусклого, невыигрышного тона.

— Можно? — негромко и равнодушно спросил он капитана.

— Пожалуйста, — без любезности отвечал военный.

Теперь они делили ожидание вдвоём. Молчали. Пришедший к беседе был пока явно не расположен: хмурый, с потупленными глазами, с измученным небритым лицом. Вероятно, так он выглядел от дороги, пересадок, томления у билетных касс и прочих вокзальных неудобств. Капитану не хотелось тревожить его вопросами. Молчали они и после того, как официантка в кружевном кокошнике и белом переднике, на поясе которого висела на леске бутылочная открывалка, приняла заказ. Первыми словами они перекинулись лишь *под водку*: сидеть напротив и пить поодиночке русскому человеку не с руки. Они подняли налитые рюмки, кивнули друг другу.

— За ваше здоровье, — сказал капитан.

— Взаимно, — ответил сосед.

Выпили, стали закусьивать салатом.

— Проездом? — спросил капитан, начиная испытывать размягченность от тёплого воздействия водки.

— Нет. Мимо шёл. Выпить захотелось, — ответил ему сосед, посмотрев большими грустными голубыми глазами.

Это был Спирин.

“Умный мальчик”, — говорили про него в детстве. “Парень что надо”, — так оценивали его в юности. “Клёвый чувак”, — на молодёжном жаргоне называли его в пору студенчества, “Хороший мужик”, — в последние годы характеризовали его сослуживцы. Спирин и в самом деле был человеком достаточно умным, понятным и *широким*. Бог дал ему красоту лица и ладность осанки, нормальное здоровье, выдержанность и рассудочность натуры.

На своём пути он не встретил людей, которых бы люто, непростительно возненавидел; со многими его спаяла дружба, он легко сходилась и с молодыми, и со старыми. Если где-то в компании разговор обращался к политике, он толково поддерживал его, недаром же по профессии — историк; если говорили о модном литературном авторе, он что-нибудь у него непременно читал; если кто-то предлагал ему сразиться в шахматы или на символический проигрыш в преферанс, он не отказывался и играл недурно; если в каком-то театре потчевали выразительной премьерой, он заглядывал туда, но при этом успевал азартно следить и за хоккейным чемпионатом.

Он жил полнокровно, определённо и достойно, оттого и слыл “хорошим мужиком”. Некоторые ещё прибавляли с завистью: “Сердцеед... Бабам очень нравится”. Это было правдой: женщин он к себе располагал, но бабником всё же не был.

Он сблизился с несколькими женщинами, но это не было спортом, развратом или сладострастием — его лёгкие увлечения, как правило, потихоньку тускнели и мирно умирали либо переходили в дружеские отношения. В брак он вступил человеком зрелым, по обоюдной любви, с расчётом на долговечность и незыблемость семейных уз. А что до встреч со Светланой Курдюмовой, так это было нечто вроде вкусного *гарнира* — прихоть мужского себялюбия и некое утверждение мужской гордости. С его данными, с его возможностями вроде бы было непростительно не иметь весёленькой милашки-любовницы — для полноты жизни...

К тому же увлечение Курдюмовой осталось из *дотамариного* прошлого и продолжалось по инерции: полулюбовная-полудружеская страстишка... Конечно, если бы Спирин почувствовал, что его отношения со Светланой грозят его семейному благоденствию, он бы тут же всё исправил: ублажил бы Тамару, а любовнице просто и коротко объявил бы: “Увы, Светик, я женат. Семья есть семья, сама понимаешь. Останемся друзьями. Ну... давай на прощание свою лапку, Светик...” С женщинами он всегда предпочитал шутливо-любезный слог, но никогда не сюсюкал с ними, не выворачивал перед ними свою душу наизнанку, и сам не лез в душу к ним. Однако Спирин этого не почувствовал и таких слов не произнёс...

В первый момент, когда до Спирина дошли вести, что его хочет видеть некий господин из Ясногорска с известной ему фамилией Курдюмов, он воспринял это с некоторым недоумением и досадой. “Эх, Светик, — искренно почувствовал он своей ученице. — Неужели ты проболталась своему мужу? Осмотрительнее надо быть. А уж если попалась, лисой нужно виться. Подозрения не усугубляют, их заглаживают...”

Спирин не хотел думать о том, что нить из семьи Курдюмовых тянется не только к нему, но крадётсся и к Тамаре. Позднее причастность Тамары к этой истории утаить не удалось: люди слишком любопытны и дотошны, когда дело доходит до семейных разладов. Впрочем, перипетии в семье Курдюмовых Спирин мало интересовали, ему было не до них...

Когда Спирин вернулся из командировки из Санкт-Петербурга, родной дом встретил его пустотой и неуютом. На столе в комнате он нашел записку от Тамары: “Я больше не могу любить тебя, Спирин. После твоего обма-

на я не смогла сохранить семью. Я беременна от другого. Не ищи меня. Прощай". Рядом с запиской лежало обручальное кольцо Тамары, которое показало Спирина каким-то очень маленьким и чужим.

...Официантка подала горячее: лангеты с жареным картофелем и зеленью, пожелала приятного аппетита, улыбнулась сухой дежурной улыбкой. Капитан и Спирин выпили ещё по рюмке, без тостов и слов, лишь с кивком головы.

После этой рюмки капитана сладко разобрало, всё вокруг стало ему определённо нравиться: некая уютная обтёртость ресторанный зала с мутными низкими люстрами, горячая пища на продолговатом стальном блюде с раскроенным начетверо зелёным маринованным помидором, откуда-то из-за квадратных колонн звучащая негромкая лирическая песня и даже сосед, какой-то запущенный и печальный, но всё же отзывчивый и понятливый товарищ в застолье.

Капитан ехал с учёбы из военной академии в свою часть и задержался в этом городе не ради пересадки, а по случаю: в поезде он познакомился с приглянувшейся ему женщиной из местных, приглянулся ей сам, вышел вместе с ней и провёл ночь у неё в гостях. Чего ему хотелось, уже сполна исполнилось, и теперь он чувствовал даже опустошение, пощипывания совести и желание поскорее добраться домой, которое вылилось в желание остаток времени до поезда убить за рюмкой и ужином в дорожном заведении.

— У подруги здесь задержался. На ночьку, — заговорил капитан, отрезая ножом кусок отбивной. — Теперь — домой, к родным, хватит приключений, — усмехнулся он. — А у вас есть подруга?

— Нет, — тихо ответил Спирин.

— А жена?

— И жены нет.

— Как же так: ни жены, ни подруги? — безобидно удивился капитан.

— Подругу уличил муж. Он теперь держит её в ежовых рукавицах. А жена сбежала с другим...

Капитан насторожился, пристально взгляделся в усталое красивое лицо собеседника. Спирин молчал, глядя неподвижно на бумажные салфетки в тонком стакане посреди столика.

— Почему? — не утерпел капитан, не в силах вынести долгую паузу в речи заинтриговавшего его соседа.

Спирин сидел, не пил и не притрагивался к лангету. Он думал о Тамаре: казалось, она стояла здесь, совсем-совсем рядом, в трепетной близости, всё с теми же крапинками зелени в серых глазах, скромная и тихая, и такая, как оказалось, непредсказуемая и отчаянная...

Спирин посмотрел на капитана, положил нож и вилку, которые уже давненько взял в руки, но не успел ими поорудовать, и задумчиво произнёс:

— Люди слишком усердны в личном счастье. И подруги, и жёны. И мы с вами... Не правда ли? Алчность толкает людей на преступления, и вам, как человеку военному, это, вероятно, известно...

Капитан изумлённо молчал и с каким-то опасением глядел на собеседника. И чем дольше он находился в его обществе, чем дольше слушал его странные рассуждения о "человеческих страстях", тем острее ему хотелось домой. Словно и над его домом нависла угроза. Он опять посмотрел на часы, поторапливая стрелки и поезд.

— Казалось бы, чего не жилое моей жене? Ей ни в чём не было отказа и ущемления, — продолжал Спирин. — А вот не жилое! Узнав, что у меня есть подруга, она не стерпела поражения в личной, физиологически личной жизни... Не поступлюсь ничем, не прощу! Лучше дров наломать, чем смирюсь и пойму... Люди глупы. Можно обойтись без войны, а они все равно воюют. Вот и вы в форме... — И он опять потянулся к графину с водой.

Их ужин продолжался без разговоров. Скоро проезжий капитан и Спирин расстались. Без рукопожатия, лишь кивнув друг другу.

Эпилог

Сделанного не воротишь, историю вспять не повернёшь. Год летел за годом. Минуло почти пять лет.

Тамара была счастлива. Она обрела ровные, нежные чувства к Олегу, освоилась в роли хозяйки домашнего очага, а главное — родила сына. Ему уже исполнилось четыре года, и он повсюду бегаёт и обдирает коленки...

Они с Олегом живут на Алтае, в просторном родительском доме на берегу быстротечной речки, в живописных заповедных местах. Тамаре здесь очень нравится. За все эти годы на родину она ездила лишь однажды, чтобы повидать мать и брата Юрку, который демобилизовался из армии.

О некоторых событиях, что происходят в городе, где училась и жила Тамара, ей в письмах рассказывает Софья. “По секрету” Софья сообщает, что Спирин “по уши занят наукой, пишет докторскую...” и что по-прежнему у него нет ни жены, ни детей, и что он якобы и не помышляет об этом.

Когда Тамара читает такие строки в Софьиных письмах, она загадочно улыбается и в шутку решает, что такие, как Спирин, должны принадлежать всем женщинам, а не только одной... И всё же, положив руку на сердце, Тамара всё ещё любит Спирина, тихонечко и тайно, но уже другой, отстранённой, воздушной любовью. Такой любовью награждают киноактеров или эстрадных певцов, которые никогда не предадут, не изменят, а ревность к ним легка, наивна и не губительна.

А ещё Тамара иногда подолгу смотрит на сына. Сын, бесспорно, от Олега, но она почему-то очень хочет найти в нём черты голубоглазого неотразимого Спирина.

ЯРОСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

МОЙ ТОСТ ЗА РОДИНУ

ОТЕЦ

Опять наступит сорок пятый год.
Лукавая Европа плачет,
Что Сталин весело идёт
И жизнь людей чего-то значит.

Мой тост за Родину, а значит — за отца!
Мы не сдадим ни пяди Сталинграда!
Отцу на небе ничего не надо, —
Товарищ Сталин с ним сегодня рядом,
И не грустят, что оба — без венца.

А мне до них руки не дотянуть.
И мой стакан тяжёл, как спирт трофейный,
И за Победу пью, которой верю.
Я их обоих в силах помянуть.

ТРИКОЛОР

Пыль сгорела, а время — осталось.
Проступает лицо из металла,
Но не дёргай Его за усы!
Время тоже стоит за Россию!

ВАСИЛЬЕВ Ярослав Иванович родился в 1950 году в г. Молотов (ныне Пермь). Окончил Московский геологоразведочный институт, работал в Республике Коми, печатается в центральных изданиях с начала 70-х годов. Автор нескольких поэтических сборников, член Союза писателей России.

* * *

Устав от скудного житья,
Сплетенья счастья и распада,
Какая русская семья
В разлуке не искала лада?!

И этот золочёный круг
Провинциальной, топкой ночи
Разорван был изломом рук,
Освистан поездом рабочим.

Где уезжали, не таясь,
Отцы — скитальцы и кормильцы.
И кровная тянулась связь
От океанов до столицы.

Что было с ними — не судить.
И разве время виновато,
Что можно родину любить
И не узнать родного брата.

ТРЕТИЙ РИМ

Пора сойти с небес, —
Ведь это не любовь,
Когда постель, как лес,
Где зверем рыщет кровь.

Ещё не рассвело,
Объятий не спугнуть.
Врастал в лёд стекло,
Растрескивался путь.

И ночью Третий Рим
Не закрывал врата.
Куда мы убежим?
Он знал, что — никуда.

СКОРЫЙ ПОЕЗД

Бесполезно искусство любви,
Если всё рождено для простора,
Если северный ветер сквозит,
Раздвигая тяжёлые шторы.

И вагонные полки трясёт,
Нас всё ближе сдвигая друг к другу,
Потому, что никто не спасёт
подавая над пропастью руку.

Гуси-лебеди рядом летят,
Словно ангелы в матовом снеге.
Я тебе и не муж, и не брат.
Просто встретились на ночлеге.

* * *

А жизнь нахлынет тёмной глубиной
И лишь большее, если ты — поэт,
И женщина, что рядом шла с тобою,
Не понимая, поглядит вослед.

И где-нибудь в далёком захолустье
Очнёшься.

Осень.

“Чей ты, человек?”
Тяжёлый ветер пролетит над Русью
И лёгкий снег.

МАЙ

Стало небо высоким, грозным,
Приоткрылся небесный створ,
И себя обманывать поздно,
Если в сердце ночной простор.

В страсти ночи, в клубах сирени
Наблюдать, как в проём окна,
Словно бабочки, лезут тени, —
Так горит над землёй весна!

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

КРИСТЕ АГСДГА!

РАССКАЗ

Каждая Пасха отличается от предыдущей. У каждой, как в пасхальном куличе, свои изюминки.

В 2012 году я встречал Светлое Христово Воскресение там, где и произошло главное событие всей мировой истории, — под куполом с круглым отверстием неба, рядом с Гробом Господним в Иерусалиме.

Толпа паломников стала очень тесной ещё задолго до входа в храм. Мы шли медленно, сжатые со всех сторон так, что когда кто-то наступил мне на задник сандалии, и та слетала с ноги, я не мог даже нагнуться, чтобы успеть схватить беглую обувь. “Ну, что ж, — решил я, — значит, буду встречать Благодатный Огонь босиком”. Но не успел привыкнуть к этой милой мысли, как сандалия примчалась ко мне и очутилась прямо под ногой, так что я смог её быстро надеть. Кто-то, видно, пнул её, и она точно прилетела к хозяину. Это добавило мне весёлости. А когда вместе с толпой я протиснулся в храмовые ворота и оказался под прохладными сводами самого главного христианского храма в мире, настроение ещё больше улучшилось.

Приложился к камню помазания и стал благоухать восточными благоуханиями. Слева подойти к кувуклии Гроба Господня никакой возможности не предвиделось, но справа, там, где католический придел, оказалось свободнее, и я очутился шагах в двадцати от заветной цели.

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич родился в 1959 году в Москве. Доцент Литературного института им. А. М. Горького. Прозаик и кинодраматург. Автор книг: “Похоронный марш”, “Страшный пассажир”, “Державный”, “Русский ураган”, “Поп”, “Господа и товарищи”, “Митрополит Филарет” и “Алексий II” (серия ЖЗЛ) и многих других. Живет во Внуково.

Постепенно и здесь становилось всё теснее и теснее, народ неумолимо прибывал. Вскоре стало так плотно, что даже если потеряешь сознание, толпа будет держать, не даст упасть. Я оказался рядом с большой группой грузинских паломников, которые стояли передо мной. Человек восемь мужчин и две женщины.

У меня есть хороший знакомый Зураб Чавчавадзе, потомственный дворянин грузинского происхождения. Кстати, председатель правления Российского монархического совета. Однажды он научил меня произносить по-грузински “Христос воскрес!” — “Кристе агсдга!” Произносится трудно, но красиво. Твёрдо так, похоже на слова “Во Христе правда!” И тут я подумал, что когда, наконец, зажжётся Благодатный Огонь, я непременно скажу грузинам:

— Кристе агсдга!

Грузины сначала смеялись, переговариваясь между собой на своём восхитительном языке, подобном орлиному клёкоту. Но время шло, напряжение ожидания возрастало и возрастало. Худая грузинка, стоявшая прямо передо мной, нервничала, а когда толпа накатывала на неё, она выставяла острый, как кинжал, локоть, стараясь причинить мне боль, хотя ещё не знала, что я русский.

Внезапно пронёсся ропот, раздался голоса:

— Вынесите! Вынесите её на свежий воздух!

Я оглянулся и увидел, как четверо парней с трудом поднимают над собой и стараются вынести наружу женщину весьма плотного сложения. Голова её беспомощно болталась, как у мёртвой. Кто-то даже промолвил:

— Хорошо умереть в такие минуты! Сразу в рай!

Но в данный период своей жизни женщина в рай не захотела. Она вдруг очнулась и грозно воскликнула:

— Эй, вы куда меня тащите?! Я ради этого сюда пришла? Немедленно верните меня!

Её поставили на ноги, и она некоторое время продолжала возмущаться, покуда ей не объяснили, что произошло. Происшествие вызвало общий дружный смех. Только стоявшая передо мной грузинка время от времени сверкала сердитым взглядом в сторону той паломницы.

Впрочем, вскоре на её лице затеплилась улыбка, когда стоявший рядом высокий человек справа заговорил с ней по-английски. Стоя в непосредственной близости, я волей-неволей слушал их беседу. Особенный восторг вызвало сообщение, что высокий и добродушный с виду человек из Австралии.

— Из Австралии? Потрясающе! И вы приехали в Иерусалим?

— Да.

— На православную Пасху?

— Да, я православный.

— Православный австралиец? Это просто потрясающе!

— А вы откуда?

— Мы из Грузии.

Точнее, она сказала “из Джорджии”, ибо именно так Грузия называется по-английски.

— Из штата Джорджия в Америке? — спросил австралиец.

— Нет, из независимого государства Джорджия.

— А, понял! Это в России!

Вновь сверкнули молнии глаз:

— Это не в России. Это на Кавказе. Мы давно уже освободились из-под гнёта России.

— Да, да, я знаю, — немного смутился австралиец. — А Россия сильно вас угнетала?

— Вы даже не представляете, как! Мы жили в настоящем аду! Эта мука продолжалась триста лет!

Тут я не выдержал и вмешался, разговаривая, как и они, по-английски:

— Если я не ошибаюсь, с начала девятнадцатого века.

— Вы ошибаетесь! — ответила грузинка. — Нас оккупировали гораздо раньше.

— Я слышал, что Джорджия по-русски “Грузия”? — спросил австралиец.

— Да. Но это слово оскорбительное, и его придумали русские, чтобы унижать грузин. А на самом деле мы называем свою страну Джорджия.

— Простите, — вновь не утерпел я, — но, насколько мне известно, сами грузины называют свою страну Сакартвело.

— Совершенно верно, — согласилась грузинка. — Но русские испокон веку называли Джорджию Грузией. Чтобы унижить.

— И вновь я прошу прощения, — не унимался я. — Но в древних русских документах Джорджию именовали Картлийским царством, то есть, от слова “Сакартвело”. А слово “Грузия” произошло от того, как вашу страну называли персы — Гурджия.

— Советую вам внимательнее изучить вопрос, — ответила моя собеседница и тут сама внимательно изучила меня, точнее, моё лицо. — А вы сами откуда?

— Вы угадали, я русский, — смело признался я, переходя на русскую речь, рискуя получить рану от кинжального локтя.

— Я так и поняла! — Она тоже перешла на русский. — Стоит тут, пытит. Эй, видали! — обратилась она к своим соотечественникам. — Русский у меня за спиной.

Грузины посмотрели на неё, на меня, пожалы плечами, что-то ответили ей по-грузински, но не бросились меня бить.

— Представляете, этот человек русский, — сказала она по-английски добродушному австралийцу.

— Правда? — воскликнул тот и повернулся всем лицом ко мне. Продолжая по-английски, он заговорил: — Я очень рад видеть рядом со мной в этом храме, в этот великий момент, русского человека. Моего брата. Пожалуйста представьтесь, меня зовут Милош, я серб.

— Но вы совсем недавно говорили, что вы австралиец! — поникла грузинка.

— Да, я австралиец, но мои родители сербы, переехали в Австралию из Югославии. Как хорошо, что я стою тут рядом с русским человеком!

Бедная грузинка чуть не рыдала от разочарования. Мы продолжали беседовать с Милошем, я рассказывал ему, как принято праздновать Пасху в России, как много тут русских паломников, кроме меня.

— Даже вон там, в том дальнем углу, — кивнул я, — стоит мой хороший знакомый Андрей Охоткин. Я его только что увидел. Мы не сговариваясь приехали сюда. Здесь нередко можно встретить знакомого человека.

Ещё я ему рассказал о том, как однажды был в Иерусалиме с большой группой друзей, и, зайдя в книжный магазин, мы все купили Евангелия на сербском языке, которые там оказались в продаже. Просто чтобы иметь дома Евангелие на сербском, потому что всегда считали и будем считать сербов своими ближайшими братьями.

И так далее. Разговор шёл хороший, время ожидания Благодатного Огня потекло быстрее.

Грузинка передо мной всё пыталась как-то отдалиться и поменяться со своей подругой, которая не метала молний, будучи куда спокойнее и терпеливее. Но не так-то просто это было, и она по-прежнему резала меня кинжалами локтей, время от времени поглядывая на нас с Милошем с глубочайшим презрением. Справедливости ради надо сказать, что все её спутники, в отличие от неё, не метали в меня ненавидящих взоров. Один из них достал батарейный карманный вентилятор и стал всех овеивать слабыми струйками ветерка.

— Только на русского не дуй, пусть так стоит! — сказала ненавистница России нарочно по-русски, чтобы я услышал, но тот и на меня подул, за что я сказал ему:

— Спасибо, дорогой!

— Ты ещё воды дай ему попить! — прошипела ненавистница снова по-русски.

Так мы и стояли. Серб и я мирно беседовали, грузинка шипела и нена-

видела, арабские юноши били в барабаны и пели, усевшись на металлических конструкциях, скрепляющих кувуклию.

И вдруг — крики, восторженное улюлюкание, и вспышки Благодатного Огня, который стали разносить повсюду, передавая его из пещеры Гроба Господня.

Свершилось! Христос воскрес!

Я приготовил два своих пучка свеч, ожидая, когда Огонь дойдёт и до меня. И он шёл, приближался. Грузинка с острыми локтями в нетерпении стала припрыгивать, совсем как маленькая девочка. Огонь дошёл до неё, она зажгла два своих пучка свеч... И — что это?! Она обернулась ко мне и протянула свой Огонь мне, чтобы я тоже мог зажечь!

Она, которая так ненавидела меня целых три часа томительного, но радостного ожидания, теперь посмотрела на меня счастливо и подарила самое дорогое, что было в ту секунду в её жизни, — Благодатный Огонь Христа!

Я зажёл свои свечи и сказал ей:

— Кресте агсда!

И она ответила мне:

— Чесмаритад агсда! — И добавила по-русски: — Христос воскрес!

В это превращение невозможно было поверить. Наш австралийский серб стоял рядом и восклицал:

— Христос воскрес! Christ is risen!

А потом мы по очереди кричали что было сил.

Греки:

— Христос анести! Алифос анести!

Грузины:

— Кресте агсда! Чесмаритад агсда!

Русские:

— Христос воскрес! Воистину воскрес!

Румыны:

— Hristos a înviat! într-adevăr înviat!

Арабы:

— Аль масих кам! Хаккам кам!

И снова мы, и снова грузины, и снова греки, и снова арабы... И так очень долго, пока я не охрип.

Потом мы стали медленно выдвигаться из храма, и в толчее, в завихрениях толпы растерялись. Куда-то делись грузины, куда-то увело австралийского серба, зато мой друг Охоткин с женой оказались рядом, и мы похристосовались от всей души...

На другой день я гулял по Иерусалиму, радуясь жизни, радуясь Воскресению Христову.

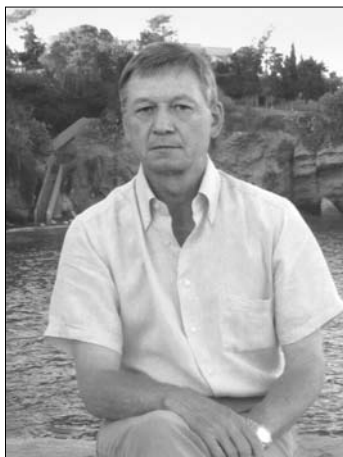
Неожиданно встретились вчерашние грузины. Я помахал им рукой и крикнул:

— Кресте агсда!

— Чесмаритад агсда! — откликнулись они и тоже помахали мне.

Я продолжал весь день гулять. Забрался на самую вершину Елеонской горы, на колокольню “Русская свеча” и там с позволения монаха радостно колотил в огромный колокол, от звона которого закладывало уши. Я всё отчётливее ощущал, что в ближайшем будущем меня ждёт какая-то очень важная и счастливая встреча. Об этой встрече я помолился особо в монастыре “Отче наш”. И она действительно произойдёт в первых числах июня в Черногоории. До неё было рукой подать.

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

РОДИНА, НЕ БУДЬ СУРОВОЙ МАЧЕХОЙ...

* * *

На Родину! Там нежно пахнет снегом,
и в стуже — солнце зимнее слепит,
на Родину, где стал я человеком,
хотя и был не раз по-зверски бит.

На Родину! Поскольку больше нету
сил никаких любить ещё сильнее
синичье пенье, радуг самоцветы
и гул и шорох ледяных полей.

ПЕРЕВЕРЗИН Иван Иванович — известный русский поэт, автор двенадцати книг стихотворений, двух книг публицистики и одной книги прозы, изданных в России, лауреат Государственной премии Республики Саха-Якутия “Полярная звезда” и Большой литературной премии России, а также премий имени Державина, Твардовского, Луконина, Рождественского. Заслуженный работник культуры РФ и Республики Саха-Якутия, председатель Международного Сообщества писательских Союзов, академик Академии журналистов Болгарии. Сборники его избранных стихотворений переведены и изданы в шестнадцати странах ближнего и дальнего зарубежья.

* * *

Зима с трескучими морозами,
с метелью, истоиво звенящей,
вновь обернулась тяжкой прозою
в неумолимом настоящем.

Но я, родившийся в Якутии
и гибнувший в пурге не раз,
в меха звериные не кутаюсь,
гоню тоску в суровый час.

В холщовой куртке, голоуший,
лишь ускоряю твёрдый шаг,
и сердцем успеваю слушать
о чём, как дрозд, поёт душа.

Ну, а мороз не знает жалости,
сдвигает брови всё мрачней...
И, как зверюга, без усталости
готов добраться до костей.

Не доберётся, как до рая, —
ведь я морозу сводный брат...
И так живу, что смерть лихая —
и та отводит в страхе взгляд...

* * *

А январь-то — в каком ударе!
Но не в зимнем... Во всей красе
очумелое солнце жарит
так, что тает снег на шоссе.

К чёрту — шапку, туда же — фуфайку!
Лишь в рубашке да брюках иду...
Во дворе чернохвостую галку
пёс облаивает на лету...

Вешний ветер путает волосы —
их без боли не расчесать!
И пускай! Ведь он моим голосом
всё сильнее начинать звучать...

СЛЕПЯЩИЙ СНЕГ

Всё нет морозов, нет морозов!
Зато ковром ложится снег,
от утреннего солнца розов,
пушист, как соболиный мех!

И дятла стук, раздавшись в чаще,
вспугнул берёзовую тишь.
И снег в лучах такой слепящий,
что лишь из-под руки глядишь...

* * *

Родина! Не будь суровой мачехой —
силы, что за жизнь мою потрачены,
в благодарность праведно приветь
даже не наградой, просто словом
добрым — и навеки мрак свинцовый
я смогу без страха одолеть.

Знаю: у тебя сынов хватает,
но не все из них, как подобает,
встали в строй, когда заклятый враг
полчища свои к твоим границам
двинул, чтоб не пели наши птицы
в рощах, и всю клубился мрак...

Не приветить... Вот такое горе...
Но вопрос, как тополь на угоре,
встал чуть не до неба: “Почему?!”
Потому что, Родина, во власти
у тебя вскипают бурно страсти,
но, как жаль, совсем не по уму...

* * *

Война уже, считай, идёт всю в России,
причём гражданская, которой нет страшней,
и бьёт свой своего, так озверев впервые,
что кровь течёт рекой всё чаще и полней.

О Боже, что стряслось, как помутился разум
у многих из своих, но не у всех же, нет!
Верховный, не тани с решительным приказом —
его исполнят все, кто верит в жизнь и свет.

Ведь как с глухонемым и подлым “президентом”,
чья власть условна, словно — не закон,
о чём-то говорить — и чудом ждать момента,
когда случится всё, что посулил вдруг он!

Но первый сделан шаг! Вернули Крым навеки...
Так сделаем второй: спасём от смерти их —
всех братьев и сестёр, и с верой в человека
оплачем павших, но в душе живых!

* * *

Я выпущен, как из пращи...
Где приземлюсь, не знаю сам,
но не останусь без души
и верности своим словам.

От ветра встречного в ушах
стоит невероятный свист.
Но жизнь прожита не за страх —
и перед Господом я чист.

Что впереди? Не предсказать!
Но что бы ни стряслось со мной,

я буду сердце вдохновлять
бессмертной Божьей красотой.

Я буду — свет, я буду — тьма,
а может, тем и этим враз.
И страсть, горячую весьма,
делить с хозяйкой синих глаз...

И в час рассветный, как во сне,
когда так свищут соловьи
смерть повстречаю по весне,
но не предам своей любви!..

* * *

Из смерти я вернулся в жизнь
и потому, наверно, счастлив!
Как будто засветилась высь
после тяжёлого ненастья.

Но не забыть мне, видит Бог,
невероятной тьмы, в которой
лежал я — страшно одинок,
с душой, сгорающей, как порох.

* * *

Так тяжелы подъёмы, спуски,
где каждый шаг — последний шаг,
где от трёхкратной перегрузки
стучит, пульсирует в ушах.

Мой путь не для наград победных —
в огонь, в пургу, в глухую ночь, —
он для того, чтоб среди бессмертных
мог смертный муку превозмочь.

* * *

Как жаждал я тебя спасти!
Да не сумел... И стонет сердце!
Прости, сестра, прости, прости,
но вы, друзья, в меня поверьте...

Да, я не Бог... Но сам же смог
из смерти вырваться на волю...
Как мир суров! Как мир жесток!
А без тебя, сестра, — тем боле...

* * *

О, Боже правый, почему же
жизнь так устроена Тобой,
что вместе с счастьем ходит ужас,
и как мне стать
самим собой?..

Вопрос поставлен... Но ответа
я до сих пор не получил...
И мне ни в чём покоя нету,
как будто он
когда-то был...

РАЗНЕСЧАСТНЫЕ

Всё казалось, что жизнь получилась?
Да куда там, развеялась в пыль...
Но живу, тратя попусту силы
и слагаю печальную быль...

На земле разнесчастных так много,
что из белого чёрным стал свет...
И всё крепнет на сердце тревога
за других, а меня будто нет!

КУСТ

А куст отцвёл и стал невзрачен,
как всякий придорожный куст...
И я, волнением охвачен,
душою выдохну: “И пусть...”

Отправляюсь в горы по тропинке,
петляющей между берёз
в зелёных, солнечных косынках,
достойных самых светлых грёз...

И вновь с любовью буду слушать,
как соловей, и чиж, и дрозд
на крыльях песен свои души
возносят — аж до самых звёзд...

Забывшись, рухну, как в перину,
в разросшийся, чуть влажный мох
да и засну, чтоб жизнь-кручину
заспать, как самый горький вздох...

ОБЛАКА

Облака высоки и кудлаты,
их полёт исполнен тишины,
с севера на юг по горным скатам,
на пороге золотой весны.

Я так много пережил на свете
и бывал частенько на мели...
Как тревожно ни подует ветер —
облака не улетят с земли.

И, наверно, снизу по-другому
облака предстанут предо мной —
белым дымом вишен и черёмух,
вьюгою-пургою снеговой.

И тогда, не думая о страшном,
я смогу, как облак молодой,
сам подняться и парить над пашней —
радостный, с высокою душой.

Эта радость строчкам передастся,
и они, как снегири на свет,
выпорхнут, чтоб в поднебесье мчаться
облакам клубящимся вослед.

* * *

Нет, я не Тютчев, вовсе не Есенин, —
я Переверзин — всполох из Приленья,
где летом стужа, а зимой мороз.
О, как они на душу тяжело давят!
Но можно, с ними совладав, о славе
подумать, только не всерьёз...

Всерьёз — и в поле, и на пьедестале —
мне не страшны ни муки, ни печали,
ведь я люблю ненависть врага
в прах разотру, как скорлупу ореха,
и на волне признанья и успеха
в прибой любой войду наверняка.

Я помню: ждёт бессмертие меня,
но если хватит света и огня
моей душе, чей трудодень суров,
с утра пораньше и до самой ночи,
а коли надо, то и хватит мочи
мне допоздна гранить гранит стихов.

Мой отдых — труд, дарующий свободу
по чести жить мечте своей в угоду
и верить в Бога, ибо лишь ему
обязан я, что всё же стал поэтом
и прозой охвачен, словно светом,
и выстоял, одолевая тьму...

Я — Переверзин, и в бореньях знаю,
чего хочу, чего не понимаю,
поэтому, как прочная броня,
любой удар приму без опасенья...
И всё-таки мне больше люб Есенин,
но Тютчев тоже дорог для меня.

* * *

*Памяти моего учителя
Валентина Григорьевича Распутина*

С утра совсем не по погоде —
дождь вдрызг размыл все колени,
душа своё слагала вроде,
как будто в тихом забытьи...

И вдруг звонок: "Распутин умер!"
О, Боже мой, какая боль!

И тотчас помрачнели думы,
вскипая, как морской прибой.

Перехватили спазмы горло,
и только волю сжав в кулак,
я не заплакал, но исторгла
душа: "Да будь ты проклят, мрак!.."

И всё же в знак благодаренья
я вспомнил классика слова:
"Да не покинет вдохновенье —
твоей души, она — права..."

Россия... Родина... Отчизна...
Мы — так осиротели вдруг!
Как будто жизнь — сплошная тризна,
и каждый день исполнен мук.

ЛЕВ АННИНСКИЙ

УПОР

*Бреду в глухой ночи по полю —
и на душе, как днём, — светло...*

Иван Переверзин

Так днём? Или ночью? Светло или глухо?

Кажется, это фирменный приём поэта Переверзина — взаимоупор противоположных начал.

"И в беде против воли надо счастье искать"... Беда и счастье нераздельны...

"Что мне смерть, когда нет жизни, что мне жизнь, когда нет смерти..."
Нет одного без другого.

"Верю в тяжкий путь поэта, ведущий к свету через тьму"... Свет — через тьму?

И вот в этом, неотразимо обаятельном, на мой вкус, четверостишии — тот же взаимный перехват мотивов:

"Я правым был и был неправым, // тонул в воде, горел в огне, // и не боюсь ходить по травам, // ведь и они пройдут по мне..."

Думалось: вот встречу с автором и спрошу о том, как даётся ему этот приём... Встретился и не спросил, потому что разговор сразу пошёл не столько профессиональный, сколько душевный: не о строчках, а о том, каким смыслом наполняются повороты судьбы.

В самых общих чертах биография была мне знакома. А о душевных мотивах — добавлю...

Ивану Переверзину не пришлось мучиться, пробиваясь в печать: в годы, на которые выпало его литературное пробуждение (первое стихотворение он написал в четвёртом классе школы), Оттепель ещё не сменилась заморозками. Да не пугают и заморозки – вырастает он в среднеленской Якутии, не так уж далеко от полюса холода, но в достаточно тёплой литературной обстановке: у тогдашней советской власти в чести провинциальные самородки – противовес столичным горлопанам.

Так или иначе, печатается он с юности самым счастливым для начинающего автора образом. А занимается не столько поэтическим самовыражением, сколько делом: проблемами ленских деревень (чему помогает учёба в лесотехническом техникуме).

И вдруг – завязывает со стихами, отдаваясь сельхозработам, на поприще коих вырастает с положения рабочего до роли директора совхоза и выше.

Это не значит, что он стихов не пишет. Пишет. Но складывает в стол. То ли в мастерстве не уверен, то ли ждёт какого-то магического воздействия поэзии на повседневное бытие (скорее, и то, и другое, но второе для меня важнее, чем первое).

Шесть лет длится это добровольное затворничество, в финале которого (как раз на пороге громогласных 90-х годов) он извлекает стихи из схрона, отбирает из них полсотни, приносит в редакцию газеты “Социалистическая Якутия” и... за год пролетает ещё одну лестницу: от местных издателей до столичных.

Взлёт – от росных трав к опаляющим высотам.

А душа?

Путь души – непредсказуем. В школьные годы вовсе не думал, что станет поэтом, – нацеливался стать скульптором. Живопись где-то рядом, но главное – глина, обретающая форму. Отец, ветеран, оставивший здоровье в сырых окопах, каждое лето ездил на юг – подлечиваться – и привозил сыну порции глины для валяния. И сын валял, да так успешно, что за конную фигуру (в которой виден был Дмитрий Донской, а может, Александр Невский?) получил на конкурсе премию.

Так что отвлекло от этой стези?

Не смейтесь: спорт. Организм был создан для триумфов и в этой области: заработал первый спортивный разряд...

А потом? Организм не выдержал? Организм можно было и подлечить... Душа искала свой путь...

Стихи? Завязал! Почувствовал, что недостижимы такие предтечи, как Пушкин и Лермонтов. Пушкин – любимый поэт, Лермонтов – любимый поэт отца... А ты на этой стезе кто?

“Не хороши и не плохи, // не получаются стихи...”

И посоветоваться-то не знал, с кем. В районной редакции Николай Анциферов сказал: “Талант есть, но много пессимизма”.

Не пессимизма – максимализма много! Оставил стихи – на целое десятилетие. Но пера не бросил: отдавшись совхозному делу, писал статьи и очерки – о том, как надо обходиться с землёй, если уж взялся её обихаживать. Печатали эти статьи и очерки в газетах, в том числе центральных.

В них, я думаю, тем не менее, чувствовался поэт... Доросши до директора совхоза, вышел в поле... и обнаружил капусту, наглухо заросшую сорняком. Собрал сослуживцев. Закрыв все отделения хозяйства. Объявил воскресник. И сам вышел! И полон капусту так истоиво, что другие угнаться не могли! По существу, то есть по стилю – это был поступок поэта... Который не писал стихов...

А может, и писал... в стол. То есть не публиковал.

Жена интересовалась причинами такого упорного молчания. Успокаивал её: – Света! Всё должно созреть и само упасть с дерева... Пока ещё рано.

Срок вышел – к тридцати восьми годам, когда из Якутии переехал в Москву. В ту пору в столичных изданиях круто делили площадь “правые” и “левые”. Надо было решать, с кем ты.

“Остановись – у бездны – на краю!...”

Остановился – не на краю, а в центре мироздания, раздираемого краями...

Подборки стихов взяли журналы “Юность” и “Наш современник”. Одновременно! Левые и правые...

Наутро проснулся знаменитым. Книги стихов стали выходить одна за другой. Шли переводчикам: в Испанию, Францию, Голландию, Грецию... На Украину, в Грузию, Армению, Белоруссию... В Прибалтику...

В душе — центром мироздания — оставалась Россия. И тот Якутский край, куда при Столыпине переехали деды... и который стал камнем исхода, предметом непреходящей любви и верности — упором души поэта Ивана Переверзина.

Я для характеристики лирического героя сосредоточусь на нескольких горячих точках, в которых нрав, опыт и смысл пути (к шестидесяти годам!) выявились особенно рельефно. Но далеко не безоблачно.

Любовь. Бой. Почва. Смерть.

“Любовь — как рана ножевая”

После всех разрывов супружеское счастье ликует в стихах, венчающих финальный раздел итоговой книги. Песнь торжествующей любви (и вся книга) завершаются той самой строфой, венчающей книгу “Северный гром”:

“Прости, прости, забудь навек обиды — // и для того, чтоб сохранить семью // и чтобы жизнь в любви святой увидеть, — // остановись — у бездны — на краю!.. “

“Злая жуть”, “чёрная ночь”, “ледяная тоска” вроде бы отброшены, но сторожат строку и душу, так что чувство выбирается “из-под спуда”.

Любовь полна и адских соблазнов, и райского блаженства. То и другое пережито и описано с подкупающей открытостью. Грехи, от которых невозможно удержаться (будь то пьянящая неотразимость крымских женщин, огненный на морозе поцелуй сибирской подружки, тень ресниц молодой мулатки, а то и распахнутые глаза одинокой московской девчонки, подымающейся в метро по эскалатору), — за “костёр страсти” приходится держать ответ, возвращаясь под сень семейного очага в “пепле и золе” с головы до ног...

*В аду сгорю я, чёртв грешник,
за то, что от шальной любви
построил вдруг такой скворешник,
что в нём подошли соловьи...*

Это не гимн супружеской верности, но и не гимн эротическому разгулу, это именно стык, встреча, очная ставка, попытка соединить то и другое, объяснить на тот и этот счёт.

Может быть, объяснения в реальности случались и острые, с ядовитыми определениями, с криками: “Подлец, подлец, я знала, знала, знала!”, — а однажды чуть не до ножей дошло... Но не это потрясает лирического героя в реакциях лирической героини на его грехи, а то, как она в самые роковые мгновенья — молчит.

Молчит — словно что-то знает. Знает о нём то, что сильнее слов. И знает, что “это” не объяснить.

Что — “это”? А сам герой — может ли объяснить себе, почему именно молчанье так околдовывает его в героине? Или это он наделяет её тем знанием, какое она должна в нём распознать? Понять то, что держит его душу (то ли изнутри, то ли извне), — какая-то сила, которую лучше всего отнести... ну, естественно, к компетенции Царя Небесного:

“Но пока ещё желаю, — // да прости меня Господь! // забрести под кущи Рая, // где познала счастье плоть...”

Для равновесия рядом с Господом — “ядрёна мать” (Переверзев мастер таких неожиданных, “нечаянных” оговорок, и они не кажутся дерзкими, а наоборот — странным образом успокаивают).

Успокаивают, потому что такое словесное совокупление надо принимать, как неизбежность.

Не оттого рушится любовь, что факты её рушат: измены провоцируют обе стороны или разница в возрасте мешает союзу сердец. Мешает что-то в самом характере лирического героя. Какая-то несдвигаемая тяжесть в самой основе лиризма. Словно герой обречён тащить и себя, и подружку. Конечно, влюблён. Но...

“Но путь всё больше в гору, в гору, // всё меньше, меньше под уклон. // Зря ищешь ты во мне опору — // напрасно я в тебя влюблён”.

Одновременно: влюблён и напрасно влюблён.

“Отчего ж тогда упорно чудится, что я и ты – // словно над рекою чёрной разведённые мосты?!”

Тут слово “упорно” куда существенней нечаянного каламбура со словом “развод”. Я ж говорю: “случайные” проговорки – не случайны у Переверзина. Хотя он и сваливает всё то на черта, то на Бога:

“Что-то есть в тебе от Бога, // но во мне от чёрта есть...”

Примем. А теперь проследим, как чёртова энергия изливается на общественное поприще.

А там что?

“По морде кулаком”...

Бой с врагами на общественном поприще предполагает знание того, кого бьёшь.

Поначалу ничего не видно, только слышны удары, да ярость застилает глаза:

“И я до хруста стисну зубы // и посмотрю судьбе в глаза // тем взглядом яростным и грубым, // что беспощаден, как гроза!”

Потом в этой грозе всё-таки проступают некие приметы. Экономно прорисованы! Но кое-что прочитывается. Там не товарищи – там господа. Там трепачи-балаболки, свистуны на руинах основ, либеральные крысы, которые всё охаивают. Там “бесстыдное кино”, “постыдный сброд”, подменяющий всё “сексом и СПИДом”. Но сколько бы они ни совали палки в колёса, ничего у них не выйдет... “да и потом – а что с них взять?”

Типично переверзинская проговорка, придающая делу шуточный оттенок. Но дело-то в чём? Где мы, где они?

“Прости, но разве мы не сами // свой поезд гоним под откос?..”

Эта проговорка уже граничит с прозрением. Ещё миг – и вечно блуждающая герценовская боль (“мы не врачи, мы боль”) оборачивается герценовским же вечным вопросом:

*Кто виноват? Кому с досады
по морде двинуть кулаком?
А может, надо, может, надо
остаться русским дураком?*

Замечательно! Настоящая поэзия как раз и узнаётся по духовному бесстрашию.

*И пусть вокруг чужие рожки,
и пусть в карманах медяки.
Но мы, мой друг, с тобою всё же
не дураки... Не дураки!*

Тут всё-таки страх осаживает стих в боевую стойку:

*Поднимемся и, как стихия,
неустрашимо рухнем вниз
на рожки, нам навек чужие,
на стаи нас грызущих крыс!..*

Ну вот, распределились: тут – люди, там – крысы.

Однако где гарантия, что две-три исторические драки спустя в памяти внуков и правнуков те и эти очередной раз не поменяются ролями? Или нам мало памяти о братоубийственной гражданской войне? Вроде бы помним всё, и поняли всё. И сказано всё:

*И потому в минуты тризны
помянем всех сынов Отчизны,
что шли упрямо рать на рать
в междоусобище проклятой,
брат не щадил родного брата
и шёл за брата умирать.*

Так! А после тризны всё-таки так и тянет двинуть по морде того дурака! Или этого... Или того и этого по очереди. Ибо они опять мелькают. Без особых примет. Не успеваешь разобраться, где кто, а кулаки чешутся.

Может, Всевышний вразумит?

“Я не просил у Бога счастья, // я просто брал его в бою...”

В бою – брал. И берёт. А вот удержать не получается. Не тут таится сила, которую чувствует верная жена в бойце-победителе, чьи триумфы оборачиваются покаянием. Не тут его опора.

А где? Чем он воистину держится? Где почва?

Почва. До Киева ещё далёко

А вот что близко. Деревня, где выросал. Брусника. Тайга. Зверьё. Трава вокруг могил. Упрямество травы под снегом. Огонь в печке. Ушанка, сдвинутая на лоб. Вековые мхи. Кандальный звон, застывший в ледяном воздухе. Оленьи унты. Зима, хиусом сдирающая кожу, стужею просвистывающая дома.

Дома, рубленные в лапу. Яранги. Охотничьи избышки. Тишь. Олонхо – песни якутов. Тысячелетние мелодии, возносящиеся к небу.

“Но немо свинцовое небо, // молчанью земли нет конца, // лишь ястреб темно и свирепо // кричит, добивая песца...”

И звери, и птицы, и люди...

“Здесь люди времени не знают, здесь люди вечностью живут”...

И вечность, и привычка...

“Я привык к обжигающей боли – // кто кого, до конца, на износ, – // и возмёшь ты за шкуру соболью // то ли жизнь, то ли иней волос...”

Иней волос – седина. Опыт, в котором мгновенье сливается с вечностью. Двужильность работника, охотника, таёжника. Плеск и шёпот Лены. Сосновый несмываемый загар...

Учтём, однако, что при всей отдалённости от столицы именно к Москве обращён зов души, и в мыслях – Россия, которую поэт должен воскресить стихами. И с нею – воскреснуть. По модели:

“Перестану валяться бессрочно // среди гиблых сибирских болот, // и тогда уж до Киева точно // мой язык как-нибудь доведёт”.

Замечательная проговорка: нет ничего глупее, чем в наше незалэжное время добираться до Москвы через Киев. Но без южного крыла, неотделимого от северного, не взлететь. И вот рядом с ледяными гранитами и вечными мхами контрапунктом возникает в стихах берёзовая заводь, цветут земляничные и черничные поляны, голоса щеглы, дрозды, скворцы и даже, прошу прощенья, соловьи, припадающие к розам.

Красиво поют? Можно бы опустить занавес?

*Но птиц, распевшихся красиво,
душою слушать продолжал,
как будто к ним себя счастливо
по воле Божьей приковал.*

Всё у Переверзина – по воле Божьей. Чуть не в каждом втором стихотворении поминается Всевышний. Иногда вскользь, в проговорку. Но иногда и в упор. И тут уже есть смысл вслушаться в диалог.

В диалоге этом (если отвлечься от вздохов “О, Господи!” или “Господи, прости!”, в которых тоже есть свой шарм) всегда чувствуется некая тяжесть со Всевышним. Зачем на земле несчастья? Сил не хватает? Бог приободряет: “Не всё предрешено”. То есть, может, сил и хватает. А если всё-таки не хватает, Он, “случись чего”, поможет. А не поможет – так придётся Ему простить. Слышите? Богу – простить! И расплатиться с Ним. Чем? Душой. Ибо “не только Богу, как в начале, но и себе принадлежу”. Иначе говоря: “Мне, человеку – человеку, // а Богу – Богово, конечно, // и будет в мире мир – всегда”.

Сомнительно, что при таком настрое будет мир. Вот уж, воистину, Бог нас, людей, создал, но и мы Его в ответ воссоздаём в сердце своём. Бог, конечно, поводырь, но человек идёт своим ходом и взаимодействует с Богом... не то чтобы на равных, но в таком контакте, когда можно сказать мягко, но твёрдо:

– Боженька, меня не тронь.

Взаимоупор: и мы перед Ним в ответе, и Он перед нами. За то, что у нас нет сил ни умирать, ни воскресать (заметим эту дилемму!). Душа не виновата, если о ней Бог забыл. И душу Богу лучше не обещать. Потому что чёрт тоже не дремлет... Ещё один взаимоупор.

В общем, Бог есть, но мир таков, что проблемы приходится решать так, словно Его нет или Ему не до нас. А если так, то дело не в Боге, а в нас.

Хотя, конечно, Он простит, если что. Если что – поможет. Особенно – в той любви, которая в этом мире всё время подвергается искушениям.

Травостой. Травопал. Траволёт

Два полюса у этого мироздания определяют колористическое напряжение: зелёный и синий.

Зелёный – цвет травы: “она растёт в воротах рая”, она “встаёт вокруг могил” – она “скрашивает общий фон” этой реальности.

Она стоит упрямо. Перегорает в пепел. Взлетает, подхваченная вихрем (что и побудило меня прибавить неологизм; “траволёт” к “травостой” и “травопалу”).

А синий – цвет неба, иногда – лазурный, иногда – яростный, грозовой. Но и грозовой необходим душе. Сердце – “синяя синица”, о синеву можно опереться, если есть крылья.

“Если породниться с небом, // то можно землю полюбить”.

Но контакт этих начал – небесного и земного – не радужный, а ранящий. Перейти грань, преодолеть пропасть можно, только если рискуешь душой. И телом. Отсюда лейтмотив: идти “по лезвию ножа”, “за шагом шаг, как по ножу”, “по лезвию клинка”. Иногда – по лучу, но и луч – как лезвие...

Жизнь вообще – путь по лезвию. Путь к смерти. Это, наверное, самый значимый лейтмотив у Переверзина: “жизнь подобна смерти”. “В смерти скрыта высь”; “Ведь если жизнь несёт грозу, // то смерть душе дарует крылья...”

То есть смерть – не конец жизни, а переход бытия в иное состояние, из которого бытие оживает вновь, чтобы опять перейти в таинство смерти.

Отсюда – переверзинские оксюмороны. Ад и рай – равны. Счастье или несчастье – неважно. “Я буду жить на этом свете, // я буду жить на свете том...” “Ведь если умирать, // то умирать от жизни, // сияющей, как свет...” “Помогите мне, друзья, // помогите с верной смертью!...” “Ад пережить сумею до смерти, // за рай приму однажды смерть...” “Смерть живую мёртвой жизни предпочту...”

Мотив слишком неотступный, чтобы быть случайным. Он явно связан в общем строем бытия. Строй бытия – или его расстройство – последний предел, на котором реализуется поэтическая истина.

Выбора нет: только через кровь, через боль, через пот. Через кровавый туман, через мрак, через огонь. Через молнии во тьме. Через тьму, которая сменяет тьму же...

Невозможно освободиться от мысли о “Числе Зверя”, которое проигрывает теперь “Слову” в вечной непримиримой борьбе. Человек в этом столкновении – обречён. Он – ближе к Зверю.

*Тот самый человек звероподобный,
которому печально глядя вслед,
мы думаем: он — сильный, он — свободный...
Но в силе и в свободе счастья нет.*

“Судьба с её печалью”

Счастье – мотив, достаточно сильно прозвучавший в поэзии тех авторов, которые, по меткому слову Бориса Слуцкого, оказались призваны к Слову – как “последнее из поколений войны”.

Поколение самого Бориса Слуцкого (“лобастые мальчишки невиданной революции”) пошло умирать за мировой коммунизм, ощущая невиданное счастье. Как и их младшие братья, спасённые довоенные дети, которые готовы были умереть всё за то же всемирное счастье. Совсем другое почувствовали

поэты, родившиеся уже в войну и вставшие на ноги в послевоенные скучные годы. От смертельного 1941-го до 1953-го, когда смерть генералиссимуса отчеркнула эпоху, — эти уже ни в какое светлое будущее не поверили, да и в Систему вживаться отказались — ушли в “сторожа и дворники”, только бы не иметь дела с химерами, из-за лживости которых “счастья нет”.

Нужно было дождаться поколения, которое преодолело бы безверие и, придя в жизнь уже в послесталинские годы, попробовало бы справиться с этим неподатливым миром.

Иван Переверзин рождается в переломном 1953 году. Двужильность, ощущаемая в его поэтическом характере, — не только от северной таёжной закалки, а ещё и от веры в то, что жизнь всё-таки сильнее смерти даже там, где смерть сильнее жизни. И что есть силы жить и воздействовать на этот мир, даже если он не поддаётся воздействию.

Только мир уже не похож в сознании этого поколения на тот, которому счастливы были служить мальчишки военной и социалистической эпохи. Никакой коммунизм теперь никому не светит. Миражи исчезли.

Каким-то подспудным чутьём новые властители дум (им около шестидесяти, и страна, можно сказать, в их руках), каким-то тёмным подсознанием чувствуют эти вошедшие в силу люди, что мир неподатлив, маловменяем, неисправим.

А всё-таки поддаётся!?

Да... если твёрдо стоять меж землёй и небом.

Отсюда — парадоксы Ивана Переверзина.

*От неба взгляд не оторвёшь
и вслед за ним не полетишь.
Как бы живёшь — и не живёшь...
Как бы горишь — и не горишь...
И существую так давно!
За что? Неясно самому...
Но так вокруг меня темно,
что вижу я за тьмою тьму...*

За тьмою тьма — это значит: за светом свет! Сколько бы не представлялись свету... .

* * *

На этой оптимистической ноте я закончил статью о Переверзине, написанную на стыке первого и второго десятилетий Нового века (и Тысячелетия!).

Пять лет, прошедшие с того момента, были мучительными: по неожиданности поворотов глобальной ситуации. И по горькому осознанию того, что общечеловеческий рай оказался недостижим.

Судьба довела нас до такой горечи, когда язык (язык нашей многонациональной Державы?) довёл-таки до Киева... .

По ходу этих лет я по-новому почувствовал поэзию Ивана Переверзина. И роль его поколения в этом карнавале, то есть в *преставлении светов*. Роль, которой оно, кажется, надеялось избежать: сбежать “в сторожа и дворники”. Это был бы лёгкий исход. Реален — тяжёлый.

В гимне торжествующей любви (и в гимне торжествующей Державы) вдруг проступило то, что подспудно якорило стих Переверзина: свинцовая тяжесть.

Изначально? Да. Счастьем дышало сибирское детство, счастьем дышала юность среди чистых снегов. Хотелось, раскинув руки, *опереться о синеву!* Так откуда мысль, что в синеве небес — “там крови нет, там нет разлуки”? Там — нет. А тут — есть!

Тут — и боль, и ад, и кровь — в необъяснимом таинстве подсознания. Пейзажи детства? Тяжёлый, горький дым заволакивает линию горизонта. Хочется уйти от тревоги... куда? В лес, по дороге, заросшей травой... .

“Трын-трава”? Нет, адские боли, кровавый туман. И тяжесть — непонятно откуда.

Станет ли это понятно, когда из счастливой сибирской молодости перевалит судьба на столичные трассы, взвалив на тебя ответственность?

Враги объявятся?..

А как же! Всё те же “либеральные крысы” и прочие порождения свободы чистогана. С этими – бой насмерть!

Хуже другое: когда не знаешь, кто друзья и кто враги.

Как быть, когда “врагами становятся братья...”

Вот с чем невозможно ни примириться, ни справиться. Беды сторожат отовсюду, но страшно, когда “в беде против воли // надо счастье искать”! Когда “душа не знает, что со мною, // и я не знаю, что с душой”.

Во что упереться? В стихе крепнет что-то... стальное. Что-то бетонное. Что-то гранитное. Выдержать!

Что выдержать? Смерть? Эка невидаль! Выдержать неразличимость жизни и смерти. Круговерть неукротимую!

“Неукротимая судьба: // и смерч, и круговерть, // где борет жизнь саму себя, // где смерть идёт на смерть”.

Вот с этой судьбой – попробуй сладить!

Поколение, получившее в наследство кладбище химер (в которые верили мы, идеалисты советской закалки!) и развалины Державы (которую они сами же и разваливали в экстазе Перестройки...) – поколение это переходит теперь на седьмой десяток.

Надо отвечать распаду. Нет больше укромных мест, где можно спрятаться от Державы. (От какой? Демократичной? Тоталитарной? Да уж какую судьба даст!)

А вдруг ты ей уже не нужен?

Стань нужен!

Впрочем, по-русски: сначала выпей.

“Пью за страну, // которой я не нужен // какой – забыл уж – // распроклятый год...”

Распроклятый может ведь обернуться и *праведным*... Как жизнь и смерть, которые запросто меняются местами. Вот для чего нужен гранит в характере: выдержать это!

*Только я хотел бы больше жизни
жизнь на смерть сегодня поменять,
чтоб отца увидеть после тризны,
чтоб увидеть после тризны мать...*

Вселенная распадается – душа упорствует:

*Милые, желанные, родные!
Как вы там, на небе, без меня?
Мне в глухой, брошенной России
одному не выжить средь огня.*

Огонь – беспредельно-адский. Он же – профессионально-прицельный:

*Посмеюсь, порадуюсь без меры
за себя, за вас, за даль, за близь.
И, шагнув на выстрел револьвера,
вновь в упор увижу смерть и жизнь.*

Не будем придирааться к рифме: “близь – жизнь”. Тут не рифма главное. Главное – упор, который всё это держит...

Упор!

РОМАН СЕНЧИН

ДЯДЯ ВАСЯ

РАССКАЗ

Соседнюю с нашей пятиэтажку называли ветеранской. Может, в шестидесятые, когда её сдали, в ней и поселили в основном ветеранов, но к началу восьмидесятых их там оставалось человек семь-восемь. Кто-то переехал, кто-то умер...

Эти оставшиеся были ещё не старыми. Имели “Москвичи” и “Запорожцы”, один, очень невысокий, — пацаны лет в четырнадцать перегоняли его в росте, — с обожжённой половиной головы (даже волосы не росли), гонял на “Урале” с люлькой и иногда катал нас, ребяташек, по кварталу — мимо хоккейной коробки, кафе “Огонёк”, металлических складов, которые ни разу на моей памяти не открывали, ничего в них не загружали, ничего не выгружали...

Тогда, в начале восьмидесятых, как раз началась дачная лихорадка — люди разбирали участки, но не для отдыха, а под картошку, грядки, — и ветераны были в первых рядах дачников-огородников; они часто ездили в тайгу и по вечерам, вернувшись, мыли, чистили грибы во дворе, перебирали ягоды, громко обсуждали поездку.

Были среди них рыбаки, были охотники. Помню, однажды кто-то из ветеранов привёз на крыше своего “Москвича” тушу сохатого и, порубив её, затащил на балкон. Не забыл одарить кусками багряной, кровянистой мякоти и наблюдавшую за процессом ребятню.

СЕНЧИН Роман Валерьевич родился в 1971 году в городе Кызыл Тувинской АССР. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первые публикации в Москве — в журнале “Наш современник”. Автор романов “Минус”, “Нубук”, “Ёлтышевы”, “Информация”, сборников рассказов “Иджим”, “День без числа”, “Абсолютное соло” и др. Живёт в Москве.

В общем, ветераны были людьми очень активными, жизнелюбивыми, умели и хотели радоваться жизни. Правда, внешности их, кроме того, с обожжённой головой, и их имена забылись, стёрлись. Мне запомнился другой ветеран. Наверняка не войны ветеран, но тем не менее...

Его звали дядя Вася.

Он был огромный и грузный, вечно насуспенный. Волосы густые, без единой тёмной проталины седые... Сидя на лавочке у подъезда, он с прищуром следил за прохожими, за играющими детьми, соседями. Носил всегда одно и то же — чёрные блестящие сапоги, синие широкие штаны вроде галифе и серовато-белую рубаху с нагрудными карманами, очень похожую на гимнастёрку. В холодное время надевал короткий полушубок, каракулевую папаху. Часто держал в руке прутик, похлопывал им по сапогам, по асфальту...

Дачи его семья не имела, машины тоже. Да и не могу сказать, была ли у дяди Васи семья. Запомнил его одного — одиноко сидящего на лавочке. Не спокойно сидящего, а как-то вынужденно. Казалось, появившись во дворе подобный ему огромный и мощный человек, вели идти за собой, он поднимется и пойдёт. А по пустякам и шевелиться не стоит. И на своих сверстников — дачников-рыбаков-охотников — он смотрел с какой-то обещающей ухмылкой. “Давайте-давайте”, дескать.

Правда, у него тоже были увлечения. Огородил часть двора и посадил там несколько лиственниц, ёлок, кусты жимолости и голубики. Наш двор был истоптан — ни травинки, лишь несколько толстых кривых тополей, посыпавших землю в июле душистым пухом, а у соседей вот кусочек леса настоящего.

Всё бы хорошо, но дядя Вася опутал этот кусочек колючей проволокой и гонял всех, кто пытался на него проникнуть. А проникнуть очень хотелось — так соблазнительно синели на кустах ягоды, иногда выскакивали и грибы — маслята, волнушки, обабки... По сути, дядя Вася целыми днями и сидел на лавочке для того, чтобы охранять свой лесок, для защиты и прутик в руке держал.

В жару он выносил на улицу шланг, присоединял его к торчащему из стены дома крану и поливал лесок, брызгал ледяной водой и на бегающую по двору малышню. Однажды облил и меня, и я заболел ангиной. Помню, мама ругалась: “Я говорила тебе не подходить к нему?! Почему ты не слушаешь?” А отец отправился разбираться с дядей Васей.

Не знаю, чем там у них закончилось. Но после этого дядя Вася стал на меня шуриться особенно злобно, а я старался держаться от него подальше. Вообще с ним почти никто не общался. Некоторые, проходя мимо дяди Васи, презрительно и в то же время боязливо на него поглядывали... Довольно долго я не мог понять, почему люди к нему так относятся...

Ещё одно увлечение дяди Васи казалось нам, пацанам лет десяти-пятнадцати, очень странным. Каким-то таинственно-зловещим.

В пятиэтажках были подвалы. В подвалах — клетушки для хранения разных вещичек, а главное — для дров и угля. Дело в том, что изначально горячей воды в квартирах не было, в ваннных стояли титаны: печка с длинным, до самого потолка, баком. Воду для мытья посуды грели на плите, умывались в основном холодной водой, а титаны топили по субботам. И с утра мужчины возле подъездов рубили какие-то палки, кололи полешки. “Банный день” было для нас, городских жителей, не пустым понятием, а заготовка дров — важным занятием. Несли с прогулок рейки, сухие ветки, штакетины, обломки досок...

К середине восьмидесятых в дома провели горячую воду, титаны повывбрасывали, а подвалы пришли в запустение. Они и до этого мало использовались — замки постоянно кто-то сбивал, трубы лопались и заливали пол, по стенам расплзался грибок; хранить там что-то ценное было опасно.

Но дядя Вася подвал под своим подъездом оборудовал как следует и устроил там нечто вроде спортзала. И часто мы сквозь щель в зарешёченном и занавешенном окошечке подглядывали, как он поднимает гири, подтягивается на вделанном в стены стальном стержне, отжимается... Нам это представлялось тогда чем-то нелепым, но пугающим — старику лет под семьдесят,

а он занимается физкультурой. Может быть, мы бы и смеялись над дядей Васей, если бы он не был таким огромным, здоровым, мрачным. Шутки с ним могли закончиться плохо...

Магазины — хлебный, молочный, гастроном — находились на другом конце квартала. Нужно было пройти метров триста по центральной улице нашего небольшого, зажатого горными хребтами, города.

Дядя Вася отпраплялся в магазины нечасто, и каждый выход становился чуть ли не событием. Одевался в выходное: летом это было нечто вроде френча, зимой — полушубок с золотистыми овечьими кудряшками. На голове папаха, но не та, потёртая, с проплешинами, в которой он сидел во дворе, а новенькая, блестяще-чёрная. На ногах летом сапоги, тщательно вычищенные, а зимой — белые бурки с чёрными полосками.

Шёл дядя Вася по тротуару медленно, твёрдо ставя ноги на асфальт; оглядывал окрестности, трудно ворочая головой на короткой шее. Руки обычно держал за спиной, в них покачивалась большая лакированная сумка. С сеткой — которую у нас никто авоськой не называл — дядю Васю не видели.

Обратный путь он совершал через дворы. В одном из них на скамейке, но не возле подъезда, а поодаль, под большим тополем, сидел древний старик. Он был тоже в полувоенной одежде, тоже в папаче, или, может, в кубанке. На груди у него красовался орден Красного Знамени. Круглый, без колодки, совсем такой, как у героев гражданской войны в учебниках истории. И главное — старик опирался не на палку, а на ножны от шашки!..

Мы, пацаны, иногда пытались подсесть к старику, порасспрашивать его, но он отмахивался, бормотал: “Бегите гуляйте... — И очень быстро начинал сердиться: — Ну, кому сказано!” Иногда совал кому-нибудь из нас ириску или карамельку в засалившейся обёртке...

Дядя Вася садился рядом с этим загадочным стариком, и они закуривали папиросы. Так-то дядя Вася почти не курил... Не вспомню, чтобы о чём-то разговаривали, что-то обсуждали. Но такое единение было в их молчаливом курении, будто они без слов передают другу важное, необходимое...

На некоторое время поблизости от старика во дворе противоположного дома появился парень в форме десантника. Голубой берет, тельняшка под кителем... Ребята из того дома рассказывали, что парень подарил им свой мотовел, и теперь вот сидит и о чём-то всё думает, никого не подпускает с вопросами... Очень быстро этот десантник исчез, ребята сказали: “Уехал”. Но несколько недель он и старик представляли собой загадочное и жуткое зрелище...

О войне наши ветераны не рассказывали, а если их всё же приводили в школу, вспоминали что-нибудь забавное из солдатской жизни, так что война нам казалась не страшной, а скорее увлекательной, как наши собственные игры в войнушку... Военную одежду они не носили, предпочитая рубашки, майки, трико, которое позже стали называть трениками.

Иногда, правда, отпрапляясь в какое-нибудь учреждение, ветераны нацепляли на свои гражданские пиджаки орденские планки, которые, видимо, должны были служить дополнительным аргументом, что ту-то или ту-то их просьбу, требование нужно удовлетворить. Правда, заметно было, что ношение наград особого удовольствия ветеранам в то время не доставляло.

У дяди Васи же всегда на летней рубахе-гимнастёрке или на френче был некий овальный значок с мечом, поверх которого золотились серп и молот, и их обрамляла кроваво-красная лента... Долгое время этот значок был для меня загадкой, но недавно в интернете я наткнулся на его изображение. Оказывается, это был знак заслуженного работника НКВД.

Понятно, почему дядя Вася вёл такую одинокую жизнь во дворе — без друзей, один на лавочке у подъезда, без разговоров и шуток...

Запомнился случай, когда дядя Вася решил присоединиться к кружку ветеранов. Было это, скорее всего, девятого мая восемьдесят пятого года, в сорокалетний юбилей Победы.

Утром на площади состоялся парад, в этот раз особенно мощный: мимо памятника Ленину и трибун рядом с ним промаршировали колонны расположенного в республике мотострелкового полка, солдат внутренних войск (колоний рядом с городом хватало), пограничного отряда (граница была не-

далеко), милиционеров, проехали несколько БМП и грузовиков с орудиями, “уазики-таблетки” с крестами медицинской службы на боках. Танки пускать не решились, чтоб не попортить и так вечно истресканный асфальт.

Ветеранам вешали на грудь юбилейные медали, ордена Отечественной войны, дарили цветы... Ближе к вечеру во многих дворах города были накрыты столы, и ветераны со своими семьями, с соседями стали отмечать праздник с выпивкой и закуской, с песнями, невесёлыми, но душевными, щиплющими душу... Мы, хоть уже не пацанята, которым всё можно, тоже были здесь. За стол не лезли, слушали, что говорят старшие, как поют. Но принимали подаваемую еду, понемножку вина в стаканах. “Только родителям не говорите”, — подмигивали старики.

И тут появился дядя Вася. В парадном своём френче, но без непременного знака с мечом. В руке держал бутылку водки. Пытался улыбаться, но улыбка получалась не очень — кривая какая-то, неприветливая.

Подошёл, поставил бутылку на стол. Сказал громко:

— Поздравляю, товарищи!

— А ты чего? — вдруг вскочил один из ветеранов, обычно тихий, интеллигентный, носивший серую шляпу с дырочками. — Ты-то чего? Не твоя она, победа! — Видимо, он прилично выпил уже, потому и сорвался. Но никто его не стал останавливать, смотрели на дядю Васю враждебно.

— Да, да, вы там их били, — захрипел дядя Вася, и огромное мясистое лицо его стало тёмно-красным. — Вы там, а я — тут... Тут их тоже хватало. И они бы в спину вас!.. И ещё... вот увидите ещё, как они поднимутся, недобитые. Они ещё такое устроят! Вспомните!..

Дядя Вася взял бутылку и медленно, тяжело впечатывая ноги в асфальт, двинулся к своему подъезду.

Наверняка никто тогда, тёплым вечером 9 мая 1985 года, не придавал значения его словам. Почувствовали облегчение, что ушёл. И, видимо, чтоб разбить давящую тишину, жена обожжённого танкиста, полная, румяная бабушка, запела девичьим голосом:

*Вот кто-то с го-орочки спустился,
Наверно, милый мой идё-от!..*

Другие женщины подхватили, прижались к своим мужьям...

А потом началась перестройка. Сначала радующая и воодушевляющая, а потом пугающая, тревожащая. Конец её всем известен.

Всё рушилось и разваливалось. И что-то, словно их чем-то отравили, происходило с людьми. Или мне так сейчас представляется?..

Мы, десяток пацанов из соседних пятиэтажек, выросли. Одни уходили в армию, другие садились в тюрьму... Как-то раз, зимой, в выходной день, несколько ребят зашли за мной: “Поехали на дачи”. — “Зачем?” — удивился я. “Ну так, походим”. То ли были какие-то дела, то ли просто лень удержала, и я не поехал. А через несколько недель в школе состоялось общее собрание. Обычно устраивались комсомольские, а тут — общее, с первого по одиннадцатый классы... Всех согнали в актовом зал и объявили: “Пятеро наших учащихся арестованы! Они грабили садовые домики, ломали мебель, уничтожали то, что создавали люди честным и тяжёлым трудом!”

Четверых за это посадили, один, младший, которому на момент совершения преступления не исполнилось четырнадцати лет, остался на свободе. И тут же поползли разговоры, что его убьют. Его и убили через год-полтора — нашли в сквере с проткнутым горлом. Вокруг — круговые дорожки крови. “Долго метался, — говорили знатоки, — пока кровь не кончилась”. Кто убил — так и не узнали. Да и, кажется, в то время, в конце восьмидесятых, уже не особо упорно искали.

Убийств в городе становилось всё больше и больше. Всё чаще и чаще привозили из армии парней в железных гробах. “Это не железо, — как-то раз объяснил один взрослый мужчина. — Это — цинк. Чтобы трупы не портились”. И вскоре по городу, из квартиры в квартиру, поплыла запись тихой ядовитой песенки: “Берегите цинк, цинк — подрастает ваш сын”.

Хоронили в то время из квартир. Сутки или двое гроб стоял в большой комнате, вокруг сидела родня и друзья. Потом выносили гроб во двор, ставили на табуретки. С покойником прощались соседи. Грузили в открытый кузов грузовика и медленно везли на кладбище, бросая на дорогу пихтовые ветки. Обгонять процессию было не принято, и часто возникало то, что потом стали называть пробками...

Два цинка привезли и в наш квартал. Не друзья мои в них лежали, но хорошо знакомые парни. Из той же школы, в которой тогда доучивался я... Ездил на кладбище, смотрел, как рыдают над закрытыми гробами их матери, растерянно и виновато смотрят в ямы отцы; самовольно вскрывать цинк тогда никому и в голову не приходило, хоронили вот так... Одного, как говорилось в документах, убило лопнувшим тросом в Туркмении, другой сорвался на машине в ущелье в Киргизии. Но люди были уверены, что оба погибли в Афганистане. В далёком, непонятном, зловещем *Афгане*.

Закончился Афганистан — появились в газетах статьи про дедовщину. Страшные статьи. Призывники ломали себе руки и ноги, глотали стекло, чтоб не идти в армию...

Магазины пустели, за каждой выброшенной на прилавки мелочью выстраивались очереди; в винных отделах случались настоящие побоища... Помню такую сцену в одной из очередей.

Молодой парень орал на старика: “Чё ты мне кровью своей тычешь?! Чё тычешь-то?! Я её не проливал?” — И стал колотить протезом руки о стену... Тупой стук пластмассы...

Дядя Вася появлялся на своей скамейке всё реже. Кусочек леса не поливал — кран в стене в целях экономии воды заварили, — и кусты засохли, нижние ветки ёлок висели серыми космами... Выбираясь во двор, дядя Вася уже не хмуро оглядывал людей, а печально и сожалеюще как-то. Как неизлечимо больных, что ли... Или снова это представляется из сегодняшнего дня мне, знающему, что после восьмидесятых будут девяностые, что наш город, столица одной из автономных советских республик, превратится в огромный азиатский аал?..

Летом восемьдесят девятого года я с горем пополам (куча троек в аттестате, по химии так и вовсе “прослушал”) окончил школу и рванул на другой конец страны, в Ленинград. Поступил в строительное училище, но становиться строителем и не думал, да и никто из ребят в нашей группе не видел себя в будущем маляром или плиточником, — все пользовались бесплатной крышей над головой, халявной кормёжкой, чтобы устроиться получше, или, на худой конец, оторваться перед армией. Я был в числе этих вторых. Рок-концерты, музеи, девчонки, “Пшеничная” водка, обмененная на талончики на сахар и мыло...

Через два с лишним года, в конце декабря девяносто первого, в шинели с сорванными погонами (гражданский человек, паспорт в кармане), в своих доармейских кроссовках, купленных у кооператоров на Некрасовском рынке, я вернулся домой — в маленький город, окружённый горами.

Шагал от автовокзала и удивлялся, почему это в семь часов вечера улицы пусты — ни одного прохожего, машины редки, проносятся на бешеной скорости, будто от кого убегая... Удивлялся, но ликование было сильнее: отслужил благополучно, не попал ни в какие горячие точки, которых после Афгана стало полно на территории родной страны. И дедовщина меня миновала.

Завернул по пути в гастроном, хотел кушать младшей сестре коробку конфет (деньги были) и остолбенел. В нашем гастрономе было чисто и гулко, из товаров — детское питание “Малыш” и какая-то мочёная трава на тарелке.

— А ты как, пешком шёл? — вместо приветствия испуганно спросила мама. — Да ты что?! Одному нельзя по темноте... У нас тут такой бандитизм!..

Позже, во время праздничного ужина, состоявшего из обильных домашних солений и тушёной брюшины с пшеничной кашей на горячее, родители рассказали:

— А тут этот, дядя Вася, умер. Буквально за неделю до твоего приезда... И ведь как не поверишь в приметы... Плохой это был человек, много зла людям сделал. И вот — когда стали гроб с ним выносить из квартиры,

он на площадке не поворачивается... Огромный же этот был. В морг его не возили — что ж, старый человек... В квартиру гроб боком подняли, а тут-то прямо надо. И — никак... Вынули, на одеялах вынести, во дворе обратно положили. А он уже портиться начал, так что... Извини, что за столом говорим об этом... На кладбище почти никто не поехал — мороз, да и не было охотников с ним прощаться.

— Тех бы, кого он в ГУЛаге замучил, поднять, — добавила сестра, — они бы с ним по-своему попрощались.

Я кивал, конечно, был согласен. А через несколько дней, наблюдая по телевизору, как спускают в Кремле флаг СССР, вспомнил слова дяди Васи, сказанные ветеранам войны за семь лет до этого, девятого мая восьмидесятого года: “Тут тоже врагов хватало. И они бы в спину вас!.. И ещё увидите, как они поднимутся, недобитые. Они ещё такое устроят!”

Немного позже нам объяснили, что Советский Союз был давно обречён, что социализм является нежизнеспособной формой, что почти все подвиги — миф, великие стройки — блеф... Но кто объяснил? Не те ли враги, с которыми боролся и из-за чего стал презираемым окружающими сумрачный дядя Вася?

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

РУССКАЯ ГЛУБИНКА

В январе 2015 года в редакцию журнала пришла по почте из далёкого южноуральского городка Куса толстая бандероль, в которую было вложено письмо от сотрудницы местной библиотеки Валентины Николаевны Руденко и три альманаха в мягкой обложке, изданные коллективом литературного объединения “Кусинские зори”. Сборник стихов и прозы, названный рубцовской строчкой “Тихая моя родина”, вышел в свет к 235-летию родного города с трогательным обращением к читателям: **“Эта книга родилась из чувства любви и благодарности к нашей Родине, большой и малой. Россия переживает такие трудные времена, что каждое доброе сердце сегодня полнится болью и тревогой за неё, за судьбы детей, за нашу культуру, за души человеческие... Только б жива была Родина наша! Только б не сломались её сыновья и дочери, только бы хранили высоту духа, верность родным традициям, что завещали отцы и деды! Чтобы славно трудились, защищали Отчизну, растили детей, дружно жили, творили хорошие песни... Книга наша – дар земляков к юбилею родной Кусы. Мы свято чтим память наших любимых поэтов, писателей – Василия Белова, Валентина Распутина, Николая Рубцова, Анатолия Передреева. Им мы даём слово в нашей книге. Здесь звучат и скромные голоса “зорян”, и голоса классиков России. Наши души неразделимы...”**

В другом сборнике с названием “Свет кусинских зорь” опубликованы стихи и проза авторов местного литобъединения. А на обложке третьего в центре стоят знаменитые слова: **“Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами”**. И это историческое изречение, как икона клеймами, обрамлено по периметру фотографиями, а точнее – ликами уроженцев кусинской земли, советских воинов в фуражках, ушанках, пилотках, бескозырках, лётных шлемах, воинов в портупяхах, мундирах, тельняшках и гимнастёрках, воинов с медалями, орденами, погонами, нашивками, орденскими планками. А на груди одного из них – Золотая Звезда Героя Советского Союза. Книга эта, как сказано на её титуле, была издана к юбилею “нашей священной победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”. Глядишь на эти лица и вспоминаешь строки Николая Рубцова:

*Как много жёлтых снимков на Руси
в такой простой и бережной оправе!..
И вдруг открылся мне и поразил
сиротский смысл семейных фотографий.*

И семейных выцветших фотографий в этих альманахах немало.

... При слове “литобъединение” моё сердце дрогнуло. В пятидесятых годах прошлого века, поступив на филфак МГУ, я погрузился в жизнь литобъединения, которым руководили Павел Антокольский и Николай Старшинов. После университета, работая в сибирском городке Тайшет, я сам создал литобъединение при районной газете “Сталинский путь”. Вернувшись из Сибири в Москву в 1960 году, я тут же нашёл необходимую мне “Магистраль”, которой руководил поэт Григорий Михайлович Левин, при Центральном Доме железнодорожника. Но ни в одном из этих литобъединений не было столь разнообразной плодотворной и необходимой для общественной жизни атмосферы, какая открылась мне после знакомства с “Кусинскими зорями”.

Это литобъединение появилось на свет аж в 1959 году и работает поныне – само по себе это вызывает восхищение! За 55 лет существования оно стало подлинным очагом культуры для города с населением в 20 тысяч человек и для всего района.

При нём выросло несколько поколений местных литераторов, краеведов, музыкантов, историков, бардов, самодеятельных артистов. За 55 лет силами литобъединения иногда при поддержке местных властей, а иногда и без неё, было издано более сорока поэтических, прозаических, исторических и краеведческих книг. А сколько за это время проведено встреч с читателями трёх кусинских библиотек, со школьниками, с колхозниками во время выездов в сёла! А начиная с середины 90-х годов прошлого века, благодаря усилиям руководителей литобъединения Веры Бондаревой, Аркадия Ершова, Валентины Руденко, “Кусинские зори” стали страстным пропагандистом журнала “Наш современник”.

Все юбилеи журнала и его авторов – Василия Белова, Валентина Распутина, Вадима Кожина, Николая Рубцова и многих других, известных всей России писателей – стали своеобразными литературными праздниками в кусинских библиотеках. Мало того, в бандероли, полученной из Кусы, оказались отпечатанные типографским способом проспекты с портретами и стихами Нины Карташовой, Марины Струковой, Дианы Кан и Захара Прилепина под заголовком: **“Они – голос века. Знакомьтесь: молодые авторы “Нашего современника”**. Составители сборника “Тихая моя родина” опубликовали на его страницах не только своеобразную антологию современной поэзии, составленную из стихотворений Николая Рубцова, Анатолия Передреева, Юрия Кузнецова, но напомнили своим читателям о высочайших образцах русской лирики, поместив рядом со стихами наших современников стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Есенина, Блока. Мало того, страницы альманаха украшены отрывками из повестей Валентина Распутина, Василия Шукшина, Фёдора Абрамова, афоризмами из произведений Михаила Пришвина, Сергея Рахманинова, Георгия Свиридова, Михаила Шолохова, Митрополита Санкт-Петербургского Иоанна... Как же надо любить русскую литературу – найти в творчестве этих великих сыновей России слова и мысли, столь необходимые русским людям именно сейчас, в наше трудное время!

А как радостно было обнаружить в альманахе рубрику “Творчество школьников”, рассказывающую в стихах и прозе о Кусинской земле, о любимой улице, о том, как дети летом трудились на сенокосе, об учителях, о работе краеведческого клуба “Истоки”... Из такого рода чувств и образуется то, что называется патриотизмом, и то, что вдруг вылилось на бумагу из-под пера ученицы пятого класса 9-й кусинской школы Насти Макеевой: **“Возвращалась я из школы домой. А идти мне надо по запрудскому мосту в конец Запруды. Вот сошла с моста и вижу надпись: “Улица Зои Космодемьянской”**. Я удивилась и чуть не воскликнула: **“Так ведь я её знаю! Знаю, кто такая Зоя Космодемьянская!”** О смелой девушке-комсомолке я прочитала книгу **“Повесть о Зое и Шуре”**, которую посоветовала учительница истории, а написала мама Зои – **Любовь Тимофеевна Космодемьянская**. У меня даже настроение стало радостней. Прохожу мимо магазина запрудского, смотрю с любопытством на табличку: **“Улица Александра Матросова”**. И опять в душе восторг: **“И про него знаю!..”** Учительница Вера Ивановна Сосненко рассказывала нам о подвиге юного солдата Матросова, который погиб, защищая Родину... Я с чувством гордости подумала: **“Как хорошо, когда знаешь людей, именами которых названы родные улицы! И названы они не зря...”** Прошла ещё квартал, увидела, что следующую улицу называли именем **Олега Кошевого!** А нам о нём тоже рассказывали! И не только на уроке.

Во вторник, 14 мая, была Радоница, по-народному – день памяти Родителей, и мы с мамой решили поставить в церкви свечи и помолиться за упокой души всех погибших молодоговардейцев”.

В наше время, когда русофобская пятая колонна много лет пытается обоглгать и унижить нашу Победу, такие мысли и чувства кусинской пятиклассницы дорогого стоят. Такие, как Настя, когда станут взрослыми, конечно же, никому не дадут очернить или “пересмотреть” историю нашей войны и нашей Победы. А на коллективных фотографиях, отпечатанных в альманахах, стоят ветераны войны на городской площади в День Победы, и глядят с этих коллективных фотографий на нас женщины – труженицы тыла в стёганных телогрейках и полушалках – усталые, сосредоточенные лики великого русского простонародья.

*Всматриваясь в выцветшее фото,
всё, как есть, приму и всё пойму
в монументах временной работы
вечному народу моему, —*

писал один тайшетский молодой поэт в стихотворении “Доски почёта”...

В заветной бандероли, присланной из Кусы, были и фотографии библиотечных выставок, рассказывающих об истории праздника, прошедшего в юношеской библиотеке им. В. А. Савина под девизом “Литературное кафе “Наш современник”, об открытии которого было рассказано в короткой газетной заметке.

“Сегодня нам очень не хватает душевности. Каждый выживает, как может. Отчуждаемся друг от друга, без душевного общения жизнь становится убогой и печальной. А ещё не хватает сегодня одухотворённости людям, мало читают... И вот поэтому важным событием стало недавно открытие “Литературного кафе” в Кусинской юношеской библиотеке.

В такой неожиданной, оригинальной форме проходил вечер литобъединения “Кусинские зори”, сценарий его составила Д. А. Султанова, заведующая Юношеской библиотекой. В этом “Литературном кафе” люди получали “витамины” для души и ума, им дарили духовную пищу – высококачественную, добрую... Здесь постоянно звучало имя Пушкина, ведь “кафе” назвали “Наш современник” – в честь пушкинского журнала, традиции которого сегодня продолжают лучшие писатели России. И цель наших встреч в “кафе” – знакомство с творчеством современных поэтов и прозаиков, а также общение с вечно-прекрасной классикой. В этом ведь и состоит главная суть библиотечной работы.

Красную ленточку при открытии “кафе” разрезала от “Кусинских зорь” В. Н. Руденко, и публика пошла в прекрасно оформленный зал с нарядными столиками. Здесь была экспозиция “Словом утверждать добро”. Смотрели с фотографий знакомые лица В. Белова, Н. Рубцова, В. Распутина, В. Солоухина и др. А на выставке – Тютчев, Гоголь, Кольцов...

Замечательно выступала ведущая Д. А. Султанова, председатель литобъединения В. Н. Руденко рассказала о том, как Пушкин создал журнал, который стал трибуной поэта и гражданина, собрал плеяду лучших сынов Отечества, защитников русской истории и культуры. Звучали прекрасные стихи. На всё отзывались искренно наши сердца, это видно было по лицам слушателей. В процессе вечера были вопросы и ответы. Нас знакомили со свежими номерами журнала, с книгами Ст. Куняева, А. Проханова, Ю. Бондарева, А. Лиханова, В. Кожина и других патриотов России. Вообще “литературное меню” вечера было очень насыщенным.

Сюрпризом стала музыка!.. С нею, будто весенний ветер, ворвался и растворился в стихии вечера.

Как выступал музыкант Азамат Ишемгулов! Читал стихи, пел под гармонь Н. Г. Рыбак, выступал прозаик Ю. С. Цепилов, а также молодой поэт Алексей Лавров.

Особенно душевным бывает вечер, когда все дружно поют народные песни. Под баян В. В. Пахтусова мы с удовольствием пели любимые песни, и это прибавляло сердечности нашему вечеру. Много хороших песен

пел для нас и играл на гармошке В. В. Сотников. Невольно подумалось: и поэт Есенин тоже играл на гармошке, и Рубцов, и Белов... Всё прекрасное, умное делает нас лучше, а нашу жизнь – радостнее. Спасибо Юношеской библиотеке и “Кусинским зорям” за то, что подарили нам чудесный вечер за дружескими столиками “Литературного кафе”.

Любовь ВАСЕНЁВА, учитель литературы”

А на экземпляре альманаха “Тихая моя родина”, подаренном “от имени литобъединения “Кусинские зори” автору “Прощания с Матёрой”, каллиграфическим почерком выведена обширная дарственная надпись, которая заканчивается так:

“Родному писателю с чувством великой благодарности <...> Желаем Вам жизнестойкости и всегда помните: те, кто остался народом, вся добрая Россия – всегда с Вами, за Вас!.. Спасибо за Вашу светоносную душу, за верное служение России. Да будет наша любовь Вам поддержкой!”

Спасибо и Вам за Ваши чувства, Валентина Николаевна, и Вашим соратникам Диане Султановой, Вере Колотовой, Галине Барминой, Борису Терентьеву, Ивану Власову, Владимиру Пахтусову, Валентине Кропотовой... Благодаря таким, как вы все, жива русская душа “в глубинке”, во глубине России... Когда вы все обращались к Распутину с такими словами, он был ещё с нами, и конечно же, его сердце отзывалось бы с благодарностью на Ваши слова, если бы он успел их прочитать.

* * *

А теперь мы представляем нашим читателям несколько страничек из трёх кусинских альманахов.

**Греков Михаил,
ветеран Великой Отечественной войны**

ИЗ ФРОНТОВЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Этот парень был – душа коллектива! К нему все тянулись, чтоб получить дозу здорового настроения. Я бы ему без всякого окончания военной академии присвоил бы офицерское звание и должность политрука. Бойцы стремились услышать каждое его слово! Интересно он рассказывал случаи из современной жизни и из исторического прошлого. Был жизнерадостным, умным, весёлым, и его оптимизм передавался другим. Моряк Миша Клевцов – русоволосый, синеглазый, крепкий и сильный – был командиром взвода разведчиков. Он восхищал нас своей смелостью, находчивостью, юмором.

Вспоминается один из эпизодов нашей военной жизни. Это было на Орловско-Курской дуге. Начиная с 5-ти часов утра 5 июля 1943 года немцы семь дней подряд – каждый день! – атака за атакой, танками и пехотой старались прорвать линию нашей обороны. Их цель была разрезать фронт с севера от нас, со станции Поныри, и соединиться с южной группировкой у Прохоровки, окружить и уничтожить наши войска у Курска. Но мы хорошо окопались, врылись в землю. И когда немцы наступали, они были уязвимее нас, несли большие потери. Но снова и снова они атаковали нас. Артиллерия наша, которой было достаточно, всякий раз эти танки немецкие и пехоту смешивала с землёй, но они с новыми силами шли в атаку на нас.

В один лишь день, 11 июля, наш дивизион 76 мм орудий прямой наводкой подбил 13 танков! А сколько было подбито, покорёжено нашими орудиями 122 мм и 150 мм калибра! Кто считал?.. Так что немцы, в конце концов, выдохлись и уже 12 июля не то что атаковать не могли, но стали отступать и отошли километров на десять на запасные позиции.

А мы пошли вперёд без боя. Остановились на железнодорожной станции Малоархангельск. Там было несколько полууцелевших кирпичных стен, а изпод битых кирпичей виднелись паркетные плитки бывшего зала ожидания. Но под этим паркетным полом сохранился вместительный полуподвал. Он был довольно большой, и мы вошли в него. Там было прохладно и хорошо в жаркий июльский день.

Так получилось, что с нами туда не зашёл ни один офицер. После напряжённых боёв душа просила передышки, отдыха, какого-то просвета... Клевцов был с нами, и мы в душе надеялись, как всегда, услышать от него что-то подбадривающее. Наши ожидания стали сбываться... Клевцов был по званию старший сержант. Ребята собрались из разных взводов и подразделений. Вдруг Клевцов даёт команду: "В шеренгу становись!" Его команде можно было кому-то подчиниться, а кому-то и нет! Но, зная его, мы поняли, что он, видимо, задумал какую-то весёлую затею, и все охотно встали в строй!

А как раз недавно, в первые дни этого сражения, у нас был случай: едовой кухни, чеченец Мусса Магомедов, в самый разгар боя как-то проскочил на своей лошадке с кухней к нам! Обед привёз!.. Но обед в такой момент – всё равно, как пожарникам, когда они тушат горящий дом, а их зовут: давайте пообедайте, а потом закончите тушить!.. Мы, конечно, Муссу прогнали подалше, чтоб укрылся от стрельбы. Но случай этот помнили. И Клевцов здесь вспомнил.

– Мусса Магомедов, шаг вперёд! – командует Клевцов. И тут он произносит такую патриотическую речь – о мужестве, о подвиге Муссы, что ни одному, наверное, нашему политруку не сумеет так красиво, пламенно высказаться.

– Дорогие друзья, товарищи! – говорил Клевцов. – Все вы мужественно и храбро сражались с ненавистным врагом. Каждый из вас достоин чести и похвалы! Мы отстояли свои позиции. Каждый на своём месте вершил общее дело!..

И пошёл, и пошёл говорить. Мы даже перестали улыбаться и хихикать, забыв, что затевалась шутка. Мы стояли замороженные. Как он красиво говорил!..

– Но дорогие товарищи! Мне хочется особо отметить нашего кормильца Муссу! Все вы были свидетелями, когда он в разгар боя, рискуя жизнью, привёз нам обед. Он заботился обо всех нас! За этот подвиг, за заботу о боевых товарищах Муссу Магомедова награждаю железным крестом!

И он вытащил из планшета настоящий немецкий крест и – в шутку, конечно, – повесил его Муссе при нашем весёлом оживлении. Это был действительно немецкий рыцарский железный крест, он выглядел очень красиво, эффектно. Мусса сиял от удовольствия, а мы просили: "Дай посмотреть!" Мы понимали, что всё это в шутку, что крест противника для нас – простая железка, а самого этого противника мы бьём и в хвост, и в гриву! Но зато и настроение у всех оживилось, так что и театра тут не надо!

Но вдруг, немного погодя, зашёл к нам политрук. Увидел наше хорошее настроение, узнал, что у нас всё в порядке, остался доволен, лицо добродушное. Но тут увидел у Муссы этот злополучный крест, подошёл и спрашивает: "Мусса, ты где это взял?" А Мусса улыбается: "Это меня Клевцов наградил!" Политрук возмущился: "Сними сейчас же эту гадость!" – и потянулся к Муссе, чтоб сорвать крест. Но Мусса закрыл ладонью "награду" – жалко отдавать! Политрук негодовал:

– Хозяин этого креста сколько наших людей погубил! Руки мыть надо после того, как ты держал эту гадость!.. А тебе, Клевцов, десять суток ареста! Снимай ремень! Снимай гимнастёрку!

У Миши Клевцова на гимнастёрке были медали за отвагу, орден Боевого Красного Знамени – он прикручивался гайкой, как и орден Красной Звезды. С ними сажать под арест нельзя, а откручивать Михаил не стал... И вот политрук назначил часового и велел отвести арестованного в будку: на станции после бомбёжек сохранилась будка из шпал, куда путевые рабочие складывали лопаты, ломы. Повели туда нашего Клевцова, а мы следом! Зашёл он в будку, а мы часового просим: "Дверь не закрывай!"

Видит политрук, что мы не отходим от будки, скучать не даём арестованному. И побыл наш любимец под арестом не более часа. Смотрим, приносит политрук гимнастёрку с наградами, ремень. И говорит Клевцову: "Охрану снимаю. Можешь быть свободен. И ты, часовой, тоже иди отсюда!.." Потом добавил с улыбкой: "Тебя, Клевцов, разве накажешь? Вон они как за тобой – как пчёлы на мёд!.."

Сколько бы лет ни прошло, но никогда не забудутся боевые товарищи, с которыми рядом были среди огненного ада сражений, с кем вместе проходили испытание на прочность, крепко любя и защищая Родину. Их лица и го-

лоса не покинут моего сердца. И среди них – незабываемый и яркий образ неунывающего парня из г. Ливны Орловской области, моряка Миши Клевцова, который мёртвой хваткой брал врага, но был не только отважным разведчиком, но и душевным, замечательным человеком.

Из дневника военной юности учительницы села Петрушкино Раисы Николаевны Прохоренко

4 ноября 1941 г<ода>. Сегодня я начинаю вести дневник и вписывать в него всё, что случится со мной и моими земляками во время войны. Меньше всего я думаю о том, для чего я это делаю...

Просто нужно с кем-то разделить свою боль, жизненную боль. Говорят, если горе разделить, то оно станет меньше, а сейчас горе разделено на миллионы людей нашей страны, а оно не становится меньше.

Мобилизация в нашем селе началась 23 июня, а 24-го стон стоял в каждом доме. За первую неделю больше половины мужчин нашего села проводили на фронт.

Выли, помню, на вокзале, когда их, мужчин, в теплушки сажали, – ой, выли! Мужики, они, конечно, храбрые, да ещё самогонки хлебнули... Ждите, мол, с Победой!

Только ведь бабье-то сердце, оно тоньше мужского. Дети-то с нами остаются, и работа мужская тоже на наши плечи... Бабы, они чувствуют, что такое война, это в крови у них.

Из колхоза “Память Ленина” (ныне 1-е отделение совхоза Кусинский) ушли добровольцами на фронт много комсомольцев – 3/4 комсомольской организации. Вернулся потом один – учитель Салимов.

*Там, на Западе, война,
Милый мой на фронте.
Вы летите, пули, мимо,
Милого не троньте!*

Да, не знали мы тогда, не ведали, что урожай убирать нам одним придётся убирать вручную, убирать с остервенением. Женщины выкашивали в день по 80–90 соток, превышая довоенную норму на 300%. Днём косили, а ночью молотили. Все силы отдавали работе. Всё для фронта, всё для Победы! А проще – для детей наших, для будущего. Это все понимали. Какая война! – то ли жизнь, то ли смерть! Конечно, огород свой есть, корова своя... Но у меня перед войной шестеро было... Семь ртов со своим, – накорми-ка! А ещё и армию надо кормить. 10 кг масла с коровы, 260 литров молока, 40 кг мяса и 100 яиц сдавала во время войны каждая наша семья ежегодно.

Тесто месишь утром с корой молотой, а слёзы в квашню так и капают за место соли.

*Дорогие девочки!
Мы осиротели:
Военные пилоточки
Далёко улетели!*

К Октябрьским праздникам решили мы бойцам посылочки собрать. Вот и собираемся вечером в клубе. Зажжём керосинку (электричества-то не стало) и вяжем бойцам тёплые вещи: носки, рукавицы. Шерсть состригали даже с тулупов.

*В Петропавловке, что на Урале,
Не ложились девушки спать,
Много варежек тёплых связала,
Чтоб на фронт солдатам послать.*

И говорят девчата:

- А давайте в каждую посылочку по письмецу вложим?..
- Ну, здарсьте, что же мы им писать будем? Мы ведь даже не знаем, как их зовут!

– Ну и что? А мне нравится эта идея. Вон сколько семей в нашем селе никаких известий с фронта не имеют, и рады бы подать о себе весточку, а некуда: адреса-то нет.

– А душа-то как, бабы, тоскует, тянет поговорить-поделиться...

– Да нам каждый боец родной, мы же им, как родным, и посылки собираем, как для родных, ведь летом сушили черёмуху, малину, табак-самосад.

Только за декабрь первого года войны женщины нашего района послали на фронт шесть вагонов таких посылок!

– Люди рассказывают, что эти посылочки всегда найдут своего адресата. Безымянный свёрток, где уложены кисет с табаком, носки, носовой платок, тёплые варежки и письмо к ближнему без имени, в чьи бы руки ни попал, – идёт к сердцу.

– И вот уже сиротке, написавшей письмо, бойцы собирают и шлют деньги, чужой вдове устраивают “аттестат”.

– И вот уже невидимая Нюра становится родной бойцу, а случайный адресат – “дорогим Гришей”.

6 декабря 1941 года. Мысль о Москве, о фронте стала главной мыслью.

– Настыка! Ты чего одна сидишь? Опять пишешь? Брось! Айда в клуб, там сейчас такое творится! Все поздравляют друг друга!..

– Бабы то плачут, то смеются, обнимают друг дружку.

– Всё село собралось в клубе!

– Вы что, с ума сошли? Что-нибудь случилось?

– Случилось!.. Да неужели ты до сих пор ничего не знаешь?! Немца от Москвы погнали! Сейчас по радио объявили!

*МчитсЯ Гитлер из России,
Зло на всех ругается!
Посмотреть хотел Москву,
А Москва кусается!*

– Девочки, сегодня по радио передавали песню Клавдии Шульженко, “Синий платочек”!

– Эту песню для неё один лейтенант написал!

*Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых радостных встреч.*

*Порой ночной
Мы распрощались с тобой.
Нет уж тех ночек.
Где ты, платочек,
Милый, желанный, родной?..*

3 января 1943 г<ода>. Вот подумаю, бабы, чем держимся? Верой!.. В силу нашу верим. В народ наш. Верой этой да детьми держимся.

Детство военное – короткое. Двенадцатилетние ребяташки работают наравне со взрослыми.

– Вон сегодня бабы у колодца рассказывали про парнишку из колхоза “Память Ленина”, про Акрама Бузаньярова.

– Ну да! Ему нынче только двенадцать сравнялось, а на вид – и того меньше, заморыш. Так вот, этот пастушок охранял сегодня ночью колхозных лошадей.

В этом колхозе лошадей только восемь осталось, остальных восемьдесят отправили на фронт ещё в 41-м году. А тут откуда ни возьмишь – волки!.. Так этот мальчонка стал отбиваться от волков – одной только палкой! И отбилсЯ, сохранил лошадей! Ни одной не потерял!

– Понимает, что для нас теперь значит лошадь!

– Видят, небось, и дети, как мы на себе пашем.

– Да, во время войны быстро наши ребяташки растут... Как-то, летом я

по ягоды ходила. И вижу: мальчишки-семилетки, им бы озоровать, а они... друг другу на плечики встают и птенчика в гнездо подсаживают. Стараются, носиками сопят... Верите-нет, а я сижу в кустах и реву.

— Сегодня от старшего Садыкова пришло письмо с фронта. Пишет, что вместе с сыном воюют.

20 марта 1944 г<ода>. Сегодня опять ходили с детьми собирать перезимовавшие колоски, потом толкли их и ели. Для ослабевших от длительного недоедания такая пища очень вредна: в носоглотке лопаются кровеносные сосуды, наступает септическая ангина.

После нескольких смертельных случаев были приняты меры: стали давать детям 10 г сахарина и 50 г хлеба.

8 мая 1945 года. Сердце у меня непослушно радуется! Да и не только у меня, все односельчане потеряли голову от радости... Хочется смеяться, плясать, петь и по-мальчишески топтать ногами!..

Победа!!!

9 мая был за всю войну Первым выходным днём.

*Заалела, заалела
Красная смородина!
Всё равно мы отстояли
Дорогую Родину!*

В. Н. Руденко

ВОЕНПРЕД

Шестнадцатилетней отроковицей пришла на машиностроительный завод Мария Мурзина (ныне Мария Алексеевна Агафонова). Приняли её ученицей в конструкторский отдел. Не успела она ещё как следует освоиться в трудовом коллективе, как началась война. Завод был переведён на военные рельсы. И жизнь Машеньки и её ровесников и подруг приобрела новые цвета — с отблеском войны, суровости, трагизма... “Всё — для фронта, всё — для Победы!” — с этим призывом её поколение не только трудилось, но и жило.

Родилась Маша в Кусе. Её отец работал на заводе № 6 в литейном цехе, мама растила четверых детей и вела хозяйство. Имелись во дворе Мурзиных лошадь, корова, свиньи, овцы, куры. Сажали огород. Мама пряла, вязала, обшивала семью. Мария была вторым ребёнком в семье. В военном 1942 году старший брат её ушёл на фронт. И она осталась в доме за старшую, главной помощницей матери.

Сразу же после нападения Германии на нашу землю в Кусе стали изготавливать продукцию для фронта. На заводе № 6 делали осколочные гранаты, на машзаводе — 76-миллиметровые снаряды. Семнадцатилетнюю Марию перевели из конструкторского отдела в ОТК, поручили работу по приёмке продукции, которая отправлялась на фронт. Из Москвы приехали два военпреда, они-то и взяли её в помощники.

— Работа моя была, — рассказывает Мария Алексеевна, — проверять, контролировать готовую военную продукцию. Цеховое ОТК поставит нам партию продукции в 100 штук, из неё мы отбирали для контроля 10 штук. Если оказывалась хоть одна деталь с браком, всю партию возвращали назад. Мы строго отвечали за то, чтобы на фронт продукция шла только высокого качества.

На заводе Мария прошла путь от контролёра до военпреда. Ей лично приходилось руководить погрузкой вагонов с военной продукцией, пломбировать их. Они уходили на полигон под Чебаркуль. Там снаряды заряжались, проходили проверку.

— И ни разу, — с гордостью констатировала Мария Алексеевна, — при нашем контроле военную продукцию кусинцев не возвращали назад. Мы управляли корпуса 76-миллиметровых снарядов, 80- и 120-миллиметровых мин.

Отстояв смену на контроле, по вечерам учились. Опытные военпреды преподавали молодым техминимум по военной продукции. А Марии ещё при-

шлось пройти обучение в городе Златоусте для того, чтобы могла работать с контрольно-измерительными приборами.

Как многие её сверстники, Мария рвалась на фронт. Зная об этом, как-то вызвал её капитан Гоготов к себе в кабинет и давай убеждать:

– У тебя на фронте отец, брат, как же они будут воевать, если ты, твоя подруга уйдёте с завода, кто снаряды будет изготавливать для них?

Убедил тогда её капитан в том, что она, Мария, её руки очень нужны на заводе, тем более что военная приёмка была одна на два завода, работа была напряжённой.

В 19 лет, в 1943 году её приняли в партию. Это была большая честь и большая ответственность. Коммунисты в годы войны и в бою, и в труде были первыми. Мария всю свою жизнь работала там, куда её назначали, где она была нужнее.

В её женской судьбе всякое бывало: и горе, и радость. В 1945 году вышла она замуж, стала Марией Агафоновой. Была она красивой, статной, с мужем они вырастили, воспитали троих детей.

Не приведи, Господи, матери хоронить детей своих. Такое горе сердцу Марии Алексеевны досталось пережить. В годы перестройки внезапно ушла из жизни её дочка Людмила. А позднее, пережив все муки и унижения безработицы при хищном капитализме, умер сын Евгений – мастер “золотые руки”, отличный труженик. . .

Остались на руках у Марии двое внуков. Заботы о них помогли ей пережить страшное горе, выстоять в беде. Сегодня внучка Ольга и правнук Дима – её радость на старости лет, помощники её. А ещё радостно ей, что младший сын прославлен и уважаем, как прекрасный работник и семьянин, гордится мать таким сыном.

Мария Алексеевна Агафонова на заслуженном отдыхе. Но болит у неё душа. Всё чаще приходит мысль: не напрасными ли оказались труды, героизм людей её поколения? Во что сегодня превращён родной машзавод, гордость кузинцев, давший многим путёвку в жизнь, помогавший громить врага, приближать Победу? С горечью она говорила мне:

– Рабочие, как нищие, ждут подачки. Огромные строения ржавеют. Нет прощения тем, кто довёл предприятие до этого!

Сама-то Мария Алексеевна, отдавшая всю юность святому труду во имя Победы, может жить с гордостью. Родина наградила её медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”. Она – ветеран труда.

День Победы Мария Алексеевна считает главным праздником, как самое светлое в судьбе, до слёз дорогое событие в истории Родины. Ведь и она вложила душу, молодость, свой труд во имя Победы, чтоб жила Родина.

Т. Г. Никифорова

“ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА ЛЬЮТ МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД!..”

“Броня крепка, и танки наши быстры. . .” – пелось в песне. О “броню” особого рода вспоминает ветеран труда Михаил Макарович Посошков:

– Тем, кому исполнилось 18 лет, и многие 17-летние уже сражались на фронте, а мы ходили в военкомат с заявлениями, чтобы нас тоже призвали в армию и направили на фронт.

Но военком всякий раз отвечал нам, что “граждане 1927–1928 годов рождения остаются пока дома до особого распоряжения”. Мы ждали этого распоряжения и мечтали бить фашистских гадов. И дождалось. . . В конце 1943 – начале 1944 года вышло постановление правительства о “броню”. Не о броне танков, а о бронировании рабочих на местах. И мы, 15–16-летние подростки, поступили в распоряжение особого отдела предприятия.

В нашем районе “по брони” работали на машзаводе и в леспромхозе. Я попал на машзавод. Не путайте два понятия – рабочие “по брони” и “трудоармейцы”. Трудоармейцы в основном были выходцами с Западной Украины и Западной Белоруссии. Эти регионы вошли в состав Советского Союза перед самой войной, а в начале войны сразу же были оккупированы гитлеров-

скими войсками. Иногда в состав трудовой армии попадали бывшие пленные. Словом, в трудармейцах был тот, кому Родина в те годы по каким-то причинам оружие не доверяла. В тылу они работали на износ, иногда погибали, ведь паёк был скудным, а труд – каторжным. На “брони” же оставляли специалистов, без которых на производстве было не обойтись, и подростков. Подросткам, работавшим на заводах, пришлось потом служить в армии – после войны.

Все предприятия России в то время работали на Победу, то есть выпускали военную продукцию. Кусинский машзавод выпускал корпуса мин и снарядов. Продукция эта, сами понимаете, требует тщательной обработки. Чугун же был разной жёсткости. Резцы токарных станков “летели” только так. Мы же были заняты изготовлением этих резцов, которых требовалось очень много.

“Бронированные” находились на казарменном положении. Это значит, что нас часто со смены не отпускали домой. Например, мы грузили продукцию. После погрузки возвращались в цех. В одном из помещений стояли кровати. Сначала на них даже матрасы были, но на этих матрасах спали трудармейцы. От истощения, стрессов, тяжёлой работы люди слабели, и на них нападали вши... Завшивленные матрасы потом пришлось выбросить. А мы, подростки, залезали на крышу слесарки и спали на ней...

На “деревяге” – деревообделочном заводе – делали ящики для мин и снарядов. Мин в ящик входило две, а снарядов – десять. Каждый день завод отправлял вагон мин и вагон снарядов. Отправка производилась точно. Грузчиков же не было, и мы возили ящики на санях или на телеге. И лошадей почти не было: пали они от бескормицы (и на войну забирали лошадей). Выручало то, что на заводе были транспортёры. Но всё равно грузить было тяжело. Бригада формировалась в 10–12 человек, и все к концу погрузки с ног валились от усталости. За погрузку нам давали продукты на всю бригаду: две булки хлеба, три литра спирта, американское сало и яичный порошок – омлеты делать. Что-то потом домой унесём, что-то сразу съедим и бежим в слесарку – отсыпаться.

На заводе работали и заключённые. Они жили в двух деревянных домах возле почты. Заключённые работали по восемь часов: они шлак убрали, ссыпали его в пруд, где было глубоко. Из пруда тогда речушка вытекала. Её завалили. Как сейчас помню, заключённые нагрузят на телегу шлак и везут его, а заводской гудок прогудит: всё – шабаш, они могут телегу и посередине дороги бросить.

Гудки заводские для людей старшего поколения – это были не только звуки, а часть жизни. Наручные часы в военные годы были редкостью, а в домах были ходики на стене, их хозяева тоже по заводскому гудку подводили. На работу люди старались не опаздывать: за опоздания отдавали под суд – по законам военного времени, а если и не судили, то лишали части хлебного пайка и зарплаты, поэтому гудок был своеобразным спасителем. По гудку кусинцы не только на работу спешили, но и на праздничные демонстрации собирались. Если были сильные холода, то тоже давали гудок, чтобы дети в школу не ходили по морозу. Когда гудки отменили – будто часть жизни отняли, так мы с ними сроднились.

Для всех завод был – что дом родной. Потому что здесь, за работой, со всеми вместе, люди забывали о собственных бедах и несчастьях. Директором завода тогда был Виктор Фёдорович Зарубин. Его часто можно было увидеть в цехах завода. Он знал все нужды рабочих. Мужчин в цехах было немного, зато много было подростков, женщин, эвакуированных. У мужчин труд был адским. Начальником цеха у нас был Михаил Фёдорович Архипов. Он, по-моему, вообще с завода не уходил.

Приходили к нам иностранные фрезерные станки. Здесь уже начиналась работа механика Михаила Степановича Тарынина. Он эти станки собирал. До войны Михаила Степановича как специалиста даже посылали в Америку опыт перенимать.

Со мной вместе на заточке работали два Василия Ивановича Шатровых (их так и называли – Вася первый и Вася второй), Пётр Платонович Егоров и трудармеец Владимир Кислый с Украины. Володя Маринкин работал на вагранке – на засыпке смеси. Ему приходилось возить огромные ящики.

Виктор Попов работал на отделке мин. Каждый корпус мины опробовался: под давлением заливался специальной эмульсией. Если дыр не было,

то корпус мины оставался целым, а если где-то была хоть малейшая трещина, то корпус мины разлетался. Это была не просто тяжёлая, а опасная работа. На термообработке металла работал Павел Варганов. Там постоянно стояла жара от раскалённого металла.

Многие чуть не падали в те дни от усталости. Люди работали на износ, не щадя себя. Тогда на заводе формировались так называемые “фронтовые бригады”. Это действительно было похоже на бой. Комсомолка Вера Шалапова обрабатывала один снаряд за минуту, за час – 60 снарядов. У неё руки так и мелькали.

В те тяжелейшие сороковые годы для большинства людей была стёрта грань между тылом и фронтом. Оглядываясь назад, думаю, что у нас, юношей военной поры, была такая суровая школа, что мы потом долгие годы жили, трудились, растили детей во имя Победы.

В. Н. Руденко

ЕСЛИ СОХРАНИМ ДУШУ...

Весенний праздник – День Победы – искренне и горячо любимый народом! Он выстрадан в великих сражениях и муках. Его ждали, творя молитву, теряя силы от голода и надрывной работы... Мужество павших в боях за Родину, слёзы сирот и вдов, святой и жертвенный труд крестьян и рабочих, надежда, согревающая сердца, – всё было в нашей истории на пути к священной Победе.

И он пришёл, *заревый Победный день!*.. Только великий, сплочённый народ мог справиться с врагом, покорившим всю Европу. Только мужественный, дружный и добрый народ мог одержать эту великую Победу и утвердить на земле радостный праздник весны – День Победы – победы добра над злом!..

Мы, рождённые уже после войны, в генах несём родственное со всем народом щемящее чувство пережитой войны. Эти солдаты с орденами и медалями, эти военные фильмы и песни – всё нам родное.

Однажды, когда была я маленькой первоклашкой, мне пришлось пережить вместе с другими малышами истинное потрясение. Мы увидели, как плакал большой и сильный мужчина... .

Наш учитель Иван Михайлович Мамаев пришёл в класс с аккордеоном. Сначала он что-то хорошее нам почитал... Потом взял в руки аккордеон, встал во весь свой высокий рост перед нами, первоклассниками, тронул клавиши и запел:

*Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война!..*

Никогда, никогда этого не забыть!.. Учитель, с чуть седым ёжиком волос, сорокалетний могучий человек, возвышался над классом, пел свою солдатскую песню, и слёзы тихо катились из его глаз... .

Мы замерли. Во все глаза смотрели на любимого учителя. И нам передавалась его тревога, его печаль. Быть может, вспоминал он погибших друзей и родных, свою боевую молодость и огонь пожарищ на родной земле?.. И мы зашлюпали носами. С глазами, полными слёз, слушали красивую и печальную мелодию, а слова Иван Михайлович пропевал, уже отвернув голову вбок, чтобы скрыть от нас слёзы. Глаза его задумчиво смотрели в окно, в синюю даль, и сами они были синими, как майское небо... За окном была весна. Было 9 мая. И душа учителя – большая и красивая – и страдающая – открылась нам в этот день.

Проходят вёсны, одна за другой... Цветёт сирень с её волшебным ароматом, белоснежные яблони и черёмуха украшают наши улочки... Но, увидев посреди обновлённого мира старого человека с медалью или орденом Великой Отечественной войны, в морщинах, с усталыми глазами и медленной по-

ходкой, поклонись ему, поздравь с Днём Победы!.. Он был в те далёкие годы молодым и красивым, отважным и храбрым... Ему вручали ордена и дарили цветы, как Победителю.

Поздравьте же и сегодня всех пожилых дедушек и бабушек, переживших войну!.. Верните хоть на день им чувство того праздника, когда весь народ был слит единой радостью! Подарите им цветы. Их, этих замечательных людей, так мало осталось на свете... .

Вместе с их уходом с Земли уходят добрые сердца, трудолюбивые руки, окрылённые души. Дорожите ими, пока они живут среди нас!

В пору цветения, благоухания природы, когда оживает и сама душа человеческая, готовая любить весь мир, – вот когда мы празднуем Победу добра над злом!

Нельзя предать нам этот святой день, подвиг отцов и дедов, добытый ими Праздник!.. Надвигаются чёрные тени, натовские войска приближаются к нашим границам. Но в каждой семье России помнят о погибших родных, о солдатах Великой Отечественной. Их глаза смотрят нам в душу с фотографий, как бы взывая: не предайте нас, не сдавайте Родину!.. И в нашей семье, в нашей родне воевали за независимость Родины многие: отец Николай Фёдорович Руденко несколько раз горел в танке, спасая товарищей, был ранен, контужен, даже признан был уже погибшим... Несколько месяцев лечился в госпитале, а потом вернулся на костылях... Первый муж мамы – Иван Ширяев – погиб 26-летним в боях под Москвой... Мамин брат, моряк Николай Щербинин прошёл по кругам ада – был в самых жестоких сражениях: в горящем Смоленске, в героическом Сталинграде. Война унесла его молодую жизнь... А младший брат мамы, 20-летний Серёжа, прислал лишь одно письмо с фронта и без вести пропал... А ещё погиб мамин дядя по отцу – Алексей Михайлович Щербинин. Из нашей родни Щербининых 20 человек ушло на фронт, и 16 из них погибли. Воевал на фронте и имел множество наград и дядя моей мамы – Георгий Иванович Самодуров. И по линии Галкиных у нас воевали Сергей Андреевич, Николай Андреевич и другие. И так – в каждой семье!.. Нельзя предать их память, их Победу! Нельзя допускать, чтобы поливали ложью и грязью нашу историю, наших героев!.. Нельзя допускать, чтобы дети России жили в стране, оккупированной войсками НАТО!.. Священные образы Суворова, Кутузова, Жукова, маршалов и рядовых, нашего Главнокомандующего, под чьим руководством разбили врага в 1945 году охраняют нашу Отчизну.

“Любить Россию – это нравственно”, – говорил Иван Бунин. Нравственная, духовная победа была на стороне русских солдат – вот почему состоялась великая Победа с её вечным праздником!

Иван Власов

ЛИХОЛЕТЬЕ

*Год распроклятый — сорок первый...
На фронт из всех семей идут.
Отца, вернувшегося с финской,
Из-за раненья не берут.
Но и ему пришла повестка —
В трудармию отбыть — в Касли́.
На фронт — нельзя, к работе — годен,
И трудовые дни пошли.
Да уж такие трудовые,
Похожие на фронтовые.
Здесь каждый день — как целый год,
Вся жизнь — один большой завод,
Без выходных, без отпусков —
Как поле битвы у станков.
Здесь день и ночь кипит работа,
До боли, до седьмого пота;*

*Здесь женщины, подростки, деды
В тылу воюют за Победу.*

*А матери моей работа
В лесхозе важная нашлась;
Она валила лес крепёжный...
Пилой лучковой — вот где страсть!
Пришлось мне разом бросить школу
И стать хозяином в дому:
Косить траву, кормить корову,
Чтоб с нею выжить самому.
И для меня ещё забота —
Обуток нету. Как же быть?
И вечером у тёплой печки
Сажусь я лапти мастерить.
Сплету, сплету себе лаптишки,
В обновке выйду за порог...
Военное лихое время —
Здесь каждый выживал, как мог.
И все мечтали, как ни трудно,
Не забывая про дела,
Чтобы Великая Победа
На землю русскую пришла...*

* * *

Редакция нашего журнала связана со многими литературными объединениями страны, работающими во Владивостоке (руководитель поэт Б. Лапузин), в республике Марий Эл (руководитель Е. Липатникова), в г. Петровск Саратовской обл. (руководитель В. Логашов), в Великих Луках (руководитель А. Канавщиков) и т. д. Наверное, каждое из этих литобъединений по-своему замечательно. Но очень бы хотелось, чтобы именно опыт “Кусинских зорь” был замечен и осмыслен в литобъединениях великой русской провинции.

Из письма Валентины Николаевны Руденко: **“Какое счастье, что есть Ваш журнал, что есть Ваш коллектив. Передавайте всем привет – Александру Казинцеву, Серёже, Валентину Распутину. Ему же передайте, пожалуйста, книгу нашу... У нас закрыт дорогой для всех машиностроительный техникум, закрыт роддом, теперь нужно ездить в Златоуст. Поля вокруг не колосятся, всё грустно и даже страшно. Но читаешь Ваш журнал и чувствуешь, что есть ещё Россия, жива она, и мы вместе с ней – народ из глубинки”**.

Передать Вашу книгу Распутину, Валентина Николаевна, мы не успели. Но он теперь навсегда со всеми нами, с нашей великой литературой, с нашей родиной Россией.

СЕРГЕЙ ЕСИН

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ДНЕВНИКА–2014

В дневниках Сергей Есина, которые “Наш современник” уже несколько раз публиковал, можно найти разные аспекты жизни: жизнь театра и кино, тех, кого мы называем интеллектуальной элитой, и того, что мы называем воровством и государственной коррупцией, и, естественно, политики, без которой литература, как нам кажется, и невозможна. На этот раз мы выбрали из 500-старичного корпуса Дневника за 2014 год лишь одну тему: “Украина”. Вот как выглядели эти события в прошлом году известному и популярному писателю.

19 января, воскресенье. <...> С утра радио говорило о беспорядках в Киеве. Кадры, которые я увидел ночью, были ужасными. Настоящий народный бунт. Много говорят о том, что в толпе – профессиональные “возбудители”, львовяне. Но никакие силы не способны так возбудить народ, если бы в народе не нагорело. Поводом к такому мощному протесту стали принятые парламентом охранительные законы. Но все глубже разделение в экономике, разделение на бедных и богатых в стране, которая от этого отвыкла. Власть бережёт себя и не хочет никаких протестов, даже критики. Странно ведёт себя один из лидеров оппозиции – чемпион мира по боксу в тяжёлом весе Кличко. Всё это похоже на “арабскую весну”. Оппозиция уже захватила несколько зданий в Киеве, сейчас рвутся в правительственный квартал. Местный ОМОН подвергается жуткому давлению, но пока стоит. Сожжено несколько милицеевских автобусов. Оппозиция ждёт первых жертв. Если они, не дай Бог, будут, власть может рухнуть.

20 января, понедельник. <...> Об Украине. Крики о немедленных, в марте, перевыборах президента стихают. Оппозиция никак не выдвинет единого лидера: кто главный? Популярный Кличко не может выдвигаться на должность президента, потому что у чемпиона мира двойное гражданство. Он “прописан” чуть ли не в Мюнхене.

Дома опять Киев по телевизору. Демонстранты строят некое метательное орудие, наподобие тех, которые использовались в Средние века, чтобы метать в милицию и “беркутов” бутылки с “коктейлем Молотова” и другие зажигательные снаряды. Около 10 вечера. “Демонстранты забросали сотрудников милицейского спецназа, которые преградили подступы к правительственному кварталу, коктейлями Молотова. Колонна правоохранителей вынуждена была отступить”.

25 января, суббота. <...> На Украине всё ближе к гражданской войне – похоже, что правительство ничего не контролирует. Фигура Януковича, по меткому определению Сванидзе, “всем группам подмигивающего”, вызывает презрение.

27 января, понедельник. Ночью вчера в Киеве силы, которые условно назовём повстанческими, взяли здание Министерства продовольствия, а сегодня – Министерство юстиции. Глава этого последнего министерства необдуманно пообещала обратиться к президенту и Совету безопасности с просьбой о введении чрезвычайного положения. Тем временем Янукович, потерявший всё: уважение, достоинство, авторитет – буквально всё, кроме сомнительной легитимности, уже предложил должности премьер-министра и вице-премьера лидерам оппозиции, Яценюку и Кличко. Служивший верой и правдой увёртливый Азаров предназначался как жертва спасения. Главы оппозиции, естественно, отказались. Спасая дорогой итальянский костюм, Янукович вроде пообещал отменить законы, запрещающие народу бороться с властью и утверждать свои права. У народа и оппозиции разные задачи: оппозиция хочет власти, народ же надеется, что новая власть станет более разумной и поделится с народом не ею отвоёванным. Никогда этого не будет. Скорее всего, трусливые оппозиционеры сдадут всё, чтобы остаться целыми.

Под вечер по “Эхо Москвы” очень интересно говорил Артемий Троицкий. Нет ни фашистов, ни националистов, ни антисемитов – у всех одно желание: поскорее поменять власть.

28 января, вторник. Несколько ночей подряд снятся мои покойные родные. К концу дня ситуация на Украине как-то прояснилось. Азаров ушёл в отставку. Рада отменила законы, которые две недели назад приняла. Что будет дальше? Как, например, интересно, украинский опыт скажется в Москве? Мне кажется, наступают особые времена. <...>

29 января, среда. <...> На Украине, несмотря на жертву в виде всех министров и отмену последних “диктаторских” законов, майдан не расходитсЯ и требует досрочных парламентских и президентских выборов. <...>

17 февраля, понедельник. <...> На Украине снова всё обострилось до баррикад, пожаров, захвата административных зданий. Это после того, как только что амнистировали всех участвующих в протестных действиях. Оппозиция требует возвращения к Конституции 2004 года, в которой самовластие президента сильно урезано. Ни один из комментаторов не говорит об экономическом положении народа, который устал нищенствовать. Как же на Украине ненавидят клику Януковича!

20 февраля, четверг. <...> На Украине и в Киеве беспорядки такой силы, что становятся похожими на самые кошмарные сцены блокбастеров. Протестующие сразу же, как после амнистии выпустили всех задержанных, штурмом взяли несколько правительственных зданий, в центре города горят дома, горят автомобильные покрывки, большое количество раненых и убитых. Так называемые радикалы и националисты вооружены и стреляют по милиции и частям “Беркута”. Такими же беспорядками, как и в Киеве, охвачены несколько областных центров, в частности Львов, Тернополь и Полтава. Во Львове взята штурмом воинская часть, захвачено оружие. Львовская область объявила о своей независимости от центральной власти. Крым, в котором много русского населения, обратился к российскому правительству с просьбой о защите. Ни Украина, ни наше телевидение упорно не говорят о причинах такого взрыва. Я полагаю, что выходы радикалов подпитываются сочувствием просто недовольных экономическим положением. Я помню мельком сказанное кем-то из комментаторов, что уровень жизни населения на Украине в три-пять раз ниже среднего уровня жизни в России. В связи с этим поразившее меня высказывание Аристотеля: “Пустяк может быть поводом к восстанию, но не его причиной” <...>

21 февраля, пятница. Утренние известия об Украине. Ночью во время переговоров Янукович всё сдал. Он готов к возвращению Конституции 2004 года, Украина теперь станет не президентской, а парламентской республикой. Убийства милиции и граждан будут прощены, антикоррупционная операция отменяется. Янукович теперь не только политический труп, но и негодяй. И если считается, что в политике негодяев нет, а есть только политики, то в жизни ему уже никогда не отмыться. В этих следованиях за революционными сюжетами я всё время забываю о некоторых размышлениях над укра-

инской действительностью. Как не профессиональна была власть Януковича, так озабоченная собственным благополучием, если она просмотрела и подготовку этого вооружённого “протеста”! Где же были ответственность и дисциплина, если в целом ряде случаев не только разоружали и брали штурмом отделения милиции, но и воинские части! Где была разведка, контрразведка, прокуратура, милиция, администрация президента и комитет – как там у них? – комитет государственной безопасности! <...>

22 февраля, суббота. Об Украине говорить уже не хватает эпитетов. Губернаторы юго-восточных регионов и депутаты собираются в Харькове. Туда же вроде бы – данные на утро – вылетел Янукович. В Киеве уже какие-то иные силы патрулируют, чтобы не разграбили, резиденцию президента. К его загородной резиденции подошёл обыватель – ему хочется посмотреть, в какой роскоши живут господа. Но всё это мне кажется довольно обыденным. До глубины души меня потрясло известие, что чуть ли не 40 депутатов из Партии регионов уже перешли в другую, победившую, фракцию. Как шустро депутаты меняют свои убеждения! Я потрясён: всё, как у нас в 90-е. Работающие в дружной сплочке депутаты уже постановили, что Юлия Тимошенко, дама с идеальной репутацией, немедленно должна быть освобождена из узилища. <...>

23 февраля, воскресенье. Ю. Тимошенко уже выпустили из тюрьмы, она уже побывала на майдане и посоветовала всем не расходиться и добиваться своего. Янукович появился где-то на региональном телевидении и сказал: что получилось, как получилось, но он пытался обойтись без крови. В Харькове промитинговали и наговорили много патриотических слов, но, кажется, всё это останется словами. Киевская рада отменила закон о придании русскому языку статуса регионального – всем говорить по-украински! Один за другим, не решаясь протестовать против низкого уровня жизни, с пьедесталов стаскивают памятники Ленину. <...> Когда вернулся домой, то – радио на кухне гремит – Тимошенко уже согласилась идти на выборы президента, Януковича парламент от власти отрешил и исполняющим обязанности назначал депутата Турчинова. Турчинов – самый близкий к Тимошенко человек. Не успеет вернуться, Тимошенко уже взяла всю власть в свои руки. <...>

24 февраля, понедельник. С девятиных годов так долго я не оставался у телевизора и так пристально не следил за всеми политическими новостями. Весь день Украина ищет Януковича. Сегодня к вечеру выяснились все пути его передвижения. Из Киева на двух вертолётах он улетел в Харьков, где сделал свое странное и жалкое заявление. Потом на вертолётке же улетел в Донецк, где сделал попытку улететь из страны на частном рейсе. Ласковые и совсем свои донецкие пограничники из-за какой-то формальности не выпустили рейс. Уже на нескольких машинах Янукович с охраной уехал в Крым, в район Балаклавы, где остановился в одной из частных вилл. Прошёл слух, я ни минуты в него не верил, что Янукович находится на базе Черноморского флота. Этот слух вскоре был опровергнут. В Балаклаве он официально отказался от своей охраны. Дальше ничего не известно. Киев объявил его в розыск. Тимошенко уехала в Днепрпетровск к матери и отказалась от предложенного ей поста премьер-министра. В Севастополе, Симферополе и Харькове волнения и призывы к России. Татары в Крыму, которых там 10%, в Россию не хотят, но ещё больше не хотят западных радикалов и националистов – те не русские и просто их вырежут. Запад уже, кажется, готов Украине помочь деньгами. Самый интересный объект для наблюдения – это украинская Рада. <...>

26 февраля, среда. На Украине прошла волна сноса памятников. В основном это охота за памятниками Лениным, но заодно скинули и памятник Кутузову. В Харькове возникли протесты и против сноса огромного Ленина. Готовы снести, но по закону, когда Киев вынесет постановление о ликвидации всей коммунистической символики. Очень, конечно, уклончиво, но на всё нужно время. В Харькове работает группа западнцев. В Севастополе, где, намыкавшись от прежних порядков, категорически не принимают новых, уже свой мэра, избранный на народном сходе. Создают вооружённые отряды по поддержанию порядка.

Тем временем невероятным унижениям подвергнут распущенный отряд “Беркут”, самоотверженно сдерживавший в Киеве толпу, рвавшуюся в правительство квартал. Телевидение показало “репортаж”, как публично избивают одного из губернаторов, заставляя написать заявление об отставке, приковывают его наручниками к столбу, и здоровых мужиков “Беркута”, каю-

щихся на коленях под угрозой истребления. Полное звериной ненависти Средневековье.

Вышла сегодня “Литературная газета”, там тоже об Украине. Вот из статьи Арсения Замостьянова.

“И никто не возражает, когда лидер “Правого сектора” говорит: “В Украине должна быть украинская власть: в бизнесе, политике и культуре должна преобладать титульная нация. Надо провести принудительную украинизацию. Русским не понравится? Ну, и пусть у...ют обратно в Россию! А не хотят – мы поможем. Русские – это вообще не славяне, а татары и финно-угры. Сами бухают, наркоманят, но себя мнят империей и хотят загнать нас в свой “Таежный союз”. Мы этого не допустим!.. А дальше мы пойдём освобождать наши земли. Воронежская, Курская, Белгородская области и Кубань – это всё украинские территории!”.

И ещё один фрагмент статьи.

“Все молчат, когда Тягнибок, лидер партии “Свобода”, выступая на майдане, заявляет, что в новой Украине должно появиться министерство национального самосознания, в стране должен быть введен статус “негражданин Украины”, надо запретить использование русского языка, ввести уголовную ответственность за его применение. Не просто молчат. Верховная рада торопливо признала утратившим силу закон о принципах государственной языковой политики, который предусматривал расширение использования языков национальных меньшинств, в том числе и русского. Закон вводил возможность официального двуязычия в регионах, где более 10 процентов жителей считают родным язык, отличный от украинского. Региональным признали русский язык, например, Одесский областной и городской советы, а также горсоветы Харькова, Херсона, Николаева, Запорожья, Севастополя, Днепропетровска и Луганска. Теперь его запретят, а новый закон обещал написать лично Тягнибок. Легко представить, что это будет...”. <...>

Естественно, нашёлся Янукович. Боюсь, что, притворяясь придурком, он обшталал всех: и с кем враждовал, и с кем дружил. Денег у него, как говорят, нет, потому что все его деньги у любимого сына, бывшего дантиста Сашко. Сашко уже давно за рубежом. А сам Янукович оказался в Москве. Он, дескать, попросил у российских властей личной безопасности. Власти не отказали. Уже в Москве бывший, по мнению американских властей и киевских политиков, президент Украины сказал, что по-прежнему считает себя легитимным и всенародно избранным президентом, и назвал происходящее государственным переворотом.

27 февраля, четверг. На Украине теперь новая форма формирования правительства. После тёрки в Раде список был вынесен на майдан для утверждения. Разнообразными выкриками толпа встречала будущих министров, которых потом, независимо от реакции майдана, Рада всё равно утвердила, вызвав ироническую реакцию во всех уголках света. Но главное было в другом. Рано утром <...> захватили здание Крымского парламента. Ещё до этого, накануне, на площади конфликтовали между собой два митинга: русскоязычные, которых в Крыму подавляющее большинство, оскорблённые запретом русского языка, кричали “мы за Россию!”, и молодцы из татарской диаспоры, которых около 10%. Довольно быстро выяснилось, что “захватчики” – это отряды из русской самообороны. “Захват” дал возможность парламенту собраться и вынести решение о референдуме в Крыму, который назначен на 25 мая. Пока это вопрос о расширении автономии. <...>

28 февраля, пятница. Крымский парламент собрался и изменил дату проведения референдума. Когда впервые эта дата была озвучена – 25 мая, я подумал, что к этому времени всё сдуется, русское население, как обычно, запугают. Новая дата обозначена – 30 марта.

В Ростове дал пресс-конференцию Янукович. Король в изгнании. Всё это выглядит довольно жалко. На вопрос о деньгах на зарубежных счетах – швейцарские банки уже заморозили счета его семьи, его самого и 12 человек его администрации – сказал, что он человек публичный, денег на счетах, которые не были бы задекларированы, у него нет. Свою роскошную загородную резиденцию под Киевом он купил, продал всё, что у него было, за 3 миллиона долларов.

1 марта, суббота. Хочешь, не хочешь, а все события с Украиной придется записывать. Я даже подумываю, не включить ли во всех комнатах по те-

левизору, – каналы говорят достаточно разное, – тогда появилась бы возможность быть в курсе подлинных новостей. По центральному каналу днём была серия репортажей из Харькова, Днепропетровска, Симферополя, которые подходили на старую рубрику “триумфальное шествие советской власти”. Митинги, русские раздумчивые женщины с фразами о языке и что нельзя позволять кому-либо заставлять их говорить на неродном языке, митинг, скандирование “Россия, Россия!”, потом спуск украинского национального флага и подъём российского, к которому я так и не привык. В Харькове вместе с митингом показали и битву между “региональщиками” и закарпатскими националистами. Несколько дней назад националисты, т. е. сторонники нового режима, захватили здание облсовета. Милиция, которая осторожничает, как ни одна группа населения, милиция, которая труслива, как никто, новую власть трусливо оберегала, выстроившись по периметру. Но именно в воскресенье русская часть населения, демонстрируя, что скопом они не хуже западнцев, всё-таки в здание областной администрации проникла и его взяла штурмом. Показали этот бой, разбитые огромные окна здания, разбитые лица и пленных, которых было так же жалко, как своё время было жалко “беркутовцев”.

Несколько по-другому освещает те же события канал РЕН-ТВ. На меня произвели впечатление два интервью, которая Марианна Максимовская взяла у Михаила Марковича Добкина и Геннадия Адольфовича Кернеса. В интернете есть такая сноска: “мне нравятся два этих еврея”. Первый – губернатор Харьковской области, второй – городской голова. Добкин рассказывал, как он уговаривал прилетевшего к нему на вертолёт Януковича не выступать на съезде, Кернес чрезвычайно уклончиво говорил о новой власти. Ощущение, что два политика готовы немедленно сменить курс на любой в зависимости от конъюнктуры. Хотя вот что в “Википедии”:

“В период критики спецподразделения милиции “Беркут” оппозицией Добкин пришёл на сессию Харьковского облсовета 30 января 2014 года в чёрной футболке с надписью “Беркут” и организовал сбор средств на лечение милиционеров, пострадавших в ходе пресечения беспорядков, и на новое обмундирование для правоохранителей.

После государственного переворота на Украине в феврале 2014 года Михаил Добкин остался одним из немногих глав администрации областей, не подавшим в отставку, не устранившимся от исполнения своих обязанностей, и не покинул территорию страны. Из-за многочисленных угроз был вынужден вывезти жену и детей в Россию.

Являлся организатором съезда депутатов юго-восточных регионов Украины, АК Крыма и Севастополя, прошедшего в Харькове 22 февраля 2014 года. Съезд поставил под сомнение легитимность решений Верховной Рады Украины и заявил, что юго-восточные органы самоуправления берут на себя ответственность за обеспечение конституционного порядка на своей территории”.

Копирую в Дневник эти подробности, потому что Добкин уже выставил свою кандидатуру на выборы президента Украины.

Вечером позвонил с Украины Игорь. Ему кажется, что у меня точка зрения нашего телевидения. Говорил о прогнившей до корней власти. Ну, уж об украинской власти я знаю значительно больше, чем о своей. В передаче Максимовской показали парадное логово, купленное за 3 миллиона долларов Януковичем. Туда теперь ходят киевляне, чтобы побачить, как люди жили. Этот сюжет очень неглупая Марианна назвала “Концом викторианской эпохи”. Огромная, обнесённая оградой – вид с самолёта – усадьба, мещанское представление о роскоши, коллекция автомобилей. Самое главное – тлеющий в огне компромат: счета и “дарители”. Помню еврейский анекдот: “Мойша, что бы ты делал, если бы был царём?” – “Я бы ещё и немножко шил...”

Между этими телевизионными событиями весь день просидел за компьютером и закончил всё, что у меня было пропущено в Дневнике по Португалии в 2012 году.

2 марта, воскресенье. Самое неожиданное началось вчера, когда на экране появилась хорошо причёсанная и прекрасно одетая Валентина Матвиенко и начала говорить о перевороте на Украине. Аргументация даже вызвала сочувствие. Но вдруг возникло привычное словосочетание “ограниченный контингент” войск – и тут сердце у меня ёкнуло. Единственное, что утешает, это понимание, что всё это лишь пока слова и фигуры дипломатической игры. Но игра идёт с двух сторон, и у этих сторон разные интересы. У нас всё-таки

ощущение неоправданной и бесчестной передачи Украине выстраданного именно Россией Крыма. Бумажная в то время передача обернулась личностными потерями каждого русского. К игре: американские корабли, которые появились в Чёрном море во время Сочинской Олимпиады, чтобы в случае террористической тревоги забрать американских спортсменов, так там и остались.

В Севастополь прибыла группа наших хорошо подобранных депутатов Госдумы: Валуев, Терешкова, Васильев, “блестящий переговорщик” Жириновский, способный замутить любое. Я всё время думаю, как хорошо и точно кто-то из наших руководит всеми этими политическими акциями. Мятёжный Симферополь, быстро и хорошо организовавшаяся самооборона (на полуострове огромный контингент отставных, ещё советской армии, офицеров, желавших бы получать – пусть простят мне эту экономическую составляющую – не ничтожные украинские гроши, а настоящую воинскую российскую пенсию), – всё это отошло в сторону. Сейчас главное – переговоры Путина с Обамой, реакция Запада.

Днём звонил Шахиджаняну, которому я несколько месяцев назад отдал для его сайта “Валентину”. Удивительно честный парень, сразу сказал, что продолжают давать книгу небольшими кусочками на сайте, подписалось на этот медленный просмотр около ста человек и около ста же купили весь текст. Я что-то помычал, довольно жалко заговорил о своих тратах, и Саша сразу же мне сказал, что готов купить у меня право выставить в интернет все мои дневники. Была даже названа сумма.

Вечером неотрывно смотрел все передачи про Украину – и Первый канал, и НТВ, и выступление в новом прекрасном платье Матвиенко, умно, ясно говорившей. А что недоговаривала спикер Совета Федерации, очень талантливо разъяснял Владимир Соловьёв. Никаких войск пока мы, конечно, не вводим. Черноморский флот в Крыму, этого достаточно, а сверх того – возможность всегда “вбросить” подмогу. В Симферополе догадались и перенесли срок референдума пока на конец марта.

С Украины два раза звонил Игорь Лавров, он из безусловных сторонников майдана. Рассказал, что ездил два раза на майдан в Киев и внёс 200 гривен в казну этого базара в центре города. Сдавали деньги они за то, чтобы ушёл Янукович, и это они получили, но получили и ещё: вместо одной банды приходит другая, но такая же. Игорь никаких моих аргументов по Крыму, по истории, по положению этой русской колонии Украины не слышит. <...>

3 марта, понедельник. Утром сразу бросаюсь к радио – слушать новости. Путин переговорил с Обамой и Меркель. По телевидению всё время показывают военные интервенции США за последнее время, совершённые без санкций ООН. Здесь и Ирак, и Югославия, и Ливия. Им, значит, можно, а нам... На биржевом рынке обвал, доллар неимоверно взлетел, евро достиг рекорда и стоит сегодня уже 50 рублей. Наш представитель в ООН Чуркин на Совете Безопасности предъявил письмо Януковича Путину с просьбой ввести войска. Я восхищаюсь нашими неповоротливыми толстыми мужиками, так талантливо сумевшими всё предусмотреть, вывозя Януковича из Крыма. Довольно часто показывают Севастополь, который отгородился дополнительной охраной и перекрыл дороги к городу. Паша Косов прислал эсэмэску: “Такая политическая борьба идёт! Наша Катя воюет в Севастополе. Народным мэром стал Чалый, давший деньги на наш фестиваль “Артбухта”. Помню рассказы об этом таинственном русском олигархе, он не только на “Артбухту” дал деньги, но и за свой счёт создал огромный – об этом в Дневнике за прошлый год – музей “35-я береговая батарея” и создал своё остро оппозиционное по отношению к киевской власти телевидение. <...>

6 марта, четверг. “Эхо Москвы” очень своеобразно комментирует ситуацию в Крыму. Как будто он никогда не был нашим, русским. А ведь уйдя из-под России, Крым потерял благодать. Я этого забыть не могу, потому что люблю Крым русскою, отеческой любовью.

Сегодня в “Российской газете” сенсационный материал: где-то перехваченный разговор Кэтрин Эштон, верховного представителя ЕС по иностранным делам, и главы МИДа Эстонии Урмаса Паэта. Из разговора следует, что, скорее всего, и майдановцев, и бойцов “Беркута” хладнокровно уничтожала какая-то третья сила. Сила, которая рвалась к власти. Нужна человеческая жертва!

Паэт: Только что вернулся из Киева.

Эштон: Ваши впечатления?

Паэт: Впечатления грустные. Я встречался с представителями “Партии регионов”, также с представителями новой коалиции и представителями гражданского общества. Её зовут Ольга (Богомолец, активист майдана, заслуженный врач Украины. – “РГ”). Вы должны знать её.

Эштон: Да, Ольга. Я её знаю.

Паэт: Мои впечатления действительно печальные. Отсутствует доверие, в том числе доверие к тем политикам, которые вошли в состав коалиции или вышли из неё. Представители майдана и гражданского общества говорят: “Никто из них не должен войти в состав нового правительства, у всех у них грязное прошлое”.

Ещё один фрагмент из довольно большого и довольно грустного разговора. Меня поражает, что подобное – жизнь и смерть – обсуждает ещё и женщина с хладнокровием мясника.

Паэт: Ещё Ольга сказала, что, согласно всем имеющимся уликам, люди, которые были убиты снайперами с обеих сторон, среди полицейских и людей с улицы, это были одни и те же снайперы, убивающие людей с обеих сторон.

Эштон: Да.

Паэт: Она показала мне фотографии, ссылалась на мнение врачей, которые говорят об одном и том же почерке, типе пуль. И всё большую настороженность людей вызывает то, что новая коалиция не желает расследовать точные обстоятельства случившегося. Стремительно растёт понимание того, что за этими снайперами стоял не Янукович, а за ними стоял кто-то из новой коалиции. <...>

9 марта, воскресенье. Не поехал, как первоначально хотел, на дачу. И дел слишком много, и побоялся простудиться, чувствую себя ещё не свежим. Целый день сидел за компьютером, восстанавливал в Дневнике пропущенные места, слушал радио, смотрел телевизор. Естественно, главная цель – как там, в Крыму и на Украине. Днём слушал прекрасное выступление Людмилы Улицкой. Управляемая Ксенией Лариной, она говорила и о положении на Украине, и о Крыме. Как хорошо держаться прямой, как стрела, либеральной, западной точки зрения! С каким бы удовольствием и я следовал бы вдоль этой линейки! Но я всё-таки думаю несколько по-другому. Быть может, потому, что у Улицкой точка зрения россиянки, а у меня – русского человека. <...>

11 марта, вторник. <...> На кафедре среди преподавателей читается и обсуждается стихотворение Бродского “На независимость Украины (1994)”. По гнусным соображениям политкорректности, оно не вошло в собрание, а печатается в отдельном, как сказала Олеся Александровна, томе. Провидчески Бродский не только всё понял ещё в 1994-м, но и сформулировал:

*Дорогой Карл XII, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
“время покажет Кузькину мать”, вкус руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины.
То не зелено-квитный, траченный изотопом, —
жовто-блакитный реет над Конотопом,
скроенный из холста, знать, припасла Канада.
Даром что без креста, но хохлам не надо.*

Дальше ирония и иносказания переходят в открытый текст неприязни. Видимо, накопело. Но возникло и историческое предвидение.

*Скажем им, звонкой матерью паузы медля строго:
— Скатертью вам, хохлы, и рушником дорога!
Ступайте от нас в жупане, не говоря — в мундире,
по адресу на три буквы, на все четыре
стороны. Пусть теперь в мазанке хором гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.*

Финал стихотворения неуступчиво трагический и даже жуткий:

*С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухаи!
Только когда придёт и вам помирать, бугаи,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса. <...>*

14 марта, пятница. <...> Вечером не утерпел и всё-таки принялся смотреть передачу с Владимиром Соловьёвым. Собралась довольно интересная компания; были Ярмольник, Проханов, политолог из Израиля. Говорили, естественно, о Крыме и Украине. Ярмольник мягко жаловался, что не подписал документ о поддержке политики Путина, — я бы назвал это “списком Мединского”. Сошлись на том, что решимость власти воспользоваться выпавшим шансом вернуть Крым впервые позволила навести мосты между правительством и народом. Это так, об этом можно судить по рейтингу не только Путина, но и Медведева.

В передаче было очень точно подмечено — это Проханов, — что сейчас у нас в связи с Крымом появился некий пассионарный взлёт и не надо его терять. Впервые за последнее время Россия показала себя как великая держава. <...>

15 марта, суббота. <...> Решил дочитывать книгу Мотрошиловой “Ханна Арендт и Мартин Хайдеггер”. Это последние страницы; посчитал, что сделал около сорока закладок на страницах. Что-то исключительно для себя, кое-что прочту ребятам на семинаре. В перерывах между чтением пил чай и, как обычно, по субботам, слушал Ирину Петровскую и Ксению Ларину. Узнал, что кроме письма “за”, о котором писал вчера, есть ещё и письмо “против”. Кстати, много размышляя о Крыме, я почти не следил и не писал о майдане, который, конечно, в первую очередь, есть выражение недовольства народа режимом. Всё, что касается бандитов, “Правого сектора”, бандеровцев — это вторичное, так же, как группа честолюбцев, которые присвоили себе власть.

В связи с этим не могу не привести цитату из Хайдеггера. “Какими бы глубинными причинами ни пробуждался к жизни взрыв народных, национальных чувств (пусть это будут высокие основания: борьба за свободу, независимость народа, стремление вырваться из кризиса, переоценить прожитое, возродить славу и блеск национальной культуры), великие люди нации, как бы по определению, не могут быть среди тех, кто поддакивает охваченной ненавистью толпе, и тем более среди тех, кто создаёт такую толпу и взвинчивает её худшие инстинкты. Истинно великие люди духа — это те, которые чутко улавливают грань между подъёмом чувств народа, национальной гордостью и агрессивной националистической песней, отсутствием самокритики. Между честным стремлением понять истоки кризиса, причины неудач, ошибок именно своего народа — и попытками свалить все его беды на другие народы и нации. Между состоянием пусть непростого, конфликтного гражданского мира, мира между нациями и народами — и массовым кровопролитием. Человек великого духа никогда не переходит такую грань и страстно призывает к тому же свой народ и другие народы”.

16 марта, воскресенье. Весь вечер смотрел по ТВ всё, что связано с Украиной. Все это у меня записывалось, а потом поочередно, после семи вечера, просматривалось. Кстати, это позволяет не смотреть рекламу. Уже поздно вечером выяснилось очевидное: в Крыму приняло участие в голосовании 83,1% населения. Какой регион нашей страны мог бы похвастаться такой явкой? За вхождение в Россию — 96,7%. Причём наблюдатели отмечают, что замечаний по проведению выборов нет, нет ни “вбросов”, ни принуждения. Одновременно идёт дипломатическая битва: американцы — референдум не легитимен, мы — а почему не легитимен, если есть Косово? Попутно телевидение упорно и настойчиво майдан и всё, что на нём происходило, представляет как взрыв национализма и спланированные действия американских наёмников. Относительно последнего сомнений уже мало, всё достаточно убедительно. И выстрелы в спину — для революции нужна кровь и жертва!

17 марта, понедельник. <...> Вечером по телевизору — Донецк и Харьков, там тоже идут очень серьёзные волнения. Раздумывая над тем, что происходит на Украине, я полагаю, что страна не выдержала бремени государственности, и не было народа, были только желания и много эгоизма.

19 марта, среда. После театра спал плохо, просто никак, заснул в чetyре, проснулся в восемь. Съел вечером полкило сухарей с изюмом; сначала

смотрел по телевизору какую-то передачу про Крым, а потом — по “Дискавери” — историческую передачу. Почему мы не можем так увлекательно рассказывать о своей стране и истории? Историю Англии и её королей я знаю значительно лучше, чем историю наших князей и Киевской Руси. <...>

20 марта, четверг. <...> Позвонила Лена из Берлина. Поговорили о Крыме; как и у многих, у неё отношение к ситуации двойственное. С Украины уже доносятся крики о партизанской войне. У каждой страны своя собственная правда, часто диктуемая прессой. Говорили о “пострадавших”, которым запретили въезд в США. Среди них — она должна рассматривать это как награду, — и депутат Мизулина. Клялась, наверное, справедливо, что нет ни счетов, ни активов. Лена, которая тоже следит за политикой, говорит, что в Швейцарии у депутата сын; Мизулина недавно побывала у него; сын работает чуть ли не по линии ЛГБТ-сообщества. Бывают, как говорится, странные сближения. <...> Буквально ночью из своего Фастова позвонил трясущийся от гнева Игорь Лавров и стал говорить о двух списках. “Слава Богу, что тебя нет в этом списке”. Я ему объяснял, что живу в этой стране, которую люблю, и не могу плохо говорить о президенте, которого страна выбрала.

21 марта, пятница. <...> Весь день сегодня занимался Дневником и с упоением смотрел по ТВ политику. Сначала в Совете Федерации министр Лавров от имени президента представлял Закон о присоединении Крыма, и депутаты голосовали. Потом президент — новая процедура — подписал указ. По этому поводу вечером будет салют. Объявили о новой серии “невъездных в Америку”. Президент очень ловко шутил по поводу инициативы Обамы. Наш сенат предложил всего себя в список Обамы.

По радио всё-таки продолжали говорить о двух списках российской интеллигенции. Я вспомнил о вчерашнем разговоре с Игорем Лавровым и решил на эти списки взглянуть. Как возник список “против”, я не знаю, но список “за” возник в недрах и на сайте Министерства культуры. “За” проголосовали директора театров, библиотек и музеев, люди подневольные, даже те, в чьих театрах Путин высмеивается, даже те “официальные” люди, которые на кухнях плетут на сегодняшнюю власть и президента. Но почему проголосовали люди “против”? “Против” писали очень коротко: “Мы против вторжения на территорию другого государства. Мы против войны с Украиной и вражды с мировым сообществом. Мы солидарны со всеми, кто не прогибается и не поддается лжи”. В списке “против” стояла Людмила Улицкая; первой в списке “за” — Ирина Антонова. Неужели только чтобы выслужиться перед чужими? Но где-то в середине дня, когда давали отчёт о каком-то западном саммите, одно из действующих лиц сказало, что если надо, будем сокращать и индивидуальные контакты. А у большого числа наши деятелей культуры бизнес именно там — издательства, театры, антрепризы, выставки, переводы, научные конференции. Они смекнули быстренько. Из сотрудников нашего Института подписали Женя Сидоров, Женя Солоневич, Мариэтта Омаровна Чудакова. Ну, у наших, конечно, другие мотивы... Кстати, список “против” я нашёл в интернете мгновенно, а список “за” довольно долго не мог отыскать, он на официальном сайте Министерства культуры.

22 марта, суббота. <...> Попутно, естественно, слушал, а вечером и смотрел, что там происходит на Украине. Но до того как собственно начался “телевизионный вечер”, позвонил мой старый, университетской поры приятель Игорь Любинский. В юности мы с ним и с компанией ездили в байдарочные походы в район Валдая. Игорь физик, кончил МФТИ в Долгопрудном, по складу характера — либерал. И вот он позвонил мне, чтобы узнать моё мнение о Крымской проблеме, о списках; видимо, слишком много людей в его окружении и слишком настойчиво на “Эхо Москвы” говорят обратное тому, что он думает. Поговорили: я грубовато объяснил ему внутреннюю заинтересованность, приводя знакомые мне примеры и в каждом конкретном случае отыскивая вектор внутренней заинтересованности.

Удивительная вещь: утром уже не помнишь, что было вчера про Украину. Правда, помню, как киевские власти метались: вводить ли визовый режим с Россией или не вводить, т. е. разрешить ли въезд только по зарубежным паспортам. А потом, видимо, смекнули, что разгневанный народ их просто сметёт — четыре с лишним миллиона украинцев сейчас в России; отменили затею. Запомнилось также, как неудачно и грубо Марианна Максимовская брала интервью у Валентины Матвеевко, которая вчистую её переиграла.

24 марта, понедельник. <...> Днём написал письмо Марку в Филадельфию, а Марку из Израила послал стихотворение Бродского. В ответ Марк из Израила прислал мне комментарий Наума Сагаловского, в котором я увидел некое раздражение пишущего человека к славе и образу мысли человека прославленного. А почему не я? Марик тут же прислал мне несколько фотографий, объединённых его фразой “В Харькове тоже с юмором всё в порядке”. По смыслу так. На фотографиях молодые девчонки держат листы ватмана с занятными надписями:

“Страус хочет выйти из состава зоопарка”.

“Автодорожный техникум решил войти в состав Консерватории”.

“Улица Клюковская входит в состав Китая”.

“Харьковский цирк входит в состав НАТО”.

“Станция метро “Советская” выходит из состава Харьковского метрополитена”.

“Ухо выходит из состава головы и присоединяется к пятке”.

“Холодная гора объявила визовый режим”.

25 марта, вторник. На Украине под Ровно застрелили небезызвестного координатора “Правого сектора” Александра Музычку, неперемного героя всех последних репортажей с Незалежной. Это именно он и заходил в областной совет с автоматом Калашникова и трепал за галстук и бил прокурора. Как выяснилось, он побывал в давние времена и в Чечне, где, по словам закадрового диктора, был на стороне Басаева и пытал наших русских военных. Весь день шли разнообразные версии этого убийства ли, расправы ли. Вечером этим версиям была посвящена целая передача по РЕН-ТВ. Версий несколько – ни одному лагерю не нужно было, чтобы этот слуга войны жил. Успели показать уже в третий или четвертый раз, как Музычку в импортном борделе бьёт ногой в лицо дама в сапогах – каждый развлекается, как может и как хочет, бывает. Вообще обилие тайных съёмок из квартир, из борделей, с дружеских вечеринок пугает. Ощущение, что у тайных служб наготове съёмки про каждого. <...>

11 апреля, пятница. Все эти дни потихонечку через гатчинский телевизор, который больше любит рекламу, чем политику и сегодняшний негламурный день, наблюдал за Украиной. Где же выход? Весь Юго-Восток восстал, центральные силы пытаются бороться со своим народом. Народ, поживший долго под гнётом, пытается, когда дело дошло почти до националистически-капиталистического рабства, вылезти из-под глыб. Пейзажи вокруг областных администраций Харькова, Донецка и Луганска российскому телезрителю стали до боли знакомы. Технологично, как эффективная, была взята с майдана: “коктейли Молотова”, отработанные покрывки. Восхищение вызывают мужественные ребята. Такие ли решительные и ясные в своих намерениях мы, жители центральной России, или зажирели. <...>

13 апреля, воскресенье. Утром сначала я, почувствовав весну, отправился на стадион напротив – походить и побегать. Для пробы всё-таки медленной трусцой прошёл четырёхсотметровый круг, а уж потом минут тридцать ходил обычным шагом. Ел на завтрак овсяную кашу с кунжутом и тыквенными семечками и слушал по радио “Эхо Москвы” вчерашнее выступление Юлии Латыниной. Она говорила о захватах населением уже не только административных зданий в Донецке, Луганске и Харькове, но и о захватах отделений милиции в небольших городах. Процесс, естественно, неоднозначный. Я помню разговор об этом, когда недавно приходил Серёжа, сын С. П. Его тётка живёт в Крыму, и вот Серёжа говорил, что тётка-то была за воссоединение с Россией, а вот дядя, её муж, хотел бы остаться в Украине. <...>

14 апреля, понедельник. Радио и телевидение говорят только об Украине. Практически идёт гражданская война и одновременно война дипломатическая и пропагандистская. Страны ищут политический компромат, пресса демонстрирует свою связь с государственными структурами, которые её поддерживают. <...>

15 апреля, вторник. <...> Вечером смотрел про Украину. Не дай Бог жить в такой атмосфере! Весь Юго-Восток восстал, центральное правительство бросает против своих граждан войска и танки.

16 апреля, среда. <...> В ночь ушёл под телевизионные рассуждения Жириновского и большой компании соучастников. Это была передача “Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым”. Все говорили об Украине; Жири-

новский был одет в красный пиджак. Сын юриста удивительным образом умеет озвучивать первым то, что у всех на языке, или ещё не до конца сформулировано.

17 апреля, четверг. В двенадцать часов началась большая пресс-конференция Путина. Уж даже не знаю, что, потому что, кроме корреспондентов, в огромном зале сидела и знаковая общественность – Шахназаров и другие. Путин, как всегда, был блестящ, последователен и уверен в себе. Ни один человек, ни у нас в стране, ни, думаю, ни один политический деятель в мире, не способен ни на что подобное. На этот раз к микрофону допустили даже “протестующую” интеллигенцию, вроде Хакамады, и ничего – тот же эффект, у президента в доказательствах неоспоримое преимущество. Много по поводу Украины, где мы и дипломатически, и стратегически всех переигрываем, возможно, потому, что руководствуемся не сиюминутной выгодой, а некоторыми принципами. После Крыма у многих из нас появилось ощущение, что мы снова живём в великой стране. У меня чувство, что в сиюминутной и суетливой борьбе за власть в столице, которая вроде даёт ощущение власти над страной, Киев потеряет и южные свои области. Слово “Малороссия” из уст Путина прозвучало.

18 апреля, пятница. Всё-таки решил начинать дачный сезон. По пути заехал на рынок, брать какой-то швеллер, и в автомагазин – надо делать ТО машине. В дороге, естественно, слушал “Эхо Москвы”. На Украине в мелких, чисто хохляцких каверзах, кажется, сошли с ума. Отчего-то вспомнил картину Репина “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”. И рады при этом бесконечно, но это ведь только некий чуть ли не “семейный” акт. Посмеялись, порадовались, а султан по-прежнему ходит в свой гарем. Что-то похожее происходит и сейчас. Украина, несмотря на только что подписанные в Женеве документы, вдруг, боясь терроризма, перестала пропускать через границу россиян от 16 до 60 лет – они могут оказаться террористами. По радио примеры со слезой, это же будет вечером и по телевизору. <...>

19 апреля, суббота. Утром Ксения Ларина и Ирина Петровская придиричиво разбирали пресс-конференцию В. Путина. Мне это напомнило беседу двух дам у Гоголя по поводу личности Павла Ивановича Чичикова. Недостатки сыпались, как искры из-под круга точильщика. <...> Вечером – теперь с особой жадностью смотрю вечерний телевизор в надежде узнать что-то новое об Украине – после не запомнившейся передачи Вадима Такменёва пошёл жуткий материал о Юлии Тимошенко под названием “С Тимошенко в постели”. Даже для политической борьбы всего, что было сказано, многовато. Здесь и её еврейско-армянские корни, и её миллиарды, заработанные непосильным трудом, и её любовники. Было стыдно за политическую журналистику, которая должна была пользоваться такими средствами.

24 апреля, четверг. <...> Телевидение весь вечер говорило, как и вчера, об Украине. Нападение армии с танками и артиллерией на Славянск. Кажется, началась гражданская война. Думаю, что в ближайшее время Донбасс может отделиться от Украины.

25 апреля, пятница. <...> У меня сегодня гость; дело в том, что позавчера объявился мой старый знакомый из Дублинского университета Джон. Джон работает на кафедре у Сары. <...> Джон, как и подобает европейцу, пришёл строго к семи; стол уже был накрыт. Я постарался придать ритуалу приёма гостя определённую пышность – мой долг за участие ко мне Джона в Дублине. В подарок Джон принёс мне бутылку виски, купленную, судя по всему, в Москве. <...> Говорили также о Крыме и Украине. Джон, как человек много читавший русской прессы и знающий наш менталитет, говорил о некотором психозе на Западе по отношению к действиям русских. Никто, по его словам, не хочет всматриваться в подлинность событий, даже в историческую правоту крымской проблемы. Занятную реплику бросил его друг и коллега, приехавший с Джоном оператор, по поводу западных санкций. Когда приглядишься к улицам Москвы и к транспорту на улицах, а в частности, к обилию машин иностранных марок, то понимаешь: “Никаких серьезных санкций не будет, очень уж ёмок русский рынок”.

27 апреля, воскресенье. <...> Об Украине вчера прошла информация, что снова в Липецке заработала конфетная фабрика Петра Порошенко, одного из успешных кандидатов на пост нового президента Украины. Может быть, “наши” уже сговорились с будущим президентом? <...>

2 мая, пятница. Засыпал с беспокойством: как будет там, на Украине? Уже, как всегда, “источники” сообщили, что намечен штурм Славянска. Утром первым делом включил радио. Под Славянском кипит самая настоящая война. Танки, артиллерия, гранатометы, даже авиация, — кажется, власть собрала сюда всё, что у неё было. Но два вертолёт повстанцы уже сбили, погиб лётчик. <...> Лёг довольно рано. По ТВ и радио передали о событиях в Одессе. Если коротко, то армия футбольных фанатов из западных областей, приехавших на матч, разгромила палаточный городок федералистов в центре, которые собирали подписи в поддержку референдума. Уже говорят о жертвах.

Говорили также о поездке на Украину Владимира Лукина, он должен уговорить новые власти в Славянске вернуть, т. е. выпустить из плена, так называемых инспекторов ОБСЕ. Судя по сообщениям, это не вполне инспектора, а скорее советники нового украинского правительства, выполнявшие функции досмотра того, что делается у повстанцев. Первоначально предполагалось их обменять на взятых в плен лидеров и бойцов федералов.

3 мая, суббота. Снился удивительный кино-сон: Валя, Висконти и Дзеффирелли. Это, видимо, связано с тем, что Паша Косов прислал эсэмэску — Юрий Арабов написал роман о Ленине, и его напечатал “Огонек”. Роман, как и у меня, написан от первого лица. Думаю, что мой роман Арабов читал, по крайней мере, я рад, что найденный мною приём работает.

Сразу же включил радио — трагические известия из Одессы, чуть ли не 17 жертв, вечером, конечно, по телевидению будут подробности. С каждым днём жить становится страшнее, очень боюсь, что приближается война. Говорили также о санкциях, которыми всё время грозят США.

<...> Вечером по телевизору был ужас вчерашнего побоища в Одессе. “Украинские патриоты” сначала разгромили палаточный городок федералов, началась драка, потом федералов, мужчин и женщин, загнали в какое-то общественное здание и подожгли его. Чудовищные кадры людей, прыгающих с четвёртого этажа. Внизу тех, кто не разбился, футбольные фанаты с запада добивали — блюстители своего языка! Девушки, видимо прибывшие с фанатами, сторонницы унитарного государства и, может быть, филологини, готовили “коктейли Молотова”, которыми забрасывали здание. Большинство погибших людей умерло от отравления дымом. В тех, кто вылезал от огня на крышу, стреляли. Больше 50 погибших и более 200 раненых. Показали, как после пожара какие-то нелюди хищно обыскивали покойных — искали российские документы. Погубили одесситов. Губернатором было приказано милиции побоищу не мешать. Пожарные машины тоже не ехали. Ничего более страшного я по ТВ никогда не видел. Уже вспомнили про Хатынь. Тяжела жизнь людей, принимавших участие в этих убийствах. Им предстоит расчёты с собственной совестью и Богом. С возрастом совесть ковыряет всё глубже и беспощаднее.

4 мая, воскресенье. Уже в Москве. По новостным каналам, кроме Украины, ничего, а на остальных пляшут и поют. С Украины страшные подробности из Одессы, бои под Славянском. В Мариуполе федералы взяли ещё одно административное здание и разгромили местное логово “Батьковщины”. <...>

7 мая, среда. <...> Кажется, на все санкции после Украины мы ответили некоторым поворотом. Сегодня Путин уже не советует федералам и повстанцам проводить референдум 11 мая. Показали большое количество тяжёлой техники возле Славянска — войска собираются штурмовать непокорный город. Не бросим ли мы, так далеко заманив, Украину? Здание администрации в Мариуполе, которое штурмом, но без выстрелов взяли регулярные войска, через три часа снова было у повстанцев. Желто-голубой флаг недолго развевался над городом. Все ритуалы с флагом очень в ходу, их поднимают, кропят чем-то красным, что напоминает кровь, рвут, жгут, спускают. Наше телевидение очень любит выступления женщин, воровски лоя их в горе, или заставляет на накатанной страсти митингов говорить о том, что на своей земле все они будут стоять до конца. <...>

8 мая, четверг. <...> Послушал немножко радио. Со вчерашнего вечера все говорят о том, что Путин бросает Украину, меняет, испугавшись санкций, курс. Я понял, что происходит что-то, уже по тому, что вдруг депутаты Госдумы не захотели ехать наблюдателями на Украину, на референдум. Друзья мои, вы плохо знаете и Путина, и византийские приёмы русского ума: ещё ве-

чером я был уверен, что, несмотря на совет Путина, референдум состоится. Донецку и Луганску без этого не обойтись, им надо выйти из игры, хотя бы получив результаты. Игра с Донбассом – долговременный проект. Ощущение, что Россия должна восстановиться в своих исторических границах.

<...> И в Луганске, и в Донецке пренебрегли “просьбой” Путина – референдум состоится 11 мая.

12 мая, понедельник. Утром был Паша Косов, ели с ним овсяную кашу и проговаривали все последние события. Паша, в частности, в подробностях рассказал мне о военных действиях в Мариуполе 9 мая. Тогда, оказывается, дело обстояло так. Местная милиция, которой было приказано любыми силами разогнать народ, отказалась стрелять. Тогда местный начальник милиционеров заперся у себя в кабинете и попросил по связи подмогу. Приехавшие быстро “солдаты, верные королю” сразу принялись по восставшим стрелять. Было несколько раненых и убитых. Каким-то образом начальнику удалось выскользнуть из своего укрытия и бежать. Через два дня его нашли повешенным где-то в лесопосадке.

<...> Вечером передали уже более точные цифры по референдуму, они почти такие же, как в Крыму. По моим несовершенным подсчётам, если всех не явившихся на голосование посчитать как сторонников режима Киева, то все равно счёт 4:1, три четверти голосуют за спокойную жизнь, за русский язык, в подтексте – за жизнь с Россией.

13 мая, вторник. <...> Теперь уже не обойтись без Украины, а здесь новости. Было покушение на Болотова – лидера только что провозглашённой Луганской Народной Республики. Потерял много крови, но жизнь вне опасности. Такая же республика была провозглашена в Донбассе. Сейчас возникли разговоры об объединении этих двух новых образований в единое целое. Политические шаги, которые предпринимаются на этих территориях, своевременны и точны. Уже идёт формирование органов власти и создание своей армии. Параллельно идёт попытка примирить, чтобы не допустить развала Украины, восток и запад. Я думаю, попытка почти безнадежная. Завтра состоится некий круглый стол между Юго-Востока, но с двумя старыми лисами-президентами.

14 мая, среда. <...> По радио и ТВ материалы о перехваченных переговорах миллиардера Коломойского. Как утверждают средства массовой информации, именно на его деньги была спровоцирована резня в Одессе. Хотели, оказывается, погнать, разогнать лагерь сепаратистов на Куликовом поле, а нанятые фанаты увлеклись. Этому джентльмену хочется и Одессу, в которой “никто не пикнет, как у него в Днепропетровске”. Коломойский угрожал лидеру Донбасса Царёву и сказал, что за его голову назначена премия в один миллион долларов. В других разговорах с этим невысоким человеком, одновременно похожим и на нашего режиссёра Соловьёва, и на кинопродюсера Рудинштейна, звучала еврейская тематика; его знакомые называют его Беней. В осаждённом Белом доме Ельцина журналисты между собой называли Беном.

18 мая, воскресенье. <...> Вечером, методично складывая все новостные программы, которые заполнены только Украиной, наконец-то понял весь расклад. Кстати, не все каналы так однозначно, как “Россия” с Дмитрием Киселёвым или НТВ с Мамонтовым, анализируют происходящее. На РЕН-ТВ Марианна Максимовская, одетая в элегантный костюм и туфли на грандиозном, как Эйфелева башня, каблуке, помогла бывшему министру финансов Алексею Кудрину считать наши потери в связи с Крымом и возможные потери в связи с гипотетическим присоединением Донбасса и Луганска. Считали они по-крупному, расходами на Сочинскую Олимпиаду <...>. Крым – одна Олимпиада, если Донбасс и Луганск – ещё две или три. Напирали, что где-то не будет построен детский сад, а где-то – больница, а где-то не проиндексируют зарплату. В расчётах интеллектуала-финансиста и элегантного телевизионного обозревателя отсутствовали только страдающие, в основном, русские люди. О языке и культуре не говорю.

Теперь о “раскладе”, о котором упомянул выше. С углеродами на Украине дело обстоит не так просто. Оказывается, там уже давно существуют некие компании, кажется, с участием и американского капитала, которые собираются добывать газ из сланцевых пластов. Но вот что удивительно: ареал залежи этих сланцев почти в точности на карте соответствует границам восставших против Киева Луганской и Донецкой областей. Уж этого-то мы не отдадим! Это будущая самостоятельность Украины в газе.

21 мая, среда. <...> Вечером, как обычно, смотрел ТВ. Героем здесь Путин, который уже в Пекине. Заключен контракт века: мы будем поставлять сибирийский газ в Китай. Наша пресса упорно говорит, что это ни в коем случае не в пику Украине. Но, как я понимаю, вести газовый диалог с нею теперь проще. Контракт заключен на 30 лет, это в том числе и новые рабочие места. На Украине готовятся к выборам президента, которые состоятся через четыре дня, поэтому добивают несчастный Славянск при помощи тяжёлой артиллерии. Мы как бы, смирившись перед процедурой нелегитимных выборов, которые в любой момент могут оказаться легитимными, отстранились. Я думаю, ждём, когда Донбасс сам упадёт к нам в руки и отказаться от него будет невозможно. Положение очень своеобразное. Россия, как привыкла за последнее время, выиграет и здесь. Какой-то скандал из-за сообщения из Киева на сайте “Эхо Москвы”. По привычке всё обостряется, уже звенят понятия “пятая колонна” и любимое слово нашей прессы – предательство. Венедиктов на всё это отреагировал очень спокойно. <...>

22 мая, четверг. <...> Вечером по ТВ – снова Украина. Я думаю, что к воскресенью что-то в Луганской области и в Славянске произойдёт. Если смогут, то киевские власти всё-таки вдавят свой порядок, по крайней мере, постараются – иначе выборы окончательно нелегитимны. Пока на броневике инкассации приехали и расстреляли часть молодых армейских новобранцев, которые не хотели стрелять по своим и практически перешли на сторону сепаратистов. Месть “патриотов Украины”. Потом прилетели вертушки, всё сожгли и затёрли следы преступления. Всё это происходит потому, что одна группа людей хочет отнять власть у другой. Это политика. Ради наслаждения властью можно губить и убивать. Почему Господь до сих пор не покарает политику?

Между тем, ощущение очень точных ходов русской дипломатии. Я это связываю с чёткой деятельностью Лаврова. Со временем о нынешнем министре иностранных дел, возможно, будут говорить, как о канцлере Горчакове.

Занятные происшествия в Крыму. Крым живёт с ощущением советского времени и нравов. Они объявили акцию “Чистый берег” и сейчас спиливают железные загородки, отделяющие пляжи перед дворцами и виллами финансовой знати от простого народа, – берег принадлежит всем. Если бы что-нибудь подобное произошло у нас где-нибудь в Пестовском водохранилище!

25 мая, воскресенье. <...> По ТВ – Украина и Путин, ловко и отвечающий на все вопросы корреспондентов и участников Экономического форума в Санкт-Петербурге. Две области, Луганская и Донецкая, объявили себя республикой Новороссия, показали план.

26 мая, понедельник. Выборы на Украине выиграл шоколадный король Порошенко. Весь прошлый день в Киеве шёл дождь, даже град. Смывал ли дождь все следы прошлого, или природа бунтует против новой власти, покажет время.

<...> По ТВ – ужас в Славянске и Донецке. Сколько же крови стоит власть и национальные амбиции!

29 мая, четверг. <...> По ТВ до слёз проняла “украинская” сцена, когда матери подошли к воротам воинской части, чтобы выкликнуть своих уже отслуживших срок детей. Славянск и Луганск бомбят уже по-настоящему. “Повстанцы”, “бандиты”, “сепаратисты” – смотря кто как называет и с какой стороны, – вчера сбили два вертолёт, которые летали над сепаратным пространством. Ужас обездоленных, почти как в кино смотрится, когда показывают Африку. Этот абстрактный и мучительный ужас сменился полнокровным славянским несчастьем. Жалко детей, детёнышей... Что же будут делать люди, оставшиеся без жилищ?

2 июня, понедельник. <...> Вечером по всем каналам показали штурм киевскими войсками Луганска, и как два высокоскоростных самолёта сбросили ракеты на здание администрации, в которой сейчас штаб ополчения. Раненые мирные жители, дети, слёзы, истерики женщин. Украина перевела “Газпрому” что-то около 800 миллионов за наш газ, наши уклончиво пообещали отсрочить предоплату.

3 июня, вторник. <...> Вечером развлекал себя, ещё раз посмотрев старый фильм “Кастрат Фаринелли”. Теперь всё это кажется мне не таким глубоким, как раньше, но музыка хороша, я люблю исторические фильмы, вдобавок здесь Гайдн.

А перед этим Украина, Луганск. Меня восхищает эта борьба, в которой так мало надежд на удачный исход. Какие люди, какая отвага, вот что значит идея! Регулярная армия бьёт из пушек, бомбит с самолётов, но вчера “террористы” разоружили две части в Луганске, распустив солдат по домам, захватили два бронетранспортёра и подбили, повредив, два вертолёта.

5 июня, четверг. Все утро, как и обычно, мучительно собирался в дорогу. В Крыму должен состояться какой-то конгресс, связанный с культурой, а параллельно – встреча с крымскими писателями. <...>

Часов в девять оказались в Алуште. Поселили в большом, с хорошей зеленой территорией отеле “Золотой колос”. Три “звезды” – рассчитано на холлов среднего достатка. Наверное, это старый санаторий с новым коммерческим корпусом. Узенькие, как тюремные камеры, одноместные номера. Но, правда, есть все необходимое: койка, телевизор, холодильник, туалет, душ, кондиционер, шкаф, запах ацетона и синтетики от мебели. В коридоре, на всякий случай, как резерв для вторжения, – стоят раскладушки.

Несмотря на поздний час, пошли к морю, оно минутах в пятнадцати, каменистые тёмные пляжи; потом через прекрасный старый парк попали на набережную. Народа всё-таки не так много, как бывало в это время раньше. Услышал реплику: “Хохлы не едут”. А им сейчас и не до этого. Набережная в относительном порядке, по ощущению – время наших девяностых. Везде крымские вина, открытые допоздна тирры, свет, разная музыка, громкость, по старой битой бетонной плитке ходят бедные девушки на огромных каблучках и платформах. Пир и праздник бедняков.

6 июня, пятница. Утром в половине восьмого ходили на море, пляж галечный, тяжёлый для вхождения в воду; я только окунулся; вода показалась мне очень холодной, боялся простудиться; сразу вышел; ребята долго и отважно плавали; я порадовался за их здоровье. Силы заметно меня покидают, после завтрака не рискнул идти на пляж, хватит и пятнадцатиминутной утренней прогулки. Крым, конечно, сильно запущен, это видно по дорогам и асфальту, по старым пятиэтажкам. Но надо отметить, что пока ехали от Симферополя – много, как в Подмоскovie, новых хороших и в зелени особнячков и особнячков. По жёлтым трубам, идущим от дома к дому, видно, что всё сплошь здесь газифицировано. Если бы что-то подобное можно было наблюдать в средней полосе России!

Как счастливое наследие украинского сытного менталитета – плотный и обильный завтрак. Шведский стол, все – и мясо, и омлет, и творог, и сметана, и даже овсяная каша, – но все сытное, на молоке и с сахаром. Наш номер в конгрессе – “совещание с писателями” – только во втором часу. За завтраком говорили о проблеме возвращения собственности. Как её будут возвращать? Наверное, были добросовестные покупатели, были и первые владельцы, были же министерские санатории, пионерлагеря и санатории. Будет ли хотя бы минимальный выкуп? Говорили и о Путине в ситуации Крыма и Юго-Востока. Об опасности для него лично его курса. При всех разговорах о народном благосостоянии он человек олигархов, хотя и приниженных в нашей стране по сравнению с Украиной. Надо вспомнить его молодость времён Собчака. Чем всё это закончится? Путин всё чаще и чаще с неприязнью говорит о советском времени, будто его боится.

<...> В три часа началась встреча крымских писателей с лидером парламентской партии “Справедливая Россия” Сергеем Мироновым. <...> Всё это приурочено ещё и ко дню рождению Пушкина. 215 лет. Миронов говорил о том подъёме, который возник в стране после присоединения Крыма. И как полагают Миронов, в первую очередь, этим триумфом мы обязаны крымчанам, которые целых 23 года смогли сохранять язык и русский уклад жизни. Именно в этом успех референдума о присоединении Крыма к России. Оказалось, что мы знаем только общие цифры этого успешного референдума. А они не очень простые: один Севастополь дал чуть ли не 98%.

После Миронова очень долго и не вполне деликатно говорил с писателями артист Конкин. Много, как обычно у актёров, о себе и потом – собрание исторических эпизодов, не всегда сбалансированных. Писатели не любят, когда их поучают.

После небольшого перерыва уже говорили и местные писатели, и говорили довольно интересно. В частности, о своеобразии именно крымской литературы как об особом анклавной русской культуры. Говорили также о том иму-

ществе, которое когда-то принадлежало русским писателям, и о возможности опять им пользоваться. <...>

<...> После ужина довольно долго ходили по Алуште. Два знаменательных дома. В одном из них во время подготовки Ялтинской конференции ночевал Сталин. Вероятно, этот небольшой дом ещё дореволюционной постройки, солидный особняк. Второй дом построен с современным шиком нового богача. Когда мы проходили возле него, целая бригада работниц мыла мраморные стены, крыльцо и квадратные колонны. Дом купили под банк “Российский”. Банки, как и маркитанты, приходят на освобождённую территорию первыми.

Как бы хотелось, чтобы с Крымом всё было закончено, но думаю, история эта разгорается, и она параллельна событиям в Луганске и Славянске. Славянск уже по-настоящему и упорно обстреливают из гаубиц и из системы залпового огня “Град”. Под городом действует около 80 танков. Жертвы с обеих сторон. Я полагаю, что если всё это не закончится, то вся эта толпа головорезов, уже привыкшая к войне и военному образу жизни, может быть переброшена в Крым.

Очень тяжёлое положение Путина.

7 июня, суббота. <...> Всё утро, и до завтрака, и после, говорили об Украине и перетирали телевизионные вести — кто и что видел.

Во-первых, Путин всё-таки встретился с Порошенко. Как выразился Песков, пресс-секретарь президента, “беседа прошла на ногах” — переговоры стоя. И, кажется, теперь всё потеплеет. Я-то думаю, что врать о своей вовлечённости в конфликт станут больше. Правда, вчера Путин встречался с Кэмероном. Эта английская сука, неизвестно из какой партии, желающая выслужиться перед мировым либеральным сообществом, не подала, как комментирует пресса, Путину руки.

Во-вторых, бои на Юго-Востоке продолжаются. “Наши” сбили разведывательный самолёт, пилоты, кажется, спаслись. Это означает, кроме прочего, ещё и то, что, значит, есть чем сбивать.

В-третьих, ребята долго издевались над постыдной сценой, когда еврей Шустер на русском задавал Яценюку вопрос, а тот на мове старательно отвечал. Не могли в целой Украине сыскать говоруна, который мог бы задать на украинском вопрос премьер-министру!

По поводу украинского языка. Судя по некоторым признаниям специалистов, из языка выкорчёвывается всё, что имеет сходство или огласовку с русским, и эти слова заменяются полонизмами, отчего украинский диалект русского языка огрубляется и лишается прежнего очарования.

Днём, после весьма крепкого завтрака, опять долго гуляли по городу, заходили на базар, купили свежей местной черешни — лучшая стоит 130 рублей кг, но есть и по 100. Потом в универмаге купили для меня две пары летних брюк. Городок с его центром и парком прекрасен, но народа маловато. Кто же предполагал, что внезапно и только что перешедший к нам Крым и заново отремонтированный Сочи начнут конкурировать!

Довольно много говорили о Путине, его биографии и послужном списке, о Собчаке, Ельцине. <...> Много раз слышанные мною фамилии героев, действующих на основной сцене нашего Отечества, вдруг расцвели иными цветами и оттенками. Внутренний сценарий многих поступков на этой сцене бывает шит и корыстью, и тщеславием, и подлостью. Театр марионеток в действии.

<...> Смотрел, всё-таки получил удовольствие. Встретил здесь на конгрессе Елену Драпеко — она всей этой массой деятелей культуры и руководит. Налаживаем мосты с культурой в Крыму и одновременно занимаемся партийным строительством “Справедливой России”.

По ТВ вечером Валентина Матвиенко с Сергеем Минаевым. Я застал только конец передачи. Главный наш сенатор рассказывала, что Совет Федерации внёс в Думу проект закона о контроле над генно-модифицированными продуктами. Матвиенко полагает, что страна наша так велика, что может обойтись и продуктами натуральными. В парламенте — фамилии она назвать отказалась — есть люди, которые противодействуют этому закону. Полагаю, что едят они при этом сало и творог с крестьянских подворий, а не из сетевых магазинов.

8 июня, воскресенье. Утром сказали, что билет мне поменяли, улетаю неудобным вечерним рейсом сегодня. <...>

Днем опять ходили по Алуште, нашли генуэзскую башню пятнадцатого века, если что-то на памятной доске при чтении не перепутали, рассмотрели, на рынке купили 2 кг черешни, она сегодня уже по 90 рублей, и по дороге съели. Опять долго и много говорили о сегодняшней жизни писателей. <...>

Уже второй день заходим в магазинчик возле отеля – санаториев вроде сейчас нет, но в нашем трехзвездочном отеле целый медицинский корпус – там продаются “напитки”. Невероятные, по сравнению с обезумевшей Москвой, цены. Кружка пива – 40 рублей, рюмка прекрасной чачи или граппы – 25. Напили почти на 100 рублей. Для сравнения: цены в “Домодедово” – 780 рублей кружка пива.

Что касается цен, то они, в принципе, небольшие. Маленький одноместный номер, с питанием и одной из пяти или десяти медицинских программ стоит 1482 рубля осенью и зимой, и 4522 в “высокий сезон”, июль-август. Жалуются ли народ и как относится к происходящему?

Естественно, я взял интервью: мы, конечно, все за Россию, но у многих родственники на Украине. После замены гривны рублём цены выросли. Взял, конечно, интервью и относительно так понравившегося мне санатория. Он еще советский, сейчас принадлежит какому-то украинцу. Зарплату пока не прибавили, она маленькая, с работой в Алуште трудно.

В шесть часов на небольшом, классном минивэне уехал в Симферополь. Попался прижимистый, хитрый хохол шофёр. Взяв единственного пассажира, это меня, он потом заехал на остановку автобусов и троллейбусов до Симферополя и взял ещё десять или двенадцать пассажиров. При этом была разыграна небольшая сцена. Пока ехали к остановке, шофёр кому-то звонил и, как только мы остановились и начали садиться возможные пассажиры, появился некий как бы кассир. Здоровенный мужчина, собирающий со всех по семьдесят рублей. Потом за машиной произошла делёжка: одному – за провоз, другому – за услугу на маскараде.

Хорошо и удобно в самолёте устроили; спасибо Ольге, помощнице Елены Драпеко. Сидел у окна на первом ряду. Крым – это очень большая земля. Долго летели над Азовским морем, картины на закате дня потрясающие. В Домодедове заскочил в электричку, уходящую в 24.00, без пятнадцати час был на Павелецком и успел на пересадку на Театральной. В половине второго был дома.

10 июня, вторник. <...> Показывали разбитый Славянск, но всё-таки Донбасс и Луганск держатся. Украина неприлично кочевряжится во время газового торга.

13 июня, пятница. <...> Вечером посмотрел НТВ. Путин переговорил с Порошенко – два народных избранника, обеспокоенные жизнью своих народов. Тем не менее, доблестная украинская армия вовсю бомбит ненавистные города восставших и начала применять фосфорные бомбы. Показали, и как красиво летят от них искры, и ужасные ожоги, которые почти невозможно лечить.

14 июня, суббота. Рано лёг спать под урчание радио “Эхо Москвы”. Ночью божественная Ксения Ларина со своей компаньонкой допрашивали Веллера и Радзиховского. Частями, просыпаясь, слышал и того, и другого. У обоих всё получается очень гладко, но в духе мировоззрения редакции. Веллера смущает невероятная поддержка народом Путина, чуть ли не 90%. Отсюда вывод, что народ склонен, чтобы им обязательно управляли. Как склонен, так уж и склонен, народ перевоспитать трудно. Кстати, впервые за многие десятилетия и даже за несколько столетий, пожалуй, после Петра Первого, который энергично всем управлял, Россией правит чисто русский человек. Веллер, кстати, отчетливо формулирует, что Украина – это всегда союз говорящих и по-русски, и по-украински.

Утром проснулся – новые экстренные известия. В Луганске повстанцы из зенитной артиллерии сбили большой самолёт украинской армии, идущий на посадку. Погибло, по некоторым данным, 39 человек.

<...> Вечером Греция проиграла Эквадору в футбол. А до этого была опять Украина и братоубийственная бойня. Уже наше посольство в Киеве забрасывают яйцами. В Киеве объявили трёхдневный траур по случаю гибели ИЛ-76, это 49 человек военных.

15 июня, воскресенье. Опять в дороге слушал радио. Российское посольство закидали яйцами, зелёнкой, забросали взрывпакетами, сорвали

флаг, попортили вывеску, побили стоявшие рядом машины дипломатов. Но отличающееся вороватостью украинское простонародье – сужу по прапорщику в советской армии – не было бы самим собой, если бы не украдо ещё и отдельные детали из посольских автомобилей. Это уже из интернета. Деловое радио – “Бизнес-ФМ” – сказала: сначала собравшиеся у посольства требовали, чтобы к ним кто-нибудь вышел. Естественно, никто не вышел. А кто мог выйти? Компьютерщик Михаил Зурабов, один раз уже спровоцировавший монетизацией льгот пенсионеров чуть ли не восстание? Мог бы выйти Черномырдин и аккуратно объяснить, что ракета, подбившая самолёт, есть на вооружении и в украинской армии. Кстати, уже есть сообщения, что ракета шла из расположения аэропорта, полностью контролируемого правительственными войсками. А в аэропорте сейчас конфликт между львовским и донецким ОМОНОм. Донецкие в своих стрелять не хотят.

В Москве хлебал суп и слушал, как Ксения Ларина пела дифирамб хитрому хохлу Роману Виктюку. Среди прочего он очень ловко сказал именно об искусстве власти и привёл, кажется, выдуманный пример о том, как король Фридрих любил Баха. У нас Путин любит Никиту Михалкова, а из писателей – Лукьяненко.

16 июня, понедельник. С Украины мой ученик переслал мне небольшой текст – это несколько иное видение, более глубокое и по-своему трагическое видение ситуации. Нельзя не обратить внимание на заголовок.

Оформление Каганата

После недавнего визита В. Нуланд в Одессу следует понимать, что мы обсуждаем не уже мелких помощников олигарха Коломойского, а вероятных претендентов на руководящие посты в территориальном квазиобразовании, которое оформляется на Юго-Востоке явочным порядком. Коломойский, формально оставаясь рядовым председателем Днепропетровской ОГА, на самом деле контролирует ещё 2 области – Одесскую и Харьковскую.

Среди ближайших вероятных приобретений Коломойского – Запорожская область и ряд постов в новом правительстве (в министерстве топлива и энергетике, министерстве промышленной политики, национальной комиссии регулирования электроэнергетики, возможно – фонде госимущества).

Итак, в ближайшие месяцы на Украине завершится создание “государства в государстве” – феода, состоящего минимум из 4 областей и управляемого командой Коломойского. Чем они займутся?

1. Вероятно, перераспределением украинских активов российских компаний и граждан – не пропадать же опыту корпоративных конфликтов. Корбан ещё в марте заявил о готовности к таким действиям. С учётом интересов патрона, кандидатами на национализацию могут стать Облэнерго (Энергостандарт, группа VS Energy), Побужский ферроникелевый комбинат (Solway), Лисичанский и Одесский НПЗ (Лукойл, ВЭБ). Причина будет озвучена стандартная: нарушения в процессе приватизации.

2. Уже очевидно, что Фирташ и Ахметов не вписываются в новую систему власти на Украине. Это грозит им потерей ряда активов с общими признаками: не нуждаются в крупных срочных инвестициях, могут сразу генерировать прибыль, не завязаны поставками сырья и/или сбытом на РФ. Под эти признаки подпадает энергетический холдинг ДТЭК Ахметова и титановые активы Фирташа.

Также следует понимать, что, в первую очередь, с этими людьми придётся жить в соседстве на восточной границе РФ. И они, а не киевская власть, пока что будут реальными хозяевами как минимум четырёх областей на Юго-Востоке – в зоне российских интересов”.

<...> Вечером по ТВ много о газе и Украине. Газ теперь по предоплате. Людей невероятно жалко, как они будут жить? Зима не за горами, а все эти дома, гаражи, огороды, всё это нажито за многие годы. По телевидению в большой информационной войне против Украины, в передачах по всем каналам очень часто показывают одни и те же страшные кадры. Видимо, изобразительного материала не хватает, идут повторы. Часто это кадры, прошедшие два или три дня тому назад, а у невнимательной части публики создается ощущение, что всё это снято сегодня.

17 июня, вторник. <...> Вечером до глубокой ночи читал “Безобразную герцогиню”, искал кусок в Дневник и смотрел телевизионные новости. Укра-

ина всё время занимает две трети всех телевизионных программ. Выпустили и привезли в Москву двух журналистов “Звезды”, которые были в плену у “Правого сектора”. Бедолаги говорят, что их там крепко били, и под пытками они дали соответствующие “признательные показания”, которые, наверняка, были показаны по местному телевидению. Матросовых и молодоговардейцев ныне нет. Врали, москали? Врали! И сегодня же убили ещё двух телевизионных журналистов. На этом фоне на Украине возник ещё взрыв на газопроводе и разговор Порошенко с Путиным. Самостийная Украина сейчас решает самостоятельно маркировать русско-украинскую границу и строить “китайскую стену”. О решении прекратить сотрудничество в военно-промышленной сфере не говорю. На “Мотор-Сич” делают, конечно, прекрасные моторы для вертолётов. Но какова наша непредусмотрительность: за двадцать лет так и не смогли додуматься, что такая большая страна, как наша, должна хотя бы в обороне, не говорю уже о питании, быть самодостаточной. Ещё раз стала очевидной доктрина Сталина, который за этим-то следил.

18 июня, среда. <...> Домой, порядком измученный, приехал в седьмом часу. Что-то поел, смотрел ТВ – убили двух наших корреспондентов телевидения. Сейчас ТВ концентрируется ещё и на огромном потоке беженцев, прибывающих с Украины из разбитых городов. В основном это женщины и дети, кому уж бежать не по силам, остаются в осаждённых погребках. Вечером часа полтора работал над Дневником – что-то ровнял в той части, которая посвящена Австрии. Но перед тем, как ложиться спать, вспомнил, что не записал чрезвычайно любопытную информацию, которую целый день – слышал в машине – крутило радио “Бизнес-ФМ”. Чету Клинтонов, Хилари и Билла, обвиняют в уклонении от уплаты налогов. Формально ничего незаконного они не сделали. Доставшийся им в наследство особняк разделили на три доли, и каждую долю каждый член семьи сдал в независимое трастовское управление. Обычная уловка миллионеров, сказал комментатор. Здесь только плоховато с моралью, потому что Хилари довольно часто говорила о налогах и позиционировала себя как представительницу среднего класса. Одновременно было сказано, что, читая лекции в каких-нибудь очень богатых компаниях, бывшая госсекретарь брала по 200 тысяч долларов за выступление.

25 июня, среда. <...> На Украине идёт какое-то перемирие. Путин пере зывается с Меркель и Олландом. Донецк и Луганск объединились в федерацию – “Новороссия”. Просто так украинская эпопея не закончится. Вчера, когда Путин был в Вене, один из австрийских деятелей напомнил, что некоторая часть Украины сто лет назад была частью Австрии. Путин достаточно шутиливо на это отреагировал.

28 июня, суббота. Дачная жизнь началась с новостей по “Эхо Москвы”. Как все и ожидали, новый президент Украины Пётр Порошенко объявил о продлении перемирия. Ничего другого он сделать и не мог. Продлевать войну – уничтожить собственный народ. Возможно, во имя власти и приумножения своего богатства, он к этому и готов, почти как любой политик. Но здесь он в тисках общественного мнения, потому что почти любой олигарх ходит в овечьей шкуре демократа и либерала. Как бы украинская война пошла, если бы не телевидение, интернет и общественное мнение! Все области, занятые сепаратистами, уже давно были бы в крови и дыму. В груди каждого крупного капиталиста живёт феодал. О, милое Средневековье! Шанс Порошенко – вернуть Юго-Восток, удовлетворить майдан, националистов и друзей по волчьей стае хозяев жизни, и всё это сделать руками Европы. Положение Порошенко, как и положение Путина, ужасно. Но наш выберется, у него хотя бы есть принципы.

Выяснилась из требований Европы и наша диспозиция: сепаратисты удерживают три пропускных пункта на границе России и Украины. Требуют отдать, т. е. оставить без поддержки России. Нам дали три дня ультиматума – тогда новые санкции. А дорожка американская сланцевая нефть всё ближе. Но тем временем власть на Юго-Востоке всё отчётливее приобретает черты государственности.

Это, собственно, первые мои московские соображения и заметки по этому поводу. Но я многого не знаю, поэтому рассуждаю, как пикейные жилеты на “Эхо Москвы”.

Второе, о чём сказала “Эхо”, – это увольнение “лидера евразийцев” Александра Дугина из МГУ. Мотив – волна каких-то протестов, которые про-

катились после его заявления, связанного с украинскими событиями. Кого-то он тоже предложил убивать. Я об этом не знал, теперь мне становится яснее позиция Евгения Сидорова, который так запротестовал против приглашения Олесеи Николаевой Дугина к нам в Институт. Я тоже слушал его лекцию о постмодернизме, ни о чём другом, лекция показалась мне интересной. Вместе с Дугиным, который заведовал кафедрой международной социологии, — могут быть ошибки, воспринимал на слух, — уволен и Добренков, декан социологического факультета. Я его смутно знаю, он из клуба Рыжкова, в начале перестройки у него погибла дочь. <...>

1 июля, вторник — 3 июля, четверг. Прошедшие дни слились и показались мне каким-то одним отрезком времени. Всё собралось, сбилось в комок внешних событий. Но, в принципе, лень, Дневник поднадоел, столько отнимает сил, а результат лишь заоблачный, стоит ли надрываться? Ой, стоит, ой, надо, это мой урок, который назначен, камень, который я должен ежедневно катить в гору. Господи, прости лень и небрежение расслабленному. Стар и немощен, сил, как прежде, на всё не хватает.

Сначала Украина — слезу за всем день и ночь, смотрю телевизор, читаю. В понедельник закончилось по инициативе Порошенко перемирие — гвоздят, не приведи как, Господи. Непонятно, ради чего. На эти детские гробы по телевизору уже невозможно смотреть. Старики, старухи, женщины — перемажут несчастье, мужчины в основном воюют. В Москве на Троекуровском кладбище уже целая аллея могил журналистов. Несколько раз по каналам были прощания с убитыми коллегами. Взвешенные слова коллег и их траурный прикид слишком иногда выразительны и точны. Простились, и надо бежать в студию. Путин убитых награждает за мужество орденами... Показывают лагеря беженцев из Луганска и Донецка. Ростовская область уже с этим наплывом не справляется. Огромные самолёты развозят несчастных по южным областям России. Законодательная база, естественно, не готова, я представляю, как ещё этим несчастным людям мыкаться!..

4 июля, пятница. <...> Вчера же, не успел об этом написать, прочёл в “Литературке” блестящую статью Юнны Петровны Мориц — пишу с отчеством, от постоянного восхищения и преклонения перед талантом и прямотой высказываний. Я и не представлял, что в писательской среде бушуют подобные страсти. Речь, собственно, о старой, в своё время наделавшей много шума поэме Ю. Мориц о бомбёжке Белграда американскими силами. Либералы и публика, имеющая склонность к либеральным деньгам и связям, с небывалой яростью, защищая американское правительство, накинулись на одну из лучших и культовых поэтесс России. В статье приводится ряд интернет-высказываний. От Дмитрия Быкова и его жены до нашей, из Литы, Татьяны Сотниковой. Вполне интеллигентной, казалось бы, женщины, даже до некоторой степени героической.

“Анна Берсенева (доцент в Литинституте им. Горького): “У неё-то просто деменция. А вот то, что её книжки подобного содержания сразу оказались в верхних строчках рейтингов продаж книжных магазинов Москвы, — это что? Никогда на 100 первых позициях поэзии никакой не было, Пушкин не удаставался ни разу, а тут — смотри-ка, читателей прошибло на культурку. Мерзость человеческая не знает тормозов”.

Нет, дорогая Татьяна, я тоже не один раз наблюдал очереди к столу, где автографы давала Юнна Петровна. Она до сознания и чувства народа достучалась, а мы со своими дамскими романами до него не достучались, вот поэтому очередей к нам и не выстраивается. <...>

5 июля, суббота. Уже несколько дней не пишу про Украину, хотя она занимает почти всё время нашего теле- и радиовещания, ею забиты все газеты, все разговоры начинаются: “А как там?” Почти все наши внутренние новости из эфира исчезли. Остались только воровство администрации, которое пресса со злорадством выкидывает на поверхность жизни, и коррупция чиновников. А там так страшно, что уже не хватает ни эмоций, ни воли всё это смотреть. Если очень коротко, после трёх дней в кавычках “перемирия” президент Порошенко это “перемирие” отверг, и сейчас на юге Украины форменная мясорубка. В неё попадают сепаратисты, мирные жители, старики, старухи, дети. Всё время показывают буквально толпы беженцев — в основном женщины и дети, — которые временно или навсегда покинули родные места. Всех надо устроить, многим найти работу, детей определить в школы и детские сады. Дорого жителем Украины обходится шоколад Порошенко. <...>

6 июля, воскресенье. Утром проснулся в половине шестого. На “Эхо” повторяли вчерашнюю передачу Юлии Латыниной. Она, как всегда, с апломбом провидицы мерзко говорила о повстанцах Южной Украины, называя их террористами. Параллельно шли последние известия. Я понял, что армия взяла и Славянск и Краматорск. Позже днём пришло сообщение, что теперь там пойдут разборки и зачистки. Упирали на милиционеров – что делал каждый из них и как контактировал с повстанцами, дескать, разберёмся. Пока всех мужчин до 35 лет, если верить отечественной прессе, арестовали. Несколько молодых парней действительно показали в пластмассовых наручниках. Тоже будут разбираться. Водрузили на здание администрации жёлто-голубой флаг. Латынина говорила об одном из лидеров сопротивления Стрелкове, называя его подлинную фамилию, Стрелков – это псевдоним, подлинная – Гиркин. <...>

<...> Вечером по первому каналу смотрел КВН с неувядаемым Масляковым и потом информационную передачу. Сплошной стон народа. Войска, конечно, ополченцев жмут. Правда, было сказано, что ополченцы Славянск покинули, чтобы укрупниться с Донецком. Но пока всё это были не очень большие города. Неужели Порошенко станет бомбить огромный Донецк? У меня ощущение, что Украина развалится. Такую травму страна перенести не может. Никто никому и ничего не простит.

8 июля, вторник. Американцы на Мальдивах схватили сына депутата от ЛДПР Романа Селезнёва и перевезли его в Америку, где будут, видимо, судить. Американцы обвиняют молодого человека в том, что он похитил приблизительно 200 тысяч данных банковских карточек американских граждан и тихо всем этим пользовался. Правда, папа Селезнёв говорит, что мальчик, дескать, гуманитарий, а не математик. Скорее всего, гуманитарий талантливый. Наш МИД, естественно, возмущён и требует возвращения гуманитария. <...>

9 июля, среда. <...> Если говорить о вечерних новостях, то опять Украина, 10 лет строгого режима бывшему мэру Махачкалы и восемь его племяннику. Опять обвиняемые не признали своей вины, опять адвокат – хороший московский адвокат, как недавно объявил Михаил Барщевский, получает до 300 евро за час работы! – с энтузиазмом говорит, что они подадут кассацию всюду, куда только можно. Показали большое поместье бывшего мэра, газоны, фонтаны, огромный дворец. Было за что строить козни возможному конкуренту и политическому сопернику. Об экстравагантном способе устранения конкурента сказали так: сбить самолёт, на котором соперник улетал из переносной системы, а всё списать на боевиков. Готовый сценарий, в который никто не поверит – очень уж не по-людски.

Много говорили, также употребляя термин “похищение человека”, о сыне московского депутата ЛДПРовца. Мальчику 30 лет, он заканчивал филфак во Владивостоке. Какие, интересно, будут комментарии, когда американцы докажут, что хакером был именно этот сытый и здоровый мальчик, залетевший на Мальдивы.

12 июля, суббота. <...> Когда ехал в Москву, то по радио “Бизнес-ФМ” слышал довольно интересное сообщение о беженцах из Украины. Этого как раз я и ожидал. Говорили, что в южных регионах уже появилось некоторое раздражение. Рабочий из Таганрога говорил, что предприниматели получили указание увольнять “своих” и брать беженцев: “они менее защищённые”. Говоривший отмечал, что те, кто решили переждать, заносчивы, а вот те, которые решили обосноваться в России, те всё понимают и ведут себя достойно. Рассказывал о случаях, когда некий “староста” из беженцев привезённые на пункт для раздачи телевизоры и планшеты погрузил в свою машину и рванул с этим добром обратно на Украину. Был ещё забавный внешне, но трагический по сути эпизод, когда беженцы, получив новые телевизоры, в тот же вечер ходили по селу и их продавали. <...>

17 июля, четверг. Пропускаю поездку Путина в Южную Америку. Что-то там варится, конечно, значительное, мы пытаемся как-то сопротивляться США и, похоже, успешно. По крайней мере, мне не бывает стыдно за страну. Когда раньше на подобной сцене появлялись Брежнев или Ельцин, какой мы тогда испытывали позор! Америка и её президент, видя, что на Украине всё идёт не совсем по разработанному сценарию, с какой-то бабьей злобностью устанавливают новые санкции. Европа по возможности, боясь тронуть свою экономику, этого сторонится. <...>

Днём уехал с дачи — завтра апелляция по этому, надо привести себя в порядок, студенты не любят неопрятных и взлохмаченных профессоров, выспаться, чтобы по пустякам не раздражаться. От твоего взгляда на чужое сочинение может зависеть судьба. Была жара, шёл дождь, но состояние было скорее благостное и вдруг — вот оно, и в жизни возникло это “вдруг”, которое я старательно изгоняю из литературы, — чудовищное известие: сбит ракетой огромный самолёт, летевший из Амстердама в Малайзию. Самолёт рухнул на территории Украины, в 50 км от границы с Россией, на территории Донецкой республики. Больше ни о чём говорить не могу, сидел до глубокой ночи у телевизора. Погибло около 300 человек пассажиров и экипажа. Уже вечером пошли версии: кто сбил — повстанцы, которых киевские власти называют “террористами”, или плохо обученная армия Киева. Мысль о преднамеренной провокации я отвергаю: ни один человек не может взять на свою душу ответственность в гибели в мирное время сразу 300 людей. Показали кадры поля, усеянного обломками машины, остатками багажа и раздавленными человеческими телами. Лучше бы я этого не видел.

На несчастной Украине вроде бы повстанцы окружили большую группу регулярных войск. О масштабах: в моргах Харькова 4 тысячи трупов солдат украинской армии.

22 июля, вторник. <...> Вечером телевидение всё время говорило только об Украине. Сейчас малайзийцам передали “чёрные ящики”. С обстоятельной помощью военных утверждается точка зрения, что сбит самолёт был ракетой, выпущенной украинским истребителем. Украина говорит о ракете “террористов”. Всё это перемежается драками в Киевской Верховной Раде. Очень депутаты любят все накидываться на кого-нибудь одного. Сообщили о полутора миллионах беженцев, которые сейчас в России.

23 июля, среда. Утро началось с хождения по стадиону, и тут в наушник прозвучало: американцы признались, что у них нет доказательств, что именно русские подбили “Боинг”. Я думаю, это какой-то временный маневр. Потом, когда ехал в машине в Институт, всё время слушал радио. Кроме “Эха”, я теперь в машине слушаю и “Бизнес-ФМ”, и радио, по которому говорит Владимир Соловьёв. Как оно называется? <...>

24 июля, четверг. <...> Слежу за Украиной, потому что здесь какая-то удивительная часть нашей русской истории. Здесь сейчас как бы сложилось три фронта: Изваринский котёл, в котором, прижав к нашей границе, луганские и донецкие бойцы крушат большую часть правительственных войск, затем трагическая история с малайзийским самолётом, дикое, бесчеловечное разрушение городов, а тут ещё прибавилась и украинская же политика — премьер Арсений Яценюк подал в отставку, и Рада распустила фракцию коммунистов. Была показана чудовищная сцена, как депутаты Рады били Петра Симоненко. Это далеко не подзатыльники в нашей Думе. Били со страстью неудачников и случайных людей, попавших во власть. А власть-то заканчивается!

26 июля, суббота. <...> Когда лёг спать, то по радио — оно у меня включено на даче всю ночь — услышал, что сорок человек украинских пограничников попросили убежища в России, воевать у себя на родине и неизвестно с кем не хотят. Вроде бы для них открыли гуманитарный коридор. Уж кто из них захочет стать гражданином России, я не знаю, остальные, наверное, уйдут обратно на Украину. Многие из этих ребят, говорят, западенцы.

28 июля, понедельник. <...> По поводу отставки Яценюка следующее: Рада в преддверии осенних выборов — государственные деятели больше всего боятся за себя — не приняла закон о газоснабжении в особый период и закон, разрешающий продать американским и европейским компаниям 49% украинской газотранспортной системы. Профильные комитеты Рады не одобрили законодательные акты, а от них зависит финансирование Международного валютного фонда. Это повышение рентных платежей для украинских нефте- и газодобывающих компаний, увеличение налогообложения крупных сельхозпроизводителей, зерновых трейдеров. Здесь свои, родные капиталисты, почему их надо обижать? Не пожелали депутаты сокращать и госслужащих. Здесь — влиятельные избиратели, а у каждого — семья.

Россия и капиталистический мир обмениваются санкциями. Мы их, правда, называем распоряжениями Главного санитарного врача, служба которого синхронна с политической конъюнктурой: пока запретили ввоз с Украины молочных продуктов и овощных и фруктовых консервов; в Молдавии, которая

вошла в объединённый рынок Европы и давит Приднестровье, оказались плохими яблоки. Молдавские фермеры по этому поводу требуют денонсации договора с ЕЭС.

3 августа, воскресенье. <...> На Украине бои, масштабы которых увеличиваются. Мы запретили ввоз польских и молдавских фруктов, даже виски из Америки. Ещё какая-то турфирма оказалась банкротом. По радио и телевидению Галина Тюрина, начальник в туризме, всех успокаивает: рано или поздно всех из-за границы вывезем, но я и представить себе не могу это унижение людей, без денег, почти без надежды, на соблазнительной, когда всё в порядке, жаре. А если дети? <...>

4 августа, понедельник. <...> Украинцы не очень разумно решили лишить всех российских деятелей культуры, которые подписали приветствие о вхождении в Крым, возможности въехать на Украину. Мысль у них справедлива только в одном: не надо давать возможность наживаться на гастролях людям, которые хотят быть везде “своими”, перелагая на мой язык – быть и за советскую власть, и против. Такие персонажи в искусстве есть и будут всегда. Но ведь Крым-то наш! Я не подписал это письмо только потому, что не хотел высовываться с “энтузиастами” и “пионерами”. Для меня Крым – это моя молодость и моя любовь, я за него. Но вот активные эстрадники пусть почесутся. Я допускаю, что такие люди, как Табаков или Цискаридзе, подписали эти минкультовские бумаги, исключительно прикрывая от административных напастей свои коллективы. Они думали не только о личном, но и о финансировании, и о будущих ремонтах.

<...> Вечером по ТВ украинская новость – 438 бойцов, попавших в Изваринский котёл, где впереди ополченцы, а за спиной – граница с Россией, вышли к государственной границе. У них безвыходное положение: нет еды, нет вооружения, а перед ними – с огнём – ополченцы. Спасали свою жизнь, и это не скрывали. По одной из программ показали, что их, минуя опасные участки, опять отправили, накормив и переодев, на Украину. Ребята сами говорят: наверное, в объятия украинского правосудия. Жуть. Лагеря этих ребят-военных и беженцев, в принципе находящиеся в одном месте, всё-таки развели метров на триста. Стреляли-то по этим беженцам и беженкам, может быть, и эти персональные герои.

7 августа, четверг. <...> Телевидение занято потерями стран, которые ввели санкции против России, после нашего “ответного удара”. Запретили пролёт самолётов Украины через нашу территорию, возможно, такая же кара ждёт и самолёты свободного мира, которые хотели бы пролететь на Восток над нашими пространствами.

11 августа, понедельник. <...> Меня уже больше волнуют не те зверства, которые власть чинит на Украине, а ужас перед будущим, который возникает у беженцев. Уже приближается зима, бедные люди. Что касается санкций, то, несмотря на то, что остались мы теперь, несчастные, без трюфелей и фуа-гра, всё-таки это последний шанс для нашей страны сначала избавиться от “оптовиков”, которые присосались к торговле, и наконец-то что-то сделать с нашим сельским хозяйством.

13 августа, среда. <...> Вчера из Москвы ушло 280 машин с гуманитарным грузом для Востока Украины. Это очень неудобный для Киева акт. Здесь, в атмосфере искусственно организованной вражды, что-то обязательно надо будет предпринять. Киев наверняка здесь что-нибудь выкинет.

15 августа, пятница. <...> Сразу же стал слушать радио. Меня очень интересует, что же будет с конвоем гуманитарного груза, который отправили из Москвы. Говорят об этом по любимому радио очень иронично, меня даже восхищают полёты фантазии. Вот, дескать, одни “КамАЗы” под завязку загружены, а другие – только наполовину. Вывод: весь караван задуман, чтобы обратно вывезти ополченцев. На границе, куда весь караван уже причалил, в двадцать “КамАЗов”, выбранных произвольно, запустили иностранных журналистов. С некоторым разочарованием они отметили: гречка, сахар, спальные мешки, электрогенераторы. А где, спрашивается, оружие? Где миномёты для ополченцев?

Фантастикой мне показался диалог московского представителя “Красного Креста” с редакцией. Я даже записал фамилию этой дамы – Виктория Зотикова. Ощущение, что братья за какую-то работу, да ещё с гуманитарным караваном, который идёт в непопулярный у либералов Луганск, ей до смерти

не хочется. Правда, она знает, с кем разговаривает и что хотя бы от неё услышать. Я отчётливо понимаю, как страстно и с каким нетерпением люди могут ждать муку, питьевую воду, инсулин и как один день простоя может оказаться чьей-то погубленной жизнью. “Красный Крест” проверяет бумаги, вчитывается, сравнивает, анализирует. В разговоре радио и “Креста” меня поразило, что “Крест” всё время уповал на бумаги, которые он должен получить от Киева и Москвы. А самим сунуться, посмотреть, нет ли чего недозволенного, взять на себя ответственность? Суть мира всё больше и больше превращается в бумажный с печатью огрызок.

<...> Вечером смотрел кадры с Украины – показывают в основном плачущих и взывающих к Богу женщин, у которых исчезло всё: дом, старость, будущее, дети, близкие. Часто звучат такие же слова ненависти к Порошенко, как в войну население говорило о Гитлере. Военные жуткие сцены перемежаются интермедиями: или – их Рада, с надутым, как червяк, Турчиновым, там обычно дерутся, или – их майдан, с упитанными тётками и опереточными дедками.

В одиннадцать вечера на машине встречал Володю, он приехал на электричке. Сразу лёг спать и сквозь сон слышал по радио, как вежливый кумир Макаревич рассказывал, как хорошо в центре освобождённого Славянска, даже бьёт фонтан, и дети катаются на велосипедах, а по окраинам “правда ужасно”. Пел Макаревич на Украине свои песни. Думаю, что всё пение Макаревича – это пиар старой, потерявшей свой порох “звезды”. Не люблю я этих диссидентов!

17 августа, воскресенье. Невероятной мне показалась такая сцена вчера по ТВ. Некие активисты “Правого сектора” приехали в украинское село в ста километрах от Киева и стали оскорблять русского священника во время службы. Надо не забывать, что в Киеве только что выбрали нового патриарха, сторонника единства с Москвой. “Патриоты”, видимо, раздосадованы таким обстоятельством. В эфире прозвучали слова, которые в нём давно не звучали. Меня поразило полное бесстрашие этих ребят перед лицом Бога.

По поводу Макаревича Никита Михалков сказал так: “Можно ли представить себе, чтобы Клавдия Шульженко согласилась петь в Минске, оккупированном гитлеровцами?” Я думаю, тем не менее, здесь много передежек, хотя этого народного артиста я не люблю. Вспомнил тут огромную статью Серёжи Казначеева о Макаревиче в “Литературке”. Диагноз был поставлен правильно: всегда в жизни прогнуться. Помню также, как Макаревич ездил по всей стране с Медведевым во время его предвыборной кампании. Кстати, чтобы не пропустить: как замечательно Зюганов публично высек главу кабинета министров на совещании в Крыму! Внешняя политика у нас с патриотическим, а вот внутренняя – с либеральным уклоном, сказал главный коммунист, и отвечает за неё именно вы, господин премьер-министр. <...>

19 августа, вторник. <...> Вечером телевизор: о мучениях народа на Востоке Украины говорить становится однообразно, ко всему привыкаешь, всё делается похожим на сериал, потому что в жизни такого быть не может. С некоторым социальным садизмом наблюдаю за агонией садоводов и овощеводов Западной Европы, которые не знают, куда теперь отправлять плоды своих трудов, и каждый раз загадываю, что же хитрые украинцы придумают ещё, чтобы тормозить караван российских машин с продуктами. Хорошо и “Красный Крест”, желающий оказывать помощь с полным комфортом, со всеми гарантиями, в первую очередь, собственной безопасности.

20 августа, среда. <...> Наши “КамАЗы”, как я и предполагал, все ещё стоят на границе. Придумки украинской власти и инертные опасения международного “Красного Креста” бесконечны. Спал, конечно, плохо, ночью проснулся и дочитывал вёрстку.

21 августа, четверг. <...> Вчера утром, видимо, “украинские патриоты” раскрасили в жёлто-голубое звезду над зданием жилого высотного дома на Котельнической набережной, а сегодня – одну из опор линии электропередач.

22 августа, пятница. Пока ехал на дачу – выехал довольно рано, – радио не переставало говорить что-то интересное о нашей жизни, об Украине. Очень здорово аргументировала некая дама из МИДА, говорила она по “Эхо Москвы” об избирательном характере западной прессы. В частности, о том, как МИД приглашал весь западный корпус журналистов слетать на границу, посмотреть конвой, а весь Запад отказался. Разбиралась и ситуация с “Крас-

ным Крестом”, который проявил вдруг такую опасливость. А потом вдруг известие: не дождавсь отмашек Киева и обнаружив сдрейфившим “Красный Крест”, которому всё мало гарантий безопасности, наш гуманитарный конвой сдвинулся с места и потихонечку отправился в Луганск. По радио тут же передали: президент в курсе. Это было как бы предупреждение. Я, честно говоря, порадовался решительности наших властей и чистоте нашей дипломатической игры.

23 августа, суббота. <...> Поужинал и опять сел смотреть все подряд новостные программы. Главным героем, конечно, были наши белые грузовики с продовольствием, водой и электрогенераторами.

Ужасы гражданской войны меня на этот раз потрясли меньше, чем незначительный эпизод в Киево-Печерской лавре во время богослужения по случаю Дня независимости. Во время службы вдруг потерял сознание младший сын Порошенка, 13-летний Миша. Мать и отец как-то на него не обратили внимания, парня подхватил стоявший во втором ряду Ющенко. Мальчика, измученного протоколом и родительской честолюбивой любовью, очень жалко. Но, может быть, это какое-то предостережение.

Кстати, внезапно нашёлся “Красный Крест”, который готов взять на себя экспертную помощь при распределении продуктов. Какие всё-таки бесстрашные эти западные люди!

24 августа, воскресенье. <...> Уже давно не смотрю ни фильмов, ни каких-либо телевизионных программ, а только один бесконечный и всегда трагически-новый сериал – про Украину. Военные сцены, воронки, мокрые от крови камни, покрытые простынками трупы уже стали – прости меня, Господи! – явлениями обычными. С радостью увидел, как фасуют полученный сахар и крупы; ловко, хорошо организовано, женский конвейер. Завтра начнут всё это раздавать. Особое внимание вызвали кадры парада на Крещатике по случаю Дня независимости. Порошенко успел везде: сначала принял парад в Киеве, а потом улетел в Одессу – принял морской парад. Как сказал диктор, в море вывели всё, что ещё могло плавать.

На параде строй военных моряков под жёлто-голубым флагом выглядел, после потери Украиной Севастополя, довольно странно и как-то насмешливо.

26 августа, вторник. С невероятной едкостью Сергей Доренко по радио говорил о Макаревиче. Вдобавок ко всему, автор песен ещё и написал письмо Путину, чтобы его избавили от нападков прессы. Ощущение, что Макаревич пребывает в полной уверенности, что его судьба – это основное, чем должны заниматься все. Путин сегодня уехал в Минск, где у него состоится встреча с Порошенком, и пресс-секретарь президента Песков, на вопрос Макаревича, доложили ли о его письме президенту, ответил, что нынче приоритетен не разбор с прессой и поездкой Макаревича в область “антитеррористической” операции украинских войск. Всё это, по меньшей мере, смешно; всё-таки Макаревич не Нетребко и не Цискаридзе. Доренко очень популярно объяснил, что означало “меня позвали, я поехал” Макаревича. Об остальных деталях не говорю. Видимо, кумиры были слишком мелкие, если так быстро рассыпались. <...>

26 августа, вторник. <...> Принялся читать “Российскую газету” и посетовал, что редко в последнее время её читаю. Во-первых, интересное сообщение о зарплате наших чиновников. “Девяносто две тысячи рублей в месяц зарабатывают в среднем чиновники федеральных министерств”. В некоторых министерствах эта средняя цифра много больше. А во-вторых, чрезвычайно любопытная статья Кублановского. Он пишет о странной, с его точки зрения, статье Людмилы Улицкой в немецком “Шпигеле”, которую сам Кублановский прочёл в интернете. Моё дело цитаты, начнём!

“Моя страна, – жалуется она европейцам, – находится в состоянии войны с культурой, ценностями гуманизма, свободой личности и идеей прав человека”. Ей стыдно перед ними за наших “руководящих политиков – сторонников насилия и вероломства, которые метят в супермены”. И намёки, и подтексты понятны, дальше есть, пишет Кублановский, в том же суровом ключе про Украину.

Не ругаю я Улицкую, с которой далеко не согласен, не браню Кублановского, но к нему у меня есть эстетические претензии. И они в подобных фразах. “А я радуюсь каждый раз, когда нахожу в нашем пейзаже не привычный с советских времён, обглоданный ветрами колокольный остов, а свежий,

оживший, многолюдный по воскресеньям храм”. Ну, не может поэт, чтобы не пнуть свою историю! А кто эти колокольни обглодал, не сами ли верующие? И не при советской ли, pinaемой сейчас власти, поэт получил своё элитное в Москве образование?

3 сентября, среда. <...> Вчера пришла “Литгазета”, и в номере – сенсационный материал, связанный с Улицкой и Битовым. Это, перепечатанное газетой из интернета письмо Андрея Георгиевича о том, как после смерти Александра Ткаченко, заправлявшего всей организацией ПЕН-клуба, сам Битов, несколько отстранившись от дел и передав их очень недавно избранной в руководство и очень инициативной Людмиле Улицкой, вдруг обнаружил в деятельности клуба смену приоритетов. Не защита прав писателей, а политика! Насколько я, бедный и плохо разбирающийся в ПЕН-клубовских дрязгах, понял, появились на сайте клуба материалы про Крым, Украину и стыд перед миром и Европой. С этими высказываниями Битов не согласен. Волнует его и приоритетный приём на исполкоме, в нарушении устава, требующего одобрения двумя третями, свежих членов, имеющих скорее общественные, нежели писательские заслуги. Здесь Ирина Прохорова, Ирина Ясина – в “Литературке” есть перечисление имён. Всего около сорока человек. Ну, мне-то ясно, зачем всё это: при ближайших выборах не очень молодой Битов уступает кому-нибудь свою почётную должность. Но это уже дело защиты их профессиональных, национальных и прочих прав. В свою очередь и как некую свободную иллюстрацию, переносу в Дневник один из отзывов в интернете на письмо Битова.

“Я не член ПЕН-клуба.

В лихие девяностые Александр Ткаченко пригласил группу молодых драматургов и сказал:

– Вам надо становиться членами ПЕН-клуба! Нам нужна молодая кровь!

Меня к этому времени уже приняли в Союз писателей, и я не понимала, зачем ещё и ПЕН? Есть любители коллекционировать корочки творческих союзов, но я к корочкам равнодушна. Александр Ткаченко стал объяснять, что в Союзе писателей – красные комиссары, а здесь – идеологически чистые люди. Я потребовала список, увидела там не только секретарей союза и главных редакторов, но известных стукачей, а также, говоря цеховым языком, “жёписов, мудописов и писдочек” (жён писателей, мужей дочерей писателей и писательских дочек). В Союзе писателей они тоже паслись стадами, и я опять не поняла отличия ПЕН-центра от Союза.

Тогда Александр Ткаченко, точнее, Саша, объяснил:

– Через ПЕН-центр будешь со скидкой мотаться по заграницам, делать визы и вообще много пряников!

Я надулась, что меня держат за фуфло, и отказалась писать заявление о вступлении. Кстати, как и вся наша драматургическая компания. В 1999 году, когда меня прессовали во время выборов в Госдуму, ПЕН-клуб и пальцем не пошевелил, чтобы защитить мои права, тот же Саша ехидно сказал по телефону, мол, надо было вовремя вступить в наши ряды. Но я уж как-нибудь без этих рядов “пешком постою”. <...>

4 сентября, четверг. Сев утром за компьютер, сразу обнаружил большое письмо Ксении Собчак Никите Михалкову, выписал только один абзац, всё занятно и довольно толково. И быт, и психология, и образ жизни героев нашего времени. Это всё отголоски скандала с отважным Макаревичем. Надо ещё найти занятную переписку его, Макаревича, с Путиным.

“И почему Вы относите меня к “креативному меньшинству”? Мы оба с Вами относимся к этому классу креативного меньшинства, к людям гуманитарных профессий. Или Вы, правда, причисляете себя к “некреативному большинству”?

Я не знаю, с какой стати Вы, человек, получающий огромные госсредства, вынутые налогами из этих самых людей, вдруг выступаете от их лица. Но если Вы с ними близко знакомы, пригласите этих людей с завода “Калибр” посмотреть мою квартиру на Тверской, которую знает уже каждый омоновец в стране. А потом завезите их в Ваше поместье, где Вы два года назад принимали Мединского и Капкова.

Один из них мне потом потрясенно рассказывал про роскошную, огромную усадьбу, про два гостевых дома на участке. Отдельно – дома для прислуги, конюшня, охотничьи угодья и леса, баня на понтонах прямо на озере –

Вы ей особенно гордитесь. Рассказывал и про стол, ломившийся от еды, и про количество слуг, как у настоящего барина. И Вы тут меня за фуа-гра решили пожурить?

Разница между нами лишь в том, что я считаю, что режиссёр Вашего уровня имеет право так жить, если, конечно, эти деньги заработал”.

Весь день занимался разборкой бумаг, ничего не читал, поэтому интеллектуально чувствую себя размазанным. Но, слава Богу, Путин выдвинул свой план по Украине, а Порошенко вроде бы обещал прекратить огонь. Ополченцы вроде бы наступают, уже колеблется Мариуполь и окружен аэропорт в Донецке. Диктор телевидения почти бесстрашно, как о засеянных гектарах полей, объявляет о 70 погибших военных. А это души, это семьдесят разных миров. Идёт очередной какой-то саммит, но без Путина. Узнал Кардиф в Уэльсе, где был два года назад, замок. Западные вожды совещаются в небольшой комнате за столом с зелёной скатертью. Счастливей, как случайно попал в такую компанию, Порошенко с лицом рыночного ловчицы. Ведь опять, чтобы старшие ребята его не прогнали из своей компании, соврёт или скажет, чтобы им было приятно. Госпожа Меркель с недоумённым лицом не знает, кому верить – у того хороши глазки, а у другого – гвардейский рост. Гладкий английский премьер Кэмерон в своей запальчивости похож на дворового хулигана. Поубивали бы всех и всё бы продали, чтобы сохранить свои места.

13 сентября, суббота. <...> Вчера Путин очень занятно ответил на очередной список лиц, которым невозможно будет теперь ездить за рубеж и держать там свои накопления или наворованные капиталы. Пусть больше сидят дома и занимаются служебными делами – это о чиновниках. О депутатах – будут чаще встречаться с избирателями. Другие “официальные лица”, например, Жириновский, высказываются так: всё у нас или у ближайших соседей, таких как Азербайджан или Узбекистан, в избытке – сельхозтовары, фрукты, овощи – в изобилии. В этом есть резон, но пока нет настоящих торговых связей, всё, что ранее существовало, талантливо рассыпали. Отечественному бизнесу важнее и прибыльнее было покупать за рубежом, а государство вороватому бизнесу, несмотря на все разговоры о продовольственной безопасности, постоянно и настойчиво потакало. С промышленностью хватились раньше. Полагаю, что с этими санкциями России просто повезло, они, возможно, дадут давно ожидаемый импульс во многих областях промышленности и хозяйства, которым постоянно мешало коррупционное лобби.

18 сентября, четверг. <...> Вечером по ТВ показали восторги по поводу визита Порошенко в Канаду – ну, там много украинцев, которые уже приблизительно представляют свою далёкую родину, и всю в образе – в венках, с лентами девок и гарных хлопцев в “вышиванках”. Потом под гром аплодисментов Порошенко говорил политические пошлости в американском Конгрессе. В его заискивающем поведении я узнаю пошло-льстивые повадки Ельцина.

25 сентября, четверг. <...> Телевидение и русский мир потрясают дикие захоронения, которые обнаружили после отхода с мест дислоцирования украинских войск. В чуть присыпанных землей рвах находят обезглавленных женщин со связанными руками. У многих пробиты головы, судмедэксперты говорят о пытках и изнасилованиях. Но ещё больше меня поразила буквально гора пустых бутылок из-под водки и пива, которую обнаружили возле одного из мест обитания доблестных украинских солдат.

26 сентября, пятница. <...> Вторая, не менее пикантная для простого обывателя новость – это освищенный соратниками Эдуарда Лимонова музыкант Макаревич. Как сообщило радио “Говорит Москва”, произошло это в Доме музыки во время концерта “Идиш-джаз”, приуроченного к еврейскому новому году. Распылялся перцовый газ, и люди, сидевшие на первых рядах, кричали – радио протранслировало и звукозапись: “Макаревич – предатель Родины”. “Отечество нам Царское село”, – писал поэт. Ведущий добавил, что это не впервой, после того как певец “Машины времени” сообщил свою эксклюзивную точку зрения на Крым и съездил на гастроли на Украину, но не в Донецк. Также привёл и занятный случай, но уже у нас, в России: на концерт Макаревича был продан только один билет. Деньги за несостоявшееся пение любителю музыки вернули.

29 сентября, понедельник. <...> В Харькове снесли памятник Ленину. Думаю, это по-украински компенсация за проигранную войну в Донбассе.

Одновременно это, конечно, показатель и высокой культуры народа. А у нас Дзержинский?

30 сентября, вторник. <...> Украина: разговоры идут о том, что у мёртвых жертв этой страшной гражданской войны в ряде случаев изъяты органы. Жить определённо страшно.

12 октября, воскресенье. <...> Украинские власти невероятно коварны, везде идут какими-то непрямыми и нечеловеческими ходами. Донбасс обстреливают, Порошенко хвастается новой техникой, но одновременно “окапывают” отделившиеся территории. Здесь главное – время и общность протеста. Думаю, скоро две области объединятся в одно государство. Люди гибнут за свою историю и за право говорить, как их предки, это немало, это, собственно, всё.

22 октября, среда. <...> Пришёл в одиннадцать и ещё долго смотрел записанные новостные передачи – в Донбассе вовсю стреляют; Украина на глазах у просвещённого мира договорилась, проявляя капризную важность и неуступчивость, с Россией о цене на газ. А вот теперь выяснилось, что платить нечем, важность была ради важности. Не верю я этой стрёмной украинской братве, так же как их честности в соблюдении перемирия.

3 ноября, понедельник. <...> В Луганске и Донецке подводили итоги выборов, они, по контрасту с киевскими, были поразительны по явке. Киев, ещё недавно совершивший государственный переворот, выборы комментировал, страдал, Порошенко обещал отменить закон об особом статусе Луганской и Донецкой областей. <...>

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

РОССИЯ — РАКЕТНАЯ ДЕРЖАВА

Из записок инженера-двигателестроителя

Вспоминаю: до запуска первого искусственного спутника Земли осталось менее двух месяцев. В августе 1957 года Вернер фон Браун публично заявил в конгрессе США о том, что русские в попытке освоения космоса далеко отстали от американских достижений. Сытые американцы не могли представить себе русский темп созидания новой техники! А вместе с тем в мае 1957 года было завершено строительство космодрома Байконур.

Ныне Россия стала единственной страной в мире по производству мощных (тягой более 40 тонн) современных жидкостных ракетных двигателей (ЖРД). Российские ЖРД покупаются за рубежом. На американских ракетоносителях “Атлас-3” и “Атлас-5”, а также на ракетоносителе (РН) “Антарес” используются соответственно российские кислородно-керосиновые двигатели РД-180 и НК-33. И если РД-180 является как бы “половинкой” самого мощного ЖРД РД-170 тягой 740 тонн, успешно использованного в космической системе “Энергия-Буря”, то судьба НК-33 тягой 150 тонн – уникальна. Этот ЖРД был создан для реализации лунного пилотируемого полёта, причём РД-170 и НК-33 в качестве объектов мировых достижений были удостоены размещения в Книге рекордов Гиннеса. С 2013 года НК-33 впервые использован в отечественной практике после долгих лет забвения из-за закрытия лунного проекта. 28 декабря 2013 года с космодрома Плесецк (Архангельская область) состоялся успешный старт новейшего ракетоносителя легкого класса “Союз-2.1В” производства “ЦСКБ-Прогресс”. Первая ступень указанного РН оснащена одним двигателем НК-33.

Таким достижениям нашей страны предшествовали теоретические изыскания К. Э. Циолковского, разработки ракет в 30-х годах прошлого века группой энтузиастов по изучению реактивного движения (ГИРД в Москве) и газодинамической лаборатории (ГДЛ в Ленинграде), а также глубокое изучение опыта немецких специалистов по ФАУ-2. Руководителями ГИРД и группы в ГДЛ (с 1929 года) были, соответственно, С. П. Королёв и В. П. Глушко. Однако руководящий состав ГИРД и ГДЛ смог начать серьёзные систематические исследования только в условиях мощной государственной поддержки. Такая поддержка была обеспечена через год после окончания Великой Отечественной войны: в мае 1946 года вышло Постановление Совета Министров СССР № 1017-49. Его подписал Сталин. Гриф “Совершенно секретно. Особая папка”. В постановлении были изложены вопросы реактивного вооружения с обязательным созданием ряда научно-исследовательских институтов и опытно-конструкторских бюро. Одно из важнейших ОКБ по ракетостроению возглавил С. П. Королёв, а во главе ОКБ по созданию ЖРД был утверждён В. П. Глушко.

ГУРОВ Валерий Игнатьевич — доктор технических наук, начальник сектора ЦИАМ, ветеран космонавтики России, кавалер правительственных наград.

Энтузиазм народа-победителя, умноженный на талант отечественных специалистов по ракетам, позволил при мощном бюджетном финансировании уже в 1947 году осуществить первый успешный запуск баллистической ракеты. Темпы последующих работ поражают воображение. Через 10 лет – 4 октября 1957 года – был запущен спутник массой 83,6 кг с помощью ракетоплана – прообраза РН для корабля “Восток”, на котором Юрием Гагариным впервые был покорён космос 12 апреля 1961 года. В послании конгрессу США от 25 мая 1961 года президент Джон Кеннеди так охарактеризовал ключевую роль разработок двигателей в создании опережающего задела СССР в ракетной технике: “Мы стали свидетелями того, что начало достижениям в космосе было положено Советским Союзом **благодаря имеющимся у него мощным ракетным двигателям** (выделено мной. – В. Г.). Это обеспечило Союзу ведущую роль”. В. П. Глушко был создателем упомянутых президентом США мощных ЖРД, он внёс и решающий вклад в качестве Главного конструктора в осуществление легендарного полёта в 1988 году многоразовой космической системы “Буран-Энергия”, ведь Валентин Петрович с 1974 года возглавлял ОКБ, выпестованное Сергеем Павловичем Королёвым.

Валентин Глушко – личность поистине космического масштаба, результаты его научно-производственной деятельности уникальны. Ныне здравствующие соратники Валентина Петровича отмечают в нём, прежде всего, гармоничное сочетание необыкновенной целеустремленности, высочайшей организованности, глубоких системных знаний во многих сферах науки и техники.

Он родился в Одессе 2 сентября (по новому стилю) 1908 года. В 1924 году закончил профтехучилище, которое до революции именовалось училищем Апостола Павла, ну, а в 1924 году уже носило имя “демона революции” – самого товарища Троцкого... Такие вот парадоксы истории... Ничто не говорило о том, что из Валентина Глушко вырастет большой учёный, один из основателей отечественной космонавтики, ведь он больше занимался музыкой, учился в консерватории по классу скрипки, даже был переведён в Одесскую музыкальную академию. Но одновременно он интересовался научной фантастикой, написал ряд популярных статей: “Завоевание Землёй Луны”, “Станция вне Земли” и другие. Эта тяга в просторы космоса привела его в Ленинград, где он закончил в 1929 году университет и в дипломной своей работе предложил проект, ни много ни мало, межпланетного космического корабля “Гелиоракетоплана” с электротермическим двигателем!.. До межпланетных кораблей было ещё далеко, но с мая 1929 года он был зачислен в штат Газодинамической лаборатории. А в 1930 году там была разработана конструкция и начато изготовление первого отечественного жидкостного ракетного двигателя ОРМ-1. С января 1934 года Глушко работает в Москве, начальником сектора Ракетного НИИ Наркомата тяжелого машиностроения.

И вот первая веха на пути в космос: 5 ноября 1936 года проведены официальные стендовые испытания ЖРД ОРМ-65 тягой до 175 кг на азотнокислотнокеросиновом топливе для ракетоплана РП-318 и крылатой ракеты 212 конструкции С. П. Королёва. 16 декабря 1937 года проведено первое огневое наземное испытание ЖРД ОРМ-65 на ракетоплане РП-318.

Взлёт в космические дали был прерван событиями политическими. С марта 1938 года Валентин Глушко находился под арестом по очередному для тех времён делу “о вредительстве”. Однако, несмотря на приговор “Особого совещания”, он работает, и успешно, по своей специальности в так называемых “шарашках”, сначала при Тушинском авиадвигателестроительном заводе, потом в Казани в должности Главного конструктора КБ при Казанском заводе специальных двигателей и там разрабатывает самолётные ЖРД. В августе 1944 года Валентин Петрович был освобождён из заключения, впоследствии реабилитирован, и вновь для него начался прерванный космический взлёт.

Пришлось ему поработать в Германии в 1945–1946 годах, изучать немецкую трофейную ракетную технику, знаменитые ФАУ-2. И вот после эпохального Постановления СМ СССР от 13 мая 1946 года (о котором я писал выше) Глушко назначили главным конструктором ОКБ-456 в Химках, впоследствии – это знаменитое НПО “Энергомаш”. Тогда же он был включён в Совет главных конструкторов по ракетной тематике, который возглавлял Сергей Павлович Королёв.

Мне довелось трижды присутствовать на совещаниях, проводимых в рамках Совета главных конструкторов под председательством В. П. Глушко в Воронеже, Химках и Подлипках (ныне город Королёв). Одно из последних сове-

щений предшествовало завершающей стадии подготовки к полёту космической системы “Буран-Энергия”. В те легендарные времена меня поражало в Валентине Петровиче подчёркнутое личное достоинство, невозмутимое и чёткое владение аудиторией, неожиданные порою вопросы (по самой сути проблемы) к докладчикам и академически системное итоговое заключение.

Валентин Петрович ушёл из жизни 10 января 1989 года... А 2 сентября 2008 года научно-техническая общественность страны широко отмечала столетие со дня рождения пионера в создании мощных ЖРД, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР, академика РАН Валентина Петровича Глушко. Его имя носит основанное им ОКБ, в настоящее время – ОАО “НПО Энергомаш имени академика В. П. Глушко” в г. Химках Московской области, которое в 2014 году отметило своё 85-летие.

Мощные ЖРД, созданные под руководством В. П. Глушко в период с 1954 года до середины 70-х годов прошлого века, основывались на использовании высококипящих компонентов топлива. Их использование диктовались двумя важными требованиями:

- возможностью длительного хранения в заправленном состоянии, что существенно для ракет военного назначения;
- большими трудностями в освоении криогенных компонентов топлива, таких как жидкий кислород и жидкий водород, при высоком уровне их давления и расхода.

Одним из уникальных двигателей, работающим на высококипящих компонентах топлива (четырёхокись азота и несимметричный диметилгидразин – экологически вредные вещества), является ЖРД РД-253 тягой 150 тонн. Он создан в 1965 году для ракетносителя “Протон” (проект ОКБ, руководимого академиком В. Н. Челомеем) и выполнен по современной схеме дожигания генераторного газа. РН “Протон” успешно используется до сих пор: из 400 пусков этого ракетносителя неудачными по вине двигателя были только три. Юбилейный (400-й) успешный пуск РН “Протон” состоялся 16 декабря 2014 года с космодрома “Байконур”. Справедливости ради следует добавить, что по удельному импульсу и массе этот двигатель уступает НК-33.

Вместе с тем Сергей Павлович Королёв, как Главный конструктор ракет, понимал – пилотируемый прорыв в дальний космос немыслим без использования криогенных технологий.

Я не хочу касаться кулуарных разговоров о разногласиях между Королёвым и Глушко по проблеме использования криогенных технологий в области ракетостроения. Возможно, Сергей Павлович стратегически понимал: при переходе на качественно новый уровень освоения сложной техники необходимы не только нетрадиционные подходы к решению проблем, но и новые руководители. История знает подобные аналогии: наш Верховный Главнокомандующий при изменении стратегической обстановки в ходе Великой Отечественной войны менял полководцев, успешно проявивших себя при реализации оборонительной стратегии, на полководцев нового поколения, нацеленных на проведение наступательных операций. Так это было или не так в те далёкие военные годы, но в начале 60-х годов руководителем работ по реализации проекта пилотируемого полёта на Луну был назначен известный конструктор преимущественно авиационных двигателей Николай Дмитриевич Кузнецов. Он предложил проект мощных двигателей для РН, выполненных по схеме с дожиганием генераторного газа и работающих на керосине и жидком кислороде. Многоразовые ЖРД НК-33 тягой 150 тонн каждый были созданы в его ОКБ (ныне ОАО “Кузнецов” в Самаре), успешно проведены их наземные стендовые испытания, и 30-ю такими двигателями оснащена первая ступень четырёхступенчатого ракетносителя Н-1. Однако в проведённых лётно-конструкторских испытаниях (ЛКИ) были использованы немодернизированные одноразовые ЖРД (НК-15) – предшественники НК-33. В результате четыре старта Н-1 завершились неудачно (причём не все по вине двигателей) и подготовленный к пуску РН, оснащённый многоразовым ЖРД НК-33, не был допущен к проведению лётно-конструкторских испытаний по причинам, о которых нужно вести отдельный разговор.

В мае 1974 года руководством СССР утверждён во главе космической программы В. П. Глушко вместо В. П. Мишина, который сменил умершего в 1966 году С. П. Королёва. В. П. Глушко предложил концепцию космической системы “Энергия-Буран” с разработкой для первой ступени РН кислородно-ке-

росинового двигателя РД-170, а для второй – кислородно-водородный РД-0120 (проект КБХА, г. Воронеж). Вместе с тем за почти пятнадцать предшествующих лет был накоплен при создании НК-33 и НК-15 уникальный опыт по решению проблем производства мощных ЖРД, использующих в качестве окислителя жидкий кислород высокого давления, а в качестве горючего – керосин.

К числу основных решённых проблем при этом можно отнести обеспечение устойчивости рабочего процесса в камере сгорания и газогенераторе; разработка норм прочности криогенных ЖРД; обеспечение надёжности функционирования турбонасосных агрегатов (ТНА) мощных ЖРД; решение проблемы запуска и др. Один из важных выводов по результатам создания НК-33 заключался в выявлении малых времён (5–10 мс) протекания разгара. Разгар – это воспламенение металла конструкции в окислительной среде с последующим катастрофическим горением всей материальной части двигателя. На основании этого в ЦИАМ совместно со специалистами из ОКБ разработаны, например, безинерционные патентозащищённые датчики своевременного обнаружения очагов разгара с их последующим устранением. Проведена успешная экспериментальная апробация системы таких датчиков совместно с регистрирующей аппаратурой.

Успешное решение перечисленных проблем позволило создать высокий потенциал опережающего научно-технического и технологического заделов, что существенно облегчило в будущем разработку самого мощного в мире кислородно-керосинового РД-170 и кислородно-водородного РД-0120 для космической системы “Энергия-Буран”.

Заметное участие в создании перечисленных ЖРД принимали сотрудники ГНЦ РФ ЦИАМ (далее ЦИАМ) – головного института авиационного двигателестроения. ЦИАМ является уникальной школой специалистов мирового уровня. Из стен института вышло большинство известных главных конструкторов не только авиационных, но и ракетных двигателей, в том числе главный конструктор Семён Ариевич Косберг, руководивший до 1965 года ОКБ (ныне ОАО КБХА, г. Воронеж), в котором был создан кислородно-керосиновый двигатель для третьей ступени ракетносителя корабля “Восток”, сумевшего преодолеть, с Юрием Гагариным на борту, земное тяготение. Бережно хранит газету с автографом первого космонавта бывший сотрудник ЦИАМ – сын Семёна Ариевича. При нормальном включении третьей ступени ракетносителя Юрий Гагарин произнёс зашифрованную фразу “Косберг сработал!”

Активное и результативное участие коллектива ЦИАМ в создании всех перечисленных двигателей было отмечено в 1989 году присуждением Ленинской премии (в составе коллектива специалистов различных ведомств) начальнику отдела ЖРД нашего института. Частично роль наших специалистов отражена в книге “Вклад ЦИАМ в создание ракетных двигателей”, авторами-соавторами которой являются: В. И. Гуров, А. И. Гулиенко, В. Л. Семёнов, В. А. Шерстянников, Л. С. Яновский (Издание ООО “Редакция журнала “Двигатели”, 2010, 196 с.). В предисловии к книге представлен положительный отзыв академика РАН Бориса Ивановича Каторгина, руководителя ОАО “Энергомаш имени академика В. П. Глушко” в 1991–2005 годах, а в первом разделе размещены воспоминания ветеранов создания ракетных двигателей. Повышенный интерес у специалистов вызывают аннотации монографий (в количестве 13 книг) сотрудников ЦИАМ по ракетным двигателям, освещённые в шестом разделе. Остальные четыре раздела книги посвящены наиболее значимым научно-техническим статьям, написанным в течение почти шести десятилетий работы специалистов авиационной промышленности в сфере ракетной техники. Впервые приведены уникальные фотографии, в том числе академиков Н. Д. Кузнецова, П. Д. Грушина, профессора В. Р. Левина и других.

* * *

Не так давно 12 каналов ТВ Соединённых Штатов Америки неоднократно возвращались к одной и той же теме – русские открывают чудеса своих запасников!.. Это касалось двигателя НК-33, успешно испытанного в США в 1995 году после 21-го года хранения в незащищённых условиях. Когда в 1974 году правительством СССР был взят курс на создание системы “Энергия-Буран”, Николаю Дмитриевичу Кузнецову поступило распоряжение вер-

хов утилизировать подготовленную к испытаниям партию двигателей НК-33, рассчитанных на “лунный проект”. Н. Д. Кузнецов ценой громадного риска не выполнил указанного распоряжения правительства, считая его выполнение расточительством народного достояния.

По признанию специалистов фирмы “Аэроджет” (США), в исследовательском центре которого проводился до середины ноября 1995 года цикл “жёстких испытаний” упомянутого ЖРД, двигатель “НК-33 является самым надёжным из всех известных двигателей, работающих на кислороде и углеводородной смеси, и демонстрирует максимальное отношение тяги к массе”. Следует добавить: в своём классе двигателей – тягой 150 тонн. Не будь нравственной смелости творца чудо-техники, в Книгу рекордов Гиннеса не поступила бы информация о первом в мировой практике примере жизнестойкости и непревзойдённых по времени технических показателей советской ракетной техники. Ещё раз повторю – двигатель НК-33 хранился более 21-го года в незащищенных условиях! По техническому заданию ему отводился срок в 7,5 лет при обеспечении специальных мер хранения. Сохранение партии ЖРД программы Н-1 позволило сохранить ОАО “Кузнецов” за счёт продажи в США нескольких десятков НК-33. Но самое главное: создание указанного двигателя принесло нашей стране опыт широкого и системного освоения криогенной техники, без чего невозможно было в дальнейшем подступиться к быстрому техническому освоению мощных ЖРД с использованием криогенных технологий.

Николай Дмитриевич Кузнецов родился 23 июня (по новому стилю) 1911 года в Актюбинске. Дальнейшая его судьба могла состояться только в советское время. Сын простого рабочего-котельщика, он заканчивает школу рабочей молодёжи в 1930 году и поступает в Московский авиационный техникум, а затем и на моторостроительное отделение Академии имени Жуковского, которое заканчивает с отличием в 1938 году. Темы его диплома и последующей диссертации – разработки новых авиационных двигателей. Во время Великой Отечественной войны он был на фронте в должности старшего инженера 239-й истребительной дивизии 6-й воздушной армии. Знакомство с крупным партийным чиновником Георгием Маленковым, который высоко оценил способности Кузнецова, определило его дальнейший путь. Он стал заместителем, а потом и главным конструктором Уфимского авиационного завода. С 1949 года возглавил Государственный союзный опытный завод № 2 по разработке и производству опытных реактивных двигателей, названный впоследствии его именем – Самарский научно-технический комплекс имени Н. Д. Кузнецова. Ныне ОАО “Кузнецов” – одно из крупнейших в России предприятий по разработке и созданию опытных образцов газотурбинных двигателей. За всю историю существования на предприятии создано 57 авиационных, ракетных и конвертированных двигателей с аббревиатурой “НК” (Николай Кузнецов). Сегодня эти моторы поднимают в небо пассажирские самолёты Ту-154, Ил-62, Ил-86, практически все самолёты стратегической авиации России. Свыше 30% мощности газоперекачивающих агрегатов ОАО “Газпром” составляют двигатели марки “НК”. Марка “НК” известна в странах СНГ – Казахстане, Узбекистане, Туркменистане, Белоруссии, – а также в Болгарии и Аргентине.

Основные вехи истории прославленного предприятия, безусловно, впечатляют уникальностью созданной им прорывной техники: **16 февраля 1955 года** – первый полёт стратегического бомбардировщика Ту-95 с турбовинтовым двигателем НК-12; **28 июля 1965 года** – первый полёт дальнемагистрального пассажирского самолёта Ил-62 с двигателями НК-8-4; **1968 год** – первый полёт самолёта Ту-154 с двигателями НК-8-2; **31 декабря 1968 года** – первый полёт сверхзвукового пассажирского самолёта Ту-144 с двигателями НК-144; **1974 год** – завершены государственные испытания двигателя НК-12СТ в составе газоперекачивающего агрегата ГПА-Ц-6,3; **15 апреля 1988 года** – впервые в мире осуществлён полёт самолёта Ту-155 с двигателем НК-88, работающим на жидком водороде; **18 января 1989 года** – впервые в мире осуществлён полёт самолёта Ту-155 с двигателем НК-89, работающим на сжиженном природном газе; **1995 год** – испытание до сих пор непревзойдённого по тяговооружённости жидкостного ракетного двигателя НК-33 на стенде фирмы “Аэроджет” (США); **10 августа 1999 года** – на Безьянской ТЭЦ (г. Самара) пущена в эксплуатацию не имеющая аналогов по тем временам по своим параметрам в России и в Европе энергетическая установка на базе двигателя НК-37.

Краткое перечисление основных знаковых вех создания уникальных образцов техники свидетельствует о том, что Николай Дмитриевич ещё при жизни по праву считался выдающимся разработчиком двигателей в России и учёным мирового уровня. Более полусотни двигателей создано под его руководством, и каждый из них является передовым достижением либо в конструкции, либо в технологии, либо в использовании материалов. Всю свою жизнь Кузнецов ставил перед собой предельно сложные задачи. Последнее его детище – винтовентиляторный двигатель НК-93, вне всякого сомнения, является двигателем XXI века.

Николай Дмитриевич ушёл из жизни 31 июля 1995 года... Родина высоко оценила деятельность участника Великой Отечественной войны, генерал-лейтенанта Николая Дмитриевича Кузнецова. Он – академик РАН, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий.

Не могу не рассказать о последней моей встрече с генералом Кузнецовым. Встречи с такими людьми всегда событие и порою надолго озаряют путь человека. Мне довелось встречаться с Николаем Дмитриевичем в течение почти тридцати лет на самых различных уровнях – на ответственных совещаниях, на огневой испытательной площадке, на отдыхе и в домашней обстановке.

Чтобы постичь в полной мере масштаб личности выдающегося конструктора и яркой человеческой индивидуальности, необходимо длительное время, а может быть, и привлечение аналитических способностей не только его современников. Посему не берусь в настоящее время за непосильный для меня труд охватить мысленным взором итоги всех моих встреч с этим выдающимся человеком. Ограничусь только последней встречей с Николаем Дмитриевичем, которая состоялась в Москве 12 марта 1995 года в семейном кругу его дочери Татьяны. Встреча протекала в домашней доверительной обстановке, за бокалом шампанского и чаепитием. Разговор касался самых разнообразных тем – от политических до научно-технических и религиозных. Беседа достаточно полно проявила жизненную позицию Николая Дмитриевича, которые максимально кратко можно выразить следующим образом:

- социализм – наиболее прогрессивная (в сравнении с иными общественными формациями) система, которая ныне терпит временное поражение с тем, чтобы с новой силой возродиться в ближайшем будущем;

- со Сталиным встречался дважды; считал его гениальным государственным деятелем, но осуждал реализацию им передовой общественной идеи неправедными методами;

- отношение к религии терпимое (супруга академика Мария Ивановна была верующим человеком), хотя в основном опирался на неисчерпаемые силы человеческого разума;

- человек ценен своими деловыми и моральными качествами, а национальность не имеет никакого значения при его оценке;

- успехи АО СНТК “Двигатели НК” обусловлены, прежде всего, высоким научно-производственным потенциалом его коллектива;

- ныне специалистами и эксплуатационными службами уделяется недостаточное внимание контролю надёжности авиационных двигателей и профилактическим мероприятиям по поддержанию их уровня, что в ближайшем будущем может иметь серьёзные последствия для безопасности полётов самолётов;

- проявлял твёрдость в отстаивании своей позиции, но с использованием аргументов, а не с помощью своего громадного авторитета;

- проявлял большой интерес в последнее время к материалам об эпохе реформаторской деятельности Петра Первого.

Николай Дмитриевич являлся глубоким, опорным человеком и стал для меня эталоном при оценке нынешних авторитетов, в том числе и политических.

В заключение хотелось бы сказать, что моя профессиональная деятельность складывалась достаточно удачно благодаря тесным и глубоким связям со специалистами ОКБ в составе крупных ведущих сотрудников ЦИАМ. И ныне в нашей организации работает в качестве консультанта ведущий научный сотрудник кандидат технических наук К. Н. Шестаков. Он являлся членом Межведомственной комиссии (МВК) по проведению испытаний двигателя НК-33 с допуском его к ЛКИ, а также членом Совета главных конструкторов в процессе создания ЖРД РД-0120.

В ЦИАМ работаю более 50 лет, с 1986 года по настоящее время в должности начальника сектора по разработке ключевого агрегата мощных криогенных ЖРД – турбонасосного агрегата (ТНА). С 1967 года, с момента подключе-

ния к участию в деятельности МВК, и по сей день тесно взаимодействую со специалистами крупнейших ОКБ страны – ОАО “Кузнецов”, ОАО КБХА и ОАО “НПО Энергомаш имени академика В. П. Глушко”. Могу засвидетельствовать то, с каким напряжением работали мои коллеги над созданием чудотехники нашего времени. Без выходных, долгие годы без отпусков, на пределе человеческих возможностей. В Самаре такой темп работы задавал лично Н. Д. Кузнецов, а также и начальник отдела ТНА – Алексей Иванович Елизаров. Не менее напряжённо трудились и работники ОКБ в Химках и Воронеже в 70–80-х годах прошлого столетия, причём основные усилия и средства коллективов (до 80% – по мнению академика Б. И. Каторгина) были направлены на создание надёжного и эффективного ТНА – сердца двигателя. Мощность ТНА РД-0120 составляет, например, более 100 МВт, что сопоставимо с мощностью тепловой электростанции в городе почти со 100-тысячным населением. Вместе с тем, разместить такой агрегат можно на письменном столе! Вот показатель напряжённости всех узлов, соединённых в одном агрегате. Только окружная скорость вращения водородных крыльчаток достигает 650 метров в секунду для обеспечения давления водорода в 450 атмосфер при его сверхнизких (криогенных) температурах. Руководитель коллектива ЦИАМ по созданию норм прочности авиаракетных двигателей профессор И. А. Биргер оценил достижение представленной скорости на пределе возможностей развития науки и техники того времени.

Тем не менее, ТНА был создан. Уникальный агрегат под стать уникальности водорода. Его создание ещё раз подтвердило утверждение о том, что ТНА является ключевым агрегатом любого мощного (тягой более 40 тонн) ракетного двигателя, а тем более кислородно-водородного ЖРД. Руководителем коллектива отдела ТНА в те далёкие времена был Станислав Петрович Аксёнов, с которым я тесно сотрудничал, и это сотрудничество уже на протяжении 37 лет приняло форму доверительных, почти дружеских отношений. **Итак, чем можно одолеть предел возможностей развития науки и техники? Только беспредельной преданностью делу, беспредельной (а не дозированной) самоотдачей, беспредельной требовательностью, прежде всего, к самому себе.**

А как можно такого достичь? Однажды С. П. Аксёнов признался: “Можешь поверить – каждый день я ходил на работу, как на праздник. Я знал, что служу великому делу великой страны”. Это признание (слегка пафосное по форме) является на самом деле сутью натуры Станислава Петровича и многое объясняет, в том числе и простую истину: “Большие проекты куют больших людей”, опыт работы которых является державным достоянием. Глубокие знания, системность и глубина мышления, умение правильно подбирать кадры, необыкновенная самоотдача и ответственность позволили С. П. Аксёнову сыграть решающую роль в создании уникального ТНА двигателя РД-0120. В течение восьми лет (с 1979 года) С. П. Аксёнов работал без отпусков, с двумя-тремя выходными в год, причём рабочий день начинался в 8 утра, а завершался в 9 часов вечера. Пример жизнедеятельности Станислава Петровича во благо страны является достаточно типичным для работников ОКБ того времени.

Ныне продолжается наше плодотворное взаимодействие с коллегами из ОКБ в направлении совершенствования созданных мощных ЖРД и разработки новых образцов ракетной техники. Огромным успехом стал запуск 23 декабря 2014 года с космодрома “Плесецк” РН тяжёлого класса “Ангара-А5” с использованием на первой ступени кислородно-керосиновых двигателей РД-191 производства НПО “Энергомаш им. акад. В. П. Глушко”. Нет сомнения в том, что РД-191 уверенно приходит на смену заслуженному ветерану с 50-летним стажем – двигателю РД-253.

В нашей теперешней профессиональной деятельности высшим примером державного служения России являются жизненные пути знаковых личностей государственного масштаба, таких как С. П. Королёв, В. П. Глушко, Н. Д. Кузнецов и другие.

О. НИКОЛАЙ (ГЕРМАНСКИЙ)

РОССИЯ И СУДЬБЫ МИРА

*Доклад на Форуме “Русский мир: к созиданию — через единение”
(июнь 2014 года, Республика Крым)*

Если посмотреть на Землю из холодного космоса, то мы увидим голубой шарик. Это наша родная планета, которая давным-давно была создана Творцом для того, чтобы человек, Его любимое творение, был счастлив на ней и, духовно совершенствуясь, платил ответной любовью своему Небесному Отцу.

Но произошло то, что мы называем первой исторической катастрофой. Человек, будучи сотворённым свободным, потерял свою первозданную цельность и тем самым положил начало новой истории, которая в скором времени отметилась первой кровью. Из зависти один из сыновей Адама поднял руку на родного брата и убил его. С тех пор кровь начала разливаться по всей земле и стала визитной карточкой человечества, постепенно потерявшего разумение о главных смыслах бытия. Причина потери памяти, на наш взгляд, проста: люди так сильно удалились от Бога, что всерьёз стали полагать, что могут выстроить своё счастье без Него. В результате мир подошёл к черте, за которой зияет пропасть. Если человечество не проявит зрелость и не вернётся к подлинным нравственным ценностям, то оно прекратит своё существование, как не имеющее морального права двигаться дальше.

В Послании к Ефесянам Апостол Павел говорит, что мы боремся “не против крови и плоти, но против духов злобы поднебесных” (Еф. 6, 10–12). И эта борьба происходит не на суше, не на воде, не в холодном космосе, а, в первую очередь, в наших сердцах. И, стало быть, от нас и зависит, какой наша жизнь будет сегодня, завтра, да и будет ли она вообще.

В своей безумной и бесплодной борьбе с Богом силы тьмы желают лишь одного: доказать Богу, что человек есть существо неудачное и неспособное совершать благородные поступки и исповедовать высокие идеалы. И им позволено искушать и соблазнять человека, ослабляя или вовсе истребляя его веру в Божественный промысел. Оторванный от Бога человек остаётся один на один со своей совестью. И наделённый свободой, этим высочайшим даром Творца, всю свою жизнь стоит перед выбором, который либо вернёт ему потерянный рай, либо низвергнет в адскую бездну.

Являясь участником драматической истории последних лет и ощущая на себе её сверхнапряжённую атмосферу, невольно приходишь к мысли, что некая сверхъестественная сила проводит весьма небезуспешные опыты по выведению нового сорта людей, которые под благовидными предложениями создали бы новый миропорядок, в центре которого был бы уже не Бог, а человек. И эта сила, обладающая нечеловеческой хитростью и сверхчеловеческой ненавистью, одновременно разрабатывает несколько вариантов с надеждой на то, что хоть какой-то из них сработает. И, как покажет история, неплохо срабатывают все...

К примеру, коммунистическая модель, которая является праматерью всех революций и которая, между прочим, была призвана под видом достижения всеобщего блага и вселенской справедливости “загнать” человечество в светлое будущее. Эксплуатируя христианскую терминологию и провозглашая нравственные принципы, заимствованные из Евангелия, она не оставила места лишь для Бога, Который никогда не обещал человеку Царства Небесного на Земле. Он учил, что это царство находится внутри каждого из нас. Но такая правда идеологов революции не устраивала, ибо она открывала человеку верный взгляд на вещи, происходящие в мире и в его собственном сердце. Такого человека обмануть или сломить либо очень трудно либо вовсе невозможно. А цель всякой революции, собственно, и заключается в том, чтобы человек, разрушая вековые традиции, собственными руками убивал в себе Бога.

Следующая модель – фашизм, имеющий своим намерением стереть с лица земли этот зловередный и безбожный коммунизм, а заодно поставить на колени его главную носительницу – якобы варварскую и безбожную Россию, которая весьма быстро набирала экономическую силу и политический авторитет и становилась угрозой всему “просвещённому” человечеству. А вместе с тем очистить жизненное пространство, уничтожив пару-тройку грязных, никчемных и никому не нужных, на их взгляд, народов.

И солдаты вермахта, подпоясанные ремнями, на которых было написано “С нами Бог”, без страха и упрёка безжалостно и хладнокровно уничтожали себе подобных. Помнится, совсем незадолго до Великой Отечественной, в 1939 году, вождь фашистской Германии был выдвинут на получение Нобелевской премии мира.

Но в то же самое время в стороне от всех вполне благополучно развивалась ещё одна модель, которая не обременяла себя лозунгами и идеологическими призывами и которой двигал лишь холодный расчёт, а целью была прибыль, и только прибыль. С точки зрения её апологетов, именно материальное богатство может сделать человека счастливым и самодостаточным, давая ему настоящую власть. Власть и, как они полагают, свободу, но не ту, которая освобождает человека от рабства греха, а ту, которая позволяет ему делать всё, что он пожелает, снимая с него какие бы то ни было моральные обязательства. Кстати сказать, на сей раз Западная Европа подсуетилась и исправила свой недочёт, наградив нынешнего лидера этой модели Нобелевской премией мира. Вот только непонятно, за что: то ли за совокупность всех кровавых деяний, совершённых американцами до него, то ли за их совокупность в его бытность президентом?

Интересно то, что все эти глобальные эксперименты, разные по своей форме, на самом деле имеют одну и ту же цель: мировое господство, за которой скрывается ещё более важная цель и, без сомнения, более глобальная – вытравливание христианского духа из человеческого обихода, ибо там, где ненависть, вероломство и двуличие, Христа нет и быть не может.

Но не стоит, однако, забывать о той единственно верной модели, которую предложил человеку Сам Творец, в фундаменте которой лежит Его бесконечная Любовь, рождающая всё чистое, доброе, светлое, а стало быть, пригодное для полноценной жизни.

В этой любви нет и не может быть ни зависти, ни ненависти, ни лукавства. Она, по слову Апостола Павла, многие грехи покрывает и имеет великое свойство прощать и дарить человеку радость даже тогда, когда у него, казалось бы, ничего не остаётся.

Невольно вспоминается рассказ одной монахини, которая во времена страшных гонений несколько лет отсидела за веру в сталинских лагерях и потом рассказывала, что никогда у неё не было такой радости, как в те времена. Она сидела в клетке, но была свободна, потому что в её сердце жил Христос, который две тысячи лет назад пришёл в этот мир и пролил за неё Свою кровь. И Он продолжает проливать Её за каждого из нас, а человечество по-прежнему продолжает забивать гвозди в Его пречистые руки своими грехами. Каково же Богу, вложившему всю Свою любовь в человека, взирать на Своё ослеплённое гордыней творение, беззастенчиво демонстрирующее Ему свою независимость!

Почти век прошёл с тех пор, когда великий русский мыслитель Иван Ильин произнёс слова, которые и ныне звучат более чем современно: “Всё, что произошло в мире в двадцатом веке и продолжает совершаться и ныне, сви-

детельствует о том, что христианское человечество переживает глубокий религиозный кризис. Широкие слои людей утратили живую веру и отошли от христианской Церкви... Человек нового европейского "уклада души" всё более отчуждается от вечных истин христианства... привыкает "обходиться без них", религиозно мертвеет, умственно и нравственно вырождается и идёт навстречу невиданному ещё в истории человечества культурному кризису**.

Разве не о сегодняшних днях говорит Иван Ильин? Обезбоженный западноевропейский и североамериканский мир, претендовавший на то, чтобы показать всем верную дорогу к счастью, не в состоянии этого сделать. Но он успел поразить "бациллой потребительства" огромную часть человечества. Упор на материальное благополучие привёл, в конечном итоге, к мировому кризису, который, по сути своей, является кризисом человеческого духа.

Замечательной иллюстрацией того, как это произошло, является опыт Западной Европы. Можно сказать, что её закат начался в эпоху Возрождения, когда проводники новой культуры, называвшие себя гуманистами, прославляя земную красоту и возвеличивая человека, создали предпосылки для того, чтобы для Бога в человеческом сердце оставалось всё меньше и меньше места. Здесь необходимо вспомнить и о том краеугольном событии в истории Церкви, после которого Ренессанс и секуляризация западноевропейского мира стали вполне естественными. Это её раскол в X веке на восточную Православную и западную Римско-Католическую, который видимым образом показал, что Восток и Запад мыслят и ощущают мир по-разному. Эта разница в мировосприятии начала формироваться гораздо раньше, в эпоху Вселенских соборов, когда западное богословие, допуская в церковных догматах роковые искажения, создало неизбежные предпосылки для искажения и всего опыта Церкви. Но первый раскол – это ещё не конечная остановка. Главная цель вселенского зла – это полное уничтожение духовной памяти в человеке. А посему происходит новый раскол, сопровождающийся бесконечными делениями на всё новые и новые сектантские образования, и слово "реформа" прочно входит в практику человеческого бытия. И то, что происходит с Европой сегодня, позволяет нам констатировать весьма грустную правду: наступивший после религиозного Средневековья Ренессанс стал началом не возрождения Европы, а её умирания.

Но это, естественно, произошло не в одночасье. В течение нескольких столетий человек пропускал через себя новые представления о мире, которые, в конечном итоге, развернули его от Евангельского блаженства к земному наслаждению. И тот факт, что часть западноевропейской молодёжи сегодня начала уходить в набирающий силы исламский фундаментализм, является верным признаком умирания Европы. Причина в том, что эта молодёжь не нашла для себя шанса раскрыть свой духовный потенциал в недрах теперь уже вполне обезбоженного общества, правящая элита которого полностью потеряла свою самостоятельность и стала безропотной исполнительницей воли своего "всемогущего" североамериканского хозяина.

Таким образом, Европа заражается духом безбожия до такой степени, что кризис, о котором мы говорили выше, становится неизбежным. В переводе на русский язык "кризис" означает "суд". Правильно толкуя это слово, человечество должно осознать, что предстоит не перед страхом физического уничтожения, а перед дыханием самой Вечности, взирающей на него и ожидающей его преображения.

Но неужели на Земле не осталось места, где ещё существует понятие о страхе Божьем и подлинных духовных ценностях? Такое место есть. И это наше Отечество, Россия, в которой ещё теплится огонёк живой веры и жажда Высшей Правды. Из всех православных держав на сегодняшний день мы – единственные, кто может влиять на мировые процессы и чей голос раздаётся всё громче и громче. Мы начинаем осознавать своё подлинное предназначение.

Проживая великую историю, испытывая невероятные взлёты и не менее невероятные падения, мы каким-то совершенно чудесным образом не выродились в карликовое государство, что произошло некогда с великой Византийской империей, а остаёмся поистине великой державой. Хотя наши недруги

* Ильин И. А. Основы христианской культуры / Ильин И. А. Мюнхен, Изд-во Братства прп. Иова Почаевского, 1990. 330 с. URL: www.magister.msk.ru/library/philos/ilyin/ilyin01.htm.

никак не хотят или не могут разглядеть нашего величия, которое заключается не столько в территориальных масштабах, сколько в нашей духовности, в нашем великом народе, который подарил миру великую культуру и явил ему великих Святых, по которым Россия всегда равняла свою жизнь, ибо во все времена и поныне идеал Святости для нашего народа был и остаётся важнейшим.

Так, может быть, для этого и сохранил нас Господь до сего дня, чтобы рассказать запутавшемуся миру об этом идеале как о благословении Творца, которое человечество получило через Его Божественное Слово: “Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный” (Мф. 5, 48), “Будьте святы” (1Пет. 1, 16), “Познайте Истину, и Истина сделает вас свободными” (Ин. 8, 32).

Рассуждая о предназначении русского человека, Ф. М. Достоевский восклицает: “Это нам-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой земле такой удел? Это нам-то предназначено в человечестве высказать новое слово? Что же, разве я про экономическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено. . . *”

На протяжении всей своей христианской истории наш народ бережно старался хранить образ Христа в неискажённом виде: он мудро и мужественно стоял за Его чистоту и во времена благоверного князя Александра Невского, когда ему предлагали унию, и во времена великих русских граждан Минина и Пожарского, когда его снова захотели окатоличить, и во времена нашествия двенадцати языков, когда вся Европа ополчилась против него, и во времена страшного революционного эксперимента, когда народу-Богоносцу под страхом смерти было запрещено упоминать Имя Божие, и в не менее страшные времена Великой Отечественной, ну, и сегодня, когда по всем признакам наступает один из последних актов всечеловеческой драмы.

Не за эту ли преданность Христу и Его Правде Европа нас, мягко говоря, недолюбливает, а Североамериканские Штаты и вовсе вычеркнули бы нас из истории, если бы им это было позволено. Мы имеем в виду, конечно, не большинство простого народа, а элиту, которая несёт ответственность перед Богом и человечеством за то, куда и как ведёт свой народ. Из либеральных кругов постоянно раздаются голоса, что всё это, дескать, наши фантазии, но давайте в таком случае послушаем нашего соотечественника Н. Я. Данилевского: “Европа не признаёт нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для неё простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды. Как ни рыл, ни мягок оказался верхний, наружный выветрившийся и обратившийся в глину слой, всё же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твёрдое ядро, которое не растолочь, не размолотить, не растворить и которое имеет силу и притязание жить своей независимой и самобытной жизнью. Итак, во что бы то ни стало — не крестом, так мечом, не мытьём, так катаньем — надо не дать этому ядру ещё более окрепнуть, разрастись и пустить корни и ветви вглубь и вширь. Не допускать до этого — общее дело всего, что только чувствует себя Европой. Тут можно и турка взять в союзники, и даже вручить ему знамя цивилизации**”.

Так что же это за ядро, которое лежит в основе русского мира и не даёт ни Западу, ни Востоку, ни Северу, ни Югу разорвать Россию в клочья или, по крайней мере, поставить на колени?

Рассуждая о цивилизациях, русский аргентинец И. Андрушкевич прорисовывает великолепную схему, которая представляет цивилизацию в виде трёх концентрических сфер. Внутренняя сфера — ядро цивилизации — это тип верования, определяющий шкалу духовных ценностей. В ядре формируется дух цивилизации. Ядро обволакивается “питательной мякотью”, которая есть

* Достоевский Ф. М. Пушкин. Очерк / Достоевский Ф. М. // Александр Сергеевич Пушкин: интернет-сайт. URL: <http://www.as-pushkin.ru/index.php?cnt=6&sub=11>.

** См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому / Н. Я. Данилевский; предисл. Н. Н. Страхова; ст. К. Н. Бестужева-Рюмина; сост., вступ. ст. и коммент. А. А. Галактионова. 6-е изд. СПб, Изд-во С.-Петербургского ун-та: Глаголь, 1995. 552 с. (Литературное наследие русских мыслителей). URL: <http://www.book-site.ru/fulltext/yev/rop/ada/nii/>.

не что иное, как культура. Культура порождается типом верования, но когда она начинает стремиться к независимости, то может войти в противоречие с ним. Третий слой – это “защитная скорлупа”, то есть общественные и государственные институты, которые защищают и “питательную мякоть”, и ядро от внешних и внутренних врагов.

Здесь необходимо понимать, что с искажением ядра происходит искажение всего цивилизационного уклада. Блестящий пример тому – сегодняшние события на Украине. В известной степени её историю можно сравнить с историей некогда великой Византии. Разница лишь в том, что Византия была империей, и притом великой, а Украина была лишь частью империи, но та и другая совершили роковую ошибку, приняв унию. В результате Великая Империя вырождается в карликовое государство, а Украина, в отличие от неё, рискует гораздо больше: она может лишиться возможности остаться даже карликовым государством и вовсе потерять свой суверенитет. И то, что их нынешние вожди нынче лобызают православные иконы, демонстрируя свою приверженность Православию, есть лишь жалкая форма. Их помыслы всецело там, где звенит монета, там, где можно потешить своё властолюбие и тщеславие, там, где христианский дух давно выветрился. И всё это – результат либо отрыва от цивилизационного ядра, либо циничная попытка подменить его главные смыслы.

Ядром русского мира является Православие. И нам понятно, почему поход на Восток, начавшийся на заре нашей цивилизации, продолжается до сего дня. Мы слышим ответ на этот вопрос из уст одного из наиболее влиятельных вдохновителей североамериканской идеи мирового господства и последовательных и агрессивных ненавистников русского мира З. Бжезинского: “После разрушения коммунизма единственным врагом Америки осталось русское Православие*”. Что ж, спасибо господину Бжезинскому за откровенность. Но почему же он и его компания так ненавидят Православие? Не потому ли, что оно является единственной силой, которая не позволяет вселенскому злу, пытающемуся прикрыть свою подлинную сущность ангельскими одеждами, окончательно обезбожить мир, свергнув его в глобальную катастрофу и, обескровив, подготовить пришествие того, кому они поклонялись с самого начала своего существования, принося в жертву коренные народы Северной Америки, и кому преданно продолжают служить и донныне, выворачивая наизнанку Божественную правду. Как здесь не вспомнить слова пророка: “Горе тем, которые зло называют добром и добро – злом, тьму почитают светом, а свет – тьмою, горькое почитают сладким, а сладкое – горьким! Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны перед самими собою” (Ис. 5, 20).

Можно сказать, при этом не умаляя достоинства других великих народов, что сегодня, по большому счёту, главная борьба происходит между двумя сверхдержавами – Россией и США. И это борьба двух совершенно разных мирозерцаний, двух совершенно разных культур. И будущее человечества, если хотите, зависит от того, кто из них выйдет победителем в этой далеко не шуточной войне и чей путь человечество предпочтёт.

Нам есть что предложить миру. Русская культура всегда была и остаётся одной из главных проповедниц Евангельского духа. Она удивительно чутко, глубоко и пророчески показывает и раскрывает главные смыслы бытия. Вскормленная православным мирозерцанием, она на протяжении всей своей истории была верным ориентиром для чутких сердец, ищущих Высшей Правды. Но, наверное, ни в ком так цельно, гармонично и глубоко она не раскрылась, как в А. С. Пушкине, о котором И. А. Ильин сказал: “Он дал нам право верить в призвание и творческую силу нашей Родины, благословлять её на всех её путях и прозревать её светлое будущее, какие бы страдания, лишения или унижения ни выпадали на долю русского народа. Иметь такого поэта и пророка значит иметь свыше великую милость**”.

Не зря Пушкин сам себя называл “эхом русского народа”, народа с огромной открытой душой, способной вместить в себя все страдания челове-

* Цит. по: Платонов О. А. История русского народа в XX веке / О. А. Платонов. М., Родник, 1997. Т. 2. 1040 с. (Терновый венец России). URL: <http://lib.ru/PLATONOWO/russ3.txt>.

** Ильин И. А. Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. / И. А. Ильин. М., Книга, 1990. С. 328.

ства. И если бы он написал лишь одно своё произведение – “Сказку о рыбаке и рыбке”, – поразительное по своей простоте и глубине, лично для меня он уже был бы великим писателем и пророком. Это произведение как часть великой русской культуры вполне может быть названо посланием русской души “просвещённому” человечеству, в котором Пушкин гениально показывает этому человечеству пути правды и лжи, пути спасения и гибели.

В образе простого и смиренного старика легко угадывается Россия, призванная Богом пребывать в трудах и молитвах и желающая жить спокойно и праведно.

А рядом – сварливая старуха, беспокойная, ненасытная и неблагодарная.

И вот, за своё долготерпение старик сподобляется поймать рыбку, готовую исполнять его желания. Но удивительно то, что он ничего не просит у неё для себя. Почему? Да потому что у него всё есть: и мир на душе, и любимое дело, и даже сварливая жена, которой постоянно чего-то не хватает и с которой он обречён жить бок о бок всю свою жизнь. У древних христиан рыба была символом Христа-Спасителя. Полагаю, что и в сказке Александра Сергеевича она также символизирует Господа, который всегда “гордым противится, а смиренным даёт благодать”, как сказано в Евангелии. Так что же старуха? Наказание или награда для старика? Можно предположить, что, взирая на его праведность, и старуха станет добрее. Но если этого не произойдёт, а старик претерпит все её выходки, он может стать святым, а потом и её вымолит.

Но, читая сказку, мы что-то не видим, чтобы старуха становилась лучше: чем больше она получает, тем больше ей хочется. А старик по-прежнему остаётся для неё дурачиной и простофилей, впрочем, как и Россия для “просвещённых” народов Запада. Несмотря на всё это, он переживает за свою жену, пребывающую в зависти и ненависти, и, кажется, ему неловко за неё и перед всем миром и, конечно же, перед Рыбкой, то есть пред Господом. Он печалится, взирая на её безумие, но снова идёт к морю и снова просит Владычицу морскую о милости. И она снова посылает ему эту милость и делает это до тех пор, пока старуха в безумии своём не переступает черту: ей уже мало повелевать людьми и народами, она теперь желает занять место самой Рыбки и чтобы Та была у неё на посылках.

О, как это напоминает современное общество потребления во главе с США и большей частью западноевропейского мира. Они вовсе не прочь выстроить своё благополучие за чужой счёт, при этом беззастенчиво используя остальной мир в своих корыстных интересах, легко забываясь от тех, кто не разделяет с ними их идеалов. Желание повелевать народами настолько вошло в их обычай, что даже далёкая мысль о том, что кто-то может составить им конкуренцию, приводит их в ярость. И чувство собственной непогрешимости и исключительности, вероятно, настолько ослепляет их, что они, кажется, были бы не прочь, в конечном итоге, занять место самого Творца.

А что же Россия? Так же, как и старик, который готов был нести на себе старуху, терпя её причуды, так и Россия по образу Христа отдаёт себя в жертву миру, пропуская через себя всё его несовершенство. Она жертвует собой и тогда, когда стоит за правду, защищая своих православных братьев, и тогда, когда становится площадкой для страшных экспериментов, и тогда, когда, как всегда оболганная, измороженная, но не сломленная, возвращается к себе самой, возвещая миру Правду о подлинных нравственных ценностях, которые растерял мир, образом жизни которого стали циничная ложь и двуличие.

И так же, как у старика со старухой, так и у России с США и Европой, увы, две совершенно разных миссии. У первой – взыскание Небесной Правды и обретение Евангельского блаженства, а у вторых – взыскание радостей и наслаждений земных и только земных. Нетрудно догадаться, куда приведёт человека первый путь и куда его может привести второй.

И пока человечество, наделённое Божественным даром свободы, будет пытаться сделать правильный выбор, мы всеми силами должны возвращать в свою жизнь историческую и духовную память, которая живёт внутри каждого из нас и которую нужно лишь разбудить. Главной задачей на этом пути должно стать укрепление цивилизационного ядра, которое формирует нашу культуру и государственность.

Сегодня, и я в этом уверен, именно Россия имеет полное право объявить миру о главенстве не геополитических интересов, о которых сегодня только

и говорят, а о том, что в основе всечеловеческого благобытия лежит не абстрактный гуманизм и желание накормить генно-модифицированной продукцией миллионы обездоленных, а подлинная духовность, в основе которой – любовь Творца к Своему творению и ответная любовь творения к своему Творцу, выраженная в её благодарности и разумных поступках.

Народ, услышавший из уст своих руководителей ясные и честные слова о том, кто мы и каковы наши главные цели и задачи, не останется в стороне и сделает всё возможное, что от него зависит. Весьма знаменательными являются слова лидеров двух великих держав, произнесённые совсем недавно, практически в одно и то же время. Президент Соединённых Штатов сказал во всеуслышание буквально следующее: “Самой главной организацией в мире является правительство США”. Мы бы назвали это прелестью вселенского масштаба. А вот что сказал президент России: “Самое главное в жизни – это любовь. Любовь к семье, к Отечеству, без которой жизнь теряет смысл”.

Ивану Ильину принадлежат замечательные слова о том, что русский человек без любви есть существо неудавшееся. В этом смысле слова В. Путина можно расценить как подсказку к тому, какой бы могла быть формула русской национальной идеи. В центр этой формулы можно и нужно поставить триединую любовь – любовь к Богу, любовь к Отечеству и любовь к человеку.

И провозглашение этого национального принципа существования могло бы стать сигналом как собственному народу, так и всему миру.

Сегодня Россия стоит на Голгофе, распинаемая врагами Христа. И если мы духовно сплотимся и не разбежимся “страха ради иудейского” и сможем воззвать к Нему, как некогда благоразумный разбойник, и принести Ему достойное покаяние, то, может быть, тогда, вдохновляемые Его распятием и воскресением, мы найдём в себе силы повторить Его последние слова, сказанные на Кресте: “Господи, прости им, ибо не ведают, что творят” (Лк. 23, 34).

Прости, Господи, и их, и нас за малодушие и маловерие, за ту боль, которую приносим Тебе своей недостойной жизнью, и дай нам силы принять Твою любовь, ибо без неё мы прах и тлен, и только она может помочь нам умягчить злые сердца, уврачевать вековые раны и воздать Тебе достойную хвалу.

Аминь и Богу слава!

МИХАИЛ ПОПОВ

ЗА ОТЧИНУ И ДЕДИНУ ПОМОЛЮСЬ

*Не убоишися от страха ночного,
от стрелы летящая во дни,
от вещи во тьме переходящая,
от сряща и беса полуденного...*

Пс. 90: 5—6

ДОРОГА НА СВЯТОЙ УДЕЛ

Дорога — это всегда суета, волнение и беспокойство. То и дело поглядываешь на часы, бегаешь к расписанию, тревожно прислушиваешься к скорости транспорта, томишься на промежуточных остановках... А в этой поездке у меня не возникало никаких переживаний, настолько уверовал, что всё будет хорошо, что ничто не помешает пути на Афон, и больше того — мне туда открыта незримая “зелёная улица”.

Ничуть не обескуражило, что группу, в которую меня включили, в Домодедово не нашёл — заключил, что встречу дальше. Вылет самолёта на Салоники (Греция) задержали на несколько часов — было томительно, но терпимо, благо регистрацию прошли. В аэропорт Салоники прилетели за полночь, хотя должны были ещё по свету, но что с того? Ведь принимающая сторона встретила, гиды — русские девчата — вручили дополнительные документы и проводили к автобусам.

“Всё путём!” — говорят у нас. Так и было. Ехали автобусом часа два. Греция тонула в потёмках, редкие фонари освещали посёлки, сквозь которые или обочь которых мы проезжали. Похоже, ЕС применяет для Греции девиз нашего “развитого социализма”: “Экономия и бережливость — на каждом рабочем месте”, — то бишь в каждом дворе. Зато водитель был русский, он нас просвещал, объяснял, что да как, отвечал на вопросы.

Прибыли в Уранополис — административный центр Афонского полуострова. По два-четыре человека выходили возле отведённых им гостиниц. Я назвал свою — “Панорама-Спа” — и оставил автобус почти последним. “Туда, вверх”, — показал водитель, где мерцал фонарь, и автобус поехал дальше. Я остался один. Шевельнулось ли во мне хоть какое-то беспокойство? Ничуть. Ровно год назад, почти час в час я продирался сквозь крошечные потёмки к стенам Артемиево-Веркольского монастыря, спотыкался, падал, проваливался в колдобины, ведь не видно было ни зги. А тут-то свет мерцает, дорожка видится. Подхватив поклажу, я пошёл на свет далёкого фонаря. Маленькая

двухэтажная гостиничка была закрыта. Позвонил, обнаружив кнопку звонка. Через минуту двери отворила молодая, слегка заспанная особа. Я назвал своё имя, она, не глядяывая в путевые документы, отворила ближайшую дверь, и я очутился в номере.

На часах было три по московскому времени. Подъём, как пояснила хозяйка, “ту сэвэн”, то бишь в 7. Надо было бы сразу залечь — дорога всё же утомила. Но сначала захотелось под душ, потом чаю испить, хотя бы слабенького. Потом хотя бы конспективно записать события минувшего дня.

Проснулся без побудки и вовремя. К завтраку, по сути, не притронулся, он был скоромным (ветчина, яйцо), даже в дороге не хотелось нарушать своё постное стояние. Лишь испил чаю.

В таможене, что находится в порту, меня повезла Франсуаза — та самая хозяйка гостиницы, которую я разбудил среди ночи. Имя французское, машина немецкая — эх как всё! Впрочем, чему нынче удивляться, коли в мире всё перемешалось, как в миксере. Одну американскую кинодиву зовут вполне погречески — Пенелопа. Наши молодые мамы называют своих чад сериальными именами: Рафаэлла, Моника, Лоуренсия. Вырастет таковая, и её будут величать, например, Джеральдина Ивановна. Додумать сии парадоксы я не успел: “фольксваген”, что тебе колесница амазонки, замер. Я раскланялся, пообещав Франсуазе на обратном пути не тревожить её сон, но поняла ли она меня — не знаю.

Так было и дальше. Насколько русский здесь в ходу, я не определил. В таможене церемония оформления проходила молча: я подал свой загранпаспорт, в ответ греческий Верещагин вручил документ, заверенный печатями и подписями афонских иерархов. На улицах русской речи не доносилось, хотя, судя по виду и багажу, здесь было немало приезжих. Зато в лавках, магазинчиках и открытых кафе тут и там пестрели вывески на русском. Среди торговой пестроты, вынесенной на улицу, оказалось много икон. Тут подумалось, что мы, русские, знаем греческий язык гораздо лучше, чем греки — наш, ведь основа православия — греческая: икона, диаконос, ангелос, архангелос... И тут же поправил себя: основа общая, двуединая, ведь определение “икона” настолько родное, что ты чувствуешь его абсолютно русским.

Очередной промежуточной целью была пристань. Я шёл, не ведая пути, но целиком полагаясь на свою путеводную “зелёную улицу”. “Язык до Киева доведёт”, — говорят у нас даже во Владивостоке — собственными ушами слышал. Здесь масштабы были скромнее, а язык мне заменял нюх: я всё явственнее чуял запах моря. Море открылось в конце улочки. Оно, кажется, мерцало, угадываясь за купами платанов, а тут через шаг-другой плеснуло вдруг далью и ширью, это легендарное со времён “Илиады” и “Одиссеи” Эгейское море.

Вот тут, пожалуй, я впервые и почувствовал себя паломником. Не путешественником, не пилигримом даже, а именно паломником. Слева за бухтой начинался Афонский полуостров — древняя монашеская держава, и вот оттуда, с того теряющегося в дымке берега мне почудился какой-то зов, безмолвный и в то же время явственный зов, даже сердце скорее забилося.

ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ

Возле причала-волнореза стоял паром. Он был похож на десантный — со створами на носу — корабль. Ощущение боевого сбора или мобилизации усиливала общая картина посадки. Здесь были только мужчины — совсем юные и убелённые сединами старцы, бледнолицые братья-славяне и чернявые обитатели ближнего поморья — и все с заплечными ранцами или походными баулами. Женщин на причале не было. Ни одной. Женщины остались позади, дабы исполнять вековечный удел ожидания — ткать в одиночестве мыслительный ковёр и вновь распускать его на пряжу.

Паломники не толпились, группками и поодиночке стягивались к трапу. Преобладала, понятно, греческая речь. Но дальше почти у самого трапа я услышал родное слово и прямо-таки бросился туда: “Здорово, братцы!” Соотечественники, православные — почти родственники, как не братцы!

Их было трое — один молодой и двое в годах. Все из Пскова. Закопёрщик у них Борис, примерно мой ровесник. Мы как-то сразу потянулись друг к другу, вместе поднялись на верхнюю палубу, оставили под навесом багаж, про-

шли на корму, да так до конца рейса и не расставались. Единственное, что докучало немного, — его постоянное курение. То-то, я заметил это сразу, у него такое бледное и рыхловатое лицо.

Из разговора выяснилось, что Борис едет на Афон восьмой раз. В очередную паломническую поездку увлѣк своих сослуживцев — они все работают в торгово-строительной фирме. А ещё Борис поделился, что везѣт в монастырь деньги на требы — причѣм мзду “на помин” и “во здравие” ему передают не только земляки-псковичи, но, узнав, что он опять собирается в святые места, посылают из Новгорода, из Петербурга...

Крещѣн Борис в детстве. Псково-Печерская лавра, по его выражению, — родной дом. Ещё когда был подростком, ему доверяли водить по подземным захоронениям экскурсии. Он ведает в подземных лабиринтах каждый закуток.

Рассказывая о себе, Борис то и дело показывал на берега, мимо которых мы проплывали. В этой ближней части полуострова растительность неброская. Здесь два года назад полыхал пожар. Огненный вал подходил к Уранополису, вот те жѣлтые проплешины на склонах — следы гарей. Спасли положение российские пожарные самолѣты, которые прибыли сюда по распоряжению Путина. Наши воздушные огнеборцы и отстояли Афон.

Над палубой беспрерывно галдят прожорливые чайки. Вода за кормой изумрудная. Одно огорчает: нет-нет да и летят туда окурки. Что у нас посреди Двины с борта “Коммунара”, то и тут в Эгейском море с борта “Святой Анны”. Ну, как эти курильщики не понимают, что хрусталь воды — драгоценность Божия, а не пепельница! И не от такого ли стрельнутого небрежно окурка и занялся на Афоне тот натворивший много бед пожар!

Слушая Бориса, я без конца оглядываю берега, мимо которых проходит наш пароход, и то и дело щѣлкаю затвором “Никона”. По склонам здесь и там, то под самым берегом, то выше, словно ласточкины гнѣзда, лепятся скиты. Слежу по карте, которую купил на причале. Скит Камена, далее — Святой Артемий, а вот загадочное название — Мегали Мони. Этот скит большой, здесь своя пристань, мощные стены, хромовые купола...

“Святая Анна” входит в бухту Зограф, это пристань Зографского монастыря, который с моря не виден — он за горным увалом.

Следующая остановка — монастырь Дохиар. Как причудливо переплелись в этих строениях века: единства, кажется, нет ни в красках, ни в формах, ни в линиях, а несмотря на это — всё в горсти, если не сказать в Божией деснице...

Следующий причал — монастырь Ксенофонт. А вот здесь стиль единый, по крайней мере, так видится с моря. Стены — как бастионы средневекового замка. На высоте не меньше пятиэтажного дома — окна-бойницы, никакой корсар не достигнет.

А вот, наконец, и наш монастырь — русская обитель Святого Пантелеймона. На фоне неяркой зелени склонов выделяются светло-оранжевая черепица крыш — это здания для паломников, а дальше — светлые монастырские стены, серебро, голубизна куполов, зелень крыш.

День солнечный. Всё сияет, приветливо встречая нас чистотой красок, лаконичностью форм, простотой и опрятностью, словно не лежит на всѣм этом печать столетий.

Подхватив поклажу, выхожу следом за Борисом на причал. Лѣгкое головокружение. От качки или от здешнего благоуханного воздуха? Впрочем, чего гадать, главное, что — слава Богу! — прибыли. Теперь перекреститься и — следом за всеми — в обитель.

ПЕРВОЕ ПОСЛУШАНИЕ

От армейских нарядов обычно отлынивают. Монастырского послушания ищут. Первое послушание нашло меня сразу — не успел даже переодеться. Архандаричный (управляющий паломническим подворьем) — сухопарый, чернородый, строгий по манерам монах — показал на собрата, который стоял на галерее: дескать, если есть силы — к нему.

Нас собралось семеро, мужики тридцати-сорока лет, и я — переросток. Переглянулись меж собой: почти отделение. Тут же послушались соответствующие реплики. По голосу ли, по улыбке выделил одного: высокий, крепкий, лицо круглое, располагающее. Лѣгкой словесной распасовкой — наряд,

кухня, “от забора до обеда” – представились друг другу, как армейские бывальцы. Обмен житейской географией прошёл в том же ключе: о, Архангельск, град архистратига Михаила! О, Курск! “А твои куряне – опытные воины!” Вот так – Павел, Михаил – мы и познакомились.

Монах Элиодор, то ли молдаванин, то ли румын, свернув с центральной аллеи на “рабочую” тропку, привёл нас к неприметному каменному складу. Здесь мы взяли большие пластиковые ящики – по паре в каждую руку – и следом за нашим “бригадиром”, облачённым в линялую рясу, вышли за жилые пределы. Решили уже, что предстоит что-то затаривать – овощи или оливки, но не угадали. Ящики сложили под навес, а сами следом за братом Элиодором спустились к морю. Здесь оказалась небольшая терраса, отделённая прибойной стеной. На ней был разбит огород (кипер) – полоса длиной в футбольное поле и шириной в его четверть.

Монах, всю дорогу молчащий, окинул нас взглядом и распределил по звеньям: трое – здесь, двое – здесь. Говорил он скупно, возможно, стесняясь акцента, зато широко улыбался. Дав задание спутникам, нас с Павлом подвёл к кустам салатного перца. Мы решили, что будем убирать стручки. Но оказалось – нет. Нам предстояло почти в буквальном смысле “задать перцу” этим кустам. В подтверждение, что мы правильно его поняли, монах ухватил ближайший метровой куст, усыпанный зелёными да красными стручками, и вырвал его. Так с корнем выдирают сорняки. Но когда плодоносные семена деградируют, они тоже подлежат уничтожению. Таков закон жизни. Иначе вся земля покроется пустоцветом да мутантами.

Перечных кустов было два ряда. Подле созревали два ряда баклажанов. В отличие от красно-жёлтых “синенькие”, по всему видать, задались. Вот ведь как: грядка одна, а судьбы у растений разные. Так и в человеческой среде. Даже в одной семье вырастают зачастую совершенно непохожие по характеру дети. И что тут скажешь, кроме того, что на всё воля Божья. О том напомнил брат Элиодор. Отходя от нас, он добавил, что в монастыре принято работу сопровождать молитвой. Один читает Иисусову, другой, подхватывая, – Божией Матери. И так всю дорогу.

Мы с Павлом, теперь уже как напарники, принялись за послушание. Работали прилежно, без перерыва, а вот с молитвами... Нет, несколько раз всё-таки “аукнулись”, однако вскоре свернули на родимую колею. Русскому ведь при знакомстве надо сразу понять всё – кто рядом с тобой, чем дышит, о чём думает. А тем паче на чужбине, вдали от Родины, пусть и в православной стране.

Рядки свои мы гнали параллельно и рука об руку. Иные стручки, уже переспелые, осыпались – собирать их решили потом. Ботву с гроздьями зелёных перцев я поначалу относил в дальнюю кучу. Но Павел остановил: зачем? Кучковать лучше по мере надобности. А и то! Суть-то огорода и последовательность операций везде одинакова – что здесь, что у меня на Севере, что у Павла на Курщине.

Разогнув застамелую поясницу, я отыскал взглядом нашего опекуна. Монах трудился на дальней гряде. Скинув свои опорки, босой Элиодор мотыжил сухую землю. Вот так же это было сто, и пятьсот, и тысячу лет назад, когда на этих скудных суглинках топтались первые монахи со святой Руси – выходцы из донских, тверских, курских земель, коих Господь призвал сюда на православное служение. И от мысли этой и вида труждающегося мниха пахло духом вечности, а лопатки свело ознобом.

Вырвав с корнем перечные кусты, мы с напарником принялись сносить их в отвал. Это сколько же добра пропадает, подумал я на ходу, да тут же и поправил себя: добро-то это рыночное, а в пищу – я уже лизнул мякоти – оно совершенно не годится. Вот так же и в творчестве. Глядишь на иное произведение, по форме вроде бы поэма, пьеса или рассказ, а по содержанию вот такой же – хуже горькой редьки – перец.

Павел поднял с земли очередную охапку перечной дурнины и направился к отвалу. Я – соответственно комплекции, а ещё остерегаясь за свою марку светлую рубаху, – взял поменее. Напарник, видать, отметил это и предложил мне вместо переноски охвостев собирать опавшие стручки – ведь всё равно надо очищать площадь. До чего деликатный мужик! И по имени-отчеству, и извиняясь за своё предложение, дабы я не подумал, что он тут “раскомандовался”. Это не просто воспитанность. Это православное состояние, усилен-

ное монастырской средой, где всё по-братски, по справедливости, по сердечности.

Я снова разогнул поясницу. Взгляд непроизвольно потянулся к горизонту. В дымке соседнего полуострова мерцала белая тень судна. В мгновение ока из тысячелетней глубины времени меня унесло ещё дальше. Не трирема ли то Одиссея, не галера ли Ясона, что отправился в Кахетию за золотым руном?

Греция – целый мир, начало и конец мира для древних греков. Она раскинулась многоконечной звездой. Здесь столько заливов и проливов, что по периметру будет не меньше кругосветки. Но я-то ведь не за географией приехал. Я даже и Афон не собирался обходить, дабы сосредоточиться на главном – на молитве, на службе, на смиренном стоянии.

Работу мы с Павлом завершили раньше других и, испросив у брата Элиодора разрешение, отправились на подворье. Надо было сполоснуться, немного отдохнуть и подготовиться к первой монастырской службе.

ОКЛИКАНИЕ ДУШ

На храмовую службу братию сзывает благовест. Ему вторит колоколец нашего архандаличного, который обходит подворье паломников. Пора.

На выходе встречаемся с Павлом. Он здесь бывалец, ему, стало быть, и вести. Вместе труждалась – вместе и помолимся.

Сначала идём вдоль нашего четырёхэтажного корпуса, потом сворачиваем на центральную аллею, обсаженную цветущими кустами и деревьями. И всю дорогу нас сопровождает тонкий летучий аромат.

В конце аллеи – широкая лестница. По каменным ступеням поднимаемся к монастырскому portalу – центральному входу. В каменном кружале, украшенном резьбой, – двустворчатые кованые ворота. Перекрестившись, входим в обитель. Свод низкой галереи. Слева – подсвеченные лампадами лики Божьей Матери и Св. Пантелеймона. Крестное знамение, поклон. Идём далее. За галереей открывается дворик, вымощенный камнями. Пересекаем его и оказываемся у входа в Пантелеймонов храм. Крестное знамение, поклон. И вот...

Высокие своды, пронизанные вечерним солнцем. Лучи, словно связи. А внизу – мягкий сумрак. По стенам и колоннам – лики святых, мерклое золото и серебро. Обхожу их следом за Павлом, прикладываясь к святыням. Ощущение приподнятости – сердце бьётся ровно, но учащённо, – а ещё робость: найти бы место, чтобы не заслонять, не мешать, не сделать неверного жеста. А Павел меж тем увлекает далее, туда, где за этим приделом есть передний, ближе к Царским вратам; там затепливают первые свечи, готовя служебный зачин.

Течением монахов и паломников нас с Павлом разносит. Однако явственно чую, как кто-то мягко понуждает меня, придавая направление движению... Помню, в детстве, когда дожидались на пристани речного колёсника, мать подтыкала меня ближе к костерку, где сидели сомлелые ранней порой малые чада, чтобы я тоже погрелся. А тут-то кто?

Храмовый сумрак, кажется, усиливается монашескими мантиями, раздвигается свечами, что возжигаются одна за другой. О начале службы возвещает голос наместника, “ветхого денми старца”, согбенная фигурка которого едва угадывается. Голос шелестит, точно трут, затепливая первый сполох богослужебного пламени. Его подхватывает другой – более ясный и благолепный.

Вот так и идёт чередом – голоса, точно свечные язычки, занимают один от другого. Одни – едва колеблясь, другие – ярко, кажется, осыпаясь незримыми живоносными искрами. И уже хор монастырский вступает – сперва один клирос, левый, потом взмётывается другой, правый. Слово белая голубь всплескивает крылами, взвиваясь под купол. А потом зажигают паникадила – огромные, в три-четыре метра в диаметре свечные люстры – и раскачивают их...

И всё это вкуче и чередовании – тихий молитвенный голос и стройный братский хор о два крыла, и сияние паникадил, качающихся в вышине, словно топовые огни корабля, одолевающего вселенскую бурю, – всё это в тот первый раз, наверное, не уместилось в моём сердце, а, возможно, переплелось с другими службами, но явственно помню: отозвалось каким-то слышимым только мне тихо-восторженным сердечно-колокольным ликованием. Меня словно приподняло над землёй. Невысоко так, впору, но я отчётливо чу-

ял — гравитация, земное притяжение немного отстали, чуть умалились. А потом явилось прозрение: не я телесно приподнялся — душа встала на цыпочки, а может, и осторожно, робея, воспарила, оставив телесное гнездовье.

НЕБЕСНЫЙ ПОЯС БОГОМАТЕРИ

Четвёртые сутки вне дома, трое из них — в пути. Однако усталости не испытываю. Наоборот — подъём, прилив сил. Едва раздался удар колокола, сзывающий на ночную службу, тотчас поднялся. Заснул живо и проснулся легко.

В кельях и по коридору подворья мерцает слабый свет, словно бабочки-голубянки облепили лампы. Это ночной режим, ограничиваемый реостатом. Электричество здесь солнечное — то, что скопилось в аккумуляторах за день, расходуется экономно, ведь и в этих широтах по осени уменьшается световой поток.

Из сумрака коридора бросаю взгляд на балкон, который выходит на море. Пара далёких, через пролив, огоньков — вот и всё, что разделяет небо и море. Ночь. Потемь. Совиная пора. На Руси говорят — ни зги. А выхожу из подворья, пересекаю воздушный мостик и — батюшки святы! — с небес льётся серебряный поток, не иначе! Мириады звёзд самой крупной чеканки. Таких и столько я не видывал нигде и никогда, даже в северной глухой тайге в декабрьскую пору. Здесь, понятно, они ближе и сияют во всю ширь, да ярко-то как!

Созвездия различаются, как в звёздном атласе, — и Большая Медведица, и Малая... Но самое удивительное — Млечный Путь. Вот он, простёрся прямо над головой. Ажурная его кисея расправлена в том же направлении, что и полуостров. И тут я делаю для себя открытие. Земной пояс Богородицы хранится в одном из двадцати афонских монастырей — Ватопеде, он отсюда через перевал. А Млечный Путь — это небесный пояс Божьей Матери. Там, в небесах, в этой кисее обозначены звёздами, как алмазами, все здешние монастыри. И вот та звезда — ближе к середине восточного края — наша обитель, русский монастырь Святого Пантелеймона.

Иду, задрав голову, дорожка освещается только звёздами, но нигде не спотыкаюсь.

Служба длится пять часов. И тут — удивительно — снова ауканье с небесами. На каком-то повороте молитвенного стояния опять зажигаются большие — несколько метров в диаметре — паникадила, их раскачивают, они кружатся, качаются, и десятки свечей создают образ звёздного неба. Удивительно. Это будто и светопредставление, и светолокание, и окликание звёзд — объяснения этому нет. Но оно завораживает.

ИСПОВЕДЬ

Ощущение приподнятости, что явилось на первой службе, не покидает меня. Душа отворена и с благоговением отзывается на всё, что открывается твоему существу.

В самом начале службы узрел чудо. Лучи вечернего солнца пронизывали верха храма, не достигая низов. И вдруг один из них преломился в многоцветном витраже и обласкал образ Св. Пантелеймона — оклад иконы так и пыхнул...

А ещё до службы заметил старца. Он сидел в дальнем конце прихрамовой галереи под иконой Спасителя, ветхий и крохотный, словно истлевающий стручок гороха. Никакой жизни, казалось, уже не было в этом чёрном кукольке, и только чётки — золотистые горошинки в иссохшей пясти — шевелились.

И всё это в череде — и молитвенная служба, и луч солнца золотой, и храмовое пение, и качание паникадил, и сумрак, в который погрузился храм на время таинства исповеди, — всё это наполнило душу таким умилением и такой — всклень — покаянной слезой, что душа моя повлекла меня на исповедь. Не рассудок, который в эту пору дремал, а она, душа моя. Встал в череду паломников, и пришёл мой час — под покровом епитрахили монастырского исповедника отца Макария я, не сдерживая слёз, открыл то, что таил едва не полжизни. Словно грех свой нужно было принести именно сюда, на Афон, к Богородичному уделу под пронизательный свет этих звёздных паникадил — очей Её.

БЕСЕДЫ ПРИ ЯСНОМ ДНЕ

На этого юношу (а в моём возрасте любой тридцатилетний – юноша) я обратил внимание сразу. Он будто вырисовался в оконце чайной. Точнее так: оконце чайной, словно багетная рама, представило портрет эпохи Ренессанса, ни больше ни меньше. Чёрная камилавка, под нею – слегка скуластый овал, большие ясные, немного навывкате глаза, строгая стрелка носа и плотно сжатые, словно остерегающиеся досужих разговоров губы. Ну, чем, скажите, не полотно кисти мастера времён позднего Возрождения – Веронезе, Караваджо или Гольбейна?!

Это было в самом начале, когда мы, паломники, пришли с пристани на постоялый двор. Ожидая очереди на “прописку”, многие устроились возле выгородки чайной за большим столом. На фаянсовых блюдах горками лежали сухарики: отдельно – ржаные, отдельно – пшеничные. Помню, удивил напиток, что пыхал парком в моей кружке, – густой, коричневого цвета. Кофе? Нет. Чай байховый? Тоже нет. Оказалось, кипрей, то бишь иван-чай, плюс всевозможные целебные травы.

Как раз перед афонской поездкой я наткнулся в интернете на сайт, посвящённый этому чудодейственному растению. Копорским чаем (фабрика в Копорске) потчевалась вся простая Россия. Русские ратники, готовясь к битве, непременно пили отвар иван-чая. А Гитлер, когда его танки достигли псковско-новгородских земель, велел срочно уничтожить ту копорскую фабрику, чтобы лишить русских воинов земной силы.

Так ли – не так ли, но напиток, которым угостил нас послушник Антоний – так зовут юношу, заправляющего чайной, – оказался весьма и весьма кстати. Это после него я так уверенно пошёл исполнять первое здесь послушание.

На другой день в урочное, отведённое для чаепития время я вновь сидел за чайным столом. Прежде чем налить чудодейственного напитка, брат Антоний преподнёс мне стопочку узо – так называется афонская аква вита, которой привечают всякого вновь прибывшего паломника. Накануне я таковой не отдавал – то ли очередь подошла к архандаричному, то ли послушника позвали куда, – о чём теперь и посетовал, и брат Антоний тотчас исправил накладку. Так что добрая монастырская традиция меня всё-таки не обошла.

В Тулу со своим самоваром не ездят – это аксиома. Однако даже и туда стоит брать свою заварку – такое у меня правило. Афон в этом смысле не стал исключением. Отведав полчасечки “копорского”, я решил заварить цейлонского.

– Можно? – осведомился у Антония.

– Запросто, – улыбнулся он, подавая свежую чашку. И словечко с Родины, и улыбка эта ясная, и весь его облик, такой ладный и пригожий, как-то живо расположили к нему. Захотелось поговорить, повыспросить, узнать, кто он и откуда. Но одно дело, когда неторопливо беседуешь, сидя за столом или на садовой скамейке, другое – так, почти “на ходу”, ведь к окошку чайной то и дело подходили паломники: тому – чаю, этому – сухариков, третьему – чистую чашку. Но делать нечего – другого времени могло не оказаться: в монастыре, как в армии, воля не своя. Потому спросил первое, что глянулось, – про облачение. Облачение послушника общее: подрясник до пят, серый жилет, чёрная круглая камилавка. Кто обеспечивает, как это делается? Антоний на это улыбнулся и ответил иносказательно, дескать, коли Господь управил оказаться здесь, в монастыре, то и обо всём прочем позаботился. Я маленько стушевался – да и то! И тогда уже прямо спросил, как он пришёл к Богу.

Родом брат Антоний из Приморья, точнее, из Благовещенска. Отец – военный, офицер-пограничник. Мать – служащая. Оба крещёные, но не воцерковлённые. Жили в гражданском браке, при этом раздельно. Когда Антоний учился в средних классах, они с матерью переехали в новую квартиру. Дом стоял напротив церкви. Сначала он заглядывал туда из любопытства, потом появилась потребность, далее – зов души. Здесь он окрестился. Стали проявляться художественные способности. Занимался в студии. После школы поступил в Красноярский художественный институт. Там, на Енисее, познакомился с одним, известным на всю Сибирь священнослужителем – его храм приезжал освящать сам Патриарх. Этот священник стал духовником молодого человека. Он-то и наставил его на монашескую стезю. За плечами брата Антония уже несколько монастырей, в том числе Валаамский. Теперь он послушник на Афоне.

Развивая тему, я спросил Антония, не было ли у него, уроженца Дальнего Востока, увлечения Востоком, ведь многие его сверстники тянутся в ту сторону, очарованные экзотикой.

“Восток канонический сокрыт, – ответил он. – На этом поле сейчас разрастаются секты. Кришнаиты – крайность. Есть более скрытные. Веганы, например. Незаметно, через бытовую экзотику они нарушают строй православной души. Увлечение этими вещами – типичная прелесть, как говорили в старину о тех, кто сбивается с истинного пути. А лукавый хорошо знает, как заманить того или иного человека в свои тенёта, тем более юного”.

Как с этим не согласиться?! Достаточно глянуть на телеэкран – так и чёхает бесовщиной. И тут поневоле вспомнишь опыт наших предков. Раньше, не так, впрочем, и давно, отроков и подростков отдавали по обету в монастыри – на год, а то и на два провожали родители своих чад. И какая же это была достойная духовная школа! В Соловецкой обители был на послухе поэт Николай Клюев, краснопевец северорусский. Там же лет через десять побывал мой будущий дед, Андрей Константинович, вечный деревенский труженик. И таких примеров множество.

Монастырь – Божья мастерская. Не кузня, а цех юстировки, доводки тонкого механизма, коим является душа. Эту мысль явили лики афонских монахов и послушников. Именно лики, а не лица. Они будто светятся изнутри, а особенно притягательны глаза. Вот с этих глаз писать бы взоры пресветлых ратников Александра Невского и Дмитрия Донского, Осляби и Пересвета. Они оттуда, из далёких веков, из первородного Православия. В этих взорах заключено то, ради чего Господь и сотворил человека.

И тут сам собой возник образ известного художественного полотна – картины Александра Иванова “Явление Христа народу”. За месяц до поездки я закончил новую повесть, в которой устами главного персонажа дал оценку этому произведению. А что, интересно, скажет по этому поводу брат Антоний, ведь у него художественное образование. “Это живопись высочайшего уровня, – сказал собеседник. – Однако образ Христа в картине не явлен”. Я кивнул – наши с ним взгляды в этом совпали. А брат Антоний, поясняя, добавил: “Многие пытались живописать Христа, но ни у кого не получилось, – он чуть помешкал, помял губами грядущее слово и тихо заключил: – И едва ли получится. . .”

ХОЖЕНИЕ ЗА ДВА МОНАСТЫРЯ

В нашей келье – четыре кровати. Две пустуют, хотя возле них вещи. Видимо, хозяева в пути – странствуют по Афону.

Мой сосед, с которым вместе поселились, – Евгений. Ему лет под сорок. Сухощавый, сосредоточенный, неулыбчивый, но улыбка, когда случается, хорошая. Он из Минска. Работает на заводе холодильников, марка “Атлант”, у меня как раз такой. Приехал Евгений на Афон вдругорядь. На сей раз вместе с о. Сергием, своим духовником.

Келья о. Сергия – напротив. Ему за пятьдесят. Загорелое – до меди – лицо, белоснежные волосы и борода, синие глаза. У него, оказывается, шестеро детей, старшему – 26, младшая дочка – в восьмом классе. Наверное, такие же обаятельные и улыбчивые.

Мои новые знакомцы собираются в путь, их цель – два соседних монастыря. Прошусь в спутники. Выходим через полчаса. Все налегке. У меня – фотокамера, в руках о. Сергия, облачённого в серый дорожный подрясник, – пакет, там ряса и клобук.

Дорога идёт вдоль моря. Позади остаётся огород, где довелось исполнять послушание. Постепенно грунтовка сужается и незаметно переходит в тропу. Земля сухая. По склону здесь и там – оливковые рощицы. Где-то прочитал, что в Греции 21 миллион оливковых деревьев. Здесь, на Афоне, – их тысячи и тысячи. Кое-где встречаются работники, которые ухаживают за деревьями и убирают плоды.

Помимо олив, попадается дрок, какие-то здешние хвойники, похожие на сосну. А вот и тёрн, колючее, усеянное шипами растение. Что, если взять на память? Тянусь к ветке, пытаюсь сломать, и накалываюсь. Ветвь гибкая, но неломкая. Венец Божий был сплетён из таких. Видимо, когда вязали, ветви рубили – либо сапожным, либо обыкновенным кухонным ножом. И может, тот, кто вязал, тоже накалосся. И кровь его потом смешалась с кровью Хри-

ста, над которым глумились, водружая колючий венец. И что потом стало с тем, кто вязал этот венец? Не вскипела ли его кровь после Голгофы, не заледенела ли, как она заледенела у сапожника Агасфера?!

Облизываю палец, а кровь всё равно точится и ещё почему-то влажнеют глаза. И я, отстав от спутников, иду, тупя глаза в сухую пыльную дорогу, похожую, наверное, на ту, по которой Христос шёл на Голгофу.

Дорога то раздвигается, то опять превращается в тропу. Навстречу идут паломники. Это греки – несколько пожилых и юноша.

– Кала!

– Здравствуйте!

Касаемся друг друга рукавами и расходимся, взмахнув на прощание руками.

Спрашиваю о Сергия, как он пришёл к Богу. Он заводит издалека, осведомляясь в свою очередь, известна ли мне хоть одна деревня, где два прихода. Устремляюсь мысленно в родные края. В селе Турчасово, где в конце XIX века крестили моих деда и бабушку, стояли два храма – зимний и летний (попутно открываю для себя, что крестили обоих, скорее всего, в зимнем, Благовещенском, потому что они родились в августе), но чтобы два прихода?!

– Вот, – торжествуя улыбается о. Сергий. – А в моём селе были.

Эти два прихода, как зримо-незримое силовое поле, и определили судьбу моего спутника. В церкви из родни никто до него не служил, хотя люди были набожные. А он пошёл по духовной стезе. Когда было немного за двадцать, уже преподавал в Московской духовной академии. А когда в конце 80-х открыли семинарию в Белоруссии, вернулся по благословию в родные места. Преподаёт в семинарии (она находится в городе Жировичи при Свято-Успенском мужском монастыре), читает лекции на теологическом факультете Белорусского университета, это не считая других поприщ, в основе которых – духовное окормление паствы.

Заговорили об особенностях афонской службы. Тут я разговор поддерживать не мог, только слушал. Из всего сказанного понял, что здешняя монастырская служба ведётся по канонам ещё первого тысячелетия.

За очередным поворотом дороги открылась большая обитель. Это оказался греческий монастырь Ксенофонт. Мои вожатые определили, что сюда мы зайдём на обратном пути. Однако, проходя мимо монастырской ограды, остановились у источника святого Андрея Первозванного. Как было не ответить хрустальной живой воды!

Монастырь Ксенофонт немного похож на средневековый европейский замок: строгие каменные стены с высокими окнами-бойницами. А монастырь Дохиар, который открылся за поворотом, чем-то напоминает горное кавказское поселение, утыканное “ласточкиными гнёздами” саклей. Но это так – на сторонний и беглый взгляд. Ведь у нас не было возможности в подробностях осмотреть архитектуру этих монастырей. Мы больше находились внутри. А внутреннее убранство этих двух монастырей в чём-то схоже с русским Пантелеймоновым монастырём, что и естественно для одного региона: те же булыжные дворики, те же лесенки, кованые ворота, схожая растительность. Разве что в нашем просторнее, открытее, воздушнее, что ли.

В монастыре Дохиар мы встретили батюшку из Сочи. Молодой, лет тридцати, дородный, румяный, пушистые волосы на пробор. Его сопровождали двое друзей, один – из Москвы, другой – из Тюмени. Они готовились к благодарственной молитве. Здесь, в Дохиаре, находится древнейшая икона Пресвятой Богородицы “Скоропослушница”. Сопровождаемые привратником, мы прошли в крохотный придел-келью, освещённую лампадкой и свечой. В затворе, подле монастырской святыни сидит “на часах” монах, который непрерывно читает каноны. Все мы в святых месте не поместились. Посчастливилось только мне. Я отстоял коленопреклоненно эту службу вместе с сочинским священником и его спутниками.

А к монастырю Ксенофонт мы возвратились с “тыла”. Наш батюшка, о. Сергий, оказался искателем новых дорог и предложил пойти сюда другим путём. Немного поплутав и слегка отклонившись от курса, мы вскоре всё-таки вышли к обители. На подходе батюшка переоделся. Завидев в монастыре русского священника, греческие служители по такому случаю отворили главный храм, днём обыкновенно закрытый. Нас сопровождал дородный, в немалых годах монах. Он пытался что-то пояснить. Но о. Сергий жестом остановил

его и заговорил на английском, который в Греции, в том числе и на Афоне, в ходу. Брови монаха поднялись домиком. Но когда о. Сергей звонко и трепетно произнёс молитву на старогреческом языке, монах засиял, как, верно, золотая греческая драхма.

В этом храме мы приложились к святыне Ксенофонта – образу Богоматери “Одигитрия” (список XIV века). А в церковной лавке о. Сергей, посоветовавшись со мной и с Евгением, выбрал икону Богородицы на Афоне – такого дивного образа Божьей Матери, ступающей по небесной тверди над своим уделом, мы доселе ещё не видели.

МОЛИТВА ЗА ДЕДИНУ И ОТЧИНУ

Четверг, 12 сентября. Повечерие. Нижний храм закрыт. Служба предстоит в верхнем. Перемена эта традиционная, она происходит еженедельно, но на сей раз видится особенно знаковой. Вчера отмечалось Усекновение главы Крестителя Иоанна. Служба шла в Пантелеймоновом храме. Нынче чтим святого благоверного князя Александра Невского и поднимаемся в Покровский храм.

Покровский храм находится ближе к небесам. Пролёты широкие и длинные. Шагаю неспешно – телесность сдерживает, но душа крылит, опережая земное. Душа чувствует нечто необыкновенное. И перемена места службы, и высота эта, на которую воздымаемся, и день памяти защитника земли русской – всё наполняет душу трепетом. За этим, чую, я и летел на Афон, это и будет главная, по крайней мере, для меня, служба. А тут и колокол подтверждает мои ощущения. В створ распахнутого окна я вижу (хочется сказать – глаза в глаза), как он содрогается, этот 13-тонный колокол-богатырь, учащая сердцебиение и оглашая благовестом все ближние и дальние окрестности, соединяя звуковым куполом православные уделы, достигая – верится! – Палестины, Сирии и России.

Храм Покровский – в сиянии благородного света. Золото икон, жар свечей, росписи небес. Всё разом охватить невозможно. Душа устремлена к главному – к молитве. Отмечаю только, что он разделён на два придела, но не поперечных, как нижний, а продольных. И разделён не сплошь, а только колоннадой да в стык колоннам рядами стасидий – стоячих кресел, повернутых друг к другу спинками.

Не теряя времени, беру свечи и обхожу иконы. Глаза туманятся, молитвы сумбурные, но они от сердца. Всем сердцем молюсь о Родине. В этом своём молитвенном порыве допускаю даже оплошность – пересекаю дозволенный алтарный предел, о чём мягко остерегает служба. Обхожу один придел, перехожу в другой. Останавливаюсь перед Распятием. Тропарь Кресту и молитва за Отечество: “Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы православным христианам на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство”.

Душа отворена. Она жаждет братской молитвы, дабы всем миром воззвать к Господу. И вот служба начинается. Внешне традиционная, уже будто явленная тебе, она необычна по строю. Тут нет, как и в прежних песнопениях, никаких украс, никакой экзальтации. Нет ничего внешнего, декоративного. Почему же она так особенно ложится на сердце и воздымает душу, кажется, до порога предельной жертвенности? Да потому, сознаю всем своим существом, что, творимая в намоленном веками месте, обращена эта молитва к самому сокровенному, самому заветному, что гнездится в глубине именно русского сердца, что единило твоих пращуров, что передалось тебе и – даст Бог! – унаследуют твои потомки.

Житие благоверного князя Александра предстаёт в храмовом распеве как сердечная и искренняя величальная. Это песня о Родине, о её верном сыне-защитнике, о его соратниках, вedomых князем-воителем, это они, заединщики-пращурь, отстояли землю русскую на Неве, а потом и на льду Чудского озера.

А завершало службу обращение к нетленной сути Святого Александра. Все мы – монахи, послушники, трудники, паломники – подходили чередой к ковчегу с частицами его мощей и касались святыни челом и устами. Это походило на целование знамени с ликом Спаса, под которым Александр с кличем “Иду на вы!” вёл своих воинов-братьев на врага. И эта безмолвная

круговая клятва замкнула незримое кольцо: мы – наследники великой державы, наш черёд стоять за Отечество. Не посрамить чести и памяти своих героических пращуров – наш святой долг.

ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖНО

После службы, уже выйдя на монастырский дворик, встречаю Павла – моего напарника по первому послушанию. Два дня его не видел. Где пропадал? Оказывается, поднимался на Афонскую вершину – этот поднебесный амвон, что возвышается над полуостровом.

Для православного паломника такое восхождение, безусловно, подвиг – подвиг и молитвенный, и физический. Павел совершил подъём уже во второй раз.

– На сей раз тяжело далось. Наверное, больше не доведётся...

Что было тут сказать? С утра разговорился с одним батюшкой. Он в свои без малого 60 поднялся на вершину в восьмой раз. Лёгкий на подъём? А может, не отягощён грехами?

Однако Павлу этого не говорю, а успокаиваю обыденно, дескать, какие твои годы, совсем ещё молодой. Оказывается, нет – уже почти сорок. Был женат. Теперь в разводе. Не было детей, потому, видать, не сложилось. Холостякует третий год. Сам себе хозяин – такая жизнь вполне устраивает.

На правах старшего слегка попрекаю:

– А что Господь внушает? Плодиться надо.

– То так, – слегка тушуетя Павел. – Думаю...

Перевожу разговор на начало знакомства:

– А ведь послушание-то нам выпало философское... Двоим – камни с огорода убирать – “время собирать камни”. Троице – полоть грядки – “отделять зёрна от плевел”. А нам двоим – сорные побеги выдирать... – и тут же перевожу разговор на род занятий Павла: а как, дескать, с этим в миру?

Павел – юрист. Работал после окончания вуза следователем в прокуратуре. Вёл, в частности, дела по взяткам. – “Доведёшь дело до суда, а его разваливают”. – “Не дают выдирать сорняки?” – “Во-во!” Потом работал в суде. Нет, не судьёй, не прокурором, это не по нему, – адвокатом. Но адвокату иной раз приходится защищать заведомых убийц. Как тут быть?! Поработал – не выдержал, ушёл. Теперь занимается только экономическими делами. Тут совесть не марается.

Подмывает спросить: а как же там, на оставленных “грядках”? Ведь, по-ди, чертополохом зарастают. Но помалкиваю. Я Павлу не судья. Это дело его совести. Самому бы не отступать от заповеданного да стоять твёрдо на своём попреще.

* * *

Возвращаюсь к себе в келью. На сердце радостно: совершён молебен в память заступника земли русской благоверного князя Александра и молитвенное взывание за мир и Отечество. Всё в руке Божьей. И только одно не даёт покоя и нет-нет да точит укоризной: а всё ли ты сам-то, что должно, делаешь?!

ИСКУШЕНИЯ И ИСКУСИТЕЛИ

Говорят, первое впечатление – самое точное. Выходит, я не случайно представил себе послушника Антония в образе юноши времён Ренессанса, ещё не зная, что он профессиональный художник.

В самый первый день по приезде я залюбовался панно полуострова, которым расписана стена чайной. По всем приметам – это питерская школа, пояснил брат Антоний, не отрываясь от своих дел, и тут же перечислил те самые особенности.

Потом, спустя несколько дней, он показал мне свои студенческие работы – этюды, натюрморты, жанровые зарисовки, выполненные в пору учёбы в художественном вузе. Профессионала видно сразу. Вот этот пейзаж мог бы стать иллюстрацией к сборнику рассказов о природе. А вот эта сиренево-меркляя акварель – обложкой поэтического сборника.

Поминание поэтического сборника тоже возникло не случайно. Ещё прежде рисования открылось, что Антоний пишет стихи. Стихи он мне показал не сразу — день на третий, причём обставил знакомство с ними соответствующим образом.

Антоний привёл меня в амбулаторию, находящуюся подле зала ожидания и его чайной. Окинув взором шкаф с какими-то поблекшими коробками, я заметил, что препаратов тут не больше, чем у доктора Чехова, и добавил, что, возможно, они и не менялись с тех пор. Однако Антоний на это не ответил. Похоже, он и реплики моей не услышал, и иронии не заметил, весь сосредоточенный на задуманном показе. Не то чтобы он волновался, как, бывает, мандражируют начинающие авторы, громко разговаривая и жестикулируя руками. Нет. Волнение выражалось в другом — в тщательной подготовленности действия. Он усадил меня за стол, положил передо мной несколько исписанных хорошим почерком листов, а рядом — стопочку чистых листов и шариковую ручку, чтобы я, если захочу, мог что-то переписать. И после этого отправился к своим обязанностям, оставив меня наедине со своим творчеством.

Чтение рукописей, в том числе молодых авторов, — дело для меня привычное. Я этим занимаюсь последние двадцать лет, а если взять период молодёжной газеты — то выходит за тридцать. Порой достаточно одного взгляда, чтобы понять, что перед тобой — шедевр или графомания.

Стихи Антония я прочитал, не торопясь и целиком. Одно из них стал переписывать — глянулась одна строфа. Антоний вернулся через полчаса. Стихотворение я уже переписал, листок перегнул, чтобы положить в карман, начал переписывать другое.

Я не задумывался, зачем переписываю эти строки: может, просто на память, может, ту строфу использовал бы где-то в обзоре. А может, чтобы не обидеть молодого человека. Впрочем, особого значения это не имело. Ведь, давая оценку этим поэтическим опытам, я не лукавил.

Моё заключение Антоний выслушал стоя. Авторы — народ ранимый. Одно неверное слово — и либо замкнётся, либо дверью хлопнет, всякое бывало. Я старался говорить мягко и раздумчиво, осторожно разбирая строфы и подбирая для оценки слова. Нет, как редактор поблажек не позволял, не тетёшал. И всё же тон, чую, взял правильный, постепенно монолог перешёл в диалог. То есть та самая пресловутая кошка меж нами не пробежала, отчуждённости не возникло. Как тут было не радоваться, что всё получилось по-доброму, по-сердечному, по-братски?! И вдруг брат Антоний заявил, что он не хотел бы расставаться со своими стихами и даже то переписанное мною стихотворение, которое я уже положил в карман, просит возвратить.

Человеческая природа двойственна. Одни клетки отмирают, другие нарастают. Ещё не отпала мёртвая ткань, как рядом образуется живая. Переход из одного психофизического состояния в другое тоже совершается не вдруг. Так же, вероятно, как переход из мирского в монастырское.

С самого начала я пытался выведать, а как происходят эти перемены у брата Антония. Тема деликатная. Потому и вопросы задавал не всегда, наверное, точные и правильные. Зато Господь всё понял. Он сразу стал открывать, что да как, хотя я-то не сразу это смекнул. И эти рисунки — свидетельства недавнего и невозможности здесь заниматься рисованием. И эти стихи, которые являются, возможно, как компенсация рисованию, подобно то ли траве из-под поленницы или тем неправильно зреющим перцам. И эта остальная тяга к диалогу, к общению...

Рассчитывал ли Антоний, предлагая переписать его опыты, на публикацию? Возможно. Я же не барышня, которой оставляют вирши для альбома. Сразу представился как редактор. Как к редактору он и обратился ко мне. Тогда, может быть, причиной его последнего решения стала моя нелицеприятная оценка? Тоже, пожалуй, нет. Сколько у меня на рабочем столе лежит невостребованных рукописей! Авторы уходят и напрочь забывают об их существовании.

И вот тут Господь вновь просветил меня. Я вдруг понял, какая сложная работа в душе этого молодого человека, послушника Антония, произошла за минувшие полчаса. Какой бы исход ни был, какую бы оценку я ни дал его стихам, он уже решил, что не отпустит их на волю.

Пароход отчалил, отделился от причала, но с него и на него летят ленты серпантина, соединяющие провожающих и отбывающих. Это не единение.

Миг-другой, и они порвутся. Это всего лишь иллюзия единения. Так зачем же её длить? Вот так и тут. Зачем искать скрепы в миру, ежели ты уже отринул многое. Позади остался дом, далеко-далёко мать и отец, девушка, с которой дружил, дай ей Господь счастья. А твой удел — православное служение, обретение себя в Боге. Может быть, будут востребованы способности художника, может, и поэтические навыки сгодятся — на всё воля Божья. А пока — строгий монастырский устав и ничего личного.

И вот тут я подумал о себе, о своей роли в этой ситуации. Хорошо, что не лукавил, говорил, как есть, как думаю. Ведь это, наверное, помогло брату Антонию подвести черту, снять последние сомнения: попробовал — не получилось — греха большого нет. А ежели бы стихи оказались хорошие, не гениальные, а просто добротные стихи? Как бы повёл себя я? Редактор во мне сидит крепко. Если мне попадает на глаза достойная рукопись — стихи или проза, — да даже одно-единственное стихотворение, чем-то глянувшееся, то тут я веду себя, как скупой рыцарь, “затаривая” листы в “редакционный портфель”, и без меня его оттуда уже не вытянуть. Ведь тогда вся сцена могла бы обернуться неким классическим сюжетом “Искушение святого Антония”, где в роли искушителя оказался бы не кто иной, как я. Однако если же повернуть к началу, то повод к этому искушительству подал сам Антоний. Вот ведь какой оборот выходит. И слава Богу, что всё сложилось промыслительно. Сделав шаг в сторону, Антоний тут же задумался, обратился к Небесному Наставнику и тотчас вернул свою стопу на заповеданную стезю.

Почему я так подробно размышляю об этом эпизоде? Да потому что он, видимо, характерен в череде прочих и очень важен в становлении православной души. Это урок для брата Антония, но одновременно и для меня. Я планировал, что пошлю на имя молодого послушника мирские книги — сборники классических и современных поэтов. Но под воздействием этой истории передумал: монастырскому уставу тысяча лет, а моим представлениям о мире всего лишь несколько десятилетий, чего тут противопоставлять?! Однако, глядя на небо, нет-нет да и вспомню брата Антония, особенно когда с юга чередой плывут облака — тучные коровы, как написал в своём стихотворении послушник Пантелеймонова монастыря...

ПОКЛАЖА — ВЫШЕ ГОЛОВЫ

Этого батюшку нельзя было не заметить. Его сопровождали два средних лет человека, но внимание на себя обращал именно он. Невысокий и не ахти какой кряжистый, он нёс рюкзакище вровень со своим ростом — не преувеличиваю — низ поклажи бил в подпяты, а сверху мешка выше головы топорщился ещё то ли спальный мешок, то ли походный матрас. И все, кто был в чайной, при виде батюшки-паломника невольно заулыбались.

Троица, скинув поклажу, расположилась за крайним столом, там тотчас занялся оживлённый разговор, временами переходящий в смех. Тогда, при первом взгляде, это, помню, отзывалось неодобрением: монастырь же! Но потом, когда познакомились, всё встало на свои места.

У походной жизни, как и у дороги, масса поворотов. Меня прибило к этой троице уже в конце. Они оказались из Днепропетровска. Эдуард и Виктор живут в городе, а батюшка о. Владимир служит за городом в сельской церквушке, куда его духовные чада регулярно наведываются.

Здесь, на Афоне, все они не впервые. Вновь поднялись на вершину, где уже стоят ими же вознесённые иконы. Правда, на сей раз по дороге на гору заплутали. Виктор не заметил поворота, и они протопали с десятка лишних километров, пока не спохватились. В итоге пришлось одолеть 30 км, да ещё 2 км — в гору.

Гляжу на о. Владимира: вид не спортивный, не богатырский. Неверчиво качаю головой: вот с этой кладью и за один переход? Но как? А святым духом, улыбается батюшка, ему далеко за пятьдесят, если не сказать, ближе к шестидесяти.

Странная игра природы этот батюшка! Несмотря на возраст, на незавидную внешность, — лысоватый, приплюснутый нос, мелкие глаза — он сохраняет облик мальчишки с “камчатки”, который вечно над всеми иронизирует — и над одноклассниками, и над учителями, но прежде всего — над собой, и нет ему в этом никакого угомону. Отчего так? Да оттого, прихожу к мысли, что так

его приглубил Господь. Невидный, безотцовщина, нищевод – такому лучше самому пошутить над собой, чем другие будут изводить смехом, это же верное противоядие. В итоге безунывость стала его достоянием. А когда Господь наставил его на церковное служение, она сделалась основой его проповеди. Он и утешит, пошутит, он и наставит, иронизируя. К такому батюшке-простецу, в котором есть толика юродивого, тянутся не только ближние деревенские прихожане, но и горожане запоезживали в его обитель, а двое молодцев – им по сорок – стали духовными чадами. Нелёгкая ноша у о. Владимира, что называется, – выше головы. Но несёт он её с улыбкой, тихо посмеиваясь над собственной брэнностью.

Один только раз улыбку батюшки исказила гримаса. Это когда на каком-то повороте наших посиделок возникло имя Сталина. Оказалось, что мать о. Владимира, в те горькие годы совсем ещё девчонка, попала в неволю. Для меня эта тема давно решена. Мои кровники по отцу, тринадцать душ, в том числе и будущий отец, в 30-е годы тоже испытали гонения. В неволе честно трудились, потом, получив волю, достойно воевали, после Победы растили детей. И никто из них – ни дядья, ни тётя – ни словом не попрекнули власть. Они достойно, по-христиански несли свою житейскую ношу. Чего же, спрашивается, я, их наследник, буду как-то иначе оценивать то жестокое и одновременно великое время? Хотел было добавить, что это вон Свиандзе есть за что облаивать прошлое державы, потому как его родовой оторвали от привластного золотого корыта. Но, глянув на о. Владимира, промолчал – здесь это было неуместно.

ПУТИ ГОСПОДНИ НЕИСПОВЕДИМЫ

Неделя подходила к концу. Близилось прощание с Афоном. А не хотелось... И тут, не иначе, снизошло озарение. Самолёт мой в воскресенье. Отбывать же из монастыря назначено на пятницу. То есть более суток мне придётся обретаться в Уранополисе. Чего ради? Болтаться по лавкам, что, видимо, предусмотрено муниципальной властью? Но мне не нужен ваш “шопинг”, тем паче что и денег намененных нет. И тогда ещё в четверг я отправился к архандаричному.

Отец Евстафий, строгий неулыбчивый монах, сознающий – прости, Господи! – значение своего места, выслушав моё обращение, сделал паузу и величаво кивнул, то есть разрешил остаться в монастыре ещё на сутки. При этом тут же назначил послушание. Мне снова предстояло поработать в трапезной. Почему снова? Потому что таковое уже было накануне.

Каким долгим бывает день на Афоне! Ночь стоишь на службе, то есть не спишь. А это непросто. Иной голос, распеваящий псалмы, что тихий, ласковый ручеек. Не хочешь, обретаясь в стасидии – стоячем кресле, – а задремлешь... Не спи, паломник, не спи! Христос наставлял: не спите, а ученики заснули – и беда пришла... Не спи, паломник, внемли! Не спишь, значит, бодрствуешь, живёшь, исполняя заповеданный урок. И оттого что уже выполнил этот урок, начав новый день жизни с главного, сутки кажутся бесконечными. А этот – последний день в монастыре – день пятницы, оказался особенно каким-то... просторным.

Итак, после ночной службы, которая окончилась на рассвете, монастырская братия и паломники отправились на трапезу. Трапезная – огромный зал, расписанный от пола до потолка библейскими сюжетами. Длинные столы – на шестнадцать душ каждый. На стол ставится всё сразу, дабы разом и освятить. Во главе трапезы – наместник и архиереи. Читается разрешительная молитва. И трапеза начинается. Тут “котловое довольствие” не по отделениям, как в армии, а по гнёздам – по четыре души в гнезде. Еда простая: чечевичная похлёбка, щи или гороховый суп, на второе – бобовые или крупы, перцы, помидоры или огурцы. На десерт – гроздочка винограда или скибка арбуза. Иногда подаётся чай, какао или компот. Трапеза, кстати, происходит дважды в сутки, по понедельникам, средам и пятницам – единожды, но брюхо не бунтует, смиренное молитвами, своё место знает.

Пятничная трапеза закончилась. Благодарственная молитва – и братия и паломники, уступая первенство иерархам, потянулись к выходу. При этом служители кухни и раздачи встали у дверей, дабы принять признание за приготовленную пищу или, напротив, – хулу.

Зал постепенно опустел. Я отыскал старшего – распорядителя по кухне и трапезной – и доложил, что прибыл на послушание. Инок Озарий, высокий сухощавый монах с пронзительно ясными глазами, предложил мне на выбор несколько мест. Я напросился на вчерашнее – убирать со столов посуду, сгребая остатки пищи в отходы. Как и любое послушание, это сопровождается молитвами Иисусовой или Богородичной. Мне показалось, что будет неуместно произносить имя Господа при таком действе, о чём сказал старшему. Но задним-то умом поправился: ведь нищенка Махонька, собирая объедки, не только былины сказывала, а первым делом славил Христа. Чего тогда мне-то заноситься?!

В любое дело втягиваешься, а когда втягиваешься – оно не утомляет, появляется даже сноровка и известная лихость. Раз – и опорожнил миску от остатков, два – и поставил её на каталку. Делов-то! Брезгливость? Никакой. Скажу больше. Виноградины, оставшиеся в чашках, я почти машинально посылал в рот.

Упряг свой, как мне показалось, я завершил скорее, чем вчера, – видать, и впрямь сноровка появилась. Окинув взглядом столы, чтобы ещё раз удостовериться, что всё убрано, я подошёл к брату Озарю. Тот кивнул, давая понять, что я свободен. Лицо непроницаемое, ни улыбки, ни искорки в глазах. Но мне показалось, что он ждал моего вопроса. Может, я не первый, кто расспрашивал его; может, ему и самому хотелось оглянуться на свою прежнюю – мирскую – жизнь.

Он из Беларуси. Работал шофёром в муниципальном гараже, который обслуживал кладбище. Был женат, жизнь семейная не сложилась. Развелись. На ту пору вышла замуж младшая сестра, причём на чужую сторону – за грека. Он, брат, приехал к сестре в гости. Сват, отец мужа сестры, повёз его сюда, на Афон. Впечатление было незабываемое. Вернувшись к себе, в Беларусь, задумался: а что дальше? “Господь дал два пути, – это его слова, инока Озария. – Либо снова жениться, либо идти в монастырь. Выбрал монастырь. Зачем привыкать к миру, ежели придётся уходить?! Лучше сразу втянуться в предградие неземное”.

Взор ясный – никаких сомнений. Лишь лёгкая печаль в уголках рта. Или показалось? Я ведь человек мирской и мирское довлеет. Вот и тут... А как же долг продолжения рода? Ведь это не просто инстинкт – Господь заповедал. А тут чуть за тридцать – и в монастырь. Ломоносов по этому поводу изрекал строго: кlobук до 50 лет не надевать! А я только вздыхаю. Вот мысленно юного брата Антония даже женил, обручив с одной архангельской смиренницей... Какие бы красивые дети могли народиться у этой пары! Но молчу – нет тут моего права.

Кстати, вчера на эту же, в частности, тему говорил с молодыми паломниками – ровесниками или погодками Антония. Звать их Алексей и Андрей – знаковые православные имена. Они мои соседи. Это их вещи стояли в нашей келье, а сами они все эти дни странствовали по Афону. Живут парни в подмосковном Одинцово. По образованию и профессии геодезисты, занимаются землеустройством в Московской области. Здесь, на Афоне, уже в третий раз. Ладные, спокойные, с достоинством и одновременно открытые. Православный человек не бросается в глаза, но вот эти парни в среде сверстников наверняка притягивают взгляды, особенно девушек. Оба холостые. Но Алексей, он постарше, собирается жениться. Кто же избранница? “Невест в храмах ищут”, – уклончиво отвечает молодой человек, тихо улыбаясь.

КОСА СМЕРТИ И ТРАВА ЗАБВЕНИЯ

Тот бесконечный день я начал с фотосъёмки. Внутри монастыря снимать запрещено. Обошёл-облазил с внешней стороны. Там много живописных закоулков, потайных уголков, куда не проникает солнце, но где даже на каменных стенах цветут былинки, вьюнки. Слишком далеко не заходил, памятуя предупреждение одного оптинского старца. Исследуя здешние монастырские потаи, он куда-то провалился, долго выбирался из невольной западни и потом без конца повторял одну молитву, которую там, в потеме, впервые исторг: “Господи, не суй меня туда, куда мне не надобно”.

Обойдя ближние закутки, я направился на кладбище. Оно устроено на террасе, поднятой, точно облачко, выше уровня монастырского сада. Туда

ведёт булыжная дорожка. На полпути к последнему приюту находится костница. Это небольшой домик, в котором на полках и шкафах хранятся человеческие черепа: отдельно – игуменов, отдельно – рядовых монахов. А кости – берцовые и лучевые – лежат снаружи в стеклянном, подобии большого комода, саркофаге.

*Передо мной убогий храм
Наполнен мёртвыми костями,
Они свидетельствуют нам,
Что мы такими ж будем сами.*

Эту назидательную строфу, как свидетельствует табличка, оставил монах Виталий, здешний насельник, и было это в 1905 году. По всей видимости, останки сочинителя тоже находятся в этом саркофаге.

Дело в том, что кладбище монастырское – явление подвижное, оно не застает травой забвения. На этом клочке земли под сенью тополей и высокой булыжной стены – всего десятка два просевших могил, расположенных в два ряда. Кресты убогие, иные – просто две хворостины, перетянутые бечёвкой. На Афоне хоронят без гроба. После поминальной службы тело обвивают мантией и предают земле. Через три года могилу раскапывают. Если плоть не истлела, её закапывают вновь, при этом особенно горячо молятся за усопшего, ведь, по здешнему преданию, коли земля не приняла – у покойного были грехи, и их надо отмаливать. Но если прах собрата истаял, а косточки обрели медвяно-жёлтый цвет – покойный был праведником, его череп и кости переносятся в усыпальницу на общее погладение и почитание.

Перекрестившись и легко вздохнув о бренности человеческого бытия, я после смиренного кладбища отправился осматривать монастырский сад. С каким-то особым умилением любовался тогда цветами. Не было, кажется, ни одного куста, да что куста – даже цветка, который бы я не запечатлел. Половина снимков монастырских – это цветы, в большинстве розы.

А ещё из той съёмки запомнилась берёзка. До метра обычный ствол, тонкий, но прямой, а дальше два уродливых охвостья, разваленных на стороны. Не климат здесь для русской берёзы. Зато олеандрам, кипарисам, туям тут приволье, вон как они разрослись!

На ум пришло, что надо бы запечатлеть на фоне зелени и монастырских стен и себя, дабы осталась зримая память. По аллее шёл священник, тоже из паломников, попросил его. Батюшка о. Пётр оказался коллегой. Служит в Москве, в епархиальной газете, кормящей заключённых. Разговорились о профессиональных делах. Оказалось, что в той газете вместе с ним служит бывший редактор одного некогда популярного женского журнала. Коммерсанты от журналистики, создав невыносимые условия, вытеснили её с работы и превратили издание, прежде выходившее миллионными тиражами, в гламурную пустышку. Увы, это судьба многих и многих российских изданий, где слово подменяется пиаром, лукавством, прямым обманом и ложью.

Поблагодарив о. Петра за съёмку, я отправился дальше. Поснимал море, пристань. Заодно побродил по гальке, поискал для внучат красивых камешков. Вернувшись в монастырские пределы, снимал Богородичную беседку с тихонько воркующим фонтанчиком. Сквозь её мраморную колоннаду виделось море, и опять меня в мыслях унесло в древние греческие времена.

Вернули из Эллады в текущее время тоже греки, только современники. Мы встретились с ними возле портала. Четверо мужчин в изрядных годах. Старшему – его звали Сотирос – за семьдесят. Немного владеет русским, поскольку последние годы перед пенсией трудился в российско-греческой фирме, находившейся в Петербурге. Имя первого и последнего советского президента, названного с их стороны в качестве приветствия, я пропустил мимо ушей. Назвали бы Гагарин, на худой конец выложили бы традиционный “русский набор” – матрёшка, балалайка, спутник, а то “меченого”!.. Однако пообщались вполне дружески. Я их снимал. Они рассказали о житье-бытье, посетовали, что под эгидой ЕС жить стали хуже. Однако жить надо, растут внуки, надо помогать. Всё, как и у нас: молодые растут, старые старятся. Главное, чтобы не было войны. Это Сотирос перевёл, и они дружно закивали.

После этого я отправился в церковную лавку. Захотелось на скудные свои средства купить ещё несколько бумажных образков. Привезу домой, подарю,

пусть родные, друзья молятся... Увы, планы мои не осуществились. У портала остановили два грека. Один протягивает записку, в ней по-русски обращение о помощи: болеет дочь, нужны деньги на операцию. Сколько таких обращается и у нас. Кому-то действительно требуется помощь, а кто-то спекулирует на человеческой доброте. Здесь я не стал даже осмысливать сие. Это монастырь. Я и греки – люди православные. Раз просят, тем паче стоя, по сути, на паперти, – значит, надо. Мелочи у меня не было. Отдал ту самую купюру, прибережённую на монастырскую лавку.

НА ИСХОДЕ “БЕСКОНЕЧНОСТИ”

Ближе к вечеру встретил о. Сергия и соседа по келье Евгения. Они только что с дороги – за двое суток обошли пять афонских монастырей. Как было не порадоваться, глядя в сияющие глаза о. Сергия! Службы на разных языках, неведомые доселе распевы, древние обряды – в каждом монастыре наособицу! А святини монастырские! В Ватопеде – пояс Пресвятой Богородицы, честная глава Иоанна Златоуста. В Андреевском скиту – честная глава Андрея Первозванного. В монастыре Хиландар – оригинал иконы “Троеручница”. А какие встречи и неожиданные открытия! В сербском монастыре они встретили православных поляков, которых не так уж много в католической Польше. А тут, на Афоне, оказался знакомый священник о. Сергия, о. Теодор, со своими прихожанами. В этом же монастыре побывали у священной виноградной лозы, которой 800 лет. Чудо, что она плодоносит, каждый год являя на свет семь гроздей. Но ещё большее чудо, что она излечивает от бесплодия. Едва ли не каждая виноградинка с этой лозы – образ будущего младенца.

* * *

День был поистине бесконечным, как может быть бесконечным летний день в золотом детстве. Может, зачарованный его протяжённостью, я и упустил из внимания время. К тому же оказался за пределами обиталища, к тому же убаюкан был шелестом прибоя, к тому же увлёкся созерцанием рыбаков, строителей-греков, которые закидывали удочки с парапета набережной... Короче, зов колокола я не расслышал, зато увидел запыхавшегося послушника.

– К Олимпиаде готовишься?

– Звонили, – кинул он на бегу.

И только тут до меня дошло, что я прозевал службу. Пока дойду до постою, пока переоденусь да достигну храма – повечерие и закончится. Ладно, заключил я, решив сделать себе поблажку, не велика беда. Однако к постоялому двору пошёл сразу и не в круговую, а коротким, не очень удобным путём. Пришёл в келью, собрался было передохнуть. Но дух встопорчился: перед кем лукавишь? Мигом переоделся и что было духу устремился в храм.

Эта ли досада, осознание промашки привели к дальнейшему, не знаю. Но на ночную службу я уже не опоздал. Более того – вскочил ни свет ни заря, возможно, во сне заслышав благовест. За мной поднялся новый сосед: “Что, пора?” Не помню, что ответил, и ответил ли вообще, весь устремлённый на службу. На дворе темень, небо занавешено. При мерклых отсветах дошёл, не споткнувшись. Портал приотворен. Но храм ещё закрыт. Только какой-то старец сидит на приступочке и тихо-тихо молится. Поймал часами световой блик. Батюшки светы, до службы ещё полтора часа. Что же мне привиделось-послышалось? Какой же благовест всколыхнул мою душу?

Тут подтянулся новый сосед, Анатолий. Я повинился, что всполошил его. “Ничего, – отозвался он. – Я даже рад... В тишине-то в храме постоять...”

В тот час, за час до службы, я обошёл все храмовые иконы, приложившись к ним, зажжёт свечи и перед ликом Спасителя ещё раз помолился о Родине – “да расточатся врази ея”.

г. Архангельск

ВАЛЕНТИН СВИНИННИКОВ

О ДОБРОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Православный театр Михаила Щепенко

Подвижник – только так и хочется сказать о Михаиле Григорьевиче Щепенко, театральном режиссёре, актёре, педагоге, одном из создателей уникального московского Театра русской драмы “Камерная сцена”. Можно сказать, что это был подвиг всей его жизни, но понятия “подвиг” и “подвижничество” очень разнятся. На подвиг, наверное, многие способны в минуту наивысшего взлёта всех духовных и физических сил, а подвижничество – это всей жизнью подтверждённая система мировоззрения, мировосприятия, конкретных деяний... Это путь человека к ценностям вечным, непреходящим. Если совсем кратко – путь к Богу. Михаил Щепенко известен как единственный в России профессиональный режиссёр, имеющей богословское образование. В этом качестве он даже занесён в Книгу рекордов Гиннеса. Михаил Щепенко – академик РАЕН, лауреат премии Москвы в области литературы и искусства (1998) за постановку спектакля “Царь Фёдор Иоаннович” по пьесе А. К. Толстого и исполнение в нём главной роли. Театр тесно сотрудничает со Свято-Тихоновским Богословским Православным университетом, в котором в пятьдесят с лишним лет М. Г. Щепенко получил третье высшее образование.

В 1974 году он вместе с женой Тамарой Басниной, тоже выпускницей знаменитой “Щуки”, организовал в МХТИ им. Д. И. Менделеева студенческий театральный коллектив, прошедший долгий путь от студии до профессионального театра. Более 50 спектаклей, созданных им, имели свои стилевые особенности, позволяющие говорить о феномене “Театра Щепенко”. Уже тогда, в студии Менделеевского института, Михаил с Тамарой составили устав, в котором была такая строка: “Стать театром, нужным обществу”.

Но путь к уникальному театру Щепенко складывался очень непросто для мальчишки, рождённого в год нашей Великой Победы в сибирском городе металлургов Новокузнецке. Его отец, инженер, изобретатель, был настоящим коммунистом – человеком принципиальным, верившим в справедливость и неукоснительно отстаивавшим взгляды и убеждения свои, отчего и врагов нажил немало. В Бога не верил, но жене своей, Ефросинье Петровне, в церковь ходить не мешал. Впрочем, Великая Отечественная война многих заставила по-иному относиться к вопросам веры: “в окопах безбожников нет”... Думается, что мама, которую Михаил считает редким человеком по самоотверженности и любви, подаренной детям, заложила первые ростки света, которым озарилась вся его жизнь. Он рос, окружённый любовью, к тому же ощущая себя одарённым ребенком. Учился всегда очень хорошо. И театр вошёл в его жизнь очень рано. Когда семья в 1956 году переехала в Липецк, Михаил был постоянно занят в школьной самодеятельности.

После школы Михаил поступил в Пензенское художественное училище, уехав из Липецка. Но через полгода бросил его, интуитивно почувствовав: не этого жаждет душа. Вернувшись, работал слесарем на Новолипецком металлургическом комбинате, а затем – преподавателем рисования и черчения Липецкой школы-интерната № 1. Может, пример отца, социально активного человека, действовал, или и сам Михаил болезненно переживал ложь, которая пронизывала общество, и хотел бороться за правду, но он стал учиться на заочном юридическом факультете Воронежского государственного университета. Двухлетняя служба в армии (1964–1966) лишь укрепила его в мысли искать свой собственный путь в театре. Юридическое образование он всё же получил, окончив в 1970 году уже в Москве Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ). И поступил... в Щукинское училище! “Когда я вошёл в его двери, понял, что это мой дом. Мне посчастливилось быть учеником Бориса Евгеньевича Захавы. Принципы вахтанговской школы стали базой, благодаря которой сложились мои эстетические пристрастия”. Высшее театральное училище им. Б. В. Щукина он окончил в 1978 году по специальности “режиссура драмы”, а работал художником в Московском химико-технологическом институте им. Д. И. Менделеева, став затем с 1974 года руководителем Театра-студии на улице Чехова.

Михаил пытался и в литературе что-то сделать: писал стихи, ходил в литобъединения. Но один поэт сказал ему, наконец: “Миша, у тебя стихи хорошие, но непечатные”. Как быть? Не высказывать своего отношения к миру он уже не мог. И понял, что именно театр имеет возможность говорить тогда, когда слово полностью подцензурно. Говорить интонацией, жестом, паузой, намёками. И крайне важен в этом был именно коллектив единомышленников, который создавали они с Тамарой, растили и пестовали.

Коллектив этот развивался, его спектакли получали всё большую известность в Москве, своего, думающего зрителя. В 1978 году студия переехала на Новослободскую улицу, в 1979-м – на улицу Чехова, получив название “Театр-студия на улице Чехова”. Театр и искусство Щепенко мыслил как некоторую форму социального протеста против существующей несправедливости. И работа студии сразу обрела протестный характер, вполне в духе времени. Первый же спектакль Михаила и Тамары как режиссёров-постановщиков и сценаристов в 1976 году носил несколько вызывающее название – “Сказка о прекрасной царевне со всеми вытекающими из этого последствиями”. Михаил и сам написал и поставил пьесы “Однажды утром перед закатом” (зрители на неё ломились, несколько спектаклей подряд смотрели!), “У нас в гостях Мольер” и “О, Русь моя!”, ставил “Двадцать минут с ангелом” по “Провинциальным анекдотам” А. Вампилова, несколько спектаклей по рассказам А. Чехова, “Фантазии Фарятьева” А. Соколовой и другие.

Но всё острее ощущалось, что этот протестный, но безрелигиозный путь бесперспективен. Согласно Достоевскому, “зло таится гораздо глубже, чем предполагают лекари-социалисты”. Становилось очевидным, что страшно не существование злодеев, а то, что носитель социального зла – средний человек: “Это открытие вроде простенькое, но кто до него доходит? – задавал себе вопрос Михаил. – Мы же все считали себя хорошими. А ведь христианин, знаете, это кто? Это тот, кто понимает, что он гибнет. И что своими силами спастись не может. И тогда нужен Бог”.

Творчество, – утверждал Щепенко, – должно быть поиском единства Истины, Добра, Красоты, чтобы оно, как *всякое дыхание, славило Господа*. Глубоко и искренне его убеждение, что русский театр имеет православную основу. Постигание образа, чужой души может быть не только надеванием личности, но и отождествлением себя с ближним, умением понять чужую боль и простить, а не осудить грешника. Это ли не христианские цели? Русский психологический театр в наибольшей степени наделён этими качествами. И, конечно же, христианским театр должен быть не по букве, а по духу. Не нужно излагать на сцене Библию, это почти неизбежно ведёт к иллюстративности. А иллюстративность – враг искусства. **Необходимо иметь любовь к ближнему и уметь возрождать эту любовь в сердцах зрителей.** Это Божественная идея и вместе с тем – человеческий путь. Толстой замечательно усматривал назначение искусства в том, чтобы “переводить из области ума в область чувства идею: “возлюби ближнего, как самого себя”. Щепенко убеждён, что нет более сильных человеческих средств, чем искусство (и, прежде

всего, – театр) для создания осязаемых сердцем векторов в осуществлении именно этой заповеди.

* * *

В самом названии своего *театра русской драмы* Михаил Григорьевич видит два смысла. Первый – это то, что наш народ, наше Отечество переживает русскую драму. Второй – наша русская классика, русская литература имеет православные корни. И ориентироваться на свои национальные корни очень важно. Томас Манн называл русскую литературу **святой**. Это особенная культура, это наша основа.

Настоящее искусство призвано менять мир к лучшему. Естественно, с учётом перемен, которые несёт время. Михаил Щепенко исповедует творческую установку “изменяться не изменяя” – не изменяя никогда в самом главном. Не принимает он такого понятия, как “автор спектакля”, которое относят только к режиссёру. **Автор – это коллектив, который в идеале должен быть коллективом единомышленников.** И стремление высказаться: “Мир, делайся лучше!” – эта претензия к миру должна быть предъявлена, прежде всего, к самому художнику. Он не разделяет мнения, что художник может быть в жизни самым ничтожным человеком, как писал в своё время Пушкин (хотя Пушкин оговаривался, что “...среди детей ничтожных мира, **быть может**, всех ничтожней он”, и это вовсе не обязательно для художника), а в искусстве – великим художником. Театр – явление особое, он всё обостряет.

Для художника искушение властью над людьми – самое большое из возможных. Власти денег и административной власти присуще насилие над личностью. В отличие от них, власть художника над умами людей имеет характер добровольного подчинения. Власть над душами сладка. Люди сами хотят попасть по её влияние. Неизбежно возникает славолубие, любостяжание. Михаил Михайлович Дунаев, профессор Московской духовной академии, доктор филологических наук и доктор богословия, автор пьесы “Дон Жуан? Дон Жуан!”, которая поставлена на сцене московского Театра русской драмы, воспитал целое поколение будущих священников. Преподавая предмет “Православие и русская литература”, он говорил своим студентам, что искушение любостяжанием ни один художник, ни один писатель выдержать не смог. Естество у нас падшее. **Театр есть движение не только эстетическое, но и нравственное, и даже духовное.** Всегда есть Символ веры, который должен исповедовать, в идеале, весь коллектив. Если нет этого Символа веры, то подлинного театра не получается. Для театра Щепенко собственно эстетическое начало не существует вне начала идейного, вне начала нравственного.

Возьмём просвещенческую идею: “Человек – высшая ценность”, что и в Конституции у нас записано. Щепенко прямо указывает на заложенную в этом ложь. **Высшая ценность – Бог.** У Достоевского замечательно сказано: “Если Бога нет, то всё позволено”. Вот оно всё и позволено сейчас! Театральные критики говорят о том, что исчезло понятие “сверхзадачи” (которое ввёл Станиславский). Сверхзадача – это идея, соединённая с эмоцией. Сверхзадача всегда – стремление к Идеалу. Сейчас сверхзадача в искусстве очень часто сводится... к самовыражению, самопоказу: “Я создаю свой мир в театре (в кино, в изобразительных искусствах, в музыке, неважно, где), а вы хотите – приходите в этот мир, но я здесь демиург, я полный хозяин”. А ради чего это? Ради самообожествления?.. Спрашиваешь: “Какому идеалу должен служить художник?” – “Искусству”. Но ведь это от Бога. Почему-то Пушкин писал: “Веленью Божию, о муза, будь послушна”...

Не всякая культура, считает Щепенко, способна указать человеку путь к Богу. К сожалению, в современном искусстве много того, что уничтожает человека как вид, превращая его в животное. Западная цивилизация постепенно угасает. И мы в этом ежедневно убеждаемся. А художнику надо помнить, что культура – это колыбель, в которой вырастает человек. Только надо, чтобы эта культура была христианской. Иван Ильин в трактате “О христианской культуре” пишет, что если культура не станет христианской, то перспектив у человечества нет. Творчество ни в коем случае не должно подменяться показанием и духовный путь, которые могут протекать лишь в Церкви, однако нам

дана колоссальная возможность постижения посредством искусства Идеала и Истины”.

Сейчас на слуху Серебряный век русской литературы с его несомненными достижениями, но и далеко не лучшими тенденциями, в нём проявившимися. В чём соблазн так называемого Серебряного века, когда творили символисты, “мирискусники” и другие мастера, которых сейчас так возносят? В том, что дьявол и Бог были перепутаны. **Очень убедительно и ярко показал это Станислав Куняев в недавней книге своей “Любовь, исполненная зла”**, рассуждая о влиянии несомненно талантливой Анны Ахматовой на женскую поэзию в особенности. Ведь сатана, как Пушкин говорил, — “ангел падший и прекрасный”. Безобразие бы никого не соблазнило. То есть свет может быть и не божественной природы. Чтобы вдруг, в один момент, атеистическая культура стала православной — такого быть не может. Это тяжелейший путь. Хочешь идти этим путём и не можешь: твое падшее естество и сама природа театра как языческого действия тянут назад.

Ныне на глазах возрождается Россия православная. Идут перемены глубокие, не сразу заметные. В то же время быть христианином сейчас становится модным. В том числе и в искусстве. Наметилась тенденции к сближению, к преодолению пропасти между Церковью и культурой. Конечно, это правильный путь. Но одним прыжком эту пропасть не одолеть. Поэтому-то и окончил Щепенко после двух “верхних” образований ещё и Свято-Тихоновский Богословский институт: “Мы безграмотны в области богословия. Мы отравлены, по нам проехался такой каток, что мы, чтобы как-то восстановиться, должны прикладывать очень серьёзные личные усилия. **Нельзя ставить православный спектакль, утверждать что-то в искусстве, если в сердце у тебя иное сокровище**”.

Театр Михаила Щепенко и Тамары Басниной — это, по сути, постоянный вызов свирепствующему ныне на многих театральных подмостках постмодерну. Стремлением “идти в ногу со временем” объясняются самые нелепые с точки зрения здравого смысла новации. И вот уже балерина Волочкова танцует под запись молитвы “Отче наш”... Каждый сам может вспомнить примеры таких “новаций” в балете и опере, в драме и оперетте.

Михаил Щепенко тоже в своих поисках новатор, но какой? Он придерживается товстоноговского принципа: “Классику надо ставить так, будто её написал современный автор на материале былой эпохи”. Наш театр волнуют те глубинные проблемы, которые актуальны для человека любого времени. Сейчас духовный голод очень велик, человеку необходимо осознать такие экзистенциальные проблемы, как обретение смысла жизни, пребывание в ладу с совестью. Осознание своей вины за всё — важная тема, раскрытая только в отечественной литературе. Это одна из причин, почему наш театр называется Театром русской драмы. Например, сейчас бытует демократическое заблуждение, что у каждого своя правда, что истина относительна. Мы говорим об опасности этой идеи. Получается, что человек становится для самого себя носителем абсолютной истины, тогда как **для православного человека абсолютная истина — это Христос**”.

* * *

Противоположностью постмодерну выглядит и такая особенность Театра русской драмы, отличающая его от всех остальных театров (которые часто сотрясают скандалы завышенной самооценки, зависти, нескончаемых склок), как принципиальная позиция человека и режиссёра, состоящая в том, что труппа — это его **большая семья, творческая семья**.

Помню, как поразили меня глубокие раздумья Михаил Щепенко о проблемах семьи, творческого коллектива, об Отечестве земном и Небесном, когда мы публиковали в журнале “Честь Отечества” (№ 5-6, 2009) его статью “Уроки Гоголя”. Появившийся тогда на экранах фильм “Тарас Бульба” стал поводом для рассуждений о судьбах и российской семье вообще, и православного театра-семьи.

“Создавая театр, мы обращались к гражданственным импульсам будущих актёров, — рассказывал он. — Мы тогда мыслили искусство не только как мир, творимый произволом художника-творца, но и как мир, почему-то необходи-

мый всем людям, как форму коммуникации, у которой есть вопрос: ради чего, ради какой общезначимой идеи возникает процесс творчества? Только такая идея, сверхзадача может сплотить группу людей и сделать их единым творческим организмом. Здесь мы не изобретали велосипед, а мыслили в духе идей, многократно высказанных русскими режиссёрами. Общность возникла. Она возможна именно в молодёжной среде.

Горения в молодости больше, как и идеализма. Но есть и ещё один фактор: стремление из семьи, которая взрастила молодого человека, к семье, которую ему надлежит вскоре создать. Пока новой семьи нет, образуется некий вакуум, молодой человек социально активен и, став участником театрального дела, обретает заменитель той, будущей семьи, которую он ищет в социуме. Лишь для немногих театр становится делом жизни. Театральный коллектив, в котором обретены единство с ближними, творческий процесс, общение, самореализация, – всё это наполняет душу восторгом, а жизнь – смыслом. Пожалуй, это состояние влюблённости. Но появляется своя семья и возникает конфликт: что главнее – семья или театр?

И очень печально, когда от театра, ставящего себе целью утверждение христианских духовно-нравственных ценностей, откалывается актёр, опираясь на якобы очевидные православные постулаты.

“Ясно же, – говорит один актёр, – что семья – это малая церковь, а знает, она – главное в жизни человека”.

Ещё одно мнение: “Батюшка (имярек) говорит, что выше семьи только Бог”.

“А Отечество? А народ?” – спрашиваю я. “Семья выше Отечества и народа. Мне достаточно, чтобы около дома был православный храм, а где находится дом – мне это не важно”. “Но вспомни великие слова Гоголя, – возражаю я, – “...не возлюбивши России, не возлюбите вы своих братьев, не возгореться любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам”. “Я с Гоголем в этом не согласен, – таков ответ. – К тому же ни гражданство, ни национальность Церковью не освящаются...”

Высказывал эти соображения очень близкий мне человек. Я вновь и вновь поразились ловкости человеческого рассудка, который видит букву, но не находит духа, который словно не сталкивался с антиномичностью евангельских истин, позволяющей видеть не только плоскость, но и глубину.

Выходит, зря Бульба отправился в Сечь с сыновьями, зря погиб и погубил сыновей, тем более зря убил сына и тем самым разрушил нарождающуюся семью? Напрасен подвиг Александра Матросова и воинов всех времён, которые “положили души свои за други своя”, то есть лишили свою семью главы её ради некоего умозрительного ближнего... Но “положить душу свою за други своя” – это чьи слова? Это слова Христа. Святые слова Господа, следование которым может ли разрушить семью?

Дело в том, что в таких якобы христианских рассуждениях о семье мы сталкиваемся с нехристианским и даже антихристианским антропологическим принципом. Это гуманистическая расхожая идея, обретшая в глазах общественного мнения достоинство непререкаемой истины, и состоит она в утверждении того, что человек – высшая ценность, что он – хозяин Вселенной, что он автономен от Бога и может абсолютно все проблемы решить сам. Это заблуждение смертельно болезненно человечеству. **Автономия человека от Бога неизбежно порождает автономию человека от человека, от семьи, от народа, от Отечества.** Это проявляется разнообразно: в формах эгоизма, мещанства, шовинизма, этатизма и так далее.

Человек (как и семья) есть не только индивидуальная ипостась, он в историческом контексте есть звено цепи, уходящей в неведомые глубины прошлого и будущего. В нём сосредоточен культурно-исторический и духовно-нравственный опыт рода. **Назначение семьи – продолжение, сохранение рода и – шире – народа, земного Отечества и Отечества Небесного. Святитель Филарет утверждал, что человек, недостойный земного Отечества, не достоин и Отечества Небесного.**

В XIX веке достаточно широко использовалось понятие, ныне почти неизвестное, – “эгоизм”. Это любовь к “своему” – к своему ребёнку, к матери, к своей семье, к своему имуществу и так далее. В сущности, такое предположение “своего” есть форма эгоизма.

Замечательно об этом сказал Гоголь устами Тараса Бульбы: “Отец любит

своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать, но всё это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться может родством по душе, а не по крови может один только человек. . .”.

Да, Бульба разрушает, уничтожает свою семью, ввергая её в превратности войны, потому что обладает глубинным пониманием происходящего: если погибнет семья, ещё не погибнет род, но если погибнет род, погибнут все семьи. Бульба произносит замечательные слова: **“Нет уз святее товарищества”**. Эти слова стали одним из эпиграфов деятельности нашего театра. Товарищество – это общность людей в области любой профессиональной и иной деятельности, обладающая сверхзадачей служения Богу и Отечеству”.

Вот такими уроками Гоголя щедро делился с нами Михаил Щепенко. И делится со зрителем постоянно спектаклями своего театра-семьи.

* * *

В коллективе московского Театра русской драмы действительно, возникли очень близкие отношения: почти все связаны родством, все друг другу крестники или крёстные. Есть и кровное родство. Лично семья Щепенко – вся в театре. Дочь Юлия – актриса и драматург, и четыре внука уже тоже играют. Сын Дмитрий – актёр, режиссёр, автор пьес. . .

В Юлии (теперь Авериной) с раннего детства ощущалась незаурядная личность. Она успела окончить факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, актёрский и режиссёрский факультет Ярославского театрального института, выйти замуж и родить четверых детей. Юлия одновременно и актриса, и руководитель детской студии, и, что особо дорого, – автор театра. Её судьба в театре нелегка: к сожалению, человеческому мышлению свойственно усматривать что-то подозрительное, когда под крылом родителей работают дети. “Своих протаскивает”, – говорят злые языки. Но путь театра Щепенко – это тернии, на которые его сотрудники согласились добровольно, и порой почти каторга, которую выдерживают немногие. Для Юлии театр – это дом, в котором она выросла и обрела друзей, мужа, профессию и не потеряла родителей. Последнее особенно дорого, потому что такое родство и близость больше, чем родство по крови. Именно Юлия пишет по-современному интересные и глубокие по христианскому содержанию пьесы для детей, именно она возглавляет детскую и юношескую студии при театре.

А ведь Михаил Григорьевич поначалу был противником детского театра. Ребёнок, думал он, ничем не заслужив, уже получает порцию славы, поднимается над другими людьми, а это огромный стимул к развитию тщеславия.

Хотя. . . когда дети играют в дочки-матери – это тоже театр. Ребёнок познаёт мир через игру. И привёл Михаила Щепенко к работе с детьми священник, отец Владимир Ригин. “В приходской воскресной школе устраивали праздник, и меня попросили помочь. Проблема в том, что в православных сборниках в основном публикуются произведения, никак не задевающие детей, особенно подростков. Наша актриса Юлия Аверина написала пьесу “Небесный гость”, и мы на Рождество с воскресной школой её поставили. Был большой успех. Батюшка говорит: “Ну, давайте и дальше, вот на Пасху нужно что-то поставить. . .” Юля написала вторую часть – “Земная гостья”. Потом были ещё постановки. И в результате у нас сформировался детский репертуар, мы стали привлекать детей, которые хотят быть в театре. Мысль нами руководила простая: часть детей всё равно будут стремиться играть в театре. И что, отдать их тем, кто будет их растлевать?.. Вот так и появилась детская студия – место, где дети делают общее дело и общаются друг с другом. Из её выросших воспитанников уже сформировалась юношеская студия, а некоторые студийцы стали студентами Ярославского театрального института”.

Муж Юлии – актёр Аркадий Аверин – пришёл в театр простым рабочим, не помышляя о сцене. Но Михаил Григорьевич и Тамара Сергеевна, не сговариваясь, ощутили одарённость юноши. Он был музыкален, хорошо пел, но главное – в нём чувствовалась цельность личности. Его буквально вытолкнули на сцену. Это был момент, когда начал обучение первый набор Ярославского театрального института на базе театра “Камерная сцена”. Шли этюды. Аркадий обнаружил своё чувство правды, логичность в выполнении сценического действия. И началась его актёрская карьера. А недавно он выступил

и режиссёром, поставив с успехом спектакль “Странные, однако, бывают истории...” по пьесе Александра Вампилова.

Дима Щепенко вообще – дитя кулис. Ещё совсем маленьким он воспроизводил со скрупулёзной точностью, в деталях все роли и все образы спектаклей. Когда немного подрос, стал исполнять детские роли в спектаклях, где дети играют наравне со взрослыми. Он был своеобразным “стержнем” таких спектаклей, как “Небесный гость” и “Ночь, когда открываются тайны”. Играл царевича Димитрия в “Царе Фёдоре Иоанновиче” – до тех пор, пока не подрос. Из “звезды” детского театра Дима попал в положение взрослого ученика. У него есть несомненные актёрские удачи. Окончив театральный вуз, он достойно справился с ролью Колесова в дипломном спектакле “Прощание в июне” Вампилова. А ведь после школы он сомневался, какую профессию выбрать. Поступил сразу в два института – технический и театральный. Родители не возражали. Но когда перед армией Дима спросил у отца, кем он его видит – актёром, музыкантом, режиссёром? – Михаил Григорьевич сказал: “Ты неправильно задаёшь вопрос. Надо думать не о том, кем ты хочешь быть, а о том, что ты хочешь сказать людям. А потом уже думать, как это выразить”.

Мудрые слова отца помогли Дмитрию стать... режиссёром: “Знаете, я много чем по жизни занимаюсь – и музыкой, и спортом, и стихи пишу, и пьесы. Но всё это не объединялось. А в режиссуре очень здорово соединяется. И главное: я понимаю, что хочу говорить людям дальше”. И теперь в репертуаре “Камерной сцены” появился интересный молодёжный спектакль “Лифт”, поставленный Дмитрием Щепенко.

В “театре – семье” люди связаны не только родственными и духовными узами, но и узами христианской любви. Той самой, что **“долго терпит и милосердствует”**. Каждый артист здесь – уникальная и драгоценная личность. В театре практически нет двойных составов. Если возникает острая ситуация, то предпочитают “ввод”. Для актрис, например, и не только в театре, но и в кино, на эстраде, остро и подчас болезненно стоит проблема материнства. В современном обществе молодёжь ведь настраивают по принципу “урви от жизни всё и получи максимум наслаждения”. Хочется жить в комфорте, а дети и лишние заботы, которые появляются вместе с ними, мешают эгоистическим привычкам и карьерному росту. Типичная ситуация: ведущая актриса успешно играет главную роль, и вот ей предстоит рожать. В большинстве случаев актрисы вынуждены уйти из театра. А московский театр русской драмы старается быть верным своим обязательствам перед актрисами, потому что не пустые это слова: “театр – семья”. Есть и другие модели: “театр – фабрика”, где спектакли ставятся один за другим, и отношения между людьми напоминают производственные; или “театр – команда”: поставили спектакль, отыграли и разбежались.

Потому и существует при Театре русской драмы собственный театральный курс, что актёры, подготовленные театральными вузами, здесь, увы, часто не вписываются в систему. Пытались устраивать так называемые “смотрины”, принятые в театральной среде. Художественные руководители приходят на выпускные спектакли в вузы. И там, глядя на игру молодых актёров, подбирают талантливых ребят себе в труппу. Помимо этого, каждый год звонят выпускники, желающие работать здесь. Но их не берут. Дело в том, что процесс обучения в театральных вузах влияет на многих дурно, считает Михаил Щепенко. Театр созируется духом. В одних театрах есть дух, а в других – только мастерство. Молодые люди, которые заканчивают театральные вузы, могут быть способными и талантливыми, в определённой степени обладающими актёрским мастерством. Но они, вместе с тем, принимают порчу современного мира в себя. А это принципиально недопустимо для театра Щепенко, который утверждает: “Во-первых, главный субъект театрального творчества, по Станиславскому, это коллективный художник (коллектив единомышленников). А студент театрального вуза уже на первом курсе знает, что, готовясь к коллективному творчеству, он всё равно будет пробиваться в одиночку. И получается: либо ты волк, либо овца. Довольно часто мне приходится сталкиваться с явлением, когда актёры первоклассно обучены своему ремеслу, но душа их не волнуется поставленными в спектакле проблемами. В их работе и отношении к коллегам превалирует эгоизм.

Во-вторых, студент должен после окончания вуза успешно “продаться”. Такая вот интеллектуальная проституция. И тут вспоминаешь святителя Иоан-

на Златоуста, который отождествлял блудницу с актрисой. Актёр готов быть кем угодно, сыграть любую роль, даже если за этим ничего не стоит, идти в любой театр, в какой возьмут. А ведь у разных театров разные принципы. Для нашего театра важно, чтобы актёр не был приспособленцем. Важно, чтобы у наших актёров была психология общего дела. Ибо театр прекрасен в ансамбле. Актёр должен видеть свою сверхзадачу не только в стремлении к славе и восхищению зрителя. Этим грехом поражено всё актерское сословие. Но должно быть что-то, что является общезначимым, идеалом для человека помимо самоутверждения своей персоны. В конечном счёте, это – служение Богу”.

В 1989 году у театра возник очень хороший союз с Ярославским театральным институтом. Щепенко руководил курсом в институте, и в “Камерной сцене” играют выпускники и студенты этого института.

В театре возникла творческая группа из тех актёров, кто преодолел порок алкоголизма, и тех, кто помогал им преодолеть этот порок. Возникла идея спектакля на эту тему. Писались исповедальные воспоминания, делались предположения о форме будущего спектакля. Требовался строгий отбор материала. И Михаил Щепенко написал первый вариант пьесы. Отец Алексей прочёл, высказал ряд пожеланий. Читала вся творческая группа и тоже вносила свои предложения. В работу включились Тамара Баснина, актрисы Юлия Щепенко, Валерия Полякова и другие. Отдельные сцены были заново переписаны, какие-то заново придуманы, какие-то сокращены. Сразу было решено строить спектакль только на документальных материалах. Более того, в спектакле должны были играть, прежде всего, актёры, имевшие раньше пристрастие к алкоголю, и не только актёры – члены общины. Решили произвести фрагменты заседания общины.

“Наконец, пьеса создана. Определён музыкальный ряд – за основу взяты отрывки из песен Высоцкого, которые прекрасно исполняет Аркадий Аверин. Найдено сценографическое решение, делаются декорации. Идут непростые репетиции с исполнителями главных ролей – Валерием Андреевым и Валерией Поляковой. В течение года идут ещё более непростые репетиции с членами общины. Вновь и вновь уточняется текст, осваиваются элементы актёрской профессии... .

И вот – премьера. Это был не юбилейный спектакль. Он совпал, кажется, с 12-летием общины. Когда мы его сыграли, мы поняли самое главное: он, несомненно, производит очень сильное впечатление, он заставляет не уходить от губительной проблемы нашего общества, он (при всей своей трагичности) несёт исход, ибо главной задачей его (как и всей деятельности общины) является не излечение от физического недуга, а преодоление духовного нездоровья, в которое мы погружены. Не вылезти из грязи, а подняться к Небу – вот в чём сверхзадача нашего совместного спектакля.

Сейчас спектакль занимает существенное место в репертуаре театра. Нас приглашают с ним во многие регионы страны, просят пьесу для постановки, настойчиво предлагают сделать видеoversию спектакля. Мы знаем, что он нужен, что он очень нужен. Тем более, что после каждого спектакля зрители хотят говорить о поставленных в нём проблемах. Мы готовы это делать, и мыслим наш спектакль как неотъемлемую часть работы общины, протягивающей руку помощи тем, кому нужно опереться и подняться”.

Православная – по духу – нацеленность театра, естественно, сказывается на выборе репертуара. Так, в спектакле “Огни” по А. П. Чехову была интересна именно религиозная грань творчества писателя. После этого спектакля чеховеды провели именно в этом театре конференцию “Чехов и религия”. Михаил Щепенко объясняет:

“Основное, наверное, – необходимость высказаться на тему, которая актуальна для общества. Это не обязательно драма. Мы ставили Шмелёва, Одоевского, много раз ставили спектакли по прозе Чехова. Это усложняет работу, но одновременно является катализатором каких-то художественных открытий. Например, в спектакле “Необойдённый дом” по притче Одоевского мы всё думали, как показать путь главной героини, когда ей кажется, что она идёт всего несколько часов, а на самом деле проходят годы. И возникло решение – через кукол разного размера, путешествующих над ширмами. А “Куликово поле” Шмелёва – вообще произведение антитеатральное, в нём почти нет диалогов. Казалось, сценический эквивалент найти невозможно, но ставить

спектакль было просто необходимо: в нём поднимается важнейшая проблема — безверие человека, который хочет верить, осознает необходимость веры, а в сердце веры нет. Как вера приходит в сердце? Это, наверное, самая трудная тема для искусства, но мы готовы говорить и на эту тему, потому что она сверхзначима. Для нас важен путь человека к христианству, путь блудного сына.

Поставили спектакль “Сердце не камень” по пьесе А. Н. Островского. Эта пьеса в своё время не имела сценического успеха. Она создавалась Островским в 80-е годы XIX века, когда купцы уже стали обладателями основного капитала. За “перераспределением” богатств последовали и нравственные реформы: деньги правили умами и чувствами. А в этой пьесе есть героиня, совершенно иная, нежели большинство современных женщин. В ней присутствует нечто идеальное. В то же время её образ художественно убедителен. Далеко не каждая женщина вынесет то, что выпало на долю героини: в юности она была отдана замуж за старика. Но Вера Филипповна продолжает сохранять ему верность до конца. Она несовременна в этой ситуации, именно поэтому пьеса так современна сегодня.

Пьеса, с одной стороны, погружает зрителя в навсегда ушедший быт купеческой Москвы. С другой — задаёт вечные вопросы, переключаясь с реальными сегодняшней жизни. Что правит миром: деньги или любовь? Что важнее: честь или чувство? И можно ли построить своё личное счастье на несчастье ближнего? В этом её актуальность. В наши дни мужчина и женщина перепутали свои роли. Произошёл глобальный сдвиг, связанный с кризисом человеческого сознания. В этой же пьесе зрители увидят противоположное: героиня Островского проста, честна, она живёт по заповедям Божиим. И не соблудит заповедь — против её принципов, так жить нельзя. Если мы с Богом, то мы уже находимся дома. Человек вне дома остаётся блудным сыном, и он патологически несчастен. И женщина, и мужчина”.

Спектакль “Ангел Скорбное понимание” по пьесе Виталия Москаленко и сейчас идёт в театре, его очень любят зрители. Как-то на этот спектакль приехал один священник из-под города Покрова. В театр вообще много приезжает батюшек, привлекают они и своих прихожан. А этот священник привёз с собой молодёжь. Так вот, он сказал, что здесь происходит апостольское служение. После спектакля у него семь человек покрестились. Действительно, этот спектакль производит сильное впечатление именно на молодёжь. После него некоторые хулиганы раскаиваются в своих грехах, девушки рыдают — приходит их успокаивать. Что-то происходит в душах, и люди меняются.

А к спектаклю “Царь Фёдор Иоаннович”, поставленному в театре Щепенко, у меня своё, сугубо личное отношение. Посмотрел я, попав в Москву, спектакли по пьесам А. К. Толстого. “Царя Фёдора Иоанновича”, видел и в Малом, и в театре Советской армии. И вот уже в наши дни — потрясение: спектакль, открывший государя христианского, глубоко любящего не только жену и сына — всех, всех близких и дальних, заботящегося о государстве, как о семье. Может, потому что к тому времени я уже и по другим источникам знал, что не такими уже тиранами или слабаками-глупцами были наши российские государи. Помню, что в издательстве “Советская Россия”, носившем уже название “Русская книга”, задумывали мы с Борисом Мироновым, тогда директором издательства, серию документальных книг о правителях Руси — России. Книг, не проникнутых идеологией коммунистической или какой-либо иной, а таких, где говорили бы только документы, свидетельства очевидцев, вроде той, что вышла потом в серии ЖЗЛ о Павле I, тоже ведь оболганном императоре, как и Александр II, и оба Николая... Договаривался я, тогда главный редактор издательства, с авторами, любящими и знающими нашу историю, в частности, с Сергеем Семановым. Директор тогда добился в “Ленинке” разрешения поработать прекрасному фотохудожнику Анатолию Заболоцкому, кинооператору у Шукшина в лучших его фильмах, переснять дивные иллюстрации с дореволюционных изданий. Были уже и первые рукописи представлены. Но, видимо, время тогда для такого осмысления истории ещё не настало, в середине-то девяностых годов. Ушёл из “Русской книги” сначала я, потом и Миронов. Но с тех пор я уже твёрдо знал, что в деяниях царских искать нужно в первую голову не ошибки или преступления, а то, в чём они хоть на шаг продвинули государственное дело родного Отечества. А Фёдор Иоаннович за малый срок, отведённый ему Богом на царствование, успел столько доброго

сделать! И с местничеством боярским навсегда покончил, и Патриаршество учредил, резко подняв значение Православия во всей жизни Отечества. Силу духа истинно православного государя и показал Михаил Щепенко, как никто другой! И какими мягкими, добрыми, светоносными красками заиграла эта роль! Вроде и текст всё тот же, Алексея Константиновича, а воспринимается как откровение, которое прежде не проникало в душу с такой силой...

* * *

Часто приходится Михаилу Григорьевичу и самому писать пьесы или сценарии. Например, к спектаклю о священномученике Патриархе Гермогене. 400 лет, как он принял мученический венец, 100 лет, как был прославлен в лике святых. Щепенко не терпит так называемых “датских” спектаклей. Но здесь он столкнулся с личностью, которая восхищает, и пафос бытия которой сверхактуален в наше время. И написал пьесу, которая станет своеобразной второй частью диалогии (первая часть “Царь Фёдор Иоаннович”). Работа колоссальная: прикосновение к смуте начала XVII века, в которой можно легко найти параллели с нынешней смутой. И там, и тут причина её – в омрачении духа, в отказе от начал, лежащих в основе нашей культуры, определённых И. А. Ильиным как “совестливость и сердечность”. Ну, рвался к власти, к царскому венцу Василий Шуйский, а понимал ли он, какая это ответственность перед Богом, перед страной?.. И какое о нём “мнение народное”, если он лжёт, лжёт и лжёт? Страшная сцена прозрения перед концом жизни – в плену, в унижении, когда осмысливает подвиг перед Богом Патриарха Гермогена и своё падение. И какие мощные ассоциации со временем нынешним вызывает спектакль! В смутное время, как никогда, важно народу иметь “удерживающего”, того, кто вопреки полному развалу стоит в духе. Вот почему театр обратился к образу Патриарха Гермогена... Символично, что в самом Храме Христа Спасителя вручён создателям спектакля “Царский путь” диплом фестиваля православного театра и кино “Золотой витязь”.

Многие знатоки восхищаются открытиями театра Щепенко в режиссуре, сценографии, музыкальном оформлении. Но главное – актёрами. В индивидуальном плане это мастера – и Т. Баснина, и А. Аверин, Ю. Аверина, В. Полякова, Д. Поляков, В. Андреев, и ряд других, которым веришь и которых любишь, но ещё больше поражает ансамблевость спектаклей, тонкое и точное актёрское взаимодействие. Восхищаются блистательной сценографией. В “Фантазиях Фарятева” это тюль, которым отгорожены персонажи спектакля от зрителей и который вдруг начинает подниматься в кульминационные моменты, и актёры вдруг словно увеличиваются и приближаются... В “Царе Фёдоре Иоанновиче” удивительны метаморфозы призм – они преобразуются то в сад, то в огромный иконостас, а малые усечённые призмы, которыми манипулируют актёры, воплощают, кажется, тщетные попытки человека выстроить очередную вавилонскую башню, рассчитывая только на свои силы, без Бога.

Особая тема – организованный театром Международный Всероссийский фестиваль школьных театров “Русская драма”, в нынешнем году он проводится уже в семнадцатый раз. Одна из целей его – раскрыть юным артистам и зрителям особенность театра как вида искусства. Ведь кино, телевидение – это консервы театра, по меткому определению Михаила Щепенко. От того, как смотришь кино, ничего не меняется, и повлиять на происходящее никак не можешь. **Феномен театра, его привлекательность и тайна в том, что это – совместное творчество актёра и зрителя.** Театр помогает человеку реализовать свою нормальную потребность в общении. Разделённость мира – это его беда. Театр эту разделённость преодолевает. У людей есть необходимость быть единым организмом... И хорошо, если это участие в общем действии, да ещё “с младых ногтей”, происходит с высокой целью, которая концентрирует человека на истинных духовных ценностях.

К сожалению, воскресные школы ставят спектакли на основе жалкой драматургии, считает Михаил Григорьевич, но обязательно, если речь идёт о Рождестве, с волхвами, пастухами, Иродом... Есть и профессиональные театры, которые убеждены, что достаточно взять священный текст, прочитать его со сцены, как-то проиллюстрировать – и уже возник христианский спектакль. То есть смысл этой позиции: христианский театр – это театр христиан-

ской темы. Вторая позиция: тема может быть любой, важно лишь отношение художника к теме, “важно не то, о чём мы говорим, – важно, **что** мы говорим об изображаемом. Левитан мог написать лужу, и для зрителя ощутимыми делались и атмосфера, и настроение художника, и слиянность человека с природой, и философия, и многое другое. А посредственный художник может написать великолепный альпийский пейзаж, а зритель увидит пустоту, ибо основа искусства – это встреча душ художника и зрителя, художника и читателя”.

Щепенко сравнивает достойные произведения, которые относятся к этим разным позициям: например, пьесу “Царь Иудейский” К. Р. (великого князя Константина Константиновича Романова) и “Ваньку Жукова” А. П. Чехова. В “Царе Иудейском” – события, непосредственно связанные с голгофской жертвой Христа. Пьеса написана талантливо, деликатно, но она не потрясает, не восхищает и, главное, не запоминается. В ней нет личностного художнического озарения и открытия. Хотя, как видим, тема грандиозная. Ванька Жуков – предмет для изображения как будто незначительный. Забитый, недалёкий мальчик, никому не нужный и потерявшийся в мире. Но мало кто не испытал, прочитав рассказ, как поднимается в сердце волна сочувствия, милосердия, любви. Не есть ли это реализация в сердце человека второй заповеди Божией – о любви к ближнему?

Заставляет он задуматься и о том, что не всякая классика хороша. Нынешняя классика сделалась таковой на основе оценок секуляризированного, восходящего к ренессансному сознания. К классикам относят и Боккаччо, и Рабле. Например, ставят в православной гимназии “Сирано де Бержерак” Ростана. Несомненно, талантливая пьеса, один из существенных мотивов которой состоит в утверждении, что человеку позволительно по отношению к другим людям (серой массе) всё – даже убийство. Как это согласуется с заповедями Христа? Но ставят. В православной гимназии. Вероятно, по благословению священника.

Михаил Григорьевич убеждён, что ставить православный спектакль означает ставить пьесу, автор которой (независимо от темы и независимо от декларации) **находится на христианских позициях в трактовке темы.**

Участники фестиваля привозят спектакли самой пёстрой тематики. Например, замечательный коллектив из Сарова – православное творческое объединение “MiP” представил очень милый, светлый спектакль “Золотая прялочка”. Тут и фольклор, и кукольный театр, и в то же время играют сами актёры. Это была большая радость. Они уже были лауреатами фестиваля – в 2008 году получили Гран-при. Тогда у них был спектакль о последних месяцах жизни царской семьи – “Дом свободы”. Самое главное в нём – огромное чувство меры: никакого педалирования, никаких эмоций через край, всё передано очень тактично. После просмотра его словно облако света в душе остаётся.

Были открытия в плане режиссёрского мышления, и интересные актёрские работы. Фестиваль постоянно открывает всё новых и новых участников, и остаётся только удивляться, что находятся такие педагоги-подвижники, которые таким коллективам отдают всю свою жизнь. От детей они уйти не могут несмотря на то, что сами в абсолютном большинстве живут в бедности. Именно поэтому такие фестивали важны, прежде всего, для руководителей школьных театров. Сейчас вообще настала эпоха воспитания воспитателей. В любительском театре нужен лидер, как, кстати, и во взрослом театре. И это должна быть личность обязательно харизматическая, пассионарная. Здесь всё зависит от одного человека, и притом он должен быть бессребреником.

Всероссийский фестиваль школьных театров “Русская драма”, обладающий высоким авторитетом, – это общероссийское движение, имеющее своим девизом “Береги честь смолоду” и направленное не только на открытие и воспитание юных дарований, но и на утверждение корневых основ национальной культуры. За эти годы более 30 участников Фестиваля награждены грантами Президента Российской Федерации.

В конце 2014 года, 22 декабря, в Москве, в Представительстве Казахстанского Митрополичьего округа на Патриаршем подворье при храме святых мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии митрополит Астанайский и Казахстанский Александр вручил церковные награды руководителям камерной сцены московского Театра русской драмы, отмечаящим 40-летие творческой деятельности. Заслуженный деятель искусств России, академик Российской Академии естественных наук, профессор Щепенко Михаил Григорьевич удостоен медали пре-

подобномучеников Серафима и Феогноста Алма-Атинских; заслуженная артистка России, член-корреспондент Российской Академии естественных наук Баснина Тамара Сергеевна – медали святых мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии. Так отмечена их большая общественная деятельность – членов Рабочей группы по сохранению и эффективному использованию культурного и духовного наследия Общественной Палаты Российской Федерации; постоянных участников общероссийского Оптинского форума; руководителей работы двух секций в рамках Международных Рождественских образовательных чтений; соучредителей Международного театрального форума “Золотой витязь”; руководителей жюри Московского Сретенского фестиваля.

Поздравляя награждённых с юбилейной датой творческой деятельности, митрополит Александр, в частности, сказал: “Милосердие, любовь, жертвенность – вот основные темы русской классической драматургии, вообще русской культуры. Наша задача сегодня – вернуть эти темы в современную культуру, а значит, и в нашу жизнь”.

Закончить свой рассказ о театре Михаила Щепенко я бы хотел словами народного артиста СССР Юрия Каюрова: “Когда я смотрю на ваш театр, вижу, как Миша Щепенко, подобно ледоколу, прокладывает среди торосов путь для своих соратников, определяю, чем выделяется ваш театр среди других театральных коллективов, я понимаю, в чём секрет его отличия ещё с тех времён, когда он располагался на улице Чехова: **он отличается каким-то своим особенным направлением удивительно трепетного и душевного проникновения в суть и драматургию и человеческого характера, и в способ выявления мыслей, чувств, ощущений персонажей. Он ставит спектакль о человеке. Да. И мне кажется самым главным – о доброте человеческой**”.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

ГОГОЛЬ БЕССМЕРТЕН

Мы уже печатали в 2012 и 2013 году заметки и воспоминания о встречах, ситуациях, которые были у нашего автора, известного писателя, общественного деятеля Валерия Ганичева. На основе собранных высказываний, забавных и, прямо скажем, поучительных историй и фактов, опубликованных, в основном, в “Нашем современнике”, в издательстве “Вече” выходит небольшая книга “Блѣстки и блики: Гоголь бессмертен”. Предлагаем новые записи.

Ванька, не зевай!

Василий Шукшин сразу предстал перед обществом как талантливый режиссёр, но и его рассказы вызвали восхищение и удивление. Ба! Да он же прекрасный рассказчик. Побывал он и у нас в “Молодой гвардии”, поделился планами, предложил свой томик рассказов с удивительной наблюдательностью, с выразительной речью героев, добрым, а иногда и ехидным юмором. Прозаик? Ан, нет. Вот он уже играет в “не своём” фильме Серея Бондарчука “Они сражались за Родину”. И вот уже почти в конце съёмки звонит с Дона: “Ты на месте? Хочу приехать в Москву и подать заявку на рассказы”. Удача: “Приезжай!” Явился он какой-то задумчивый, но взволнованный. Поразило многое: ведь он поехал в немалой степени посмотреть да и поучиться у Бондарчука снимать панорамные, исторические, батальные сцены. Он уже вовсю думал о “Степане Разине”, мысленно выстраивал линию, сцены, драматургию кино. А “Война и мир” Сергея Бондарчука прошла первым экраном во всём свете, получила “Оскара”, да и всеобщее признание зрителей. Не знаю, удастся ли кому-нибудь создать что-то подобное. Ведь повторить это невозможно. В фильме Бондарчука участвовали войска всего военного округа, предупреждая для захватнического мира горел Кремль, шли в бой партизаны. В самое атеистическое время Кутузов вставал на колени перед “Одигитрией”, и всё русское воинство молилось. Да, только Бондарчуку с его авторитетом это позволялось. Василий хотел это впитать, посмотреть на площадке кино, да и сам сыграл так, что образ шолоховского Лопехина становился хрестоматийным. Резко ходил по кабинету, останавливался, закуривал, бросал: “Мне же хуже нельзя. Знаешь, чем меня больше всего поразил Шолохов? Я ведь во ВГИКе, в московских салонах воспитывался, в том числе у Ромма. А там имя Шолохова вызывало неприязнь, даже злбу. Безусловным фактом считалось, что он украл “Тихий Дон” или, по крайней мере, первую его часть. Я, конечно, не очень-то верил, но кое-какое сомнение оставалось, ведь говорят авторитеты.

Потом и особенно там, на Дону, в Вёшенской, я понял, что в лучшем случае это играет амбиция, зависть, а то и злость, что этот человек не их круга написал гениальную вещь. Куда лезет в калашный ряд, он нами давно занят”.

“Дак вот, — сел он, а потом вскочил. — Я видел Мудреца. Он степняк, руку ко лбу приложил и смотрит: кто там скачет вдаль: друг или враг? Различает врага издали. Мы-то таёжники; в лесу идём — ружьё наготове: вдруг из-за дерева выскочит зверь? А он врага различал издали. Говорит мне: “Василий, на двух лошадях не ускачешь: кино и литература. Выбирай!” Я и говорю: “Вот после “Они сражались за Родину” сниму “Степана Разина” — и за прозу”. Он усмехнулся: “Ну, давай за это и выпьем чарку”. Я побелел: “Завязал я, Михаил Александрович. Скажете — выпью, но Вы ведь знаете, что после этого и скатерть со стола могут сдёрнуть”. “Ну, казак слово держит — и это правильно. А мы за тебя выпьем”.

“А я к тебе, — сказал он, — с заявкой на будущее. Знаешь, как назовём: “Ванька, не зевай!” Ты ведь знаешь, как нашего брата ловят на простодушии и доверии, да и хочу к этим парням обратиться: “Будьте самими собой. Кто в деревне говорил нормальным русским языком, в городе тому подсовывают некий сленг и матерщинку, да ещё во всех случаях жизни. Мы, конечно, крепкое слово употребляем, но никогда при детях и женщинах. Ты в деревне поёшь народные да военные песни, а тебе подсовывают, знаешь, как их называют, да, шлягер, чтобы хриплым, да не мелодичным голосом. Надо, чтобы все мы помнили, какие деревья растут в нашем лесу, какие цветы цветут. Нет ничего лучше Родины. Не зевай, Ванька!”

Заявку он прислал, но пришла она уже после его кончины. А она наступила через десять дней после этой встречи.

Дайте глобус Украины

Анекдот старый, но говорят, что и ныне это произошло во Львове. В магазин вошёл майданщик и потребовал: “Дайте мне глобус Украины”. И, видя недоумение на лицах продавцов, пригрозил: “Не дашь — ось “калашников”. Принесли три глобуса (от греха подальше). Выбрал один, где было больше блакитного цвета.

Мифы, слухи, факты

Вот, например, три мифа советской истории. Небывалым успехом пользовалась книга В. Успенского “Тайный советник вождя”. Читатель, народ очень хотел, чтобы Сталин обязательно имел мудрого советника, трезвого подкачика, честного свидетеля, и, несмотря на ехидные улыбочки военных, историков, книга пользовалась большой популярностью. “Не мог же Сталин всё знать, значит, мудрец был рядом”. Успенский ссылаясь на Жукова, хотя того уже не было, на генерала Власика, начальника охраны вождя, хотя тот тоже почил... Но читатель твёрдо верил, “тайный советник был”. Может, потом и докажут, что был. А вот профессор Жухрай, он же Меньшиков, вроде бы служил в НКВД и КГБ и узнал про подобные истории, которые собирали немало народу на его лекции.

В истории, скорее, возле истории, всегда возникают мифы, которые нередко потом выдаются за факты. Так вот профессор Жухрай доверительно сообщал, что у Сталина был сын, то ли внебрачный, то ли от таинственной первой жены-грузинки, который имел фамилию Джугашвили, в обиходе “Джуга”. Он имел задание заниматься охраной Сталина. После смерти последнего и XX съезда он уехал в Албанию, откуда наведывался в Союз при Брежневле. Но потом Джуга снова уехал туда и канул в неведомые дали истории. Неправдоподобно или, по крайней мере, не имеет подтверждения. Но миф в устах профессора Жухрая жил долго, а кое-кто и сейчас ждёт приезда Джуги.

Или вот ещё два мифа, которые утверждались в серьёзных книгах. Так, в добротной в целом книге “Генералиссимус” Владимира Карпова публично утверждалось, что в октябре 1941 года в занятом немцами Ельце состоялись тайные переговоры, которые якобы благословил Сталин, наших генштабистов и немецкого высшего военного руководства о заключении перемирия между Германией и Советским Союзом.

Могло ведь показаться, что это правдоподобно. Немцы захлебнулись в сражениях первых месяцев, а Советский Союз, казалось, защищается из

последних сил. Немцы вроде бы хотели закончить всё с Англией, а Советский Союз получал передышку, не зная ещё, как поведёт себя Япония. “Бред, – сказал один из генштабистов, – полная чепуха”. “Не могло этого быть”, – сказал более осторожный мидовец, хотя в истории и бывают катастрофические ситуации, из которых можно выйти лишь “позорным миром”, который потом обернётся успехом или решающим фактором в истории. Ну, например, “позорный” Брестский мир 1919 года закончился поражением торжествующего победителя – Германии.

Ну, а вот ещё два мифа. Боевитый и талантливый советский генерал, орденоседец Власов сдался в плен немцам в 1942 году. А дальше, в силу каких-то психологических причин, – возможно, испугался, струсил, – перешёл на сторону немцев, получил в своё ведение целую армию, состоящую из пленных и частью из тех, кто сознательно перешёл на сторону фашистов.

Сомнений во время войны не было: **предатель!** Человек, перешедший на сторону врага и пользующийся оружием противника против собственной Красной армии, мог быть только предателем. Мало кто мог сказать слово оправдания для стреляющих по своим в минуту тяжёлых испытаний.

Но вот в конце 80-х – начале 90-х годов новые идеологи, выжигая всё советское, решили и Власова подать как идейного врага советской власти и коммунизма. Восстали ещё живые фронтовики, объективные историки, да и большинство советских граждан. Предатель и бывший враг индальгенцию не получил. Ах, как хотели его наши либералы “встроить” в “героический ряд” борцов со сталинизмом. Но предателя-генерала народ не оправдал, в герои не перевёл. Тут уж известный гоголевский мотив: “Я тебя породил, я тебя и убью”.

А вот другая фигура изменника и врага вдруг на Украине приобрела романтическую окраску героя и борца.

Когда я жил в 1945 году на Полтавщине, то сосед-дед называл Бандеру только бандитом, а наш военрук Иван Коробка, прошедший всю войну от границы до Сталинграда, а потом до Берлина, о Бандере говорил с ненавистью: “Ты знаешь, эти сволочи устраивали засады. Стреляли в спину моим солдатам”. И с гордостью говорил: “Украинцы – вторые после русских по числу героев Советского Союза и награждённых орденом Славы”. В Киевском университете, где я учился с 1951 года, наш комсорг Яшка Серищев всё ещё вздрагивал после громких хлопков дверью. “Я пять лет на работу ходил с пистолетом, был секретарём райкома комсомола в Западной Украине. Знаешь, ведь они никого не щадили. Эта УПА не щадила ни стариков, ни детей. Тысяча поляков, евреев, да и русских, которых на этой территории было не меньше, тогда погибли в 1941–1945 годах”.

Володя Сулима, мой знакомый украинец, говорил: “Разве я им могу простить, что они стреляли в спину бойцов Красной Армии, которая шла освобождать Европу? Моего дядьку убили. И вдруг эти люди не бандиты, не пособники злейшего врага Украины фашизма, а герои?”

Да, действительно, в большинстве семей Украины были бойцы, сражавшиеся в Красной и Советской армии за общую Родину – Советский Союз. За освобождение Украины от фашизма погибли сотни тысяч, а может, и миллионы воинов. Украинцы, все, кто живёт на Украине! Неужели потомки должны забыть своих отцов и дедов? Неужели из памяти украинцев должны быть вычеркнуты имена трижды героя Советского Союза, лучшего аса Ивана Кожедуба, маршалов Малиновского, Черняховского, Рыбалко, Лелюшенко, батьки Ковпака, партизан-молодогвардейцев и других сотен тысяч героев?

Неужели потомки миллионов забудут их, предадут их проклятиям?

Неужели целый народ можно обмануть?

История покажет. Ведь обманул же Гитлер немецкий народ. Но Сталин ещё в первые дни войны сказал: “Гитлеры приходят и уходят, а народ немецкий остаётся”.

Якутский Гомер

Когда наш пленум писателей приехал в Якутск в 1995 году, время было тревожное. Недавно был расстрелян Белый Дом, наш парламент. На Кавказе шла подлинная война. Строптивный генерал Дудаев не хотел подчиняться Центру, разрастался ваххабизм. Призыв Ельцина: “Бери суверенитета, сколько

можешь!” – стал претворяться в жизнь. Брала, хватала, воровали, под стать русским и еврейским олигархам. Кто ныне помнит Гусинского, Невзлина, Березовского, а тогда они были вершителями жизни. У притихшей и оцепеневшей державы всё распадалось, расчленилось, отчуждалось. То же происходило и с литературой. Вот был я в Башкирском Союзе писателей тогда. Башкирский председатель с гордостью мне говорил: “Вот только что двести писателей (откуда их столько?) были в Анкаре. Нам пообещали, что скоро башкир будут читать во всей Азии”. Нашим же либералам пообещали, что их скоро будет читать вся Европа. А интерес к ним упал, ибо все цели антисоветизма были исчерпаны, а подлинная русская литература Европу не интересовала, Азии вообще было не до литературы.

Президент Якутии, умный, осторожный, деятельный и высококультурный человек – Михаил Ефимович Николаев – чувствовал толчки, направленные на развал. Ему были чужды и крикливый сепаратизм, и чванливое пренебрежение Центра. Он много сделал для развития якутской культуры, оперы, театра и самобытных обычаев. Но как человек широкого кругозора, он искал точки соединения в слове, литературе. Позднее я его встречал, когда он как член Совета Федерации несколько раз бывал в Константиново, на родине Сергея Есенина: “Ищу здесь волшебный камень и секрет мастерства”, – шутил, а может, и не шутил он. Так вот, Николаев в 1995 году предпринял важный шаг к объединению писателей. Он, пользуясь могуществом алмазной компании АЛРОСА, заказал громадный самолёт ИЛ-62 в Москве и предложил писателям России, нашему Союзу, прилететь в республику, побывать в улусах, провести здесь пленум “В единении сила”. Не в Москве, не в кабинетах Ельцина, не в Министерстве культуры родилась эта мысль. Там занимались “распиллом” собственности Советского Союза и угрозой войны в Чечне. Мудрый и умный человек был Николаев, да и мы не простофили. После объединения в Орле искали общее литературное поле в стране.

В Якутск прилетели не простые люди, туристы, наблюдатели. Это прилетел отряд надежды. Может быть, и не все оправдали их, но среди них были Валентин Распутин, Василий Белов, Михаил Алексеев, Пётр Проскурин, Виктор Лихоносов, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев. Были и писатели из национальных республик. Среди них был и Суруно Омоллон, он же Сивцев Дмитрий Кононович, лучезарный человек, хранящий в своём сердце многовековую традицию якутского и русского народов.

Всего три случая. Во время пленума мы поехали по разным улусам. Небогатые, но прибранные избы, кое-где чумы, скорее для приезжих гостей, морозка с клюквой, строганина, конечно, чистая – нет, чистойшая! – вода. Из колодца? Нет, из погреба. Она оттаивает летом. Из чего же? Из вечной мерзлоты. Суруно Омоллон, как дитя, радовался нашим небольшим открытиям. В Якутии с нами вместе восхищался красавицей Леной. Скажу честно: такой величавой спокойной мощи я не видел никогда. А ведь плавал и по Днепру, и по Дону, и по Волге, по Оби и Енисею. А затем Дмитрий Кононович решил показать нам свой таёжный улус сверху. Как? “Да вот сейчас пойдём на смотровую башню и оттуда сверху и посмотрим”. Ну, думаю, метра три-четыре. А мы пришли к таёжной деревянной Эйфелевой башне. Сможем ли подняться? “За мной, за мной”. Если 85-летний заберётся, то и мы сумеем! Вот три, четыре, пять, шесть, на седьмом начинаем отставать – стыдновато... На десятом остановились передохнуть. А он зовёт нас выше! Необъятные дали, леса, прогалины, в которых озёра, вдали Лена. Да, мощь, сила, красота. Это стихия Дмитрия Кононовича.

Второй случай. Идёт пленум, выступают писатели из всех земель, в зале полно молодёжи. Слушают внимательно, придирчиво. Иногда чувствуешь, как коллеги лепят московскую несурязицу. Да, ладно. Выходит Суруно Омоллон. Все затихают, читает стихи на якутском, переводит на русский. И вдруг потрясающая речь, обращённая к якутским ребятам: “Идите в народ, слушайте его, учитесь у истоков. Вы – якуты. Это гордо. Но Вы никто, если не овладете самой высокой в мире русской культурой, животворным русским языком”. Он говорил долго, все молчали, а потом встали и аплодировали: наши аксакалы, молодые якутские парни, президент Якутии. Такой пламенный, спасительной речи, обращённой к русской культуре, я давно не слышал.

Наша власть во все времена не очень-то советовалась со старшими по возрасту. Не эксперты, не миллиардеры, не владельцы капитала. А если бы

в 1991 году пригласили Леонида Леонова (Шолохова-то уже не было), Михаила Алексеева, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Мустая Карима и того же Суруно Омоллона, то уж наверняка они бы высказались за сохранение Советского Союза. А когда я был в Чувашии, то поразился “Слову о русском народе”, с которым просветитель Иванов, энтузиаст, учёный, обратился к чувашскому народу с высоким чувством благодарности к нему, с пророческим, провидческим словом о русском народе. Давно хочу выпустить книгу, где удалось бы собрать слова о дружбе и взаимопонимании, о неизбежности великой общей жизни.

И третий. Звонит телефон. Сурун Омоллон: “Хочу приехать в Москву на своё девяностолетие”. — “Да, что ты, мы сами приедем”. — “Нет, нет, я должен отчитаться перед своим Союзом писателей”. Ждём. Приготовили зал в Союзе. Поставили высокое кресло. Посадили в него юбиляра. Зал полный. Выступают Распутин, Проскурин, знатоки национальных литератур А. Парпара и А. Дементьев, дагестанец Магомед Ахметьев, петербуржец И. Сабилло, смолянин В. Смирнов, белгородец В. Молчанов, учёные В. Гуминский, Е. Белозерцев, С. Перевезенцев и поэт И. Ляпин. Награждаем грамотой. Но что нас ждало впереди. На сцену вышел сам Сурун Омоллон, вынес какой-то мешок, наклонился, вынул тощую книжицу и под аплодисменты заявил: “1922 год. Это один из первых якутских букварей. Сочинил его я”. Аплодисменты! Достает ещё книжечку: “Это моя первая книжка прозы в 1926 году”. Аплодисменты. Ещё одну: “1928 год. Первая книга стихов”. Аплодисменты. “А это 1932 год. Первая моя книга пьес, драматургия!” Аплодисменты. Пауза. Вздохнул: “А вот за эту книгу меня сняли и объявили выговор, почти арестовали, хотя (хитро усмехнувшись) куда дальше Якутии сослать, — и не без гордости добавил, — а вот за эту книгу наградили”. Аплодисменты, аплодисменты. Казалось, что мешок бездонный. Вот так, с полным радостью, света, служения Родине человеком мы жили. Радует за себя.

Страшный дом

В Свердловске я первый раз появился в 1962 году. Город гордился своей боевой славой, своими традициями.

“Урал — опорный край державы”, — писал Твардовский. Да и студенческий центр тут был немалый. Я и приехал к студентам. Меня для начала решили “макнуть”. Повели в УПИ (Уральский политехнический институт) — “крупнейший в стране” (гордо говорили уральцы, правда потом поправлялись — после МВТУ, хотя поправлять можно было и дальше: после Ленинградского, Киевского, Харьковского...). Ну, не крупнейший, так более разнообразный, работающий не только на Москву, а на всю Сибирь и Урал.

Покойный Володя Мордкович, один из вожаков студентов Свердловска, безапелляционно сказал: “Сегодня едем в УПИ к самому председателю общей организации комсомола института”. Видя моё недоумение, объяснил: “Ну, у нас так называется секретарь”. Я пожал плечами, но неожиданно настоял, чтобы прежде мы сходили в общежитие УПИ. Когда пришли в институт, поднялись по парадной лестнице с коврами, вошли в комнату, которая называлась “Приёмная комсомольского штаба”, девочка забежала в кабинет и торжественно заявила, выйдя из него: “Вас ждёт председатель!” Я шагнул вовнутрь. Кабинет был метров под 30 длиной. За столом сидел и что-то писал крепкий молодой человек. Он не встал, не вышел из-за стола, а молча показал на стул перед ним. 30 метров я прошёл медленно и сосредоточенно. Что там министр высшего образования, у которого мы бывали не раз? Председатель сидел под сенью двух перекрещенных знамён — как бы в их ореоле. Медленно встал и медленно рассудительно сказал: “Председатель объединённой организации Житенев, — подумав, добавил, — Владимир Андреевич”. Я, пригасив усмешку, доложил: “Инструктор студенческого отдела Ганичев Валерий”. Житенев пригласил присесть, затем полчаса рассказывал про УПИ и милостиво спросил: “А вы-то с чем пожаловали?” Я скромненько сказал: “А вот бытом и условиями жизни студентов интересуюсь. Я тут был в вашем общежитии УПИ. Не убрано, грязноватенько, да и холодно, студенты в пальто ходят в комнатах”. Житенев, блеснув глазами, встревоженно спросил: “Кто же Вас туда пропустил?” — “Да вот, Владимир нас туда провёл”. Тут уж вся сталь глаз обратилась к Володе. Тот поспешил ответить: “Да ведь инструктор-то из Москвы

потребовал, а Вы знаете: столица для нас указ” (сьехидничал). Беседа сразу перешла в другое русло, пошли объяснения и обещания. Поставить на место гостя из Москвы не удалось. С Володиёв Житеневым мы потом подружились — он был добрый и внимательный человек, помог, будучи в ЦК партии, “продвинуть” документ о передаче Оптиной пустыни Церкви, подписанный Г. Свиридовым, В. Распутиным, космонавтом В. Севастьяновым, академиком Н. Толстым, мной на рассмотрение Совмина и Политбюро.

А вообще уральское землячество в Москве было крепкое и мудрое, хотя и выпивающее (на то и опорный край державы...) Так, Саша Куклинов, бывший первый секретарь обкома комсомола, рассказал, что он, как и многие тогда, засиживался на работе до десяти и одиннадцати вечера. Вдруг звонок: “Куклинов?” — “Да”. — “Ты до сих пор на работе?” — “Да”. — “Зайди ко мне — это Николаев говорит”. Николаев был первый строгий секретарь обкома партии. “Я иду, — размышлял Куклинов, — в обком в 10.30 вечера, секретарь застал меня на работе, видит моё усердие, похвально!” Захожу. Николаев встает, подводит меня к окну и показывает: “Видишь?” Молчу, потом неуверенно говорю: “Деревья, кресты...” А напротив райкома было расположено тогда старое кладбище. Его не разрушили: много знатных людей было. **“Так вот это всё незаменимые** — так они считали! — вот сейчас в могилах лежат. Запрещая тебе после семи, в крайнем случае, после восьми вечера работать, — и, не сказав больше ничего, подтолкнул к двери. — **Иди, незаменимый”**. С тех пор это слово у нас носило ироничный и даже издевательский характер.

Но, пожалуй, главное, трагическое и даже историческое значение имело для меня было посещение Ипатьевского дома — того Лобного места России, где расстреляли императора Николая II и его семью. Во всех перипетиях расстрела я тогда не очень разбирался, преподаватели говорили об этом глухо и неохотно. Много позже я узнал много о трагической гибели царской семьи, но и тогда, в начале 60-х годов я испытывал мистический ужас, как и многие, перед этим местом убиения.

Володя Мордкович на третий день сказал: “Завтра пойдём в Ипатьевский дом”. — “А он разве не закрыт?” — “Мне в исполкоме пообещали на полчаса открыть”.

Я не знал, надо ли согласовывать ещё с кем-нибудь посещение этого трагического места, но, конечно, согласился. Честно, не помню многое из этого посещения, но сырой, затхлый воздух охватил нас, когда мы спускались в подвал. И скрип этот ужасный, пронзительно-зловещий скрип разошедшейся лестницы, по которой спускались в 1918 году вниз, в подвал, царствующие стратотерпцы. Скрип — скрип — скрип! Казалось: история продолжает выплывать звуками того времени. Мы вошли в нижний зал, рука невольно потянулась ко лбу. Володя этого, казалось, не заметил. Комендант дома что-то говорил: о том, что на стене до недавнего времени проступали следы от выстрелов, что-то ещё, но я поторопился к выходу. В голову проникала какая-то тень. Непонятная боль сдавила грудь, стучало в висках. Вышли и долго молчали. Я попросился сразу в гостиницу, от вечерней встречи отказался. Было сумрачно, по улицам, как всегда, тянулся мокрый туман.

Когда почти через тридцать лет я рассказал Солоухину об этом зловещем, ещё сохранившемся помещении — месте русской Голгофы, — он глубокомысленно сказал: “Этот город зловещей печатью с тех пор отмечен. Вот и Ельцина он России подарил. И пока не изменит это зловещее название Свердловск, то житья ему не будет, — и чувствуя, что надо ещё что-то доказывать, добавил: — А всем городам с именем цариц не повезло. Вот Екатеринославль сменили на некоего никому не известного Петровского, сейчас хохлы подыскивают городу новое название. А Екатеринодар сменили на Краснодар. Сколько крови казачьей пролилось там? А вот именем царицы был назван симпатичный город Елизаветград. После революции — в этой губернии родился Троцкий — город решили назвать Троцк, но не успели: Сталин с Зиновьевым и Каменевым свергли Троцкого, назвали город Зиновьевском. Ан и тут не вышло: “посадка” Георгия, и Зиновьевск меняют на Кировоград. Сейчас, говорят, ищут какого-нибудь гетмана, чтобы назвать его именем. Так что будь уверен: Свердловск не удержит своего названия”.

Да, меняется и история, и география, хотя вот некоторых цареубийц и их родственников я ещё видел. Так, на XIV и XV съездах комсомола была дочь одного из организаторов расстрела — Римма Юровская — в качестве почётной

гостя... Неисповедимы пути Господни! Похожая на одну из известных правозащитниц, она уехала потом, кажется, в Израиль. Хотя террористов там тоже не любят.

Отцу плохо...

С 1 сентября 1964 года я работаю в журнале “Молодая гвардия” заместителем главного редактора Анатолия Никонова. Фигура известная. Его два раза снимали с работы (один раз даже решением ЦК партии), но он каждый раз “всплывал”. Крепок орешек для либеральной “оттепели”, даже доклады, как говорят, с самим Павловым (первым секретарём ЦК комсомола) пишет. Умный, твёрдый патриот, советский до корня человек, фронтовик, из семьи потомственных интеллигентов. Неплохие вещи даже модных “эстрадных” поэтов помещал. Вот А. Вознесенского поставил в номер, но сам в это время предусмотрительно уехал. Выговор, правда, выносили мне, но потом оказалось, что это была демонстрация для “старших товарищей”. Я обиделся, но заведомо бумажку о выговоре разорвал перед моим носом. В награду, что ли, или в компенсацию за обиду меня послали в молодёжный Олимпийский лагерь в Японию на Олимпийские игры в октябре 1964 года. Нас было 4 человека, когда мы через нашу Находку и японскую Йокогаму, сливающимся со столицей, прибыли в Токио на пароходе, то с трудом нашли там Олимпийский лагерь, в котором были спартанские условия: двухъярусные койки, очереди в душевые и туалеты. Но это чепуха, нам не привыкать! Зато дали несколько билетов на Олимпийские игры. Нам достался бокс и тяжёлая атлетика. В боксе блистательно выступал наш Виталий Попенченко (позднее я выпускал его книгу). 10–15 секунд – и соперник в нокауте на полу. В полуфинале мы только разместились на сидениях, как боксёры объявлены, они расходятся, и противник уже летит. Публика ревет от восторга, но недовольна, что так быстро закончилось зрелище. В общем, было ещё несколько посещений соревнований Олимпиады, но немного. Мы предприняли интересный ход: аккредитовались от наших журналов “Смена”, “Вокруг света”, “Молодая гвардия” (бланки с печатями у меня были). Нас аккредитовали. Блестяще. Дальше были свободные посещения (журналистов везде пускали и привечали). Бывали мы и на массе приёмов. Например, когда мы приходили в отель “Отани”, единственный высокий, сейсмически устойчивый небоскрёб, то к нам бросились щегольски одетые в тёмные модные костюмы молодые люди в белых перчатках, которыми стали вытирать наши туфли, немало смутив нас. Перчатки они уже выбросили и посадили нас на низенькие лавочки, перед которыми очаровательные девушки (“гейши”, – шепнул немало повидавший Генрих Гурков, а нам-то что – дюймовочки симпатичные!). Они устроили нам получасовую “чайную церемонию”, поворачивая и взбалтывая чайнички и чашки. Любопытно, познавательно, но долго. Так что Япония представлялась нам во всех своих ракурсах: технологических, компьютерных, национальных. По главной улице Токио Гинзе мы ехали однажды 2 часа (пробки!). Вот ужасы капитализма! Конечно, нынче по “пробкам” мы сравнялись с Токио. Двигаемся к прогрессу! В общем, было много впечатлений, но одно из главных – мы устали от жары и смога Токио. Пошли ночевать на наши корабли, где нам была оставлена 4-местная каюта. Это было 23 октября. А утром спокойно слушаем последние известия, и вдруг раздаётся голос, вполне смахивающий на левитанский, и говорит, что состоялся пленум ЦК КПСС, который отправил на пенсию Никиту Сергеевича Хрущёва. Генеральным секретарём партии избран Леонид Ильич Брежнев, Председателем Совета Министров – Александр Николаевич Косыгин, а Председателем Президиума Верховного Совета СССР – Николай Викторович Подгорный. Мы, как и все советские люди, были ошеломлены. Не тем, конечно, что Предсовмина и Председатель Верховного Совета должны избираться Верховным Советом, а тем, что ушёл Хрущёв. Звоним в посольство – телефоны молчат, в Олимпийскую деревню – там всё время занято. Туда мы и мчимся, благо пропуск у журналистов был свободный. Все встревожены, стоят кучками. Подходим к группе руководителей: Юрий Машин – министр спорта тогда, Александр Камшалов – секретарь ЦК комсомола, генерал КГБ – ответственный за безопасность делегации, пытаемся вклиниться в разговор. Камшалов отмахивается: понимаете, провокация, везде распространены на английском и на русском листовки, что-де у нас

смена власти, ушёл Хрущёв, стали Брежнев, Косыгин, Подгорный. Собираемся заявить протест. Никакая не провокация – мы сами слышали по радио из Москвы. Все сразу обернулись к нам, смотрели с подозрением. Вдруг Камшаров хлопнул себя по лбу: так вот почему вчера стремительно, через Карачи (Пакистан) улетел Сергей Павлов. Получил телеграмму: “Срочно вылетай, заболел отец!” Павлов мгновенно и вылетел. Нам стало ясно, кто такой отец. А ведь истинный отец у Павлова, кажется, уже умер. Фактически Олимпиада для нас закончилась. Через несколько дней наш корабль взял курс на Находку.

Маршалы не шутят

Молодёжь — залог Победы.

Жуков

Возможно, для меня это был главный разговор о судьбах и причинах войны, и этот разговор был с человеком военным, который много потерял, иной раз проигрывал, но страна звала его Маршалом Победы. Уже прошло четверть века, как окончилась Великая война, но она была Отечественная, т. е. война всего Отечества. И теперь споры о ней не утихают. Франция, которая за 40 дней потерпела поражение от Германии и склонилась перед ней, упивалась миром и победой, подаренной ей союзниками, – в первую очередь, Сталиным: он хотел видеть в ней противовес Англии и США. Англия радовалась, что осталась живой, хотя подспудно понимала первенствующее место России в победе, но отдавать ей пальму первенства не собиралась. Ну, а Америка получила невиданные барыши (кому война, а кому мать родна!), хотя мы не можем не помнить её высоких и радостных парней, которые тоже сражались за победу.

У нас уже тогда, к началу 70-х, прошло, по крайней мере, три коренных переоценки войны.

Первая, послевоенная, когда меньше старались говорить о жертвах. Из оборота вывели цифру 19 миллионов погибших мирных жителей, да и 9 миллионов военных. Много!

Вторая, хрущёвская – воевали плохо, трупами завалили страну, Верховный командовал фронтами по глобусу.

Третья, уже в 70-е годы, при Брежневе, – уважение к фронтовикам было восстановлено. Слава и блеск Сталинграда, Курска, Прохоровки чуть поблекли, возгорелась звезда Малой земли, правда, потом всё устоялось. Стали выходить мемуары военачальников, маршалов и генералов. Контроль ГлавПУРа, конечно, был, и не всё проникало в прессу. Помогала понята художественная литература. Ведь далеко не всё было понятно.

И, честно говоря, чем дальше мы оказываемся от Дня Победы, тем более непонятно, как, каким образом, какими силами, в результате чего мы победили, ведь дьявольская сила врага становится всё более явственной, громадной, почти неуязвимой. И каким образом, какими усилиями в окружении врагов мы приобрели видимых и невидимых союзников?

И вот тогда мы оказались с юбилейным адресом у маршала Жукова. Мы уже были пять лет назад у великого маршала. Тогда уже получили незабываемые впечатления. Во-первых, когда мы вручили ему большой и изящный однотомник Шолохова, то военный до косточки человек произнёс: “Любимый писатель”. Великая воля склоняется перед великим писателем, его талантом. И ещё, замечательную поэтическую книгу выпустили мы тогда – “О русская земля... Антология русской поэзии”. Маршал сказал тогда: “Мы на фронте высоко ценили патриотическую поэзию”. Всегда вспоминаю эту великую стратегическую фразу! Способны ли сегодняшние власти это уразуметь?

В год 75-летия мы тоже пришли с кучей гостей. Сам Цеденбал, который был с Георгием Жуковым на Халкин-Голе. Был там и министр внешней торговли Патолитчев, и другие. Мы после них зачитали адрес, выпили по рюмке коньяка и задали несколько вопросов. Когда заканчивали, то долго не решались показать свою некомпетентность. Я задал вопрос: “А всё-таки, почему мы победили, товарищ маршал?” Сурен Арутюнян, секретарь по оборонно-спортивной работе, с недоумением и даже возмущением взглянул на меня. Маршал, заметив повышенную тревогу, остановил её и поднял ладонь: “Правильный вопрос”. “Знаешь, – обратился он почему-то ко мне, – мы от нем-

цев отставали до войны, нагоняли. Возьми, генералы немецкие – стратеги. Мы у них учились в штабах, книгах, на картах. Это же известные всем Клаузевиц, Шлиффен, Мольтке, прусский офицер, – покачивая головой, сказал маршал, – это же военная косточка, он ведь не с довоенной поры, а от Фридриха Великого. Немецкий солдат, – с огорчением продолжал он, – он же был **победоносный** солдат к началу войны. Францию почти за сорок дней разгромил. Бельгию и Данию взял за два дня. Польша повержена. На Норвегию пять дней хватило. Греция у его ног. На Крите – боевой воздушный десант. Он и нас за месяц хотел раздавить, тем более что лучшие образцы техники у нас появились к концу 42-го”. Маршал замолчал, налицо набежала тень тёмных месяцев. Он снова отвердел и чётко сказал, почти провозгласил: “Мы победили потому, что у нас был **лучший, молодой солдат, боевой, подготовленный духом и мужеством**. Ведь когда начала работать на всю мощь молотилка войны, он-то и выстоял”. Говорили ещё, но в ушах стояло **“лучший молодой солдат”**. Когда выходили, Сурен сказал: “Может быть, пошутил, польстил нам, ведь приходила молодёжь?” Витя Байбиков твёрдо сказал: “Маршалы в серьёзных делах не шутят”.

Аксаковские дни возрождают Россию

Угасают очаги нашей культуры. Пока какой-нибудь писатель или известный артист не возьмётся за возрождение.

Один из таких подвижников – Михаил Чванов из Уфы. Как ему удаётся уже более двадцати лет проводить Аксаковские дни в Башкирии? Это ведь надо было разъяснить, разжевать, втолковать местной власти, что Иван Аксаков, все Аксаковы – национальное достояние. Надо было достать сердце и душу богатых людей республики, чтобы они отщипнули, а то и отвалили немалые деньги, чтобы создать, восстановить, а прежде – вернуть Дом Аксаковых обществу, превратив его в подлинный факел просвещения, пробить тропу, а потом и дорогу к возрождению села Надеждино, их бывшей усадьбе, к восстановлению церкви, библиотеки, дороги, сносного жилья вокруг. Кто не видел пустынной, полустепной округи тогда, а видит только воздвигнутые сегодня сооружения, храм, дом-музей, тому кажется, что всё обычно. Не понимая, не ощущая, сколько души, сердца, да и слёз невидимых пришлось отдать людям для возрождения этого уголка России. Тут каждый уголок можно назвать уголком Чванова, а он-то назовёт другие имена, других людей, сподвижников, далёких и близких. Спасибо ему и сотоварищам, что тут у нас очаг духа и знаний.

Помню, приехал с делегацией Союза писателей, да ещё и с сирийцами, во главе которых был великий борец за Сирию, возглавляющий тогда Всеарабский союз писателей, Али Акля Арсан. Вечер в Уфе. Арабы, да многие и наши писатели постигают духовную суть Аксаковых, их необходимость для сегодняшней России и мира. Утром выезжаем. Первая встреча – в русской Александровке, где только что женщины достали из сундуков такие потрясающие платки, где сохранили столько русских народных песен! На столе – огурчики, грибы, пирожки, да и медовуха рядом. Красота, полнозвучный фестиваль! Но нет, едем в соседнюю деревню, а там родился классик чувашской литературы Яков Усхай. Тут уж старались чувашки. Море разлитое песен, костюмов, вышивок – прямо как декада чувашской культуры в Москве в доперестроечные годы и, конечно, угощения...

Далее попадаем в село самого Мустая Карима, мудрого, спокойного, влюблённого в родину писателя, в котором течёт и башкирская, и татарская кровь. Мы его не раз издавали в “Молодой гвардии”. Он никогда ничего не просил, приносил рукопись и скромно говорил: “Почитайте, если понравится, на какой-нибудь год поставьте”. С удовольствием. Он вместе с Расулом Гамзатовым, Кайсыном Кулиевым, Давидом Кугультиновым, Чингизом Айтматовым составляли крепкое ядро национальной литературы Советского Союза. После беседы – угощение. На скатерти-самобранке – национальные вкусы.

Впереди – татарский город Билибей. Татары в Башкирии – большая часть населения. В Билибее – хлеб-соль на входе, в забитом дворце культуры – наши выступления, концерт народной и симфонической музыки. Большой и знатный город Билибей. Глава администрации подмигнул и сказал, что только что получили золотую медаль за водку, что признана в России лучшей.

И далее Надеждино. Снова песни, добрые слова, угощение. Сириец Али Акля Арсан, не раз бывавший в сражениях, прослезился: “Всё похоже на сон, на Ваши советские фестивали, правда, тогда без мечетей, – поправился, – без церквей”. Да, это были малые фестивали, которыми и держался ещё дух России.

Ехали обратно, пошёл дождь. Автобус подёргался и застрял. Я посмотрел: одно колесо висело над пропастью, другое – спустило. Что делать? Миша ушёл за трактором в деревню, до которой было 10 километров. Я возвратился в автобус и нашёл всю делегацию в одном углу, где дружно пели русские народные казачьи, советские песни. В ударе была Татьяна Петрова. В песенных заводилах была и моя жена Светлана, а дирижировал бывший министр культуры Юрий Мелентьев, подпевали и сотрудники ИМЛИ. Через два часа пришёл трактор и вытащил нас. Но этот фестиваль над пропастью был у нас у всех в памяти на долгие годы. А Мише Чванову с его неуступчивостью и твёрдостью, с его великим Служением, хочется поклониться.

Знак святого адмирала Белые лебеди из-за... кораблей

2003 год. Мы с женой Светланой получаем приглашение на день рождения митрополита Кирилла. Летим из Внуково-3 небольшим самолётом в Калининград. Люди почтенные, известные в церковном и светском мире. Прежде всего, митрополит Киевский и всяя Украины Владимир. Размеренный, с каким-то чувством умиротворения и убедительности владыка Владимир нравился всем.

Прилетели и помолились в храме Спаса Нерукотворного (Христа Спасителя), который долго и тщательно возводился под началом самого Кирилла – митрополита Смоленского и Калининградского.

Вечером за трапезой со всеми священнослужителями я со страстью рассказал, какие чудеса происходили в Санаксарском монастыре во время прославления Фёдора Ушакова в 2001 году. Тогда день был сумрачный, тучи покрыли всё небо, и, казалось, вот-вот хлынет дождь. И в тот момент из часовни, где были святые останки Фёдора Ушакова, когда адмиралы взяли на свои плечи гроб и сделали первый шаг, тучи расступились, солнечный столб ударил по выносящим, стало солнечно и светло, и на небе образовался крест, который сфотографировал Вадим Арефьев. Потом, когда уже мощевницу адмиралы стали передавать иерархам, где-то задержался монах с плащаницей, а командующий Черноморским флотом сорвал с древка Андреевский флаг и торжественно сказал: “Под этим флагом-плащаницей ему и входить в мир святых!”

Рассказывал с энтузиазмом. Многим запомнилось.

Наутро в Балтийске – месте стоянки Балтийского флота – должен был в 9 часов состояться молебен. Митрополит должен был передать местному храму икону святого адмирала с частицей его мощей. Когда подъехали – моросил дождь, что для Балтийска дело обычное, ноябрь. Но как только владыка Кирилл начал службу, облака стали расступаться, появилось солнце. Епископ Балтийский Серафим обернулся ко мне и с сияющими глазами сказал: “Как при прославлении в Санаксарах”. Да, это было очередное чудо: облака уходили, осеннее солнце ласково осветило всю процессию. А после службы гарнизон строем прошёл перед иконой, получая благословение митрополита. Как мне удалось заскочить в адмиральский катер, который вёз икону? В рупор командующий поздравлял экипаж каждого корабля, ровно выстроившийся на палубе. Митрополит благословлял их, громовое “ура!” неслось над бухтой. Было светло, возвышенно и радостно, и вдруг из-за последнего боевого корабля выплыла стая белых лебедей! Откуда? В конце ноября, здесь, на торжестве – белые лебеди?! Я с подозрением посмотрел на адмирала: умеет флот организовывать сюрпризы! Он же с растерянностью смотрел на белых вестников чуда и сказал мне: “Не знаю – откуда...” Да тут можно было и не доискиваться до причин. Объяснение – знак от святого адмирала. Он являл свою духовную поддержку Балтийскому флоту, где он в С.-Петербурге и Кронштадте начинал свою земную жизнь.

“Не может быть, – сказал Суворов, – что Чёртов мост не перейти”

Эти слова я часто слышал от моего дяди Бори, тракториста и комбайнёра. Я не очень понимал их смысл, пока не посмотрел довоенный фильм “Суворов”, где его богатыри-воины преодолели неприступный горный швейцарский перевал Сен-Готард и мост через глубокое ущелье. Они атаковали наполеоновских, французских солдат, разобрали стоящий рядом дом, организовав переход через **Чёртов мост**, как называли его русские воины.

Этот бросок через горы и перевалы прочно вошёл в военно-исторические анналы как блестящая операция. Даже Фридрих Энгельс, считая себя знатком военного искусства, недолюбливая русских, признал этот альпийский переход Суворова блестящим. Да, Суворов, вопреки всему – превосходил врага, измене австрийцев, крутости горных перевалов – вырвался из кольца окружения, спас армию. Оказывается, генералиссимус, готовясь к итальянской операции (я обнаружил это, когда писал роман “Росс непобедимый” и изучал в архивах приказы и рассуждения Суворова), в своих планах и расчётах описал все факторы и ресурсы похода. В этих расчётах – количество войск, пороха, гужевого транспорта и т. д. русской армии и австрийцев, и французов. Одним из важных пунктов, который он обозначил как стратегический: **“Возможность измены союзников”**.

Вот так главнокомандующий принимал расчёт. Если бы мы были столь же предусмотрительны, то поражений было бы меньше. Так вот, с тех пор, как я посмотрел этот фильм “Суворов”, очень захотел попасть в Швейцарию, поглядеть на Чёртов мост. Вдруг в 1967 году КМО посылает меня вместе с комсоргом МГУ Олегом Балашовым в Швейцарию встретиться с местной молодёжью.

Когда прилетел, то встречавший нас пресс-атташе посольства сказал: “Вот сразу три страны увидите – Германию, Францию, Италию”. Действительно, в Цюрихе вечерняя жизнь (или ночная) заканчивалась в 8-9 часов: закрывались бары, кабаре, увеселительные заведения. Жители сидели дома, пили вечерний чай, отходили ко сну. Это – немецкая часть. На следующий день – Женева. Шум, гам, политические митинги (выбирают мэра), спорят в кафе, музыка играет. Конечно, посмотрели здание Лиги наций. В своё время Женева играла роль миротворческой столицы, но загасла: сначала Гитлер пригласил её свет, а потом Америка забрала под своё крыло ООН. Но всё равно – шумная и весёлая Женева. Это была уже почти Франция.

Когда проехали сквозь страну на юг, то попали в город Лугано, где нашли гостиницу, заказанную заранее, вошли внутрь. И – не совсем обычное для нас зрелище: у стойки стоял высокий стул, на котором сидел полицейский, а на его коленях сидела весёлая, жгучая брюнетка, которая, увидев нас, замахала руками: “Советико, советико!” – схватила ещё бутылку вина и, несмотря на наше слабое сопротивление, наполнила и вручила нам по бокалу замечательного вина. Ну, тут ясно – Италия. Но это всего лишь одно впечатление. Ясно, что их могло быть и было больше. Свои дела мы сдесли. И я, конечно, попросился на Сен-Готард. Да, он и в то время производил грозное впечатление, хотя кругом были уютные долины и сады. Я долго стоял у этого великолепного символа победы русских солдат. Услышав русскую речь, подошёл владелец дома-гостиницы, пригласил в гости и сказал: “Вы должны здесь поставить памятник – нет, не военным, он уже есть, – а великому русскому поэту Пушкину, ведь вы страна великой культуры!” И вот через 50 лет наш посланец Союза писателей Новосёлов Игорь Петрович установил здесь бюст великого поэта. Чёртов мост стал уютнее и ближе.

И ещё одно важное впечатление: три равноценных государственных языка, да ещё и романский в придачу – это Европа, а те, кто пытаются запретить русский язык – это не то что не Европа, даже и не Азия, а глухая Африка.

Лукашенко: “Я на ваших книгах воспитывался”

В начале 90-х годов Белоруссия и её лидер выстраивали собственную, независимую от олигархата политику. У нас весь либеральный, прозападный лагерь клеймил Лукашенко за нежелание провести “прихватизацию” по типу грабительской российской. Но Союз писателей России поддерживал “батьку”. Белорусы нас пригласили в 1999 году. Неожиданно появилось много желаю-

ших проявить свою солидарность с Белоруссией. Пришлось отбирать. Конечно, Егор Исаев, В. Распутин, В. Белов, В. Карпов, И. Ляпин, В. Сорокин, П. Проскурин, С. Лыкошин и т. д. Всего 30 человек. Решили сначала съездить по всем областям Белоруссии. Вот Игорь Ляпин был с группой в легендарном Бресте. Там и появились его легендарные стихи: “А в Бресте? Всё на месте”. Вообще Игорь Ляпин был замечательный поэт-лирик и гражданский поэт. С одной стороны, у него вроде бы не было эстрадной телевизионной славы, а с другой – у него была большая, вдумчивая, серьёзная аудитория.

Мы же поехали в Витебск, типичный русский губернский город в новых реалиях. Привожу два случая. Первый – были на обувном заводе, как говорится, “капитализм с человеческим лицом”. Владельцы – умелые управленцы, связанные с итальянской обувной промышленностью, многое там позаимствовали, привезли интересные лекала, стали выпускать добротную и дешёвую обувь (даже мне Светлана купила за 200 (!) рублей осенне-зимние туфли, которые до сих пор ношу). Но, может, самое приметное и знаменательное для нас – те социальные, социалистические блага, которые были у наших рабочих в прошлом (профилакторий, детсад, грошовая, но вкусная столовая, поощрение лучших, забота о женщинах и т. д.). В цехах – цветы, поют птицы. Эх, поют ли они сегодня?

Эдуард Володин, когда мы приехали, рассказывал об этом с вдохновением и прибавлял: “Вот смотрите, нам... подарили туфли”. И показал на купленные им штиблеты. Некоторые члены пленума обиделись: “Почему нас не взяли?”

А вот второй случай: с нами в группе был Герой Советского Союза, последний Председатель Союза писателей СССР Владимир Васильевич Карпов. Все знали, что он был боевой разведчик, привёл с собой то ли 74, то ли 84 “языка”. Когда мы выступали в Витебском университете, получали записки из зала, и я вдруг вижу, что Владимир Васильевич, зачитав записку, побелел и без объявления пошёл к трибуне. “Я получил записку: “А что Вы чувствовали, когда убивали человека?” Я скажу Вам твёрдо: *ни одного человека* я не убивал, а вот нелюдей, мерзавцев убивал и до сих пор виновен и каюсь, что не убил больше”. Потом был рассказ, как он после беседы с самим маршалом Черняховским был послан как разведчик в оккупированный немцами Витебск, чтобы получить разведданные обо всех огневых точках врага, которые подготовили местные партизаны. И в проникновении в город самой тяжёлой была часть пути, когда немцы издевались над женщинами, на их глазах убивали детей, а он не мог вступить: надо было выполнить задание командующего фронтом, а потом по тем данным обезвредить огневые точки. Он выбрался от наших разведчиков, выстрелив, убежал от немецкого патруля и раненый преодолел колючую проволоку. Получил звание Героя Советского Союза, но до сих пор кается, что не убил того немца, что расстреливал нашу женщину. Но тогда бы он не спас тысячи солдат, наступавших на Витебск. До сих пор совесть неспокойна. “А людей я не убивал – ублюдков только”. Зал молчал долго, потом зааплодировал и встал.

В последний день пребывания в Минске нас принял президент А. Г. Лукашенко. Он зашёл в зал строгий, подтянутый и чрезвычайно серьёзный. Я представил всех наших. Он стоя кивнул, вытащил из внутреннего кармана бумажку и вдруг отбросил её и доверительно сказал: “Да что я вам выступление читать буду. Ведь я на ваших книгах воспитывался”. Сразу стало как-то теплее и светлее. Далее был разговор обо всём, что происходит в республике и мире. “Только обращение к жизни народной укрепляет литературу”, – закончил он. Мы и не возражали, для нас в этом был смысл.

Уезжали с уверенностью в братстве, дружелюбии и единстве с белорусами: они с нами читают одни книги.

Глубина жизни

Человек этот был необычайный, да человек ли это был или некая сила, которой было подвластно всё. Он, конечно, лечил, совершая хирургические операции, но он изменял людей, совершая невероятные пластические операции.

В Советском Союзе они были запрещены, но, когда понадобилось “склеить” одного из соратников Юрия Андропова, на такие операции было получено негласное разрешение, которое, однако, значило более, чем приказ

Минздрава. Но не этим только был славен на весь мир академик и директор Рижского института травматологии Виктор Константинович Калберз. Его пациентами были многие жители Советского Союза, Германии, Анголы, Кубы, Польши. Сам Фидель Кастро обращался за помощью для своего телохранителя, который закрыл своим телом вождя революции. Самым болезненным для молодого кубинца было то, что он получил ранение в “причинное место” и стал недосягаем для кубинских девушек (или, скорее, они для него). Виктор Константинович сделал невозможное и восстановил мужское достоинство кубинского *барбудос*.

Космонавты Береговой, Леонов, Зайцев и другие присылали приветственные адреса кудеснику, излечившему их от многих травм. Но особую рабочую репутацию приобрёл он, будучи главным хирургом Советской Армии в Афганистане. Там он неустанно лечил, оперировал раненых солдат, союзников и моджахедов. Целая школа афганских травматологов выросла там под руководством Калберза.

Я появился у него довольно случайно. В 1981 году я попал в очередную автокатастрофу (их завидное постоянство заставляло некоторых моих друзей усомниться в их случайности). Я же решил не разбираться, а сосредоточиться на излечении. Первый и второй гипс держался до полугода. Когда сняли первый гипс, вроде бы всё было нормально – лопатка срослась. Со вторым было похуже: конечно, разворотило нос, видок был ещё тот. Но главное – гипс стягивал правую руку и всё тело до пояса. Но я не унывал. Побыл в Боткинской больнице, в Склифосовского. Левая рука была свободна, но я так и не научился ею писать, а правая высывалась половиной кисти, так что тоже не писалось. На долечивание и снятие гипса друзья-товарищи отправили меня в ЦИТО. Там слегка повозились и сняли гипс. Всё хрустело. Рука не очень двигалась. Врачи, правда, говорили, что это естественный процесс, выписали домой, но при проверке на рентгене выяснилось, что образовался “ложный сустав”, а это значит: рука снова не работает. Одни говорили, что нужно ломать предплечье на те одиннадцать осколков, которые были обнаружены при переломе. Штука, не очень приятная. Что делать? Говорят, надо обращаться в Курган к доктору Елизарову. Он разработал метод исправления и вытягивания костей. Елизарова я знал: мы поддерживали его в “Комсомолке”, когда официальная медицина относилась к нему с подозрением. Позвонил ему, встретились в гостинице “Россия”, он пообещал посмотреть. Правда, в этот же вечер позвонил чемпион мира по прыжкам в высоту Валерий Брумеля, чью книгу, где немало было посвящено ему, что Елизаров лечил Брумеля, я издавал. Валерий сказал, что следует ещё раз издать его книгу в “Роман-газете”. Как-то не хотелось свои беды исправлять таким образом. И вдруг звонок: “Фёдор Углов говорит! Во-первых, ты почему у Когана в ЦИТО лечился – он же халтурщик. А во-вторых, поезжай в Ригу к доктору Виктору Калберзу. Он всё делает, что Елизаров, только лучше”. Академик Фёдор Углов был величина мировая, и на следующий день я и встретился в Москве с доктором Калберзом, который сразу мне понравился своей статьёй, рассудительной готовностью и вниманием: “Приезжайте в Рижский институт травматологии, я там директор. Ручку склеим”. Перед Новым годом я там был. Виктор Константинович, не мешкая, сделав все снимки, кость раздробил на те осколки, которые и были во время травмы, и провёл уникальную операцию. В каждый из кусочков была пропущена спица, которая закреплялась в конце шурупчиком. Делал он операцию без общего наркоза, чтобы яснее чувствовалась реакция нерва, который и стягивал руку. Чтобы я не запаниковал или не заснул, он рассказывал мне затейливые или смешные истории. Все одиннадцать спиц были пропущены сквозь осколки, и каждый день по микрофону или миллиметру их стягивали в единое предплечье. Постепенно я стал отходить. Вид был некий космический, и только потом я ощутил и понял, какая филигранная и ответственная работа была проведена над моей рукой. “Он молодец, – говорил Виктор Константинович моей жене Светлане, – не стонал, не терял сознание”. А молодец-то был он, проводя операцию, чётко следил за самочувствием больного и его сознанием. “Вам задача: творог, холодец, в общем, всё, что склеивает кости”. Светлана и была со мной все эти месяцы. Она приглашала на ночь (у меня был отдельный выход) на вечерние, вернее, ночные беседы Валентина Пикуля и его супругу Антонину. Это были запоминающиеся и плодотворные бдения. Мы оба в то время были в XVIII ве-

ке. Он писал “Фаворита”, а я – “Росса непобедимого”, и досконально знали, как тогда создавалась Новороссия.

Короче говоря, через шесть месяцев Виктор Константинович спицы вынул, колесо снял. Моя правая рука работала безупречно, и порой создавалось впечатление, что даже лучше левой.

Годы прошли, пути наши пересекались, но вот всеобщая катастрофа – распад Советского Союза. Калберз в Латвии, кто-то даже пытался не дать ему гражданства (родился вне пределов Латвии, в Туве, где его родители-медики налаживали здравоохранение в 30-е годы). Кто-то более трезвый обратился к сознанию: “Опомнитесь – он один из ведущих медиков мира! Если он не латыш, то кто Вы?” Роль Калберза вырисовывалась в мировой медицине и ещё раз была подчёркнута на его 85-летию в 2013 году. Российская академия наук в новом составе избрала его академиком. Многие медицинские центры, организации, академики прислали ему приветствия. При некотором смущении местных властей были зачитаны добрые слова от президента России В. В. Путина.

Весь этот итог жизни он пунктиром провёл в цветистой, многостраничной книге “Моё время” в том году. Конечно, её достоинство в массе фотографий, документов, реликвий, которые его окружали. Виктор Константинович – грандиозный системник, даже почти весь свой особняк он отвёл под панораму его жизни. Всё у него записано, сфотографировано (с фотоаппаратом он не расстаётся).

Но его жизнь оказывается нашей жизнью, жизнью человечества, а его книга не фотоальбом, а профессиональное и художественное творение – Книга с большой буквы, Книга Учёного, Гражданина, Мыслителя, Писателя. Он ничего в ней не упустил в нашей героической и трагической жизни. Я восхищаюсь и завидую: в нашей науке, медицине, литературе творит подлинный Энциклопедист XX–XXI века.

Деревенщик великого масштаба

Саша Арцибашев принадлежал к тому вымирающему племени писателей-журналистов, которые писали о русском селе, о его проблемах, о русской деревне... Как они сражались за её выживание, за её духовную и социальную культуру. В её жизни за послевоенную эпоху переплелись живительные и омертвевшие линии. Да, многие помнят, как в 50-е годы статьи Валентина Овечкина, обращённые к “районщикам” (его слово) и к власти, обсуждались даже на партийных конференциях. А статьи Ивана Васильева, печатавшиеся в “Правде”, поутру читала вся страна. Обзоры омского аналитика, профессора Леонида Иванова были убедительны и доказательны (кабы кто делал выводы из них!). Хотя вот Горбачёв, чтоб задобрить, что ли, зубодробильного критика, дал Ивану Васильеву даже Ленинскую премию (ещё бы, ведь за состояние дел на селе в ЦК партии он отвечал с 80-х годов!). Ну, в общем, как всегда, за что бы Горбачёв ни брался – всё разваливалось.

Саша был из плеяды борющихся, творящих, освещающих деревню. Он призывал (как и многие писатели) к отмене угрожающих многомиллиардных затрат по повороту сибирских рек на юг, к отмене освящённого именем академика Заславской плана ликвидации “неперспективных русских деревень”, против пустой траты миллиардов на мелиорацию центра России, на всеобщую химизацию земли. Умные губернаторы с ним советовались, а он вёл передачи на телевидении, возглавлял газету “Сельская жизнь”. Одним словом: был Радетель о земле Русской.

В постперестроечное время это не приносило ни славы, ни денег. Нужно было “распиарить” то пустейших детективщиков, то так называемую “женскую прозу”, то зарубежных эмигрантов, которые за рубежами нашей страны не заняли никакого серьёзного литературного места.

А Саша страдал и взывал, объединяя людей, находил крупинцы положительного опыта в сегодняшней жизни и писал статьи, очерки, повести о жизни села.

В принципе, он и принадлежал к той нравственной прозе России, которая была названа “деревенской прозой” и провозглашена ревнивым, но, безусловно, талантливым писателем Чингизом Айтматовым вершиной отечественной прозы в XX веке.

У нас в Союзе он возглавлял Совет по сельской прозе, а на самом деле, **Собор людей села:** академики, профессора, председатели оставшихся колхозов, фермеры, селекционеры, работники сельских клубов. Когда этот Собор проходил, зал был бурным, нелицеприятным.

Когда мы ехали в вагоне через всю страну для участия в знаменитом пленуме Москва–Владивосток (2001), он стоял всё время у окна и смотрел, что то записывал, потом объяснил: вот проехали Урал, Омскую область, Алтай, Красноярский край и Забайкалье. Я насчитал тридцать тракторов, двадцать комбайнов – разве можно вспахать ими эти тысячи километров? “А вообще-то, Валерий, я скажу тебе, что XX век, его неоднократное падение и застой ещё именно из-за того, что власти не умели опереться на деревню, на её силы. Вот смотри: государство не сумело распорядиться столыпинскими реформами – революция, крах империи. Ленин вообще не любил крестьянство – это обернулось голодом, и если бы Сталин не решил построить социализм в одной отдельно взятой стране, а не следовать мифу о мировой революции, страна бы не выжила. Но крестьянство для него стало той “колонией”, которая позволила провести индустриализацию. После войны не до деревни было – надо было всю страну восстанавливать. Сумасбродный Никита хотел, главным образом, распространить на всех широтах кукурузу, построить агрогорода, догнать Америку по производству мяса, для чего вырезали до половины скота. Главного врага увидел в Церкви: “Я вам в 80-м году покажу последнего попа!” При нём в деревне, как и в городе, было уничтожено больше храмов, чем при Сталине. Брежнев благодушествовал, резкого подъёма села при нём не произошло. Ну, а для Горбачёва главным было не благо своего народа, а благосклонность Буша, Тэтчер и всей этой братии. Распался Советский Союз, наше село, как Атлантида, идёт ко дну. В общем, скажу тебе горькую правду: **если власть не возьмётся за восстановление села в центре России, она погибнет**, как царская империя и Советский Союз”. Недавно Саша ушёл из жизни, так и не услышанный теми, к кому обращал свои мысли. Да, часто нет пророка в своём Отечестве.

Клокочущая Лузитания

В начале 70-х годов в Португалии произошла революция – последний фашистский диктатор Салазар ушёл с исторической арены. Два гитлеровских последователя – Франко и Салазар – тихо и не вызываясь себя вели на Пиренеях после разгрома фашистской Германии. Все понимали, что диктатуры вот-вот падут. Особенно ждали этого момента молодые испанцы, которых, спасая от гражданской войны в Испании, вывезли в Советский Союз. Их любили, и они у нас иногда жили в специальных лагерях, иногда просто в семьях. Были они большими патриотами Советского Союза. Кто постарше – ринулся в нашу армию, чтобы сражаться с немцами. Под Сталинградом, например, погиб Рубен Ибаррури – сын революционерки, руководителя компартии Испании в изгнании Долорес Ибаррури.

Со мной на курсе учился хороший парень Посуэко Торес Пепе Луис. Он с тоской вспоминал Родину и, когда получил разрешение вернуться туда, поехал. Побыл там год и – обратно в Советский Союз, вместе со многими, считая, что именно тут его настоящая родина. Португальцев мы знали меньше. Уж очень, как казалось тогда, они были далеки от России.

Но вот вспыхнула Португальская революция, “португальская весна”. К удивлению многих, она носила довольно мирный характер. Всему миру и нам запомнился удивительно дружелюбный плакат той революции. На нём симпатичный юный португалец вставляет розу в дуло армейской винтовки. Мы знали, что в Португалии большие (даже подавляющие) симпатии населения были у левых партий – коммунистов и социалистов. Но особой симпатией у нас в Союзе, да и во всём мире, пользовался романтический лидер коммунистов Альваро Куньял. В его биографии – многолетняя борьба с фашистской диктатурой, слежки агентуры, аресты, побеги из самых укрепленных и неприступных тюрем. Связи с Португалией всё шире, публикаций всё больше. Узнаём, что Куньял написал художественную книгу (правда, под псевдонимом) о жизни, о служении людям, о побегах из тюрьмы. А ведь у него самого, по крайней мере, один их побегов вошёл бы в учебник (если бы такой был). Из крепости он совершает побег, бросаясь в море, переплывает бухту, скрывается

в хижине у соратников. И снова в революционную борьбу. В жизни подвижников и героев XX века он стоит в одном ряду с Че Геварой, Нельсоном Манделой, Фиделем Кастро. Мы выпускаем эту книгу, заполучив рукопись из Португалии. И вдруг — о радость! — меня посылают в Португалию на первый послереволюционный легальный съезд комсомола. Читаю перед поездкой хоть что-нибудь о Португалии. Увлёкся классиком, поэтом Камозансом. Древнее название Португалии — Лузитания. Вот мы и попали в эту клочковатую Лузитанию. Она нас встретила митингами, демонстрациями, большими оживлениями. Свозили в южные провинции, где создавались колхозы (они, конечно, были добровольными и навеяны рассказами о добротных колхозах СССР). Повезли в северный Порту, где производился настоящий портвейн. Директор завода рассказал, что “портвейн” — самая большая статья доходов Португалии. Он спросил: “А вы пили портвейн?” Я самонадеянно сказал, что, конечно же, да. Ибо со студенческих лет запомнил это самое дешёвое вино (90 копеек), которое мы распивали, проходя 7 ноября вдоль Владимирской к Крещатику в Киеве. Демонстрации были полновесные, трёх- и четырёхчасовые. Сначала пройдут рабочие коллективы, а потом студенты. Во время многочисленных пауз, после пения, мы подходили к киоскам и на троих брали 90-копеечную бутылочку “Портвейна”. В общем, запомнил, но когда хозяин предложил нам по рюмке портвейна из бочки, буквально ошалел от приятного вкуса и запаха. С тех пор я знал, что такое настоящий портвейн. Ну, а потом мы попали на съезд, что проходил в большом десяти тысячном спортивном зале, который был полностью заполнен. Это был океан эмоций, песни, речёвки. Ко всему этому мы не совсем привыкли, ибо у нас всё было “по-серьёзному”, в подражание старшим товарищам. Но буря произошла, когда зашёл в зал Альваро Куньял. Подлинный вождь и авторитет для молодых.

Точёный профиль, седой, сухопарый, с манерами аристократа, но простой и любимый всеми трудовыми людьми Португалии. Он-то и сказал, что Португалию ждут не менее тяжёлые времена, чем при диктатуре Салазара. Буржуазия и НАТО социализм в страну не пустят, поэтому молодым следует крепить свои ряды, учиться, ибо врага надо превзойти знанием и умением. Буря после этого выступления долго не кончалась, а потом пошли обычные съездовские дела, приветствия, а затем прения, выборы. Мы же пошли по вечернему Лиссабону. “Наши спокойные кофейни превратились в дискуссионные клубы, — объяснил сопровождавший нас парень. — Мы с вами зайдём в большой зал, где, думаю, дискуссии продолжаются”.

В зале было полно народу. Некоторые столики сдвинуты: там сидели группы людей за кружками пива и бокалами вина. Мой собеседник с улыбкой сожаления говорил: “Вот за тем — социалисты, за этим — социал-демократы, там — христиане, за тем — правые радикалы” — “А это кто такие?” — “А чёрт их знает! Но вот в центре — левые радикалы. Это как ваши Махно и Чапаев”. У нас всё в голове перемешалось. Сопровождавший нас гид после того, как поучился в Высшей комсомольской школе, по крайней мере, познакомился с историей нашей революции. От того столика левых радикалов вдруг направился к нам человек. Он подошёл и что-то спросил. Сопровождающий ответил: “Советские!” — “Ревизионисты!” — вскричал он. Вдруг вскочил на стол, выхватил из кармана пистолет и выстрелил в потолок. “Мы революцию не предадим, возглавим весь мир”, — вскричал он и удалился. “Очередной дурак?” — спросил переводчик. “Да, нет, — ответил сопровождающий, — это мнящий себя р-р-революционером, небезызвестный генерал Карвалью!” Потом я узнал, что Карвалью претендовал на место главного руководителя португальской революции, т. е. хотел прибрать её к рукам, ничего для этого не сделав. Всюду много таких претендентов на первые места!

Уезжали из Лузитании с любовью к ней и её людям, но с тяжёлым чувством разворачивающегося обмана, что на левом, что на правом её фланге.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

А всё началось вроде бы не с самого большого исторического факта. Мало ли было в истории убийств, да и не менее громких. Австрийский принц Фердинанд был убит в Сараево югославским патриотом Гавриилом Принципом — и началась всемирная бойня. Десятки лет назад я стоял в Сараево, где на улице в тротуаре была отпечатана ступня Гавриила Принципа. Она, что ли,

и привела к первой мировой войне? Дерзкий выстрел и основной повод этого безумия, которое овладело странами и народами?

Вспоминаю далёкий 1973 год. Я работаю в издательстве “Молодая гвардия”, выпускаем массовым тиражом книги, придумываем новые серии. Одна из серий – “Даты истории”. В заголовке – день, т. е. цифра, от которой начиналось событие. Ну, конечно, 7 ноября – начало Октябрьской революции, повествуем о ней. 12 апреля, тут уж мы все знали: Гагарин, человечество рвануло в космос. 3 сентября 1945 года – капитуляция Японии, конец второй мировой войны. Дали мы задание нашему замечательному автору, профессору МГИМО Николаю Николаевичу Яковлеву: “1 августа 1914 года” – начало Первой мировой войны. Он начал работать. Вдруг у нас в издательстве появляется заместитель начальника КГБ Филипп Денисович Бобков. Мы за собой вроде особой вины не чувствуем, разве что стали массово выпускать “почвенников” и “деревенщиков”, да и многих русских писателей, что, конечно, “подрывает” некоторые идеологические устои, но, в общем, на пользу общества, как считали мы. Да и не мы одни выпускали. Вот и “Совпис”, и “Московский рабочий”... Филипп Денисович был дружелюбен, внимателен и показывал знание наших проблем и авторов, хотя был у нас в первый раз. Да, в общем, и работа у него такая – знать всё. Он осторожно спросил: есть ли у нас что-нибудь о Первой мировой войне. Объяснили: “1 августа 1914 года”, книга профессора Яковлева. Бобков вроде бы обрадовался – автор хороший. Поговорил немного и ушёл. Через час по “вертушке” – это АТС-2 кремлёвской связи, что мне досталась от ушедшего в ЦК Мелентьева, – “звонит Беляев (зав. сектором литературы при ЦК КПСС). “Получали ли Вы письмо Солженицына?” – “Да, получали”. Солженицын прислал нам (и как мы потом узнали, и в другие издательства) письмо, что окончил роман “Август 1914”. Я печатал позднее в 1989 году в “Роман-газете” этот роман. Роман неплохой, но тогда “очень не посоветовали”.

А тогда – что встревожило КГБ? Что, только один Солженицын пишет о Первой мировой войне и, не дай Бог, выведет из её поражений Октябрьскую революцию, что, в определённом смысле, так и было? Когда вышла книга Яковлева, у нас было два результата: довольно интересно было сказано о первой мировой войне и – второе, а может быть, и первое – Яковлев исследовал и дал первое и развёрнутое сообщение о том, что во время Февральской и Октябрьской революций руководители всех партии были масоны: октябристы, кадеты, эсеры, меньшевики, большевики (Зиновьев, Каменев).

Так под знаком Первой мировой войны мы впервые рассказали об этой всемирной паутине. И хотя академик Минц и его со товарищи были готовы разгромить эту книгу, кое-кто не дал развернуть ни критику, ни похвалу. А знание о масонстве появилось и перестало быть запретным.

Две академические школы

Я побывал под дружественным влиянием академиков медицины – славных Евгения Ивановича Чазова и Лео Бокерии. К Чазову я попал в 2005 году по ходатайству Толи Цыба, моего друга, академика. Лежал, “не шуршал”, меня потихоньку обследовали. Решили сделать коронографию, но уже на медицинской каталке обнаружили, что у меня язва желудка, и зав. отделением Савченко, блеснув глазами, отправил обратно в палату – могло быть кровоизлияние. В то время Чазову позвонил митрополит Кирилл и сказал, что у него лежит “наш товарищ из Всемирного Русского Собора Ганичев Валерий”, и попросил обратить внимание. Евгений Иванович немедленно зашёл, пожурил, что я не представился до сих пор, сказал, что за два дня проверит, протестирует и решит, что делать дальше. Через два дня пригласил в кабинет и сказал: “Если в организм не надо вмешиваться, лучше не вмешиваться”. Видя мои недоверчивые глаза, продолжал: “А ты что, считаешь, если я хирург, то сразу резать? – и, хитро блеснув глазами, закончил: – Это я только генеральных секретарей резал” (судьба Брежнева, Андропова и Черненко была в то время известна). Я покачал головой: “А вот в 1937 году Вы так бы не пошутили?” Чазов прихотнул: “Да я тогда и не шутил”.

В общем, меня выписали, и, дай Бог, всё нормально до сих пор.

С Лео Бокерией я тоже несколько раз советовался. На последнем правительственном приёме мы обнялись, и я сказал: “Как я рад, что мы встреча-

емся не на Вашей работе!” Он согласился, что лучше в бассейне с баней, где мы не раз бывали. Но вот о том, чтобы выпивать, о том, чтобы употреблять спиртное во время сердечных недомоганий, было два разных мнения двух академических школ. Когда Чазов мне сказал, что можно выпивать в таких случаях, Светлана мне не поверила. На одном из “знатных” приёмов я подвёл её к академику и сказал: “Евгений Иванович! Скажите ей, что мне можно!” Евгений Иванович со всей академической серьёзностью объяснил: “В день можно 50 или 100 грамм водки, или стакан красного вина. Больше не надо”. Я победоносно посмотрел на Светлану: академик советует.

Бокерия же, мягко улыбаясь, внятно говорил о возможной рюмке коньяка. Уважая двух великих кардиологов, приходилось поочерёдно обращаться к их советам.

Санкции

Шестилетняя правнучка Ульяна разбросала свои игрушки по всей комнате и к вечеру не прибрала их. Пришла мама и твёрдо сказала: “Если не умеешь ухаживать за ними, собираем игрушки в мешок и выносим его на балкон до весны”. Ульяна опечалилась, а потом, прислушиваясь к разговору взрослых, горестно сказала: “Мама, это ты на меня **санкции** вводишь?” – “Выходит так”, – не улыбаясь, отвечала мама. “А если буду убирать, ты санкции снимешь?” – “Посмотрим, может, и сниму”, – улыбнулась мама.

На меня бараны в горах не кричали Гагарин и Гаганова

Пригласили в советскую Абхазию на праздник-поминок бывшего первого секретаря обкома, что сгинул от Берии в 1937 году. В высокогорном ауле накрыли столы в нескольких шатрах. В первый, самый почётный, пригласили и нас – из Москвы же! Посадили за третий стол. За первым сидели старики или, скажем, старшие, которым исполнилось 100 лет! За вторым – 90-летние! Мы – рядом с 80-летними (ибо, если наши сорок помножить на два, то 80 и будет). С нами была знаменитая текстильщица Валя Гаганова, которая четыре раза переходила из своей лучшей бригады в отстающую и делала её передовой. Хотел бы я видеть миллиардера Прохорова или Потанина, или Дерипаску, которые перешли бы в отстающую отрасль промышленности и сделали бы её передовой. А Валя по-своему была миллиардером. К ней тянулись, здоровались, фотографировали, все её знали в лицо, приветствовали. Она была очень дружна с Юрием Гагариным, в их открытых лицах ярко светилась советская эпоха.

Первый секретарь обкома партии, который сидел за главным столом, встал и обратился к старейшинам: “Дорогие, что если мы пригласим за наш стол уважаемую Валентину Гаганову, ведь она своими переходами в 30 лет прошла путь столетней женщины, хотя она ещё девушка”. Старики уважительно похлопали в ладоши, а Валя, смущаясь, пошла в самый почётный первый ряд людей республики.

Так страна чествовала и любила своих героев – в горах, в степи, в тайге.

На вечере запомнилась мне и беседа с моим соседом, 85-летним пастухом. Я спросил: “Дедушка, болел ли ты когда-нибудь?” – “Никогда”. – “Лежал ли на больничной койке?” – “Нет”. – “Принимал ли какие-нибудь лекарства?” – “Никогда. А ты, сынок, – спросил он, – болел, в больнице лежал и лекарства пил?” – “Не раз. Дак почему это?” – спросил я. “Да вот, сынок, я овечек пасу, и за всю жизнь ни одна овечка, ни один баран не кричал на меня. А признайся, что тебя в городе не один баран обидно обругал”. Да, может, и поэтому я болел нередко или, по крайней мере, переживал часто, ибо не раз и не один баран упражнялся на моих нервах.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН О ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

Вадим Кожин 9 декабря 1978 года в письме к Василию Белову признался: “Помни, что ты всегда во мне – как человеческая мера, которой я и поверяю, – правильно ли я думаю и решаю” (“Наш современник”, 2012, № 10). Уверен, мысль Вадима Валериановича имеет универсально-национальное значение: Белов, человек и художник, – не только мера, но и своеобразный проявитель сущности любого человека. В том числе и человека, пишущего о творчестве самого Белова. Прежде всего с этих позиций рассмотрим объёмную работу Александра Солженицына “Василий Белов” (“Новый мир”. 2003. № 12).

I

В первом абзаце статьи Солженицын, перечисляя бытовые реалии повести Белова “Привычное дело”, определяет их как “всё то, из чего складывается вечное”. Однако главный интерес Александра Исаевича вызывает не вечное, а “преходящее”, как он сам уточняет, – “советско-колхозное”. К нему писатель относит “неторопливые пересуды мужиков”, пьянство, обман уполномоченного...

Такая – весьма характерная для Солженицына – социально-историческая привязка событий повести вызывает возражения, часть из которых приведу. Конечно, пересуды, пьянство, обман начальства возникли задолго до колхозов и не исчезли в постсоветское время. Более того, в последние 25 лет все эти негативные явления, пьянство в первую очередь, приобрели гораздо больший масштаб, чем при жизни героев “Привычного дела”. Очевидно и другое: без колхозов и советов были, есть и будут много пьющие народы.

Итак, в самом начале статьи (и затем неоднократно) Солженицын интерпретирует факты и события повести с социально-классовых позиций, продолжая, по сути, традиции Белинского, Добролюбова и их многочисленных последователей XIX–XX веков, “неистовых ревнителей” социалистического реализма в том числе. Уже это не позволяет писателю объективно оценить “Привычное дело” в целом и образ главного героя в частности.

Иван Африканович Дрынов характеризуется Солженицыным как природный человек с закреплённым социальным статусом, “только и мыслимый (разрядка моя. – Ю. П.) в отведённой ему непритязательной колее, на своём привычном месте”. Ключевое слово, через которое Александр Исаевич определяет личность Дрынова, – это покорность. Покорность власти и со-

бытиям. А все чувства, мысли, поступки героя, не вписывающиеся в данную схему, характеризуются писателем своеобразно, типично по-солженицынски. Например, поведение Дрынова на колхозном правлении (где решается вопрос о справке для паспорта) называется “бунтом”, “воинственностью <...> недо-стойверной”. И далее о Дрынове, участнике Великой Отечественной войны, говорится с позиции всё той же покорности: “Отвоевал войну, уцелел <...>, таким же тихим и смиренным, совсем не героем”.

В своей оценке Дрынова Солженицын совпадает как с “коробочками” партийности 60–70-х годов минувшего века, так и с современными либеральными пустозвонами. Это они видели и видят в герое Белова социального младенца, человека с доличностным сознанием, интересы которого дальше деревенской околицы не простираются, недочеловека, чья жизнь схожа с существованием коровы Рогули.

Подобные взгляды довольно точно прокомментировал более 30 лет назад Юрий Селезнёв. Приведу ту часть рассуждений критика, которая воспринимается и как ответ Солженицыну. Селезнёв обращает внимание на то, что “сквозь него (Дрынова. — Ю. П.) шесть пуль прошло, что с его орденом Славы сын Васька бегаёт” (Селезнёв Ю. Василий Белов. М., 1983). В отличие от всех тех, кто не видел и не видит в действиях советских солдат ничего, “кроме слепого подчинения не зависящим от них обстоятельствам”, Ю. Селезнёв на примере Дрынова справедливо утверждает идею “беспримерного подвига народа в Отечественной войне”.

К сказанному критиком нужно добавить то, о чём он не упомянул (видимо, посчитав это очевидным) и что Солженицын не заметил или не захотел заметить. Всю войну Иван Африканович находился на передовой, в пехоте, на всех фронтах. Помимо ордена Славы, у Дрынова есть и орден Красной Звезды, и другие награды (о них, со слов Катерины, говорится без уточнений). О многом свидетельствует и тот факт, что под Смоленском Иван Африканович возглавлял группу, которая была направлена в тыл немцам взорвать мост и взять языка.

Рассуждения Солженицына и других о покорности, пассивности Дрынова не стыкуются и с эпизодом из мирной жизни. Во время пахоты, когда Иван Африканович с Мишкой объезжали телеграфный столб, плуг скользнул и прицеп выскочил на поверхность... На призыв разъярённого Дрынова остановиться Мишка отреагировал так: “А-а, подумаешь! Всё равно ничего не вырастет... И чего ты, Африканович, везде тебе больше всех надо”.

Слова “везде”, “больше всех” указывает на то, что Ивана Африкановича отличает совестливое отношение к жизни. Показательны в этом отношении реплики Дрынова, обращённые к Митьке: “Привыкли всё покупать, всё у тебя стало продажное. А если мне не надо продажного? Ежели я неподкупного хочу?”

Именно на совестливость Дрынова следует обратить внимание любому человеку, пишущему о “Привычном деле”. Однако Солженицын, как и многие авторы, этого не сделал. Я лишь на одном примере пунктирно обозначаю, какие открываются горизонты в понимании образа и разных проблем, если следовать по указанному пути.

Напомню, что из скошенного в колхозе сена Иван Африканович получал лишь 10% для собственной коровы, что было, по его словам, “мёртвому припарка”. Поэтому Дрынов вынужден тайно косить сено в лесу по ночам. В отличие от мерзавцев, утверждающих, что воровство — русская национальная традиция, Василий Белов неоднократно обращает внимание на то, какие душевные муки испытывает Дрынов, поставленный властью в положение без вины виноватого, человека, нарушающего закон. Из главы “И пришёл сенокос” приведу цитаты, передающие внутреннее состояние героя во время работы по ночам и последовавшего затем разоблачения: “Стыдно, конечно, было бродить, как вор, от людей по кустам прятаться”; “И вот Иван Африканович косил по ночам, как вор или разбойник”; “Иван Африканович крадучись (после работы на себя. — Ю. П.) вышел в поле на покос и косил весь день, до вечера колхозное сено”; “В кабинет председателя Иван Африканович вошёл, будто кот-блудня, спокойно, но с внутренним сознанием своей вины”; “Иван Африканович покраснел, как маков цвет”; “Он чуть не плакал от стыда, виноватого и чуял, как розовели горящие уши”; “Не знаю, что делать, Катерина... — сказал он как-то вечером. — Записали мои стожонки... Стыд. На всю округу ославили”.

Примерно тридцать лет звучат голоса, что Иван Африканович – уходящий человеческий тип, на его смену приходят настоящие герои своего времени – Гехи-мазы, дети и внуки “напористых махинаторов” и им подобные. Уточню: эгоцентрические личности, люди без стыда, совести, сострадания к ближнему, любви к народу, Родине... Убеждён, Иван Африканович – это вечный тип совестливого амбивалентного русского человека, и его уход с исторической сцены будет символизировать конец России.

Сказанное, конечно, не означает, что Дрынов – идеальная личность. Именно так интерпретируют взгляды “правых” критиков не одно десятилетие “левые” и либеральные авторы (один из относительно свежих примеров – глава 10, написанная Марком Липовецким и Михаилом Бергом в учебнике “История русской критики: советская и постсоветская эпохи”. М., 2011. С. 488–489). Для нечистоплотных исследователей и для тех, кто готов верить на слово либеральным и прочим “мудрецам”, приведу суждения Вадима Кожина (именно его точка зрения беспардонно-лживо переворачивается в указанном учебнике) и Юрия Селезнёва: “В повести нет, в частности, превосходства человека, живущего на земле, землёй, над людьми, ведущими иной образ жизни, нет идеализации “патриархальности” и т. п. Герой Белова несколько не “лучше” людей, сформированных иными условиями: он только – в силу самого своего образа жизни – обладает единством бытия и сознания – единством практической, мыслительной, нравственной и эстетической жизнедеятельности” (Кожин В. Ценности истинные и мнимые. В кн.: Кожин В. Статьи о современной литературе. М., 1982); “В герое Белова очевидны и положительные, и негативные черты “деревенского” и в целом – человеческого характера. Иван Африканович – не ангел, не икона, не идеал, но и не “отрицательный тип” (Селезнёв Ю. Василий Белов. М., 1983).

Ещё одна особенность статьи Солженицына – очень вольная трактовка отдельных эпизодов повести, нарушение фактологической и образной достоверности. Например, в его тексте утверждается, что “через две недели (после правления колхоза. – Ю. П.) председатель добродушен к беглецу”. Но, во-первых, случайная встреча Ивана Африкановича с председателем произошла через шесть недель после правления, на сороковины Екатерины. Во-вторых, нет никаких оснований говорить о добродушии председателя: он, бригадир и Дрынов помянули покойницу за углом магазина. Домой же к Ивану Африкановичу председатель отказался идти: “Времени-то нет”.

Вот ещё один пример: Солженицын утверждает, что “в пьяный час уговаривает Митька зятя: ехать прочь из колхоза на Север”. Однако беседа героев происходит ранним утром – в трезвом виде, без спиртного – на огороде Дрынова, где он окучивал картошку. Среди доводов Митьки, приводимых Солженицыным, опущен главный, повлиявший на решение Дрынова ехать на Север: “Ты хоть бы о ребятах подумал, деятьель”. Весомость данного аргумента подчёркивается и авторской характеристикой (“подействовал сильнее всех других”), и признанием героя. Он после возвращения из неудачной поездки говорит: “Думаю, ребяташек полный комплект, и все в школу ходят, кормиться надо, а дома какой заработок?”

Заработок, напомним, 10–15 рублей.

Солженицын, перечисляя колхозно-советские реалии “Привычного дела”, говоря о “необличительно-гневном” изображении “колхозных бесчинств” данный наиважнейший факт почему-то не приводит. Забывают о нём (как и многом другом: Катерина ложится спать после одиннадцати, а в три часа она уже на ногах; её муж до колхозной работы, пройдя четырнадцать вёрст в оба конца, тайно косит в лесу для своей коровы и т. д.) и те авторы, которые, подобно Владимиру Личутину, утверждают, что советско-колхозный дом для Белова – “добрый дом” (“Завтра”. 2012. № 50).

В статье немало неточностей другого типа, обусловленных всё тем же социально-ограниченным видением человека, событий, времени. По мнению писателя, “не очень правдоподобно, что председатель сдаётся, не обращается в милицию...”. В данном случае Александр Исаевич, видимо, исходит из того, что каждый представитель власти – законченный подлец и трус. У Белова же социальный статус героя не исчерпывает человеческой сущности его. Председатели колхозов в “Привычном деле” показаны разными людьми. Соседнего председателя Иван Африканович называет хорошим мужиком: он и за работу заплатил прилично, и разрешил Дрынову тайно косить траву для сво-

ей коровы на чужой территории. Да и местный бригадир делает вид, что не знает о ночной косыбе. До известных событий так же ведёт себя и председатель колхоза, в котором работает Дрынов.

Возвращаясь к эпизоду, вызвавшему критически-негативное отношение Солженицына, нужно подчеркнуть: Александр Исаевич не увидел того, что, казалось бы, лежит на поверхности и что художественно-убедительно, мастерски показал Белов через портретные характеристики, речи и поступки персонажей. Схватка Дрынова с председателем изображена как противостояние двух фронтовиков, двух мужчин. Представитель власти с трудом смирил свою злобу, “со страдальческой гримасой” выполнил требование Ивана Африкановича, ибо оно законно с юридической и человеческой точки зрения. А желание жаловаться в милицию у председателя даже не могло возникнуть: он из тех, кто не жалуется и не “стучит”. Один из вариантов реакции героя на проблемные ситуации дан в эпизоде (пропущенном Солженицыным), когда бригадир посылает своего начальника “по матери”.

Желание жаловаться в милицию гипотетически могло возникнуть только у районного уполномоченного. Через этот эпизодический образ властный “срез” советско-колхозной жизни показан ярче всего. Поэтому вызывает удивление, что данный образ, по сути, остаётся вне поля зрения Солженицына.

Есть смысл сказать и об эпизоде, который, по понятным причинам, проигнорирован Солженицыным. Данный эпизод не только не утратил своей исторической, геополитической актуальности, но и воспринимается как анекдот, рождённый в 2014 году. Вопрос, адресованный в годы Великой войны русским, англичанам, американцам: как они поступили бы с пленным Гитлером? – “наш русский Сталин” (так называет его Фёдор) переадресовал советскому солдату. Тот предложил следующее решение: взять кочергу, накалить докрасна, а потом “всунуть эту кочергу прямо Гитлеру в задницу”, но только холодным концом, “чтобы союзники не вытащили”.

И ещё: “Привычное дело” – это прежде всего повесть о любви, поэтичной, глубокой, настоящей, стыдливой, стеснительной, горячей... Любви между мужчиной и женщиной, любви к детям, дому, природе, животному миру, малой Родине посвящены лучшие страницы произведения. И мимо этого главного умудрился пройти Александр Солженицын. Слово “любовь” в его размышлениях встречается лишь один раз в таком контексте: “малые дети явлены нам не просто с любовью – но с вниманием и пониманием к каждому...”.

Когда же Александр Исаевич отмечает достоинства “Привычного дела”, его оценки имеют, скорее, формальный характер и преимущественно языковую направленность: “литературный самородок”, глава о Рогуле – “жемчужина”, “язык диалогов – живейший”, “сочные русские слова” и т. д. Правда, хваля язык повести, Солженицын замечает: “Есть мелкие срывы-неточности: “вневременная созерцательность” (о корове)”.

Конечно, Белову повезло больше Чехова, у которого Александр Исаевич нашёл почти сотню языковых и стилистических якобы погрешностей (Солженицын А. Окунаясь в Чехова// “Новый мир”. 1998. № 10). Однако и в случае с Беловым, и в случае с Чеховым Солженицын, думаю, не учитывает то, о чём тонко и точно сказал Вадим Кожин ещё в 1968 году в статье “Голос автора и голоса персонажей. “Привычное дело” Василия Белова”. Приведу одно высказывание из этой работы: “В этих отрывках (как и в тексте главы в целом) совершается непрерывное, гибкое и сложное взаимоотражение голосов повествователя и героя. Конечно, мы слышим и доподлинную речь Ивана Африкановича, и прямой голос писателя, художника (“ярость звенела в поющем под ногами настё”). Но главное – в их переплетении, когда в авторскую речь – как, например, в отрывке о заячьих горошинах – внедряются слова героя (“побрезговать”, “стручки тетеревов”) и сам синтаксический строй его речи с характерными повторами (“ничего нет такого... ничего отвратного”)” (Кожин В. Статьи о современной литературе. М., 1982).

Вообще, наставления Солженицына на деревенскую тему, адресованные Белову, воспринимаются с ироническим удивлением, ибо Александр Исаевич, конечно, сельской жизни не знал. Вспомним хотя бы миф о послевоенном поголовном бегстве из колхоза и таком массовом предпринимательстве: “и ездят они по всей стране, и даже в самолётах летают, потому что время своё берегут, а деньги гребут тысячами многими” (“Один день Ивана Денисовича”).

В основе солженицынского видения деревни лежат стереотипы, которые Белов назвал вульгарно-социологическими, ложными, лживыми (Белов В. Ремесло отчуждения // “Новый мир”. 1988. № 6). Подобные представления о крестьянстве писатель проиллюстрировал “фиктивным образом” “стяжателя Гаврилы” из горьковского “Челкаша”.

Деревенский миф произведений Солженицына во многом созвучен мифу названного рассказа и неназванной буинской “Деревни”. Подавляющее большинство героев “Матрёниного двора” – клоны Гаврилы, а в “крохотке” “На родине Есенина” Константиново и “многие и многие деревни” вообще – территория духовного убожества, “где красоту <...> тысячу лет топчут и не замечают”, “где и сейчас все живущие заняты хлебом, наживой и честолюбием перед соседями”.

Солженицын не стал уделять достойного внимания столь значимой проблеме, как социальное бесправие крестьян. Данный факт, думаю, свидетельствует о его, по меньшей мере, человеческой, исследовательской нечестности. Василий Белов же в публицистике и интервью – при жизни Александра Исаевича! – неоднократно сравнивал положение колхозников с положением крепостных. Отсюда, в частности, то, о чём не любят говорить, по выражению писателя, “университетские всезнайки из интернационалистов” и, добавлю, часть государственников-патриотов: “и сколько ребят талантливейших было на Руси, так и пропавших в нужде, в безнадёжности, в полуобразованности! Намертво закрыты дороги были <...>” (“Молюсь за Россию!” Беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым // “Наш современник”. 2002. № 10).

А те, кто пробился (как сказано в одном из стихотворений Белова) “Через еврейские заслоны // И комиссарские посты”, те, кого любят называть в данном случае, являют исключение из правил. За свой успех они – Виктор Астафьев, Николай Рубцов, Василий Шукшин... – заплатили многочисленными унижениями, лишениями, изломанными судьбами...

Отсюда, по Белову, корни “шараханий” В. Астафьева: его дружба или нечто подобное с “прорехой на человечестве” Борисом Ельциным и некоторыми либералами, непростительные, несправедливые гадости, которые Виктор Петрович написал о русских, России, патриотах. Даже когда Астафьев временно прозрел и, в сущности, верно характеризовал, как тогда выражался, демократов, он позволял себе такие, прибегну к эвфемизму, резкие выражения, на которые Василий Белов – при всём своём бойцовском характере – не был способен. В качестве примера приведу цитату из письма к В. Лакшину в сентябре 1988 года: “Но, дорогой Владимир, зачем так много сделалось “святых” в литературе? Поруганных и пострадавших? Это в нашей-то современной литературе и искусстве? По коридорам которых бегают “Белинская” Наталья и трясёт обоссанным от умственного напряжения подолом?! Или, с другой стороны, – Розенбаум, ещё в люльке облысевший от музыкально-сексуального перенапряжения? Да, и мы достойны, за малым исключением, того, чтоб Иванова-Белинская-Рыбакова Наталья витийствовала в журналах и представляла нашу литературу аж в Голландиях, а Розенбаум орал блатным голосом про боль Афганистана.

Работники, народ, общество рождает мыслителей и “гениев” себе подобных, а время формирует “ндравы” и выплёвывает, а ныне – высирает тощих и хищных, как озёрная щучка, критиков, подобных Ивановой, при взгляде на которую уже, не читая её опусов, можно точно заключить: до чего же дошло и выродилось человечество!” (Астафьев В. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. М., 2012).

Естественно, что для Белова проблема социального бесправия сельских жителей была одной из главных. Показательно, что во время встречи с Твардовским он озвучил требование дать всем крестьянам паспорта. На что главный редактор “Нового мира” ответил “по-суловски”: “Разбегутся же все” (“Наш современник”. 2002. № 10).

Закономерно, что и свою повесть “Привычное дело” Белов неоднократно характеризовал как, прежде всего, голос в защиту русского крестьянства. И вообще, по свидетельству Василия Ивановича, толчком к творчеству послужило желание сказать “то, чего не могли сказать другие, не робея, или не хотели говорить. Например, о положении крестьян в начале 40–50-х годов” (Белов В. Для чего я пишу // “День”. 1992. № 14).

Итак, в отличие от авторов, которые оценивали и оценивают “Привычное дело” как новаторскую повесть 60-х годов, ставшую классикой русской литературы, Александр Солженицын ничего выдающегося в произведении не увидел. Он, писатель второго-третьего ряда, не смог подняться до уровня творения своего гениального современника. В статье Солженицына довольно много неточных и откровенно несправедливых суждений. И данная тенденция не только сохранилась, но и набрала силу в трактовке других произведений Василия Белова.

II

“Лад” – единственная книга Белова, которая характеризуется Солженицыным исключительно положительно. Александр Исаевич, справедливо отмечая уникальность “Лада”, называет многие достоинства очерков о народной эстетике и именует эту книгу “драгоценностью в русской печатности”. Однако Солженицын не определил многозначные смыслы ключевых понятий очерков и художественного мира Василия Белова вообще. На мой взгляд, лучше Солженицына и других авторов это сделали Юрий Селезнёв (Селезнёв Ю. Василий Белов. М., 1983) и Виктор Бараков (Бараков В. Лад и разлад. Книга Василия Белова “Лад” // “Наш современник”. 2013. № 12).

С позиций “лада” и “разлада” точнее прочитываются все книги Белова и, в первую очередь, те, которые создавались параллельно с очерками о народной эстетике. Это большая часть цикла “Воспитание по доктору Споку” и роман “Кануны”.

Возникает впечатление, что Солженицын не знает о том, что “Воспитание по доктору Споку” – это цикл рассказов, в который входят “Плотницкие рассказы”, “Моя жизнь”, “Свидания по утрам”, “Чок-получок”, “Дневник нарколога”. Вне поля зрения автора остаются “Моя жизнь” и “Дневник нарколога”, а остальные части характеризуются очень бегло-поверхностно-неточно.

Солженицын ни слова не сказал даже о том, на что он, казалось бы, должен был обратить внимание в первую очередь. В “Плотницких рассказах” Василий Белов одним из первых в литературе 60-х годов разрушает советские представления о “бедняках”, “кулаках”, “коллективизации”. Именно из “Плотницких рассказов” выросла грандиозная эпопея Белова “Кануны”, “Год великого перелома”, “Час шестой”.

Финал “Плотницких рассказов”, неадекватно воспринятый Солженицыным, вызвал удивление у многих критиков и читателей. Высказывались разные версии, объясняющие неожиданное единение в песне героев-антиподов Смолина и Козонкова. Это пение оставляет надежду на то, что и в, казалось бы, утратившем всё человеческое Козонкове ещё теплится душа.

Неумение же Кости Зорина подхватить песню пунктирно обозначает проблему утраты последующими поколениями народных, песенно-музыкальных традиций. Как подтверждение точности диагноза Белова и как своеобразное продолжение темы финала “Плотницких рассказов” воспринимается признание Владимира Личутина: “Вот и на малой родине, на реке Мезени, на российской окраине было записано более двухсот песен. Я перечёл их, и – о, стыд! – почти не ощутил родства: хотя тайным знаком почти всякая песня посылала мне намёк, что пелись они в застольях ещё моего детства, в послевоенное лихолетье, при свете керосинки. Вот так стремительно отрезали стержневой пласт народной культуры, который служил не только основанием национальной пирамиды духа, но и пронизывал её насквозь, приобретая с веками всё большую крепость и настой. И рез этот, пусть и зарубцевавшийся, едва видимый ныне следок, однако временами ноет почти в каждой русской душе” (Личутин В. Цепь незримая... // “Дружба народов”. 1989. № 8).

Пересказ “Канунов” Белова занимает почти половину большой статьи Солженицына. При этом о второй части (романе “Год великого перелома”) говорится одним абзацем, о третьей же (о романе “Час шестой”) не упоминается совсем. То есть изначально позиция Солженицына уязвима, непродуктивна: он определяет взгляд писателя, характеризует проблемы, образы и так далее по одной части. К тому же, уровень разговора о “Канунах” настолько непрофессиональный, что, если бы не знал имя автора, то подумал: сей текст написал “слабый” студент-первокурсник.

Солженицын, главным образом, пересказывает некоторые сюжетные линии романа. Он демонстрирует незнание общеизвестных фактов истории создания и публикации трилогии, без которых полноценный разговор о ней невозможен. Солженицын не замечает новаторских открытий Белова в изображении коллективизации (и не только её), представляет позицию автора “Канунов” через обрывки мыслей героев с “приправой” своих несправедливо-примитивных домыслов, версий.

Проиллюстрирую сказанное несколькими тезисами, ибо полноценная полемика с Солженицыным вылилась бы в отдельную, очень большую статью.

1. “Кануны” впервые были опубликованы не в 1976-м, как у Солженицына, а в 1972 году в журнале “Север”. В редакции “Нового мира”, где появилась статья Солженицына о Белове, могли и должны были указать автору на явную фактическую ошибку: “В середине же 70-х годов Белов приступает к роману “Кануны”. — Ю. П.) о деревне конца 20-х годов”.

Многократно поражает незнание Солженицыным и других общеизвестных фактов. Например, две части “Канунов” до 1989 года издавались в сильно изуродованном цензурой варианте, о чём Солженицын не говорит и, как видим из текста, не догадывается.

Во многом это незнание является почвой, из которой вырастают политические, дурно пахнущие версии. Так, о третьей части “Канунов” (1987) говорится следующее: “Под влиянием ли “перестроечной” обстановки в СССР испытал Белов к этому году потребность подправить или подзакончить свою книгу 1976 года, о возможном продолжении которой, прежде всего, не было объявлено <...> Сдвигка понимания текущих в 1929 году событий — несомненно представлена, они больше не сводятся к злостной воле единственного Игната Сопронова <...>”.

Эта версия противоречит фактам творческой биографии Белова, его характеру и мировоззрению, смыслу его трилогии и всего творчества. Александр Исаевич ошибся адресом: его версия применима к “апрелевцам”, к вечным перестройщикам, к политическим проституткам, чьи имена хорошо известны.

2. То, как работает с текстом Белова Солженицын, покажу на одном из ключевых эпизодов “Канунов”. Поединок Игната Сопронова с Павлом Пачиным в финале второй части романа интерпретирован так: “И тут, в последних страницах, автор вносит сюжетный ход, совсем не нужный Сопронову (получается, что герой оценивает автора? — Ю. П.): тот выслеживает Пачина за деревней, находит его с жестокой дракой, затем и стреляет в него из ружья — да осечка. (А расстреливать — сельским активистам не требовалось, то делали специалисты ГПУ.) Павел вырывает ружьё — и пренебрегает жалким врагом, оставляет его без возмездия.

Окончание всего романа?.. Не тянет на то. Не достроено”.

Задолго до Солженицына Игорь Золотусский (награждённый Александром Исаевичем премией собственного имени в 2005 году) в статье “Оглянись с любовью” (1981) принципиально иначе, точно оценил данный эпизод. Он, обращая внимание на чувства и мысли Пачина (которые Солженицын почему-то пропустил), пришёл к выводу: “В Белове отзываются родные голоса русской классики. Жалость к человеку — не унижающая, а возвышающая человека, — это завещано нам оттуда. Поэзия вражды, так долго господствовавшая в литературе, сменяется поэзией мира <...>”.

Выражаясь иначе, как, по понятным причинам, Золотусский не мог сказать в то время, в творчестве Белова (в отличие от писателей социалистического реализма с их социально ограниченным мировоззрением, разрешающим и “кровь по совести”) утверждается христианское отношение к человеку и миру.

Естественно, возникает вопрос: почему и это Александр Исаевич не заметил? Одна из причин видится мне в том, что человечески, мировоззренчески, творчески Солженицын так и не смог выйти за пределы той системы ценностей, которую Золотусский образно назвал “поэзией вражды”.

3. Цензура, вырезавшая куски и целые главы о Сталине, Бухарине и так далее, пропустила, пожалуй, самый идеологически взрывоопасный эпизод “Канунов” — монолог Прозорова во время спора с Лузиным. Этот крамольный эпизод Александр Исаевич также умудрился не заметить.

В то время, когда разные диссиденты — от Андрея Сахарова до Андрея Синявского — ратовали за “социализм с человеческим лицом”, конвергенцию,

свободу слова, права человека, права национальных и сексуальных меньшинств и тому подобное, Василий Белов, как и члены ВСХСОН, видел корни проблем в другом. В “Канунах” (через уста Прозорова — одного из наиболее созвучных автору героев) Белов транслирует мысль о примитивности, абсурдности главных постулатов марксизма-ленинизма и называет факторы (национальный, религиозный, семейный), играющие гораздо большую роль, чем классовые противоречия.

4. Солженицын принципиально искажает смысл “Канунов”. Он настойчиво пытается доказать (точнее, навязать) идею, что Белов сужает преступления советской власти против крестьянства до несправедливых действий отдельных личностей. Дескать, виноваты Игнаты Сопроновы, представляющие власть на местах, “а партия тут ни при чём. Это — обдуманый ход автора”.

Всякому непредвзятому читателю очевидно другое: Сталин, Бухарин, Калинин, Яковлев, Меерсон и другие равноуровневые представители власти в трилогии (за редким исключением) ненавидят крестьянство. И коллективизацию — политически реализованную ненависть — Белов изображает, в отличие от предшественников и современников, как величайшее преступление XX века, как величайшую трагедию народа. Это видение реализуется и через судьбы десятков героев, и через авторские характеристики. Уже в своей публицистике Белов сравнивал коллективизацию с геноцидом.

В отличие от Солженицына, я считаю, что трилогия Белова — это гениальный роман-эпопея, в котором предельно объективно изображается трагедия, судьба русского крестьянства в XX веке. Более того, это лучшее произведение о коллективизации в русской литературе минувшего столетия.

Солженицын, сравнивая “Всё впереди” (1986) с “Ладом” (1979–1981), сразу выдвигает ложную версию творчества Белова, ошибочно определяет направленность романа и очерков о народной эстетике. Александр Исаевич утверждает: “После растравного окунания в невозвратное русское прошлое Белов более должен был чувствовать себя неуместным в неуютном настоящем, в роящемся потоке современной жизни, не смог не ощутить себя в конфликте с нею”.

Вызывает возражение сама идея конфликта автора “Лада” с “современной жизнью” во “Всё впереди”. Оставляя без комментариев логически-понятийные нестыковки, замечу: ещё за три года до появления романа Юрий Селезнёв справедливо утверждал: “истинный, глубинный водораздел <...> в творчестве Белова проходит не между “городом” и “деревней” (добавлю: не между “прошлым” и “настоящим”. — Ю. П.), но между “живой жизнью” <...> и жизнью механически заведённой <...>” (Селезнёв Ю. Василий Белов. М, 1983).

То, что Солженицын называет конфликтом с современностью, характерно для “Привычного дела”, “Плотницких рассказов”, “Свиданий по утрам”, “Чока-получока” и других произведений 60–70-х годов. Одно из отличий их от “Всё впереди” состоит в том, что в романе конфликт между “жизнью живой” и “жизнью мёртвой” изображён на московском материале.

Непродуктивен и подход Солженицына, оценивающего первую часть “Всё впереди” как практически отдельное произведение. Отсюда и идея о решительности Белова, появившейся во второй части романа, и последовавшее за ней логическое продолжение: “И ограничь автор свой роман этой 1-ю частью — он воплотил бы свои наизидания лишь в художественной форме, и мы могли бы упрекнуть его лишь в крайней непроявленности главных персонажей — Медведева и Бриша <...>”.

Зачем характеризовать первую часть “Всё впереди” как законченное произведение, зная о том, что роман задумывался, создавался и публиковался как единое, цельное творение? В таком подходе Солженицына видится предвзятость и исследовательский непрофессионализм.

А предвзятости и непрофессионализма в анализируемой статье с избытком. Например, французская сюжетная линия (для тех, кто не читал “Всё впереди”, поясню: речь идёт о туристической поездке трёх героев романа) оценивается Солженицыным, по сути, с тех же позиций, что и Иван Африканович (“только и мыслимый в отведённой ему непритязательной колее”). Белова Александр Исаевич помещает в *отведённую ему колею* и в очередной раз задаёт более чем странный вопрос: “Как сам он (Белов. — Ю. П.) вместились (разрядка моя. — Ю. П.) в подобную поездку?”

Вновь опуская комментарии, констатирую: в данном случае Солженицын мыслит как типичный “образованец”...

Несомненно, что большую часть и этого куска статьи, посвящённого “Всё впереди”, составляет пересказ (часто вольный). Тогда же, когда предпринимаются попытки анализа текста, часто отсутствуют доказательства, характеристики героев, цитаты и тому подобное. В других же случаях, в которых Солженицын подкрепляет свои частные оценки рассуждениями общего плана, периодически возникает обратный эффект. Так, после утверждения: “В тоне автора нарастает раздражение”, — высказывается не вызывающая возражений мысль: “Само по себе раздражение не может стать движущей силой хужожественной удачи”.

Оба этих суждения повисают в воздухе, ибо не имеют к роману Белова никакого отношения. Но они прямо характеризуют самого Солженицына, в основе творчества которого чаще и больше всего лежат раздражение, ненависть.

Нередко Александр Исаевич судит о словесности, как “человек с улицы”, не обладающий элементарными знаниями по, назову условно, теории литературы. Видимо, филологически образованному читателю даже с учётом, мягко говоря, “вывихнутости” языка Солженицына и при очень-очень-очень-очень-очень-очень большом желании невозможно проглотить предложения, подобные следующему: “Нарколога Иванова, которому всё более поручается выражать автора” (кость, застрявшую в горле, выделил разрядкой. — Ю. П.).

Не менее уязвимы высказывания Солженицына о “сплошь неудачном юморе”, “затрёпанных городских остротах” и последовавший затем вывод: “даже неловко читать”. Людям, рассуждающим подобным образом, с “неловкостью” советую: прочитайте хотя бы статью Михаила Бахтина “Автор и герой в эстетической деятельности”. А можно и без знаний, на уровне интуиции понять, что шутки, юмор героев — это не шутки и юмор Белова, между персонажами и автором “Всё впереди” существует (в каждом конкретном случае) разная дистанция. Через “городские остроты”, резко характеризующие Солженицыным, автор романа показывает духовное оскудение и выхолощенность жизни “шутников”.

Ещё более “неловко” комментировать солженицынский вывод, итожащий его суждения о юморе: “кончаешь 1-ю часть с ощущением: всё это — духовно неплотно”. Но “духовная плотность” обусловлена, в первую очередь, жанром произведения, героями и жизнью, находящимися в центре повествования. Поэтому, думаю, не может быть “духовной плотности” в таких произведениях, как “Горе от ума”, “Ревизор”, “Мёртвые души”, “Июнь”, “Вишнёвый сад”, “Котлован”, “Дом на набережной” и многих иных.

И, конечно, писатель, требующий “духовной плотности” от других, сам должен демонстрировать её в своём творчестве. Однако и в ранних, якобы классических произведениях (“Одном дне Ивана Денисовича”, “Матрёнин двор”), и в поздних рассказах (“На изломах”, “На краях”, “Абрикосовое варенье”, “Настенька”, “Молодняк” и т. д.) искомое качество отсутствует.

Порой Солженицыну, как в случаях с М. Шолоховым и Г. Жуковым, отказывают элементарная логика, чувство правды факта, правды жизни. Можно ли упрекать Белова за то, что он в романе игнорирует “остро новые ноты” середины 80-х годов, если события в произведении происходят в середине 70-х? К тому же не уточняется, какие ноты имеются в виду. А это, думаю, было необходимо сделать, так как собственно “новые ноты” зазвучали уже после публикации “Всё впереди”. Роман же Белова и “Ловля пескарей в Грузии” В. Астафьева стали первыми “новыми нотами” в литературе данного периода.

Не случайно именно названные произведения вызвали столь жёсткие, убийные оценки со стороны всей “прогрессивной общественности”. И в своей статье Солженицын в мягкой форме повторяет эти оценки. Проиллюстрирую сказанное на одном примере.

Как известно, большей частью либералов, “образованцев” Александр Исаевич давно (примерно со времени публикации “Наших плюралистов” и “Ленина в Цюрихе”) назначен антисемитом. После выхода двухтомника “Двести лет вместе” (2001–2002) на Солженицына обрушился очередной вал обвинений в антисемитизме.

И вот в 2003 году Александр Исаевич, ведя речь о герое “Всё впереди” Иванове, по сути, протягивает руку искателям антисемитов. Он задаёт риторические вопросы, адресованные, скорее, Белову, давно зачисленному теми же “мудрецами” из либералов, “образованцев” в антисемиты: “как будто

все причины произошедшего в еврейской принадлежности Бриша – неужели это евреи виноваты в беспутстве и развале русских семей?”

Либералы пошли дальше Солженицына: они не только обвинили автора “Всё впереди” в антисемитизме, но и в фашизме, человеконенавистничестве, женоненавистничестве. Эти и другие обвинения беспочвенны по разным причинам. Во-первых, вновь повторю, речи Иванова и других героев не есть трансляция взглядов Белова. Во-вторых, условно говоря, отрицательный персонаж Бриш нигде не отождествляется автором с еврейским народом, который писателем не характеризуется вообще. В-третьих, отрицательных героев – этнических русских – в романе, как и во всём творчестве Белова, многократно больше, чем евреев. И никому в голову не приходит обвинять Белова в русофобии. В-четвёртых, констатация еврейской национальности персонажа – проявление антисемитизма? Нет, конечно. Видимо, прав был Виктор Астафьев, назвавший в 1988 году главную причину нападков на роман Белова в письме к Владимиру Лакшину, одному из хулителей “Всё впереди”: “Спроси себя наедине иль в “передовом обществе” – не было бы гадких евреев в романе Василия Белова (точнее: одного еврея – Бриша. – Ю. П.), напал ли бы ты на него? Уверен, что нет” (Астафьев В. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. М., 2012).

Думаю, вместо того чтобы обвинять Белова в антисемитизме, давно пора признать его правоту, его провидческий дар. На примере Бриша писатель показал, условно говоря, тип цинично-предприимчивого еврея, который станет хозяином жизни через несколько лет после выхода романа. Тем же, кто, подобно Солженицыну, задаёт наивные или якобы наивные вопросы, в очередной раз напомины об общеизвестном о той глобально разрушительной роли, которую играли и играют в судьбе страны березовские, гусинские, ходорковские, чубайсы, гайдары, авены, швыдкие, прохоровы, ливановы и им подобные бриши.

Конечно, Белов не снимает с каждого героя, человека, с каждого русского ответственности за свою судьбу, судьбу своей семьи, народа, государства. В этом, собственно, главный пафос романа “Всё впереди”, а также многих статей, интервью писателя.

И всё же, как человек эмоциональный, Белов не мог не отреагировать на огульные обвинения в свой адрес. 4 августа 1989 года он, выступая на сессии Верховного Совета СССР, выразил резко-негативное отношение к идее первого заместителя премьера Никитина заселить “свободные земли Российского Нечерноземья” “мигрантами”. При этом Василий Иванович явно держал в уме и миф о себе, который активно внедрялся в массовое сознание после выхода “Всё впереди”, и традиционную реакцию либералов на выступление любого человека, отстаивающего русские интересы: “Товарищи журналисты из так называемых леворадикальных газет (здесь Василий Иванович не совсем точен: против автора “Всё впереди” объединенным фронтом выступили коммунистические, академические, демократические и, как тогда их называли, леворадикальные издания: “Правда”, “Известия”, “Знамя”, “Вопросы литературы”, “Московский комсомолец” и другие. – Ю. П.), только не клейте мне ярлык шовиниста. Ничего не получится. Я готов плакать, когда слушаю грузинские народные песни. Радуюсь тому, что Армения выстояла, когда у неё тряслась под ногами земля <...>. У меня радуется душа при виде грандиозного певческого поля в Литве. Я люблю стихи Навои и юмор Ходжи Насреддина. Я хочу, чтобы процветали все народы нашей страны, и, конечно, прежде всего, русский народ. Неужели любовь к своему народу – это шовинизм?” (“Литературная Россия”. 1989. № 37).

Те, к кому были обращены эти слова, относились, относятся и будут относиться к подобным откровениям с саркастическим недоверием. Переубедить их невозможно, да и нет смысла. Не для них приведу разные факты, дающие представление о позиции Белова по национальному вопросу, который конкретизирую на примере украинского.

В “Годе великого перелома” (1989) писатель не просто одним из первых, а чуть ли не первым в СССР показал трагедию раскулаченных украинских крестьян, сосланных на Север, но сделал это с редчайшим состраданием и высочайшим художественным мастерством. Об этой же трагедии Белов говорит в статье “Ремесло отчуждения”, ссылаясь на документы, цифры. При этом он, в частности, с горечью замечает: “Не ясно покамест и то, сколько украинских детей, стариков, женщин и мужчин было зарыто на импровизированных лесных кладбищах вдоль всей Северной железной дороги” (“Новый мир”. 1988. № 6).

С учётом нынешних реалий есть смысл уточнить: в отличие от российских либералов и украинских националистов, Белов в романе и в публицистике не рассматривает величайшую трагедию XX века как исключительно украинскую. Писатель изображает эту трагедию как трагедию русских, украинцев и людей других национальностей, которые стали жертвами преступной политики космополитической, прежде всего, — антирусской власти.

Солженицын несколько раз ставит в вину Белову факты его комсомольско-партийной биографии и этим объясняет якобы просчёты и неудачи творчества. С аналогичных позиций характеризуют судьбу Белова либералы, Виктор Астафьев (письмо Валентину Курбатову от 1 января 1992 года), и не только они.

Во-первых, сторонники такого формально-примитивного подхода упоминают большевиков, так как сущность человека, значение творчества определяют должностью, партийностью и так далее. Если руководствоваться данной “методологией”, то тогда сразу нужно поставить крест на произведениях сотен коммунистов с многолетним стажем, лауреатов Сталинской, Ленинской, Государственной и иных премий. Начать можно с А. Твардовского, А. Рыбакова, Ю. Трифонова, А. Вознесенского, Б. Окуджавы...

Во-вторых, в отличие от либеральных кумиров (Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского и многих других), в творчестве Белова нет прославления Ленина, Сталина, Дзержинского, Менжинского, Шмидта, комиссара Когана и просто “комиссаров в пыльных шлемах” и т. д.; нет подмены традиционных ценностей, утверждения антихристианских идей и многого другого. Творчество Белова боговдохновенно и православно по своей сути.

Вообще же Василий Иванович, “вечный член бюро обкома” (В. Астафьев), сделал и для своих земляков, и для всей страны гораздо больше, чем многие партийные и беспартийные балаболы и “чистюли”. Достаточно назвать асфальтовую дорогу, проложенную на родине писателя, и предостерегающий поворот северных рек. Можно привести и факт, свидетельствующий о том, как использовал своё “положение” Белов.

Уже во времена перестройки Василий Иванович не как коммунист или либерал пытался направить Михаила Горбачёва на путь истинный. По свидетельству Валентина Распутина (Распутин В. Служба Василия Белова// “Наш современник”. 2002. № 10), Белов дважды принесил руководителю страны книги Ивана Ильина (его — величайшего мыслителя и патриота — не случайно в либеральной “Новой газете” в 2014 году некто К. Мартынов назвал “философом кадила и нагайки”) и Ивана Солоневича. (Понятно, что у Горбачёва были принципиально другие кумиры.) Данный факт свидетельствует не только о русскости, но и наивности, редкой вере Василия Белова в человека. Эта вера, несомненно, корректировалась жизнью, что проявилось по отношению ко многим людям, к Солженицыну в том числе.

Вообще же первоначально произведение Солженицына упоминается Беловым как достоверный источник в “Записях на ходу” (“Москва”. 1991. № 7). Рассуждая о лозунге “диктатура пролетариата”, писатель иронично замечает: “Диктатура — она действительно, это самое... диктатура. Но при чём тут пролетариат? Да и что это за пролетариат с перстнями на пальцах? (Читайте Солженицына “Ленин в Цюрихе”).”

Уже в 1993 году, во времена осеннего противостояния Дома Советов с Борисом Ельциным, Белов, получив отказ из “Комсомольской правды” опубликовать своё открытое письмо Солженицыну, сделал это в “Советской России”. Комментарий писателя на реакцию Александра Исаевича предельно корректен, хотя понять отношение Белова нетрудно: “Не знаю, дошла ли публикация до Александра Исаевича Солженицына, но он не ответил на письмо, ни тогда, ни позднее...” (Белов В. Циники и симплициусы// “Наш современник”. 1994. № 10).

Как мы знаем, Солженицын ответил по-другому: поддержкой преступлений Ельцина и его окружения...

В последующие примерно пять лет происходит отрезвление части “правых”, которые первоначально восприняли Солженицына как большого писателя и русского патриота. Нечто подобное, думаю, можно сказать и о Василии Белове. В 2002 году писатель в беседе с Владимиром Бондаренко признался, что у него не лежит душа перечитывать Солженицына (“Наш современник”. 2002. № 10). В ответе на анкету Михаила Назарова среди рекомендуемых Беловым для чтения достойнейших русских писателей и мыслителей Александр Исаевич не называется (<http://webkamerton.ru/2012/12/egonarod-ne-zabudet/>). И это закономерно.

ЮЛИЯ КУДРИНА

“МЫСЛЬ — В ВЕРЕ, А НЕ В КОЛЕБАНИИ”

*Ну, что будет с Россией, если мы,
последние Могикане, умрем?*

Из письма Ф. М. Достоевского
К. П. Победоносцеву 24 августа/5 сентября 1879

Величайшие философы, писатели и учёные, композиторы и художники, творившие в России в конце XIX — начале XX веков, в “эпоху мысли и разума”, оставили потомкам глубочайшие философские работы, непревзойдённые до сих пор произведения культуры.

Среди выдающихся русских мыслителей того времени особое место занимает Ф. М. Достоевский, всемирно признанный писатель и пророк-философ. Рядом с ним, но в тени его стоит учёный, философ, правовед, писатель, не оценённый современниками и потомками К. П. Победоносцев. Дружба и идейная близость этих двух людей, их влияние друг на друга, на верховную власть, а тем самым — на выбор исторического пути развития России требует пристального внимания исследователя.

К. П. Победоносцев происходил из интеллигентной семьи. Его отец был профессором словесности в Московском университете, а дед — священником Звенигородского уезда. После окончания Императорского училища правоведения Константин Петрович служил в Правительствующем Сенате, а после защиты диссертации был избран профессором Московского университета. В конце 50-х годов XIX века он получил известность как писатель-публицист либерального направления, а его памфлет против министра юстиции был опубликован в Лондоне Александром Герценом.

В начале 1860 года вышел в свет первый том “Курса гражданского права”. По оценке газеты “Россия” (1907), “этой книгой Победоносцев создал науку русского гражданского права, и потому он по справедливости может называться отцом и родоначальником этой науки”.

Завоевав авторитет как знаток права и блестящий преподаватель, в 1861 году он был приглашён для преподавания к цесаревичу Николаю Александровичу. В 1865 году, после смерти цесаревича, по просьбе великого князя Александра Александровича он стал его преподавателем правоведения.

Быстрый карьерный рост К. П. Победоносцева объяснялся его незаурядными способностями, трезвым умом, независимым характером, прямоотой

и государственным подходом к решению многих трудных вопросов. Все эти качества высоко оценивались всеми, с кем ему приходилось иметь дело. Крупный сановник, писатель Е. М. Феокистов (1829–1898) писал, что Победоносцев “обладал умом недюжинным, живым и отзывчивым, всё его интересовало, ни к чему не относился он безучастно; образование его было многостороннее и основательное, не говоря уже об юридических и церковных вопросах, занимавших его издавна, и в литературе, и в науке, и даже в искусстве обнаруживал он солидные сведения. Он всё мог понять и о многом судил верно”.

По характеристике С. Ю. Витте, это был “редкий государственный человек по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности”.

Многие, знавшие его, констатировали, что он отличался широкой начитанностью, выступал в печати как переводчик с латинского сочинений Фомы Кемпийского и Августина Блаженного, с английского он переводил работы Гладстона, Спенсера, Карлейля, Эмерсона, а также переводил и с французского, немецкого и чешского языков. Французский дипломат и литератор Мельхиор де Вогюэ, лично знавший Победоносцева, свидетельствовал, что тот любил весьма далёких от православия Шелли, Суинберна, Броунинга. Последней литературной работой Победоносцева был перевод на русский язык Нового Завета. Он также написал “Историю Православной Церкви до начала разделения церквей”.

Император Александр II по достоинству оценивал Константина Петровича, выступавшего в те годы в защиту реформ. С 1868 года Победоносцев был назначен сенатором, а с 1872 года стал членом законосовещательного органа Государственного совета, в 1880 году – обер-прокурором Синода.

В конце 70-х годов в мировоззрении Константина Петровича произошли существенные перемены. Историческая ломка, начавшаяся в 60-х годах XIX века с отменой крепостного права, грозила России невиданными по размаху социальными, техническими, идейными и нравственными изменениями. Преобразования 60–70-х годов, проведённые Александром II, породили ещё более острые проблемы и противоречия. По словам К. П. Победоносцева, “перестройка (термин из того времени. – Авт.), начатая Александром II и многими мыслящими людьми поддержанная, скоро продемонстрировала разрушительные последствия буржуазной эволюции”. Общество стало терять равновесие. Нравственное, моральное разложение затронуло все слои общества. Кризисное состояние политической власти грозило коллапсом.

Многие видные политические и общественные деятели как консервативного, так и либерального направления (к примеру, либерал Б. Н. Чичерин) считали, что в России нет ещё нужных условий для перехода к конституционному режиму, а проведение либеральных реформ возможно лишь при наличии твёрдой государственной власти.

В 1881 году Чичерин писал: “Казалось бы, что совершённые преобразования должны были поднять русскую жизнь на новую высоту, дать крылья слишком долго скованному народному духу. А между тем, в действительности произошло не то. Вместо подъёма мы видим упадок и умственный, и нравственный, и отчасти материальный. Вместо нового благотворного порядка везде ощущается разлад. Повсюду неудовольствие, повсюду недоумение. Правительство не доверяет обществу, общество не доверяет правительству. Нигде нет ни ясной мысли, ни руководящей воли. Россия представляет какой-то хаос, среди которого решимость проявляют одни разрушительные элементы, которые с неслыханной дерзостью проводят свои замыслы, угрожая гибелью не только правительству, но и всему общественному строю. Последнее злодеяние переполнило меру; оно показало, что мы должны ежеминутно трепетать за самые священные основы народной жизни”.

Известный русский педагог С. А. Рачинский, посетивший Петербург в дни воцарения Александра III, писал в своём дневнике: “Вообще чувствуется близость катастрофы. Весь Петербург снизу доверху бредит конституцией, и единственный оплот против всеобщего безумия – Победоносцев. Интригам и сплетням против него нет конца. Власти нигде не чувствуется, остался только её призрак. Если государь не возьмёт всего в руки сам – потрясения неизбежны”.

К. П. Победоносцев, превратившийся в это время из умеренного либерала в образцового консерватора, видел спасение России в обращении к её историческим традициям. Василий Розанов писал о нём: “Победоносцев

нервно ненавидел общество и общественность, и в этом отношении произносил слова удивительной дерзости, но уже по их темпераменту и вообще по отсутствию в нём лукавства, хитрости, двуличия, притворства, заискивания, по этому свободному прекрасному в нём духу, он был наш! Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь – улицы”.

Летом 1873 года Победоносцев становится помощником Достоевского в редакции журнала “Гражданин”, работая с ним вместе над редактированием поступавших в редакцию материалов. Из письма Ф. М. Достоевского жене Анне Григорьевне от 26 июля 1873 года: “Вчера приехал Победоносцев, был в редакции, ждал меня, но я не был и просил запиской заехать к себе в 9-м часу. Я был у него вчера и сидел до 12. Всё говорил, много сообщил и ужасно просил опять сегодня приехать. Если же я буду болен, то дать ему знать, и он сам ко мне приедет сидеть. Укутал меня пледом, и так как кроме служанки, в пустой квартире не было никого, то, несмотря на выбежавшую в переднюю служанку, провожал меня по трём тёмным лестницам вниз, со свечой в руках, до самого подъезда. На острове Вайте читал моё “Преступление и наказание” (в первый раз в жизни) по рекомендации одного лица, слишком известного тебе одного моего почитателя, который сопровождал в Англию, следовательно, дела ещё не совсем плохи”.

Речи Победоносцева в Сенате и Государственном совете, отличавшиеся железной логикой и силой убеждения, приковывали всеобщее внимание. Часто они были резкими и безапелляционными, вплоть до того, что он мог заявить, что ему надоело слушать “болтовню” на заседаниях Совета. Однако его ум и широкая образованность вызывали у окружающих невольное уважение. Известный юрист А. Ф. Кони писал в своих воспоминаниях, что большинство выступавших на заседаниях Совета постоянно смотрели в его сторону, “жадно отыскивая в сухих чертах его аскетического лица знак одобрения или сочувствия тому, что они говорили, подделываясь под взгляды “великого инквизитора”, как они его заочно называли”.

Дружбой с Победоносцевым дорожили многие русские писатели, поэты, художники и литераторы, в том числе И. С. Аксаков, А. Н. Майков, А. А. Фет, Я. П. Полонский, художники В. М. Васнецов, И. Н. Крамской, композиторы П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков и многие-многие другие. Но дружба, возникшая между К. П. Победоносцевым и Ф. М. Достоевским, носила особенный характер.

На первый взгляд, эта дружба в глазах некоторых соотечественников казалась парадоксальной. Социалист и бывший каторжник, азартный игрок Ф. М. Достоевский не мог иметь ничего общего с обер-прокурором Синода, сенатором-консерватором, “противником реформ”, наставником царских детей. В действительности, эти два человека в столь сложный момент Российской истории оказались в одном политическом лагере, ибо их идейная близость была чрезвычайной.

Если в 40-х годах Достоевский выступал как оппозиционер существующему строю и был даже замешан в революционной пропаганде петрашевцев, то в последующие годы, после возвращения с каторги в его мировоззрении произошёл резкий поворот.

В 70-х годах он становится активным сторонником монархии, выступая за сильную государственную власть. Редактирование журнала “Гражданин”, откликнувшегося на все волнующие вопросы внутренней и внешней политики, общение с руководителями правительственного курса делают Достоевского одним из влиятельнейших людей в вопросах воздействия на общественное мнение и умы интеллигенции. Он получает в России настоящую политическую трибуну. Его публицистические произведения принимают резкую идеологическую заострённость. Его философские идеи, опирающиеся на широкие исторические основы о всеславянском единении, о призвании русских в Азии и на Босфоре, о цивилизаторской роли России на Ближнем Востоке приобретают большую популярность в широких общественных кругах и в верховной государственной власти.

Из переписки писателя и государственного деятеля видно, что Победоносцев постоянно снабжал Достоевского материалами для его “Дневника писателя”, давая о каждом выпуске обстоятельную оценку. Постепенно он становится его консультантом по вопросам текущей государственной политики. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 года: “С будущего же года, уже решил

теперь непременно, возобновлю “Дневник писателя”. Тогда опять прибегну к Вам (как прибегал и в оны дни) за указаниями, в коих, верю горячо, мне не откажете”.

“Если напишете мне хоть полсловечка, то сильно поддержите дух мой... от Вас всегда услышишь живое и подкрепляющее слово, а я именно в подкреплении нуждался. Ваш совершенно преданный всегдашний слуга Ф. Достоевский”.

“Как я радуюсь полученному от Вас известию о скором выпуске Дневника, — писал в ответном письме 2 августа 1880 года Победоносцев. — В добрый час и благослови Вас Боже! Лишь бы Ваша мысль стояла в Вас самих ясно и твёрдо, в вере, а не в колебании, — тогда нечего обращать внимание на то, как она отразится в разбитых зеркалах — еже есть журналы и газеты наши. Пусть блудсловят сколько угодно: Ваша речь найдёт себе дорогу сквозь весь этот лай паршивых шавок”.

Они познакомились зимой 1871-1872 годов в доме князя В. П. Мещерского*, регулярно встречались в петербургских салонах на “средах” у князя В. П. Мещерского, на “пятницах” у Я. П. Полонского, на вечерах у великого князя К. К. Романова.

Но самыми творческими встречами были их встречи по субботам на квартире К. П. Победоносцева на Литейном проспекте. Задушевные беседы, на которых они обсуждали философские и религиозные проблемы бытия и мироздания, пути развития дорогой им России, а также сюжеты произведений Ф. М. Достоевского, длились далеко за полночь.

“Для него исключительно у меня был назначен вечер субботний, — писал К. П. Победоносцев писателю И. С. Аксакову в дни похорон Достоевского, — и он нередко приходил проводить его вместе со мной, и своего “Зосиму” он задумывал по моим указаниям: много было между нами задушевных речей”.

Благодаря жене Фёдора Михайловича — А. Г. Достоевскую — за присылку нового издания “Братьев Карамазовых”, К. П. Победоносцев в письме от 10 марта 1904 года писал ей: “В ту пору ходил он ко мне по субботам вечером и с волнением рассказывал новые сцены романа”.

Во многом они были единомышленниками, одинаково смотрели на многие явления жизни. 19 мая 1879 года Достоевский писал Победоносцеву из Старой Руссы о смысле книги “Proucontra”, о богохульстве и опровержении богохульства: “Богохульство это взял, как сам чувствовал и понимал сильнее, то есть так именно, как происходит оно у нас теперь в нашей России у всего (почти) верхнего слоя, а преимущественно у молодёжи, то есть научное и философское опровержение бытия Божия уже заброшено, им не занимаются вовсе теперешние деловые социалисты (как занимались во всё прошлое столетие и в первую половину нынешнего). Зато отрицается изо всех сил создание Божие, мир Божий и смысл его”.

“В беседах Победоносцева с Достоевским, — писал исследователь Достоевского Л. Гроссман, опубликовавший в 1934 году сорок писем Победоносцева к Достоевскому, — было нечто, напоминающее философские диалоги, диспуты или исповеди героев его романов”. Л. Гроссман проводил параллель между тонким стилистом старцем Тихоном, читающим исповедь Ставрогина, и Победоносцевым, читающим рукопись Достоевского.

Влияние Победоносцева на Достоевского во время работы последнего над “Карамазовыми” было очень значительным. Фёдор Михайлович принимал руководство над ним с благодарностью, просил отзывов, разъяснял свои позиции, искал поддержки, делился своими планами и замыслами. Из письма Победоносцева Достоевскому от 16 августа 1879 года: “Рад душевно тому, что вы сообщаете мне о новой книге “Карамазовых”. Буду ждать нетерпеливо выхода августовской книги Р. В. (“Российский Вестник”. — Ю. К.) Ваш “Великий инквизитор” произвёл на меня сильное впечатление и разъяснения — но ещё не дождался. Вы пишете, что 1/10 доли не выполнили против задуманного; но это ведь стоит того, чтобы заняться ею в цельном приёме, пополнить и переделать что нужно. К сожалению, полноте и цельности немало вредит то, что роман и пишется, и выдаётся частями. Если бы можно было вам, напи-

* Мещерский Владимир Петрович (1839-1914) — князь, внук Н. К. Карамзина, писатель-публицист, редактор-издатель журнала “Гражданин” в 1873-1874 годах, который редактировал Ф. М. Достоевский.

савши всё, всё вместе обозреть и проверить, во сколько раз вы были бы довольнее... Впрочем и то сказать, что всякий художник творит по-своему, и вы, если бы выжидали, может быть, никогда и не решились бы выпустить своё произведение. Желая вам тихих дней, тихого настроения, чтобы мысль зрела и округлялась в тишине. Всякий день имеет судьбу свою, и есть дни, когда колос вдруг спелеет и вдруг наливается...”

“Дневник” Вам непременно надобно издать в следующем году... к этому Вы нравственно обязаны”, — писал Победоносцев Достоевскому в другом письме.

Фёдор Михайлович в своих корреспонденциях Победоносцеву открыто признавался, что приезжает к нему, чтобы “дух лечить” и “ловить слова напутствия”, и особо подчёркивал “полную идейную солидарность”. “Благодарю Вас от всей души за Ваше доброе прекрасное ободрившее меня письмо, — писал Фёдор Михайлович в августе 1880 года. — Именно ободрившее, потому что я как человек всегда нуждаюсь в одобрении от тех, которым верю, ум и убеждения которых я глубоко уважаю... мнение таких людей, как Вы, — решительная для меня поддержка”. Из письма от 19 мая 1880 года: “Мою речь о Пушкине я подготовил и как раз в самом крайнем духе моих (наших то есть, осмелюсь так выразиться) убеждениях, а потому я жду, может быть, некоего поношения”.

24 августа / 5 сентября 1879 года Достоевский пишет из Эмса Победоносцеву о книге “Русский иннок” и в конце письма замечает: “Во всяком случае, очень беспокоюсь и очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень. Писал же с большой любовью”.

Заключительная часть письма свидетельствовала о глубоком уважении Достоевского к Победоносцеву и полном взаимопонимании: “До свидания, добрейший и искренно уважаемый Константин Петрович, дай Вам Бог много лет здравствовать — лучшего пожелания в наше время и не надо, потому что такие люди, как Вы, должны жить. У меня порою мелькает глупенькая и грешная мысль: ну, что будет с Россией, если мы, последние Могикине, умрём? Правда, сейчас же и усмехнусь на себя. Тем не менее, всё-таки мы должны и неустанно делать. А Вы ли не деятель?”

Фёдор Михайлович в письмах постоянно выражает своё восхищение личностью Победоносцева. Из письма Достоевского от 19 мая 1880 года: “За Вашею драгоценною деятельностью слежу по газетам. Великолепную речь Вашу воспитанникам читал в “Московских новостях”. Примите, глубокоуважаемый Константин Петрович, уверение не только в самых искренних моих чувствах, но и в глубокой прекрасной надежде на всю пользу, которой жду, да и не я один, а все, от Вашей новой прекрасной деятельности Ваш приверженец и почитатель Ф. Достоевский”.

Незадолго до своей смерти К. П. Победоносцев в письме от 24 ноября 1906 года написал вдове писателя: “Немного уже осталось старых друзей его — и я ещё доживаю, и думаю, что счастливы многие, не дожившие до нашего времени. Моё знакомство с ним не с ранних годов. Оно началось с вечеров у Мецерского, а потом мы сошлись ближе, и я помогал ему работать, когда свалился ему на шею “Гражданин”. А в последние годы часто приходил он ко мне по субботам на беседу — и, как теперь помню, как, бывало, одушевляясь и бегая по комнате, рассказывал он главы “Карамазовых”, которые писал тогда”.

Действительно, многие персонажи, их мысли и действия в произведениях Достоевского были подсказаны ему К. П. Победоносцевым. Его критических отзывов на написанные главы писатель ждал, и часто они становились руководством для творческого воплощения его замыслов.

Не все современники знали о дружбе этих двух великих русских людей. Однако известный художник М. Нестеров в своих воспоминаниях, описывая проезд Победоносцева на открытие Владимирского собора в Киев в 1896 году, написал: “А вот и сам Константин Петрович подходит к нам. Его суровости как не бывало. Он весь сияет. Это его праздник. Ведь он всю жизнь искал в людях намёка на идеалы, на их осуществление, и вот тут (речь идёт об освящении Владимирского собора в Киеве, в росписях которого участвовали Васнецов и Нестеров. — Ю. К.) ему кажется, это осуществление есть... Он всячески спешит нас приветствовать, обласкать, говорит с нами совсем не “победоносцевски”, а просто, душевно, горячо, вот так, должно быть, он говорил и о многом с Ф. М. Достоевским”.

К. П. Победоносцев был одним из первых, кто оценил духовную сторону творчества Достоевского, его публицистический талант, гражданский подход и высокую религиозность. Как для Достоевского, так и для Победоносцева было характерно необычайно ясное и углублённое видение тогдашних процессов всемирно-исторического развития. Оба философа с поразительной остротой и глубиной осознали всю грандиозность и далеко идущие последствия той исторической ломки, которая началась в России в 60-х годах XIX века, которая окажет на Россию и весь мир большое влияние.

Достоевский писал, что в современном ему обществе господствует “чрезвычайное экономическое и нравственное потрясение... Прежний мир, прежний порядок отошёл безвозвратно... Всё переходное, всё шатающееся...” После написания “Преступления и наказания” он заметил: “Порассказать таково то, что мы все, русские, пережили в последние десять лет в нашем духовном развитии, — да разве не закричат, что это фантазия!” Оба они были едины во мнении, что реформаторские усилия в стране направлены более на разрушение, чем на созидание.

Главная идея Победоносцева о создании сильной монархии путём восстановления в русской жизни допетровской церковности находит отклик у Достоевского. Об этом свидетельствуют строки из его письма Победоносцеву от 1879 года: “Культуры нет у нас, дорогой Константин Петрович, а нет через нигилиста Петра Великого. В результате русский человек, хоть всё целиком у европейского социализма взял, а ведь и тут проделал так, что ни на что не похоже”. Раскрывая эту тему в “Заметках” от 1864 года, Достоевский писал, что “самодержавие себя создало (при Петре) на европейский манер и утратило мысль о древнерусском отношении к своему народу. Государственная центральная идея у нас через норму перешла, враждебное и победное европейское начало в себя приняла, а следовательно, завела дружину для самосохранения, то есть чиновников, прежде же оно свободно относилась к народу и Земского собора не боялась”.

Достоевский высоко ценил в Победоносцеве глубокое понимание им роли самодержавия, религии, Православия, Церкви. “Царь для народа — не внешняя сила, не сила какого-то победителя (как было, например, с династиями прежних королей во Франции), а всенародная, все единящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую он возлюбил... Для народа царь есть воплощение его самого, весь его идеал надежд и верований его”. Таким образом, самодержавие Достоевский рассматривал как категорию духовного порядка: “У нас, русских, — писал он, — конечно, две страшные силы, стоящие всех остальных во всём мире, — нераздельность миллионов народа нашего и теснейшее соединение его с монархом”.

В “Дневнике писателя” Фёдор Михайлович писал: “Да ведь уже отношение одно зипуна и лаптя к царю, как к отцу, есть уже огромное, адамантовое основание всякой великой реформы. Это уже действительно сила, на которую можно опереться... Да разве не на этом адамантовом основании, не на этой силе создавалась крестьянская реформа — разве не на этой? Кто же бы мог к ней приступить, если бы не знал заранее и не веровал, что народ — сын царёв, а царь — отец его, что он всех спасёт, всех удержит, всех созидает”.

Переключаясь с Достоевским, Победоносцев в “Морском сборнике” отмечал: “Доверие массы народа к правителям основано на вере, то есть не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует. Поэтому даже язычники и магометане больше имеют доверия и уважения к такому правительству, которое стоит на твёрдых началах верования — какого бы то ни было, — нежели к правительству, которое не признаёт своей веры и ко всем верованиям относится одинаково”.

По мнению Константина Петровича, “убережь народ от невежества, от дикости нравов, от разврата, от губительной заразы нелепых возмутительных учений можно только посредством Церкви и школы, связанной с церковью”.

По Достоевскому, “нравственные идеи народа даются религией или формируются народной религией. Чтоб отвергнуть и разбить старые начала, собственность, семью и пр., надо разбить старую веру, они и объявили, что они атеисты.

У нас вся народность основана на христианстве. Слово “крестьянин”, слова “Русь православная” — суть коренные наши основы. У нас русский, от-

рицающий народность (а таких много), есть непременно атеист или равнодушный. Обратное: всякий неверующий и равнодушный решительно не может понять и никогда не поймёт ни русского народа, ни русской народности...”

Согласно Достоевскому и Победоносцеву, союз Церкви и монархического государства, определённый историческими особенностями России, – союз жизненно необходимый. Монархическая власть, стоящая на православной вере, являлась главным фактором формирования и развития национального самосознания и культурного развития в самых разных областях русской жизни.

“В Православной вере Россия нашла духовную стихию, которая её спасла, – писал Победоносцев. – Только полная самобытность веры, от которой не должно быть никаких отступлений, спасёт сейчас Россию, когда происходят столь бурные религиозные и политические события на Востоке и на Западе... Важнейший исторический долг, жизненная потребность России – сохранить Православную веру от всех нападков, с какой бы стороны они ни исходили”.

Фёдора Михайловича, как и Константина Петровича, интересовал явный и скрытый смысл таких понятий, как “реформы”, “демократия”, “либерализм”, “свобода”, “народоправие”. Оба философа задавались вопросом: в какую форму выльется европейский опыт в России?

В “Московском сборнике” К. П. Победоносцев пишет: “Горький исторический опыт показывает, что демократы, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих столь сильно негодовали. Демократическая форма правления – самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества. Вот причина, почему эта форма повсюду была преходящим явлением и, за немногими исключениями, нигде не держалась долго, уступая место другим формам. И не удивительно. Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия её суть проявления единой воли, и без этого невысказанно никакое правительство. Но в каком смысле множество людей или собрание народное может проявить единую волю? Демократическая фразеология не останавливается на решении этого вопроса, отвечая на него известными фразами и поговорками, вроде таких, например: “воля народная”, “общественное мнение”, “верховное решение нации”.

Особенно близким для обоих мыслителей было философское обоснование понятия “свободы”, о котором так много шумела тогда либеральная пресса. “В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, – писал Достоевский в “Дневнике писателя”, – тогда как настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей, так, чтобы под конец достигнутого такого нравственного состояния, чтобы всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность желаний ведёт лишь к рабству вашему... Вот почему чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение... А между тем, это в сущности не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег”.

О необходимости установления “предела свободы для человеческой личности” писал и К. П. Победоносцев. Из его наставлений великому князю Сергею Александровичу, брату цесаревича Александра Александровича: “Всё, что есть в жизни, – добро, правда, любовь, знание, чистота, разум – всё это, как сказано о Царствии Божьем, нудится, и нуждницы восхищают её. Вся тайна возрастания в силу заключается в одном слове – “самоограничение, воздержание”. Надобно смолоду привыкнуть стеснять себя, показать себе предел, лишать себя во имя долга и правды. Кто не выработал в себе этой привычки, тому нет спасения”.

Но главный вопрос, который волновал обоих философов, был вопрос о путях дальнейшего пути развития России. “Одной материальной выгодой, одним “хлебом” такой высокий организм, как Россия, не может удовлетвориться. И это не идеал и не фразы: ответ на то, что весь русский народ и всё движение его в этом году... Такой народ не может внушать опасения за порядок, это не народ беспорядка, а народ твёрдого воззрения и уже ничем непоколебимых правил, народ-любитель жертв и ищущий правды, и знающий, где она, народ крепкий, но сильный, честный и чистый сердцем, как один из высочайших идеалов его – богатырь Илья Муромец, чтимый им за святого. Сердце хранителя такого народа должно радоваться на такой народ, и оно радуется, и народ про это знает”^{*}.

^{*} Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М., 1876. С. 190.

В своих произведениях Ф. М. Достоевский всесторонне показал русского человека, особый склад его души и ума. Известный исследователь русского романа, служивший в те годы секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге виконт Мельхиор де Воюэ, не раз встречавшийся с Достоевским, в своём дневнике за 1880 год после встречи с Фёдором Михайловичем записал фразу, сказанную писателем в беседе с ним: “Мы обладаем гением всех народов и сверх того русским гением – вот почему мы можем понять вас, а вы не в состоянии нас постигнуть”^{*}.

* * *

*Александр III не был ни либералом,
ни реакционером, а был честный,
благородный, прямой человек...*

С. Ю. Витте

Идеи Достоевского оказали большое влияние на формирование мировоззрения великого князя Александра Александровича, будущего императора Александра III.

“Живи так, как если бы от тебя зависела судьба мира”. Этой хорошо известной формуле Достоевского великий князь старался следовать всю свою жизнь. Не случайно он получил в истории имя Царя-мироотворца.

С юности Александр Александрович понял своё царственное призвание, свой царский и человеческий долг. Его дневниковые записи свидетельствуют об этом: “Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. В душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжёлая и трудная обязанность, но “Да будет воля Твоя, Боже”. Меня постоянно ожидает страшная и трудная обязанность и ответственность, но я не падаю духом, потому что знаю, что Господь со мною, и в трудные минуты моей жизни я уповал на Его милосердие и постоянно молюсь, чтобы Он укрепил мой дух и благословил меня на эту трудную обязанность”.

До 1870 года цесаревич Александр Александрович высказывал весьма либеральные взгляды. Вокруг наследника престола в эти годы образовался кружок, в составе которого были братья Лейхтенбергские^{**}, И. И. Воронцов-Дашков, С. Д. Шереметев, В. П. Мещерский, С. Велепольский. На собраниях кружка обсуждали исторические судьбы России.

Признавая необходимость проведения “великих реформ”, члены кружка считали, что реформы должны были осуществляться в соответствии с известной уваровской триадой: “Православие, самодержавие и народность”. Все участники кружка были одушевлены “мыслью о необходимости “подъёма народного самосознания” и искали в прошедшем своей родины идеалы для устройства будущих судеб её...

По мнению И. С. Тургенева, опубликовавшего во французском журнале “Обзор политики и литературы” от 26 марта 1881 года статью по поводу вступления Александра Александровича на престол, “на путь либерализма вела его (Александра Александровича. – Ю. К.) природная склонность”. “Он, – писал И. С. Тургенев, – казалось, был связан сердечными узами с французскими республиканцами. Сюда входило, главным образом, нескрываемое отвращение к императору Наполеону, двойственность которого, привычка к хитростям и интригам оскорбляли все его честные инстинкты. Но когда наступила коммуна, на него нашёл яростный гнев против всех делателей кровавых революций, и он не раз повторял с некоторой досадой по поводу своих минувших убеждений: “Так вот до чего всё это доводит!”

Некоторые весьма осведомлённые современники в своих воспоминаниях свидетельствовали, что Александр III несмотря на то, что был открытым сторонником самодержавной власти, не являлся принципиальным противником

* Е. М. Vogue. “Journal” Paris–Saint-Petersburg, 1877–1883/ P., 1932. P. 164.

** Лейхтенбергский герцог Николай Максимилианович, князь Романовский (1843–1890), принц, генерал-адъютант, шеф лейб-гвардии Конногвардейского полка, президент Минералогического общества с 1865 года, участник русско-турецкой войны; Лейхтенбергский герцог Сергей Максимилианович, князь Романовский (1849–1877), погиб во время русско-турецкой войны.

реформ своего отца. Так, воспитатель царских детей, директор в 1882–1886 годах Морского корпуса адмирал Д. С. Арсеньев (1832–1915), отмечал, что Александр III в душе “был скорее так называемого либерального направления”, сочувствовал “великим реформам” и желал их продолжения, но мешала смута*.

Публицист И. И. Колышко утверждал, что значительный поворот политического курса после 1 марта 1881 года, возможно, стал следствием стечения обстоятельств, прежде всего, значительного революционного движения и убийства Александра II, а также того, что в тот момент К. П. Победоносцев и Д. А. Толстой выглядели убедительнее и умнее, чем М. Т. Лорис-Меликов и Н. П. Игнатьев.

Об эволюции взглядов Александра III на протяжении всей его жизни рассказывали многие близко стоявшие к нему деятели. В последние годы своего царствования император Александр III ко многим вопросам уже относился иначе, нежели в первые годы своего царствования; выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным. Витте писал: “Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия и в котором она продолжала бы жить при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошёл бы на авантюры, подобные той, которая была предпринята и которая закончилась японской войной, Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, то есть к тому пути жизни государства, когда оно живёт не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа...”

* * *

Нынешние великие силы в истории подняли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни русской идеи ярче, чем бы то ни было до сих пор...

Ф. М. Достоевский

На фоне политической нестабильности и разгула терроризма во второй половине XIX века в России в работах философов, писателей, общественных и политических деятелей рассуждения о национальной идее звучали всё чаще и громче. Ф. М. Достоевский, в чём сходится большинство российских специалистов в области русской философии и общественной мысли, был первым философом, который ввёл в литературу термин “русская идея”, хотя само определение “идеи нации” вошло в российскую историко-юридическую науку впервые благодаря философу Н. Данилевскому, по мнению которого, “идея нации” была идеей объединения народа в рамках национального государства. Эта идея должна была опираться как на этнографические и исторические основания, так и, в значительной степени, на религиозно-культурные.

Великий князь Александр Александрович познакомился с романом Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание” в конце 1860 года с огромным интересом и познакомил с ним цесаревну. После выхода в свет в 1873 году отдельным изданием романа Достоевского “Бесы” Победоносцев дал понять писателю, что им интересуются цесаревич и цесаревна. По его совету Достоевский послал августейшей паре “Дневники писателя”, а также только что опубликованных “Братьев Карамазовых”.

Ф. М. Достоевский высоко оценил деятельность цесаревича Александра Александровича в качестве председателя Комитета по сбору пожертвований в пользу голодающих Самарской губернии. 21/22 марта (2/3 апреля) 1868 года Фёдор Михайлович писал из Женевы поэту А. Н. Майкову: “Как я рад, что наследник в таком добром и величественном виде появился перед Россией и что Россия так свидетельствует о своих надеждах на него и о своей любви к нему”.

* Лукоянов И. В. Конец царствования Александра III // Проблемы социально-экономической истории России XIX–XX. СПб, 1999. С. 254.

В конце 1871 — начале 1872 года Достоевский написал своё первое письмо наследнику. Эта мысль была подсказана ему князем В. П. Мещерским, с которым Достоевский познакомился осенью 1871 года, а в начале 1872 года стал посещать его “среды”. В это время В. П. Мещерский пользовался вниманием наследника и часто бывал в Аничковом дворце.

Вскоре Достоевский, испытывавший большие материальные затруднения, получил от цесаревича первую денежную поддержку, которая была ему крайне необходима. “Получил денег, — писал Достоевский 4 февраля 1872 года своей племяннице С. А. Ивановой, — и удовлетворил самых нетерпеливых кредиторов. Но совсем ещё не расплатился, далеко от того, хотя сумму получил немалую...”

28 января 1872 года Достоевский направил благодарственное письмо цесаревичу, в котором, в частности, говорилось: “Осмеливаясь ещё раз писать к Вашему высочеству, а вместе с тем почти всегда выразить мои чувства: одолжающему с сердцем великодушным почти всегда несколько тяжела слишком прямо высказываемая благодарность им одолженного, хотя бы и самая искренняя. Чувства мои смутны: мне и стыдно за большую смелость мою, и в то же время я исполнен теперь восхищения от драгоценного внимания Вашего высочества, оказанного просьбе моей. Оно дороже мне всего, дороже самой помощи, мне оказанной Вами и спасшей меня от большого бедствия...” Заканчивалось письмо словами: “С чувством беспредельной преданности осмеливаюсь пребыть Вашего императорского высочества покорнейшим слугою Фёдор Достоевский”.

Когда в начале 1873 года вышли отдельным изданием “Бесы”, Достоевский через Победоносцева послал их цесаревичу. В этом произведении писатель в предвидении судьбы России показал тех, кто готовил гибель её. Пётр Верховенский и его сообщники из “Тайного общества” с “центральным комитетом” в Женеве, с их заветными планами в отношении русского населения: “Все рабы в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство...”, “...мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат...”, “...народ пьян, матери пьяны, церкви пусты...”, “...разврата неслыханного, подленького, когда человек обрацается в гадкую, трусливую, жестокую, самолюбивую мразь — вот чего надо!...”

10 февраля 1873 года Достоевский написал наследнику третье письмо. “Письмо это было адресовано Его Императорскому Высочеству наследнику цесаревичу Александру Александровичу по следующему поводу, — писала в примечаниях к письму Анна Григорьевна Достоевская. — Его Высочество всегда интересовался произведениями Фёдора Михайловича, в разговоре с К. П. Победоносцевым выразил желание знать, как автор “Бесов” смотрит на своё произведение. В начале 1873 года вышло отдельное издание этого романа, и тогда через К. П. Победоносцева Фёдор Михайлович поднёс книгу Его Высочеству, сопроводив подношение выше написанным письмом”.

В письме Достоевского наследнику были следующие строки: “Мне льстит и меня возвышает духом надежда, что Вы, государь, наследник одного из высочайших и тягчайших тревив в мире, будущий вожатый и властелин земли русской, может быть, обратив Ваше малое внимание на мою попытку, слабую, я знаю это, но добросовестную, изобразить в художественном образе одну из самых опасных язв нашей настоящей цивилизации, цивилизации странной, неестественной и несамобытной, но до сих пор ещё остающейся во главе русской и русской жизни”.

Зная через Победоносцева и Аксакова, что цесаревичу близки идеи российской самобытности, Достоевский вскоре пишет ему новое послание, в котором объясняет, что заставило его написать роман “Бесы”. “Это почти исторический этюд, которым я желал объяснить возможность в нашем странном обществе таких чудовищных явлений, как Нечаевское преступление. Взгляд мой состоит в том, что эти явления — не случайность, не единичны, а потому и в романе моём нет ни списанных событий, ни списанных лиц. Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо раз с гордостью назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими.

В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе как русские способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития. Мы забыли, в восторге от собственного унижения нашего, непреложнейший закон исторический, состоящий в том, что без подобного высокомерия о собственном мировом значении никогда мы не сможем быть великой нацией и оставить по себе хоть что-нибудь самобытное для пользы всего человечества. Мы забыли, что все великие нации тем и проявили свои великие силы, что были так “высокомерны” в своём самомнении, и тем-то именно и пригодились миру, тем-то и внесли в него — каждая! — хоть один луч света, что оставались сами, гордо и неуклонно, всегда и высокомерно самостоятельными”. Заканчивалось письмо следующими словами: “Простите мне, Всемилолюбивейший Государь, смелость мою, не осудите беспредельно любящего Вас и дозволяете высылать Вам и впредь ежемесячно каждый дальнейший выпуск “Дневника писателя”. С чувством благоговейного уважения осмеливаюсь назвать себя Вашего Императорского Высочества благодарным и преданным слугою Фёдор Достоевский”.

16 ноября 1876 года К. П. Победоносцев по просьбе Достоевского передает цесаревичу вышедшие издания “Дневника писателя” с сопроводительным письмом, в котором говорится: “Ф. М. Достоевский просит меня представить Вам при письме его к Вашему высочеству вышедшие до сих пор номера издания “Дневника писателя”; исполняю это с охотой и притом позволяю себе обратить внимание Ваше на это издание Достоевского. В нём немало статей, написанных с талантом и с чувством. Вашего Высочества верноподданный, К. Победоносцев. 16 ноября 1876 года”.

В своём письме наследнику престола Фёдор Михайлович обращает его внимание на значение для России и её культуры “русской идеи”: “Нынешние великие силы в истории русской подняли дух и сердце русских людей с непостижимой силой на высоту понимания многого, чего не понимали прежде, и осветили в сознании нашем святыни “русской идеи” ярче, чем когда бы то ни было до сих пор. <...> Не мог и я не отозваться всем сердцем моим на всё, что началось и явилось в земле нашей, в справедливом и прекрасном народе нашем. В “Дневнике” моём есть несколько слов, горячо и искренне вырвавшихся из души моей, я помню это...”.

Цесаревич стал “почитателем” Достоевского, “почитательницей” таланта великого писателя была и 32-летняя цесаревна Мария Фёдоровна. Ей трижды посчастливилось встретиться с Достоевским. Первая встреча произошла 29 апреля 1880 года в Санкт-Петербурге в доме графини Менгден на Дворцовой набережной, 34, на вечере в пользу Общины сестер милосердия святого Георгия, покровительницей которой она являлась.

Согласно воспоминаниям жены Достоевского А. Г. Достоевской, “в антракте Фёдор Михайлович был приглашён во внутренние комнаты, по желанию императрицы Марии Фёдоровны, которая благодарила за его участие в чтении и долго с ним беседовала”.

Однако дочь писателя Л. Ф. Достоевская излагает эту встречу иначе: “На одном из таких вечером присутствовала Великая княгиня Мария Фёдоровна, будущая русская императрица. Она тоже когда-то потеряла маленького сына и не могла его забыть. Услышав чтение моего отца (отрывок из “Братьев Карамазовых”. — Ю. К.), цесаревна принялась горько плакать, вспомнив об умершем младенце. Когда Достоевский кончил читать, она обратилась к дамам, организовавшим вечер, и сказала, что хотела бы с ним поговорить. Дамы поспешили удовлетворить её желание. Очевидно, они были не слишком умны; зная несколько недоверчивый характер Достоевского, они боялись, что он откажется выполнить просьбу цесаревны, и решили принудить его к этому хитростью. Они приблизились к моему отцу и сказали ему с таинственным выражением лица, что “одна очень интересная личность” хотела бы поговорить с ним о его чтении.

— Что за интересная личность? — спросил Достоевский удивлённо.

— Вы сами увидите... Она очень интересная... Пойдёмте скорее с нами! — ответили молодые женщины, завладели моим отцом и, смеясь, повлекли его за собой в маленькую гостиную. Они ввели его туда и закрыли за ним двери. Достоевский был очень удивлён этим таинственным поведением. Маленькая гостиная, в которой он находился, была слабо освещена лампой, за-

тенённой ширмой; молодая женщина скромно сидела у столика. В этот период жизни отец уже не заглядывался больше на молоденьких женщин. Он приветствовал незнакомку, как приветствуют даму, которую встречают в салоне своей знакомой, а так как он подумал, что две юные шалуньи позволили себе его мистифицировать, то вышел из комнаты через противоположную дверь. Достоевский, без сомнения, знал, что цесаревна присутствовала на вечере, но подумал, что она уже ушла, или, возможно, он уже забыл по своей обычной рассеянности о её присутствии. Он вернулся в большую гостиную, был сразу же окружён своими почитателями, вступил в разговор, заинтересовавший его, и совершенно забыл о “мистификации”. Четверть часа спустя молодые дамы, которые привели его к дверям маленькой гостиной, бросились к нему.

— Что она вам сказала? Что она вам сказала? — спрашивали они с любопытством.

— Кто она? — спросил отец удивлённо.

— Как это кто? Цесаревна, конечно!

— Цесаревна? Но где же она? Я её не видел...”

Цесаревна Мария Фёдоровна не была огорчена столь неудачной попыткой познакомиться с великим писателем. По свидетельству дочери Достоевского, зная о дружбе между её отцом и великим князем Константином Константиновичем Романовым — знаменитым поэтом, — цесаревна обратилась к последнему с просьбой познакомить её с Достоевским.

4 мая 1880 года великий князь направил Фёдору Михайловичу письмо: “В прошлое воскресенье на концерте в пользу Георгиевской общины Ваше чтение особенно понравилось государыне цесаревне, и ей захотелось поближе с Вами познакомиться. Она будет у меня в четверг 8 мая; если Вы не откажетесь прочесть что-нибудь из Ваших сочинений, разумеется, по собственному Вашему выбору, мы будем Вам крайне благодарны”. Дочь писателя свидетельствует: “Отец был несколько смущён тем, что не узнал цесаревну, фотографии которой висели тогда во всех витринах; он принял приглашение”.

8 мая 1880 года в Мраморном дворце великого князя Константина Константиновича состоялся вечер Фёдора Михайловича Достоевского. “Ф[ёдор] Михайлович читал из “Карамазовых”, — писал на следующий день Константин Константинович в своём дневнике. — Цесаревна всем разливала чай, слушала крайне внимательно и осталась в восхищении. Я упросил Ф[ёдора] Михайловича прочесть исповедь старца Зосимы, одно из величайших произведений (по-моему). Потом он прочёл “Мальчик у Христа на ёлке”. Елена (Шереметева — внучка императора Николая I. — Ю. К.) плакала, крупные слёзы катились по её щекам. У цесаревны глаза тоже подёрнулись влагой”. На следующий день великий князь записал в своём дневнике: “Был у цесаревны — благодарит за вчерашний вечер”.

Мария Фёдоровна, не узнавшая Достоевским на вечере у графини Менгден и представленная писателю великим князем Константином Константиновичем, произвела явное впечатление на Фёдора Михайловича. В своём письме из Москвы жене А. Г. Достоевской от 27–28 мая 1880 года Достоевский сообщал: “Я рассказал Каткову о знакомстве моём с высокой особой у графини Менгден и потом у К[онстантина] К[онстантиновича]. Был приятно поражён, совсем лицо изменилось”.

Жена Достоевского в своих воспоминаниях писала: “Теперь пришёл его (Достоевского. — Ю. К.) черёд восхищаться цесаревной. Будущая русская императрица была изумительной личностью, простой и доброй, с присущим ей даром нравиться людям”.

Мария Фёдоровна подробно рассказала мужу о встрече с Достоевским, который произвёл на неё глубокое впечатление. Наследник давно имел намерение лично познакомиться с Фёдором Михайловичем. Ober-прокурор К. П. Победоносцев со своей стороны неоднократно говорил цесаревичу, что и Достоевский хотел быть принятым в Аничковом дворце. Встреча Достоевского с наследником престола и цесаревной в Аничковом дворце состоялась 16 декабря 1880 года.

9 декабря 1880 года К. П. Победоносцев писал Достоевскому: “Почтеннейший Фёдор Михайлович. Я предупредил письменно Великому князю, что вы завтра в исходе 12-го часа явитесь в Аничков дворец, чтобы представиться ему и цесаревне. Извольте идти наверх и сказать адъютанту, чтоб об вас доложили и что цесаревич предупреждён мною”.

Дочь писателя Л. Ф. Достоевская вспоминает об этой встрече: “Будущий Александр III очень интересовался всеми русофилами и славянофилами, ожившими от него крупных реформ. Достоевский также хотел с ним познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам, и отправился в Аничков дворец, который был обычно резиденцией наших наследных Великих князей. Их высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу.

Очень характерно, что Достоевский, пылкий монархист в тот период жизни, не хотел подчиняться этикету двора и вёл себя во дворце, как привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и её супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной <...>. Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались, как с простым смертным. Он не обиделся на это и впоследствии говорил о моём отце с уважением и симпатией. Этот император видел в своей жизни так много холопских спин! Возможно, ему не доставило неудовольствия то, что в своём обширном государстве он нашёл менее податливый, чем у других, хребет”.

Действительно, цесаревич глубоко уважал и почитал Достоевского, “горячего проповедника, — по словам Победоносцева, — основных начал веры, народности, любви к Отечеству”. Его глубокая религиозность была очень близка наследнику престола и его жене. Недаром графиня Александра Андреевна Толстая называла Достоевского “человеком евангельским”. В одном из писем к своему знаменитому племяннику она передала то впечатление, которое Достоевский производил на своих поклонников и почитателей. “Впечатление, — писала она, — которое он произвёл на меня... своею личностью и беседою... было необыкновенное. Мало того, что он казался мне человеком евангельским, не от мира сего, но самая речь его, порывистая и огнеустая, производила потрясающее впечатление”.

Достоевский знал о том, что цесаревич и цесаревна были его “почитателями”. В своём письме к жене от 20 июля 1873 года он прямо говорил об этом.

Император Александр III действительно хорошо знал произведения Достоевского. Об этом, в частности, пишет в своих воспоминаниях историк Н. Е. Забелин. Во время открытия Исторического музея в Москве и осмотра экспозиции музея, Александр III с Марией Фёдоровной посетили комнату, где были размещён музей писателя: “Затем пошли в комнату Достоевского. Здесь государь и великий князь много говорили о сочинениях Достоевского... Видно, знаком с Достоевским отлично”*.

Граф С. Д. Шереметев, историк, предводитель дворянства Московской губернии, констатировал, что “Достоевскому он (Александр III. — Ю. К.) придавал большое значение”.

Об этом свидетельствует и письмо К. П. Победоносцева, написанное им после похорон Фёдора Михайловича 20 января 1881 года: “Вы знали и ценили покойного Достоевского, — писал он, — по его сочинениям, которые останутся навсегда памятником великого русского таланта. Смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он едва ли не один был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к Отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие, и действие его было весьма велико и благотельно. Многие несчастные молодые люди обращались к нему как к духовнику, словесно и письменно. Теперь некому заменить его”.

В январе 1881 года, когда Ф. М. Достоевский умер, цесаревич и цесаревна выразили глубокое соболезнование семье покойного: “Очень и очень сожалею о смерти бедного Достоевского. Это большая потеря и положительно никто его не заменит. Граф Лорис-Меликов уже докладывал сегодня государю (Александр II. — Ю. К.) об этом и просил разрешения материально помочь семейству Достоевского”. На погребение писателя была выделена большая сумма. Вдове и детям Достоевского назначена пенсия в две тысячи рублей и, наконец, у церковных властей было получено разрешение похоронить писателя в Александрово-Невской лавре. На похоронах русского писателя впервые присутствовал член императорской фамилии — великий князь Дмитрий Кон-

* Забелин И. Е. Дневники. Записные книжки. М., 2006.

стантинович (об этом вспоминала вдова покойного): “На одной из панихид присутствовал юный тогда великий князь Дмитрий Константинович со своим воспитателем, что приятно поразило присутствовавших”. Всё это свидетельствовало о чрезвычайно уважительном отношении царской власти к великому русскому писателю.

* * *

Александр III был истинно русским царём, какого до него Россия давно не видела...

...Он хотел, чтобы Россия была Россией, чтобы она, прежде всего, была русской, и сам он подавал тому лучший пример. Он явил собой идеальный тип “истинно русского человека”.

Роберт Солсбери — премьер-министр Великобритании в 1885-м, 1886–1892-м и 1895–1902 годах, депутат палаты от консервативной партии, член палаты лордов

Своим царствованием Александр III открыл новый исторический период в жизни русского народа — период расцвета народного самосознания, проведение в жизнь народных, чисто русских, самобытных начал. В. О. Ключевский писал, что в царствование Александра III русское историческое сознание поднялось на значительную высоту.

Годы царствования Императора Александра III ознаменовались подъёмом национального духа, что особенно ярко проявилось в культурной жизни страны. Философ Л. Н. Тихомиров по этому поводу писал: “Некоторое время процесс ослабления государства был задержан редкими личными управленческими качествами императора Александра III. Его способность надзора за бюрократическим механизмом, его замечательно русская личная натура достигла возможности не только парализовать вредные стороны “порепороченного” положения, а даже вызвать подъём национального духа и творчества”.

Сравнивая время царствования Александра II и Александра III, К. Н. Леонтьев в беседе с Л. Н. Тихомировым отмечал: “Те, кто пережил лично времена Александра III, не могут себе и представить резкой разницы его с эпохой Александра II. Это были как будто две различные страны. В эпоху Александра II весь прогресс, всё благо в представлении русского общества неразрывно соединялись с разрушением исторических основ страны. При Александре III вспыхнуло национальное чувство, которое указывало прогресс и благо в укреплении и развитии этих исторических основ. Остатки прежнего, антинационального, европейского, каким оно себя считало, были ещё очень могущественны, но, казалось, шаг за шагом отступали перед новым, национальным”^{*}.

Академик Семёнов Тянь-Шанский П. П., выступая в 1890 году на съезде Императорского Русского Географического Общества, особо подчеркнул, что в годы правления Александра Александровича в истории России пробудилась та духовная самобытность, без которой невозможна культурно-историческая жизнь никакого великого народа, “народное самопознание, — по его словам, — должно было обратиться на научное изучение той страны, в которой суждено было развиваться русскому народу”^{**}.

Александр III начал, по выражению Ф. М. Достоевского, “с оздоровления корней”. В “Дневнике писателя” Фёдором Михайловичем были сформулированы главные постулаты об основах существования нации и государства. “Общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической

* К. Н. Леонтьев: Pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 года. Антология. Книга 2. СПб. 1995.

** П. П. Семёнов Тянь-Шанский. Речь председателя ИРГО на Съезде Общества. СПб, 1890.

идее, на претворении камней в хлебы ничего не основывается”; “нации живут не одной лишь заботой о цене рубля и биржевой спекуляцией, а великим чувством и великою, единою и всех освежающею мыслью, соединением с народом”. “Национальная сила рождается тогда, когда народ невольно признаёт верхних людей с ними заодно”.

Александр III положил начало “нравственному собиранию Руси”. Его Манифест восшествия на престол призывал “к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действиях учреждений”.

“Возвращение к родному быту, к основным началам русской жизни началось с Александра III”, – писал известный русский философ Н. Ф. Фёдоров, один из основоположников “идеи космизма” Об этом свидетельствовали и многие представители художественной жизни России. И. Е. Репин в “Далёком близком” писал: “Жизнь русская проснулась от долгой нравственной и умственной спячки, прозрела; первое, что она хотела сделать, – умыться, очиститься от негодных отбросов, от рутинных элементов, отживших своё время. Сила свежей русской мысли царила везде, весело, бодро шли вперёд и ломали без сожаления всё, что находили устарелым, ненужным...”

Заметные изменения в годы царствования Александра III происходили и в русской музыкальной жизни, о чем констатировал В. Э. Направник, сын композитора Э. Ф. Направника. “За 20 лет пребывания отца (композитора Э. Ф. Направника. – **Авт.**) в России в настроении общества произошла большая перемена – “русификация” общества сделала большой шаг вперёд, на всё национальное пошла большая мода, которая из столицы распространилась в провинцию...”

Национальный поворот произошёл и в зодчестве, и в ваянии, и в живописи. Русское зодчество повернуло “к монументальному русскому наследству, завещанному историей, то есть к стилю времён первых русских царей из дома Романовых”.

В художественной жизни страны перемены зримо просматривались и в характере художественных произведений – работах художников-передвижников, поддержанных Императором Александром III, в частности, в исторических полотнах В. И. Сурикова, в церковно-религиозной живописи, в частности, в росписях Владимирского собора в Киеве В. Васнецова и М. Нестерова.

В императорской коллекции, ставшей основой Русского музея и насчитывающей 900 полотен, 580 были произведениями русских художников. Особое место занимали картины на сюжеты из русской истории. Среди них картины В. И. Сурикова “Покорение Сибири” и “Боярыня Морозова”, 14 пейзажей и батальных сцен русско-турецкой войны 1877–1878 годов, В. М. Васнецова, К. Маковского, И. Е. Репина и многих других русских художников.

Современник Александра III профессор-искусствовед А. В. Прахов утверждал, что в эпоху его царствования более, чем когда-либо, обнаруживается стремление “внести” художественное просвещение в народные массы и организовать народный художественный труд во всём его объёме и при том с решительным исполнением национального направления, с желанием сохранить народные редкие черты во всей их неприкосновенности*.

Как император, так и императрица Мария Фёдоровна, будучи глубоко русскими людьми по духу и вере, относились к русскому народу и к России с высоким чувством любви и преданности. “Он (Александр III. – **Авт.**) глубоко, до самозабвения, любил Россию, – писал в своих воспоминаниях профессор Н. А. Вельяминов, – верил в её большое будущее и считал своим святым долгом служить ей всеми своими силами”. Императрица Мария Фёдоровна в одном из писем своему сыну Георгию писала: “Можно более чем гордиться от сознания того, что принадлежишь к такому великому и прекрасному народу!”

Русскость – это та черта, которая, в первую очередь, бросалась в глаза всем, кто встречался с императором. Он был воспитан в твёрдой православной вере своей матерью, императрицей Марией Александровной. Его учителями были люди, глубоко любившие Россию: историк С. М. Соловьёв и фи-

* Прахов А. В. Император Александр III как деятель русского художественного просвещения. С-П., 1903.

олог Ф. И. Буслаев. Большую роль в формировании его личности сыграл К. П. Победоносцев. И. С. Тургенев, написавший после встречи в Париже с цесаревичем Александром Александровичем во французском журнале статью “Александр III”, отмечал: “Всё, что о нём можно сказать, это то, что он русский и только русский. Он представляет даже замечательный пример влияния среды согласно теории Дарвина: в его жилах течёт едва несколько капель русской крови, и, однако, он до того слился с этим народом, что всё в нём — язык, привычки, манеры, даже самая физиономия — отмечены отличительными чертами расы. Где б его не увидели, везде бы назвали его родину”^{*}.

По словам С. Ю. Витте, “националистическая точка зрения была не чужда духу императора Александра III, но национализм его был в высокой степени благородный. . . Император Александр III понимал, что он есть император всех своих подданных. Более всех своих подданных он, конечно, любил русских. . .”

Чего стоят письма, направленные цесаревичем с фронта русско-турецкой войны в связи с тяжёлыми потерями под Плевной. И. И. Воронцову-Дашкову, 27 декабря 1877 года: “Вы, конечно, слышали про молодецкие подвиги наших войск за Балканами, но, к сожалению, мы потеряли людей, большими, обмороженными и даже совершенно замёрзшими!” Осознание бесполезности гибели тысяч русских солдат чувствуется во многих его письмах. “Невыносимо грустно и тяжело, это то, что мы опять потеряли такую массу людей, столько дорогой русской крови пролилось снова на этой ужасной турецкой земле!” — из письма от 5 сентября 1877 года Императрице Марии Фёдоровне^{**}.

Князь В. П. Мещерский, внук историка Н. М. Карамзина, главный редактор журнала “Гражданин”, отмечал, что патриотизм Александра III носил “спокойный” и “благородный” характер. Он (Александр III. — Авт.) создал ту “разумную середину” как во внешних делах, так и во внутренних. Своим чутьём к правде воздать России русское, Европе — европейское, и всем весом разумной середины, коей был обладателем и истолкователем, он стал на страже против увлечений в ту или другую крайность^{***}.

Да, Александр III придерживался политики русификации страны, однако Император не сочувствовал крайним шовинистам, поскольку понимал, что они дискредитируют власть и русский народ. Об этом свидетельствует его фраза: “Легко им с их балаганным патриотизмом, когда они ни за что не отвечают, не дам я в обиду Россию”. Не выдерживают критики утверждения ряда исторических публицистов, будто Александр III был антисемитом. Александр Исаевич Солженицын в книге “Двести лет вместе” (1795–1995) так ответил на это обвинение.

“После 1917 года группа исследователей тщательно искала доказательства по всем открывшимся государственным архивам — и нашли только противоположное, начиная с того, что энергичного расследования (факторов еврейских погромов на территории России после 1881 года. — Ю. К.) требовал сам Александр III. Но кто-то безымянный изобрёл и пустил по миру ядовитую клевету, будто Александр III — неизвестно кому, неизвестно когда и при каких обстоятельствах — сказал: “А я, признаться, сам рад, когда бьют евреев!” И принялось, печаталось в эмигрантских освобожденческих брошюрах, вошло в либеральный фольклор, и даже вот через 100 лет, поныне, это выныривает в публикациях как историческая достоверность. . .”^{****}

Приписываемый Александру III в ряде научных публикаций лозунг “Россия для русских” не соответствует действительности. Он не нашёл документального подтверждения.

В 70-е годы XIX века русские составляли 72,5% населения Европейской России при 19,2% населения Сибири и Средней Азии и 18% жителей Кавказа. По выражению Л. Тихомирова, русская нация давала “ток общей государственной жизни и дух, который мог бы выражаться в верховной власти”. Историк-философ П. И. Ковалевский право на господство в Российской империи русской нации выводил из права принесённых жертв, права пролитой крови за Отечество.

* И. С. Тургенев. Alexandre III // “Revuepolitiqueetlitteraire” 1881, 29 mars. IV. Полное собрание сочинений. Т. 14. Л., 1967.

** ГАРФ ф. 642, РГИА, ф. 919, оп. 2., д. 2454., л. 65-65 об.

*** Князь В. П. Мещерский. Воспоминания. М., 2001>

**** А. И. Солженицын. Двести лет вместе (1795–1995). Часть I. М., 2001.

Высокое чувство патриотизма основывалось на религиозных чувствах, владевших тогда многими подданными Российской империи. Брат Александра Александровича, великий князь Николай Александрович, рано покинувший земной предел, в одном из своих писем отцу, императору Александру II, писал: "...мы, русские, любим своё Отечество по-своему, теплее и глубже, потому что с этим связано высоко религиозное чувство, которого нет у иностранцев и которым мы справедливо гордимся. Пока будет в России это чувство к Родине, мы будем сильными".

Религиозные чувства русских людей удивляли и поражали иностранцев, посещавших в те годы Россию. Леди Дженни Черчилль (урожденная Джаром), супруга Рандольфа Черчилля (канцлера казначейства в консервативном кабинете Роберта Солсбери) и мать Уинстона Черчилля, приезжавшая вместе с мужем в Россию, писала: "Нет нации, где бы патриотизм и преданность религии были так сильно развиты, как в русской, и если бы цивилизация России через своих правителей достигла большей степени развития, то нам (англичанам) пришлось бы поступаться нашим первенством и идеалом".

Православная терпимость помогла самодержавию создать огромное государство – Российскую Империю. По словам Д. И. Менделеева: "Руководимые самодержавным единством и православной терпимостью, мы можем и должны выполнять многие из того бесконечного, что предстоит миру ещё совершить, чтобы приблизиться к идеалу общего блага".

Александр III сделал много для возвращения в страну "русского духа", утраченного в прежние царствования. Когда он вступил на престол "Высочайшим повелением" от 7 мая 1883 года он дозволил украшать здания исключительно русским флагом. Флаг состоял из трех полос: верхней – белой, средней – синей, нижней – красной. Этой цвета символизировали содружество Белой, Малой и Великой Руси. 5 апреля 1896 года Особое Совещание при Российском министерстве юстиции постановило "считать "народным" (национальным) или "государственным" исключительно бело-синий-красный цвет".

Разговорный язык Александра III был французский, но со своими подданными и в семье он говорил только по-русски. Заслугой его было и возвращение к русскому языку в дипломатии. Как свидетельствуют архивные источники, когда российский посланник из Гааги послал в Петербург реляцию, составленную, как было уже принято, на французском языке, Александр III сделал на ней пометку: "А что, он по-русски не умеет?" Впоследствии министру иностранных дел Н. К. Гирсу было вменено в обязанность вести переписку Министерства иностранных дел, по возможности, на русском языке*. На русском же составлялись и донесения русских миссий за границей, шедшие в Петербург**.

Император ясно осознал, что пренебрежение к русскому как к государственному языку приводит к неумению грамотно изъясняться по-русски, а также мыслить на родном языке и "чувствовать" и "действовать" по-русски.

В годы правления Александра III при его непосредственном участии в России были созданы Русская опера, Русский музей, активно работало Русское Императорское историческое общество, во главе которого стоял сам Император, было подготовлено создание русского национального театра во главе с драматургом Островским, состоялось открытие Императорского исторического музея, державной волей было учреждено Русское Императорское Палестинское общество. Недаром профессор Московского университета И. В. Цветаев, основатель Музея изящных искусств Императора Александра III (ныне Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, расположенный на Волхонке в Москве), назвал Александра III "державным покровителем наук и искусств в нашем Отечестве".

Политические и общественные деятели Европы неоднократно подчёркивали русский характер политики Императора Александра III. Профессор современной истории, директор Свободной школы политических наук в Париже, член Академии нравственных и политических наук Института Франции, неоднократно в 1872–1907 годах посещавший Россию, Анатолий Леруа-Болье после смерти Александра Александровича сказал: "История назовёт Александра III истинно русским царём".

* См. АВПР. Отчёты МИДа 1886 год.

** См. Г. Л. Кессельбраннер. Известные дипломаты России. М., 2002. С. 290.

Аполлон Майков, давая оценку царствования Александра III, писал о нём: “Он верил в устои вековые...” Он написал и следующие строки:

*Воскресла духом Русь, сомнений мрак исчез.
И то, что было в ней лишь чувством и преданьем,
Как кованой броней, закреплено сознанием.*

Художник М. В. Нестеров в дни ухода из жизни Императора писал В. И. Сурикову: “Он воплощал в себе всё святое, лучшее, характерное для нравственного облика народа... Со времени Александра Невского, можно смело сказать, никто более не выражал в себе так ярко свой народ, как Александр III... Со смертью Александра III Россия потеряла своё вековечное лицо — ушёл действительно благочестивый Государь, любивший Россию больше жизни, берегший её честь, славу, величие”.

* * *

*Влияние его (Ф. М. Достоевского)
было великое и благотворное.*

К. П. Победоносцев —
М. Н. Каткову, январь 1881 года

В 70-х годах признание Ф. М. Достоевского в самых широких слоях русского общества, в том числе и среди молодёжи разной идейной направленности, становится всеобщим. Сам писатель в письме К. П. Победоносцеву 24 августа 1879 года называет своё “литературное положение “почти феноменальным”, “как человек, пишущий против европейских начал, компрометировавший себя навеки “Бесами”, то есть ретроградством и обскурантизмом, — как этот человек, помимо всех европействующих, их журналов, газет и критиков, — всё-таки признан молодёжью нашей, вот эту самую расшатанную молодёжью, нигилятиной и проч.? Они объявили уже, что от меня одного ждут искреннего и симпатичного слова и что меня одного считают своим руководящим писателем”.

Идейные и личные сближения Достоевского с такими деятелями эпохи Александра II, как К. П. Победоносцев, Терентий Филиппов*, М. Н. Катков, носили особый характер. “Влияние его (Ф. М. Достоевского), — писал К. П. Победоносцев М. Н. Каткову в январе 1881 года, — было великое и благотворное”. Мир властителей и судей становится миром Достоевского. Царская власть признаёт его “как выразителя своих основополагающих воззрений и предначертаний”. Среди почитателей писателя оказываются и члены Императорской семьи, особенно её молодые представители, покорённые глубиной психологического таланта, гражданской и философской позицией Достоевского.

Сыновья Императора Александра II Сергей и Павел Александровичи зачитываются произведениями Фёдора Михайловича и хотят лично познакомиться с ним. Знает книги Достоевского и сам царь. Он высоко ценит преданность писателя самодержавию, его мысли о необходимости воспитания молодёжи в Православии и высоконравственном духе. В начале 1878 года по просьбе Императора Достоевского посещает воспитатель царских детей Д. С. Арсеньев. От имени царя он передаёт ему просьбу, “чтобы Фёдор Михайлович своими беседами повлиял благотворно на юных великих князей”**.

“Фёдор Михайлович, — пишет Анна Григорьевна, — в то время был погружён в составление плана романа “Братья Карамазовы”, и отрываться от этого дела было трудно, но желание царя-освободителя было, конечно, для него законом. Фёдору Михайловичу приятно было сознавать, что он имеет возможность исполнить хотя бы небольшое желание лица, перед которым он все-

* Один из могущественных сановников, в течение 20 лет руководивший Государственным контролем страны с правом личных докладов Императору. Обладал широкой эрудицией в культурных и религиозных вопросах; консерватор, среди его литературных друзей, кроме Достоевского, были Алексей Писемский, поэты Майков и Яков Полонский, драматург Островский.

** Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 326-328.

гда благоволил за великое дело освобождения крестьян – за осуществление мечты, которая была дорога ему ещё в юности и за которую отчасти он так жестоко пострадал в своё время. . .”

Первое свидание Достоевского с великими князьями состоялось 24 апреля 1878 года. По воспоминаниям Анны Григорьевны, оно “произвело на Фёдора Михайловича самое благоприятное впечатление: он нашёл, что они обладают добрым сердцем и недюжинным умом и умеют в споре отстаивать свои, иногда ещё незрелые убеждения, но умеют с уважением относиться и к противоположным мнениям своих собеседников”. Встречи с Фёдором Михайловичем оказались очень благодетельными для Сергея и Павла, и приглашения Достоевского со стороны членов царской семьи приняли регулярный характер.

Анна Григорьевна писала в своих воспоминаниях: “Отношения Фёдора Михайловича с Великими князьями продолжались до самой смерти. Их Высочества, бывшие в 1881 году за границей, прислали мне по поводу моей утраты в высшей степени сочувственную телеграмму: “Искренно сочувствуем вашему несчастью; имели счастливый случай знать Вашего покойного мужа лично и ценить его большой талант, его сердце, столь полное любви к родине и ближнему и его благодетельное влияние; разделяем общее горе и понимаем потерю, понесённую вами и всю глубину вашего горя: да поддержит вас Бог! *”

Тесные контакты сложились у Достоевского и с семьёй великого князя Константина Николаевича (1827–1892), второго сына Николая I. Генерал-адмирал руководил Морским министерством, в 1860–1861 годах был председателем Государственного совета. Из воспоминаний дочери Достоевского: “Великий князь Константин Николаевич тоже попросил моего отца повлиять на его молодых сыновей Константина и Дмитрия. Это был интеллигентнейший человек, широко европейски образованный, он хорошо воспитал своих сыновей патриотами и христианами. Дружба моего отца с молодыми князьями длилась до самой его смерти. . . Он любил их обоих, но отдавал предпочтение Великому князю Константину, в котором угадал будущего поэта. . .”

С молодым великим князем (Константином Константиновичем), несмотря на разницу лет, у Достоевского установились дружеские отношения. “Он часто приглашал мужа, – писала Анна Григорьевна, – к себе побеседовать глаз на глаз или, созывая избранное общество, просил мужа прочесть по своему выбору что-либо из его нового произведения. . . Так, раза два-три Фёдор Михайловичу случалось читать у Великого князя в присутствии супруги наследника цесаревича, Её Высочества Великой княгини Марии Фёдоровны, Марии Максимилиановны Баденской и других особ императорской семьи”.

Как-то после очередной встречи с писателем Константин Константинович записал в дневнике: “Я люблю Достоевского за его чистое детское сердце, за глубокую веру и наблюдательный ум”.

Среди множества писем соболезнования, полученных Анной Григорьевной после смерти Фёдора Михайловича, особенно тронуло вдову письмо Константина Константиновича: “Вы понесли тяжёлую, незаменимую утрату, – писал великий князь, – и не Вы одни, но и вся Россия глубоко скорбит с Вами о потере великого человека, несшего всю свою жизнь ей в жертву! Милосердный Бог, даровав Вам нелёгкий крест, ниспосылает Вам в то же время и редкое утешение: Ваше тяжёлое горе разделяется и оплакивается всеми Вашими соотечественниками, всеми, знавшими лично и не знавшими Фёдора Михайловича. . . Простите мне вольность, с которою я обращаюсь к Вам в эти высокие тяжёлые минуты, когда ничто земное не может дать вам утешения, и верьте чистосердечности моих чувств. Всецело преданный Вам Константин”.

Второй сын великого князя Константина Николаевича – Дмитрий Константинович – 30 января 1881 года присутствовал на панихиде в доме Достоевского.

* Цит. по: Церковно-общественные вести. 1881. № 18. С. 7.

ВАЛЕНТИН ОСИПОВ

В БИОГРАФИИ НЕ ТОЛЬКО “НЕДОРОСЛЬ”

К 270-летию — из забытого и малоизвестного Дениса Фонвизина 18 сюжетов в 3-х разделах с приобщением к жизни студента, поэта, соавтора первой Конституции (запрещенной), дипломата, путешественника и знакольца Ломоносова и Вольтера, любимца Пушкина, с неустаревающими наставлениями для власть имущих.*

Что ты из Фонвизина делаешь “нехриста”. Он из перерусских русский.

А. Пушкин

В том государстве, где писатели наслаждаются дарованной нам свободой, имеют они долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих Отечеству.

Д. Фонвизин

Вопрос к читателям: имя Д. И. Фонвизина нынче на слуху ли — на державных трибунах и на радио, на виду ли — на ТВ и в театрах? Ответ один: нет!

ТВОРЕЦ

1. Как великий Поэт возобновлял память о великом Сатирике

1830-й. Первый номер “Литературной газеты” творился Александром Пушкиным вместе с издателем Антоном Дельвигом. Выделю: они обнародовали отклик на собрание сочинений Дениса Фонвизина. Племянник сатирика

* Этот мой просветительский очерк рождён тремя обстоятельствами. 1. Моя домашняя библиотека хранит с датой 1866 года “Сочинения, письма и переводы” Дениса Фонвизина и факсимильный вариант “Литературной газеты” 1830 года. Вот и одарили ценнейшими фактами. 2. Увы, недостало должного внимания книге “Фонвизин” М. Люстрова (2013, серия “ЖЗЛ”). 3. Без отклика у владельцев СМИ остался мой фельетон “Сатира. Плач по кончине жанра” (“Журналист”. 2014, № 7).

отмечал издательскую неряшливость, однако использовал газету, чтобы оповестить: готовится новое издание со множеством ещё не опубликованного.

Итак, два корифея напомнили обществу о том, кто родился 86 лет тому назад, да и скончался уж 40 лет как (3 апреля 1745 – 1 декабря 1792). Сколько же воды утекло в пучину забвения!

Но Пушкин был твёрдо уверен: надо приобщать новые поколения сограждан к творчеству и биографии Фонвизина. На власть не надеясь, он в своих 13-ти номерах – пока Дельвиг был в отъезде – напечатал 10(!) фонвизинских материалов: его сочинения или о нём.

Начал с того, что уговорил друга П. Вяземского написать для номера 2 очерк “Введение къ жизнеописанию Фон-Визина” (завершится в следующем). И вот с чего он начинался: “История литературы народа должна быть вместе историею и его общежитием...” И перечислил выдающихся творцов с явной целью утвердить Фонвизина в их ряду: Ломоносов, Державин, Карамзин, Крылов, Жуковский и – Пушкин.

Выделил неуходящую злободневность его сатиры: “Главные творения его имели много успеха в своё время... не утратили и ныне ходячей цены и сохранились в народном обращении”.

Но и сожаления, увы, надо повторять и повторять даже в XXI столетии: “В обществе не дознался я отголоска Фонвизина... наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощённая суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет места в себе для преданий вчерашнего”.

Новый номер. Подписчики внимали не только концовке очерка Вяземского, но и самому Фонвизину. Шёл впервые напечатанный “Разговор у княгини Халдиной” при сноске “Изъ третьей части Полнаго собранія сочиненій Фонъ-Визина”. Даже по трём извлечениям очевидно, что был он смел и выразителен!

– Ну, Сорванцов, голубчик! твоё честолюбие выходило из меры. Ты хотел из капитанов быть вдруг бригадирского чина. Я недавно читала Римскую Историю, и нахожу, что твоё честолюбие есть Катилинское. Берегись, Сорванцов, чтобы и тебя не постиг какой-нибудь бедственный конец!”

– Теперь я накануне быть статским... Да и в Москву, в которой первые визиты сделаю шестернею...” Это Сорванцов высказывает свои чиновные вождения.

– Он вселял в сердца наши ненависть к Отечеству, презрение ко всему русскому”. Это княгине открывают глаза на учителя-иностранца.

А каков ещё один диалог – истинно крамола по тем временам:

“Здравомысл: Я хотел бы только, чтобы в университетах наших преподавалась особенно политическая наука.

Сорванцов: Что вы чрез сию науку разумеете?

Здравомысл: Разумею науку, научающую нас правилам благочиния; науку коммерческую и науку о государственных доходах... Сим способом будет Россия иметь во всех частях гражданской службы людей годных и просвещённых...”

Ещё номер. Пушкин взялся за перо сам! И дал отпор газете “Северная пчела” своего заклятого идейного врага Фаддея Булгарина. Она посмела утверждать, что в России “нет литературы”! И что в ответ? Сожаления, что замалчивается не только Фонвизин, но и Ломоносов, и Державин.

7-й номер. И снова от Пушкина напоминания: “Пожалеть неволью, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы”.

8-й номер – ещё одна статья Пушкина. И снова хвала сатире: “От Фонвизина до Грибоедова не имели ни одного истинного комического таланта”. А далее вполне современная критика тогдашних “комических писателей”: “Низок язык их... богаты неприличностями... грубы их фарсы...”

10-й номер. Газета развенчивает клевету Булгарина: не Фонвизин-де автор “Разговора...” Даны ссылки на черновики и свидетельства наследников.

Пушкин и далее продолжал читать сатирика. Вот напоминает он читателю в “Онегине” – *энциклопедии русской жизни!* – про Простаковых и Скотининых и провозглашает “Сатиры смелый властелин, блистал Фонвизин – друг свободы”. Вот статья “О русской истории XVIII века”, в коей недобрым словом помянута Екатерина к сатире: “Любила просвещение, а Новиков... перешёл из рук Шешковского (палач. – В. О.) в темницу... Радищев

был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами, и **Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если б не чрезвычайная его известность**” (выделено мною. — В. О.). Вот Пушкин провозгласил, что “Недоросль” — “единственный памятник народной сатиры”. Вяземскому запомнилось, как Пушкин читал наизусть отрывки из “Искусства брать взятки” и всё приговаривал: “Много перца, соли и веселья”. Какая же на все времена чёткая формула сатиры, была бы только желанна, постижима и достижима!

Из высказываний особого смысла. Дельвиг. Он, возвратившись в газету, не забывал Фонвизина. Три заметочки дал, одна их них с характерным заголовком: “Неколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова, или Митрофанушки в потомстве”.

2. Что вынес из детства?

В записках и письмах Фонвизина то и дело о том, кто и что уже с детства формировало его характер. Тут к месту сказать: я вовсе не зря избрал для эпиграфа слова Пушкина: “Он из перерусских русский”.

Лыком в пушкинскую строку даже такие две строчки из записок самого Фонвизина — будто бы так себе, а характерны:

“Нашей деревни мужик Фёдор Суратов сказывал нам сказки”;

“Был я в маскараде. Сперва танцевали обыкновенно, а потом чрезвычайно, то есть плясали по-русски, и можно сказать, что плясали хорошо”. И это-то в те чопорные времена!

...Семья. Строки об отце: “Был (он) человек большого здравого рассудка... Ненавидел лихоимства и, быв в таких местах, где люди наживаются, никаких никогда подарков не принимал. “Государь мой! — говаривал он приносителям. — Сахарная голова несть резон для обвинения вашего соперника; извольте её отнести обратно, а принесите законное доказательство вашего права...” Или: “Я наследовал от отца моего как вспыльчивость, так и непамятозлобие”.

Чтил родителей. Вот пример нескольких строк из письма — непосредственных и нежных, а ведь ему уже 19 лет: “Милостивый государь батюшка и милостивая государыня матушка! Почта уже пришла и пакет распечатан, только сказали мне, что писем нет. Я не знаю, что могло быть тому причиной, о том очень тужу. Дай Бог, чтоб завтра, по ямской получа, я мог обрадоваться. Затем иного донести не имею, как только то, что я, слава Богу, здоров”.

Сестра и брат тоже были близки ему. Читаем письмо сестре: “Пиши стихи чаще; присылай ко мне; делай эклоги, элегии. Если только можешь, переводи. Мысли прекрасны, изображение очень хорошо и непринуждённо, и версификация везде почти чиста; только вперёд остерегаться надобно, чтоб рифмы не все были глаголы, а иногда имена, наречия и проч.”

О талантах брата Фонвизина известно благодаря Николаю Новикову, тому, кто оставил свой след в истории как издатель, сатирик и в результате — жертва гнева императрицы. Он увековечил в своём “Историческом словаре о российских писателях” брата Фонвизина: “Изрядные стихотворения напечатаны”. Добавлю: он в чине действительного статского советника был директором университета в Москве.

Осталась из отрочества и такая примета отношения к крепостничеству: “Увидел я лежащего человека, мужика. Обнажённая спина его, из которой текла кровь, показывала, что он был бит немилосердно. Я призвал хозяина и спросил, за что сей человек так растерзан...”

Я: Что же ты хочешь делать? Станешь ли искать правосудия?

Хозяин: Не стану, ибо, конечно, не найду. Помещик, у которого мужик бил моего, есть барон богатый, а я пономарь бедный: где мне с ним тягаться?”

...Ясное дело, что такое детство и отрочество во впечатлительной душе не могли не аукнуться в зрелом творчестве. Его сочинения щедро подпитаны народным озорством. Каков же предшественник у Пушкина, Ершова, Грибоедова и Гоголя! Напомню кое-что.

Прозвища. “Недоросль” оставил потомкам *взрывчатку имён*: скотинины, вральманы. Но и в других комедиях: князь Слабоумов, графиня Самодурова,

помещик Дурыкин... А портняжка Тришка с куцым кафтаном, от которого Крылов повёл своё бессмертное, истинно крылатое присловье “Тришкин кафтан”...

Народные речения. “Недоросль”: “Что ты, дядюшка, белены объелся?”; “Я те бельмы-то выцарапаю”, “Да отвяжись, матушка”; “Без вины виноват”; “Накостылять” или “Я хотел бы знать, есть ли на свете учёный лоб, который бы от такого тумака не развалился; а вот дядя, вечная ему память, протрезвись, спросил только: целы ли ворота”. И ещё, ещё, ещё... И вспомнил то, что стало поговорками, ну, хотя бы: “Не хочу учиться, хочу жениться”!

Из высказываний особого смысла. Фонвизин: “Нынче попалась мне на язык русская песня, которая с ума нейдёт: Из-за лесу, лесу тёмного...”

3. Как рождался писатель

Фонвизин сам немалое увековечил из начал своей творческой биографии. Жаль, что нынче это мало кому известно.

“В университете (Московском. – **В. О.**) был тогда книгопродавец, который услышал от моих учителей, что я способен переводить книги. Сей книгопродавец предложил мне переводить Гольберговы басни; за труды обещал чужестранных книг на пятьдесят рублей”, – пишет он о Хольберге, которого называли датским Мольером.

Разохотился. Взялся за роман француза Терассона “Героическая добродетель или Жизнь Сифа, царя египетского, из таинственных свидетельств древнего Египта взятая”. Потом пересказал библейскую легенду о Иосифе: “Я время моё провожу здесь весьма полезно... перевёл Иосифа, за которого возьму 200 руб.” Затем такое признание: “Прочитал новую трагедию французскую “Троянки”. Слёзы ещё и теперь видны на глазах моих. Гекуба, лишающаяся детей своих, возмутила дух мой. Поликсена, её дочь, умирая на гробе Ахиллесовом, поразила жалостью сердце моё; а отчаяние Кассандры извлекло неволею из глаз моих слёзы”.

Когда же впервые появилось имя Фонвизина для читающей публики? В 1761-м, в журнале прославленного мэтра, стихотворца и драматурга Михаила Хераскова – с одним из переводов.

Теперь свидетельства о том, как рождался драматург: “Показалась мне годною одна девушка, о которой можно сказать: толста, толста! проста, проста! Она имела мать, которую ближние и дальние, словом, целая Москва признала и огласила набитою дурую... Из всего моего приключения родилась роль Бригадирши”. Или: “Весьма рано появилась во мне склонность к сатире. Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным”.

Тем не менее, так выразился – сатирически – о своих первых опытах сам Фонвизин: “Были сатирические соли, но рассудка, так сказать, ни капли”.

Оставил в своих записях он и неосуществлённую мечту: учредить свой журнал. Выразил он её в трёх строках, однако наивыразительнейших: “Дружественных людей или Стародум. Периодическое сочинение, посвящённое истине”. Вот заглавие, под которым издаваться будет на сей 1788 год новое периодическое издание”.

Из высказываний особого смысла. Николай Новиков. Он так оценил первые шаги Фонвизина в изящной словесности: “Свидетельствуют остроты его разума и тонкость его сатир... Она точно о наших нравах, характеры выдержаны хорошо, а завязка самая простая и естественная... Россия надеется увидеть в нём хорошего писателя...”

4. Как обогащал он себя наставлениями современников

Встречи с великими... Начались со студенчества.

Михаил Ломоносов. “Тогдашний наш директор вздумал ехать в Петербург и везти с собою несколько учеников для показания основателю университета (графу Шувалову. – **В. О.**).

Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвёл к человеку, ко-

того вид обратил на себя моё почтительное внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? “По-латыни”, — отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правду сказать, красноречием”.

Фёдор Волков, основатель русского театра. “Ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр... Я с ума было сошёл от радости, узнав, что сии комедиянты вхожи в дом дядюшки моего. И действительно, через некоторое время познакомился я тут с Фёдором Григорьевичем Волковым, мужем глубокого разума, наполненного достоинствами, который имел большие знания и мог бы быть человеком государственным”.

Екатерина II. “Я приехал в Петербург и привёз “Бригадира” и “Иосифа”. Надобно приметить, что я обе сии книги читал мастерски. Чтение мое заслужило внимание... графа Григория Григорьевича Орлова (фаворита царицы. — **В. О.**), который не преминул донести о том государыне.

На бале граф подошёл ко мне: “Её Величество приказала после бала вам быть к себе, и вы с комедией извольте идти в Эрмитаж”. И действительно, я нашёл Её Величество готовой слушать моё чтение. Взор российской благотворительницы и глас её, идущий к сердцу, ободрил меня”.

Из высказываний особого смысла. Фонвизин о таланте соотечественников: “Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский в Афинах и Риме были бы Демосфены и Цицероны”.

5. Увлечение поэзией

Многие ли знают о том, что я обозначил в заголовке? Сохранились пять стихотворений Фонвизина. Познакомимся по возможностям журнала хотя бы с двумя. Так даже в них видны блёстки истинного таланта!

К УМУ МОЕМУ

*К тебе, о разум мой! я слово обращаю;
Я более тебя уже не защищаю.
Хоть в свете больше всех я сам себя люблю,
Но склонностей твоих я больше не терплю.
К чему ты глупости людские примечаешь?
Иль ты исправить их собой предпринимаешь?
Но лъзя ль успеху быть в намеренье таком?
Останется дурак навеки дураком.
Скажи, какие ты к тому имеешь правы,
Чтоб прочих исправлять и разумы, и нравы?
Все склонности твои прилежно разобрав,
Увидел ясно я, что ты и сам неправ.
Ты хочешь здешние обычаи исправить;
Ты хочешь дураков в России поубавить,
И хочешь убавлять ты их в такие дни,
Когда со всех сторон стекаются они,
Когда без твоего полезного совета
Возами их везут со всех пределов света.
Отвсюду сей товар без пошлины идёт,
И прибыли казни ни малой не даёт.
Когда бы с дураков здесь пошлина сходила,
Одна бы Франция казну обогатила.
Сколь много тысячей сбиралось бы в год!
Таможенный бы сбор был первый здесь доход!
Но видно, мы за то с них пошлин не собираем,
Что сами сей товар к французам отправляем.
Казалось бы, что сей взаимный договор
Французам доставлял такой же малый сбор;
Но нет: у нас о том совсем не помышляют,*

*Что подати там с нас другие собирают.
Во Франции тариф известен нам каков:
Чтоб быть французскими из русских дураков!*

ЭПИГРАММА

*О Клим! дела твои велики!
Но кто хвалил тебя? Родня и два заики.*

6. Мастер-класс – нестареющий...

Вот бы в приёмных союзов писателей и в аудиториях Литературного института появились плакатики с речениями сатирика-мэтра. Замечу, что он знал себе цену, ибо в одном из писем вывел: “Весь Петербург наполнен моей комедией (“Бригадир”. – В. О.), из которой многие острые слова употребляются уже в беседах”. Итак, Фонвизин озаботился стать полезным новым поколениям пишущих. Далее несколько образцов тому.

“Лучше хочу быть не читан, чем скучен”, “Перо моё никогда не было и не будет омочено ни ядом лести, ни желчью злобы”, “Не тот писатель хорош, кто пишет беспрестанно, но тот, кто пишет всегда хорошо. Неужели многословие составляет изобилие языка?”, “Сыскали мне лекаря, который пустил мне тотчас кровь поискуснее самого филолога (о критиках. – В. О.)”.

Ещё и красноречивая, и убедительная подборка: “Не уклони сердца моего в словеса лукавствия и сохрани мне любовь к истине, уже вселил еси в душу мою”, “Счастлив, кто по старости сохраняет все свои чувства”, “Дурная музыка и всякое дурное действие производят на нас неприятное ощущение”, “Нельзя иметь понятия о вещи, если не обратишь к ней мысли своих”.

Замечу и выделю: он совершенствовал “Недоросля” почти 20 лет. Каков урок для литераторов всех времён!

Из высказываний особого смысла. Фонвизин: “Человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руках, быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и Отечества”.

7. Извлечения из напрасно забытого

Даже в забытых ныне сочинениях – мол, не ровня “Недорослю”! – то и дело блёстки, они и поныне, как я уверовал, вызовут изумление гражданской отвагой.

Из сатиры “Письмо по блаженной кончине Надворного Советника Взяткина к покойному Его Превосходительству”:

“Милостивый Государь и второй отец! Советник Криводушин, находящийся в известном наместничестве, просит сильного рекомендательного письма Вашего Превосходительства, дабы он употреблён был при рекрутских наборах; и если, как надеяться должно, будет он удостоен сей весьма важной для поправления дел его комиссии, то в каждый таковой благополучный год Ваше Превосходительство наверное благоволите считать от него по 1500 руб.”

Что же в ответ? “Рекомендательное письмо к NN об употреблении советника Криводушина к рекрутским наборам охотно при сём прилагаю; а при том прошу внушить ему якобы от себя, чтобы не сильно налегал на помещицких, а прижимал бы плотно тех, за которых некому вступиться”.

Из сатиры “Поучение, говоренное в Духов День иереем Василием в селе П.”:

“Сегодня Духов День и также большой у Бога праздник... Отчего же, например, ты, крестьянин Сидор Прокофьевич, пришёл к обедне, может быть, и с умилённым сердцем, но с разбитым рылом? Отчего и ты, выборный Козьма Терентьев, стоишь, выпуча на святых иконы такие красные и мутные глаза? Да посмотрим и на жену твою, Евдокею, отчего она теперь всю обедню продремала? О, духовные мои дети!..

О горе окаянству вашему!..

Поверьте, дети мои, что главный корень всякого зла в крестьянстве есть вино...

Не в том дело, пил ли ты; да в том, сколько ты пил”.

Из сатиры “Письма Стародума”: “Он влюблён, и в кого? В презренную женщину, каковые наполняют здешние вольные маскарады, будучи осыпаны брильянтами, соблазняют молодых людей”.

Из комедии “Выбор гувернёра”: “Необходимо надобно, чтоб одна часть подданных для блага целого государства чем-нибудь жертвовала”.

Из комедии “Корион”: “Кто к общей пользе все старанья приложил // И к славе своего Отечества служил, // Тот в жизнь свою вкусил веселие прямое... // Обманом, хитростью и лестью полон свет; // Убежища от них нигде нам больше нет”.

Из повести “Каллисфен”: “При дворе царя, коего самовластие ничем не ограничено, может ли истина свободно изъясняться?”

Из “Послания к слугам моим”: “И всякий, чтоб набить потуже свой карман, // за благо рассудил приняться за обман”.

Из незавершенной комедии: “Прочтёшь книжку, — кажется, диковинка; прочтёшь другую — ан, то же написано, только другими словами”.

Из высказываний особого смысла. Гоголь. Он, кстати, дебютировал именно в “Литературной газете”, тоже почитал сатирика. Фонвизин стал персонажем “Ночи перед рождением”: “Средних лет человек с полным, несколько бледным лицом”. Ему выпала доля заявить царице в присутствии заporожцев: “Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена” (прославленного французского сатирика. — В. О.). А в ответ высочайшая похвала: “По чести скажу вам: я до сих пор без памяти от вашего “Бригадира””.

8. Как уходил он из жизни

Писатель-сатирик Иван Дмитриев запечатлел кое-что из последнего дня своего великого современника: “Он вступил в кабинет Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными из Шкловского кадетского корпуса и приехавшими с ним из Белоруссии (где было расположено имение Фонвизина. — В. О.). Уже он не мог владеть одною рукою; равно и одна нога одеревенела: обе поражены были параличом; говорил с крайним усилием и каждое слово произносил голосом охриплым и диким, но большие глаза его быстро сверкали...”

Сказал хозяину, что он привёз ему свою комедию “Гофмейстер” (известную под названием “Выбор гувернёра”. — В. О.). Хозяин и хозяйка изъяснили желание выслушать эту новость. Он подал знак одному из своих вожатых. Тот прочитал комедию одним духом. В продолжение чтения автор глазами, киванием головы, движением здоровой руки подкреплял силу тех выражений, которые самому ему нравились. Игривость ума не оставляла его и при болезненном состоянии духа...

Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а наутро он уже был в гробе”.

Это произошло 1 декабря 1792 года. Смерти предшествовали 8 лет жизни в параличе. Похоронен Фонвизин в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге. Детей у него не было. Вдова, как запомнилось мемуаристу, “осталась в положении довольно бедственном”.

Горькая статистика: после 1917 года собрание сочинений Фонвизина вышло всего-то один раз, в 1959-м, да и только в 2-х томах.

ПОЛИТИК

1. Соавтор первой Конституции

Именно так, как обозначено заголовком, расценивают историки “Рассуждения о неперемennых государственных законах”.

Они были разработаны Фонвизиним в 1783-м году в соавторстве с Н. И. Паниным, главой Коллегии иностранных дел, и были первыми в Рос-

сии. Вторая попытка создать Конституцию принадлежала декабристам – спустя десятилетия.

Не может не порадовать, к примеру, такое вот чётко-чеканное установление: “Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных”.

Откуда такие побуждения у сатирика? Надо знать: он был значительным для России государственным деятелем. Отсюда весьма широкий спектр политических и чиновных забот и увлечений. Началось же с того, что после университета он обрёл звание “переводчик капитан-поручьего чина”. Затем работа “при кабинет-министре у принятия челобитен” (при известном у историков И. П. Елагине, вельможе, приближенном к двору). В Словаре Н. Новикова значилось: “Надворный советник при государственной Коллегии Иностранных дел”.

Замечу и выделю: Фонвизин перевёл для политиков книгу швейцарца И. Г. Циммермана “Рассуждения о национальном любочестии”, трактат француза Куайе “Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному, или Два рассуждения о том, служит ли то к благополучию государства, чтобы дворянство вступало в купечество?”, “Слово, похвальное Марку Аврелию”, кое-что другое. Он также собирался переводить историка Тацита, да царица не разрешила: тираноборец!

2. Правителям, фаворитам, судьям и цензорам

В наследии Фонвизина истинно россыпи увещеваний тем, кто власть имел. Стоит кое-что припомнить.

“Люби россиян. И Царь, и раб равно судимы бывают... Будь правосуден, милосерд, чувствителен к бедствиям людей... Будь властелином над страстями своими и помни, что тот не может владеть другими с славою, кто собой владеть не может...”

“Если он (фаворит правителя. – **В. О.**) нагл, коварен, алчен к обогащению, сластолюбивец, бесстыдный, ленивец, тогда нравственная язва становится всеобщей, все сии пороки развиваются и заражают двор и государство”.

“Размножение типографий послужит не только распространению знаний человеческих, но и к подкреплению правосудия... Многие постыдятся делать то, что делать не страшатся... Всякое дело, содержащее в себе судьбу имени, чести и жизни гражданина, купно с решениями судивших, может быть известно всей беспристрастной публике; воздаётся достойная хвала праведным судьям; возгнушаются честные сердца неправдою судей бессовестных и алчных”.

“Есть и нынче особы, стремящиеся угнетать дарования и препятствующие выходить всему тому, что невежество и порок обличает; но таковое немощной злобы усилие, кроме смеха, ничего другого ныне произвести не может”.

3. Он и царица: вопросы и ответы

В 1783 году в журнале “Собеседник” появились “Вопросы Фонвизина” и ответы от “Сочинителя “Былей” и “Небылиц”. То была сфантазированная беседа с Екатериной.

Рискованная затея! Однако же факт не столько истории литературы, но – шире – политической жизни! Например, “Царица однажды воскликнула – обиженно: “Худо мне жить приходится; уж и господин Фонвизин хочет учить меня”.

Чем же был наполнено воображаемое собеседование? Далее несколько извлечений.

“Отчего известные и явные бездельники принимаются везде равно с честными людьми? Оттого, что на суде не изблечены”.

“Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться? Оттого, что сие не есть дело всякого”.

“Отчего знаки почестей, долженствующие свидетельствовать истинные Отечеству заслуги, не производят по большей части к носящим их ни малейшего духовного почтения? Оттого, что всякий любит и почитает лишь себе подобных, а не общественные и особенные добродетели”.

“В чём состоит наш национальный характер? В остром и скором понятии всего, образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от Творца человеку данных”.

Под пером сатирика некоторые вопросы становились для читателя более значимыми, чем сами ответы:

“Если дворянством награждаются заслуги, а к заслугам отверзто поле для всякого гражданина, отчего же никогда не достигают дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики?”

“Отчего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтобы поскорее сделать детей своих людьми, а в том, чтобы поскорее сделать их, не служа, гвардии унтер-офицерами?”

“Отчего у нас не стыдно не делать ничего? Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют, и весьма большие?”

4. Тем, кто у трона

Напомню, что Фонвизин создал особого сатирического склада “Всеобщую придворную грамматику”.

Прелюбопытен приём автора, которым он хочет отвести внимание цензуры: “Предуведомление. Сия Грамматика не принадлежит частно ни до которого Двора: она есть всеобщая или философская. Рукописный подлинник оной найден в Азии”. Далее я перепечатаю несколько извлечений.

“Вопр.: Что есть Придворная Грамматика?”

Отв.: Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языками и пером.

Вопр.: Что значить хитро льстить?

Отв.: Значить говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

Вопр.: Что есть придворная ложь?

Отв.: Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

Вопр.: Какие же суть подлые души?

Отв.: Те, которые презрительным притворством обманывают публику: вне двора кажутся Катонами; вопиют против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которых трепещут единого взора; проповедуют неустрашимость; и по их отзывам кажется, что они одни своею твёрдостью стерегут целость Отечества и несчастных избавляют от погибели, но, переступая чрез порог в чертоги государя, делается с ними совершенное превращение: язык, ругавший льстецов, сам подлаживает им подлейшею лестью, кого ругал за полчаса пред тем безгласный раб; проповедник неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; страж целости Отечества, если находит случай, первый протягивает руку ограбить Отечество; заступник несчастных для малейшей своей выгоды рад погубить невинного.

Вопр.: Что есть придворный падеж?

Отв.: Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бесильных – к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся перед ними в винительном падеже; снискают же расположение и покровительство обыкновенно падежом дательным”.

5. “Опыт российского Словника” – суд над тиранами

Фонвизин по высокому авторитету своему был приглашён оценить проект одного важного, по мнению Академии наук, словаря. Огромной получилась у него рецензия – 6 страниц. Одно положение выделяется:

“Я желал бы, например, чтоб в словаре нашем было истолковано, что имя Нерон заключает в себе идею лютого тирана, Тит – государя милосердного, Сарданапал – тирана сладострастного; что Зоилом именуется злобный и презрительный критик; что имя Катилина сделалось титулом высокомерного врага Отечеству. Сим образом потомство судит деяния своих предков. Таковой суд есть достойное возмездие порока, достойная награда добродетели...”

Но Фонвизин не ограничился только отзывом. Он предложил обогатить словарь, и сам же вызвался определить, чем его пополнять. Пять с лишним страниц ёмкого шрифта составил этот необычный труд Фонвизина, который читается, как свод державных установлений, главное из которых – жить праведно. Далее несколько извлечений.

“Обманывать, проманивать, проводить. Все эти слова значат ложь представлять истинуоо... Кто не любить истины, тот часто обманут бывает. Проманивать есть больших бояр искусство. Стряпчие обыкновенно проводят челобитчиков”.

“Помогать, пособлять, вспомоществовать, давать помощь. В нужде помогают; в труде пособляют; в недостатке вспомоществуют; для обороны дают помощь. Сострадание велит помогать бедным; великодушие влечёт пособлять бессильным... Человечество заставляет подавать помощь беззащитным”.

“Беспорочность, добродетель, честь. <...> Беспорочность поставляет себе правилом не делать того другому, чего бы не пожелал себе. Добродетель распространяет сие правило гораздо далее и велит делать то другим, чего бы пожелал себе, нежели добродетель. Первая может происходить и от страха наказания, но последняя есть великодушное стремление человека жертвовать другому своим благосостоянием... Беспорочность бедного есть уже добродетель; а добродетель богатого есть только что беспорочность. Сверх сих качеств, должствующих руководствовать нашими делами, есть третья, весьма достойное внимания: честь...”

“Писец, писатель, сочинитель, творец. Говорят: писец исправный, писатель древний или новый, сочинитель знаменитый, творец славный. У нас в древности писцов было мало: из них отличался Нестор, писатель Российской Истории. Между сочинителями нынешнего века славен Ломоносов, творец лучших од на российском языке”.

“Животные, скот. Люди и скоты, составляющие род животных, имеют между собою ту разницу, что скот никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится скотом”.

Разве не эти установления Фонвизина – выдающийся манифест всех времён и для всех народов? Поистине, Конституция Морали и Нравственности!

6. Жизнь дипломата в том числе с “Крымским вопросом”

Давнее собрание сочинений Фонвизина – как же заботливы были издатели в позапрошлом веке! – дополняет его биографию наиважными фактами: сопричастностью к внешней политике великой державы. Читаем же хотя бы такие свидетельства.

“В 1762 году, по счастью моему, двор прибыл в Москву, и тогдашний вице-канцлер (А. М. Голицын. – **В. О.**) взял меня в иностранную коллегия переводчиком капитан-поручичья чина, чем я был доволен.

В тот же год послан я был с екатерининскою лентою к покойной герцогине Мекленбург-Шверинской. Мне велено было заехать в Гамбург, откуда министр наш повёз меня сам в Шверин. Тогда был я ещё сущий ребёнок и почти не имел понятия о светском обращении; но как я читал уже довольно и имел природную остроту, то у шверинского двора не показался я невеждою”.

“В 1763 году ездил я в Петербург; но в иностранной коллегии остался недолго. Один кабинет-министр имел надобность взять кого-нибудь из коллегии; а как по “Альзирии” (переведённая Фонвизиним пьеса Вольтера. – **В. О.**) моей замечен был я с хорошей стороны, то именным указом велено мне было быть при том кабинет-министре”.

1764: “Вчера был я на церемонии и в чёрном кафтане. Польский приехавший ныне посланник имел первую визитацию у вице-канцлера, и мне на крыльцо осталось его встретить, а потом остаться разговаривать с его свитою... Я теперь в превеликой работе: пишу письма в Голландию”.

1772: “Пребывающий здесь прусский министр получил от короля, своего государя, депешу, из которой выписку здесь, в переводе, приложить имею честь. Ваше сиятельство изволит усмотреть из оной, что отторжение Крыма

подвержено великому затруднению; но мы уже далеко вошли в сие дело, и я не чаю, чтобы наш двор согласился бросить предпринятое толь твёрдо намерение в рассуждении татарской независимости. . .”

Тот же год — Польша: “Донести могу, что вчера из Царского Села Её Величество изволила прибыть сюда в совет, где трактовано было о распоряжениях, касающейся нашей доли из Польши. И вот что, в крайнем секрете, в мире положено. . .” (Речь о 1-м разделе Польши. Есть предположения, что Фонвизин был против. — В. О.)

Были в письмах Фонвизина и такие рассуждения — он поделился ими с дипломатом А. М. Обрезковым: “Для истинного блага Отечества нашего мир нужен”.

Саму по себе чиновную службу не особенно-то и жаловал. Писал в 1773-м: “В коллегии у нас такой недостаток, что ни один министр за прошлый год не получил своего жалованья. . . Развращённость здешнюю описывать излишне. Ни в каком скарредном приказе нет таких стряпчих интриг, какие у нашего двора всеминутно происходят”.

Из высказываний особого смысла. Фонвизин: “Вселенная обратила с удивлением на Россию свои очи, когда слава побед наших гремела во всех пределах Света, когда потомки Чингисханов, сих древних утеснителей России, и победителей Света, подъявля к Екатерине длани свои, отвращали очи и сердца от гордого врага. . .”

7. Что принял и что отверг он в странствиях по Европе

До сих пор с интересом читаются его письма из-за границы. Они складываются в своеобразный дневник путешественника. Несколько примеров тому.

Россия и Запад — оценки: “Я увидел, что во всякой земли худого гораздо больше, нежели доброго; что люди везде люди; что умные люди везде редки, что дураков везде изобильно, и словом, что наша нация не хуже ни которой”.

Строки о Франции. Невежество: “Я думал сперва, что Франция, по рассказам, земной рай; но ошибся жестоко. Какие здесь невежды! Дворянство, особливо, ни уха, ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным”.

О нравах: “Я моральной жизнью парижских французов очень недоволен. Сколь идей Отечества и короля здесь твёрдо укоренены, столь много изгнано из сердца сострадания к своему ближнему”.

Вольтер и академики Франции. “Я видел уже три раза Вольтера (Париж, 1778. — В. О.). Из всех учёных удивил меня д'Аламберт (Жак Л. д'Аламбер, просветитель. — В. О.). Я воображал лицо важное, почтенное, а нашёл премерзкую фигуру и преподленькую физиономию. Обещают мне здешние учёные показать Руссо, и как скоро его увижу, то могу сказать, что видел всех мудрых века сего”.

Позавидовал: “Устройство здешних бань отменно хорошо. Для каждого особливо комнатка с ванной. Вода проведена машиною к стене, к которой прикреплена ванна. У стены подле ванны два крана. Повернув один, пустишь воду тёплую, повернув другой — холодную”.

О театре: “Французская комедия совершенно хороша, а трагедию нашёл я гораздо хуже, чем воображал. . . При мне играли новую Вольтерову пьесу, которая принята была с восхищением. Меня было оглушило от битья в ладоши”.

Замечу: русский писатель был во Франции не просто замечен, но и отмечен. В письме рассказывал: “Сегодня открылось в Париже собрание, называемое Le rendez-vous de la Republique lettres et des arts (Академия литературы и искусств. — В. О.). Господа учёные почтили меня приглашением. Они хотят иметь меня своим корреспондентом. . . Сам директор сего собрания у меня был и комплиментам конца не было”.

Строки о других странах. Из Ватикана: “Сравнивая папскую службу с нашей архиерейской, нахожу нашу несравненно почтеннее и величественнее. Здешняя слишком театральна”. **Из светского Рима:** “Банкиры здесь почти все маркизы и, не взирая на то, что разбогатели, не пропускают ни малейшего случая обманывать”.

Из Лондона: “Хороши и англичане. Заехав в чужую землю... презирают жителей в глаза и смеются над ними”.

Строки о западных искусствах. О музыке: “Был канун праздника Св. Петрония. Мы были у вечерни в церкви сего святого, которая есть одна из величайших в Италии. Музыка была огромная... Ездили мы к славному во всей Европе органисту Штейну” (Германия. — В. О.).

О живописи: “Были мы в ратуше (Нюрнберг. — В. О.), украшенной картинами Альбрехта Дюрера... Успели сбежать в Георгиевский монастырь (Модена, Италия. — В. О.), насладиться в последний раз зрением картин Павла Веронеза... Показали мне манускрипты XV и XVI столетий. Библия, молитвенник и Данте меня удивили. На полях каждого листа миниатюры прекрасные и колорит такой яркий, как будто бы сегодня писаны... Прекрасная Рафаэлева Богородица. Этот образ имеет в себе нечто божественное. Жена моя от неё без ума. Она отстаивала перед ним по получасу, не спуская глаз, и не только купила копию с него масляными красками, но и заказала миниатюру и рисунок. Надобно видеть Ротонду, Музеум Капитольный, столпы, Музеум Ватиканский и проч., чтобы решительно назвать нынешних художников ребятишками в сравнении с древними (речь идёт о Риме. — В. О.)”.

О науках: “Я начал слушать курс экспериментальной физики у Бриксона”.

Из высказываний особого смысла. Историк В. О. Ключевский: “Возникло скептическое отношение к Западу. Лучшим выражением этого явились письма Фонвизина из-за границы”.

* * *

Не зря я напросился с этими фонвизинскими материалами в авторитетный журнал. Вдруг придёт откликом желание власти и общественности:

- **создать Всероссийское Общество памяти великих русских сатириков;**
- **установить памятник Фонвизину в Москве;**
- **выделить грант на издание его академического собрания сочинений;**
- **учредить всероссийский конкурс на лучшую сатирическую публикацию в СМИ и литературную премию имени Д. Фонвизина за театральную сатиру.**

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ПО СЛЕДАМ ОГНЕПАЛОГО...

Николай Клюев как будто о себе писал: “Ты, жгучий отпрыск Аввакума, // Огнём словесным опалён...” Вот этот клюевский *словесный огонь* словно опалил и критика Сергея Куняева, когда он писал биографию олонецкого поэта, рассказывая о его трагической судьбе. Увы, именно такова судьба любого подлинно русского национального писателя. Книга вышла в самом конце 2014 года в издательстве “Молодая гвардия” в серии ЖЗЛ.

Я, клюевский земляк, давно уже ждал этой книги, понимая, что после книги о Сергее Есенине Сергей Куняев с неизбежностью должен написать о творчестве его наставника – последовательного русского мистика Николая Клюева.

Есть хорошие книги, которые и пишутся быстро, и читаются быстро. Но поэтический талант Николая Клюева предназначен для медленного чтения, постепенного постижения. Потому и биографию Клюева Сергей Куняев писал достаточно долго, и читается она медленно, словно время русского духа остановилось, давая нам возможность проникнуть в его суть. Через поэзию Клюева постигаешь и народную русскую культуру.

Он сам по себе – редчайший русский народный тип, вышедший из древнего старообрядческого рода. Мать его, Прасковья Дмитриевна, была сказочницей, молитвенницей и с самого детства напитала будущего поэта всеми богатствами староверческой северной культуры. И меня с детства поражала насыщенность народной северной культуры явно не северными, санскритскими, восточными, индийскими образами. Откуда эта Белая Индия взялась в стихах Николая Клюева?

И эту загадку пытается разгадать Сергей Куняев в своей книге о Клюеве. В этом и трудность изучения Николая Клюева: он, как никто другой, своим творчеством повязан со всей древней русской культурой – не оторвать. Изучая творчество Клюева, Сергей Куняев, естественно, изучал и староверчество, и суфизм, и русский фольклор, и индийскую мифологию. Даже Сергея Есенина, на мой взгляд, можно изучать как отдельное явление, занимаясь же Клюевым, приходится копаться глубже.

Клюевщину в двадцатые-тридцатые годы выжигали по всей Руси. Не столько боялись влияния Сергея Есенина, выпускали и книги других поэтов Серебряного века, но *клюевщину* истребляли калёным большевистским железом. Николай Клюев ещё в 1919 году написал своим “братьям-большевикам” пророческие слова, которые так важны и сегодняшней России: “Направляя жало пулемёта на жар-птицу, объявляя её подлежащей уничтожению, следует призадуматься над отысканием пути к созданию такого искусства, которое

могло бы утолить художественный голод дремучей чернососной России”. Он и сам вышел из недр этой дремучей чернососной России, которую так ненавидели комиссары всех мастей и национальностей.

Поэтому и читал я книгу о своём олонецком земляке Николае Клеве как книгу о глубинной тысячелетней Руси и её древней культуре, которую и теперь ненавидят все наши европейцы. Потому и Клюева отодвигали в сторону и в начале оттепели, когда уже реабилитировали Мандельштама и других репрессированных поэтов, и в начале перестройки, когда публиковали даже самых лютых антисоветчиков, но только с европейским уклоном. Вот потому мы только сейчас, во втором десятилетии нового века, дождались подробной книги о северном кудеснике слова.

Вряд ли Николай Клюев мог бы стать столь народным поэтом, как его младший брат Сергей Есенин, но несомненно, что истоки клюевского творчества глубиннее, архаичнее, чернососнее...

Впрочем, это хорошо понимали оба поэта. Клюев чувствовал в Сергее Есенине огромную поэтическую мощь и потому мечтал возвести его на русский поэтический престол: “Изба – питательница слов // Тебя взрастила не напрасно: // Для русских сёл и городов // Ты станешь радуницей красной”. Себя Николай Клюев осознавал предтечей, предшественником Есенина, который донёс народное слово до письменной литературы.

Николай Клюев опирался на уходящую в глубь веков народную традицию, народное творчество. Его стих словно не нуждался в развитии. В каком-то смысле он был статичен, как поморская гранитная скала, на которой высечены рождённые русским народом слова, запечатлён народный язык.

Сергей Есенин шёл дальше, спотыкаясь и падая, развивая русские поэтические традиции. Он должен был прийти до народа, дать ему своё поэтическое слово.

Николай Клюев нёс миру сокровенные народные тайны. А значит, и его религию, и его мистику, и его ощущение природы. Говорят, что крестьянин не чувствует красоту природы, лишь использует её дары: косит траву, рубит деревья... Всё творчество Клюева – опровержение этих измышлений интеллигентщины.

*Дух осени прянично-терпкий
Сулит валовой листопад,
Пасёт преподобный Аверкий
На речке буланых утят.
На нём балахоней убогий.
Но в сутемень видится мне,
Как свечкою венчик двурогий
Маячит в глухой глубине.*

Мир природы у Клюева всегда иконописен, он видит все тончайшие явления природы как часть единого православного мира. Природа у него религиозна, не исчерпывается лишь эстетическим или прагматическим предначением. Русская народная культура за тысячелетие Православия органично соединила Божеское слово и эстетическое чувство. Потому и восхищался поэзией Николая Клюева, казалось бы, не такой уж и близкий ему поэт Иосиф Бродский. Бродский писал: “Если в ту антологию (русской поэзии XX века. – В. Б.), о которой вы говорите, будет включена “Погорельщина” Клюева или, скажем, стихи Горбовского – то “Бабьему яру” там делать нечего...”

Вот тем и страшна была великая клюевщина для воинствующих безбожников, что опиралась в своём развитии на устойчивый крестьянский и православный мир. Сергей Есенин мог развиваться согласно своему времени, бежать вприпрыжку за комсомолом, носить цилиндр, писать богохульные стихи. У Николая Клюева такой возможности не было изначально. Он не шагал в ногу со временем, а пытался и само время при всех его громадных перепадах включить в себя – включить в свой керженский древлеправославный мир и большевиков, и Ленина, и саму революцию.

Для меня поэзия Клюева – ещё одно объяснение неизбежности самой революции. Народ не видел себя единым с барами, какими бы эти баре ни были хорошими и культурными. Он понимал свою правду и потому на первых по-

рах поверил в возможность установления “*мужицкого царства*”, увидел в Ленине своего крестьянского вожака, отсюда знаменитое клюевское:

*Есть в Ленине керженский дух.
Игуменский окрик в декретах...*

И не жестокость ЧК разочаровала *мужицкий народ*, даже не немыслимое количество инородцев в органах власти – русский народ всечеловечен и чужаков не боится! – а неприятие большевиками этого *мужицкого царства*, народной самобытности, да и самой народной культуры.

Сергей Куняев и открывал поэзию Клюева, как неизведанный нами мир изначальной русской жизни. И он прав, считая, что по сути своей Николай Клюев был чужд и всем поэтам Серебряного века, и всем советским поэтам. Он сам обрёл себя на тотальное одиночество, погрузив себя в мир никому неведомой народной поэзии.

Я думаю, свою поэтическую миссию в первом приближении Николай Клюев исполнил уже в 1919 году, когда вышел его “*Песнослов*”. Все скрижали народные на каменной глыбе из олонечских лесов были выведены! Ни в какие силки – ни властей, ни записных богословов, сужающих православный мир до узкого набора догм, – поэт не попал. Его Христос – это народный Христос, это не Христос монастырей и аскетических келий, а Христос, дарящий человеку всё многообразие живой жизни, ибо всё на земле – Божье творение. Любой земной быт неотделим от высшего духовного начала, сама крестьянская изба впервые в русской поэзии по-настоящему, без намёков на пейзаж, без потворства помещичьим дворянским взглядам, воспета Николаем Клюевым. Святая Русь у Клюева одновременно и красивая Русь, и народная Русь, и жизнелюбивая Русь.

Как говорит Сергей Куняев: “На Клюеве сосредоточилось очень много как в истории России, так и в революционной современности, потому что мало кто до сих пор отдаёт себе отчёт в том, насколько силен был религиозный компонент в революции начала XX века. Это было инстинктивное возвращение у многих к первоначально слышанному Христову слову, к первоначально прочитанному Евангелию...”

Поклонники Клюева из официальных православных кругов были явно разочарованы “*Песнословом*”, ибо нашли там вместо смиренного восхищения богатством всех проявлений, в том числе и плотских, русской народной жизни. Поэт, может быть, впервые донёс в книжную культуру народную реабилитацию торжества тела как одного из Божьих проявлений. Поэт сам сравнивал образ своего “плотного” Христа с бесплотным интеллигентским Христом русских символистов: “Мой Христос не похож на Христа Андрея Белого. Если для Белого Христос – только монада, гиацинт, преломляющий мир и тем самым творящий его в прозрачности, только лилия, самодовлеющая в белизне... то для меня Христос – вечная, неиссякаемая удойная сила, член, рассекающий миры во влагалище, и в нашем мире прорезавшийся залупкой – вещественным солнцем, золотым семенем непрерывно оплодотворяющий корову и бабу, пихту и пчелу, мир воздушный и преисподний – огненный...”

Ещё большее недовольство звучало из коридоров новой комиссарской власти. *Избяной рай* был ими перечёркнут, *мужицкому царству* не нашлось места в *стальной* будущей России. Может быть, лишь это и загубило нашу *стальную* советскую цивилизацию? Жертвуя *мужицким царством*, нельзя построить прочно никакое другое...

В любой другой стране Николай Клюев был бы давно объявлен патриархом отечественной литературы – у нас следы *великой клюевщины* выжигают до сих пор. К счастью, они иной раз возрождаются из пепла. Вся наша блестящая деревенская проза, с “*Ладом*” Василия Белова и “*Последним поклоном*” Виктора Астафьева, вся тихая лирика от Николая Тряпкина до Николая Рубцова полны *великой клюевщиной*.

На скалистом фундаменте *клюевщины* стоит современная русская национальная культура. *Клюевщина* “*Песнослава*” – это ещё и завоевательная *клюевщина*, с надеждой на победу. Не страшны ей погружения в бездны преисподней – и оттуда вынесет его стих, как Божие творение. Недаром Клюева относили к “редчайшему в мировой культуре разряду подлинных мистиков, сумевших воплотить свой сверхчувственный опыт в людской речи...”

Думаю, что и Юрий Кузнецов погружался в свои бездны, вооружённый опытом Клюева. И Николай Тряпкин. И Станислав Куняев.

Сам Сергей Куняев в интервью нашей газете как-то назвал себя “многолетней архивной крысой” — грубо, но верно. Чтобы разобраться в творчестве Николая Клюева, во всех его противоречиях и взлётах, надо иметь гигантское терпение поисковика — на одном задоре и интуиции об этом не напишешь. Надо и самому принадлежать к племени неуёмных русских правдолюбцев. В книге Сергея Куняева о Николае Клюеве видны и высочайший профессионализм исследователя, и огромный труд архивиста, и глубинный русский патриотизм. Работал Сергей Куняев в целом над книгой лет двадцать, первые статьи о Клюеве вышли ещё в 1990 году. Как пишет автор: “В результате получается целый триптих — Клюев, Есенин, Васильев. Он вырос самым естественным образом. Клюев благословил Есенина, был его поводырём и учителем и успел благословить и Павла Васильева. Жизнь Клюева охватывает предреволюционное, послереволюционное время и почти полностью 30-е годы — время, уже описанное Сергеем Куняевым в книгах о Есенине и Васильеве. Но Клюев — это ещё и начало века, 10-е годы. Именно в этом отрезке времени завязывались все те узлы, многие из которых приходилось потом развязывать или рубить, а некоторые так и остались неразвязанными и неразрубленными” (“День литературы”, 2007, № 5).

Николай Клюев отчётливо, с пророческим пониманием видит крушение не только *избяного рая*, но всего крестьянского мира, а с ним и русского национального мира. И уже пишутся не скрижали народных потаённых откровений — пишется плач по уходящей мужицкой Руси. Вот так и появились его “Погорельщина” и “Песнь о Великой Матери”. Не надо воспринимать этого поэта как сумрачного мракобеса, отталкивающего от себя цивилизацию. Блестящий знаток мировой культуры, он и в нашествии машин не видит ничего опасного, если эти машины служат душе человека, служат земле, на которой человек живёт. Он уверен, что “только в союзе с землёй благословенное железо перестанет быть демоном, становясь слугой и страдающим братом человека...” Он искренне сожалеет о разрыве с режимом, о своей ненужности советской власти.

Когда его от всего мира занавесили злостной клеветой и доносами, Николай Клюев писал Сергею Есенину: “...порывая с нами, Советская власть порывает с самым нежным, с самым глубоким в народе”. Задуматься бы об этом и нынешним властям! И как ответ всей пишущей о нём бесовщине: “Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной, занесённой снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему ж русский берестяной Сири́н должен быть ошципан и казнён за свои многопёстрые колдовские свирели — только потому, что серые, с не воспитанным для музыки слухом обмолвятся люди, второпях и опрометчиво утверждая, что товарищ маузер сладкоречивее хоровода муз?”

В незаконченной большой поэме “Песнь о Великой Матери” Николай Клюев обобщает свой духовный опыт, пишет своё житие, как всегда прославляя реальные факты из жизни и подробности быта религиозным и мистическим мироощущением. Это и песнь своему любимому олонецкому Северу, русскому Поморью. Это и реальные встречи с современниками, и мистические встречи со святыми. Это и поклон последней Руси. К концу поэмы всё более нарастает тема гибели и обречённости народного уклада, несоединимости его с железной поступью того, что сегодня мы именуем глобализмом.

*Бежим, бежим, посмертный друг,
От чёрных и от красных вьюг,
На четверговый огонёк,
Через предательства поток...*

На мой взгляд, Николай Клюев — наиболее религиозный, а точнее — православный поэт в великой русской литературе. С одной лишь оговоркой. Его православие — это народное, *мужицкое православие*, а значит, и неприемлемое для некоторой части нашей политической и церковной знати. Но если и есть некая еретика в его писаниях и сказаниях, то она, думаю, целиком искупается и его судьбой, и его православным отношением к ней. Не случайно же в 1937 году, незадолго до своего расстрела, в предчувствии его, на пол-

пути от больницы до кладбища, в последнем известном нам стихотворении Николай Клюев всё так же признаётся в своей любви к России, и никаких проклятий, никакого чувства мести народу, не защитившему своего певца: “Люблю тебя, Расея, // Страна грачиных озимей!..”

Родился Николай Алексеевич Клюев 10 октября 1884 года в Кошугской волости Вытегорского уезда Олонецкой губернии. Ведёт свой род, как сам поэт говаривал, “от Авакумова кореня..” По крайней мере, духовная близость с *неистовым протопопом* ощущалась им до конца жизни, да и мученическая смерть их схожа. Жизнеописание поэта Сергей Куняев издал к 130-летию русского национального гения. За ним проглядывает подлинный “плотняной” Христос. За ним – всё ещё не исчезнувшее народное русское царство. Святая народная Русь.

Я бы назвал книгу Сергея Куняева целостным мифом о поэте, ибо только так можно было придать полноту повествованию о самом, может быть, загадочном национальном русском поэте. Сергей Куняев пишет: “Когда я только приступил к исследованию жизни Николая Клюева, то до конца не представлял, какая невероятно сложная работа мне предстоит... Клюев, как шаман или колдун, заставлял меня одними и теми же кругами несколько раз проходить при чтении каждого его стихотворения, чтобы, наконец, понять суть той или иной его строки. Творчество Клюева – это система “бездонных колодезцев”. Образно говоря, тыходишь в один из них, начинаешь вычерпывать из него воду, до дна не достаёшь, и переходишь ко второму колодезцу, который возникает на твоём пути... Иными словами, это было бесконечное стремление-соблазн дойти до сути, до корня, представить себе связь словесного древа поэта с общемировым деревом, ещё архаическим, с древнеегипетской, древнегреческой, древнерусской культурами. Только сейчас осознаётся его историческая миссия, роль его художественного слова, миссия, объединяющая современность и исторические пласты. ... Фразу “Сфинкс России” можно целиком применить к поэту Николаю Клюеву. Он был загадочен во всём. Клюева у нас привыкли представлять как человека чрезвычайно замкнутого в своём мире, как поэта, который в основном писал только для себя и намеренно отстранялся от современности. Мне удалось убедиться в другом: Клюев может многое дать современному читателю. Но для этого нужно вчитаться, понять систему сакральных смыслов, таящихся в его поэзии. Это я и стремился сделать в своей книге...”

О себе Клюев писал так: “Я – посвящённый от народа, // На мне великая печать, // И на чело своё природа // Мою прияла благодать”. Так о себе не мог сказать ни один из русских поэтов ни в XIX, ни в XX столетии. Как считает Сергей Куняев, именно благодаря мистичности поэзии Клюева сохранились его архивы. В НКВД в тридцатые годы тоже занимались изучением мистики, на всякий случай хранили и рукописи Николая Клюева.

“Допустим, дело закрыли, сдали в архив. Но зачем хранить рукописи? Есть у меня ещё одна догадка на этот счёт, – пишет Сергей Куняев. – В 1934 году ГПУ преобразовали в НКВД, где работал отдел, занимающийся различными изысканиями в области русской мистики. Я думаю, что сотрудники этого отдела держали в руках произведения Клюева, изъятые при обыске, в частности, “Погорельщину”, поэму “Песнь о Великой Матери” и другие стихи. Всё это было сохранено в деле именно по настоянию сотрудников отдела...”

Мне с юношеских лет доводилось знакомиться с жизнью Николая Клюева. У себя в Петрозаводске я встречался с краеведом Грунтовым, первым собирателем фактов биографии поэта, с Константином Азадовским, исследовавшим его творчество. Позже, в поездках по Америке, встречаясь с писателями из второй эмиграции, так называемого “Архипелага DP” – перемещённых лиц, – я общался с Борисом Филипповым, и он подарил мне составленный им двухтомник сочинений Клюева – по тем временам самое полное издание. Даже с учётом всего ранее мною прочитанного, книга Сергея Куняева поразила меня и дотошностью поиска, и цельностью созданного им образа русского поэта.

ВИКТОР ПЕТРОВ

ПОДДОННЫЙ КЛЮЕВ

*В эпоху искоренения в России всего
русского Клюев и создавал великий
русский миф, великий русский эпос...*

Сергей Куняев

Поздней осенью 2014 года в библиотеке г. Одинцово состоялся вечер-презентация книги С. С. Куняева “Николай Клюев”, вышедшей в этом же году в издательстве “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”. Автор подарил мне объёмный том (647 стр.!). С фотографии на обложке смотрел в наш мир поэт с бездной боли в глазах. Всю зиму я читал, словно шёл по следу жития русского поэта-странника, эту редкостную по охвату разнообразнейшего материала книгу. Интерес не исчезал и не притуплялся от первой фразы – “Крик. Крик и холод” и до последней – “Ради нашего просветления. Ради нашего спасения, наконец”. Временами мне казалось, что я попал на чердак волшебного особняка, где, помимо знахарских корней и трав поэзии, собраны редкие подшивки старых газет, связки писем, документов, листы древних рукописных книг, множество удивительных артефактов. Это богатство зачаровывало, позволяя не только следить за мыслью автора, но и вести своё собственное расследование. Более того, автор лишь разжигает читательский интерес, поставив множество вопросов, порой лишь намечая темы, требующие дальнейшей духовной работы, проникновения в тайны тысячелетней отечественной поэзии и судьбы поэта в России. Источники, собранные и систематизированные, прочувствованные и осмысленные со всепоглощающей любовью к герою повествования, позволяют читателю создавать свои версии, строить гипотезы, самостоятельно делать выводы.

С. С. Куняев многократно говорит о “поддонном смысле” клюевской поэзии (с. 97, 180, 200, 242 и далее). Постепенно приходит понимание, что золотоносное “дно” – это пушкинская эпоха русской поэзии. Достигая этого “дна” и отталкиваясь от него, современный читатель и стихотворец выходят на поверхность нынешней текучей литературы. Но там, под этим дном, в самой народной почве таится семисотлетняя река отечественной словесности, выведенная из широкого читательского оборота, она прорывается подземными родниками, которые выходят на поверхность настоящего времени. Это воистину ключи к пониманию целостной тысячелетней духовности, накопленной и сохранённой праотцами, нашими прадедами и дедами. Николай Клюев поставил перед собой сверхзадачу: в собственном творчестве соединить в единое целое многовековую стихию русской изящной словесности. Так в сказках четвертованного витязя возвращают к жизни мёртвую и живую воду, срощи-

вая богатырское тело и воскрешая его силой живой воды. Возродить вековую традицию отечественной поэзии — эта мысль многократно высказывается на страницах книги. Автор лишь намечает пути её дальнейшей проработки и развития. Он многократно утверждает, что в начале прошлого века, в творчестве “новокрестьянских поэтов” (Н. Клюева, С. Есенина, С. Клычкова, П. Орешина, А. Ширяевца...) наблюдается осознанное соединение революционной современности с глубинной общенародной традицией: “На самом деле это было явление поэтов Русского Возрождения, становление уникального направления в русской литературе...” (с. 131). Печален его вывод, что и в то время, да и сегодня, пришлось “не ко двору русские поэты, идущие из глубинной традиции” (с. 168). Это прекрасно осознал Николай Клюев: “Не сжигают ли Аввакума // Под вороний несметный грай?” И это не о XVII-м, а о XX веке, когда к власти пришли, по слову поэта, “бетонные, турбинные люди, душно им от моих избяных, кашных и коврижных миров” (с. 377).

Читать стихи и поэмы Николая Алексеевича Клюева — серьёзный труд, требующий основательной подготовки, особого образования, углубления в церковнославянский литургический и древнерусский книжный языки, знания устной народной словесности, отечественной и мировой истории до глубины праиндоевропейских времён, знакомства со старообрядческой книжностью, созданной после раскола Православной Церкви. Стили книжника-раскольника и поэта XX века, разделённые трехсотлетней пропастью, как показывает автор, зачастую до удивления схожи. Вот цитата из “Истории Выговской пустыни” Ивана Филиппова: “Я же российская украшающее златоплетенно пределы, земная совокупляху с небесными...” Вот отрывок из поэмы “Погорельщина”: “Отец “Ответов” Андрей Денисов // И трость живая Иван Филиппов // Сузёмок пили, как пчёлы липы...”

С. С. Куняев, влюблённый в своего героя, за годы создания этой книги сумел проникнуть в “поддонный” язык Николая Клюева. Из главы в главу он показывает читателю, как “песенный дар (в Клюеве. — В. П.), в конце концов, берёт верх над даром проповедника” (с. 30). Автор приходит к выводу, что “Клюев не “стилизировал”, а творил собственные гимны и песнопения, естественно и легко используя найденное предшественниками” (с. 124). Духовный путешественник из “бунташного” XVII-го в революционный XX век, он, вооружённый русской культурой Серебряного века, стал одним из самобытнейших поэтов современности. Обильные цитаты из стихов и других произведений поэта, снабжённые краткими к ним авторскими комментариями, становятся для читателя пропедевтическим курсом, вратами в поэзию Клюева. Похоже, Н. А. Клюев сознательно пошёл на читательское непонимание, на обвинения в стилизации и намеренной языковой усложнённости, в якобы “переводах с древнерусского”, фольклорных заимствованиях, “поддонности” своих творений. Такому читателю, ограниченному рамками Золотого и Серебряного веков отечественной литературы, Клюев не открывается и в настоящее время. Ранние стихи Н. Клюева, по точному наблюдению автора, “не выделялись на общем фоне многочисленных стихотворений того времени” (с. 41). После выхода в свет “Песнослава” (1919), лишь намечавшего выход за рамки принятой в то время поэтики, он год за годом идёт по пути усложнения языкового замеса ради воплощения в слове своего художественного замысла — творить на пространстве тысячелетней русской культуры. Автор красиво, но спорно утверждает, что “былинный стих Клюева начинает обретать вселенский размах, повествование выходит за пределы милой опушки, родного бора, деревни-матери... оживают древние природные стихии и их покровители — христианское время наплывает на языческое — мифологические существа оживают, разбуженные железной поступью” (с. 179). Похоже, что именно это и привело Сергея Куняева к идее появления на литературном небосклоне поэзии, как он говорит, Русского Возрождения, вождем которой чувствовал и осознал себя Н. А. Клюев. За что он, собственно говоря, и пострадал, заплатив всей своей жизнью. Автор кратко резюмирует: “И потянулся за Клюевым шлейф гордеца и елейника одновременно” (с. 110). Даже ближайшие друзья один за другим отходят от поэта, оставляя его в катастрофическом одиночестве. Более того, автор приходит к мысли, что Клюев создаёт то, что вообще не пишется в рамки известного литературного процесса, эмоционально восклицая: “Это уже не литература!” (с. 383) Но что? Ответа нет, есть следствие: особая клюевская словесность, образцы которой мы находим на страницах этой био-

графической книги, а к ним — множество высказываний современников, отказывающихся принимать его исключительную поэтику. Положение дела мало изменилось и в наше время. Читательское непонимание его поэзии лишь усиливается, как говорит автор, “особенно теперь — в эпоху господства жаргона и практически повсеместной потери самих основ народного языка” (с. 180). Круто сказано, жаль, что без расшифровки и доказательств. Современные поэты настолько разнообразны, языкотворчество их так мало осмыслено, что рано ещё делать категоричные выводы.

Особое место в книге занимает философско-психологический анализ взаимоотношений Николая Клюева с Александром Блоком и Сергеем Есениным, данный на густонаселённом фоне поэтов и писателей Серебряного века и первых послереволюционных лет (А. Ахматова, Н. Гумилёв, С. Городецкий, В. Брюсов, А. Белый, В. Маяковский, П. Васильев и многие другие). Этот анализ сопровождается авторским анализом истории первой трети прошлого века, ярко написанной и далеко не совпадающей с тем, что утвердилось в науке и учебниках.

Переписка, а затем и личные встречи с А. А. Блоком документально оснащены, но поданы глазами самого Н. А. Клюева, причём автор выступает скорее адвокатом своего героя, нежели беспристрастным судьёй. Удивительно, что даже лексически авторский текст буквально совпадает с собственным клюевским, столь глубоко вхождение Сергея Куняева в образ своего героя. И это на протяжении всего повествования так отчётливо, что порой не замечаешь перехода от закавыченного текста в авторский. Вызывает сомнение степень влияния Клюева на Блока (“мужика на барина”), поднятая автором чуть ли не до превосходной. Впрочем, нельзя полностью согласиться и с оценкой переписки двух поэтов, данной В. В. Розановым: “Блок выбрал в корреспонденты неудачного “мужичка”. По крайней мере, странно, откуда Клюев взял право говорить с Блоком от имени всего русского народа? Наверное, от своеобразия своего дарования, но и не без гордыни. Он явно пытался учить Блока жизни, “указывать пути” в творчестве. Сергей Куняев, не вдаваясь в детальный анализ, вскользь замечает: “Клюев разделял в Блоке великого поэта и “декадента” со всеми присущими ему свойствами” (с. 88). Это не ответ. Да и как живое целое можно “разделить”?

Взаимоотношения Клюева и Есенина — пожалуй, самые драматичные страницы данного биографического повествования. Автором собран и предложен читателю богатейший материал, достаточный для монографического исследования проблемы. Поставлен любопытный вопрос: что считать “народной основой” в их поэтическом творчестве? Ответа на него нет и по сию пору. Сомнительно утверждение автора, что “если бы рядом с Есениным... не было бы Клюева и он... поддался бы на “заманки” Маяковского и пошёл бы за ним — он бы погиб как поэт” (с. 220). Без комментариев остаются многие высказывания самого Н. Клюева, например, парадоксальное: “Поэзия Никитина и Спиридонова Дрожжина не есть русская поэзия, их стих, где голая фабула и тенденциозность, пришедшие от немецкого мещанского искусства, далёк нашей душе. Мы же с Есениным, как и далёкие наши братья, древние изографы, умеем облекать свои мысли в образы, в затейную, как арабская вязь, форму” (с. 233). И далеко не случаен разрыв Есенина с Клюевым в 1917 году. Разные они, оба не подвластные давлению извне, оба верны природе своих дарований. Сергей Есенин расхождение со старшим товарищем-поэтом выразил кратко и убедительно:

“Я от Клюева ухожу. Вот лысый чёрт! Революция — а он избяные песни. А поэт огромный. Ну, только не по пути!” (с. 233). Сергей Есенин шёл к лирической прозрачности, задушевности, понятности для современника. Николай Клюев выбрал в своём творчестве ориентацию на язык допетровской Руси, начал свою личную борьбу с петербургским этапом развития русской литературы, конструируя на этой “идейной” основе поэзию, как ранее отмечалось, “Русского Возрождения”. С. С. Куняев утверждает, что “для Клюева это время стало временем рождения новых песен — песен русского сопротивления” (с. 485). О есенинских стихах 1924–1925 годов Клюев отзывался как о безделице, как об отходе от им предначертанного пути развития русской поэзии: “книжечка настольной станет для всех нежных юношей и девушек России” (с. 454). В конце книги автор вновь возвращается к этой теме и заключает несколько иначе: “Как сказал тогда в “Англетере” (Клюев. — В. П.) —

будут нежные юноши и девушки книжечки составлять из его стихов. И сейчас – как в воду глядел” (с. 604). В день ухода Есенина из жизни Клюев был рядом, но спасти друга-неприятеля либо не захотел, либо не мог. Вот что цитирует автор книги из Роберта Куллэ: “Прогнав всех от себя, Есенин уговаривал Клюева остаться у него на ночь. Клюев понял, что Есенин что-то замышляет, и сказал ему: “Делай, что задумал, но скорее”. Сам же ушёл, так как знал, что с Есениным кончено” (с. 456). Сергей Куняев, приводя мельчайшие подробности той трагической декабрьской ночи в “Англетере”, не проясняет, а лишь затемняет ход событий. Что поделать, таково состояние источников!

Книга “Николай Клюев” – явление в отечественном литературоведении. Она даёт ключ и к тайне рождения, становления и развития сказителя-поэта и его уникального поэтического языка, к религиозно-философскому осмыслению целостной поэтической культуры России, открывая веер тем, требующих дальнейшего исследования. К ним можно отнести такие, как старообрядческая письменность и поэзия в контексте поэтики Клюева; диалектика взаимодействия устной народной и древней книжной словесности в русской литературе; плагиат, стилизации и оригинальное творчество в русской поэзии; отечественная история глазами её поэтов; языческие мотивы в творчестве православных поэтов и многие другие. Под напором приведённого автором огромного круга противоречивых источников, разноречивых оценок, наконец, языковой сложности самого творчества Н. А. Клюева автор восклицает: “Нет, невозможно уложить этого поэта в разлинеенную (так! – **В. П.**) диаграмму. Невозможно дать однозначную характеристику ни одному из периодов его жизни” (с. 554). Вот с этим нельзя не согласиться!

СВЕТЛАНА СЫРНЕВА

СКВОЗЬ СУМРАК ВРЕМЁН...

ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ УТРАТ...

Анатолий Аврутин — один из тех художников слова, кто осваивает трагическое пространство родной истории, преодолевая нестерпимую боль, от которой пока что не придумали средства.

Вот стихотворение Аврутина, особенно характерное для его творчества и проникнутое “аврутинской” исторической безысходностью:

*Не со щитом, так хоть на щит...
Средь росной рани
О чём там иволга кричит
На поле брани?*

*Неужто вовсе ни о чём,
Как на погосте?
Где тот, кто шёл сюда с мечом? —
Истлели кости.*

*Хоть сечь опять сменяет сечь,
Но с нами Боже!
Где тот, что только точит меч? —
Истлеет тоже.*

*А следом — новая напасть,
Жить не успеешь...
Вон тот родился, чтоб напасть, —
Расти... Истлеешь...*

*Опять идут за татью тать,
Гремя в тумане,
И нету времени вспахать
То поле брани.*

*Не всякий павший — знаменит...
У раздорожья
О чём там иволга кричит? —
Так птичка ж Божья...*

Родная для Аврутина Беларусь особенно пострадала во время Второй мировой войны и стала в прямом смысле “полем брани”. “Только утраты, утраты, утраты — целая вечность утрат”, — констатирует Анатолий Аврутин, характеризуя двадцатый век.

Эти утраты и страдания людей конкретизированы в стихотворении “Грушевка”, где солдатские вдовы “смывали с одёжки войну”, стирая “обноски ребячьи // Да мелкое что-то своё”, и лишь одна из женщин — счастливица — “рубашку мужскую // В тугую крутила спираль”. Такова печальная бытовая статистика послевоенных лет. Сапожник, себе в ущерб, бесплатно чинит мужскую обувь, “...если редкий клиент // На верстак его старый // Ставил пахнувший порохом грубый башмак // Иль кирзовый сапог, не имеющий пары” (“В сорок пятом сапожнику трудно жилось...”). Вот, с лагерным номером на руке, “курит женщина, слёзы прячет” (“Курит женщина в коридоре...”).

Драматическая линия излома иногда проходит внутри одной семьи. Отец (“Служил у белых... Умница... Хирург...”), так и не смирившийся с советским названием Ленинграда, в 41-м году гибнет “за Петербург”, сражаясь в отряде народного ополчения. Его сын (очевидно, блокадный ребёнок), доживший до сегодняшних дней, не признаёт новых реалий “...и Ленинградом Петербург зовёт — // Не говорите с ним о Петербурге!” Но разве кого-то из них — отца или сына — мы можем назвать неправым?!

*Так и текут — мир этот в мир иной —
Одна печаль, но разные дороги.
И чудятся над вздыбленной Невой
Два города... Два мира... Две тревоги...*

Да возможно ли и самому поэту разорваться между прошлым и настоящим? Ведь и он родился в той стране, которой сейчас уже нет: “В двадцатом столетии осталась страна, // Меня снарядившая в эту дорогу”.

Стихи Аврутина, посвящённые детству и юности, проникнуты особым чувством невозвратного счастья. И это не просто ностальгия по прошлому, по бесшабашной, полной сил молодости. Это печаль по уникальному времени, которое никогда не вернётся.

Анатолий Аврутин родился в 1948 году и принадлежит к поколению, которое можно назвать “детьми победителей”. Несмотря на скудость быта, послевоенная атмосфера в СССР была наполнена оптимизмом и верой в светлое будущее. Страна, обескровленная войной, постепенно приходила в себя, и казалось, что каждый день приносит что-то новое и улучшает жизнь.

“Какая мостовая — а по ней // Какой же чудо-обруч гонит Юрка!”. Пусть не у тебя, а пока только у соседей, но всё же появляются новшества техники. Например, телефон. И патефон. “Его за ручку можно покрутить — // Тебе дадут, ты ночью в сад не лазил...” Любимое обиталище подростков — уютная товарная станция, “где души светлели от копоти чёрной // Под старую башнею водонапорной”.

А вот годы молодости. “Порою — по три дня ни хлеба и ни денег”, зато на книжном базаре можно купить “запрещённых” авторов. И снова — каждый день влекущая новизна: “Уже в ходу Бальмонт... Ещё не издан Ганин...”

И пусть молодой поэт — пока лишь деповский рабочий в промасленной телогрейке. Зато за тяжёлой работой он мечтает о том дне, “...когда придёт ответ в расцвеченном конверте, // Что вдруг твои стихи отобраны в печать...” Какие там цены на колбасу?! “Чудесная пора... Газета — две копейки, // А за копейку даст напиток автомат”.

Но где же сегодня заветный переулочек детства — место лучезарных надежд и крылатых мечтаний? Он погиб вместе с эпохой, которую вынес на своих плечах:

*Где дом мой? Картаво проносят вороны
Сквозь бывший чердак свой кортеж похоронный.
Неужто же век, что так злобен и гулок,
Задул, как свечу, мой родной переулочек?*

Если патефоны, примусы и корыта естественным образом уходят в прошлое, повинуйся техническому прогрессу, то безвременно утраченные чело-

веческие жизни – жизни друзей и ровесников – безусловно на совести “злого и гулкого века”:

*Всё слыло... Всё в Лету бесплотную слыло —
И Толик Харламов... И Пашка Сабилло...*

Негодились на постсоветском рыночном пространстве и друзья-писатели – бессребреники, “слепцы и поэты”, наивно мечтавшие о том, что “скоро – первая книга, // Наверно, пойдёт нарасхват...”. Умеющие дружить, но лишённые привычки бороться за место под солнцем, они тоже погасли, как свечи на ветру эпохи:

*Не толкались друзья мои —
Истово, злобно, без толку.
И ушли, не простившись, —
Негромкие слуги пера...*

Анатолий Аврутин не вершит своего суда над историей, не зачитывает приговоров тем или иным политикам – он лишь заставляет нас задуматься над происходящим. И всё же многие его строки звучат как горький упрек в неоправимости содеянного. В сердце поэта нет радужных надежд, и лишь стоицизм ещё ведёт его по жизни:

*В двадцатом столетии... Горе уму,
Когда этот ум существует для горя,
Впотьмах приближая вселенскую тьму
И вторя вселенскому ужасу, вторя.
Так дай же мне руку!.. Спокойней вдвоём
Под суетным, дерзостным небом Отчизны.
Мы вместе пришли сюда, вместе уйдём,
И в сердце ни горечи, ни укоризны.*

...ОТЗОВЁТСЯ ТОСКА МИРОВАЯ

Анатолий Аврутин – поэт, необычайно остро ощущающий быстротечность жизни, краткость земного бытия, бессилие и одиночество человека перед лицом вечности. Эта философская составляющая усиливает и без того невесёлый социальный мотив его стихов, ставя человеческое бытие на грань трагедийности.

*Один среди вселенской воли,
Не зная, прав я иль не прав,
Я всё стоял в холодном поле
И плакал времени в рукав.*

*Скорбел, что так оно промчалось,
Что юность — где она, лови...
И что-то вещее звучало
В моей измученной крови.*

*И это тихое звучанье
Соединяло в миг сквозной
И быль, и небыль, и роптанье,
И тьму за жёлтой пеленой...*

Соединяя “в миг сквозной” остроту одиночества (“Стою один... Не понятый никак”, “И вдруг станет ещё одиноче // От того, что гульба вдаль”, “Каждый – в своём одиночестве”) с брэнностью жизни (“Мы пришли и уйдём... // И от нас ничего не останется”, “О, эта жизни быстротечность, // Где вечность жаждет тишины”, “Сосёнка шумит над обрывом, // А корни подмыло уже...”, “Свет остановится в бледных очах, — // Значит, так надо...”),

Аврутин не раз подчёркивает, что такова же и печальная юдоль русского поэта:

*Писать стихи, пить водку, верить в Бога...
И Родиной измученной болеть...
Одна поэту русскому дорога —
Чуток сверкнуть и рано отгореть.*

*А отгоришь, не понят и не признан,
Останутся худые башмаки,
Пустой стакан, забытая Отчизна,
Божественность нечитанной строки...*

Невостребованность высоких помыслов, прозаичность жизни и приземлённость мечтаний, ставшие нормой человеческого существования, ранят поэта больше, чем “худые башмаки”, чем “в кармане дыра, и в убогой котомке — дырища”.

Есть у Аврутина стихотворение “И солнце в зените. И, радостный, я...” — о некогда модной песне “Гренада”:

*Все знали, конечно, что автор — Светлов.
И столько там было родного,
Что стало родным, как “Отчизна” и “кров”,
Чужое испанское слово.*

Бесхитростная история светловской “Гренады” — о том, как во время гражданской войны простой украинский парнишка покидает хату и уходит сражаться, “чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать”. Юный красноармеец гибнет (“отряд не заметил потери бойца”) не за свой земляной намер, не за собственное корыто, а за далёкую “Гренадскую волость” в Испании, которую он всего лишь “в книжке нашёл”. Вот уровень притязаний, вот мера бескорыстия и возвышенности задач, достойные человека!

Аврутин подчёркивает, что гибель безвестного мечтателя не оказывается напрасной: ведь “землю — в Гренаде! — крестьянам отдать // Давно, между прочим, успели” (поэт имеет в виду, что в Испании прочно утвердились элементы социализма). А русские ребята снова идут в бой, но уже не знают — за что и за кого?

*И снова на бархат похожий закат
В слезинках кровавых отметин.
И снова бесцельно дерётся отряд,
Потери бойца не заметив.
Но больше не вторят родные края:
“Гренада, Гренада, Гренада моя...”*

“Новые песни придумала жизнь. Не надо, ребята, о песне тужить!” — уверял Светлов. Не знал он, какие песни “придумает жизнь”. Корпоративный мажор, буржуазный гламур — вот что сегодня горланит “молодость мира”.

Хороша или плоха была страна, объединявшая шестую часть суши, но она подвигала человека на грандиозные задачи, на дерзновенный полёт мечты, на безудержную смелость замыслов. Отбери у человека такую возможность — и его существование становится бессмысленным. Вот отчего у Аврутина “... бесцельная жизнь остаётся единственной целью”; “... нам нечего сказать, нам некого беречь — // Последняя звезда сгорела в травостое”.

“Только грохни ведром — отзовётся тоска мировая...” Эта *мировая тоска* по возвышенному смыслу жизни и связанное с ней ощущение бесцельности пути в поэзии Аврутина часто выступают как образ темноты или тьмы (“извечной тьмы”, вселенской тьмы): “Опять недолог день... // Бредёшь меж тьмы и тьмы...”, “Вновь темнеет... Резко... Скоро...”, “... Тёмен полдень, тёмен день. И живёшь черне...”, “Тьма во тьму переходит, что хуже всего...”, “Не темноту презрев, но тьму, // Напрасно вглядываюсь в полночь...”, “Ты всё бродишь по свету, не зная, что кончился свет...”

*О, дайте свет! Пусть тусклый, пусть неверный,
Тот, что едва маячит вдалеке...*

Свет – противоположность тьмы – олицетворение смысла жизни и надежд на будущее. “Дайте свет!.. Хоть бы капельку света, // Хоть бы тихую строчку, // Чтоб громко воскликнуть: “Живём!” – закликает поэт. “Только б видеть и видеть, // А всё остальное – не в счёт”.

Свет нужен “забытому народу”, тому “смурному мужичонке”, который не только “с полочки ночует в бурьяне”, но и “...ловок // Венец за венцом возводит колокольню”. Он терпеливо вынесет физическую боль, но с укоризной пожалуется на боль душевную: “Кто заступник народный?.. // Чего он опять не идёт?..”

И всё же бывают восхитительные минуты, когда свет открывается взору поэта. “Но какой горизонт! // Но какой горизонт просветлённый!”

*И опять на песке блики белого-белого света,
И опять золотая небесно-невинная даль.
И светает в груди... И душа по-над бранным воздета,
И парит над тобой то ли Родина, то ли печаль.*

В такие мгновения невольно рождается мысль о том, что “тьма – предвестье будущего света”, и надежда на спасение неразрывна с судьбой Родины:

*Россия... Родина... Рябина...
Распятые... Реченька... Роса...
О, как светло и не картинно
Парят над лугом голоса!*

*Парят... Схлестнулись в этом пенье,
Как в тёплой капельке со лба,
Судьба... Смятение... Спасенье...
Строка... Спасение... Судьба...*

Продолжая лучшие традиции русской лирики, Анатолий Аврутин прочно утвердил в поэзии свой голос, свою интонацию.

Ему выпала не самая лёгкая задача – пронести классическую лиру “сквозь сумрак времён”, быть провидцем и стойком в чуждой ему по духу стихии. Но рукописи не горят, и жизнь не окончена...